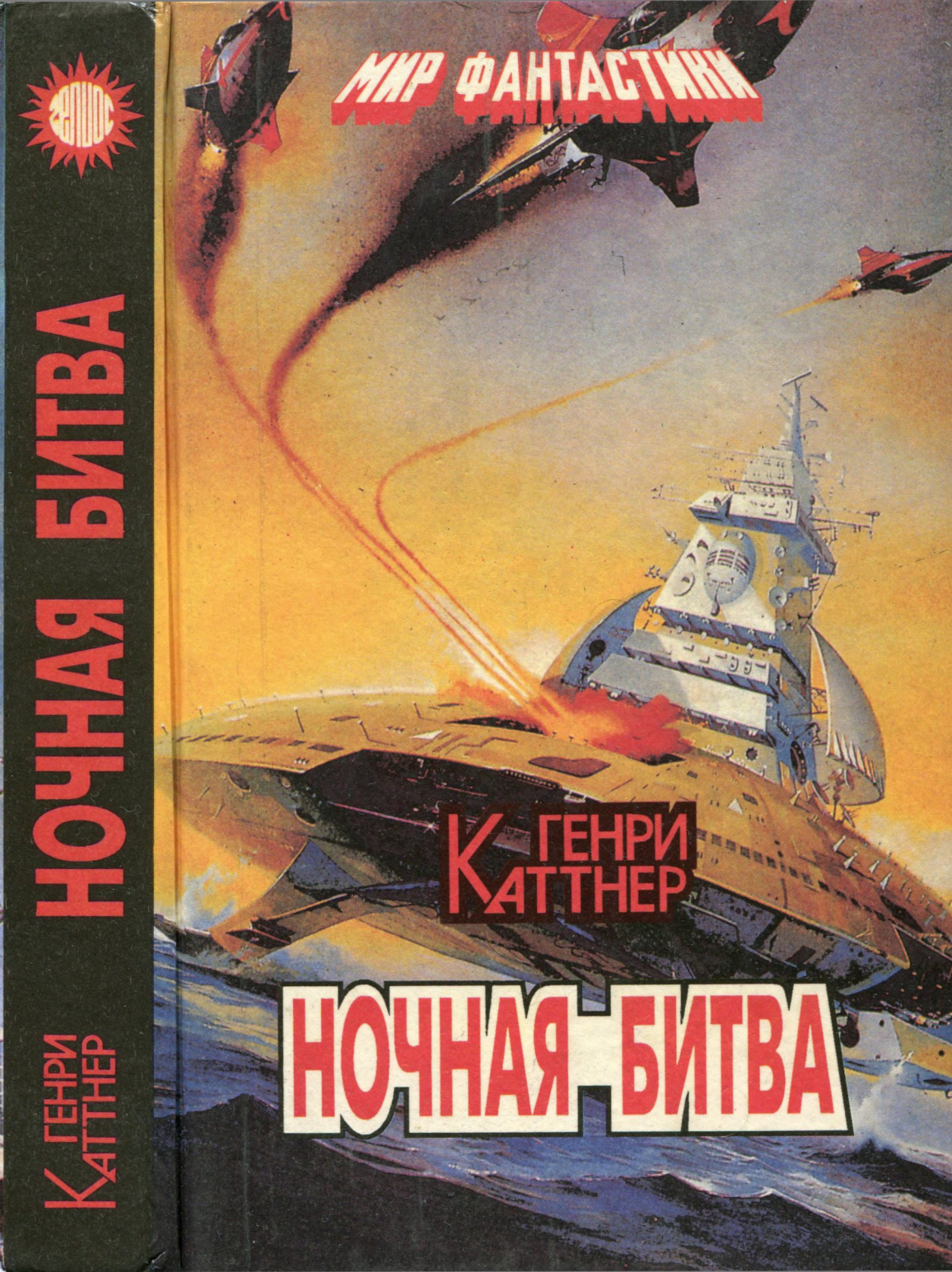
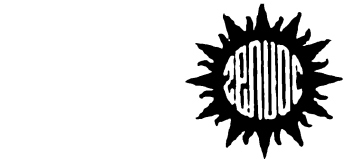

МИР ФАНТАСТИКИ
ГЕНРИ КАТТНЕР
НОЧНАЯ БИТВА
ГЕНРИ КАТТНЕР
НОЧНАЯ БИТВА

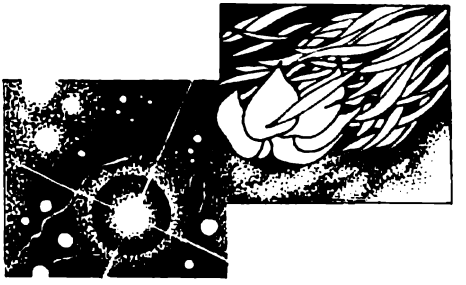

МИР ФАНТАСТИКИ

Генри Каттнер

НОЧНАЯ БИТВА

НПП "Параллель"
Н. Новгород,
1993

ББК 84.7 США

К 29

Художник Ю. Лук

На обложках использованы работы
Питера Джонса и Криса Фосса

К 29 Генри Каттнер. Ночная битва. Фантастические роман, повесть, рассказы. Пер. с англ. — Н.Новгород, НПП "Параллель" совместно с ТОО "Нижкнига", 1993. — 512 с.

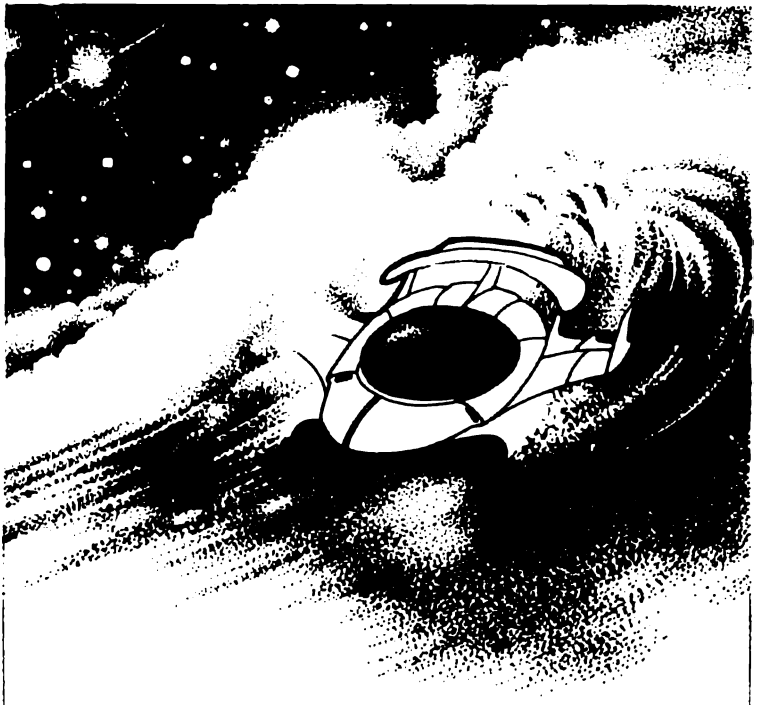
ISBN 5-86067-015-X

В третий том избранных произведений выдающегося американского фантаста Генри Каттнера (1915—1958) вошли рассказы из различных авторских сборников, а также повесть "Ночная битва" и роман "Одержимость", составляющие знаменитый "венерианский цикл".

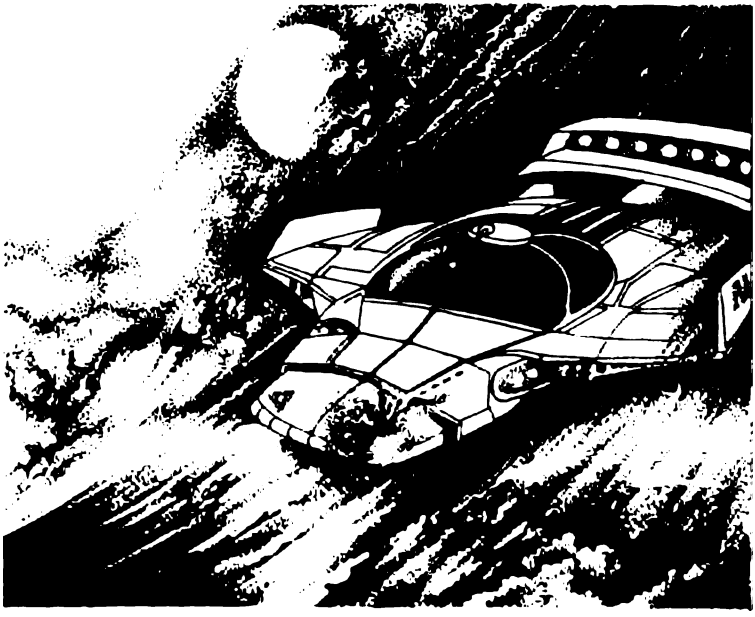
К $\frac{4703040100\text{-}012}{3E8(03)\text{-}93}$ без объявления ББК 84.7 США

ISBN 5-86067-015-X

© НПП "Параллель", перевод, 1993
© НПП "Параллель", Ю. Лук, иллюстрации, 1993

НОЧНАЯ БИТВА

В полумиле под поверхностью неглубокого венерианского моря стоит на дне черный купол из империума, он накрывает Монтану. Под ним идет карнавал: монтанцы празднуют четырехсотую годовщину высадки землян на Венеру. Под куполом ярко, разноцветно и весело. Мужчины и женщины в масках, целофлексе и шелке бродят по широким улицам, смеются, пьют крепкое венерианское вино. Дно моря и гидропонные бассейны перед праздником очистили от деликатесов, чтобы украсить столы благороднорожденных.

Сквозь карнавал скользят мрачные тени мужчин, по ним сразу видно, что они служат в Свободных Отрядах. Нарядная одежда не может скрыть это: кровь и годы войны наложили на этих людей неизгладимую печать. Под масками домино у них жесткие и суровые лица. Загар тоже отличает солдат от жителей подводных Куполов: ультрафиолетовые лучи легко проникают под облачный покров Венеры. Они — неприятное добавление к карнавалу; их уважают, но не любят. Они — Свободные Солдаты...

Все это происходит девять веков назад, под поверхностью Моря Мелей, чуть севернее экватора. Вся облачная планета усеяна подводными Куполами, и жизнь ее не из-

менится еще много столетий. Оглядываясь назад — как мы сейчас — с высот цивилизованного тридцать четвертого века, легко заметить, что жители Куполов были грубыми и фанатичными дикарями.

Уже давно исчезли Свободные Отряды, острова и континенты планеты покорены, войн нет. Но тогда, во времена перемен и яростного соперничества шли почти непрерывные войны. Купола боролись друг с другом, и каждый прилагал максимум усилий, чтобы выбить у другого ядовитые зубы, лишив его запасов кориума — главного источника силы в те дни. Студентам, занимающимся этим периодом, очень нравится изучать легенды, отыскивая в них общественные и геополитические тенденции. Хорошо известно, что лишь один фактор уберег Купола от взаимного уничтожения. Это было джентльменское соглашение, определяющее, что война — дело солдат. Оно позволило подводным городам развивать науку и культуру. Подобный компромисс, — вероятно, неизбежный — привел к появлению Свободных Отрядов — странствующих групп высококвалифицированных наемников, к которым обращались, когда какой-то Купол атаковали или он сам хотел напасть на другой.

Ап Таурн в своем знаменитом «Кольце Венеры» излагает эту сагу символическими легендами. Многие источники увековечили чистую правду, которая, к несчастью, слишком часто бывает жестокой. Однако мы, как правило, не вспоминаем, что обязаны современным высоким уровнем культуры именно Свободным Солдатам. Именно благодаря им война не вытеснила мирную общественную и научную работу, она была узкоспециализирована, а развитие техники привело к тому, что человеческая сила уже не имела особого значения. Отряды Свободных Солдат насчитывали по несколько тысяч человек или чуть больше.

Отрезанные от нормальной жизни в Куполах, солдаты вели странную одинокую жизнь. Их заранее обрекали на гибель, но они были необходимы, как допотопные животные, из которых в конце концов возник гомо сапиенс. Без этих солдат Купола втянулись бы в тотальную войну и конец был бы для всех один.

Свободные Солдаты — жестокие, рыцарственные и неукротимые, служащие богу войны так рьяно, что в конце концов его же и уничтожили — продирались сквозь страницы истории, а за ними в туманном воздухе Венеры плыло знамя Марса. Обреченные на гибель, как тиранозавры, они

так же яростно сражались, и в конце концов канули в вечность.

Стоит, однако, взглянуть на место, которое они занимали в Морскую Эру. Благодаря им цивилизация достигла и значительно превзошла уровень, до которого некогда развилась на Земле.

Свободные Солдаты занимают важное место и в межпланетной литературе. Впрочем, сейчас они уже перешли в легенды, поскольку были воинами, а войны исчезли сразу после Объединения. Однако, по духу они ближе нам, чем люди Куполов.

Эта история, опирающаяся и на легенды, и на факты, рассказывает о типичном солдате того времени. Впрочем, возможно, что его просто выдумали...

1

Брайан Скотт выпил обжигающий уисквеплюс и обвел взглядом прокуренную таверну. Это был сильный, плечистый мужчина с каштановыми волосами, чуть припорошенными сединой, и подбородком, чуть попорченным старым шрамом. Ему было за тридцать, выглядел он ветераном — собственно, ветераном он и был. Ему хватало здравого смысла, чтобы носить скромную одежду из целофлекса, а не крикливые шелка и радужные ткани, от которых рябит в глазах.

Снаружи, за прозрачными стенами, веселая толпа фланировала по движущимся Дорогам, но в таверне царила тишина, и слышен был только голос арфиста, он пел старую балладу. Наконец песня кончилась. Раздались жидкие хлопки, а потом из динамиков под потолком полилась оглушительная мелодия. Настроение тотчас переменилось. Мужчины и женщины в ложах и возле бара засмеялись, оживленно заговорили. Пары начали танцевать.

Стройная загорелая девушка с черными блестящими кудрями, рассыпанными по плечам, сидевшая рядом с Брайаном, вопросительно взглянула на него.

— Пойдем, Брайан?

Скотт вымученно улыбнулся.

— Пожалуй, Джина.

Он встал и она грациозно скользнула в его объятия. Брайан танцевал не очень хорошо, но недостаток умения возмещал тем, что подлаживался под девушку. Джина

подняла к нему лицо с высокими скулами и ярко-пурпурными губами.

— Забудь о Бинне. Он просто старается тебя завести.

Скотт глянул в сторону дальней ложи, там две девушки сидели в обществе мужчины, лейтенанта Фредерика Бинне из Отряда Дуне. Это был высокий костлявый человек со злым лицом, его правильные черты то и дело кривила саркастическая усмешка, а темные глаза колко поблескивали из-под кустистых бровей. Он как раз показывал пальцем на танцующую пару.

— Знаю, — сказал Скотт. — И это неплохо ему удается. Ну и черт с ним! Я теперь капитан, а он так и остался лейтенантом. Ему не повезло. В следующий раз он будет выполнять приказ, не станет ломать строй, пытаясь атаковать нахрапом.

— Так как же было на самом деле? — спросила Джина. — Об этом так много толкуют...

— Как всегда. Бинне давно ненавидит меня... впрочем, взаимно. Мы с самого начала на дух не переносим друг друга. Каждый раз, когда меня повышали, он локти кусал с досады. Если честно, он служит дольше меня и заслуживает продвижения в первую очередь, но корчит из себя большого умника, причем в самые неподходящие моменты.

— И много пьет, — добавила Джина.

— Это пусть. Мы уже три месяца в Куполе Монтана, и ребят замучило безделье. И такое вот отношение тоже. — Скотт кивнул в сторону двери, где сержант препирался с хозяином. — Нижним чинам, видите ли, вход запрещен. Черт бы их всех побрал!

Из-за шума они не могли слышать спора, но смысл его не вызывал сомнений. Наконец солдат плюнул на пол, выругался и ушел. Какой-то толстяк в пурпурных шелках одобрительно заметил: «Хоть здесь отдохнуть от солдафонов!»

Лейтенант Бинне встал и подошел к ложе толстяка. Руки его едва заметно дрожали.

«Плевать на этого штатского, — подумал Скотт. — Пойдет только на пользу, если Бинне расквасит ему морду».

Похоже, дело шло к тому — толстяк сидел с девушкой и вовсе не собирался отступать. Бинне явно говорил ему что-то оскорбительное.

Вспомогательный динамик выбросил из себя несколько быстрых слов, потерявшихся в общем гомоне. Однако тре-

нированное ухо Скотта ухватило смысл. Он кивнул Джине, многозначительно причмокнул и сказал:

— Вот так-то.

Девушка тоже услышала и отпустила его. Капитан направился к ложе толстяка как раз в тот момент, когда началась драка. Штатский, красный как индюк, ударил внезапно, случайно попав по скуле Бинне. Лейтенант, неприятно улыбаясь, отступил на шаг и сжал кулаки. Скотт схватил его за плечо.

— Спокойно, лейтенант.

Бинне в ярости повернулся к нему.

— Не лезь не в свое дело. Дай мне...

Толстяк заметил, что его противник отвлекся, почувствовал прилив отваги и набросился на лейтенанта. Скотт заслонил Бинне и наотмашь ударил штатского по лицу, одновременно сильно толкнув. Толстяк повалился на свой столик, а когда поднялся, увидел в руке Скотта оружие.

— Займитесь лучше вязанием, — сухо посоветовал ему капитан.

Толстяк облизал разбитые губы, помешкал, но все-таки сел, бормоча что-то о чертовых сукиных детях — Свободных Солдатах.

Бинне старался высвободиться и был уже готов ударить капитана. Скотт спрятал оружие в кобуру.

— Приказ, — сказал он, кивнув на динамик. — Слышал?

«...мобилизация. Людям Дуне собраться в штабе. Капитану Скотту явиться в Администрацию. Срочная мобилизация...»

— Ясно, — процедил Бинне, все еще взбешенный. — О'кей, я понял. Но на эту гниду мне хватит пары минут.

— Ты забыл, что такое срочная мобилизация? — повысил голос Скотт. — Может, придется сразу выступать. Это приказ, лейтенант.

Бинне с видимым разочарованием козырнул и ушел, а Скотт направился к своей ложе. Джина взяла перчатки и сумочку, быстро подкрасила губы.

— Я буду дома, Брайан, — сказала она совершенно спокойно. — Удачи.

Он быстро поцеловал ее, чувствуя нарастающее возбуждение в предчувствии близкого боя. Джина понимала его. Улыбнувшись, она легонько погладила его по голове, встала, и они бок о бок вышли в веселый хаос Дорог.

Душистый ветерок коснулся лица Скотта, и он скривился. Во время карнавалов Купола становились для Сво-

бодных Солдат еще менее приятны, чем обычно. Они еще мучительнее ощущали пропасть, что отделяла их от жителей подводных городов. Скотт проложил себе дорогу сквозь толпу, таща Джину к скоростному центральному полотну. Они нашли себе сидячие места.

На развилке в форме клеверного листа Скотт покинул девушку и направился в сторону Администрации — группы высоких зданий в центре города, где располагались основные технические и политические департаменты. Только лаборатории находились в пригородах, ближе к основанию Купола. Примерно в миле от города стояло несколько маленьких исследовательских куполов, но там проводили только самые опасные эксперименты. Взглянув вверх, Скотт вспомнил катастрофу, превратившую науку в подобие масонской ложи. Над центральной площадью висел свободный от пут гравитации глобус Земли, полуприкрытый черным пластиковым саваном. В каждом Куполе была такая же вечная памятка об утраченной родной планете.

Взгляд Скотта последовал еще дальше, к куполу, словно мог пройти сквозь империум, полмили воды и облачный покров к висящей в пространстве белой звезде, светимостью в четыре раза меньше Солнца. Это все, что осталось от Земли после того, как два столетия назад ученые расщепили атом. Катастрофа ширилась, как пожар, перепахивая континенты, сравнивая горы с равнинами. В библиотеках хранились видеозаписи этого апокалипсиса. Возникла религиозная секта — Люди Нового Суда — призывавшая к полному уничтожению науки. И по сей день кое-где существовали последователи этого учения. Однако, когда техники, объединившись, раз и навсегда запретили эксперименты с атомной энергией и постановили, что ее применение должно караться смертью, секта почти полностью утратила свое влияние. Техники никого не принимали в свое сообщество без обязательной «Клятвы Минервы».

«...работать на благо людей... предпринимая все возможные предосторожности... получать у властей разрешение на проведение рискованных экспериментов, представляющих опасность для человечества... никогда не забывать оказанного мне доверия и всегда помнить о смерти родной планеты, вызванной неправильным использованием знания...»

Земля. На взгляд Скотта это был странный мир. Например, там был солнечный свет, не профильтрованный сквозь облачный покров. На Земле оставалось совсем не-

много неизученных районов, а здесь, на Венере, где еще не освоили континенты, было одно сплошное пограничье. В Куполах властвовала высокоспециализированная общественная культура, а на поверхности царил первобытный лес, там только Свободные Солдаты держали свои Крепости и флот. Флот служил для сражений, а в Крепостях жили техники, поставлявшие новейшие средства для ведения войны. В Куполах терпели визиты Свободных Отрядов, но не давали им места для штаб-квартир — настолько сильна была неприязнь, настолько глубока была в сознании штатских пропасть между войной и мирным развитием цивилизации.

Движущаяся дорога под ногами Скотта превратилась в лестницу и подняла его к зданию Администрации. Скотт перешел на другую Дорогу — та доставила его к лифту — и спустя несколько он минут уже стоял перед портьерой с портретом Дэна Кросби, президента Купола Монтана.

— Входите, капитан, — донесся голос Кросби, и Скотт, пройдя за портьеру, оказался в небольшой комнате. Стены здесь были покрыты фресками, а большое окно открывало вид на город. Кросби сидел за столом. «Он похож на старого потасканного клерка из романа Диккенса», — подумалось Скотту. На деле же, Кросби был одним из крупнейших социополитиков Венеры.

Цинк Рис, командир Свободного Отряда Дуне, сидел в кресле, являя собой полную противоположность Кросби. Казалось, вся влага из тела Риса испарилась под лучами ультрафиолета много лет назад, оставив мумию из коричневой кожи и мышц. В этом человеке не было ни следа мягкости, его улыбка больше походила на гримасу, а мускулы под смуглой кожей — на тросы.

Скотт козырнул, и Рис жестом разрешил ему сесть. Тлеющий в глазах цинка жар говорил о многом — орел упивался запахом крови. Кросби почувствовал это, и на его бледном лице появилась саркастическая улыбка.

— Каждый должен выполнять свою работу, — с иронией сказал он. — Думаю, после такого долгого отпуска я стал бы никуда не годен. Но на этот раз, цинк Рис, вас ждет серьезная битва.

Мускулы Скотта автоматически напряглись. Рис взглянул на него.

— Атакует Купол Вирджиния. Они наняли Морских Дьяволов, отряд Флинна.

Воцарилась тишина. Обоим Свободным Солдатам не терпелось обсудить предстоящую операцию, но они не хо-

тели начинать этот разговор в присутствии штатского, даже если это сам президент Купола Монтана. Кросби встал.

— Значит, с деньгами вопрос решен!

— Да, — подтвердил Рис. — Думаю, битва произойдет через несколько дней. Вероятно, вблизи Венерианской Впадины.

— Хорошо. Надеюсь, вы позволите мне выйти на несколько минут! Я буду... — Не закончив фразы, он откинул портьеру и вышел.

Рис угостил Скотта сигаретой.

— Капитан, что вы что-нибудь знаете о Морских Дьяволах?

— Знаю, что одни мы не справимся.

— Верно. У нас не хватает ни людей, ни вооружения. А Морские Дьяволы недавно объединились с Легионом О'Брайена, когда сам О'Брайен погиб в полярной авантюре. Это сильный отряд, очень сильный. К тому же у них есть неприятная особенность — они предпочитают атаковать подводными лодками. Думаю, придется использовать план «Аш-семь».

Скотт зажмурился, мысленно перелистывая картотеку. Каждый отряд Свободных Солдат имел постоянно обновляемые планы боевых действий применительно к другим отрядам. Их уточняли, когда происходили перегруппировки, когда военные единицы объединялись и расклад сил менялся в пользу той или иной стороны. Планы были настолько детальны, что их можно было реализовать в любой момент. План «Аш-семь», насколько помнил Скотт, предполагал использование услуг Банды — небольшого, но отлично организованного отряда Свободных Солдат под командой цинка Тома Мендеса.

— Хорошо, — сказал Скотт. — Мы можем их нанять.

— Пожалуй. Цена еще не определена. Я связывался с ними по видеофону на тайном канале, но они уходят от прямого ответа. Мендес будет тянуть до последней минуты, чтобы продиктовать свои условия.

— Чего они хотят?

— Пятьдесят тысяч наличными и пятьдесят процентов добычи.

— По-моему, хватит и тридцати.

Рис кивнул и добавил:

— Я предложил ему тридцать пять. Я думаю послать тебя в их Крепость с неограниченными полномочиями. Конечно, можно обратиться и к другому отряду, но у Мендеса отличные суда с подводными детекторами, они

лучше всего подходят против Морских Дьяволов. Может, мы еще договоримся по видеофону, но если нет, тебе придется поехать к Мендесу и попытаться сбить цену раза в два.

Скотт потер старый шрам на подбородке.

— А тем временем лейтенант Бинне будет отвечать за мобилизацию. Когда...

— Я связался с нашей Крепостью. Воздушные транспортники уже в пути.

— Это будет неплохая битва, — ответил Скотт, и взгляды мужчин встретились.

Рис тихо засмеялся.

— И неплохая добыча. У Купола Вирджиния много кориума... не знаю сколько именно, но много.

— Чем на сей раз вызвано нападение?

— Думаю, все как всегда, — равнодушно ответил Рис. — Имперские замашки. Кто-то из Купола Вирджиния разработал новый план овладения остальными крепостями. Все как всегда.

Когда портьера отошла в сторону, они встали, приветствуя президента Кросби, какого-то мужчину и девушку. Мужчина выглядел молодо, жгучие лучи еще не превратили его лицо в окаменевшую маску. Девушка была так прелестна, что даже напоминала пластиковую куклу. Волосы ее были модно острижены, а глаза, как обратил внимание Скотт, были ярко-зелеными. Красота ее была необычна — девушка очаровывала с первого взгляда.

— Моя племянница Илен Кэн, — сказал Кросби, — и племянник Норман Кэн.

Потом он представил офицеров, и все заняли свои места.

— Может, выпьем чего-нибудь? — предложила Илен. — Здесь у вас все официально до тошноты. Кроме того, война еще не началась.

Кросби покачал головой.

— Никто тебя сюда силком не тащил. Не пытайся превратить совещание в вечеринку, у нас мало времени.

— Ладно, — буркнула Илен. — Я могу подождать. — Она с откровенным интересом разглядывала Скотта.

— Я хотел бы вступить в Свободный Отряд Дуне, — вставил Норман Кэн. — Заявление я уже подал, но сейчас, когда вот-вот начнется война, мне бы очень не хотелось ждать, пока его рассмотрят. Поэтому...

Кросби взглянул на Риса.

— Я поддерживаю его просьбу, хотя решение, конеч-

но, за вами. Мой племянник не такой как все: он романтик и никогда не любил жизнь в Куполе. Год назад он уехал и вступил в отряд Старлинга.

— В эту банду? — Рис поднял брови. — Это не лучшая рекомендация, Кэн, — ведь они даже не имеют статуса Свободного Отряда. Скорее, это банда террористов, совершенно лишенных понятия о чести. Говорят даже, что они используют атомное оружие.

Кросби удивленно посмотрел на него.

— Я ничего такого не слышал.

— Это всего лишь слухи. Если же они когда-нибудь подтвердятся, Свободные Отряды — все до единого — объединятся и разнесут Старлинга в пыль.

Норман Кэн смутился.

— Я вел себя глупо. Но мне хотелось участвовать в сражениях, а группа Старлинга без разговоров приняла меня.

Цинк откашлялся.

— Это в их стиле. Лихие романтики, не понимающие, что такое настоящая война. У них всего лишь полтора десятка техников. И никакой дисциплины... как у пиратов. Современную войну, Кэн, не могут выиграть романтичные дикари, гоняющиеся за безнадежными иллюзиями. Современный солдат — это тактик, который умеет думать и объединять все свои силы в одно целое, и к тому же дисциплинированный. Если ты вступишь в наш Отряд, придется забыть все, чему ты научился у Старлинга.

— Так вы меня берете?

— Боюсь, это не совсем разумно. Сначала ты должен пройти обучение.

— Но у меня есть опыт...

— Вы окажете мне личное одолжение, цинк Рис, — сказал Кросби, — если согласитесь принять его. Раз уж мой племянник хочет стать солдатом, я охотнее всего отдал бы его в Отряд Дуне.

Рис пожал плечами.

— Что ж, хорошо. Капитан Скотт распорядится насчет тебя, Кэн. И помни: главное у нас — дисциплина.

Парень с трудом сдержал радостную улыбку.

— Спасибо!

— Капитан, — добавил Рис.

Скот встал, кивнул Кэну, и они вместе вышли. В приемной стоял видеофон, и Скотт вызвал временный штаб Дуне в Куполе Монтана. Оператор, принявший вызов, вопросительно смотрел на него с экрана.

— Говорит капитан Скотт. У нас пополнение.

— Да, капитан. Готов фиксировать.

Скотт подтолкнул Кэна вперед и приказал:

— Сделай снимок этого человека, он отправляется прямо в штаб. Имя — Норман, фамилия — Кэн. Внеси его в список без обучения, это личный приказ цинка Риса.

— Принято, капитан.

Скотт выключил аппарат. Кэн никак не мог справиться с улыбкой.

— Готово, — буркнул капитан с ноткой симпатии в голосе. — Все улажено. Какая у тебя специальность?

— Водолеты, капитан.

— Хорошо. И еще одно: не забывай, что сказал цинк Рис. Дисциплина чертовски важна, а ты, возможно, еще не до конца понял это. Сейчас идет не война плаща и кинжала, не кавалерийская атака. Увлекательные приключения ушли в прошлое вместе с крестоносцами. Выполняй приказы, и у тебя не будет неприятностей. Удачи тебе.

— Спасибо, капитан. — Кэн козырнул и ушел, широко шагая и раскачиваясь на ходу. Скотт усмехнулся. От этого парень быстро отучится.

Женский голос, раздавшийся совсем рядом, заставил его резко повернуться. Рядом стояла Илен Кэн, стройная и прелестная в своем наряде из целофлекса.

— Оказывается, вы достаточно человечны, капитан, — заметила она. — Я слышала, что вы говорили Норману.

Скотт пожал плечами.

— Я сказал это для его пользы и для блага Отряда. Даже один безрассудный солдат может причинить массу неприятностей, мисс Кэн.

— Я завидую Норману, — ответила она. — Вы ведете восхитительную жизнь, и мне бы тоже хотелось так пожить... немного. Я — один из тех отходов цивилизации, которые совсем уж ни на что не годны. По этой причине один свой талант я довела до совершенства.

— Какой?

— Думаю, это можно назвать гедонизмом. Я наслаждаюсь жизнью, скучать почти не приходится, но именно сейчас я скучаю. Мне нужно поговорить с вами, капитан.

— Слушаю, — сказал Скотт.

Илен Кэн скривилась.

— Я не то имею в виду. Я хотела бы поглубже проникнуть в вашу душу, но безболезненно. Скажем, ужин и танцы... это реально?

— Сейчас нет времени, — ответил Скотт. — В любой момент мы можем получить приказ...

Он сам не знал, хочет ли пойти с этой девушкой, хотя она его заинтересовала. Илен представляла собой самую интересную часть неизвестного ему мира, а все прочее его совершенно не трогало. Геополитика или наука, не связанная с армией, ничего не говорили Скотту, были слишком чужды для него. Однако все люди соприкасаются в одной точке — удовольствии. Скотт еще мог понять развлечения подводного общества, но их работа и обычаи были для него совершенно чужды.

Портьера откинулась, вошел цинк Рис, прищурился.

— Мне нужно кое-что вам передать, капитан, — объявил он.

Скотт понял значение этих слов: прошли предварительные переговоры с цинком Мендесом. Он кивнул головой.

— Слушаюсь. Мне явиться в штаб?

Суровое лицо Риса как будто расслабилось, когда он взглянул на Илен, а потом на Скотта.

— До рассвета можешь быть свободен. До тех пор ты мне не нужен, но в шесть утра явись в штаб. Само собой, у тебя есть личные дела.

— Понял, цинк, — Скотт проводил Риса взглядом. Конечно, он имел в виду Илен, но она этого не знала.

— Ну как? — спросила она. — Я отвергнута? Могли бы хоть угостить меня коктейлем.

Времени впереди было много.

— С удовольствием, — ответил Скотт.

Илен протянула ему руку, и они спустились в лифте на нижний уровень.

Когда они встали на одну из Дорог, Илен повернула голову и перехватила взгляд Скотта.

— Я кое-что забыла, капитан. Ведь вы могли условиться с кем-нибудь заранее, а я даже...

— Я ничего не планировал, — ответил он. — Ничего существенного.

И это была правда. Поняв ее, он почувствовал благодарность к Джине. Связь с ней была довольно своеобразной и самой разумной при его профессии. Это называли свободным супружеством. Джина была ему не женой и не любовницей, а чем-то средним. Свободные Солдаты не имели привычки к семейной жизни. В Куполах они были гостями, а в своих крепостях — солдатами. Взять женщину в крепость — все равно, что оставить корабль на линии

огня. Вот почему женщины Свободных Солдат жили в Куполах, перебираясь из одного в другой следом за своими мужчинами, а поскольку над солдатами всегда висела тень смерти, связь эта была достаточно свободной. Джина и Скотт жили в свободном супружестве пять лет, никогда не ставя друг другу никаких условий. Никто не ждал верности от Свободного Солдата. Они подчинялись железной дисциплине, а когда расслаблялись в периоды мира, маятник отклонялся в обратную сторону.

Для Скотта Илен была ключом, который мог бы открыть ему двери Купола — двери, ведущие в мир, к которому он не принадлежал и которого не мог до конца понять.

2

Скотт обнаружил такие изыски, о которых даже не подозревал. Илен, страстная гедонистка, посвящала свою жизнь именно таким тонкостям, они составляли смысл всех ее действий. Например, вот такая мелочь: чтобы придать особый вкус крепкому коктейлю «Лунный Цветок», нужно процеживать его через насыщенный лимонным соком кусочек сахара, зажатый между зубами. Скотт всю жизнь предпочитал уисквеплюс, и как каждому солдату, ему не нравилось то, что он называл гидропонными напитками. Однако коктейли Илен, действовали но менее успешно, чем терпкий, жгучий, янтарный уисквеплюс. В эту ночь она научила его таким тонкостям, как паузы между глотками, чтобы вдохнуть газа счастья, как объединение чувственного возбуждения с психическим при помощи аттракционов луна-парка. Все это могла знать только девушка вроде Илен. Но она не была типичной обитательницей Купола. По ее словам, она была отростком, случайным и бесполезным цветком на большой виноградной лозе, тянувшейся вверх многими побегами — учеными, техниками и социополитиками. Илен, как и Скотт, была по-своему обречена на гибель. Подводные жители служили Минерве, Скотт — Марсу, а Илен — Афродите, не только как богине любви, но и как покровительнице искусства и наслаждения. Между Скоттом и Илен была такая же разница, как между Вагнером и Штраусом, как между гремящим аккордом и переливчатым арпеджио. В обоих сквозила приглушенная горько-сладкая печаль, на которую сами они редко обращали внимание. Их объединяло чувство какой-то безнадежности.

Во время карнавала ни Илен, ни Скотт не надевали масок. Лица их были как бы масками сами по себе. Оба развили в себе сдержанность, хотя каждый своим способом. Сжатые губы Скотта сохраняли свое сильное выражение, даже когда он улыбался. А Илен улыбалась так часто, что это не имело никакого значения.

Далеко за полночь они сидели на Олимпе, и стены вокруг них словно бы исчезли. Быстро гонимые волны серых, слегка подсвеченных туч хаотично проплывали мимо, приглушенные воем искусственного ветра. Они были одни, словно древние боги.

«Земля же была безвидна и пуста, и дух божий носился над водою...»* Вне этого помещения не было ни людей, ни мира; здесь автоматически менялись ценности, а психические тормоза теряли смысл и цель.

Скотт лег поудобнее на полупрозрачном кресле, похожем на облако. Илен поднесла к его ноздрям баллончик с газом счастья, но капитан покачал головой.

— Не сейчас, Илен...

Она выпустила баллончик, и он покатился по полу.

— Я тоже не хочу. Излишек вызывает пресыщение, Брайан. Всегда должно оставаться что-то непознанное, такое, что можно попробовать в следующий раз. У тебя это есть, у меня — нет.

— Каким это чудом?

— Удовольствия... тут есть некие пределы человеческой выносливости. Со временем я выработала в себе психическую и физическую устойчивость ко всему. Если же говорить о тебе, то твое приключение всегда последнее — ты не знаешь, когда придет смерть, не можешь ее предвидеть. Планировать наперед скучно, ценны только неожиданности.

Скотт покачал головой.

— Смерть тоже не интересна — она разом зачеркивает все и вся. Или же... — он заколебался, подыскивая слова. — В этой жизни ты можешь планировать, можешь вырабатывать ценности, поскольку они опираются на некие основы. Скажем, на арифметику. А смерть — это переход к иным ценностям, совершенно неведомым. Законы арифметики неприменимы к геометрии.

— Думаешь, у смерти есть свои правила?

— Возможно, это полное отсутствие правил, Илен. Человек живет, зная, что жизнь подчинена смерти... на этом

---

* Ветхий Завет. Книга Бытие, гл. 1, ст. 2.

стоит цивилизация. Потому-то цивилизация опирается на целую расу, а не на единицу. Общественный инстинкт.

Она серьезно смотрела на него.

— Вот уж не думала, что Свободный Солдат окажется философом.

Скотт закрыл глаза и расслабился.

— В Куполах ничего не знают о Свободных Солдатах. И не хотят знать. А мы — люди. Вполне интеллигентные люди. Наши техники так же искусны, как ученые Куполов.

— Но работают на войну.

— Война неизбежна, — заметил Скотт. — По крайней мере, сейчас.

— Ты мог бы рассказать, как вляпался во все это?

Он рассмеялся.

— О, тут нет никаких страшных тайн. Я вовсе не беглый убийца. Родился в Куполе Австралия. Отец был техником, зато дед — солдатом. Думаю, это у меня в крови. Я перепробовал много занятий и профессий, и все без толку. Мне хотелось чего-то такого... черт возьми, сам не знаю, чего. Такого, что захватывает тебя всего, без остатка, как сражение. Это почти религия. Скажем, сектанты — Люди Нового Суда — явные фанатики, но для них религия — единственная ценность.

— Это бородатые, грязные и не совсем нормальные люди.

— Потому что их религия основана на ложных предпосылках. Есть и другие религии, стоящие на иных принципах, но для меня любая религия была бы слишком пресной.

Илен внимательно смотрела на его суровое лицо.

— Ты предпочел бы орден меченосцев? Или скажем, Мальтийских Рыцарей, сражающихся с сарацинами?

— Пожалуй. У меня не было никакой системы ценностей. Кроме того, я солдат.

— А какое значение имеют для тебя Свободные Отряды?

Скотт открыл глаза, улыбнулся девушке и вдруг сделался похожим на мальчишку.

— В сущности, небольшое. Они действуют на чувства. Если подумать, поймешь, что это просто липа, такой же вздор как Люди Нового Суда. Войны — пережиток прошлого. У нас нет никакой настоящей цели. Думаю, большинство из нас понимают, что у Свободных Отрядов нет будущего. Через пару сотен лет...

— И все же ты остаешься с ними. Почему? Ведь не из-за денег же?

— Нет... Это как наркотик. Вспомни древних викингов с их безумной храбростью. Мы им сродни. Для людей из Крепостей их Отряд — это отец, мать, ребенок и Господь всемогущий. Он сражается с другими Свободными Отрядами, но ненависти к ним не испытывает: ведь все они служат одному божку на глиняных ногах. Каждая победа, равно как и поражение, приближает общий конец. Мы сражаемся, чтобы защитить культуру, которая в результате откажется от нас. Куполам — когда они наконец объединятся — не нужны будут вооруженные силы. И я вижу в этом некую закономерность. Будь войны неотъемлемой частью цивилизации, каждый Купол держал бы свою армию. Но они изолируются от нас; мы для них — неизбежное зло. Если бы можно было покончить с войной прямо сейчас! — Скотт непроизвольно стиснул кулаки. — Так много мужчин нашли бы свое счастье в Куполах. Но пока будут существовать Свободные Отряды, будут и добровольцы.

Илен пила коктейль, глядя на серый хаос туч, волнами проплывающих мимо. В приглушенном мерцающем свете лицо Скотта походило на черную глыбу со светлыми пятнышками, мерцающими в его глазах. Она осторожно коснулась его руки.

— Ты солдат, Брайан, и не сможешь измениться.

Скотт горько улыбнулся.

— Конечно, нет, мисс Илен Кэн! Или ты думаешь, что война — это только нажимать на курок? Я армейский стратег, и это потребовало от меня десяти лет зубрежки, причем куда более напряженной, чем в Техническом Институте Купола. Я должен знать о войне все, начиная с траектории снаряда и кончая психологией толпы. Это самая крупная ветвь науки, известная в Системе. И самая бесполезная, поскольку война умрет, самое большое, через пару веков. Илен, ты никогда не видела Крепости Свободных Солдат. Там процветает наука, настоящая наука, хотя она и направлена исключительно на военные цели. У нас есть собственные психологи и инженеры, они рассчитывают все — от артиллерии до коэффициента трения на водолетах. У нас есть литейные заводы и мельницы. Каждая Крепость — это город, созданный для войны, подобно тому, как Купола созданы для технического прогресса.

— Это так сложно?

— Исключительно сложно и совершенно безнадежно.

Многие из нас понимают это. Да, мы сражаемся, потому что уже не можем без этого. Мы обожаем наши Отряды и живем только во время войны, а это ущербная жизнь. В Куполах жизнь значительно полнее. У вас есть работа и развлечения, созданные специально для вас. А нам они не подходят.

— Для меня тоже, — заметил Илен. — Всегда ведь бывают неприспособленные. У тебя же есть raison d'etre* — ты солдат. А я не могу вести жизнь, состоящую из одних удовольствий, но другого выхода у меня нет.

Пальцы Скотта сжали ее ладонь. — Ты, по крайней мере, продукт цивилизации, а я стою вне ее.

— С тобою, Брайан, все могло бы стать лучше. На минуту. Сомневаюсь, что дольше.

— Да, могло бы.

— Это теперь ты думаешь так. Наверное, ужасно чувствовать себя тенью.

— Конечно.

— Я хочу быть с тобой, Брайан, — сказала Илен, повернув к нему лицо. — Хочу, чтобы ты остался здесь. Мне нужна твоя сила, а я могу научить тебя, как лучше прожить такую жизнь, как в нее войти. Показать, что такое настоящий гедонизм. Ты мог бы, составить мне компанию.

Скотт молчал и Илен некоторое время вглядывалась в него.

— Неужели война так много значит для тебя? — спросила она наконец.

— Нет, — ответил он. — Вовсе нет. Это как воздушный шарик: ты знаешь, что внутри он пуст. «Часть отряда!» — Он рассмеялся. — Вообще-то, я не испытываю колебаний, я слишком сам по себе. Общество не может базироваться на обреченных фантазиях. Я думаю, что главное — это мужчины и женщины, и просто ничего больше.

— Мужчины и женщины или человечество?

— Нет, не человечество, — неожиданно резко сказал он. — Пусть человечество катится к дьяволу — оно не сделало для меня ничего хорошего. Я могу приспособиться к новому образу жизни, не обязательно к гедонизму. Я — специалист во многих областях и смогу найти работу в Куполе Монтана.

— Как хочешь. Я никогда не пробовала. Наверное, я фаталистка. А... что будет с нами, Брайан?

---

* Raison d'etre (фр.) — смысл существования.

В призрачном свете ее глаза сверкали словно изумруды.

— Я вернусь, — ответил Скотт. — И останусь здесь навсегда.

— Вернешься? — переспросила Илен. — А почему бы тебе не остаться прямо сейчас?

— Наверное, потому, что я полный идиот. Я нужен цинку Рису.

— Рису или Отряду?

Скотт хитро улыбнулся.

— Нет, не Отряду. Просто у меня есть дело, которое нужно сделать. Я много лет был рабом, делал вид, что для меня важен явный вздор, знал, что поклоняюсь соломенному снопу... Нет, я хочу жить как ты, такой жизнью, о которой прежде ничего не знал. Я вернусь, Илен. Это серьезнее, чем любовь. По отдельности мы лишь половинки, а вместе можем составить целое.

Она молча смотрела на Скотта. Он наклонился и поцеловал ее.

На рассвете он вернулся домой. Джина уже упаковала его вещи и теперь спала, разметав темные волосы по подушке. Скотт не стал будить ее. Он тихо побрился, принял душ и оделся. Город был похож на чашу, до краев заполненную неподвижностью и ожиданием.

Когда он вышел из ванной, застегивая форменку, стол был уже раздвинут, и перед ним стояли два стула. Вошла Джина в широком халате, поставила чашки и налила кофе.

— Доброе утро, солдат, — сказала она. — Найдешь время на завтрак?

— Угу. — Скотт, слегка поколебавшись, поцеловал ее.

До этой минуты разрыв с Джиной казался ему простым делом. Она не будет протестовать. В конце концов, это главное в свободном супружестве. И все же...

Она села в кресло и распечатала пачку сигарет.

— Устал?

— Нет. Я накачался витаминами и чувствую себя вполне хорошо. — В большинстве баров имелись освежающие кабинеты, где можно было снять эффект слишком большого количества возбуждающих веществ, и Скотт чувствовал себя по-настоящему хорошо. Он задумался, как сказать Джине об Илен, но она избавила его от этих забот.

— Если это девушка, Брайан, то не беспокойся. Нет смысла принимать решение, пока не кончилась война. Она долго продлится?

— Нет. Думаю, неделю или около того. Ты же знаешь — одно сражение может все решить. Эта девушка...

— Надеюсь, не из Купола?

— Из Купола.

Джина удивленно вытаращилась на него.

— Ты спятил...

— Я как раз хотел объяснить, — нетерпеливо ответил Скотт, — дело не только в ней. Мне осточертел Отряд Дуне, и я хочу покончить с этим.

— Таким вот образом?!

— Да, таким вот образом.

Джина покачала головой.

— Женщины Куполов слабы.

— Так и должно быть, ведь их мужчины не солдаты.

— Делай, как знаешь. Я буду ждать твоего возвращения. Понимаешь, Брайан, мы были вместе пять лет и хорошо приспособились друг к другу. И дело не в философии или психологии, тут все гораздо сложнее. Мы — это мы. Как мужчина и женщина, мы можем неплохо жить и дальше. А есть ведь еще и любовь. Эти чувства важнее того, что маячит где-то в перспективе. Тебя могут волновать будущие радости, но ты не можешь их переживать.

Скотт пожал плечами.

— Скажем так: я начал забывать о планах на будущее и сосредоточился на Брайане Скотте.

— Еще кофе?.. Я пять лет езжу за тобой от Купола к Куполу, и каждый раз, когда ты идешь на войну, жду и гадаю, вернешься ли ты. Я просто частица твоей жизни. Иногда мне казалось, что самая важная. Солдата в тебе семьдесят пять процентов, я — остальные двадцать пять. Я считала, что тебе нужны эти двадцать пять процентов, по-настоящему нужны. Ты можешь найти себе другую женщину, но и она потребует для себя эти двадцать пять процентов.

Скотт ничего не ответил. Джина выдохнула дым.

— О'кей, Брайан. Я подожду.

— Дело здесь не только в той девушке. Случайно она подходит к модели, которая мне нужна. А ты...

— Я никогда не могла приспособиться к такой модели, — мягко ответила Джина. — Свободным Солдатам нужны женщины, готовые стать их женами. Если угодно, незаконными женами. Главное здесь — не требовать слишком

много. Правда, есть и другие причины. Нет, Брайан, даже ради тебя я не смогу превратиться в жительницу Купола. Это была бы уже не я. Я перестала бы себя уважать, если бы вела фальшивую, в моем представлении, жизнь. Да и ты перестал бы любить меня. Уж лучше оставаться собой, женой солдата. Пока ты будешь служить в Отряде Дуне, я буду тебе нужна. Но если ты изменишься...

Скотт нахмурился и закурил.

— Трудно сказать наперед.

— Может, я тебя не понимаю, но зато не задаю вопросов и не пытаюсь на тебя влиять. Пока ты нуждаешься во мне — я с тобой. Большего я предложить не могу, но для Свободного Солдата и этого хватит. А для жителя Купола этого либо слишком мало, либо слишком много.

— Мне будет тебя не хватать, — сказал он.

— Это мне будет тебя не хватать. — Хотя под столом она крепко сжимала пальцы, лицо ее не изменило выражения. — Уже поздно. Давай-ка, я проверю твой хронометр. — Джина перегнулась через стол, подняла руку Скотта и сравнила время на его часах с часами на стене. — О'кей. В дорогу, солдат.

Скотт встал, поправил ремень. Потом наклонился, собираясь поцеловать Джину. Она сначала отвернулась, но потом все же потянулась к нему.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Скотт одернул форменку и быстро вышел. Девушка сидела неподвижно, в пальцах ее дымилась забытая сигарета. Брайан бросил ее ради другой женщины и иной жизни, но это сейчас казалось неважным. Как всегда, так и теперь, важным было лишь то, что жизнь его снова в опасности.

«Избавь его ото всех бед, — думала она, не замечая, что молится. — Избавь его ото всех бед...»

И для нее наступили тишина и ожидание. По крайней мере, это осталось прежним. Она взглянула на часы.

Минуты уже начали растягиваться.

3

Когда Скотт явился в штаб, лейтенант Бинне следил за посадкой на корабль последних людей Отряда Дуне. Он бодро козырнул капитану — похоже, ночная работа ничуть его не утомила.

— Все в порядке, капитан.

— Хорошо. — Скотт кивнул. — Цинк Рис здесь?

— Только что приехал. — Бинне указал на портьеру, и когда Скотт двинулся к ней, пошел следом.

— Что такое, лейтенант?

Бинне понизил голос:

— Бронсон подхватил лихорадку. — Он забыл добавить «капитан». — Он должен был командовать левым флангом флота. Я хотел бы получить это место.

— Посмотрю, что можно сделать.

Бинне поджал губы, но ничего не сказал. Он вернулся к своим людям, а Скотт вошел в кабинет цинка. Рис говорил по видеофону.

— Добрый день, капитан, — сказал он щурясь. — Я разговаривал с Мендесом.

— Ну, и?..

— Он по-прежнему настаивает на пятидесяти процентах выкупа. Придется тебе встретиться с ним. Постарайся сбить цену. И свяжись со мной из Крепости Мендеса.

— Ясно, цинк.

— И еще одно: Бронсон в лазарете.

— Я слышал. По-моему, лейтенант Бинне вполне может принять командование левым флангом...

Рис отмахнулся.

— Подождем. Мы не должны поощрять индивидуализм. В прошлую войну лейтенант попытался воевать сам по себе, а мы не можем рисковать. Думай об Отряде Дуне, а не о лейтенанте.

— Он хороший парень и отличный стратег.

— Но не очень силен во взаимодействии. Может, в следующий раз. Пусть левый фланг примет лейтенант Гир, а Бинне ты держи при себе. Ему нужно учиться дисциплине. И возьми водолет до Мендеса.

— Почему не планер?

— Один из наших техников только что закончил настройку экранирующих лучей для связи, и я хочу поскорее установить приборы на всех наших планерах. Бери водолет, до Крепости Мендеса не так уж далеко. Это тот длинный полуостров на юге Ада.

Этот континент даже на картах носил название Ад. Жара была лишь одной из причин. Даже хорошо снаряженные группы, исследующие джунгли, быстро возвращались или погибали. На суше Венеры флора и фауна объединились, не позволяя землянам заселить континент. Многие растения выделяли отравляющие газы. Держались только сильно защищенные прибрежные Крепости — именно потому, что были Крепостями.

Цинк Рис нахмурился, глядя на Скотта.

— Если поладим с Бандой Мендеса, применим план «Аш-семь», в противном случае придется воспользоваться услугами какого-нибудь другого отряда. Но лучше бы договориться с Мендесом. У Морских Дьяволов слишком много подводных кораблей, а у нас мало детекторов. Постарайся их уломать.

— Ясно, цинк.

Рис махнул рукой, отпуская капитана, и тот отправился в соседнее помещение, где наткнулся на Бинне. Тот вопросительно посмотрел на него.

— Мне очень жаль, — сказал Скотт, — но на этот раз командовать левым флангом будет Гир.

Лицо Бинне налилось кровью.

— Жаль, что не врезал тебе в морду перед мобилизацией, — сказал он. — Топишь соперников, да?

Ноздри Скотта раздулись.

— Если бы это зависело только от меня, ты получил бы левый фланг.

— Ну, ясно. Все нормально, капитан. Где моя койка? Где мой водолет?

— Ты будешь вместе со мной на правом фланге, на командирском корабле «Мушкет».

— С тобой? Может, лучше сказать — под тобой? — быстро бросил Бинне. Глаза его горели. — Да-а-а...

Лицо Скотта тоже побагровело.

— Это приказ, лейтенант! — рявкнул он. — Пришлите ко мне пилота водолета. Я иду на поверхность.

Бинне молча повернулся к видеофонам. Скотт вышел из штаба, едва сдерживая ярость. Бинне — кретин, плевал он на Отряд Дуне...

Тут он смущенно улыбнулся про себя: ведь его самого мало волновал Отряд. Для индивидуалистов здесь не место. У них с Бинне была одна сходная черта — ни тот, ни другой не пылал преданностью к Отряду.

На лифте он поднялся к вершине Купола. Внизу съеживался до размеров кукольного домика город Монтана. Где-то там, внизу, осталась Илен. Он вернется к ней. Может, эта война не затянется — редко случалось, чтобы войны длились дольше недели, разве что Отряд пробовал новую технику.

Воздушный шлюз он прошел в чем-то вроде пузыря — крепком, блестящем шаре с канатом-кабелем наверху. В шаре не было никого, кроме Скотта. С легким скрипом пузырь двигался вверх. Вода снаружи была сначала чер-

ной, потом зеленой, а у самой поверхности — светло-серой. Мелькали морские животные, но Скотт их почти не замечал.

Наконец пузырь всплыл на поверхность. Поскольку атмосферное давление в Куполах поддерживалось на уровне атмосферного, надобности в декомпрессии не было. Скотт сразу открыл люк и вышел на одну из плавучих платформ, рассеянных по воде над Куполом Монтана. Несколько туристов забрались в камеру, которую он только что покинул, шар вновь погрузился и вскоре исчез из виду.

Вдали Отряд Свободных Солдат перегружался с большой платформы на воздушный транспортник. Скотт внимательно посмотрел вверх, оценивая погоду. Шторма быть не должно, хотя облачный покров как обычно кипел вихрями. Скотту вдруг вспомнилось, что битва, вероятно, произойдет над Венерианской Впадиной. Это может помешать планерам: над морем Мелей часто бывают тепловые смерчи.

Приземистый, быстрый и удивительно маневренный водолет выскочил из-за мола. Пилот откинул блистер и козырнул. Это был Норман Кэн, в опрятной, подогнанной форме. Видно было, что он готов радоваться по любому поводу.

Скотт ловко перескочил на кораблик и сел рядом с пилотом. Кэн закрыл блистер и выжидательно посмотрел на офицера.

— Какие приказы, капитан!

— Знаешь, где Крепость Банды Мендеса? Двигай туда. И побыстрее.

Кэн стартовал с платформы, и за кормой поднялся шлейф воды, похожий на букву V. Эти кораблики с небольшой осадкой, маневренные и чрезвычайно быстроходные, были незаменимы в морских сражениях. Двигались они очень быстро и попасть в них было весьма сложно. Никакой брони не было: она снижала бы скорость, а вооружение составляли легкие пушки со снарядами большой разрывной силы. Экипаж состоял из двух человек. Водолеты хорошо дополняли тяжелую артиллерию боевых транспортов и эсминцев.

Скотт угостил Кэна сигаретой. Парень замялся.

— Мы не под обстрелом, — засмеялся капитан. — Это во время боя дисциплина обязательна, а сейчас ты вполне можешь покурить со мной. Бери. — Он прикурил для Кэна.

— Спасибо, капитан. Кажется, я слишком... усерден.

— Что ж, у войны свои законы. Их немного, но нарушать их нельзя.

Оба мужчины помолчали, глядя на серую пустую поверхность океана. Над самой водой пролетел транспортный самолет.

— Илен Кэн твоя родная сестра? — спросил через несколько минут Скотт.

Кэн кивнул.

— Да, капитан.

— Я так и думал. Будь она мужчиной, она, пожалуй, вступила бы в Свободный Отряд.

Парень пожал плечами.

— Ну, не знаю. У нее нет... как бы это сказать... Она бы решила, что это требует слишком больших усилий. Кроме того, она не выносит дисциплины.

— А ты?

— Для меня важна борьба, капитан. — Подумав, он добавил: — Точнее, победа.

— Можно проиграть, даже если ты победил, — хмуро ответил Скотт.

— И все же я предпочитаю быть Свободным Солдатом. Конечно, нельзя сказать, что у меня большой опыт...

— Военную практику ты проходил в банде Старлинга, так что, возможно, кое-чего там набрался. Война — это не пиратская романтика. Если бы солдаты Дуне воевали таким вот образом, их бы через неделю перебили...

Кэн заколебался.

— Но... может, это до некоторой степени нужно? Я имею в виду веру в удачу...

— Слепая удача хороша в картах, — прервал его Скотт. — Но на войне для хорошего солдата нет везенья, а есть дисциплина и приказ. Помнится еще кадетом я вырвался на своем крейсере из строя, чтобы атаковать тараном, и за это меня совершенно справедливо разжаловали. Неприятельский корабль, который я таранил, был для противника так же важен, как крейсер для нас. Оставаясь в строю, я мог бы потопить три или четыре корабля, вместо того, чтобы повредить один и самому выйти из боя. Превыше всего мы ценим искусство взаимодействия, Кэн. Сейчас оно гораздо важнее, чем было когда-то на Земле, поскольку армия в высокой степени интегрирована. Наземные войска, военный флот, воздух и прибрежные операции — все это сейчас одно целое. Пожалуй, единственное существенное изменение произошло в воздухе.

— Вы о планерах? Я знаю, что самолеты не могут использоваться в сражениях.

— Только не в атмосфере Венеры, — согласился

Скотт. — Когда самолеты попадают в слой облаков, им приходится бороться с перекрестными воздушными течениями и воздушными ямами, так что для боя времени не остается. А планеры хороши не столько для бомбардировки, сколько для разведки. Они влетают в тучу, прячутся там и передают изображение с инфракрасных телекамер на командирские корабли. Они — глаза флота. Могут сказать нам... Впереди кипяток, Кэн! Сворачивай!

Пилот уже заметил зловещий водоворот перед носом и почти инстинктивно повернул. Кораблик закачался на волне, оба они едва не вылетели со своих мест.

— Морское чудовище? — Скотт сам задал вопрос и сам же на него ответил: — Нет, конечно. Это от вулкана. Расширяется молниеносно.

— Я могу обогнуть его, капитан, — предложил Кэн.

Скотт покачал головой.

— Это слишком опасно. Поворачивай.

Парень послушно вывел водолет из опасной зоны. Скотт был прав, говоря о масштабе катаклизма: кипящий водоворот распространялся так быстро, что маленький кораблик с трудом уходил от него. Наконец волна пенящейся воды настигла их и подкинула водолет, как щепку, едва не вырвав штурвал из рук Кэна. Скотт помог ему, но даже вдвоем они едва удерживали руль. Перед прозрачной кабиной вздымалась плотная вуаль пара, а вода под слоем пены превратилась в коричневую взвесь.

Кэн резко дернул рычаг, форсируя мощность, и водолет рванулся вперед, танцуя на поверхности кипящих волн, словно рикошетирующая пуля. Один раз они врезались в волну носом — стон сминаемого металла прокатился по кораблю. Кэн, стиснув зубы, тут же включил запасной двигатель и выключил разбитый... А потом корабль вдруг оказался на спокойной воде, чуть отойдя к Куполу Монтана.

Скотт улыбнулся.

— Хорошая работа. Хорошо, что мы не попробовали его обогнуть. Ничего бы не вышло.

— Да, капитан. — Кэн глубоко вздохнул. Глаза его возбужденно сверкали.

— А теперь возьми левее. На вот... — Он сунул в рот парню зажженную сигарету. — Ты будешь хорошим солдатом Отряда Дуне, Кэн: реагируешь точно и быстро.

— Спасибо, капитан.

Какое-то время Скотт молча курил. Он смотрел на север, но из-за плохой видимости не мог различить вулка-

нические конусы, образующие горный хребет Южного Ада. Венера была сравнительно молодой планетой, здесь то и дело неожиданно возникали новые кратеры. Поэтому Крепости никогда не строили на островах — они имели неприятную особенность внезапно исчезать.

Водолет тяжело потряхивало на скорости, несмотря на систему рессор и амортизаторов. После поездки на такой вот «бригантине», как в шутку называли их солдаты, человеку требовался основательный массаж. Скотт потянулся на мягком кресле, которое он, правда, ощущал каменно-твердым, мурлыча под нос бодрую мелодию.

Водолет мчался, окруженный серым морем и тучами, и наконец впереди вырос широкий вал побережья, он просто вынырнул внезапно из-за закрытого дымкой горизонта. Они прибыли почти вовремя, подводный вулкан лишь ненадолго задержал их.

Крепость Банды Мендеса была крепким сооружением из металла и камня. Узкая полоса земли со стороны леса была очищена и испятнана воронками в тех мостах, где орудия отражали яростный напор рептилий — плодовитых гигантов Венеры, по-своему разумных, но совершенно чуждых людям: непреодолимая пропасть отделяла их мышление от человеческого. Поначалу люди пытались установить с ними контакт, но потом решили оставить рептилий в покое, поскольку никакой склонности к переговорам они не проявляли. Невозможно было договориться с этими фанатичными и жестокими дикарями. Они прятались в джунглях, появляясь лишь затем, чтобы яростно ударить по Крепости — впрочем, без результата, поскольку клыкам и когтям противостояли разрывные пули и мощные снаряды.

Пока водолет мчался к молу, Скотт смотрел прямо перед собой. Излишний интерес при посещении Крепости чужого Отряда считался среди Свободных Солдат признаком дурного тона. На пристани топтались несколько солдат, они явно ждали его. Когда Скотт выскочил из кокпита, они козырнули ему.

Он сообщил свое имя и звание, и вперед вышел какой-то капрал.

— Цинк Мендес ждет вас, капитан. Около часа назад пришло сообщение от цинка Риса. Прошу вас сюда...

— Хорошо, капрал. Мой пилот...

— Мы позаботимся о нем, капитан. Обеспечим массаж и выпивку после плавания на этой бригантине.

Скотт кивнул и пошел за капралом к бастиону, тор-

чащему из нависающей стены Крепости. Ворота со стороны моря были открыты. Они быстро миновали двор, прошли через люк, поднялись в лифте и оказались перед портьерой, на которой было изображено лицо цинка Мендеса — круглая голова, чем-то похожая на вепря, но голая, как снаряд.

Войдя, он увидел во главе стола самого Мендеса, рядом сидели еще несколько офицеров. Лицо живого Мендеса было более привлекательно, чем портрет на портьере, и напоминало скорее медведя, чем вепря — бойца, а не обжору. Его маленькие черные глаза буквально буравили Скотта.

Мендес встал, и все офицеры последовали его примеру.

— Садитесь, капитан. В конце стола есть место. Правда, оно не соответствует вашему рангу, но я предпочитаю смотреть в глаза человеку, с которым договариваюсь. Впрочем, вы только что прибыли... Если хотите сначала принять массаж, я могу подождать.

Скотт занял предложенное место.

— Спасибо, цинк Мендес, не нужно. Предпочитаю не терять времени.

— Тогда обойдемся без церемоний. Надеюсь, выпить вы не откажетесь. — Он кивнул ординарцу у дверей, и вскоре перед Скоттом оказался полный стакан.

Он быстро оглядел все лица. «Хорошие солдаты, — подумал он, — твердые, отлично обученные и опытные. Обстрелянные. Банда Мендеса — группа небольшая, но сильная».

Цинк Мендес глотнул из своего стакана.

— Итак, к делу. Отряд Дуне приглашает нас помочь в борьбе против Морских Дьяволов. Услуги Дьяволов купил Купол Вирджиния, чтобы атаковать Купол Монтана. — Говоря, он загибал толстые пальцы. — Вы предлагаете нам пятьдесят тысяч наличными и тридцать пять процентов выкупа в случае победы. Так?

— Совершенно верно.

— Мы хотим пятьдесят процентов.

— Это слишком много. У Дуне больше людей и оборудования.

— По сравнению с нами, но не с Морскими Дьяволами. К тому же этот процент еще вилами на воде писан. В случае поражения мы получим только наличные.

Скотт кивнул.

— Это верно, но единственной реальной угрозой со стороны Морских Дьяволов являются их подводные кораб-

ли. У Дуне много снаряжения для борьбы на воде и в воздухе. Мы можем справиться с Морскими Дьяволами и без вас.

— Не думаю. — Мендес покачал головой. — У них завелись какие-то новые торпеды.

— Вы преуменьшаете наши возможности, цинк Мендес, — прямо сказал Скотт. — Мы не так уж слабы. Если вы откажетесь, мы поищем другой Отряд.

— С подводными детекторами?

— В подводных сражениях неплох Отряд Ярдли.

— Верно, капитан, — вставил майор, сидевший рядом с Мендесом. — У них есть подводные корабли, правда, не особо надежные, но есть.

Цинк Мендес потер лысую голову медленными движениями.

— Что ж, капитан, как хотите, — сказал он. — Но отряд Ярдли не сравнится с нами в этой работе.

— Ну ладно, — сказал Скотт. — Полномочия у меня есть, и я могу решать сам. Мы не знаем, сколько кориума в загашнике Купола Вирджиния. Как вам такое предложение: ваш Отряд получит пятьдесят процентов добычи, если выкуп окажется меньше двухсот пятидесяти тысяч, и тридцать пять с того, что превысит эту сумму.

— Сорок пять.

— Сорок с превышения и сорок пять с меньшей суммы.

— Что скажете, господа? — спросил цинк Мендес, глядя вдоль стола.

В ответ раздались многочисленные «да» и редкие «нет». Мендес пожал плечами.

— Значит, решающее слово за мной. Итак, мы получаем сорок пять процентов выкупа от суммы до двухсот пятидесяти тысяч и сорок с суммы свыше ее. По рукам. Выпьем!

Ординарцы подали напитки. Мендес встал, офицеры последовали его примеру.

— Может, скажете тост, капитан?

— С удовольствием. Предлагаю тост Нельсона: «За противника, желающего драться, и за место на море».

Они выпили — так делали все Свободные Солдаты накануне битвы. Когда все сели, снова заговорил цинк Мендес:

— Майор Мэтсон, свяжитесь с цинком Рисом и обговорите детали. Мы должны знать его планы.

— Слушаюсь!

Мендес взглянул на Скотта.

— Что еще мы можем для вас сделать?

— Больше ничего. Я возвращаюсь в свою Крепость. Детали можно обсудить по тайному каналу видеофона.

— Если вы возвращаетесь водолетом, — с иронией заметил Мендес, — от души советую принять массаж. Теперь, когда мы договорились, время у вас есть.

Скотт заколебался.

— Хорошо. У меня и вправду начинает... ох... побаливать. — Он встал. — Да, чуть не забыл. До нас дошли слухи, что банда Старлинга использует атомное оружие.

Мендес поморщился.

— Я ничего такого не слышал. А вы, господа?

Офицеры отрицательно покачали головами, и лишь один офицер сказал:

— Я слышал какие-то сплетни, но только сплетни.

— После этой войны проведем следствие. Если это окажется правдой, мы, разумеется, примкнем к вам, чтобы уничтожить Отряд Старлинга. В этом деле нам не понадобится военный трибунал?

— Спасибо. Я свяжусь с другими отрядами, узнаю, слышали они что-нибудь или нет. А теперь, если позволите...

Скотт козырнул и вышел, вполне довольный переговорами. Сделка была выгодной: Отряд Дуне остро нуждался в помощи Банды против Морских Дьяволов. Цинк Рис будет доволен.

Ординарец проводил его в баню, на массаж. Потом он вышел на берег и забрался в водолет. Взгляд назад убедил его, что военная машина Банды уже заработала. Он мог заметить немногое, но деловая суета, только на первый взгляд кажущаяся хаотичной, уже началась: захлопали двери складов, административных помещений, лабораторий. Корабли пока стояли на якорях у берега, но скоро должны были выйти навстречу Отряду Дуне.

— Нам починили вспомогательный движок, капитан, — сказал Кэн, поднимая голову от приборной панели водолета.

— Очень любезно со стороны союзников. — Скотт поднял руку и помахал людям на берегу, корабль тем временем выбирался на открытую воду. — Теперь — в Крепость Дуне. Знаешь, где это?

— Конечно, капитан. А... можно вас спросить? Банда Мендеса будет сражаться вместе с нами?

— Да. Это превосходные солдаты. Ты увидишь насто-

ящее сражение, Кэн. Когда услышишь звуки боя, это будет означать начало одной из крупнейших битв в истории Венеры. А теперь прибавь газу, нам нужно спешить.

Водолет стрелой полетел на юго-запад, оставляя за кормой два косых водопада.

«Это моя последняя битва, — подумал Скотт, — и я рад, что она будет такой жестокой».

4

Примерно в восьми милях от Крепости Дуне двигатель все же отказал.

Это была уже не авария, а катастрофа. Перегруженный и перегревшийся двигатель, работавший на максимальных оборотах, взорвался. После аварии у подводного вулкана в металле образовались трещины, но механики Банды, проводившие блиц-ремонт, не смогли их обнаружить. К счастью, в момент взрыва водолет приподнялся на волне. Двигатель подскочил вверх, потом рухнул вниз, разнося нос кораблика в щепки. Если бы нос был погружен, взрыв прикончил бы и Скотта, и пилота.

Они были в полумиле от берега. Взрыв оглушил Скотта. Водолет перевернулся вверх дном, блистер с громким треском ударился о воду, но пластик выдержал. Оба мужчины скорчились на том, что когда-то служило потолком, постепенно соскальзывая вперед, по мере того, как нос водолета погружался в воду.

Кэн сумел нажать одну из аварийных кнопок. Механизм, разумеется, разбился, но два сегмента все же отошли в стороны, впустив горькую морскую воду. Некоторое время их швыряло потоком воды из стороны в сторону, но вскоре она вытеснила весь воздух. Скотт заметил, что Кэн протиснулся в щель, и последовал за ним.

Темное тело водолета погружалось все глубже, пока совсем не исчезло из вида. Скотт вынырнул на поверхность, перевел дыхание и поморгал, чтобы отряхнуть с ресниц капли воды. Потом осмотрелся. Где же Кэн?

Парень выплыл без шлема, мокрые волосы прилипли ко лбу. Скотт встретился с ним взглядом и нажал плунжер спасательного пневможилета, который на море всегда носили под форменкой. Когда химикалии смешались, легкий газ наполнил жилет, одновременно поднимая голову Скотта выше воды. Сзади надулся воротник-подушка, позволявший потерпевшим крушение отдыхать на воде, не

опасаясь утонуть во время сна. Впрочем, сейчас он спать не собирался.

Отметив, что Кэн тоже нажал плунжер своего жилета, капитан повертел головой, высматривая какие-либо признаки жизни. Ничего.

Серо-зеленое море было пусто до самого горизонта. В полумиле от них виднелась стена спутанной зелени — джунгли. Чуть повыше тусклое красное зарево освещало облака.

Скотт вытащил мачете с лезвием в форме листа, жестом приказав Кэну сделать то же. Парень вовсе не выглядел испуганным. «Конечно, — кисло подумал Скотт, — для него это лишь увлекательное приключение. Что ж, посмотрим».

Зажав мачете в зубах, капитан поплыл к берегу. Кэн держался рядом. Проплыв немного, Скотт жестом приказал своему спутнику не двигаться, а сам погрузил лицо в воду, стараясь разглядеть большую расплывчатую тень, которая быстро свернула в сторону и исчезла. Это был морской змей, к счастью, не голодный. Океаны Венеры были опасны и кишели кровожадными тварями, а индивидуальные защитные средства против них плохо помогали. Оказавшись в воде, следовало поскорее из нее убираться.

Скотт нащупал небольшую стеклянную трубочку, закрепленную на поясе, и почувствовал, как его ладонь обтекают пузырьки. На душе полегчало. При заполнении жилета из этого контейнера автоматически начинал выделяться вонючий газ, насыщая воду вокруг. Предполагалось, что грозные морские чудовища будут держаться подальше от трубки Меллисона, однако он мало стоил против таких трупоедов, как морские змеи. Скотт усмехнулся. Устройство это называлось трубка Меллисона, но солдаты прозвали его «вонючкой», что было гораздо точнее.

На Венере не удавалось предсказывать приливы и отливы. Закутанная в тучи планета не имела спутника, зато находилась ближе к Солнцу, чем Земля. Как правило, приливы были слабыми, и только во время подводных извержений волны заливали побережье. Настороженно поглядывая по сторонам, Скотт плыл к пляжу, высматривая в полосе мрачной зелени следы жизни.

Ничего.

Наконец он выбрался на берег, встряхнулся по-собачьи и тут же поменял рожок в своем автомате, вставив магазин с разрывными пулями. Оружие, разумеется, было водонепроницаемым — на Венере иначе просто нельзя. Ког-

да Кэн сел рядом, откашлялся и выпустил газ из жилета. Скотт поднялся, глядя на зеленую стену в тридцати футах от воды. Джунгли остановились там, потому что на черном песке ничто ни могло вырасти.

Единственным звуком был шум набегающих и откатывающихся волн. Большинство деревьев напоминали лианы, живущие за счет других деревьев. Едва какое-то дерево начинало проявлять признаки слабости, его тут же атаковали паразитирующие побеги, устремляясь вверх, чтобы ухватить профильтрованный солнечный свет. Листья появлялись только в тридцати футах над землей, образуя сплошную крышу и отрезая доступ солнечным лучам. Белесые жгуты змеями переползали от одного дерева к другому. Фауна Венеры делилась на два сорта: гиганты, продиравшиеся сквозь лес, давя его, и карлики, небольшие создания, ползающие по земле, в основном, насекомые и рептилии, которые выживали лишь потому, что были ядовитыми. Но ни тех, ни других нельзя было назвать приятным обществом.

Встречались еще летающие твари, но они жили в верхних уровнях леса. Кроме того, существовали загадочные монстры, живущие глубоко в иле и в стоячей воде озерков под покровом леса, но о них знали совсем мало,

— Да, — сказал Скотт. — Все это с нетерпением ждет нас.

Кэн понял, о чем он, и кивнул.

— Наверное, я должен был проверить двигатели.

— Ты бы ни черта не нашел. Это скрытые трещины. Чтобы их увидеть, нужна темная ночь и люминофор. Теперь держи под рукой газовую маску. Если окажемся рядом с ядовитыми цветами и ветер будет в нашу сторону, искать ее будет некогда. — Скотт открыл герметичную сумку, вынул лакмусовую полоску и прилепил ее на запястье. — Если начнет синеть, это будет означать газ, даже если мы его не почувствуем.

— Понял, капитан. Что теперь?

— Ну, водолета у нас больше нет, так что вызвать помощь мы не можем. — Скотт потрогал острие мачете и сунул его в ножны на поясе. — Пойдем до Крепости пешком. Миль восемь. Два часа, если будем держаться берега и не вляпаемся в неприятности. А если перед нами Сигнальная Скала, ее придется обходить по суше. — Он вытащил складную подзорную трубу и посмотрел вдоль берега на юго-запад. — Ага. Она самая. Обходим.

Скотт знал, что сверху джунгли выглядят на удивле-

ние красиво. Они всегда напоминали ему старинный плед, который он однажды купил Джине — фантастическая радуга цветов на фоне бледной зелени. Даже между растениями существовала жесткая конкуренция: они соперничали великолепием цветов и запахов, наперебой завлекая крылатых переносчиков пыльцы.

«Пограничные области будут всегда, — подумал Скотт, — но здесь, на Венере, до них еще долго не дойдут руки. Подводным жителям хватает Куполов, которые сами себя обеспечивают, а Свободные Солдаты не стремятся к завоеванию континентов. Они воины, а не крестьяне. Голод давно не грозит человечеству. Может, он снова появится, но лишь когда кончится господство Куполов».

В джунглях Венеры скрывались тайны, которых ему никогда не дано узнать. Люди могут завоевывать земли с воздуха, но удержать их таким способом невозможно. Это будет долгий процесс, джунгли и животные будут оттесняться шаг за шагом. Однако, все это в будущем. Скотта тогда уже не будет. Дикий мир покорится, но это будет еще не скоро...

А сейчас лес был дик и очень грозен. Скотт стащил куртку и отжал из нее воду. Во влажном климате Венеры не было надежды, что одежда высохнет сама, несмотря на сильный ветер. Брюки липли к телу, в складках гнездился влажный холод.

— Готов, Кэн?

— Да, капитан.

— Тогда пошли.

Они двинулись вдоль берега легким ровным шагом. Торопливость и осторожность на Венере необходимы в разумных пропорциях. Время от времени Скотт осматривал море в надежде, что их заметят с какого-нибудь корабля, но ничего не было: корабли стояли в порту и готовились к битве, а планеры посадили, чтобы смонтировать на них новые приборы.

Вдали показалась Сигнальная Скала — вздымающаяся в небо стена с изъеденными ветрами неприступными склонами. Здесь кончалась черная полоса песка. Скала вертикально уходила в глубокую воду с многочисленными водоворотами. Обогнуть ее по воде было невозможно, и оставалось только сворачивать вглубь суши. Это была опасная, но единственная дорога. Скотт тянул с поворотом, пока смолисто-черный с пятнами серебра край Сигнальной скалы не вырос прямо перед ними. Насмешливо взглянув на Кэна, капитан резко повернул направо.

— Полмили через джунгли равняются сотне миль бега по пляжу, — заметил он.

— Так плохо, капитан? Я никогда не заходил туда глубоко.

— Никого туда палками не загонишь, если не вынуждает обстановка. Смотри внимательно и держи оружие наготове. Не переходи воду вброд, даже если видишь дно. Там есть такие маленькие, почти прозрачные твари — рыбы-вампиры. Если они присосутся к тебе, через несколько секунд потребуется переливание крови. Хотел бы я, чтобы вулканы были активны — тогда эти бестии, в основном, лежат на дне.

Скотт остановился под деревом, подыскивая длинную прямую палку. Потребовалось некоторое время, но в конце концов ему повезло, и он вырубил пятифутовый посох. Затем он вошел в густой мрак.

— Кто-нибудь может двинуться по нашим следам, — предостерег он парня. — Не забывай оглядываться.

Песок сменился беловатой липкой грязью, и уже через несколько шагов она облепила обоих мужчин до самых ягодиц. Казалось, земля покрыта патиной распада. Трава так походила цветом на грязь, что была почти невидима, хотя из-за нее почва становилась еще более скользкой. Скотт медленно двигался вперед, держась поближе к скале, поскольку там заросли были не такие плотные. И все же ему то и дело приходилось браться за мачете.

Вдруг он остановился, подняв оружие вверх. Хлюпающие шаги Кэна стихли. Скотт молча указал на что-то. В скале перед ними виднелся зев пещеры.

Капитан наклонился, подобрал маленький камень и бросил в пещеру. Положив руку на оружие, он ждал, что оттуда кто-нибудь выскочит и бросится на них. В полной тишине послышался новый звук: барабанная дробь лесных эльфов — неровные гулкие удары. Это вода капала с листа на лист в напоенной влагой крыше джунглей над ними. Кап, кап, кап-кап, кап, кап-кап...

— О'кей, — тихо сказал Скотт. — Смотри внимательно. — Он пошел вперед с оружием наготове, и вскоре они оказались перед пещерой. — Поверни туда голову, Кэн, и не спускай глаз с пещеры, пока я не скажу. — Он сжал плечо парня и поставил его как надо, пряча оружие в кобуру. Посох, который Скотт держал под мышкой, скользнул в руку, и капитан принялся ощупывать скользкий верхний слой грязи под ногами. Часто попадались ямы и зыбучие пески, а также ловушки болотных волков, кото-

рые, разумеется, волками не были, и относились к какому-то неизвестному виду. На Венере фауна имела больше подвидов и менее заметные различия между ними, чем на Земле.

— Теперь порядок.

— Что это было?

— Никогда не знаешь, какая пакость может вылезти из такой вот дыры, — объяснил Скотт. — Они выскакивают молниеносно, и большинство из них ядовито. Никогда не рискуй в таких местах... Стоп! Мне не нравится тропа перед нами.

Поляны в этом лесу были очень редки, и все же они вышли именно на поляну шириной футов в двадцать. Скотт осторожно вытянул посох вперед и попробовал почву. Слабая волна прошла по белой грязи, но еще раньше капитан вытащил пистолет и принялся всаживать одну пулю за другой в то место, где заметил движение.

— Стреляй, Кэн! — крикнул он. — Быстрее! Стреляй в эту тварь!

Кэн повиновался, хотя и не знал, во что стреляет. Вдруг окрашенная кровью грязь взметнулась, как гейзер. Скотт, продолжая стрелять, схватил парня за руку и оттащил назад.

Когда замерло эхо, далекие барабаны эльфов еще раз прозвучали в зеленом мраке.

— Мы его прикончили, — сказал Скотт.

— Прикончили... — машинально повторил Кэн. — Кого?

— Похоже, болотного волка. Единственный способ убить эту заразу — стрелять, пока она не выбралась из грязи. Они все очень проворны и дорого продают свою жизнь.

Он осторожно пошел вперед. Ничего уже не было видно. Грязь провалилась, образовав углубление, и лунки от пуль уже затянулись. Повсюду виднелись брызги крови.

— Ни минуты покоя, — усмехнулся Скотт.

Его ироническая улыбка разрядила напряжение. Кэн откашлялся и, подражая капитану, поменял наполовину разряженный магазин на полный.

Узкий гребень Сигнальной Скалы уходил вглубь суши примерно на четверть мили, прежде чем становился доступен для восхождения. С горем пополам они добрались до этой точки и, помогая друг другу, поднялись наверх,

все еще оставаясь под лиственным потолком. Черная поверхность скалы обжигала и колола ладони, припекала даже сквозь подошвы ботинок.

— Половина, капитан?

— Да, но не очень-то радуйся. Пока не дойдем до пляжа, лучше не будет. Скорее всего, добравшись до Крепости, нам придется сделать пару противомалярийных уколов — так, на всякий случай... Ого! Маску, Кэн, быстро! — Скотт поднял руку. Лакмусовая полоска на запястье посинела.

Отработанными движениями они натянули противогазы. Скотт почувствовал на открытой коже руки легкое покалывание. Пока это было не страшно, но вскоре придется считаться с болью. Кивнув Кэну, он лег на камень, проверил палкой грязь внизу и легко соскочил. Оказавшись в липкой белой массе, он поспешно обмазал себя ею с ног до головы. Кэн сделал то же самое. Грязь не могла свести на нет воздействие газа, выделяемого цветами, но могла хотя бы частично ослабить его действие на кожу.

Гротескная фигура Скотта двинулась в сторону побережья. Грязь забрызгала стекла маски, и он вытер их пучком белой травы. Он все время проверял дорогу палкой, но грязь все же обманула его. Палка вдруг провалилась, а когда Скотт инстинктивно откинулся всем телом назад, земля ушла у него из-под ног. Ему еще хватило времени с глупым облегчением подумать, что это лишь зыбучий песок, а не яма болотного волка, а потом липкая предательская слизь засосала его до колен. Он упал навзничь, протягивая конец посоха Кэну.

Парень обеими руками схватился за него и плашмя бросился на землю, зацепившись ногами за торчащий корень. Скотт, изогнув шею под неестественным и болезненным углом и пытаясь что-то разглядеть через заляпанные грязью очки, судорожно вцепился в свой конец палки. Оставалось надеяться, что она не выскользнет из рук.

Грязь затягивала его все глубже, но тут усилия Кэна начали давать результаты. Парень старался тащить палку к себе, передвигая по ней ладони, но Скотт покачал головой: он был значительно сильнее Кэна, а тому потребуется вся его сила, чтобы просто удержать посох.

В тени позади Кэна что-то шевельнулось. Держась левой рукой за палку, правой Скотт выхватил оружие. Механизм был герметично закрыт, поэтому грязь его не забила, а ствол открывался только в одном направлении. Капитан выстрелил, услышал приглушенный шум и стал

K9

ждать, пока он не стихнет. Парень удивленно оглянулся и больше не шевелился.

А потом все было уже довольно легко — Скотт просто подтягивался по палке, распределяя свой вес по зыбучему песку. Вытащить ноги из смертельной хватки оказалось тяжело, и после этого пришлось минут пять отдыхать.

И все же он выбрался... это главное.

Кэн вопросительно кивнул на кусты, где лежало застреленное создание, но Скотт лишь покачал головой. Не стоило терять время, определяя вид твари. Он поправил маску и зашагал к пляжу, обходя зыбучий песок. Кэн молча последовал за ним.

Им повезло — без дальнейших осложнений они оказались на берегу, где рухнули на черный песок, чтобы отдышаться. Капитан посмотрел на индикатор, заметил, что газ улетучился, снял маску и глубоко вдохнул.

— Спасибо, Кэн, — сказал он. — Можешь теперь поплавать, если хочешь смыть с себя грязь. Только держись ближе к берегу. Нет, не раздевайся, времени мало.

Грязь была тягучей, как резина, песок царапал, как пемза, но после двух минут купания Скотт почувствовал себя гораздо чище. Освежившись, они пошли дальше.

Часом позже их заметили с воздушного транспортника и по видеофону сообщили в Крепость, а оттуда выслали водолет. Больше всего Скотт обрадовался солидной порции уисквеплюса, которую предложил ему пилот.

Ну и собачья же жизнь!

Он протянул бутылку Кэну.

Вскоре перед ними показался бастион, защищающий вход в порт Дуне. Порт, большой, как залив, с трудом вмещал флот. Скотт одобрительно отметил характерную деловую суету. Водолет обогнул волнолом, и остановился у берега. Умолк тихий звук двигателя, раздвинулся блистер.

Скотт выскочил, подозвал ординарца.

— Слушаю, капитан! — вытянулся тот.

— Проследите, чтобы этот солдат получил все необходимое. Мы были в джунглях.

Солдат многозначительно сложил губы, словно собирался свистнуть, козырнул и помог Кэну выбраться из водолета. Спеша вдоль берега, Скотт услышал взрыв дружеской ругани солдат, окруживших Кэна.

Он улыбнулся — парень будет хорошим Свободным

Солдатом. Можно держать пари, что он не даст слабины на линии огня. Это испытание было очень трудным: дисциплина, доходящая до предела прочности. Лопни что-нибудь и... Никуда не денешься, человеческий фактор всегда будет величиной неизвестной, что бы там ни говорили психологи.

Он направился прямо в свою комнату и включил видеофон, чтобы доложиться цинку Рису. Изуродованное худое лицо цинка появилось на экране.

— Капитан Скотт прибыл.

Рис внимательно посмотрел на него.

— Что случилось?

— Авария водолета. Пришлось добираться пешком.

Цинк тихо помянул Господа.

— Рад, что ты уцелел. Ранен!

— Нет. Пилот тоже цел. Готов приступить к своим обязанностям, но сперва умоюсь.

— Лучше пройди биорегенерацию — думаю, это тебе не помешает. Все работает как часы. Ты отлично провернул сделку с Мендесом, лучше, чем я ожидал. Мы договорились с ним о месте соединения наших сил. Поговорим об этом позже. Умойся, а потом проведи генеральную инспекцию.

— Слушаюсь, цинк.

Рис отключился, и Скотт повернулся к своему ординарцу.

— Привет, Бригтс. Помоги мне выбраться из этих лохмотьев. Боюсь, придется их с меня срезать.

— Я рад, что вы вернулись, капитан. Нет, срезать не придется... — Пальцы Бригтса ловко пробежались по молниям и застежкам. — Были в джунглях?

Скотт криво усмехнулся.

— А что, я выгляжу так, как если бы летел водолетом?

— Не всю дорогу, капитан, не всю дорогу...

Бригтс напоминал старого бульдога. Это был один из людей, подтверждающих правоту старой песни: «Старые солдаты не умирают, а просто уходят в тень». Бригтс мог бы выйти в отставку десять лет назад, но не захотел. В Свободных Отрядах всегда найдется место старому солдату, пусть даже не имеющему гражданской профессии. Некоторые становились техниками, другие — строевыми инструкторами, остальные — ординарцами. Крепость была им домом: перебравшись в какой-нибудь Купол, они умерли бы от скуки.

Бриггс никогда не получал повышения, не знал стратегии, баллистики, ничего другого, кроме обычного боя. Но он был в Отряде Дуне сорок лет, из них двадцать пять на действительной службе. Он уже разменял седьмой десяток, крепкое тело сгорбилось, как у старого медведя, а лицо, и без того не шибко красивое, покрывали шрамы.

— Нормально... А теперь приготовь душ, ладно?

Бриггс вышел, а Скотт стянул грязную одежду и последовал за ним. Он наслаждался колющими струями — сначала горячая вода с мылом, потом спиртовая смесь и, наконец — чистая вода, горячая и холодная. Это было последнее, что он сделал сам, все остальное взял на себя Бриггс. Когда капитан вытянулся на лежанке, ординарец смазал лекарством его покрасневшие глаза и принялся массировать тело — ловко и сильно, чередуя ручной массаж с регенерирующим биологическим облучением. Под конец он сделал Скотту укол, чтобы снять усталость. Когда Бриггс кончил, Скотт был готов приступить к своим обязанностям: разум его прояснился, тело отдохнуло.

Бриггс принес свежий мундир.

— Я вычищу старый, капитан. Нет смысла выбрасывать его.

— Ничего не выйдет, — заметил Скотт, натягивая майку. — После того, как я вывалялся в грязи... Ладно, делай, как знаешь. Но, боюсь, он мне уже не понадобится.

Пальцы ординарца, застегивающие куртку Скотта, на мгновение застыли, потом снова забегали по ткани.

— Я не ослышался, капитан?

— Нет. Я подаю в отставку.

— Переходите в другой Отряд, капитан?

— Ну-ну, не забывайся, — усмехнулся Скотт. — Нет, дело в другом. А если бы и так, что ты сделаешь? Отдашь меня под трибунал в своем лице и на рассвете расстреляешь?

— Нет, капитан. Прошу прощения, но я решил, что вы спятили.

— Один Бог знает, почему я тебя терплю, — заметил Скотт. — Ты дьявольски упрям. В твоей тупой башке нет места новым мыслям. Ты — квинтэссенция догматизма.

Бриггс кивнул.

— Похоже на то, капитан. Когда человек живет по определенным правилам так долго, как я, и правила эти раз за разом подтверждаются, он поневоле становится догматиком.

— Ты служишь сорок лет, а я... двенадцать.

— Вы быстро идете в гору, капитан. Вы еще будете у нас цинком.

— Это ты так думаешь.

— Вы следующий на очереди после цинка Риса.

— Я покидаю отряд Дуне; — объяснил Скотт. — Но пока держи это при себе.

Ординарец кашлянул.

— Не понимаю, капитан. Если вы не переходите в другой Отряд, куда же вас несет?

— Ты когда-нибудь слышал о Куполах?

Бриггс позволил себе фыркнуть.

— Конечно. Они хороши, чтобы гульнуть, но...

— Я хочу поселиться в одном из них. В Куполе Монтана.

— Купола построили машины. А Крепость Дуне я строил своими руками. Здесь кровь смешана с пластиком. Нам пришлось сдерживать напор джунглей, пока техники ставили стены. Восемь месяцев, капитан, и не было ни одного дня без нападения. А нападения означали потерю людей, ведь у нас были только земляные защитные валы. Корабли вели заградительный огонь, но ведь и сквозь него можно пройти. Это была настоящая битва, капитан.

Скотт вытянул ноги, чтобы Бриггс мог начистить его башмаки.

— Да, чертовски хорошая битва. Я знаю. — Он взглянул сверху на лысину ординарца: на коричневой коже кустами росли седые волосы.

— Вы знаете, но вас здесь не было, капитан. А я был. Сначала мы динамитом расчистили полукруг за охранными валами и начали копать. За нами шли техники, они ставили пластиковые стены так быстро, как только могли. Оружие привозили на баржах, на берегу стояли машины с амуницией. Над нашими головами то и дело свистели снаряды, но это был приятный звук: мы знали — все о'кей, пока продолжается заградительный огонь. Но он не мог продолжаться день и ночь, и джунгли частенько прорывались. Здесь пахло кровью, и это привлекало врага.

— Но вы его отбивали.

— Ясно, отбивали. Цинком был тогда Эдисон Дуне. Он сколотил Отряд за несколько лет до этого, но Крепости у нас тогда не было. Дуне и сам сражался вместе с нами. Однажды он спас мне жизнь. Так или иначе, мы построили эту Крепость, точнее, не мы, а техники. Никогда не забуду, как из орудия на стене дали первый выстрел. Я тогда чуть слезу не пустил. После этого было еще много

работы, но когда выстрелило орудие, мы поняли, что добились кое-чего.

Скотт кивнул.

— Думаю, в тебе живет чувство собственника на эту Крепость.

Бриггс удивленно уставился на него.

— На эту Крепость? Не в этом дело, капитан. Есть много Крепостей, но речь идет о чем-то большем. Не знаю точно, о чем. Сам вид нашего флота... набор рекрутов... старые добрые тосты в кантине... сознание, что... — Он замолчал, запутавшись в словах.

Скотт улыбнулся.

— Я вижу, ты и сам толком не знаешь, Бриггс.

— Чего не знаю, капитан?

— Почему остался здесь. И почему не можешь поверить, что я ухожу.

Бриггс почти незаметно пожал плечами.

— Ну, причина в самом отряде Дуне, — сказал он. — Вот и все, капитан. И в Крепости Дуне.

— Но какое, черт возьми, это будет иметь значение, когда Крепости исполнится несколько сотен лет?

— Надо думать, никакого, капитан. Но не нам судить об этом. Мы — люди Дуне, и это все.

Скотт не ответил. Он легко мог указать ошибки в рассуждениях Бриггса, но какой в этом смысл? Он встал, и ординарец снял невидимую пылинку с его куртки.

— Все в порядке, капитан.

— Хорошо, Бриггс. Меня ждет еще одна битва. Привезти тебе какой-нибудь сувенир?

Ординарец козырнул, скаля зубы в улыбке, и Скотт вышел. Чувствовал он себя прекрасно, высмеивая в глубине души фальшивые ценности, к которым пока должен был относиться серьезно. Разумеется, во время строительства Крепости погибло много людей, но могло ли одно это стать источником традиции? Какая польза от Крепости? Через пару веков она утратит свое значение, станет бесполезным реликтом. Цивилизация движется вперед и даже сейчас с трудом переносит армию. Так какая же польза от солдат? Для привязанности требуются серьезные основания. Свободные Отряды сражались яростно, стойко, с безумным мужеством... сражались ради собственной гибели. Извечные причины войн исчезли.

Так как же все-таки со смыслом? По всей Венере гасли огни Крепостей. И они уже не зажгутся вновь... в ближайшие тысячу поколений!

5

Форт полностью самообеспечивался, скорее, в военном смысле, нежели в социальном. Не было нужды развивать сельское хозяйство, поскольку осад никогда не было. Продукты доставляли из Куполов по морю или по воздуху.

Однако военная продукция оставалась необходимой, поэтому в жизни форта важную роль играли техники — от физиков-экспериментаторов до сварщиков. Всегда была потребность в ремонте, поскольку в битвах бывали потери, да и оружие непрерывно совершенствовалось. Стратегия и моральная подготовка были не менее важны. Немногочисленный флот мог побить значительно более сильный при помощи прикладной психологии.

В доках Скотта встретил лейтенанта Бинне, тот наблюдал за спуском на воду новой подводной лодки. Злость у него еще явно не прошла — козыряя, он сохранял на лице мрачное выражение.

— Приветствую, лейтенант, — сказал Скотт. — Я провожу инспекцию. Вы свободны?

Бинне кивнул.

— Работы у меня немного.

— Что делать... рутина. Мы закончили эту подводную лодку как раз вовремя, верно?

— Да. — Бинне не скрывал радости при виде тщательно отделанного корабля, скользящего вниз по слипам. Скотт тоже почувствовал, что сердце его забилось быстрее, когда лодка с плеском вошла в воду и через мгновение закачалась на волнах. Он взглянул туда, где на якоре стояли двенадцать серо-зеленых чудовищ из плакированного металла — линкоры. Каждый из них нес снаряжение для планеров, а сами планеры были сейчас тщательно укрыты. Между броненосцами стояли эсминцы, похожие на волков с ввалившимися боками. Кроме того, тут же были пришвартованы два легких авианосца, груженые планерами и водолетами, торпедоносцы и один приземистый монитор, непотопляемый и с мощным вооружением, но медлительный. Уничтожить его могла только серия прямых попаданий. Как и все мониторы, «Армагеддон» походил на горбатую жабу и был покрыт, за исключением орудийных портов, броней в форме перевернутой супницы, прочно закрепленной изнутри. «Армагеддон» делился на секции водонепроницаемыми отсеками и имел многочисленные вспомогательные двигатели; даже если монитор погибал, от него всегда что-то оставалось, в отличие от легендар-

ного «Пауэра». Функционально он напоминал динозавра. Такому чудовищу можно было отстрелить голову, но оно продолжало сражаться когтями и хвостом. Тяжелые орудия затрудняли передвижение этого монстра, и главной проблемой было ввести его в сражение. Он был невероятно медлителен.

Скотт нахмурился.

— Кажется, мы будем сражаться над Венерианской Впадиной?

— Угу, — буркнул Бинне, — Так мы договорились. Морские Дьяволы уже движутся в сторону Купола Монтана, а мы остановим их над Впадиной.

— Когда «час Икс»?

— Сегодня в полночь.

Скотт прикрыл глаза, пытаясь представить курс на карте. Выходило не очень-то хорошо. Когда битва завязывалась близ архипелага, была возможность укрыть монитор за островками, но сейчас это исключалось. И очень плохо, потому что Морские Дьяволы — отряд сильный, к тому же, они еще более усилились, объединившись с Легионом О'Брайена. Даже учитывая помощь Банды Мендеса, нельзя было предсказать исход битвы. «Армагеддон» мог бы оказаться решающим фактором.

— Я вот подумал... — сказал Скотт. — Нет, пожалуй, это невозможно.

— Что именно?

— Замаскировать «Армагеддон». Если Морские Дьяволы заметят, что подходит монитор, они уведут сражение в сторону. Хорошо бы ввести его в бой так, чтобы противник ничего не понял.

— Он и сейчас замаскирован.

— Но только цветом, а это легко разгадать. У меня мелькнула мысль превратить его в остров или дохлого кита.

— Для кита он слишком велик, а плавающие острова всегда вызывают подозрение.

— Да, конечно. Но если бы ввести «Армагеддон» в битву, не привлекая внимания противника... Гм-м... У мониторов есть гадкая привычка переворачиваться вверх дном, не так ли?

— Есть такое дело. Центр тяжести у них расположен слишком высоко. Но они не могут сражаться вверх дном. Это не самая удачная мысль, капитан. — На мгновение глаза Бинне вспыхнули.

Скотт кашлянул и отвернулся.

— Ну, ладно. Пошли дальше.

Флот оказался в образцовом порядке, и Скотт отправился в мастерские. Там работали над несколькими новыми корпусами, но шансов закончить работу до «часа Икс» не было. Вместе с Бинне они прошли в лабораторные помещения. Ничего нового, никаких сбоев или неожиданностей. Военная машина работала гладко.

У Скотта вдруг возникла новая идея. Он велел Бинне идти дальше одному, а сам направился к цинку Рису. Цинк сидел в своем кабинете. Когда вошел Скотт, он как раз выключал видеофон.

— Это был Мендес, — объяснил Рис. — Они встретятся с нашим флотом в ста милях от берега и, разумеется, перейдут под наше командование. Мендес хороший командир, но до конца я ему не верю.

— Думаете, он ведет двойную игру?

Цинк Рис небрежно махнул рукой.

— «Брут — человек уважаемый во всех отношениях»...* Нет, он будет придерживаться договора. Но я не стал бы играть с Мендесом в открытую: как Свободный Солдат он заслуживает доверия, а как человек... Ну да ладно. Как у нас дела?

— Отлично. У меня есть план насчет «Армагеддона».

— Завидую, — честно признался Рис. — Мы никак не сможем ввести эту лохань в бой. Как только Морские Дьяволы его заметят, они уведут битву в другое место.

— Я думал о маскировке.

— Монитор есть монитор, его ни с чем не спутаешь. Ты не сможешь придать ему другой облик.

— За одним исключением: он может выглядеть перевернувшимся монитором.

Рис удивленно воззрился на Скотта.

— Интересно... Валяй дальше.

— Смотрите. — Капитан нарисовал на листке бумаги силуэт монитора. — Сверху «Армагеддон» похож на купол, а снизу — несколько иной, главным образом, из-за киля. Почему бы нам не смонтировать на мониторе фальшивый киль?

— Это можно.

— Всем известна слабость мониторов — при залпе всем бортом они порой переворачиваются вверх дном. Если Морские Дьяволы заметят перевернутый «Армагеддон», дрейфующий в их сторону, они наверняка решат, что корабль не способен сражаться.

---

* В. Шекспир. Юлий Цезарь, акт 3, сцена 2.

— Это безумие, — ответил Рис. — Сумасшедшая идея, но может сработать. — Он отдал по видеофону короткие приказы. — Все ясно! Хорошо... Отправляйте «Армагеддон» в путь, как только погрузят снаряжение. Маскировку провести в море — нельзя терять время. Если делать это в доке, монитор никогда не догонит флот.

Цинк отключил связь. Его изрезанное шрамами лицо скривилось в улыбке.

— Надеюсь, это сработает. — Он щелкнул пальцами. — Чуть не забыл... Племянник президента был с тобой, когда случилась авария, верно? Я все думаю, стоило ли освобождать его от обучения... Как он вел себя в джунглях?

— Неплохо, — ответил Скотт. — Я не спускал с него глаз. Из него выйдет хороший солдат.

Рис пристально посмотрел на капитана.

— А как с дисциплиной? Кажется, это его слабое место.

— Пока не жалуюсь.

— Ну что ж, ладно. Банда Старлинга не могла быть хорошей школой, особенно для неоперившегося молокососа. Кстати, о Старлинге. Цинк Мендес знает, что он использует атомное оружие?

— Нет. Если Старлинг и вправду это делает, то держит все в строгой тайне.

— После битвы разберемся. Нельзя допустить... нам не нужна еще одна атомная война. Хватит того, что мы потеряли Землю, а человечество понесло огромный урон. Если такая война повторится, людей и вовсе не останется.

— Не думаю, чтобы дело обстояло так серьезно. На Земле люди утратили контроль над крупными атомными базами, а у Старлинга может быть только ручное оружие.

— Это верно. С его помощью не взорвешь мир. Но наш закон совершенно ясен: «Никакой атомной энергетики на Венере».

Скотт кивнул.

— Хорошо, это все. — Рис жестом отпустил капитана. — Доброй погоды.

Пожелание это в вечно облачном мире звучало иронически.

После обеда в кают-компании Скотт вернулся в свою комнату покурить и немного отдохнуть. Отказавшись от массажа, предложенного Бриггсом, он послал ординарца в буфет за свежим табаком.

— И смотри, чтобы дали «Двадцать Звезд», — наказал он. — Меня тошнит от этой зеленой гидропонной капусты.

— Я свое дело знаю, капитан. — Бриггс вышел, слегка обиженный, а Скотт со вздохом уселся в кресло.

«Час Икс» — в полночь. Последний «час Икс» в его жизни. За весь день он ни разу не вспомнил о том, что все это для него в последний раз.

Он мысленно вернулся в Купол Монтана, вновь переживая минуты, проведенные в другом мире, на окутанном тучами Олимпе, вместе с Илен. Странно, но он не мог вспомнить лицо девушки. Возможно, она была лишь символом, и внешность ее не имела значения. И все же она была чудесна.

Но иначе, чем Джина. Скотт взглянул на трехмерный цветной снимок Джины у себя на столе. Кнопка на рамке включила движение и звук. Наклонившись вперед, он коснулся маленькой выпуклости. Фигура Джины в глубине фотографии с улыбкой шевельнулась, губы приоткрылись.

Голос ее, хоть и тихий, звучал совершенно естественно:

— Привет, Брайан. Хотела бы я сейчас быть с тобой. Вот тебе мой подарок, дорогой. — Она послала ему воздушный поцелуй и вновь замерла.

Скотт еще раз вздохнул. С Джиной было хорошо. Но... Черт побери, она не хотела меняться! Да и почти наверняка не смогла бы. Илен, скорее всего, была не менее догматичной, но она символизировала жизнь в Куполе, а в этом-то Скотт и нуждался больше всего.

Жизнь Илен была искусственной, но она честно признавалась в этом и отлично сознавала, что все ее идеалы фальшивы. По крайней мере, она не делала вид — как делали это Свободные Солдаты, — что есть идеалы, за которые стоит умирать. Скотт вспомнил Бриггса. Для старого ординарца много значило то, что во время строительства Крепости Дуне погибло много людей. Но он никогда не спрашивал себя, зачем. Зачем они умирали? В чем была основная цель строительства Крепости Дуне? Война. А войны вскоре прекратятся.

Каждый должен верить в какие-то идеалы, прежде чем отдаст за них жизнь. Человек должен чувствовать, что помогает этим идеалам выстоять... поливая их собственной кровью, чтобы наконец расцвел цветок мечты. Багровый цветок Марса цвел долго. Как там в старой песне?

«Верно лишь одно, все прочее — мираж,
И этому цветку не миновать увясть».

Это была правда, но Свободные Отряды делали вид, что багровый цветок по-прежнему свеж. Они не хотели

признать, что даже его корни засохли и с трудом впитывают кровь, льющуюся ради их неутолимой жажды.

Расцветут новые цветы, откроются новые почки, но в Куполах, а не в Крепостях. Сейчас зима, и цветы прошлого лета уже исчезли, но почки нового уже пробуждаются к жизни. И жизнь эта будет питаться перегноем войны.

В прибрежных Крепостях, охраняющих Купола, по-прежнему держались за отжившие традиции. Скотт поморщился. Смело, но бессмысленно и безумно. Он прежде всего человек, а не солдат, а человек по своей природе — гедонист, независимо от того, связан он с цивилизацией или нет.

Скотт был далек от людей Куполов. Он не чувствовал ничего общего с подводной культурой, и это не могло перемениться. Но он мог бы забыться в гедонистическом раю Куполов, в бесполезной пене, венчающей любое общество. С Илен он мог бы, по крайней мере, искать счастья, избегая горькой самоиронии, с которой жил так долго.

Илен честно признавала, что обречена, поскольку, к своему несчастью, была еще и умна.

«Вот потому, — подумал Скотт, — мы могли бы составить идеальную пару».

Капитан поднял голову — в комнату вошел лейтенант Бинне. Под загаром его лицо налилось кровью, из-под тяжелых век поблескивали полные злобы глаза. Захлопнув дверь, он остановился, пошатываясь, посмотрел на Скотта и процедил что-то нелестное.

Капитан встал, холодный комок ярости застыл у него в желудке.

— Ты пьян, Бинне, — очень тихо сказал он. — Убирайся.

— Конечно, пьян, мой маленький оловянный солдатик. А ты любишь приказывать, да ведь? И пакостить за спиной. Сегодня ты отнял у меня командование левым флангом. Меня блевать тянет, когда я смотрю на тебя, капитан Брайан Скотт.

— Не строй из себя большего идиота, чем ты есть. В личном смысле ты нравишься мне не больше, чем я тебе, но с Отрядом это не имеет ничего общего. Я предлагал цинку поставить тебя командиром.

— Врешь, — покачиваясь, заявил Бинне. — Как я тебя ненавижу!

Скотт побледнел, шрам у него на щеке налился кровью. Бинне подошел ближе. Он был пьян, но руками

владел вполне. Вдруг он размахнулся и дал капитану в зубы.

Скотт вел себя спокойнее. Он уклонился от следующего удара, а потом жестко и точно двинул лейтенанту в челюсть. Бинне отлетел назад, ударился о стену и мешком сполз на пол.

Растирая руку, Скотт с холодным интересом смотрел на него, словно что-то прикидывая. Потом он присел и осмотрел лейтенанта. Нокаут, ничего больше.

Вошел Бриггс, он не выказал ни малейшего удивления при виде неподвижного тела Бинне. Идеальный ординарец подошел к столу и принялся наполнять табаком жестяную коробку.

Скотт еле сдержал смех.

— Бриггс!

— Слушаю, капитан?

— Лейтенант Бинне поскользнулся и ударился обо что-то челюстью. Кроме того, он слегка под мухой. Займись им, хорошо?

— С удовольствием, капитан. — Бриггс взвалил тело Бинне на мускулистое плечо.

— «Час Икс» — в полночь. К этому времени лейтенант должен быть на борту «Мушкета». Трезвый. Это возможно?

— Конечно, капитан, — ответил Бриггс и вышел.

Скотт сел в кресло и набил трубку. Вернее было бы запереть Бинне в его комнате. Но, с другой стороны, это личные счеты. Можно сделать небольшую поблажку, тем более, что Бинне — опытный офицер и должен во время боя быть на борту. Скотт испытал смутную надежду, что лейтенанту отстрелят его дурную башку.

Через некоторое время он выбил из трубки пепел и отправился в порт, чтобы провести последнюю инспекцию.

В полночь флот поднял якоря, и на рассвете корабли Отряда Дуне уже подходили к Венерианской Впадине.

Корабли Банды Мендеса были с ними: семь броненосцев, крейсера поддержки, эсминцы и один транспортник. Монитора у Банды не было: два месяца назад он перевернулся вверх дном и до сих пор стоял в доке.

Объединенный флот выстроился полукругом. Правый фланг — им командовал Скотт — состоял из «Мушкета», его командирского корабля — а также «Аркебузы», «Стрелы», «Мизерикордии» и всех линкоров Дуне. Их сопро-

вождали два корабля Банды — «Навахо» и «Зуки», последний под командованием цинка Мендеса. У Скотта был один крейсер, второй находился на левом фланге. Между ними держались более легкие корабли.

Слева и сзади шли броненосцы: «Арбалет», «Пика», «Автомат», «Палица» и еще три корабля Банды Мендеса. Цинк Рис держал флаг на «Пике», руководя всей операцией. Замаскированный «Армагеддон» тяжело сопел далеко позади, почти невидимый в тумане.

Скотт сидел в командной рубке, его окружали экраны видеофонов и панели управления. Шестеро операторов непрерывно вели запись данных, готовые мгновенно включиться в дело, едва в наушниках прозвучит приказ. Для этого на груди у Скотта висел небольшой микрофон.

Взгляд капитана скользнул по экранам.

— Были рапорты с планеров?

— Нет, капитан.

— Соедините меня с командиром воздушной разведки.

Один из экранов замигал и ожил, на нем появилось лицо младшего офицера.

— Докладывай.

— Пока ничего, капитан. Минутку. — Послышался далекий гром. — Детекторы наткнулись на тайный канал связи прямо над нами.

— Планер противника в облаках?

— Вероятно. Сейчас он снова исчез.

— Постарайтесь его локализовать.

Впрочем, это было не так уж важно. Самолеты можно было обнаружить без труда, но с планерами — дело другое. Единственный способ засечь их — настроить камеры детектора точно на волну видеофона планера; задача потруднее, чем найти иголку в стоге сена. К счастью, они не могли нести бомб.

— Поступил рапорт от одного из наших планеров, капитан.

На экране появилось другое лицо.

— Говорит пилот. Я обнаружил неприятеля.

— Хорошо. Переключи камеру на инфракрасный диапазон. Какой сектор?

— Джи-Би восемьдесят семь, северо-запад, двадцать один.

Скотт склонился над своим микрофоном.

— Соедините меня с цинком Рисом и лейтенантом Гиром. И с цинком Мендесом.

Еще три экрана осветились, показав лица офицеров.

— Давайте пилота.

Где-то над Венерианской Впадиной пилот вел свой планер сквозь облака. Автоматическая телекамера, настроенная на инфракрасный диапазон, показала расстилающийся внизу океан. На экране были четко видны корабли в боевом порядке.

Скотт мысленно называл их один за другим: «Орион», «Вега», «Сириус»... ого, «Поларис»! Теперь легкие корабли. Как их много!..» Он продолжал считать.

— У них огромное численное превосходство, — заметил цинк Рис. — Цинк Мендес, ваши подводные детекторы уже работают?

— Работают. Пока ничего.

— Полагаю, сражение начнется через полчаса. Мы их обнаружили, и они нас, конечно, тоже.

— Принято.

Экраны потемнели. Скотт снова сел. Оставалось только ждать и быть готовым к любым неожиданностям. «Орион» и «Вега» были крупнейшими боевыми кораблями Морских Дьяволов, они превосходили любой корабль Отряда Дуне или Банды Мендеса. На борту «Ориона», несомненно, находится цинк Флинн. У Морских Дьяволов тоже имелся монитор, но на экране его не было. Вероятно, это чудовище не успеет подойти, чтобы принять участие в битве.

Но даже без монитора Морские Дьяволы имели на воде подавляющее преимущество. Да и подводный флот не стоило списывать со счетов. Подводные детекторы цинка Мендеса могли уравнять шансы, вот только не оказалось бы, что этого мало.

Скотт снова подумал, что «Армагеддон» может стать главным козырем, последним аргументом. Но пока замаскированный монитор плелся далеко позади последнего из кораблей Дуне.

На экране появился лейтенант Бинне; теперь он превратился в дисциплинированного, вымуштрованного робота. Личных обид как не бывало — так действовала на человека боевая обстановка.

Впрочем, Скотт не ждал ничего иного, и его голос, когда он ответил на вызов Бинне, звучал совершенно бесстрастно.

— Водолеты готовы к старту, капитан.

— Отправляй их через пятнадцать минут. Передай приказ на левый фланг всем кораблям, имеющим водолеты.

— Принято, капитан.

Мгновение царила тишина, потом вдруг загрохотало. Скотт настороженно окинул взглядом экраны.

Появилось новое лицо.

— Морские Дьяволы раскрылись. Сейчас они изучают район. Вероятно, над нами висят планеры, но мы пока не можем их обнаружить.

— Отправь людей под защиту брони и начинай пристреливаться. Приготовиться к отражению огня. И свяжись с нашими пилотами, что барражируют над Морскими Дьяволами.

Начинался непрерывный грохот, который будет теперь продолжаться до взрыва последнего снаряда. Пришел вызов от цинка Риса, и Скотт включил экран.

— Слушаю, цинк.

— Тревожь противника. Пока мы не можем сделать ничего особенного. Измени строй по плану «Эр-восемь».

Включился цинк Мендес:

— Обнаружены три вражеские подводные лодки. У наших детекторов максимальный угол наклона.

— Измени зону поражения так, чтобы не задеть наши подводные лодки.

— Сделано. Неприятель использует магнитные глубинные мины, ставит заслоны по мере приближения.

— Я поговорю с командирами подводных лодок.

Рис отключился.

Скотт прислушался к канонаде. До его ушей еще не доходил характерный звук ударов тепловых лучей — клап, клап — впрочем, противники еще недостаточно сблизились, чтобы применить это неточное, но сильное оружие.

— Есть потери, капитан. Прямое попадание в «Штык».

— Масштаб разрушений?

— Он сохранил ход. Точный рапорт позже.

Через минуту на экране появился пилот планера.

— Попадание в «Поларис», капитан.

— Включи пеленгатор.

Показался боевой корабль Морских Дьяволов с развороченной надстройкой, но явно еще способный сражаться. Скотт покачал головой. Обе стороны уже включились в сражение, и хотя туман еще скрывал флоты друг от друга, они неуклонно сближались.

Канонада усилилась. Из-за сильных венерианских ветров целиться было трудно, но накрытия все же были. Скотт мрачно кивнул, когда «Мушкет» вздрогнул от удара.

Теперь они получат свое. Здесь, в рубке корабля, он был так близок к битве, как ни один солдат сражающегося флота. Его глазами были экраны.

Их можно было переключать на инфракрасный диапазон, поэтому Скотт, запертый в самой середине корабля мог видеть больше, чем наблюдатель с палубы. Что-то выскочило из мрака, и Скотт затаил дыхание, но тут же узнал силуэт «Мизерикордии», корабля Отряда Дуне. Она сбилась с курса. Капитан через малый микрофон устроил командиру скоротечный разнос.

Теперь двинулись водолеты — быстрые шершни, целившие во флот врага. Скотт вспомнил, что на одном из них находится Норман Кэн. Он снова подумал об Илен Кэн, но тут же отогнал воспоминание — сейчас для этого не было времени.

Сражение исключало посторонние мысли.

Цинка Мендес сообщил:

— Еще одиннадцать подводных лодок. Одна прорвалась. Кажется, крутится рядом с «Мушкетом». Сбрось глубинные бомбы.

Скотт кивнул и отдал приказ. В этот момент корабль содрогнулся, и через секунду пришло донесение: течь топлива с правого борта.

Да, несколько точно нацеленных торпед могут причинить большие неприятности.

«Мушкет» плыл под непрерывным обстрелом тяжелых орудий, тепловые лучи прошивали судно насквозь. Большим кораблям нелегко избежать этих жгучих лучей, которые могут расплавить броневые плиты, но водолеты, танцевавшие вокруг, как разъяренные псы, посылали в излучатели град снарядов. Такая атака требовала точного взаимодействия. Лучи были невидимы, и засечь их можно только тогда, когда сам становишься целью. Расчеты камер работали непрерывно: они прослеживали залпы с неприятельских кораблей, засекали излучатели и передавали информацию экипажам водолетов.

— «Ригель» Морских Дьяволов вышел из боя.

На экране крупный эсминец повернулся вокруг собственной оси, явно собираясь идти на таран. Скотт молниеносно отдал приказ, и «Мушкет» безжалостно ударил, расстреливая обреченный «Ригель».

Корабль проплыл так близко, что команда «Мушкета» видела, как его кладет с борта на борт. Скотт проследил его курс и бросился вызывать Мендеса.

— О-Эм, О-Эм, срочно! Дайте «Зуни»!

— Говорите, капитан.

— Измените курс, «Зуни»! Эсминец прицельно плывет прямо на вас! — выкрикнул Скотт.

— Принято... — Экран потемнел.

Скотт включил пеленгатор и даже застонал от того, что увидел. «Зуни» плыл быстро, но «Ригель» был слишком близко, чертовски близко.

И таранил.

— Черт бы тебя побрал... — пробормотал Скотт. Они вывели «Зуни» из сражения. Он доложил обо всем цинку Рису.

— Принято, капитан. Сохраняй строй «Эр-восемь».

На экране появился Мендес.

— Капитан Скотт, мы потеряли ход. Я выхожу на палубу. Мне нужно руководить подводными лодками. Для меня найдется место в вашей рубке?

— Конечно, цинк. Переходите через порт сектора семь.

Окутанные туманом флоты двигались параллельными курсами, линейные корабли сохраняли боевой порядок, изрыгая потоки лучей и град снарядов. Легкие корабли то и дело покидали строй, а водолеты роились как комары, скопом набрасываясь на каждый корабль крупнее себя.

Планеры при таком сближении были бесполезны.

Грохот продолжался, все новые и новые удары раскачивали «Мушкет».

— Подбит «Орион» Морских Дьяволов. Подбит «Сириус».

— Подбит «Апач», корабль Банды.

— Уничтожены еще четыре подводные лодки противника.

— Подводная лодка Дуне «Икс-шестнадцать» не отвечает.

— «Поларис» Морских Дьяволов потерял ход.

— Вышли из боя вспомогательные водолеты, номера девять и двадцать.

Тяжело дыша, вошел цинк Мендес. Скотт молча указал ему на соседнее кресло.

— Подбита «Пика». Минутку... Цинк Рис ранен, капитан.

Скотт замер.

— Подробности!..

— Сейчас... Он убит, капитан.

— Ну что ж, — сказал Скотт после паузы, — я принимаю командование. Передай это на корабли.

Он перехватил взгляд, который бросил на него цинк Мендес. Когда погибал цинк Отряда, имелись два варианта: выборы нового цинка или объединение с другим Отрядом. В данном случае от Скотта требовалось, чтобы он временно принял командование флотом. Позднее в Крепости Дуне пройдет общий сбор Отряда, где и будет принято окончательное решение.

Но сейчас Скотт подумал об этом только мельком. Рис мертв! Твердый, неподвластный эмоциям Рис убит. Капитан вспомнил, что где-то в Куполе у него была свободная жена. Отряд будет выплачивать ей ренту. Скотт никогда не видел эту женщину... Странно: теперь он подумал, какая она, а раньше такой вопрос просто не приходил в голову.

Экраны мерцали. Теперь его обязанности удвоились, нет, утроились. Руководя битвой, Скотт забыл обо всем прочем.

Это походило на первую степень амнезии, когда трудно определить, сколько времен прошло. Битва могла длиться час, а могла и все шесть. Или меньше часа.

— Эсминец потерял ход, крейсер тоже.

— Три вражеские подводные лодки выведены из строя.

И так далее, без конца... Сидя рядом с ним, цинк Мендес руководил подводным сражением. «Где, черт побери «Армагеддон», — думал Скотт, — бой сто раз закончится, прежде чем появится эта черепаха-переросток».

Внезапно экран замерцал, и появилось худощавое лицо со сломанным носом — цинк Флинн, командир Морских Дьяволов.

— Вызываю командование Отряда Дуне.

— Принято. На связи капитан Скотт, командующий.

Почему Флинн вышел на связь? Флоты никогда не контактировали во время сражения, разве что обсуждался вопрос о капитуляции.

— Вы пользуетесь атомным оружием. Требую объяснений, — коротко произнес Флинн.

Мендес вздрогнул. Скотт почувствовал, как холодная рука стискивает его желудок.

— Разумеется, это произошло без моего ведома и согласия, цинк Флинн. Мне очень жаль. Прошу вас, сообщите подробности.

— Один из ваших водолетов выстрелил из атомного пистолета в «Орион».

— Потери?

— Повреждено семиствольное орудие.

— Одно из наших орудий того же класса немедленно прекратит огонь. Что еще, цинк?

— Воспользуйтесь вашим детектором в секторе Мобиль-восемнадцать, южнее «Ориона». Ваши извинения приняты. Мы исключим инцидент из наших записей.

Флинн прервал связь, а Скотт поймал детектором водолет Дуне и увеличил изображение.

Маленькое суденышко удирало от огня неприятеля, мчась обратно к своему флоту, прямо на «Мушкет». Сквозь прозрачный колпак Скотт видел, что бомбардир, у которого отстрелили полчерепа, безвольно обвис в кресле. Пилотом был Норман Кэн, он все еще сжимал в руке атомный пистолет. Кровь ручьями стекала по его напряженному лицу.

Итак, банда Старлинга использовала атомное оружие. Кэн, покидая ее, оставил себе атомный пистолет и сейчас, в возбуждении боя, использовал его против неприятеля.

— Расчет орудия правого борта. Водолет «Зет-девятнадцать-четыре». Уничтожить его, — холодно приказал Скотт.

Почти сразу же рядом с суденышком разорвался снаряд. На экране Кэн взглянул вверх, удивленный, что в него стреляют свои. Затем на лице юноши отразилось понимание. Он резко повернул и поплыл зигзагом, отчаянно пытаясь уклониться от града снарядов. Скотт следил за всем этим, стиснув зубы. Через мгновение водолет исчез в столбе разрыва, разлетевшись на куски.

Правосудие свершилось.

После сражения Отряды объединятся, чтобы уничтожить банду Старлинга.

Но пока бой продолжался, и Скотт вернулся к своим экранам, вычеркнув инцидент из памяти.

Постепенно чаша весов начала клониться в сторону Морских Дьяволов. Обе стороны теряли корабли, они выходили из боя, реже — тонули, и Скотт все чаще думал об «Армагеддоне», который мог бы разом решить исход сражения. Но тот по-прежнему плелся далеко позади.

Скотт не услышал взрыва, уничтожившего командную рубку — он сразу потерял сознание.

Вероятно, беспамятство длилось недолго. Открыв глаза, он увидел разгромленную рубку и в первый момент решил, что уцелел он один. Но это не могло быть прямым попаданием, тогда погиб бы и он.

Он лежал на спине, придавленный тяжелой балкой, но кости были целы. Ему просто повезло — основной удар

приняли на себя операторы. Скотт сразу понял, что они мертвы.

Он попытался выбраться из-под балки, но это оказалось ему не по силам. В громе битвы голос его совершенно терялся.

У двери что-то шевельнулось. Цинк Мендес с трудом поднялся и огляделся по сторонам. Кровь ручьем стекала по его лицу.

Он остановился, покачиваясь взад-вперед, и тупо взглянул на капитана.

Потом положил руку на рукоять своего пистолета.

Скотт легко прочитал его мысли. Если бы сейчас погиб капитан Отряда Дуне, был бы шанс, что Банда Мендеса соединится с Отрядом Дуне и он примет командование. Этого требовало военно-политическое равновесие.

Если же Скотт выживет, он, вероятно, будет выбран цинком.

Таким образом, убийство принесло бы Мендесу немалую выгоду.

Какая-то тень проскользнула в дверь. Стоявший спиной к вошедшему, Мендес не видел, что лейтенант Бинне остановился на пороге, молча глядя на эту сцену. Скотт знал, что Бинне не хуже его самого оценивает ситуацию, а лейтенант понимал, что через мгновение Мендес вытащит оружие и выстрелит.

Скотт ждал. Пальцы цинка сомкнулись на рукояти пистолета. Криво усмехнувшись, Бинне сказал:

— Я думал, этот снаряд прикончил вас, капитан. Но солдата Дуне не так-то просто убить.

Мендес снял руку с пистолета и встал прямо. Потом повернулся к Бинне.

— Рад видеть вас, лейтенант. Может, вместе нам удастся поднять эту балку.

— Попробуем.

Вдвоем они сняли балку с груди Скотта. Взгляд капитана на мгновение встретился с глазами Бинне. В них по-прежнему не было никаких дружеских чувств.

Честно говоря, Бинне вовсе не спас Скотту жизнь. Это был, скорее, вопрос лояльности к Отряду Дуне. Бинне был прежде всего солдатом.

Скотт ощупал себя — все цело.

— Долго я был без сознания, лейтенант?

— Десять минут. «Армагеддон» подходит.

— Отлично. Морские Дьяволы меняют курс?

Бинне покачал головой.

— Пока они ничего не подозревают.

Скотт откашлялся и направился к двери, остальные двинулись следом.

— Нам нужен другой флагман, — заметил Мендес.

— Хорошо. Пусть будет «Аркебуза». Лейтенант, принимайте командование здесь. Цинк Мендес...

Водолет перевез их на «Аркебузу», все еще пригодную к бою. Скотт заметил, что «Армагеддон» еле-еле ползет через волны. Согласно плану сражения, корабли Дуне подвели Морских Дьяволов к этому явно беспомощному гиганту. Техники поработали на славу: фальшивый киль выглядел весьма убедительно.

На борту «Аркебузы» Скотт принял командование, оставив Мендесу вспомогательный пульт для его глубинных бомб. Цинк склонился над плечом капитана.

— Подождем, пока заговорит монитор, капитан.

— Да... но пока наши дела идут неважно.

Никто из них ни слова не сказал об инциденте, его тактично забыли — единственное, что можно было сделать.

По-прежнему гремели орудия. Морские Дьяволы поливали огнем строй Дуне, они явно побеждали. Скотт, морщась от боли, смотрел на экраны. Если тянуть и дальше, может оказаться слишком поздно.

Он взглянул на изображение «Армагеддона». Корабль находился в превосходной позиции между двумя крупнейшими кораблями Морских Дьяволов.

— Снять маскировку, — скомандовал он. — Всем стволам — огонь!

На мониторе открылись орудийные порты, выдвинулись огромные орудия. Они выстрелили почти одновременно, и их грохот заглушил залпы легких орудий.

— Всем судам Дуне — в атаку, — приказал Скотт. — План «Эр-семь».

Наконец-то!

Корабли Дуне начали общее наступление. Грохоча и шипя, их орудия пытались заглушить залпы монитора. Это им не удалось, но отчаянный натиск решил дело.

Ввести монитор в сражение было почти невозможно, но уж если это удалось, остановить чудовище могло только ядерное оружие.

И все же Морские Дьяволы еще дрались, пытались перегруппироваться. Но все было бесполезно: крупные ли-

нейные корабли уже не могли уйти из-под обстрела всесокрушающих орудий «Армагеддона». А это значило...

На экране появилось лицо цинка Флинна.

— Мы сдаемся, капитан. Прекратите огонь.

Скотт отдал приказ, и рев орудий сменился невероятной, звенящей тишиной.

— Это было великое сражение, цинк.

— Согласен. Ваша уловка с монитором просто великолепна.

Итак, все кончилось. Скотт чувствовал, будто в нем что-то оборвалось: его покинуло возбуждение, благодаря которому он держался до сих пор.

Остальное было чистой формальностью.

Символические глубинные бомбы будут сброшены на Купол Вирджиния. Они не причинят Куполу никакого вреда, но таковы уж правила игры. Купол, поддерживающий проигравшую сторону, заплатит выкуп — все как обычно. Это будет определенное количество кориума или его денежный эквивалент — по договоренности. Казна Дуне изрядно пополнится. Часть денег пойдет на ремонт судов и строительство новых, и жизнь Крепости пойдет своим чередом.

Стоя один на палубе «Аркебузы», плывущей к Куполу Вирджиния, Скотт смотрел, как мрак превращает облака из жемчужных в серые, а потом и вовсе съедает их. Он был один на один с ночью.

Из иллюминаторов за спиной капитана лился теплый желтый свет, но Скотт не поворачивался. Он думал, что это похоже на окутанный облаками Олимп в Крепости Монтана, где он клялся Илен... во многом.

Но была и разница. На Олимпе человек уподоблялся богу, возносился над миром. Здесь же, в этой непроницаемой темноте, чувства обособленности не возникало. Вокруг ничего не было видно — у Венеры нет спутника, тучи закрывали звезды, а море не фосфоресцировало.

«Под этими водами стоят Купола, — думал Скотт, — и будущее принадлежит им. Битвы, вроде сегодняшней, нужны, чтобы Купола жили».

Люди приносили себя в жертву и всегда будут это делать ради общества, ради армии или ради собственных иллюзий.

Человек не может жить без идеала. «Не будь Бога, люди создали бы его».

Даже Бинне доказал свою преданность фетишам, а ведь Скотт знал, что он его по-прежнему ненавидит.

Идеалы Свободных Отрядов были насквозь фальшивыми, и все же оттого, что люди в них верили, цивилизация может возродиться — из Куполов. Цивилизация, которая забудет своих обреченных защитников — солдат морей Венеры, Свободные Отряды, выкрикивающие свои безумные и безнадежные боевые кличи, зовущие к ночи без рассвета.

Илен...

Джина.

Это был не простой выбор. Впрочем, выбора и не существовало. Скотт прекрасно знал, что никогда не поверит всем сердцем в Свободные Отряды. Всегда где-то в нем самом будет горько усмехаться Дьявол.

Плеск волн сделался громче.

Все это ни гроша не стоило, да и его рассуждения были сентиментальны, безумны, глупы и слащавы.

Но теперь Скотт знал, что не вернется к Илен.

Конечно, он был глупцом.

Но еще — солдатом.

ОДЕРЖИМОСТЬ

ПРОЛОГ

Сияющая бездна навсегда разделила белые ночи Земли и сумрачные зори Венеры. Бездна пространства и Бездна времени.

Все ярче разгорались огни подводных Куполов, укрывших под поверхностью мелкого моря зачарованные в безвременьи города. Уже мало кто помнил, как незаметно венерианские сумерки сменяются тьмой. Но облака, плотно кутающие планету, все так же скрывали звездочку под названием Земля.

Двадцать седьмое столетие отсчитывало человечество. Семисот лет назад зажглись огни Куполов, шестьсот минуло с тех пор, как Земля умерла.

Венера была создана не для людей. Лишь жестокая необходимость заставила их жить на ней. Многое пришлось преодолеть, но время, еще недавно столь бурное и стремительное, все более замедляло ход. Не успевшую возродится цивилизацию ждал летаргический тупик.

Но перед вулканами и землетрясениями человек оказывался беспомощным и хрупким. Давно он осознал свое

могуществе, но не долее двух месяцев выстояли его колонии на побережье.

Свирепость юрского периода на Земле задолго до появления человека в землю же и ушла. Но на Венере он встретился со свирепостью, значительно превосходящей земную. Его оружие, слишком мощное, было в то же время и слишком слабым. В этом новом для него мире он встретился с невероятной силой первобытного буйства природы.

Встретился... и бежал.

Под водой он нашел спасение. Та же наука, что проложила дорогу в космос и погубила Землю, позволила построить на дне венерианских морей города, покрытые куполами из империума. Человек вернулся в море, как когда-то вышел из него. Под поверхностью моря зажглись огни, но зори навсегда сменились сумерками.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Забудь заклятья.
Пусть дьявол, чьим слугой ты был доныне,
Тебе шепнет, что вырезан до срока
Ножом из чрева матери Макдуф.

Шекспир*

Знамением было рождение Сэма Уоркера, а вся его судьба была предопределена самой формацией общества, живущего под гигантскими Куполами.

Хрупкой и хорошенькой Бесси не следовало иметь детей. У нее были узкие бедра и слишком тоненькая фигурка. Кесарево сечение убило ее, но на свет появился Сэм, и ему предстояло уничтожить этот мир, чтобы уцелеть.

Ненависть — первое, что встретил Сэм в этом мире. Блейз Харкер люто возненавидел своего сына за смерть жены. Он никак не мог забыть едва слышные жалобные вскрики Бесси в ту ночь. Даже анестезия ей не помогала. К материнству она была не готова ни физически ни психологически...

Блейз и Бесси... Ромео и Джульетта своего времени. Они безумно любили друг друга. Легко и беззаботно они предавались наслаждениям, жизнь казалась прекрасной и бесконечной, пока не был зачат Сэм.

---

* Вильям Шекспир, "Макбет", акт V, сцена 8.

В подводных городах было что выбирать. По призванию любой мог стать ученым, инженером или, к примеру, художником. Праздность тоже была весьма уважаемым занятием, если позволяли средства. А если их нет... что ж, зерна лотоса дешевы и безотказно дарят забвение. Для талантливых предлагалось широкое поле деятельности: от талассополитики до ядерной физики, находящейся, впрочем, под строгим контролем. Для любителей острых ощущений в залах и на аренах Олимпа существовало множество развлечений, вплоть до самых дорогих и изысканных.

К этой элите принадлежали и Блейз с Бесси. Средства вполне позволяли им выбирать все лучшее, а культ наслаждений, исповедываемый в Куполах, обещал превратить их жизнь в сказку со счастливым концом. Но смерть Бесси породила ненависть.

Пять поколений Харкеров жило под Куполами и четыре из них встретились в одной комнате.

Джеффри некогда родил Рауля, Рауль родил Захарию, Захария родил Блейза, а Блейз — Сэма.

Небрежно раскинувшись на мягком диване, Блейз раздраженно выкрикнул своему прадеду Джеффри:

— Да катитесь вы все хоть к черту! Родственнички, век бы вас не видеть.

Атлетически сложенный блондин с нелепо оттопыренными ушами и огромными ступнями спокойно ответил:

— Молод ты еще так говорить. Двадцать-то хоть исполнилось?

— Не твое дело! — огрызнулся Блейз.

— А мне осталось двадцать до двухсот, — так же спокойно продолжил Джеффри. — Но, не в пример тебе, у меня хватило ума заиметь ребенка уже после шестидесяти и даже на то, чтобы не использовать для этого собственную жену. Но объясни ты мне, старому, чем мальчик-то виноват?

Насупившись, Блейз смотрел на свои руки. Тут не выдержал его отец Захария:

— Да что с ним разговаривать, с этим идиотом, — взорвался он. — Его место в пансионате для душевнобольных. Там он быстренько расскажет правду.

Блейз зло усмехнулся.

— Успокойся, папочка. Я предусмотрел ваши нежные порывы и принял меры. Я заранее прошел через множество тестов и испытаний, и теперь любая комиссия под-

твердит мою психическую состоятельность и высокий коэффициент интеллекта. И вы все, дорогие родственнички, бессильны что-либо изменить.

— Пусть даже так, но ты не забывай, что и двухнедельный ребенок имеет все права гражданина, — возразил высокий смуглый и элегантный Рауль, дед Блейза, явно забавляясь семейной сценой. — Он сын тебе, и ты не имеешь права лишать его всего. Ты уверен, что все делаешь правильно?

— Уверен.

Джеффри повел грузными плечами, глазами сверкнул на Блейза.

— Где мальчик? — едва сдерживаясь, спросил он.

— Не знаю и не хочу знать!

— Он мой внук! — взвился Захария. — И мы найдем его, слышишь? Где бы он ни был, хоть на континенте.

— Это точно, — поддержал Рауль. — У семьи Харкеров достаточно власти, чтобы покончить с твоей дурью. До сих пор ты развлекался как только хотел. Отныне будем считать, что твоя вольная жизнь кончилась.

— Сомневаюсь, — усмехнулся Блейз. — Средств у меня вполне достаточно, чтобы обойтись без вас. А вот моего сыночка отыскать вам будет весьма сложно.

— Ничего, мы семья могущественная, — вслед за Раулем заметил Джеффри.

— Кто бы спорил... — с улыбкой согласился Блейз. — Но любопытно, как вы узнаете его, если даже найдете?

Общество, культивирующее наслаждение, создало извращенную науку. Кто знает, сколько блестящих умов погибло в утонченной неге. И среди порабощенных искусственной эйфорией встречались великолепные специалисты любого профиля, согласных на все, лишь бы продлить удовольствие. Способный хорошо заплатить, Блейз легко нашел женщину, отлично знающую свое дело, во всяком случае, когда носила Мантию Счастья. Адаптированное животное венерианских морей, Мантия обволакивала свою жертву, устанавливала с ней нейроконтакт, и та медленно умирала в высочайшем наслаждении. Такая сладкая смерть стала настолько популярной, что промысел этих животных был строжайше запрещен.

Женщина прекрасно смотрелась в белоснежном мягком одеянии. Мантия причудливо мерцала и содрогалась в экс-

тазе смертельного симбиоза. В гипнотической сосредоточенности женщина выполняла работу, которая должна была обеспечить ей достойные похороны года через два. Больше любители Мантии не жили.

Эндокринологию она знала до тонкостей, и через некоторое время Сэм Харкер навсегда утратил свои наследственные признаки.

Редкий пушок на голове ребенка, способный со временем превратиться в рыжую шевелюру, навсегда уничтожило специальное средство. Была изменена генетическая матрица. Искусно прооперированные мозжечок, щитовидная железа и шишковидный отросток мозга, представляющие пока просто комочки ткани, по мере созревания организма должны были все более отдалять внешность ребенка от фамильных черт Харкеров. Но сейчас это был всего лишь бесформенный комок хрящей и желеобразных тканей. Грубые швы четко просматривались на его мягком младенческом черепе.

— Сойдет, — усмехнулся Блейз. Перед его мысленным взором стояла Бесси. — Не так, чтобы совсем уж урод. Низенький, толстенький... *кретин.*

Подрагивающий комок плоти, слепя белизной бинтов в свете бактерицидных ламп, неподвижно лежал на операционном столе.

Женщина в Мантии, содрогаясь в неописуемом экстазе, тронула кнопку вызова и легла на пол. Ее глаза, пустые, словно зеркальца, слепо уставились в потолок. На вызов пришел ассистент. С послеоперационной обработкой мог справиться и он.

За Блейзом была установлена слежка. Таким образом старшие Харкеры надеялись найти ребенка. Но Блейз, казалось, предусмотрел все. Отпечатки пальцев и снимок глазного дна Сэма он спрятал в тайнике. Сам же он попытался поскорее забыть сына, отдавая все на волю случая. Надежды для Сэма Харкера почти не оставалось.

Своеобразный будильник в мозгу Блейза потихоньку тикал, но зазвонит ли он когда-нибудь, не знал и сам Блейз. Реальность оказалась слишком жестока к нему, и он всеми силами старался забыть и Бесси, и сына. С отчаянной решимостью он окунулся в водоворот гедонизма, и культ наслаждений снова раскрыл ему свои сладостные объятия.

Дни сменялись днями. Время тянулось невыносимо медленно. Свои ранние годы Сэм почти не помнил. Родители его, или точнее, те, кого он считал своими родителями, не имели с ним ничего общего. Операция, изменив внешность, не затронула мозг, и он унаследовал от предков-мутантов их интеллект и способности. Мутация, впрочем, приводила лишь к увеличению продолжительности жизни, но и этого оказалось достаточно, чтобы семья Харкеров господствовала на планете. Разумеется, они не были единственными долгожителями. От двухсот до семисот лет могли надеяться прожить несколько сот человек. Это качество передавалось потомству вместе с внешними признаками и бессмертных было легко узнать.

Одним из самых памятных впечатлений детства Сэма был карнавал. Родители его, надев неуклюжие цветные наряды, смешались с толпой.

Купол Делавэр сиял. Карнавал был древней традицией. Над дорогами туманом висели разноцветные душистые дымы. Сквозь них лишь с трудом можно было разглядеть гуляющих. На карнавале все были равны. Правда, теоретически, так было всегда, но...

Именно на этом карнавале Сэм встретил прекраснейшую женщину в голубом. Впрочем, цвет был не совсем голубым — бархатистое одеяние переливалось всеми всевозможными оттенками. Мальчику страстно захотелось прикоснуться к ней. Чистые строгие линии платья гармонировали с ее утонченным лицом и волнами золотистых волос. Только издали он мог смотреть на нее, несмотря на неистовое желание узнать о ней как можно больше.

— А, Кедра Уолтон, — единственное, что смогла ответить мать. — Ей уже, наверное, под триста.

— Кто она? — Годы не имели значения.

— Для нас она недосягаема.

— Что ж, дорогой, пришла пора прощаться.

— Но почему?

— Мы вместе уже шестьдесят лет. Не многовато?

— Кедра, Кедра... как жаль, что мы так долго живем.

— Ну что ты... — улыбнулась она. — Иначе мы бы просто не встретились. Мы бессмертны, и естественно, что нас тянет именно друг к другу. Потому мы и вместе.

Под террасой шумел и сверкал карнавал. Захария Харкер взял ее за руку.

— Я понимаю. Нам всем нужно разнообразие, — грустно сказал он.

— Да, потому нам и надо расстаться. Возможно ли сотни лет быть вместе?

Захария задумчиво посмотрел на женщину.

— Нам просто не хватает простора. Купола ограничивают нас, а с годами все больше хочется свободы.

— Вот я и освобождаюсь...

— Мы, бессмертные, должны уйти из Куполов. Только совсем молодые и смертные не замечают их стен. Но как они надоели нам за сотни лет! Они подавляют нас. Мы вырождаемся.

— Ты как думаешь?

— Да. Мы топчемся на месте. Нам грозит интеллектуальная смерть, хотя мы накопили огромные знания. В наших руках абсолютная власть, но применить ее негде.

— И где же выход? Другие планеты?

— Может быть. Но на Марсе и прочих планетах Солнечной системы мы опять спрячемся под купола. Нам нужны звезды.

— Это невозможно!

— Но почему? Теоретически вполне возможно. Нужна только стартовая площадка. Не запускать же звездные крейсера с наших Куполов?

— Милый, стоит ли спешить? У нас впереди все время мира. Об этом не поздно поговорить и через пятьдесят лет.

— Хочешь сказать, что я тебя так долго не увижу?

— Успокойся, увидишь. Но не более того. Считай эти пятьдесят лет нашим отпуском. А потом мы снова встретимся.

Она встала и поцеловала его. Формально. Они оба знали, что самый яркий огонь рано или поздно превращается в серый пепел. Но они любили друг друга и верили, что когда-нибудь он вновь разгорится. И они встретятся через пятьдесят лет, и снова станут любовниками. До сих пор это им удавалось, ибо что такое пятьдесят лет для бессмертных?..

Крепкий худощавый мужчина уверенно пробирался сквозь толпу. Когда-то он так сильно загорел, что даже столетия в подводных городах, не выбелили его лицо, на котором застыла презрительная гримаса.

— Кто это? — спросил Сэм.
— Ты про кого? Вот этот? Не знаю. Отстань.

Старый мундир слишком бросался в глаза и ему пришлось напялить ненавистный целофлекс. Стоя на ленте Дороги, он проносился мимо огромного муляжа Земли, прикрытого траурным пологом. В каждом Куполе был такой шар — напоминание о величайшем преступлении человека. Мужчина, продолжая холодно усмехаться, подошел к маленькому зарешеченному окошечку в стене, окружающей сад, и протянул в него индификационную карточку. Через минуту его пригласили пройти к Храму.

Потрясенный, он стоял перед святилищем Истины. Внушительное здание одним своим видом вызывало уважение. Жрец проводил его и указал на стул.

— Вы Робин Хейл?

— Да.

— Мы знаем о вас все, но несколько вопросов задаст сам Логист. Ждите.

Жрец ушел. На нижней террасе между растениями гидропонного сада бродил высокий худой человек.

— Логист, — обратился к нему жрец. — Вас ждет Робин Хейл.

Высокий человек остановился, поставил лейку, ладонью вытер костистое лицо.

— Черт подери! Мне бы еще знать, что говорить ему. Он же конченный человек.

— Сэр?!

— Да иду я, иду. Успокойтесь. Его бумаги готовы?

— Да, сэр.

— Вот и ладно. И не торопите меня. Я скоро буду.

Что-то бормоча себе под нос, Логист направился к лифту. Поднявшись в контрольную комнату, он с любопытством рассмотрел на экране визора загорелого человека, неловко сидевшего в глубоком кресле.

— Робин Хейл? — спросил он звучным голосом.

— Да! — Хейл вскочил.

— По моим сведениям вы бессмертный и можете прожить лет семьсот, но не знаете, чем заняться, так?

— Так.

— Что произошло с вами?

— То же, что и со всеми свободными солдатами.

Свободные Отряды прекратили свое существование в те времена, когда Купола объединились под общим руко-

водством и этим навсегда ликвидировали войны. Но до этого они нанимали свободных солдат, чтобы те воевали за них.

— Хейл, вы просто пережили свое дело и своих друзей — свободных солдат. Среди них было не так уж много бессмертных.

— Да, — ответил Хейл.

— А теперь вы хотите, чтобы я подсказал вам, что делать дальше?

— Если сможете, — с горечью ответил Хейл. — Я не способен выдержать сотни лет безделья. Бесконечные удовольствия не для меня.

— Существует очень простой выход — умереть.

Хейл молчал.

— Способы легкой смерти вы знаете лучше меня, — продолжал Логист, — но вы, конечно, предпочли бы умереть в борьбе. Не так ли? — Чуть помолчав, Логист продолжил, но уже совсем другим тоном: — Подожди минутку, сынок, не уходи. Я сейчас приду к тебе.

Вскоре из-за занавеса появилась высокая фигура Логиста. Хейл, пораженный, вскочил на ноги. Почти испуганно он смотрел на странного человека, возникшего перед ним.

— Садись, садись, — пригласил он Хейла. — Эти фанатики-жрецы ни за что бы не позволили мне показываться на людях. Но, к счастью, я здесь хозяин. Да и что они без меня? — Присев напротив Хейла, он достал из кармана странный предмет, оказавшийся курительной трубкой, и набил ее табаком. — Я сам его выращиваю. Весь этот антураж хорош для публики из Куполов, но ты другое дело.

Хейл изумленно смотрел на него.

— Но я всегда думал, что Логист это...

— А теперь думаешь, что все это вранье? Ну, это, как посмотреть. Когда-то мы так и делали. К людям выходил человек, то бишь я, но они не верили, думая что я просто высказываю свое мнение. Они считали меня обыкновенным человеком. Но они ошибались. Я мутант и я изучил все, начиная от Платона, Аристотеля, Бекона и Корзыбского и кончая Машинами Истины. Я в совершенстве овладел наилучшим способом решения человеческих проблем — логикой. И я знаю ответы лучше машины. Верные ответы.

Хейл спросил, по-прежнему недоумевая:

— Но вы, как и всякий человек, не можете быть непогрешимым. Или вы открыли какую-то чудесную систему?

— Я знаю только одну чудесную систему — здравый смысл.

Хейл пожал плечами.

Логист раскурил трубку, выпустил клуб дыма и продолжил:

— Ты не поверишь, но мне тысяча лет. Я родился еще в первую ядерную войну и помню все последующие. Еще до моего рождения мои родители хватанули вторичной радиации. Отсюда мой Дар, и я ближе всех к настоящему бессмертию. Может, ты читал о Бене-пророке? Тогда было много пророков, оно и понятно: большинству было ясно, что их ждет. Так вот, я и был этим Беном-пророком. Я первый предсказал гибель Земли. Немногие послушались меня, но именно они и начали колонизацию Венеры. А я был уже здесь, когда Землю сожгли. Я стал знаменит и в первую очередь за меня взялись различные ученые. Но все впустую. Они обнаружили только то, что мозг мой несколько необычен, но как он работает и почему мои прогнозы так точно сбываются, разобраться не смогли. — Логист задумался, пыхнул трубкой и заявил: — Самое интересное, что мои прогнозы еще никого не спасли.

— Вам на самом деле тысяча лет? — спросил Хейл, еще не совсем оправившийся от шока.

— Да. Почти. Я видел, как уходят и приходят годы, а вместе с ними и люди. Жизнь — ничтожная суета. Я мог бы стать диктатором, и все бы боготворили меня. Но зачем мне это? Я слишком хорошо вижу все последствия, и они мне не нравятся. Вот и сижу я здесь, в этом Храме, и отвечаю на вопросы, по большей части мелкие и глупые.

— Но все мы думали, что им отвечает машина, — пробормотал Хейл.

— Ну да. Люди так уж устроены, что верят машине больше, нежели себе подобному. Как бы то ни было, сынок, но верные ответы я и вправду знаю. Достаточно мне проанализировать информацию, как я тут же вижу правильный ответ. Почему и хочу побольше знать о том, кто спрашивает.

— Вы видите будущее?

— Можно сказать и так. Но в нем слишком много вариантов. Надеюсь, ты не станешь болтать? Клиенты всегда поднимали вселенский шум, стоило мне появиться перед

ними. Впрочем, кто тебе поверит? Как ты убедишь людей, что всеведущий оракул вовсе не супермашина. Люди всегда предпочитали правде удобную ложь. Что я могу предложить тебе, сынок? Да, я знаю ответы, но их слишком много. Ты ищешь борьбы? В таком случае, иди на побережье.

— Зачем?

— Может быть, там ты найдешь смерть. Но смерть в борьбе. Ты сильный, и это как раз для тебя. Купола обречены. Они впали в спячку и заживо гниют; жизнь только там, на побережье. Найди единомышленников. Среди свободных солдат были и другие бессмертные. Найди их и ступай на поверхность.

— Это невозможно

— Почему это? У вас же были Крепости на побережье.

— Все так, но джунгли убьют нас. Мы уже когда-то дрались с ними и проиграли. Да осталась ли еще хоть одна неразрушенная Крепость?

— А вы их восстановите.

— Но зачем?

— Только там наше будущее, — сказал Логист и тихо добавил: — Возможно, ты станешь диктатором Венеры.

Напряженное молчание прерывалось лишь хриплым дыханием Хейла.

— Вот и все, сынок, — сказал Логист. Он встал и протянул Хейлу руку. — Помни, зовут меня Бен Кроувелл. Если что понадобится, приходи. Но, кто знает, возможно я сам к тебе приду. Но на мою голову тогда не надейся.

Подмигнув, он выдохнул клуб дыма и зашагал прочь.

Жизнь под Куполами напоминала шахматы. Короток век у пешек. Слоны и ладьи живут куда дольше. Можно сравнить ее и с курятником, где главенствуют петухи, дольше всех увернувшиеся от ножа. Так и под Куполами верх держали долгоживущие. Демократия существует лишь в трех измерениях. Автократия — в четвертом, во времени. Как и библейские патриархи, они обладали огромной властью лишь потому, что жили достаточно долго, чтобы удержать и приумножить ее.

Разумеется, бессмертные знали больше, чем короткоживущие. Сама психология толпы отдавала им власть, благодаря определенному смещению в психике короткоживущих; так ребенок боится и уважает своих родителей только потому, что они прожили больше.

Постепенно на бессмертных стали смотреть с завистью, но и с уважением.

Человек вообще склонен перекладывать ответственность на других. Большинство всегда предпочитало жить бездумно и беззаботно. Так и сложилось общество, где бессмертные наверху совершенствовались в своем индивидуализме, управляя обществом и пользуясь благами, созданными низами, а те, в свою очередь, потихоньку проживали потихоньку свой век, перекладывая ответственность за все на верх.

Сложившаяся таким образом культура казалась довольно стабильной, и это подтверждалось вековой неизменностью, но проницательный ум мог понять, что подобная культура свойственна только умирающей цивилизации.

Звали его Сэм Рид, но хромосомы Харкеров часто ставили его в трудное положение. Его неудержимо, несоответственно социальному статусу, тянуло ко всему новому.

Но его ограничивали непреодолимые невидимые преграды. И самой непреодолимой казалось время. Он мог прожить не более девяноста лет. Его разум восставал против такой обреченности. *Что можно сделать за такой короткий срок?* Общество было организованно бессмертными и для бессмертных. Все остальные приходили и уходили незамеченными, как тени.

В двенадцать лет он впервые устроился на работу в гидропонный сад. Его грубо выделанное лицо, лысая голова и не по годам изощренный ум позволяли ему убедительно лгать относительно возраста. Прилежно проработав некоторое время, Сэм поддался природному любопытству и начал экспериментировать с капризными культурами, причем слишком смело, не учитывая отсутствие опыта. Естественно, что растения он загубил.

Его выгнали. Но незадолго перед этим он в одном из бассейнов нашел чудный цветок, и его цвет — голубой — напомнил ему цвет платья красивой женщины на карнавале.

— Что это за цветок? — спросил он у садовника.

— Сорняк, — ответил тот. — Живучий, гад. Сотни лет не можем его уничтожить. Но этот еще ничего, а вот ползучий в сто раз хуже.

Вырвав цветок, садовник отшвырнул его в сторону, а Сэм подобрал и сохранил. Кто-то сказал ему, что это фи-

алка. Маленькое растение, очаровательное и скромное, совсем не походило на пышные гибридные цветы, сотни лет выращиваемые в гидропонных секциях. Сэм хранил его, пока он не рассыпался в прах. Но мальчик всегда помнил о нем, как и о женщине с золотыми волосами и в голубом платье.

Впервые выйдя за пределы своего Купола, отправившись по делам в Купол Канада, Сэм был потрясен видом на гигантские черные купола, сверкающими бриллиантами иллюминаторов в жемчужном шлейфе воздушных пузырьков. В путь он отправился на краденные деньги и с человеком, который за небольшую плату согласился сыграть роль его отца. В Куполе Канада человек этот исчез и Сэм никогда больше его не встречал.

Не по годам изворотливый, Сэм перепробовал множество работ, но все казались ему слишком скучными. Блейз Харкер знал, что делал, когда оставил нетронутым его мозг, изуродовав тело.

Но уродом его можно было назвать лишь по нормам того времени, да и то только среди бессмертных. Те были высоки, длинноноги, длиннорукие, и эталоны красоты устанавливали по своему образцу. Коренастые и низкорослые смертные, естественно, считались уродами.

Неудовлетворенность, обычно присущая бессмертным, не давала Сэму покоя. Заботы простолюдинов его не волновали, а то, что влекло, оставалось недоступным, поскольку требовало длительного обучения, а у него не было ста лет, не было даже пятидесяти.

Но судьба, предопределив ему трудный путь, подарила ему учителя — помесь Хирона с Феджином. Звали его Слайдер.

Внешность злобного толстого старика с кустистыми седыми лохмами и прыщавым красным носом пугала и отталкивала. Но советы старый хрыч давал охотно, хотя и не навязывался, если не спрашивали.

— Людишки обожают развлечения, — поучал он юнца. — Они просто не могут жить без удовольствий. Во всяком случае, большинство из них. Но они даже не взглянут на то, что им неприятно. И заруби на носу юноша: мелким жульничеством ничего не добьешься. Надо ухитриться стать нужным боссам. Вот, к примеру, Джим Шеффилд. Он работает на нужных людей, и его шайка процветает. Пока... — Старик хихикнул. — Все просто: делай, что тебе говорят

и что им нужно. Вопросов задавай поменьше. А для начала обзаведись полезными связями.

Старик высморкался и поморгал водянистыми глазами.

— Я шепнул Джиму о тебе. — Он сунул Сэму пластиковый квадратик. — Повидайся с ним. Ты понравился мне, иначе бы я палец о палец не ударил.

У двери он попридержал Сэма.

— Ты шустрый мальчишка. Далеко пойдешь. Но смотри, не забывай старика Слайдера. Кое-кто забыл. А я ведь не только услужить способен, могу и неприятности обеспечить.

Когда Сэм встретился наконец с Джимом Шеффилдом, ему уже стукнуло четырнадцать, и был он силен и мрачен. Но семнадцатилетний Джим был все-таки посильнее; он, кстати, тоже был выпускником «школы» Слайдера. Этот «хитрый деляга» давно действовал самостоятельно, и его шайка успела приобрести жутковатую известность. Во взаимоотношениях людей под Куполами огромную роль играла интрига. Италия времен Макиавелли по нравам и жестокости мало чем отличалась от эпохи подводных куполов. Открытое нападение считалось не просто незаконным, оно изобличало дурной тон. Интрига ставилась превыше всего, и в неустойчивом балансе власти честью считалось так запутать противника, чтобы он сам уничтожил себя.

Банда Шеффилда работала по найму. В первом своем задании Сэм Рид — фамилию Харкер он знал лишь понаслышке — отправился под воду, чтобы набрать запрещенные в куполах водоросли. В помощь ему дали более опытного паренька. Но когда они через тайный ход вернулись под купол, их там уже поджидал Слайдер с излучателем в руке, в защитной маске и комбинезоне.

— Та-ак, мелкота, стойте там, где стоите, — прохрипел он сквозь маску и бросил излучатель Сэму. — Давай-ка поджарь свой мешочек. Сверху. Вот так... Теперь поворачивай, но не торопясь.

— Не надо. Ну, чего вы... — заканючил помощник Сэма.

Слайдер презрительно фыркнул и отобрал излучатель.

— Заткнись и делай, что тебе говорят. Иначе я махом сверну твою цыплячью шейку. Так... теперь поднимите руки и медленно поворачивайтесь. Ладушки... — Старик облучил одежду обоих пацанов.

Втроем они встретились с Шеффилдом. Удрученный, тот все пытался спорить со стариком. Но Слайдер только фыркал, да ерошил свои и без того взлохмаченные волосы.

— Что-то ты рановато лезешь из детских подштанников. Заткнись и слушай. Ты избавишь себя от многих неприятностей, если почаще будешь обращаться ко мне за советом. — Старик шлепнул ладонью по пластиковому мешку, который Сэм положил на стол. — Знаешь, что это за водоросль и почему она запрещена? Разве тебя не предупредили, что нужна максимальная осторожность?

— А я и был осторожен, — огрызнулся Шеффилд.

— Щенок! С ней только в лаборатории можно работать. Это металлофаг! Слыхал? Жрет любой метала. Безопасна она только после специальной обработки, а сырая опаснее сотни змей. Да и людям она не полезна. Вы еще можете загреметь в больницу. Только не воображайте, что это я о вас так забочусь. Мне самому в больницу неохота. А твоих недорослей нужно еще получше облучить ультрафиолетом.

Немощный с виду старикашка заметно поколебал агрессивность Шеффилда. Тот примирительно кивнул, встал, взял мешочек и вышел. За ним молча вышли его телохранители. Сэм во все глаза таращился на Слайдера. Тот подмигнул ему и сказал:

— Ты здорово ошибся, юноша, не посоветовавшись со мной.

Но не по годам развитый, мятежный и аморальный, Сэм редко совершал подобные ошибки. Краткость жизни, делающая обучение невозможным и бессмысленным, заставляла его восставать. Он истово ненавидел свое плебейское тело, ненавидел общество, которое было навязанно ему на всю жизнь.

Одержимые гневом люди существовали всегда. Гнев, подобный гневу Ильи-пророка — огонь Божий, он сдвинет горы во благо человечества. Гнев тирана разрушителен и уничтожит целые народы. Но всегда такой гнев устремлен вовне.

Гнев Сэма был направлен против судьбы, а значит, против самого себя. Возможно, такой гнев ненормален. Но ведь и Сэма ни в коем случае нельзя было назвать нормальным человеком, как не был нормальным и его отец. Чем еще можно объяснить его противоестественный гнев на собственного сына? Но ответственна и кровь рода Хар-

керов, содержащая в себе этот порок. Сэм взрослел, проходя через множество метаморфозов, которые удивили бы смертного. Но его мозг был сложней и позволял ему жить на многих уровнях и успешно скрывать это. Однажды он открыл для себя богатые библиотеки Куполов и сразу сделался заядлым читателем. Не будучи интеллектуалом, — этому мешало внутреннее беспокойство, не позволяющее ему сосредоточить усилия на чем-нибудь одном, — он легко усваивал любую информацию, что, впрочем, не давало ему сколь-нибудь заметного преимущества перед остальными.

Книги он буквально глотал. То же самое беспокойство торопило его, и он загружал мозг беспорядочной информацией.

Но польза все же была. Пользуясь усвоенными сведениями, он мог, например, надежно замести следы убийства или провернуть ловкое мошенничество. Но большей частью знания лежали невостребованными в мозгу, способном обобщить тысячелетний опыт человечества.

Гнев все больше душил Сэма, когда он думал, что обречен исчезнуть менее чем через столетие, и что все его попытки вырваться из гнилого общества, возвыситься над ним, тщетны.

Но не меньше бесила Сэма неспособность понять, что именно мучает его, не дает покоя.

Он надеялся найти ответ в книгах, но книги молчали. Он подсознательно сопротивлялся своему генетическому наследию, подавлял в себе неясные порывы. Но от этого он становился все более жестким, даже жестоким. Гнев стремительно перерастал в настоящую *одержимость*.

Какое-то время книги все же примиряли его с жизнью, но однажды перед ним встала невероятная, почти невыполнимая задача. И он обречен был взяться за нее, ибо она и была его предназначением...

Как бы в противовес темным, зачастую кровавым делам, которыми он был вынужден заниматься, следующие пятнадцать лет он невероятно много читал. Его нельзя было назвать приятным в общении человеком: он открыто презирал людей, которых ему приходилось обманывать, и это презрение невольно переходило на его товарищей.

Он и сам не мог понять себя. Огонь ненависти ко всем прочим обжигал и его самого. Он был непредсказуем. И когда этот огонь разгорался, когда гнев рвался наружу, Сэм Рид становился неуправляемым и беззаконие торжествовало в самых страшных и жестоких формах. Репутация у него, мягко говоря, сложилась дурная. Доверять ему

быстро перестали, но ловкие руки и изворотливый ум Сэма заставляли людей вновь и вновь прибегать к его услугам. Многие ненавидели его. Еще больше боялись, зная, что в момент очередного срыва он способен на невероятное по жестокости убийство. Правда были и такие, что искали знакомства с ним, и уж совсем немногие находили его привлекательным. Впрочем, Сэм, целиком поглощенный своими страстями, оставался безразличен к чужим эмоциям.

Тем временем жизнь под Куполами текла ровно и спокойно. Лишь изредка мятежное пламя, непрерывно сжигавшее Сэма, проявлялось у других людей. Иногда в довольно неожиданных формах, но почти всегда в безобидных. В годы юности Сэма на какое-то время вдруг стали популярны старинные кровавые баллады, вывезенные еще с Земли. Их громко, но без особой страсти распевали полупьяные, даже немного опасные толпы. Затем молодежь охватило преклонение перед Свободными Отрядами, увлечение романтикой первых сотен лет освоения Венеры.

Конечно, война считалась ужасной и совершенно неприемлемой, но ужас всегда притягивал человека, и многим она казалась великолепным приключением.

Легенды превращали свободных солдат в мужественных благородных героев, выполнявших тяжелую, очень опасную, но совершенно необходимую работу. Сказки о былом могуществе человека пьянили людей, все более отвращая их от однообразной, бессмысленной жизни в Куполах.

Многие жалели о тех временах. Свободные солдаты в красивых мундирах все чаще появлялись на экранах перед восхищенными зрителями, не подозревающими, насколько фальшив этот облик. Новое течение культуры, воспевающее подвиги первопроходцев, овладело душами короткоживущих, возможно, в противовес бесперспективной жизни.

Они давно разучились смеяться от души. Юмор их был эксцентричен и изощрен, но вызывал лишь ухмылки. Привычное однообразие сковало их души, а невозможность обучиться чему-либо усугубляла леность ума. В обществе бессмертных не было места для обычных людей, хотя сами бессмертные существовали лишь благодаря им.

А вот свободные солдаты смеялись открыто и искренне.

Реже плакали — слезы означали поражение. Чувства их были грубы, но искренни. Поступки — честны и отважны.

Сэм считал свободных солдат чем-то вроде вымерших динозавров старой Земли, но и его увлекла романтика тех времен, хотя он в глубине души посмеивался над собой. Нельзя, конечно, считать, что сами солдаты очаровывали людей, скорее уж, некие романтические представления о свободе и вольной жизни.

Разумеется она и пугала их. Любой из них отшатнулся бы, предложи ему что-то в этом роде. Необходима была сильнейшая встряска, чтобы романтика превратилась в реальность.

Со свирепой жадностью Сэм читал о временах освоения Венеры. Со странной ностальгией внимал рассказам о старой Земле, ее широких горизонтах и невероятно красивых зорях. Пытаясь представить себе вольное небо, он напевал старые песни и жалел, что родился слишком поздно. Ему еще не пришла в голову мысль, что борьбе с таким противником, как яростная непокоренная планета, можно отдать всего себя без остатка.

Мир, в котором он жил, казался ему слишком простым, а трудности — искусственными. Барьеры, ограничивающие этот мир, сковывали его, но порой ему казалось, что они достаточно хрупки и их можно легко разрушить, не опасаясь пораниться. Но ломать тоже слишком просто. Нужна была созидательная цель, оправдывающая это, а Сэм ее еще не видел.

Время было пока самым страшным и неумолимым его врагом. Гнев вспыхивал в нем с новой силой, когда он думал о длинной чреде столетий, которые ему не суждено прожить. Противоречивость характера, ненасытного, но не способного удовлетворить свои желания, заставили Сэма Рида возненавидеть этот мир, со всеми его мужчинами и женщинами. Более того, он возненавидел самого себя. Не встречая в этом мире достойного противника, Сэм объявил войну всем. И воевал двадцать лет.

Одна лишь странность волновала его. Осознавал он ее смутно, не пытаясь разобраться в причине. Возможно, среди прочего на него повлияли рассказы о Земле, о ее невероятно голубом небе. Да мало ли... Но именно голубой цвет волновал его, как ничто другое.

На этой же планете все было серое. Серое море почти сливалось с тяжелыми, серыми, провисшими до самой во-

ды облаками. Серым одеялом моря окутывали Купола, под которыми тлела серая жизнь. И от того, наверное, в сознании Сэма голубой цвет навеки утраченного земного неба прочно связался с понятием о свободе...

В небольшом кафе, расположенном на одной из Дорог, он познакомился с миниатюрной девушкой, которая танцевала там в костюмчике из голубых перьев. Она и стала его первой любовницей. Сэм снял квартирку на одной из улиц Купола Монтана, и они жили там около шести месяцев, ссорясь не чаще, чем другие пары.

Но однажды он пришел домой рано утром после ночного дела с бандой Шеффилда. Едва открыв дверь, он почувствовал странный запах. От тяжелой сладости с примесью кислого перехватило дыхание.

Маленькая танцовщица лежала, скорчившись, у стены. Лицо ее словно щупальцами сжимал лепестками бледно-желтый цветок, с красными прожилками. На голубое платье из-под судорожно сжатых лепестков медленно капала кровь.

Рядом валялись зеленые обрывки коробки, в ней кто-то прислал ей цветок-убийцу.

Кто это сделал, Сэм так никогда и не узнал. Сотворить такое могли не только враги, но и друзья, испугавшись, что девчонка возьмет слишком большую власть над ним и как-то помешает темным, но весьма выгодным делам. Могла быть и соперница среди танцовщиц. Конкуренция среди них была довольно жестока, кстати, и за респектабельных, по их мнению, мужчин.

Но наказать кого-то следовало, и Сэм, проведя краткое расследование, вынес и сам же привел в исполнение приговор над теми, кто мог оказаться виновным в преступлении. Исполнив долг в отношении несчастной жертвы, и избавившись от некоторого количества недругов, Сэм не слишком расстраивался: характер у девушки был не лучше, чем у него самого. Собственно, единственным ее достоинством были голубые глаза. Важен был принцип и репутация. Никогда не мешает лишний раз напомнить врагам о себе. Что до девушки, то он ее вскоре забыл.

Много женщин побывало у него с тех пор. Он менял квартиры, каждый раз на еще большую и комфортабельную. И наконец, после довольно грязного, но весьма выгодного дельца, он без особого сожаления бросил в очередной квартире очередную девушку и переехал в центр

Купола Монтана, где его ждала роскошная многокомнатная квартира, которую он разделил с изящной синеглазенькой певичкой.

К тому времени он имел под разными Куполами три квартиры. Чаще он жил в роскошной. На всякий случай держал квартирку попроще. А в одном из мрачных уголков купола Вирджиния, темном и славном зловещими слухами, он осмотрительно подобрал нору, совсем небольшую, но очень удобную для определенного рода делишек.

В роскошной, он, как человек солидный, устроил богатую библиотеку, благо что проблем с пополнением не было. Гостей восхищал музыкальный салон с великолепным набором записей и бар с изысканными напитками на любой вкус. Любителям предоставлялся широкий выбор наркотиков. В комнаты эти пускали только по особому приглашению Сэма, а счастливцы считали его удачливым коммерсантом из какого-то отдаленного Купола. Таким образом, Сэм Рид почти обеспечил себе жизнь, какая полагалась ему по праву рождения.

И вскричала Царица Ветров и Тьмы
И восплакала горько она:
«Знай, мой юный убийца — назавтра тебе
Неминуемая смерть суждена...»

Сидя за маленьким столиком, Сэм вел игривый разговор с девушкой. Розовый бархат ее наряда переливался огнями первого дня ежегодного карнавала. Сквозь прозрачные иллюминаторы купола и мутное море тускло пробивался полуденный свет. Впрочем, точного времени никто не знал: чтобы никто никуда не спешил все часы на время карнавала останавливали.

Кафе медленно вращалось под негромкую музыку внутри прозрачного цилиндра. На собственной оси вращался и каждый столик вместе со стульями. С непривычки от такого двойного вращения могло и затошнить. При желании Сэм сквозь легкое облачко пушистых волос девушки мог видеть нарядно расцвеченный в честь карнавала Купол, распростершийся под ними.

Душистый дымок невесомой цветной лентой проплыл между ними. Крошечные капельки душистой жидкости осели на лице Сэма. Отгоняя дымок, он помахал перед собой ладонью и нетерпеливо спросил девушку:

— Что скажешь, малышка?

Девушка прикрыла нежные голубые глаза длинными густыми ресницами, улыбнулась, погладила маленькой рукой двурогую лиру, украшенную разноцветными лентами.

— Можно я позже отвечу? Через минуту мой выход.

— Немедленно, — коротко и жестко ответил он. Что звучало необычно — до сих пор он не позволял себе так обращаться с женщинами. Но на данный момент роскошная квартира пустовала, и Сэм решительно считал, что девушка должна поселится там. Сейчас ему казалось, что еще ни одна женщина его не волновала, как Розата.

Маленький ротик девушки продолжал нежно улыбаться. Под облачком коротких волос посверкивали умненькие глазки. Пела она тонким бархатистым голоском и ее пение приятно волновало душу.

Он слегка побаивался ее, но, будучи Сэмом Ридом, сам шел в западню. Опасность он всегда встречал с открытым забралом. А сейчас он решил, что если уж он никак не может прогнать из мыслей эту бархатистую пигалицу, то уж лучше пресытиться ей. И Сэм очень спешил исполнить свое желание.

Коснувшись пальцами струн, Розата тихо спросила сквозь чистый перелив звуков:

— Говорят, что Шеффилд уже не друг тебе?

— Помнится, я о чем-то спросил тебя, — холодно произнес Сэм.

— И я тоже.

— Ладно. Так и быть, завещаю тебе годовой доход, если этот дурак доберется до меня первым. Тебя это волновало?

Она покраснела и так дернула струну, что та исчезла в яростной вибрации.

— Ты дурак, Рид. И мне не нужны твои дурацкие деньги.

Разговор не клеился. Розата и вправду себя вполне обеспечивала. Она была популярна, и средств ей хватало. Сэм вздохнул. Ему было бы спокойней, если бы она пошла к нему из-за денег.

Умолкла мелодия, под которую вращалось кафе. Звучно ударил гонг. Поплыли цветные ароматические облака. Розата встала, прижимая узкую изящную лиру к крепкому бедру.

— Мне пора, — сказала она. — И знай, Сэм, я умею быть опасной. А отвечу я тебе через несколько дней. Жди...

— Ладно, учту. Жду тебя после карнавала. А твой ответ я знаю наперед.

Она улыбнулась, а затем пошла по проходу, перебирая струны и тихо напевая. Мужчины с восхищением смотрели ей вслед.

Сэм поднялся и вышел из кафе. Его догоняла жалобная песня о Женевьеве. Розата блестяще исполняла ее, изящно преодолевая трудные бемоли, придавая старинной мелодии минорное звучание.

«О Женевьева, милая Женевьева. Дни приходят, дни проходят», — рыдала Розата, глядя на уходящего Сэма. Кончив песню, девушка поспешно прошла в свою уборную и набрала номер Шеффилда.

— Джим, — быстро заговорила она. — Здесь только-что был Сэм...

Он бы убил ее, если бы услышал этот разговор. Но он не слышал. В это время он шел навстречу случаю круто изменившему его жизнь.

Движущаяся Дорога проносила мимо него женщину в голубом. Глаза Сэма уловили ее движение, когда она прикрыла голову голубой вуалью. Он остановился. Какие-то люди налетели на него, но он не замечал ничего, кроме женщины. Один из прохожих, недовольно заворчав, явно намеревался поскандалить, но, взглянув на гранитное лицо Сэма, притих и исчез.

Розата все еще стояла у него перед глазами, и Сэм смотрел на женщину с меньшим воодушевлением, чем можно было ожидать. Смутное воспоминание заставило его присмотреться внимательнее. Вуаль колыхалась от движения Дороги и в голубых глазах женщины мелькали голубые тени. Это было прекрасно.

После некоторого колебания, причины которого и сам не понимал, он сквозь розовое облачко карнавального дыма устремился к женщине, ступая словно хищник — мягко и неслышно. Он почти забыл тот карнавал в юности, когда впервые увидел ее. Лицо женщины в голубом платье странно взволновало его.

Карнавал всех уравнивал, но Сэм и без этого заговорил бы с ней. Он приблизился к ней, всмотрелся в ее лицо. Она оказалась выше его, очень стройной и элегантной, с налетом изысканной томности, что веками культивировалась бессмертными. Впрочем, томность казалась естественной. Для нее.

Голубое с золотистыми блестками платье просвечивало сквозь голубой же покров. Черные локоны каскадом обрамляли лицо и, собранные тяжелым золотым обручем, ниспадали до тонкой талии. Золотые колокольчики тонко позванивали в ушах, проколотых с нарочитым варварством. В этом сезоне в моде была такая вот первобытная простота. С такой же высокомерной грацией она носила бы и кольцо в носу, потребуй этого мода. Она повернулась к Сэму, словно королева к подданному.

Смущаться Сэм не стал и, подавив некоторое колебание, напрямую предложил ей:

— Может быть, пройдемся? — и взял ее под руку.

По ее египетским, резко очерченным губам невозможно было определить, улыбается ли она. Но если и улыбалась, то это была надменная улыбка. Голова ее гордо откинулась назад, словно ее тянули тяжелые локоны.

Она внимательно рассматривала его. Колокольчики в ее ушах молчали. Сэм слишком смахивал на обыкновенного короткоживущего. Лишь проницательный взгляд мог заметить странную противоречивость его облика. За сорок лет одержимость наложила на его лицо свою печать: он словно непрерывно и напряженно боролся с чем-то ненавистным. И это напряжение придавало лицу особую выразительность и даже некую привлекательность, сглаживая грубые плебейские черты.

Интриговало и полнейшее отсутствие волос. Хотя плешивость — явление распространенное, но он, как ни странно, не выглядел лысым. Пожалуй, волосы даже испортили бы классическую форму его черепа. В свое время Мантия Счастья, возможно, обусловила некоторую небрежность, благодаря которой сохранилось наследие Харкеров: плотно прижатые к благородному черепу красивые уши, правильные черты скул и тяжелого подбородка.

Даже на карнавал ни один из бессмертных не оделся бы с ног до головы в алый бархат, не говоря уже о нелепом золоченом поясе. Но именно так выглядел бы любой из Харкеров, вздумай он одеться в такой костюм.

Ни слишком широкая грудь, ни толстая шея не могли скрыть кровь бессмертных, это подтверждала и его манера держаться.

Прищурив стальные глаза, Сэм смотрел на аристократку. Лицо его разрумянилось. Он протянул руку, и бархат собрался алыми складками.

В неожиданном порыве женщина улыбнулась ему. Грациозным движением плеча она отбросила длинный рукав

и положила на его сильную руку свою узкую ладонь с золотыми кольцами на каждом пальце. На его руке, толстой, поросшей рыжими волосками, ее рука казалась восковой. Почувствовав, как напряглись тугие мышцы Сэма, она снисходительно улыбнулась.

— Когда я впервые увидел вас, — сказал он, — ваши волосы были не так черны.

Она молча искоса глядела на него. Он рассматривал ее словно перед ним была не живая женщина, а портрет, странным образом подошедший к нему.

— Тогда они были золотыми, — уверенно сказал он.

Она настолько сильно поразила его в детстве, что он вдруг вспомнил все до мельчайших подробностей.

— Это было тридцать лет назад. Я хорошо помню. Тогда вы тоже были в голубом.

Женщина, заметила вскользь, глядя мимо него, будто разговаривала с кем-то другим:

— Наверное, это была дочь моей дочери.

Сэм был потрясен. Разумеется он знал о долгоживущих аристократах, но ни с кем из них ему еще не приходилось разговаривать. На тех, кто меряет свое время десятилетиями, встреча с теми, кто меряет ее столетиями, производит ошеломляющее впечатление.

Он резко рассмеялся, и в глазах женщины появился интерес. Ей еще не приходилось слышать, чтобы короткоживущий так смеялся — смехом самодовольного, уверенного в себе человека, совершенно безразличного к мнению других.

Те, кто находил Сэма привлекательным, никогда не могли понять, что, собственно, в нем привлекательного. Но Кедра Уолтон поняла. Именно то, отчего такие, как она, навешивали варварские украшения и распевали воинственные песни, не вникая в их смысл. Людей завораживали жизнестойкость и мужество, давно утраченные под Куполами.

— Как вас зовут? — в голосе ее слышалось едва уловимое презрение.

— А зачем вам это знать? — с нарочитой грубостью спросил он, насупив рыжие брови.

Она замерла. Горячая волна прошла по ее телу, унося холодок отчужденности. Вздохнула. Нежные пальцы легонько погладили рыжие колючие волоски на его руке.

— Вы можете рассказывать о себе, пока мне не надоест, — сказала она, глядя ему в глаза.

— Вам легко надоесть?

— Да, очень.

Он окинул ее оценивающим взглядом и то, что он увидел, понравилось ему. За сорок лет он неплохо изучил нравы в Куполах, и ему показалось, что он раскусил ее. Для нее он был не более чем экзотической игрушкой, о которой иногда вспоминают, чтобы раздуть угасающий интерес к жизни. Что ж, он не прочь развлечь ее.

— Пошли, — сказал он.

Случилось это в первый день карнавала, а на третий, последний день, она намекнула, что и после карнавала связь их может продлиться. Он удивился, но особой радости не почувствовал. Была Розата. Был временной барьер. Сэм для нее — лишь крайний миг в ее бессмертии.

Повиснув во тьме, они внимательно следили за трехмерным изображением. Где-то высоко над венерианским материком кружил самолет, объектив которого ловил свирепую схватку зверя с растением. Развлечение это было чрезвычайно дорогим. Требовался самолет-робот, сложная приемная и передающая аппаратура и несколько операторов к ней.

Зверь дрался с растением. Кто-то из них должен был умереть.

Зверь, великолепно вооруженный для свирепой драки, был огромен, но его мощное гибкое тело было все в крови. Ветви с удивительной точностью хлестали длинными острыми шипами по израненному телу, разбрызгивая капли яда, блестевшие во влажном сыром воздухе. Музыка подчеркивала яростный ритм схватки.

Кедра коснулась кнопки. Музыка стала тише. Невидимый музыкант продолжал перебирать клавиши, над джунглями все так же кружил самолет, но Кедра резко отвернулась от зрелища. Ее шелковистые волосы со слабым треском заискрились в темноте.

— Я ошиблась, — заявила она.

— В чем именно? — резким голосом поинтересовался Сэм. Ему очень хотелось досмотреть схватку.

— В тебе. Я недооценила тебя, а может переоценила... Не поняла еще, — она ласково коснулась его щеки.

Он погладил в ответ ее бархатную щечку, пожал плечами, осторожно провел рукой по волосам, но вдруг схватил золотой обруч, скрепляющий волосы Кедры, и грубо его сдернул. Волосы Кедры щекотно заструились по его руке.

— Хватит играть со мной! Я тебе не щенок. Говори, что хотела сказать.

Она засмеялась.

— Если бы ты был постарше... — высокомерно, но с явным сожалением протянула она.

Он резко, почти грубо отпустил ее. Она покачнулась и вцепилась в его плечо, чтобы не упасть.

— Тебе самой-то сколько лет? — небрежно спросил он.

— Двести двадцать.

— Ого! Тогда ясно, почему я наскучил тебе, старушка моя. Я младенец перед тобой.

Она снова рассмеялась.

— Ну что ты, Сэм. Ты далеко не ребенок. И вовсе мне не наскучил. Вот это меня больше всего и беспокоит. Мы такие разные. Для нас обоих было бы лучше, если бы ты мне наскучил — я бы без сожаления оставила тебя и тут же забыла. Но в тебе что-то есть... Не пойму пока, что именно.

Апофеоз музыки заглушил все звуки. Где-то далеко в болоте один из соперников торжествовал победу.

— Как просто было бы, если бы ты был тем, кем кажешься. — Кедра глубоко вдохнула. — У тебя чудесная голова, но ты не сможешь долго ею пользоваться, а жаль. Если бы ты был не... этим... Я бы, наверное, вышла за тебя замуж. Временно, разумеется.

— Ну и как? Приятно чувствовать себя богиней? — раздраженно спросил Сэм.

— Обиделся? Я высокомерна, да? Ну, извини. Ты заслуживаешь знать правду. Спрашиваешь, приятно ли чувствовать себя богом? И приятно, и страшно. Прежде всего, это ответственность. Мы не можем играть с жизнью, как нам заблагорассудится. Первые сто лет я училась, путешествовала, изучала людей и мир. Следующее столетие развлекалась интригами: училась дергать людей за ниточки. Чтобы Совет, например, принимал нужные мне решения. Своего рода джиу-джитсу для мозга. Надо сыграть так на самолюбии человека, чтобы он сделал не то, что хочет сам, а то, что нужно мне. Но все эти штучки ты, похоже, знаешь не хуже меня. Вот только времени усовершенствовать это умение у тебя нет. Жаль. Очень жаль. Правда-правда. Ты необычен.

— Не говори больше о замужестве: я и сам никогда не женюсь на тебе.

— Ой, куда бы ты делся! Я ведь могу прямо сейчас...

Перегнувшись через ее колени, Сэм щелкнул выклю-

чателем. Резкий свет залил маленькую комнату со множеством подушек. Кедра рассмеялась и заморгала.

— Ой, Сэм, я же ничего не вижу! Я выключу, — она потянулась к выключателю. Сэм перехватил ее руку и больно сжал пальцы.

— Слушай меня внимательно, прелестная старушка, — резко сказал он. — Я сейчас уйду, и ты меня никогда больше не увидишь. Ясно? У тебя нет ничего, без чего я не обойдусь.

Он встал.

Она торопливо вскочила, позабыв о достоинстве, но в движении ее было что-то змеиное. Тонко зазвенели золотые блестки на платье.

— Ну, постой же, Сэм. Не спеши так. Ну, прости меня... Это же только слова. Я совсем не хочу расставаться с тобой. Пойдем со мной на Олимп. У меня есть к тебе важное дело. Я покажу тебе кое-что.

Из-под рыжих ресниц на нее холодно смотрели стальные глаза. Густистые брови его сдвинулись, когда он объявил, во что это ей обойдется. Она сразу же согласилась. Но в уголках ее рта застыла неуловимая египетская улыбка.

Олимп воспроизводил навсегда утерянную и полузабытую родину человечества. Гигантский купол накрывал множество комнат, нависающих над огромным залом. Оригинальный замысел архитектора создавал иллюзию земного окружения. Искусно укрытые проекторы могли окружить зрителей толпами землян и разнообразных земных животных.

На одной и той же почве росли пальмы и сосны. Цветущие деревья обвивались виноградными лозами. Времена года здесь смешались и только ученый мог разобраться в этой мешанине земной флоры и фауны. Но все же это была Земля, только в некоем романтическом ореоле.

Цвет почвы менялся от зеленого к коричневому. Радовали глаз нежно-зеленые лезвия высоких трав. От непривычно ярких и разнообразных соцветий рябило в глазах, но все это казалось естественным и на гидропонику совсем не походило.

Кедра взяла микрофон и что-то сказала тихо, но повелительно. Одна из комнат-ячеек отошла от стены и мягко приземлилась перед ними. Они вошли в нее. Комната поднялась и поплыла в воздухе.

На подушечках у низенького столика сидели мужчина и женщина. Сэм узнал мужчину — Захария Харкер. Он был высок и строен, и в глазах его читался не возраст, но опыт и зрелость, и это резко контрастировало с юным лицом. Ровное, уверенное спокойствие исходило от него.

А женщина...

— Сари, дорогая, — обратилась Кедра к женщине, — со мной гость. Сари — моя внучка, — пояснила она Сэму. — Извини Захария, но я не знаю фамилии Сэма. Он забыл мне ее сообщить.

Фамильные высокомерность и самоуверенность проглядывали в нежных чертах Сари Уолтон. Волосы невероятного золотисто-зеленого цвета в хорошо продуманном беспорядке падали на точеные плечи. Тонкое и мягкое платье из меха венерианского животного тигриной масти слишком откровенно облегало ее гибкое тело, подчеркивало округлость бедер и широкими складками струилось до тонких лодыжек.

Надменность на лицах бессмертных плохо маскировала недоумение. Волна гнева в очередной раз захлестнула Сэма, но он, хоть и с трудом, подавил ее. Он казался себе неуклюжим уродливым ребенком, восстающим против взрослых. Одержимость заставляла его ненавидеть эти прекрасные лица.

— Сядьте, — указала Кедра на подушки.

Сэм неуклюже опустился на подушки, взял предложенный бокал с освежающим напитком и неприязненно покосился на аристократов.

Кедра, заметив недоуменные взгляды друзей, решила объясниться.

— Когда я вела его сюда, я думала о свободных солдатах. Он... Как ваша фамилия?

Сэм мрачно назвался. Она откинулась на подушки. Мягко сверкнули золотые украшения. Она казалась абсолютно спокойной, но Сэм чувствовал ее напряжение. «Замечают ли это другие», — подумал он.

— Я сейчас все объясню, Сэм Рид, — сказала она. — Предыдущие двадцать лет я провела в созерцании.

Он слышал, что это означает. Что-то вроде женского монастыря — высокая религия чистого разума. Ее адепты в стремлении познать смысл существования отрекались от внешнего мира.

Он знал о бессмертных больше, чем они подозревали, но лишь в той мере, в какой короткоживущий может знать о жизни, рассчитанной на тысячелетия. В общем-то их

жизнь была только частью огромной совершенной мозаики, собранной из тех же элементов, что и жизнь простых смертных. Жизнь есть жизнь, и дни, независимо от ее продолжительности, остаются днями, с одинаковыми для всех превратностями. Периоды созерцания были необходимы для сохранения душевного равновесия.

— И на что вам сдались эти свободные солдаты? — хрипло спросил Сэм.

Он знал, что сейчас внимание публики сосредоточилось на Робине Хейле — последнем воине романтических времен. Все помешались на его проекте колонизации поверхности Венеры. Спокойная размеренная жизнь в Куполах наскучила обществу, и примитивная, полная опасностей жизнь на поверхности манила своей романтикой. Но пока проект оставался на бумаге. Скептики пытались развенчать его. Но большинством крестовый поход на континент был принят с каким-то лихорадочным воодушевлением.

— На что нам сдались... — медленно и раздумчиво повторил Захария. — Вы наверняка слышали о проекте, Сэм Рид. Что вы скажете о нем?

Сэм фыркнул, нахмурился и помотал головой. У него появилось неистовое желание перессорить эту компанию великовозрастных хитрецов.

Вмешалась Кедра:

— Закончив созерцание, я обнаружила что проект колонизации — самое заманчивое из всего, о чем я до этого слышала, но и самое опасное. Поэтому мы считаем, что еще рано. Затея может оказаться гибельной.

— Почему? — мрачно спросил Сэм.

Захария поставил бокал на стол.

— Слишком рано. Мы еще не готовы, ни психологически, ни технически. Необходима всесторонняя подготовка. А этот проект... Его нужно остановить любой ценой! — Захария внимательно посмотрел на Сэма.

Сэм с ненавистью подумал, что бессмертный видит в нем больше, чем ему бы хотелось. Хотя... об этих людях никогда и ничего не знаешь точно: они слишком долго живут и слишком много знают... Сам прищурился и выпалил напрямик:

— Вы хотите, чтобы я убил Робина Хейла?

В маленьком зале воцарилась тишина. Казалось, предложение Сэма было для них неожиданно. Они молча переглядывались друг с другом, словно переговаривались без слов. Пожалуй, люди, прожившие столь долго, могли читать мысли по едва заметным движениям мышц лица.

Наконец Кедра сказала:

— Да, это лучший вариант. Убейте его.

— Лучший вариант — сегодня же, — добавил Захария. — Но не позже, чем через сорок восемь часов. События развиваются стремительно. Хейла необходимо остановить, тем более, что другого лидера пока не видно. Вы справитесь?

— Вы в своем уме? — зло спросил Сэм. — За кого вы меня принимаете?

Кедра рассмеялась.

— Именно за того самого. Неужели ты думаешь, что я провела бы три дня с человеком, о котором ничего не знаю? А фамилию твою я знала с самого начала. Итак, к делу. Сколько вам нужно заплатить, чтобы вы справились?

Сэм вспыхнул. От ненависти у него помутилось в глазах. Никому еще он не позволял так дурачить себя.

— Вам это обойдется вдвое дороже, чем кому-другому. — Он назвал очень высокую цену.

— Нет, — ответил Захария. — Слишком дорого.

— Перестань, Захария, — перебила его Кедра. — Я заплачу. На это у меня есть свои причины и достаточно веские.

Захария с беспокойством глянул на Кедру. Причины легко читались на ее лице. Он понял, что их брак может не возобновиться.

Сари положила бледную ладонь на его руку.

— Милый, пусть она делает, что хочет, — тихо сказала она. — У нее на все хватит времени. Придет и твой день.

Во взглядах, которыми обменялись бабушка и внучка, Сэм заметил нешуточную ревность.

— Взгляните туда, — Захария указал рукой. Стена стала прозрачной и в соседней ячейке-комнате Сэм увидел худощавого, но крепко сложенного человека в темно-коричневом костюме. Вот он! И он здесь уже два часа.

— Мне знакомо это лицо, — сказал Сэм, поднимаясь. Пол комнаты качнулся от его движения. — Высадите меня. Я позабочусь о нем.

Сэм занял свободное место у длинной стойки и заказал выпивку. Нечасто человек с плебейской внешностью появлялся в баре для бессмертных, но бармен, лишь взглянув на жесткое лицо Сэма, раздумал связываться и только буркнул:

— Да, сэр.

Ждать Хейла пришлось долго, и выпивку пришлось повторить дважды. Купол заведения медленно, с низким гулом поворачивался над ним. Ячейка с «клиентом» начала плавно снижаться по спирали. Сэм терпеливо ждал.

Ему очень не хотелось ввязываться в дела бессмертных. Это было просто опасно, более того, здорово походило на самоубийство. Сэм не тешил себя иллюзиями. Он хорошо понимал, что однажды станет им не нужен... Сэм едва ли не впервые испытал страх. Ему врезалась в память выражение лица Захарии. Наконец ячейка опустилась. Человек вышел. Сэм не стал тратить лишних слов и напрямик сообщил:

— Меня только что наняли убить вас.

Когда они через два часа покидали Олимп, банда Шеффилда уже напала на их след.

Что называется нашла коса на камень... Сэм никогда бы не продвинулся в своей темной карьере, если бы не владел даром убеждения. Но и Робин Хейл после того, как объявил о своем проекте, частенько становился объектом обработки искуснейших ораторов и научился легко с ними справляться. Силы оказались равными. Бессмертный Хейл столкнулся с кровью бессмертных Харкеров, и сразу это почувствовал. Сэм, как обычно, строил свою речь на убедительности доводов, но на Хейла больше действовала внутренняя убежденность.

Сэм старался говорить спокойно, но быстро. Он понимал, что их жизни связаны сейчас тонкой нитью длиной в сорок восемь часов. Безопасность была обеспечена только в этих пределах. Затем они умрут, если не придумают что-то особенное. Сэм очень старался, чтобы его голос звучал искренне и убежденно.

Тут их и нашли парни Шеффилда. Сэм и Хейл только-что вышли с Олимпа. На движущейся Дороге толпа на мгновение разделила их. Сэм толкался, пробиваясь к Хейлу, и слишком поздно среагировал на поднесенную к лицу грушу. Дурманящий аромат порошка больно ударил ему в мозг.

Все вокруг стало замедляться и наконец замерло.

Кто-то схватил его под руки.

Кто-то вел его по Дороге. Лампы ярко освещали улицу до поворота, но порошок заставлял свет гипнотически пульсировать. Неподвижно замерли ароматные цветные

облачка. Все вокруг застыло, будто замороженное. Сознание работало смутно, но он понимал, что ошибся, позволив Кедре отвлечь себя. Не закончив одного дела, он принялся за другое. Внимание ослабло, за что он сейчас расплачивался.

Какой-то медленный водоворот возник на Дороге. Крики, толчки. Сэм воспринимал их, как во сне. Лицо свободного солдата накладывалось на открытые в крике рты. Солдат приближался, делая странные медленные движения.

Но от этих движений все вдруг отступили к краю полосы. Хейл взял Сэма за руку и потащил его за собой.

Сэм не помнил, как они оказались в одном из гидропонных садов. Мозг его едва воспринимал окружающее. Вот Хейл отсчитал монеты дежурному при входе в сад. А вот они уже стоят перед резервуаром, заполненном зеленой листвой.

Откуда-то издалека донесся голос Хейла:

— Надеюсь, доза была не слишком большой. Иначе тебе ничего не поможет. Попробуем эти листочки.

Хейл растер в руках какое-то голубоватое растение и сунул под нос Сэму.

Сэм расчихался, но движение вокруг вдруг ускорилось. Жестокая боль судорогой свела мышцы и ударила в мозг, взорвалась в глазах яркими цветными шарами, поднялась до невыносимого апогея и тут же улеглась.

Сам дрожал и обливался потом, но с радостью обнаружил, что может говорить. Часто моргая, он смотрел на Хейла. Время пошло обычным своим ходом.

— Ну как, все в порядке? — спросил Хейл.

— Э-э... да, кажется, — с трудом ответил Сэм.

— Твои друзья?

— Ага. Я позволил себе несколько расслабиться. Ничего, сам улажу. Если буду жив.

Хейл рассмеялся.

— Ну ладно, пошли ко мне. Нам есть о чем поговорить.

— Они же представления не имеют, что ждет их там, — зло говорил Хейл. — Ума не приложу, как их убедить? На сушу они и носа не показывали. Все им кажется сплошной романтикой. Вообразили себе этакий крестовый поход за веселыми приключениями.

— А ты попробуй убедить меня, — предложил Сэм.

— Я говорил с Логистом, — начал Хейл. — Это его идея. А мне позарез нужно было хоть чем-то заняться. Я сразу ухватился за его идею, но пока ни черта не получается. Люди так и прут ко мне. Возжаждали, видите ли, романтики, а я никак не могу им втолковать, что дело это трудное и очень опасное. Эти изнеженные придурки не понимают, что ничего, кроме надежды на будущее, я им предложить не могу. Но самое неприятное, что среди этих энтузиастов я не нахожу подходящих людей. Мы выродились под Куполами, — он горько усмехнулся. — Я им предлагаю не мир, но меч, а они не верят, даже смеются. Им и не снился весь ужас побережья.

— На что это похоже? — поинтересовался Сэм. — Как оно там, наверху?

— Совсем не то, что ты видел на экранах с самолета. Джунгли можно познать только снизу. Оттуда бы ты увидел, как бешеные грязевые потоки размывают, уничтожают все вокруг. Живые ветви брызжут ядом, он убивает мгновенно. Монстры, которых не сразу остановит даже танк. Да мало ли... Да эти изнеженные мальчики погибнут сразу, и колонизация кончится, не начавшись. Я уже начал было в Старой Крепости, но джунгли нас вышибли. Стены и заграждения не выдержали натиска и рухнули. Теперь они бесполезны. Все надо начинать сначала. Техника, что там оставалась, мертва — забита, опутана растениями, разведена их кислотными соками. Кругом ползают ядовитые твари. Везде шныряют гигантские хищники. Похоже, у них начисто отсутствует инстинкт самосохранения. Они нападают отчаянно и не задумываясь. Даже растения наступают стремительно. Мы не успевали расчищать, как вновь прорастала ядовитая пакость. Нам просто не хватило сил удержать плацдарм. Да-да, военная терминология тут вполне уместна. Даже лишайники, подумаешь, чепуха какая, способны прогрызть дерево, стекло, металл, а человека живьем съедают. А ведь мы еще очень мало знаем Венеру, ее экология несравнима с земной. А нам приходится не только защищаться, но и содержать себя.

— А для этого нужны деньги и поддержка, так? — спросил Сэм. — А семьи бессмертных пока против.

— Знаю. Я начинаю думать, что Логист ошибся.

— Вы один взялись за это дело?

— Да, — кивнул Хейл.

— Энергичный человек мог бы вам помочь.

— Нет такого человека. Меня уже обманывали. Это мой крестовый поход, и я не могу довериться кому-то еще.

Мысль, что пришла в голову Сэма, заставила его вздрогнуть. Он торопливо спросил:

— А мне?

— А ты чем лучше?

Сэм лихорадочно вспоминал, не сказал ли он лишнего. Вроде бы, нет. Он продолжил:

— Я рискую головой, отказавшись убить вас. Это что-нибудь значит? Но я еще не объяснил, почему обманул Харкеров. Я очень хочу участвовать в вашем деле. И, не буду скрывать, рассчитываю заработать на нем.

— Я уже говорил вам — проект нереален, — ответил Хейл, но глаза его заблестели.

«Попался!» — подумал Сэм. Вслух же он сказал:

— Необходима мощная поддержка, и я найду ее. Еще нужна идея, за которой пойдут все. Идея у меня есть. Должно получиться. Я знаю, что делать. Доверьтесь мне.

Хейл долго молчал. Он задумчиво тер подбородок, сопел, прикидывая что-то в уме. Наконец решился:

— Пошли к Логисту.

А вот этого Сэм не хотел. Он боялся Логиста, как черт ладана. Свет чистого разума мог легко проникнуть в его темную душу, и высветить то, что Сэм тщательно скрывал. Но Хейл умел убеждать и порукой тому была его долгая жизнь. Они пошли к Логисту.

Говорил с ними сияющий полупрозрачный шар на металлическом пьедестале.

— Я предупреждал вас, Хейл, что предсказывать не умею, — сказал он.

— Но вы говорили, что ваши ответы неизменно верны.

— То, что верно для вас, не обязательно верно для Сэма.

— Вы можете дать два ответа, — нетерпеливо вставил Сэм.

Разговаривая, как он думал, с машиной, Сэм невольно расслабился. Он с готовностью отвечал на вопросы машины, сообщил свои данные, выглядевшие в его изложении вполне пристойно. Нетерпение его было объяснимо: сорок восемь часов, отпущенные бессмертными, истекали...

Разрозненные черты сардонического лица Бена Кроувелла мелькали и переливались в сияющем шаре. Робин Хейл узнавал его, но для Сэма, никогда не видевшего настоящего Логиста, они не имели смысла.

— Люди Куполов утеряли пионерский дух, — сказал шар. — Ищите подходящих людей среди заключенных.

— Нам нужны честные люди, — возразил Хейл.

— Среди преступников найдутся и честные. Большинство из этих людей оказались не на своем месте и не в свое время. В неподходящем обществе любой из вас может стать преступником. Но именно преступники, и вообще люди чем-то недовольные станут вашими лучшими помощниками. Среди них вы найдете геологов, физиков, биологов...

— Но ведь даже второсортные специалисты стоят очень дорого, — возразил Сэм. — Где мы возьмем такие деньги?

— Они обойдутся вам дешево. Вы еще удивитесь, узнав, сколько недовольных даже среди лучших. В Куполах все слишком благоустроено, слишком спокойно. Трудиться с полной отдачей нет никакого смысла.

— Когда нам начинать?

— Сначала избавьтесь от насущной опасности. А вот потом можете спросить еще раз.

— Но если вы не согласны с Семьями, почему бы вам не помочь нам против них?

Тени в шаре суматошно задергались. Логист, видимо, покачал головой.

— Я не всесилен. А Семьи очень могущественны. В их руках все, в том числе политика и экономика. Совет и губернаторы — только ширма. Всем заправляют Семьи, а они опытны и безжалостны. Законы, которые они проводят, часто кажутся короткоживущим жестокими, однако внуки их будут благодарить бессмертных. У них великолепное социальное видение, но на этот раз они ошибаются. Цивилизация идет к упадку быстрее, чем они думают. Спасение — в колонизации поверхности, но они не могут на нее решиться, считая, что эта попытка обречена на провал, а для следующей уже не будет ни возможностей, ни желания. Но ждать, пока они решатся, гибельно. Время уходит необратимо. Но планетой, к сожалению, правлю не я. И Семьи не доверяют мне, они считают, что я против них: слишком много я им противоречил.

Для Робина Хейла это было не ново и он нетерпеливо перебил:

— Вы можете дать прогноз? Шанс есть?

Некоторое время Логист молчал. Затем послышались странные звуки, перешедшие в хохот. Это несколько удивило Хейла, а Сэма потрясло. Машина смеется!

— Шанс есть, и причем недурной! А если с вами будет Сэм Рид, он значительно возрастет. Вот все, что я хотел сказать. Пока достаточно.

Сэм застыл, глядя на хаос теней в шаре. Что все это значит? Неужели машина может обманывать? Что, собственно, она предложила и не ошибается ли насчет Сэма?

— Благодарю вас, Логист, — сказал свободный солдат.

Сэм уставился на него. Благодарить машину?! Да еще явно неисправную?

Они уходили, а хохот, усиленный эхом, несся им вслед. С высоты своего тысячелетнего опыта, Логист мог посмеиваться над тем, что ждало Сэма Рида.

«Избавьтесь от насущной опасности», — передразнил Сэм Логиста.

Они сидели за грязным столиком в полутемной тайной квартирке Сэма. Здесь им ничего не грозило. Но нельзя же торчать тут вечно. Сэм прикидывал, сколько агентов выслеживают их.

— Идеи есть? — спросил Хейл.

— Что вы суетитесь? Или не доверяете мне?

— Доверяю... Обстоятельства заставляют, иначе бы я никогда не поверил человеку, который приходит ко мне и заявляет: мне поручили убить вас. Но я знаю Семьи, потому и поверил тебе. Так как насчет идеи?

Зло насупив брови, Сэм смотрел на Хейла. Его раздражала легкость, с которой тот согласился на партнерство. Правда, он сам желал этого, но мотивы Хейла его не устраивали. Сэм не доверял людям, которые удачу дела ставили в зависимость от надежности партнера, а еще больше его раздражало, что Хейл был из бессмертных. За это он почти ненавидел свободного солдата. В нем было все то же, что в Уолтонах и Харкерах: крайняя самоуверенность и надменность. Но главное — Хейл не был рабом времени, напротив, время служило ему.

Прожив сотни лет, он обрел колоссальный опыт, он уже сталкивался со всеми возможными обстоятельствами. У него было достаточно времени, чтобы не спеша все обдумать и в итоге подобрать соответствующий обстоятельствам выход. У Сэма не было безграничного запаса времени, как у бессмертных, и он не мог сказать, как они: «И это минует».

Он глубоко вдохнул и уклончиво ответил:

— Они не захотят связывать свои имена с нашей смер-

тью. Они ударят исподволь. До сих пор они не боялись народа, потому что он был неорганизованной толпой. Но твой проект покончит с этим. А Семьи очень боятся, что это всколыхнет толпу и направит против них. Насколько я знаю, многие увлеклись проектом. — Сэм искоса взглянул на Хейла. — Да, идея у меня есть, но мы обсудим ее позже.

— Договорились, — спокойно согласился Хейл.

«Вот и ладно», — подумал Сэм. Он вдруг понял, что для этого человека война вовсе не романтическое предание. Он видел убийства и убивал сам. Смерть хорошо ему знакома, и он привык смотреть ей в лицо. Волна ненависти вновь накатила на Сэма, но он заставил себя говорить спокойно:

— Я хочу продать идею крестового похода. Вы слушаете меня?

Хейл кивнул и улыбнулся.

— Нам нужна рабочая сила, — продолжил Сэм. — Но работа очень опасная и люди будут гибнуть. Главная проблема в том, чтобы им было за что рисковать жизнью. А вы сможете, кстати, их защитить?

— Да, но только не от скуки и еще от некоторых венерианских штучек. Взять лишайник, например. Он пролезает в любую щель и может заживо сожрать человека. Кроме того, там сильнейшее ультрафиолетовое излучение. Клетки мутируют. Рак кожи и все такое... Я уже говорил: это тебе не пикник.

— Итак, нам нужны недовольные хорошие специалисты. Неудачники, одним словом.

— Правильно. И что же?

Приступ бешенства вновь охватил Сэма. Этот надменный бессмертный, похоже, и без него знает ответы на все вопросы и посмеивается над ним. Но одновременно Сэм замечал в нем такую странность, что диву давался: Хейл по натуре был рыцарем, мечтательным, самоотверженным, но и наивным до предела. Даже миллион лет, а не какие-то жалкие столетия, не дал бы ему то, что у Сэма было врожденным. «Что ж,. — решил Сэм. — Стоит попытаться».

— Но нам нужны не просто неудачники, — начал он. — Важно знать, чем именно они недовольны. У вас были специалисты, когда вы вели свои войны?

— Да, — кивнул Хейл. — Но тогда мы держались на традициях свободных солдат.

— Чудесно! И у нас будут свои традиции, — Сэм за-

думался. — «Через тернии к звездам» — вот наш лозунг. Психозаписи и личные дела ваших людей сохранились?

— Наверное. Но к чему они тебе?

— Пригодятся. Необходимо изучить факторы, способствующие появлению недовольных. Интеграторы помогут найти причину, а мы поймем, что нам нужно для создания новых традиций. Мы завоюем общественное мнение, я займусь пропагандой и рекламой. Это решит проблему добровольцев. — Сэм взглянул на невозмутимое лицо Хейла и отвел взгляд. — Но понадобится тщательный отбор. Мы создадим систему тестов и испытаний, но толпу придется как-то обмануть, чтобы она согласилась на них. Нельзя с ходу отвергать человека из-за потенциальной трусости — тогда и остальные откажутся проходить тест. Но мы должны знать о них все.

— Что ж, неплохо, — одобрил Хейл. — А деньги где взять?

— Сколько у вас есть?

— Сущая чепуха, — махнул рукой Хейл. — Но зато есть плацдарм и расчищенная Крепость Отряда Дуне. Но только для того, чтобы удержать ее, нужна прорва денег.

— Создадим фирму, выпустим акции. В такие игры люди всегда любили играть, особенно если есть надежда на дивиденды. И я имею ввиду не только деньги. Люди страдают без романтики, без сильных эмоций, и все это мы им дадим.

— Все это звучит прекрасно, но будут ли отвергнутые энтузиасты рисковать деньгами и покупать акции?

— А выход прост, — ухмыльнулся Сэм. — Широкая реклама колонизации. Каждый шаг героев должен показываться по телевизору, но прямым лучом и только акционерам. Это должно подстегнуть ажиотаж. Главное — побольше болтовни и пафоса, простаки его обожают.

Взгляд Хейла выражал одновременно и гнев, и восхищение. Сэму даже показалось, что тот готов вот-вот одобрить план. Но ответ прозвучал остужающе:

— Я не согласен. Это обман. Колонизация — далеко не развлечение и она не для любителей острых ощущений. Не романтика, не аттракцион, а ежедневная тяжелая и опасная работа.

— А почему бы не сделать ее еще и увлекательной? Что нам мешает? — загорячился Сэм. — Вполне справедливый компромисс: мы, рискуя жизнями, предоставляем сенсацию, а довольные зрители платят за нее. Ну?

— Это не по мне, — пожал плечами Хейл.

— Да мало ли... Меня, может, тоже мутит, но это единственный выход. Кстати, что там сейчас на поверхности? Чудовищ бы каких-нибудь. Людоедов. Их можно использовать для рекламы хоть сейчас.

Хейл долго молчал, потом сказал:

— Есть там ходячие деревца. Подходящие для твоей рекламы. Термотропные — их притягивает любое тепло — и назойливые. Отгоняем, как можем. Конечно, их проще уничтожить термитной гранатой, но на ее тепло их сбежится еще больше.

— Что они из себя представляют?

Хейл принялся долго и подробно объяснять. Сэм внимательно слушал. В конце рассказа он подвел резюме:

— М-да. На редкость отвратительная тварь. Но, если сам не полезешь, достаточно безопасная. Для телевизионщиков лучше не придумаешь. Отличное шоу! Пусть твои люди начнут сражение с этой травкой. На всякий случай держите человека с термитной гранатой, только вне поля зрения камеры. Пусть эти деревца поначалу прорвут оборону, а потом твои парни героически уничтожат агрессора. Наши акционеры от восторга на стенку полезут. И добровольцы попрут толпами. Ну как?

— Нет, — с обычным спокойствием ответил Хейл.

— Ну и зря! — искренне огорчился Сэм. — Это же элементарно: любое новое дело надо начинать с сенсации. — Но тут Сэм вспомнил, что есть еще кое-что, причем совершенно безотлагательное. Через шесть часов они будут совсем мертвы, если ничего не придумают. Вопрос созрел для серьезного обсуждения.

— А у нас проблема, — начал Сэм. — Вы не забыли? Семьи вот-вот прикончат нас, причем чужими руками. В их арсенале наемники, микробы, ядовитые порошки, в общем, довольно всякой пакости. Мы просто обязаны придумать что-то. Лучше всего как-то дискредитировать их. Им сразу станет не до нас. Им придется спасаться, но еще лучше, если спасаясь сами, они заодно спасут и нас.

— Как это?

— Самое главное для Семей — престиж. Конечно, их власть в долголетии, но подняла их все же, толпа, поверив в их непогрешимость. Сюда и надо бить. Мы можем поколебать эту веру.

— Каким образом?

— Нынче вы кумир толпы. Харкеры потому и дали мне такой ограниченный срок, что боялись нового лидера, который бы мог занять ваше место. Так вот, им стану я!

Да-да, но только для того, чтобы спасти наши жизни. Уже не будет смысла убивать одного из нас — колонизацию это все равно не сорвет.

— Очень интересно, но каким чудом ты за несколько часов станешь кумиром толпы? — Хейл явно заинтересовался.

Сэм довольно улыбнулся. Он звонко ударил ладонью по столешнице. В стене открылась дверь, и вошел Слайдер.

Старикашка опустил свое рыхлое тело на стул и с интересом поглядел на Хейла. Сэм обратился к нему:

— Итак, за нами идут молодчики Шеффилда. Мне некогда ввязываться в драку. Сможешь их отвлечь?

— Попробую, — лениво ответил старик. Это было достаточной гарантией. В темном мире Куполов Слайдер был далеко не последней фигурой.

— Отлично, — Сэм повернулся на стуле так, чтобы видеть глаза Слайдера. — Есть еще кое-что. И это самое важное. Звуковую дорожку подделать сможешь?

— Раз плюнуть, — заверил старик и высморкался.

— Надо, чтобы мимика и артикуляция совпадали.

— Это посложнее. А о ком речь?

— Во-первых, о Захарии Харкере. Ну, а там еще кого угодно из Уолтонов или Харкеров. Справишься?

Старик пристально посмотрел на Сэма.

— Харкер? — переспросил Слайдер и рассмеялся. — С удовольствием. Но эта веселая шуточка будет стоить денежек. Когда приготовить?

Сэм назвал срок

Подделка звукозаписи не менее стара, чем сама звукозапись. Чтобы вырезать нужные места и наклеить их в нужной последовательности, требуется сравнительно небольшой навык. Но технология, позволяющая подделывать речь целиком, была разработана сравнительно недавно. Тут требовался исключительно квалифицированный оператор. При этом исходная речь должна быть достаточно длинной, чтобы хватило звукового материала.

До подделки изображения отсюда не так уж далеко. Движения губ, выговаривающих определенный звук, раскладывались на мельчайшие фазы, а потом синтезировалось другое, нужное движение. Работа была ювелирная, но эффект неизменно потрясал.

Специалистов, владевших в совершенстве такой техни-

кой, Слайдер знал. Выступлений Харкеров и Уолтонов имелось достаточно. Однако, ход был очень рискованным — Семьи отличались мстительностью. Но они никогда не спешили: чего-чего, а времени у них хватало. Сэм понимал все это, но другого выхода не видел.

Хейла пришлось убеждать часов пять. Для начала Сэм убедил Хейла в ужасной опасности лично для него. Затем он постарался уверить честного солдата в своей личной преданности ему — честному солдату. И что ему, Сэму, можно доверять. Пришлось использовать нечто вроде детектора лжи: Сэм говорил, а Хейл проверял микрореакции по приборам. Сэму было что скрывать, и потребовались немалые ухищрения, чтобы обмануть хитрый прибор. Щекотливых моментов в разговоре Сэм старался избегать.

— Мы уже ходячие трупы, — убеждал он Хейла, и стрелки детектора подтверждали его искренность. — Что и говорить, трюк опасный, почти самоубийственный, но есть ли у нас выбор? Ладно, не будем ничего делать. Все равно помрем, как только они найдут нас. Ну, давайте, придумайте что-нибудь получше, если сможете. Но по-моему это единственный вариант. Ну как, есть идея?

Бессмертный ничего не мог предложить.

В вечерней телепрограмме диктор сообщил, что у Робина Хейла есть важное сообщение по поводу колонизации побережья. Жители Куполов замерли перед экранами. Все ждали.

И вот, на мерцающих экранах появилось мужественное лицо свободного солдата. Он говорил торопливо, словно нехотя, чуть сбивчиво. Но от этого речь его звучала еще убедительнее.

Он подробно рассказал о своем новом товарище, с которым он хоть сейчас готов начать новый штурм побережья. Хейл сообщил, что товарища зовут Сэм Рид, что в надежности его, и честности, он, как человек военный, не сомневается. Тут Хейл высказал сожаление, что обстоятельства требуют его безотлагательного присутствия на поверхности. Там сейчас идет смертельная схватка людей с коварным врагом. Там с нетерпением ждут помощи старого и опытного свободного солдата. Хейл козырнул и исчез с экрана.

Появилось лицо Захарии.

Частная жизнь бессмертных отнюдь не была приватной, да и люди Слайдера постарались.

Речь его была шедевром подпольной синематики. Даже опытный эксперт затруднился бы найти здесь мельчайшие несоответствия, выдающие подделку. Сам Захария не смог бы с уверенностью сказать, что это говорит не он. Каждый звук и каждое движение выглядели естественными.

Авантюра была чрезвычайно опасной. Но Сэм, решившись на нее, преследовал не только сиюминутные цели, он, как всегда, смотрел далеко вперед. И сейчас он закладывал лишь фундамент для своих новых планов.

По сценарию именно Харкер должен был представить Сэма. И тот уже скромно стоял за спиной бессмертного.

— Перед вами, — говорил Захария, — Сэм Рид, человек из народа. Именно его общественная и филантропическая деятельность сделала возможным новый поход. Он, как и вы, короткоживущий, но, тем не менее, смотрит далеко вперед. Он поведет вас за свободным солдатом Робином Хейлом к триумфу. Будущее расы только там! Даже мы, Харкеры, — продолжал Захария, — в конце концов убедились в состоятельности проекта Сэма и Хейла. Нас всех ждет великое приключение. Через тернии к звездам!

Затем он рассказал об опасностях и тяготах жизни на поверхности. Рассказывал он подробно, тщательно подбирая слова. Обрисовав красочно прелести ужасов жизни на побережье, Захария перешел на Купола:

— Мы быстро вырождаемся, становимся неполноценной расой. Мы не только перестали интеллектуально расти, но даже теряем иммунитет к элементарным болезням. Мы деградируем в Куполах. Но великая цивилизация не должна погибнуть! И спасение ее — в плодородных землях Венеры, а в перспективе перед нами — вся Вселенная! Вперед, к звездам! — закончил Захария.

Настал черед Сэма. Он нервничал, но умело скрывал это за внешним спокойствием.

Сомнения терзали его. Такой наглый обман Харкеры ни за что не простят. Чудовищное извращение их собственных слов и помыслов! Так повернуть против них их собственную убежденность! Использовать бессмертных как марионеток! Нет, не простят. Наверняка, они уже действуют. Семьи умеют мстить жестоко и быстро, если это необходимо. Но что именно они сделают, все равно не угадать. Придя к такому неутешительному выводу, Сэм успокоился и с непоколебимой убежденностью стал вещать аудитории Куполов:

— Я предлагаю вам всем присоединиться к великому

делу спасения человечества. Каждый может внести посильный вклад, если не личным участием, то хотя бы деньгами.

Сэм в подробностях описал трудности и опасности экспансии на материк. Пообещал, что любой из вкладчиков с помощью экрана примет участие во всех приключениях. Он даже намекнул, насколько безопаснее сидеть перед экраном и переживать все перипетии колонистов не хуже их самих. Очень уж хотелось Сэму, чтобы в добровольцы шли самые сильные и смелые. В конце он сказал:

— Мы гарантируем вам, что развлечение, доступное раньше только очень богатым, теперь станет достоянием всех. — Сэм показал рукой на стену с огромными экранами и воскликнул: — Смотрите!

Туманное изображение джунглей появилось на экранах, быстро приблизилось к зрителям. Кольца бархатно-черной грязи окружали мощные корни деревьев. Одно из колец заполнило экран и телезрители увидели огромную змею. Вдруг грязь с утробным чмоканьем расступилась и на рептилии сомкнулись зубы грязевого волка. Фонтаном взметнулась болотная тина, перемешанная с кровью. Рев битвы заглушил остальные звуки джунглей. Яростно извиваясь, твари исчезли в грязи, и только круги разбегались по поверхности да звонко лопались пузырьки воздуха. Во всех Куполах люди замерли перед экранами.

Поблагодарив аудиторию, Сэм заверил, что в самое ближайшее время будет создана комиссия по отбору добровольцев. Затем он скромно заметил, что очень надеется заслужить доверие добросовестным служением акционерам и доблестному воину, который оставил ему, Сэму Риду, все дела, а сам ушел в джунгли, где нужны его опыт и мужество.

— Мы все, — сказал Сэм, — скоро увидим примеры подлинного героизма первопроходцев. Мы увидим свирепую схватку людей с чудовищами. А кто-то из вас будет непосредственным участником битвы за великое будущее. И симпатии наши будут на стороне людей, жизнями и трудом своим положивших начало нового рассвета нашей цивилизации.

Пока Семьи никак не реагировали.

Именно это затишье бесило Сэма — не с кем было бороться. Тишине он никогда не доверял. Попытки взять интервью у аристократов кончались ничем. Казалось, они

с полнейшим безразличием отнеслись к кампании, взбудоражившей Купола. Они вежливо улыбались, кивали головами, но от комментариев воздерживались. Пока. И Сэм мог только предполагать, как они будут мстить.

Планы осуществлялись стремительно. Но Сэм понимал, что это всего лишь дебют, пусть даже успешно разыгранный им, а игра еще впереди. Однако дела захватили его полностью, не оставив времени на раздумья о будущем. Он отлично сознавал, что занят грандиозным надувательством, но он всегда этим занимался. Главное, чтобы простаки давали деньги. Остальное его не интересовало.

«Бессмертные опоздали, — злорадствовал Сэм. — Людишкам уже дали заманчивую игрушку и попробуй теперь отбери ее у них. Семьи не посмеют ударить. Толпа — их опора. Вместе с расположением толпы исчезнет опора, и тогда бессмертных ожидают крупные неприятности».

Что до колонизации, то тут Сэм доверял Харкерам больше, чем Логисту. Сэм соглашался, что колонизация обречена на провал. Логист же говорил о каком-то успехе. Разве может ошибаться Машина Истины? Но ведь не смогла же она раскусить Сэма! А раз так, значит, она может ошибаться и в остальном.

От неудачи Сэм постарался застраховаться. Все просто: публика хотела покупать, а он хотел продавать. Вот он и продавал.

Таким образом он продал акции на триста процентов.

Затем должен был наступить крах. Эти деньги он должен был вложить в колонизацию и остаться без гроша. Да и как выплачивать дивиденды под бумаги без обеспечения?

Впрочем, если не вникать, то все выглядело прекрасно. Возрождающаяся цивилизация поднималась из морей, стряхивала воду с могучих плеч, стремительно завоевывала сушу. А впереди ее ждали межпланетные и межзвездные путешествия. Вселенная открывалась перед ней.

«К звездам», — провозгласил Сэм и выкачивал из звучного лозунга максимум возможного.

Через два месяца, вместе с прочими плодами успеха в объятья к нему упала и Розата. Он поселился с ней в квартире неслыханной роскоши, окна которой выходили в гидропонный сад. Это выглядело не менее удивительно, чем джунгли, но было, конечно, не так опасно. Из других

окон можно было увидеть огни Куполов, где уже все плясали под его дудку.

Сэм сам вдруг начал жить словно во сне. Он не сразу осознал это. Но однажды, оглянувшись назад, он понял, что события выходят из-под контроля. Ему приходилось вертеться все быстрее и быстрее, чтобы везде успеть. Ему бы остановиться и подумать, но времени не было. Момент истины приблизился вплотную...

На низенькой скамейке у его ног сидела Розата. Фиолетовые складки ее платья струились на пол. Она склонила голову к высоким рогам лиры и мягким бархатным голоском напевала;

— «Но медленно встала она во весь рост. Неслышно ступая, к нему подошла...» — сладкий голос поднимался и опускался, следуя мелодии старинной баллады. — «И тихо сказала...» — продолжала Розата.

Мелодичный гудок вызова прервал ее.

В этот час могли звонить только по очень важному делу. Сэм нехотя поднялся.

Розата окаменела, словно этот обычный звук заморозил ее. Не поднимая глаз, она тронула струны наманикюренными ноготками и тихо, с неповторимой грустью допела последнюю строчку:

— «Я вижу, мой гость, что смерть над тобой распростёрла крыла...»

Нажав кнопку, Сэм вздрогнул. На мерцающем экране возникло лицо Кедры Уолтон. Черные волосы ее извивались, как змеи Горгоны. Она смотрела мимо Сэма в глубину комнаты. В глазах ее горел гнев. Сэм понял, что она увидела там.

— Вы идиот, Сэм Рид! — без обиняков выпалила она. С ее нежного высокомерного лица исчезло обычное египетское спокойствие. — Вы до сих пор не сомневаетесь в успехе своей авантюры?

— Разумеется, — пожал плечами Сэм.

— Несчастный! Зачем вы связались с бессмертными? Мы не прощаем, мы мстим исподволь, но наверняка. Мы можем себе это позволить. Неужели вы надеялись остаться в живых после того, что натворили? Захария Харкер...

Голос из-за пределов экрана прервал ее.

— Позволь, дорогая Кедра, я сам скажу.

Появилось гладкое, юношеское лицо Захарии.

— Обязан отдать вам должное, Сэм Рид: вы очень

хитры. Я не ожидал от вас такой энергии и изобретательности. Признаюсь, вы заставили меня крепко подумать. Впрочем, это великолепная гимнастика для ума. Я до тонкостей разработал множество вариантов вашего устранения, и это доставило мне несравненное удовольствие. Благодарю вас и за то, что из-за вас проект Хейла стал уязвим больше, нежели ранее. Вот мы и решили, что пора исправить нашу ошибку. Спасибо. Вы меня очень развлекли.

Он смотрел на Сэма с холодным безразличием, словно на букашку, и того пробрала дрожь. На живого человека так не смотрят. Между ними как будто уже пролегла вечность.

Сэм с грустью понял, что бессмертный с самого начала знал о его интрижке с Кедрой. Знал, что он, Сэм, перехитрит самого Харкера в афере с колонизацией, а заодно и Хейла. Бессмертный прекрасно понимал, что именно Сэм — самое слабое звено в проекте, хотя, если его изъять, это приведет к крушению всего дела. И напрасно Сэм тешил себя мыслью, что никто об этом не догадывается.

А Захария Харкер и не догадывался. Он просто знал.

— Прощайте, Сэм. Кедра...

На экране вновь появилась Кедра Уолтон. Гнев в ее глазах сменился другим чувством. Она смотрела на Сэма, а по ее мраморной щеке жемчужиной катилась слезинка.

— Прощай, Сэм. Прости...

Взгляд ее устремился куда-то за его плечо, Сэм успел еще повернуться и заметить угрозу, но отреагировать не хватило времени...

Резкий запах наркотика оглушил его. Он еще попытался дотянуться до Розаты. Вытянул руки... О, как хотелось ему свернуть ей шею! Но комната закружилась, и последнее, что увидел Сэм — слезы в глазах убийцы.

Две женщины смотрели на его смерть. Они обе любили Сэма, — иначе бы не плакали, — но они же и принесли ему гибель.

Он проснулся. Было темно. Плечи упирались во что-то твердое. С трудом он поднялся. С трех сторон его окружали каменные стены тупика. Уже светало. «Я проснулся», — подумал он и тут же вспомнил все.

Сэм был в лохмотьях и босой.

Живой! Видимо, это такой порошок, от которого спят очень долго. Но как долго? *Как долго*?!

На негнущихся ногах он заковылял к выходу из тупика и чуть не столкнулся с каким-то прохожим. Тот смотрел на него с удивлением и отвращением. Сэм схватил его за рукав.

— Что с колонией? — прохрипел Сэм. — Как там дела?

— Вы о чем? — раздраженно спросил прохожий. — Какая еще колония? — Он брезгливо оттолкнул Сэма.

— На побережье!..

— Вон оно что... Ты, парень, несколько припозднился. Это ж когда было!

— Когда?

— Сорок лет назад...

Колени его подгибались и он вцепился в поручень торгового автомата, что стоял у выхода из тупика. «Сорок... сорок лет!» В запыленном зеркальце автомата отразилось лишенное возраста лицо Сэма Рида. Все такое же, без морщин, с рыжими кустистыми бровями...

— Сорок лет!.. — повторил Сэм Рид сам для себя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

И действительно будет время,
Когда желтый дымок заскользит
по улицам
И будет тереться о стекла окон,
Будет время, будет время
Подготовиться к встрече тех,
кого вы встретите;
Будет время убивать и созидать;
Будет время для всех работ
И для ответа на все вопросы.

Т. С. Элиот.

Он еще ничего не понимал. Голова его, до предела забитая несвязными, но мучительными мыслями, одновременно была на диво пуста, а ему очень хотелось понять, что происходит. Сэм Рид стоял на движущейся Дороге, под его ступнями слабо вибрировало ее полотно. Перед

ним нисходящей спиралью разворачивался город. Это был его город. Он узнавал улицы, открывающиеся перед ним. Но детали, способные что-то напомнить, ускользали от него. Едва мерцающее сознание не позволяло ему сосредоточиться на чем-нибудь. Он успел забыть даже о первых мгновениях после своего пробуждения. Но до сих пор перед глазами его маячило то, что он увидел в зеркальце: отражение знакомого, неизменившегося лица.

«Надо напиться», — решил он. Но и эта простенькая мысль с трудом пробилась по размякшим за сорок лет мозговым извилинам. Кроме дырок в карманах не оказалось ничего. «Дела, — подумал он. — Ни памяти, ни денег. Даже прошлое куда-то подевалось». Перед глазами его вновь замаячило отражение в зеркальце. «Ба, да я же бессмертный! Вот тебе и ничего!»

Конечно, ничего такого просто не могло быть. Наркотический порошок способен и не на такое. Дрожащими пальцами он быстро ощупал себя. Гладкие щеки, крепкая шея без складок и морщин, тугие мышцы рук — это что, тоже фантазия? Значит, сорок лет — ложь! А прохожий наврал. Сэм напряг свои ватные мозги, это далось непросто. Однако он кое-что вспомнил и это «кое-что» подсказало ему, что человек этот не походил на случайного прохожего. Слишком странно, с каким-то непонятным интересом смотрел он на Сэма. Было похоже, что он специально ждал пробуждения Сэма, и в зависимости от того, что тот станет делать, готов был остаться или уйти.

Он никак не мог вспомнить его лицо. Только расплывчатый силуэт. Но глаза! Сэм вспомнил: в них был явный интерес и какое-то непонятное намерение, что случайным быть не могло. Эта мысль накрепко застряла в голове. Человек явно находился там с какой-то целью, и она была связана именно с Сэмом.

— Надо же — сорок лет! Чего только не бывает... — бубнил себе под нос Сэм. — Впрочем, проверить это просто.

На первый взгляд город не изменился. До и что могло измениться в этих сонных Куполах? Все так же висел над зданиями муляж мертвой Земли под траурным пластиковым саваном. Однако, он позволил Сэму сориентироваться. Все вокруг заняло свои места. Он вспомнил, где находятся его квартиры и те шикарные апартаменты, в которых он занимался любовью с очаровательной голубоглазой девушкой перед тем, как она бросила ему в лицо ядовитый порошок.

Он вспомнил лицо Кедры и слезы у нее на глазах. И жест, которым она приказала убить его. Кстати, почему он жив? Ошибка? Конечно, не Кедра и не Розата хотели его смерти. Как бы то ни было, они любили его. Это был приказ Захарии Харкера. Что ж, он ответит за это. А Кедра и Розата?.. «Девочка, девочка... хорошенькая моя, голубоглазая... ты пожалеешь, что родилась». Сэм сжал кулаки. Как он ей доверял! Она предала его... А как же сорок лет? Если правда, то время уже привело приговор в исполнение.

Итак, первое, что необходимо выяснить — сегодняшнюю дату. Он проплывал мимо огромного общественного экрана. Раньше здесь толпились кучи народа. В его время все толкались и вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть происходящее на экране. Но народу оказалось мало. Ни на него, ни на экран никто не обращал внимания. А он вспомнил, какой ажиотаж бывал раньше, стоило ему появиться на улице. Но люди стали другими. Одежды отличались более смелым, а на женщинах — слишком откровенным покроем. Но на лицах читалась апатия и скука. Его опыт только по одному этому мог бы определить, сколько прошло времени, но слишком уж вяло работала голова, да и память отказывала. Он один стоял у экрана, а люди безразлично проходили мимо.

Да, все изменилось. Сорок лет?

Яркая болезненная вспышка пронзила его мозг. В сознании его молнией пронеслось: «Бессмертие! Бессмертие! Какие возможности, какие опасности, какая слава!» Это превосходило все, о чем он мечтал. Необъятность перспектив на мгновение испугала его, накатили сомнения. Он пытался вспомнить существует ли средство, способное вызвать каталепсию и задержать старение организма на сорок лет, но ничего такого не вспомнил. Может, все так и есть? Он бессмертный? Этого, конечно, не может быть, но вдруг правда?

Что же это было? Тошнотворный запах порошка все еще чувствовался в ноздрях. В горле першило, донимала невыносимая жажда.

«*Я должен вылечиться. Прежде всего — вылечиться*».

Он вспомнил. Был такой наркотик. Он вызывал многолетний сон и человек, если не умирал во сне, просыпался, но через некоторое время снова впадал в сон. Нужно лекарство, чтобы избавиться от рецидивов, и он найдет его! Лишь бы хватило времени. Рано или поздно выработается иммунитет, правда, на это может не хватить и жизни. Но и иммунитет не всегда спасал. Наркотик имел вирусную природу, ви-

рус быстро мутировал, и человек вновь впадал в сон, на этот раз, в вечный.

На мгновение Сэм запаниковал. Надолго ли этот период бодрствования? А если вирус активизируется прямо сейчас? Если все время спать, то к чему бессмертие?

Но вылечиться он обязан! Тем более, что это вполне возможно. Жажда все усиливалась. Теперь он понял, что это означает. Надо торопиться! Но на лекарство нужны деньги. Много — несколько тысяч кориум-кредитов. А он пуст, как новорожденный. Конечно, бессмертие — самое большое богатство. Просто неслыханное. Но без денег оно бессмысленно. Чудовищный парадокс: впереди у него столетия, но один паршивый час может все решить.

Только не паниковать. Это гибель. Сэм заставил себя успокоиться. С чего начать? Для начала надо узнать, как совмещаются наркотик и бессмертие.

Затем — деньги и лекарство.

А как быть с бессмертием?

Многообещающее преимущество. Особенно, если держать его в тайне.

Каким образом?

Маскироваться? Но под кого?

Под себя, Сэма Рида, но не бессмертного? Семидесятилетнего Сэма Рида?

А где взять деньги? Вернуться к прежней практике? Но как при этом не раскрыть свою тайну? В голове у него замелькали варианты, но он решил оставить это на потом. Если, конечно, будет какое-нибудь «потом».

В первую очередь — деньги и информация.

С информацией легче и безопаснее. Начнем с нее. Необходимо узнать, что тут происходило последние сорок лет, что стало с его делами после того, как он исчез. Любопытно и другое: где он, собственно, был все эти десятилетия и почему. Совершенно ясно, что о нем забыли, и общественный деятель из него теперь никакой.

Он направился в ближайшую библиотеку, а по дороге думал, где раздобыть деньги. Когда-то он был очень богат, но порошок, что бросила ему в лицо Розата, превратил деньги в пыль. Во всяком случае, большей частью.

Несколько вкладов он положил на свое имя. На них надежды мало, но четыре были на предъявителя. Есть надежда, что враги не смогли их проследить, задача лишь в том, как заполучить эти немалые деньги. Но если они не пропали за сорок лет, то и за несколько часов с ними ничего не случится.

Ему было нечем заплатить за отдельный кабинет в библиотеке и он прошел к длинному столу в читальном зале, где спрятался от соседей за звуконепроницаемыми перегородками. Он нажал кнопку.

Перед ним на экране побежали строчки — события за последние семь дней.

Рип Ван Винкль просматривал сюжеты двадцатилетней давности. Они не убеждали в прочности этого мира, но позволяли Сэму Риду хоть на что-то опереться.

Неизвестные опасности ждали его за стенами библиотеки, и он, перелистывая страницы прошлого, учился их избегать. Заметно изменились мелочи: манеры, жаргон, мода. Но так бывало всегда. Именно мелочи сильнее всего бросаются в глаза. Глубинные же перемены заметить куда труднее.

Сэм все глубже погружался в прошлое. События того времени так ярко разворачивались на экране, что Сэм вновь явственно ощутил запах наркотика. Сухость в горле донимала все сильнее, и он решил, что не мешает поторопиться. Он повернул ручку — строчки замелькали быстрее.

Пронзительный голос выкрикнул ему в ухо: «СЭМ РИД ПРИНЯЛ СОННЫЙ ПОРОШОК!» По экрану мелькнуло изображение. «*Карьера Сэма Рида закончилась. Он найден уснувшим в своих апартаментах. Друзья его в недоумении. Все считают, что у него не было причин принимать сонный наркотик...*» Дальше опять замелькали строчки.

И это было все. Проект колонизации лопнул мыльным пузырем спустя всего четыре дня. Расследование его самоубийства, ибо такой долгий сон смертного иначе расценивать нельзя, кончилось ничем.

Свободный солдат Робин Хейл никак не прокомментировал это. Да и что он мог сказать? Обнаружилось, что акций продано на триста процентов, а это достаточно убеждало, что Сэм и сам не верил в успех предприятия. Однако свара началась изрядная. Рассвирепевшие вкладчики готовы были в клочья разорвать и саму фирму, и ее людей. Но Робин Хейл на то и был свободным солдатом, ему приходилось усмирять стихии и похлеще.

Очень многие верили Сэму, но когда проект лопнул, имя его было безнадежно опорочено. У публики не было ни времени, ни желания задуматься, насколько логичен

FNT
577

его поступок, и все решили, что он просто струсил, убедившись в несостоятельности своей затеи, и скрылся в наркотическом сне. Его прокляли и постарались поскорее забыть.

Как оказалось, все его вклады нашли, тайники опустошили. Плохо он их спрятал. Подробности Сэм слушать не стал.

Он тяжело задумался, откинувшись на спинку стула.

За событиями сорокалетней давности чувствовалась рука Захарии Харкера. Сэм представил себе его лицо. Юное, улыбающееся, безжалостное лицо бога, снисходительно наблюдающего мелкую суету смертного. Да, Сэм был всего лишь пешкой в его игре. А пешками легко жертвуют. Захария был хорошим игроком. Вот только он не знал еще, что игра едва началась! Сэм снова включил экран. Не помешает просчитать следующие ходы.

К своему удивлению, он узнал, что Хейл все же основал колонию, несмотря на отсутствие поддержки и активное противодействие врагов.

Но о колонии сообщалось очень мало. Мелкие сенсации, вроде очередного убийства, вытесняли события на континенте. Лишь изредка мелькали краткие сообщения из Крепости на краю джунглей. Харкеры хорошо знали свое дело.

Сэм выключил экран. Что ж, первоначальный план придется немного изменить. Во-первых, нужны деньги. Он снова ощутил противную сухость во рту. Сбережения исчезли. А что осталось?

Он сам и его опыт. И еще — тайна. Придет время, и он ею воспользуется. Что еще? Земля! Документы на нее аресту не подлежат. Но под своим именем затребовать их невозможно. Правда, есть и другие пути. Но и об этом можно подумать позже.

Деньги — в первую очередь. Сэм поджал губы. Из библиотеки вышел хищник, выслеживающий жертву. Для крупной операции нужна хорошая подготовка и опять же деньги. Для начала придется ограбить первого же простофилю в темном переулке.

Охота оказалась удачной. Впрочем, жертве тоже повезло — удар носком, набитым мелкой галькой, не расколол ее череп. Сэм с удовольствием убедился, что сохранил неплохую форму. Странно, обычно жертвы сонного порошка к моменту смерти или пробуждения больше похо-

дили на скелет. Где же он провел эти сорок лет и кто подкармливал его?

Он опять вспомнил человека в тупике. Будь у него тогда ясная голова, он бы взял этого наблюдателя за глотку и вытряс бы из него все, что тот знал. Впрочем, для этого еще будет время.

В кармане у него весело шуршали сорок три кредита, и он направился в некое заведение, где сорок лет назад его хорошо знали. Обслуга там работала прекрасно, кормила вкусно и, что самое главное, умела держать рот на замке. Учитывая консерватизм Куполов, заведение должно быть на прежнем месте.

Он прошел мимо нескольких модных салонов. Сквозь стекла были видны мужчины и женщины, терпеливо позволяющие украшать себя в соответствии с современной модой. Сэм заметил, что мода стала гораздо изощренней. Щегольства под Куполами значительно прибавилось: мужчины расхаживали в завитых бородах и кудрях. Но сейчас Сэм предпочел бы разумную скромность.

Заведение оказалось на своем месте и еще действовало. Удивляться Сэм не стал, но нервы его напряглись. С минуту он постоял у входа. Сорок лет назад все узнавали его. Интересно, как будет сейчас?..

Пусть даже в нем заметят нечто знакомое. И что же? Человек — существо недоверчивое, и все решат, что это не более, чем внешнее сходство. На чем и успокоятся; ведь это гораздо логичнее, нежели признать Сэма Рида живым и не постаревшим. Большинство же родились незадолго до краха колонии и могли видеть Сэма лишь мельком и с детским равнодушием. Тех, кто хорошо помнил его, осталось мало, а ослабевшее зрение и множество образов, перемешанных в их одряхлевших мозгах не позволят признать в нем бывшего кумира. Опасаться оставалось только какого-то совершенно невообразимого, невероятного случая. Сэм вздохнул и открыл стеклянную дверь. Уверенным голосом он сказал, что ему нужно.

— Постоянную или временную?

— Временную, — ответил Сэм, немного подумав.

— Быструю? — имелась ввиду быстрая трансформация внешности — вполне обычное дело для клиентов этого заведения.

— Да.

Мастер принялся за дело. Брови и ресницы высветлил, из рыжих они превратились в седые. Голову оставил лысой. Подбородок украсил грязно-белой бородой. Нос и уши

состарил на сорок лет. Через некоторое время Сэм увидел в зеркале человека, прожившего последние сорок лет в тяжких трудах и заботах.

— Чтобы быстро сменить облик, — посоветовал мастер, — бороду можно снять, а выражение лица изменить. Морщины убрать труднее, но при работе лицевых мускулов они заметно разглаживаются.

Он подвел Сэма к зеркалу и показал, как это делается. В конце концов, результат удовлетворил обоих.

— Отлично, — похвалил Сэм. — Мне нужен еще костюм.

Ему предложили плащ, шляпу и башмаки. Нехитрая с виду одежонка, но с секретом. Шляпа легко меняла форму. Широкий и темный плащ, неплохо маскирующий совсем не старческую фигуру, свободно прятался в кармане брюк, настолько тонка была его ткань. А если с башмаков снять здоровенные потертые пряжки, то взору открывались пышные голубые банты, и башмаки чудесным образом превращались во вполне элегантные бальные туфли.

Выйдя через черный ход, Сэм старался ковылять, изо всех сил подражая походке восьмидесятилетнего старика. Плечи его согнулись, словно на них давили прожитые годы. Он вернулся в библиотеку, постоял перед зеркалом в холле и остался доволен.

На этот раз его интересовала криминальная хроника.

Преступные организации в каком-то смысле напоминают стада, перегоняемые с одного пастбища на другое, более богатое. Пробежав на экране информацию, Сэм быстро нащупал свежее «пастбище». Характер преступлений практически не изменился, но Сэма это не удивило. Порок куда стабильнее, чем добродетель.

В небольшом полулегальном магазинчике он купил бутыль с красной жидкостью и дымовую шашку, довольно мощную. Инструкция подробно объясняла, как ее применять для уничтожения насекомых в гидропонных садах. Сэм не стал ее читать. Он уже применял такую штучку, и нужна она была ему совсем не против насекомых.

Осталось подобрать место для ловушки.

Поблизости, как помнил Сэм, находились два переулка. Место довольно глухое, а в одном из переулков должен быть подходящий пустой подвал. В нем он и припрятал шашку, а при входе положил несколько кусков металла размером с кулак и постарался их хорошо замаскировать. Таким образом он подготовился к решающему шагу.

О том, что ждет его впереди, Сэм старался не думать.

Ему здорово помогала мысль о бессмертии, она погружала его в эйфорию, бесконечно далекую от необходимости как-то обеспечить себе это долгое будущее. Ему приходилось постоянно напоминать себе о наркотике и лечении, и это немедленно превращало его в хищника.

На предполагаемом сытном пастбище Сэм заказал дешевое виски, не забывая ни на минуту о своем преклонном возрасте. У стариков, как правило, дыхания не хватает, голос слабый, дребезжащий, и Сэм старался во время разговора дышать поверхностно. Старости также присуща замедленность движений. И дело даже не в старческой хромоте, а в том, что одряхлевший мозг плохо управляет телом, нарушается координация и приходится обдумывать каждый шаг. Старикам, как и малым детям, мир одинаково опасен, но дети еще не осознают опасностей тяготения, а значит, и не боятся. И Сэму, симулирующему старческую опасливость, приходилось ступать медленно и осторожно, как бы рассчитывая каждый свой шаг. Но сейчас он сидел в «Джем О'Венус», потягивал виски и быстро пьянел, как и положено старику.

Наверное, со времен Древнего Рима завелись такие вот грязные полууголовные заведеньица. Сюда сходились люди, скатившиеся с вершин общества. Они еще пытались сохранить остатки манер. В одежде их мог блеснуть золоченый пояс. Могла удивить чудной расцветки шляпа с пышными перьями или плащ, переливающийся всеми цветами радуги.

В кабаке процветали азартные игры, не обижали здесь и любителей грязных развлечений, а выпивка, разумеется, всячески поощрялась. Не в пример высшим кругам, где увлекались сложными электронными играми, в «Джем О'Венус» предпочитали что попроще — карты и кости.

Среди игроков знакомых не было, но типы Сэм определил сразу. Из них он выделил нескольких. Его заинтересовали те, кто не заботился, где сидеть, и те, кто садился только лицом к двери. Но пока Сэм подсел к игрокам. Они были достаточно пьяны и не проявляли излишней осторожности. Сунувшись пару раз с непрошенными советами, он чуть погодя сам вступил в игру. Никто не возражал.

Оказалось, что карты здорово изменились. Заметно увеличился размер, они украсились весьма сомнительными рисунками. Правда, старые земные карты начали выходить из моды еще сорок лет назад, но Сэм не ожидал, что это произойдет настолько быстро.

Припомнив прошлый опыт, Сэм подобрал напарников так, чтобы выигрывать, но не слишком заметно. Крупно поживиться здесь он и не рассчитывал. Карты он издавна считал не самым надежным источником денег, и потому соглашался только на невысокие ставки. Но он очень хотел произвести впечатление и сумел создать видимость, что деньжат ему перепало немало.

Убедившись, что его заметили, Сэм вышел из кабака и с минуту постоял у входа, пьяненько покачиваясь. Почти сразу за ним вышел человек, которому Сэм показался достаточно пьяным.

— Эй, дед, хочешь сыграть еще?

Исподволь, но внимательно осмотрев его, Сэм остался доволен и позволил втянуть себя в разговор. Разобравшись, что цель собеседника не темный переулок, а паршивенький игорный дом, некогда бывший забегаловкой, Сэм согласился.

Карты оказались обычными, партнеры трезвыми, и Сэм, не решившись смошенничать, проигрался вдребезги, да еще влез в долги.

Таким образом он и очутился у Дока Малларда. Именно так позволял называть себя невысокий человек с красивыми кудрями, искусственным загаром и почти без шеи.

— Что надо? Я не даю в долг! — холодно уставился на Сэма Маллард.

Сорок лет назад этот человечек ходил под стол пешком и писался в штанишки. Сейчас он возомнил себя боссом в деле, которым Сэм Рид давно владел в совершенстве. Сэму вдруг показалось, будто он смотрит на этого человечка с огромной высоты. *Он был бессмертен...*

Но бессмертие не гарантировало долголетия, и Сэм, решив не хамить, сбросил пьяную личину, но не годы, и холодно, но вполне вежливо произнес:

— Нам нужно поговорить наедине.

Сэм еле сдерживал улыбку, пока Маллард важно рассматривал его. Но вот они остались вдвоем и Сэм доверительно сказал:

— Слышали вы что-нибудь о Сэме Риде?

— Сэм Рид?.. А-а, ну, разумеется! Энтузиаст-неудачник. Колонии, сонный порошок... Этот, что ли?

— Этот, да не совсем. Я Сэм Рид!

Маллард, казалось, остолбенел. Скорее, от того, что пытался вспомнить подробности скандала, забытого еще во

времена его детства. Впрочем с момента основания Куполов этот скандал был одним из самых громких и чтобы вспомнить подробности, особого труда не потребовалось.

— Глупости, — заявил он. — Он мертв. Все это знают.

— Я перед вами и я Сэм Рид. Меня вылечили. Потом я долго жил в колонии, а вот теперь вернулся.

— И что с того?

— Да ничего. Я о том, что моим распискам можно верить.

Маллард пренебрежительно фыркнул:

— Фи, с поверхности только нищие и прут. Там еще никто не разбогател.

— Перед уходом я здесь заначил много денег.

— Рассказывай... Я вспомнил твою историю. Все твои заначки распотрошили. У тебя не осталось ни гроша. Ты нищ, ты никто.

Сэм сдержался. Он заставил себя говорить спокойно.

— А семь тысяч кредитов, это тебе как?

Маллард разве что не потирал руки — эк он обдурил старого глупца!

— А как докажешь, что ты Сэм Рид?

— Отпечатки пальцев...

— Куда как убедительно, — развлекался Маллард. — Да нынче любой дурак их может подделать.

— А сетчатку глаза?

Маллард засомневался. Но через некоторое время, приняв решение, он бросил несколько слов в микрофон. Вошел человек со здоровенным фотоаппаратом. Он потребовал смотреть прямо в объектив, и Сэм едва не ослеп от вспышки. Ждать пришлось долго.

Наконец на столе зажужжал коммутатор и тонкий голосок оповестил:

— Все нормально, Док. Это он. Картотека подтверждает.

Щелкнув переключателем, Маллард сказал:

— Отлично! Мальчики, входите.

Вошли четверо крепких мужиков.

— Мальчики, перед вами Сэм Рид. У него есть кредитки, позарез нам необходимые. Поспрашивайте его...

Методы допроса не менее консервативны, как и сама боль. Мальчики очень старались, и Сэму было очень больно. Он держался изо всех сил, но не дольше, чем может выдержать старый человек. Затем он сломался и заговорил.

Во время этого чрезвычайно оживленного «разговора» он однажды испугался, что не выдержит борода. Мальчики трудились на совесть, но и мастер знал свое дело — приклеенная волосня держалась прочно.

Маллард спрашивал, а Сэм отвечал, захлебываясь старческим дыханием:

— Тайник... открывается только кориумным ключом.

— Сколько нужно кориума?

— Фунт и три четверти...

— А что ж ты сам не берешь свои денежки?

— Я только-что с побережья... Остальные тайники нашли... этот остался... Но открыть его без кориумного ключа я не могу. Где я достану столько кориума? Семь тысяч кредитов... а денег на ключ нет...

Маллард долго сопел и чесал за ухом.

— М-да... Самый надежный в мире замок. Ты что, не мог настроить его на меньшее количество кориума?

Сэм по стариковски гордо вскинул голову.

— Э-э, в те времена я был предусмотрителен. Замок не открыть, если не знать точное количество кориума. Да и не каждый столько достанет...

— Фунт и три четверти... — оборвал Док старческую похвальбу. Он приказал одному из своих людей: — Выясни, сколько это стоит.

Сэм старательно прятал улыбку в бороде. Откинувшись на стуле, он с любопытством рассматривал Малларда. Сэму не нравились ни его методы, ни он сам. Гнев вновь одолевал его после сорокалетнего перерыва. Вне зависимости от цели, одержимость всегда заставляла его идти наперекор всем препятствиям. Горе тому, кто встанет на его пути. Сейчас этот Маллард... Сэм до боли сжал кулак, явственно представляя, как на этой лоснящейся шее сжимаются его пальцы.

И тут ему в голову пришла неожиданная мысль. А достойно ли бессмертного простое убийство? Сэм увидел великолепнейшие возможности. Какая сладкая месть! Можно спокойно наблюдать, как враг умирает долго, очень долго. Можно даже позволить ему состариться.

Забавная идея. Время... его так много, но и всегда мало. Бессмертием надо распоряжаться осторожно, шаг за шагом.

И первый шаг — тайник-ловушка, куда он заманит этих ничтожеств.

Первый шаг на бесконечном пути.

Компания ввалилась в подвал, и Сэм нехотя показал куда положить кориум. Кориум — уран 233, а точнее, активированный торий — далеко не игрушка, и помещался он в непроницаемом для радиации тяжелом контейнере, слишком большом, чтобы поместиться в кармане. Для защиты от излучения открытого контейнера принесли разборный шит. Кориум положили, где указал Сэм, и прикрыли щитом.

Рядом с Сэмом стояли четверо — сам Маллард и трое его горилл. Все вооружены. Сэм нет. Еще один человек Малларда стоял снаружи. Сэм скрытно налил на бороду растворитель клея. Теперь эта мочалка снимется легко.

Тишину нарушало только хриплое дыхание бандитов. Сэм сделал несколько глубоких вдохов — через секунду ему понадобится кислород. Маллард осторожно возился со щитом и контейнером, похожим на древний фотоаппарат с устройством вроде диафрагмы. Открывал ее специальный спусковой механизм.

— Здесь? — Маллард ткнул пальцем в кирпичную стену.

Сэм молча кивнул. Маллард нажал кнопку и отскочил. Послышался щелчок — и все.

— Тайник чуть выше, — торопливо пробормотал Сэм. — Дайте-ка я сам, — спотыкаясь, Сэм направился вперед. Один из головорезов схватил его за плечо.

— Куда? Покажи, где. Вдруг у тебя там пушка...

Сэм показал. Маллард поскреб стену, что-то нащупал и довольно хмыкнул.

— Ага, нашел! — сказал он и потянул кирпич.

Сэм еще раз глубоко вздохнул и прыгнул в сторону. Из тайника стремительно выползло облако темного дыма. Подвал заполнило удушливой пакостью. Настала пора действовать.

Не открывая глаз, он ринулся к стене, слыша за собой удивленные крики. Выстрел! Но луч прошел мимо. Острые углы контейнера больно врезались в ладонь. Он вынул из стены еще один кирпич и сунул кориум в нишу. Кирпичи плотно закрыли тайник.

— Не стрелять! — давясь дымом, завопил Маллард. — Все к двери. Поллард! Не входи сюда! Задержи эту сволочь!

Сквозь дым Сэм рванул к двери. Клубы дыма уже густо валили через порог. Он нагнулся, нащупывая припасенный заранее кусок металла. Нет! Не может быть!.. Вот он! Пальцы сжали холодную железяку.

Перед ним, направив на него пистолет, стоял Поллард.

— Где Рид? — закричал ему Сэм. — Он...

Поллард всматривался сквозь дым, пытаясь разглядеть, кто перед ним. Сэм ударил его тяжелой железкой в лицо. Приглушенно вскрикнув, Поллард начал оседать на пол. Не дожидаясь пока он упадет, Сэм перепрыгнул через него и со всех ног припустил за угол. Там он сдернул плащ и бороду, распихал их по карманам. Сорвав шляпу, он изменил ее форму, надел, содрал пряжки с башмаков, явив банты. Краска не понадобилась. Сэм мазнул окровавленными руками по лицу и упал на землю, головой в ту сторону, откуда прибежал.

Послышался топот. Из-за угла выскочили Маллард и один из его головорезов. Следом выбежал еще один. Увидев Сэма, все бросились к нему.

Сэм держался рукой за нос и растерянно моргал.

— Ч-ч... Что тут... — Голос его уже не был старческим.

Появился четвертый бандит.

— Поллард убит! — заорал он.

— Заткнись! — рявкнул Док и обратился к Сэму: — Куда он побежал, этот чертов старик?

— Вон туда, — Сэм показал рукой. — Он налетел на меня. Нос мне разбил... — Сэм протянул окровавленную руку.

Задерживаться Маллард не стал. Он окликнул своих людей, и они всей кучей бросились в указанную сторону. Сэм встал и осмотрелся. Улица была немноголюдна, но один из случайных прохожих озабоченно смотрел на Сэма.

— Со мной все в порядке! — крикнул Сэм доброму самаритянину и помахал рукой. — Не волнуйтесь, я не ранен.

Уверенный, что Маллард гонится за стариком, Сэм неторопливо свернул в переулок, откуда только что выбежал и подошел к подвалу. Дым все еще густо валил, и Сэм споткнулся о тело Полларда, что помогло ему найти дверь в подвал. Там Сэм отыскал незакрепленный кирпич, взял контейнер и положил кирпич на место. Через минуту скоростная полоса Дороги уносила его от Дока Малларда и его мальчиков.

И что дальше?

Кориум продать нетрудно. Но если желательно избежать вопросов, то продавать лучше нелегально. Естествен-

но, что Маллард сообразит проследить за черным рынком кориума. И хотя Сэм стал совершенно не похож на старого жулика, что обманул Дока, следовало соблюдать осторожность. Во всяком случае, до тех пор, пока у него не появится надежное прикрытие.

Вряд ли каналы сбыта изменились за сорок лет, но могли измениться люди, а в этих делах лучше иметь дело с теми, кого хорошо знаешь, и кто знает тебя. Но те люди, которым Сэм доверял, если и живы, то вряд ли все еще у дел. У Сэма снова пересохло в горле — он вспомнил о Харкерах и горько улыбнулся. Те-то всегда при деле.

Что же делать? Где найти нужных людей?

Безрезультатно прошарахавшись по городу три часа, Сэм пришел в ярость. Совершенно дурацкая ситуация! Он ловко надул Малларда, в руках у него на несколько тысяч кориума, а сбыть товар некому. Все старые контакты порвались.

Последний грош он спустил в карты. Все сильнее давали себя знать голод и жажда. Не унизительны ли эти примитивные рефлексы для бессмертного?

Смешно до слез. Бессмертие отнюдь не избавляет от угрозы голодной смерти. Еще забавнее другая проблема: необходимо немедленно избавиться от последствий наркотика, иначе бесконечная вереница лет превратится в бесконечный сон.

Вдруг Сэм вспомнил старика, заменившего ему отца много лет назад.

Поразительно: Слайдер оказался не только жив, но и жил все в той же квартирке, расположенной в самом темном уголке Купола.

Сэм этого не ожидал, он даже не стал гримироваться и вошел к старику прежним Сэмом Ридом.

Маленькие слезящиеся глазки Слайдера с недоверием глядели на Сэма. Лицо старика посинело, оплывшее тело погрузилось в перину.

— Входи, входи, сынок, — просипел он.

Чуть живой, он тяжело дышал, но все же, кряхтя и моргая, приподнялся в постели. В комнате царил неописуемый хаос.

— Плесни-ка мне, — старик кивнул на бутылку, стоящую на столе.

Сэм откупорил ее и подал. Слайдер с жадностью отхлебнул прямо из горлышка. Щеки его разрумянились.

— Ну и народ эти бабы! Никогда не сделают, как я прошу. Чего пришел?

С удивлением Сэм смотрел на безобразное сварливое существо, оказавшееся бессмертным. Но это бессмертие выглядело слишком отвратительно, чтобы кто-то мог пожелать себе такого. «Ему должно быть более ста лет», — подумал Сэм.

Он подошел и отобрал бутылку.

— Вначале ты ответишь мне на некоторые вопросы.

— Отдай бутылку!

— Нет. Скажи мне...

Старик сунул руку под грязную перину, и через секунду в грудь Сэму смотрел лучевой пистолет.

— Отдай бутылку, сынок, — негромко повторил Слайдер.

Пожав плечами, Сэм вернул ему бутылку. Он решил терпеливо сносить выходки старика. Все-таки он из того времени и очень нужен.

— Послушай Слайдер, мы столько не виделись. Неужели тебе все равно?

Громадное бесформенное тело затряслось в пароксизме смеха. Кровать жалобно заскрипела в такт.

— Э-э, сынок, лет тридцать... или сорок. Давненько...

— Но ведь ты узнал меня. Почему тебя не удивляет, что я совсем не изменился? Что ты слышал об этом? *Где я пропадал?*

Слайдер совсем зашелся от смеха.

— Ну, ты даешь, сынок! Да ведь с «Оранжевого Черта» еще не такие глюки бывают. Зато отлично снимает любые боли. — Он потянулся к разноцветному шару на столе. — А ты — всего лишь моя галлюцинация. Так что не трепыхайся.

В шаре Сэм разглядел оранжевый порошок. Он узнал его.

— Ну и ну... — только и сказал он.

Маленькие умные глазки Слайдера уставились на Сэма. Челюсть медленно отвисла.

— Смотри-ка, это и вправду ты, — пробормотал он. — Ну сынок, удивил ты меня.

Но Сэм думал об оранжевом порошке. Сильнейший наркотик, он уничтожал грань между реальным и воображаемым. Отличный анальгетик, но человека порабощает полностью. Пользы от старика, похоже, не будет. От него он не узнает, где пропадал сорок лет.

— Ну, и что с тобой было, Сэм? — спросил Слайдер. — И почему ты до сих пор не умер?

— Не знаю. Сорок лет назад мне бросили в лицо сон-

ный порошок. И это все. Больше я ничего не помню. Но почему я не постарел?

— Порошок молодость не сохраняет.

— Почему же я молод? Что ее сохраняет?

Кровать опять заходила ходуном.

— Делов-то! Родись от правильных родителей и живи хоть тысячу лет!

— Что?!

Сэма затрясло. Эта мысль еще не приходила ему в голову. Проснувшись молодым, он сделал вывод о бессмертии, но как это могло случиться, он не задумывался. Его грела мысль, что ему, как и бессмертным, суждено прожить сотни лет. Но они ведь такие стройные, высокие, красивые...

— Почему ты лысый? С детства? — спросил старик. Сэм кивнул, и Слайдер продолжил: — Наверно, ты болел в детстве. Нет? Я с первой встречи заметил у тебя на голове маленькие шрамы. Сейчас они почти пропали. Однако, сынок, я совсем не дурак и помню разговоры, ходившие давным-давно. Вот только с тобой их до сих пор не связывал. Трепали о какой-то женщине, которая за Мантию Счастья сделала младенцу операцию.

— Какую?

— На железах внутренней секреции. Тебе это что-нибудь говорит?

— Да... — прохрипел Сэм.

В висках молоточками стучала кровь. Вдруг он схватил пластиковый стул и с силой ударил им по колену. Руки и ногу пронзила боль, но жаркая волна ярости немного отступила. Сэм отшвырнул стул и уставился Слайдеру прямо в глаза.

— Значит, я бессмертный по крови, — жестко сказал он. — Кто-то поэкспериментировал надо мной. И этот кто-то расплатился за мое уродство Мантией Счастья.

— Бутылку отдай! — завопил вдруг Слайдер.

— Ты ее уже выдул, — спокойно напомнил Сэм. — И забудь, что я тебе наговорил. Ты мне сможешь помочь?

— Сомневаешься?!

Сэм показал старику контейнер.

— Кориум. Меня не интересует, за сколько ты его толкнешь, но мне нужны две тысячи кредитов. Все, что сверху — твое. Но откуда он, никто не должен знать.

— Украл? — поинтересовался Слайдер. — Лучше расскажи.

— Да, у Малларда.

— Молодец! — старик захихикал. — Лады, все устрою. Включи-ка экран...

— Мне пора.

— Давай-давай. Но через час будь здесь.

— Ясно. Только смотри: ты один знаешь, что я не состарился. — Сэм достал бороду и нацепил ее.

— Да ладно, сынок, уж мне-то ты можешь верить. А теперь проваливай! — вдруг взъерепенился вредный старикашка.

Сэм вышел.

Вряд ли кто мог узнать в нем организатора давно провалившейся кампании колонизации. Пусть даже он кому-то покажется знакомым — мало ли похожих лиц бывает. Однако в больнице Сэма ждал тщательный осмотр. В архивах наверняка сохранился снимок сетчатки и прочие данные. Никакая маскировка тут не поможет.

А если... Сэму вдруг пришло в голову, что он может выдать себя за собственного сына. Почему бы и нет?

Могли же быть у него сыновья. Ясно, что коренастый плебей бессмертным быть не может. Что ж, это решение проблемы, так тайна сохранится.

Осталось придумать имя. Хаотическая начитанность позволила извлечь из тайников памяти смутное воспоминание о пророке Самуиле и его сыне Джоэле. Джоэль... неплохо. *Отныне Сэма Рида будут звать Джоэлем Ридом.*

Через тридцать пять минут он оцепенело стоял в приемном отделении больницы. Невероятное известие повергло его в шок. Мысли путались, и он мог лишь тихо повторять:

— Что такое? Как вы сказали?

— Вас выписали сегодня утром, — терпеливо повторил молодой регистратор.

Сэм открывал и закрывал рот, словно рыба на берегу.

Парень с любопытством посматривал на него.

— Странно... Неужели вы совсем ничего не помните? Хотите поговорить с врачами?

Сэм кивнул.

Врач длинно и нудно разъяснял ему:

— Вас привезли шесть недель назад. Человек, что при-

вез вас, назвался Эвансом. Сказал, что он приезжий, но адреса своего не оставил. Сообщил только, будто остановился в каком-то отеле. Его можно поискать, если хотите. Плату за лечение кто-то перечислил еще до вашего появления. Состояние ваше в момент поступления было удовлетворительным. — Врач полистал больничный матрикул Сэма. — Нас заверили, что до этого к вам применяли соответствующее лечение. Сегодня утром вас выписали. Вы были совершенно здоровы. Явился за вами не тот человек, что привез вас сюда, но назвался он тоже Эвансом. Вот и все, мистер Рид. Больше я ничем вам помочь не могу.

— Но я ничего не помню, — Сэм потер лоб. — Как это понимать? Я...

— К сожалению, средства, вызывающие амнезию, очень легко купить на черном рынке, — ответил врач. — Из больницы вы вышли в хорошем костюме и с сотней кредитов в кармане. Они были на месте, когда вы очнулись?

— Нет, я...

— Значит, вас ограбили.

— Да, наверное...

Человека легко лишить сознания. Удар по голове или горсть порошка в лицо. Только вот, раздев жертву, грабители редко удосуживаются одеть ее, хотя бы в жалкие лохмотья. В остальном же история выглядела вполне правдоподобно.

Если не считать человека, который ждал его пробуждения в тупичке.

— Жаль, что вы не знаете адреса Эванса. — С этими словами Сэм в страшном смятении покинул кабинет врача.

Узкая лента Дороги уносила его от больницы. Где искать этого человека? Наверняка он, организовавший эту цепь чудес, постарался тщательно замести следы.

Захария Харкер? Этот многое должен знать. Это он стоял за Кедрой Уолтон, когда она подала сигнал. *Голос Иакова, а рука Исава.*

Неужели он сорок лет следил за ним? И Кедра тоже? Как тщательно все продумано. Но к чему, заплатив за лечение, грабить и раздевать? Оставили неимущим, как новорожденного.

Впрочем, тогда он был богаче. Тогда у него еще не отобрали внешность бессмертного, которую он мог перс-

дать своим детям. Детям?! Но кто сказал, что его лишили этой способности? Сэм вдруг с гордостью понял, что будь у него на самом деле сын, он был бы не менее стройным и высоким, чем Захария Харкер. И бессмертным не только по праву рождения, но и по внешности.

От такой перспективы, вполне, впрочем, возможной, голова пошла кругом. Он вспомнил о Слайдере и испытал неведомое ему досле чувство жалости, какое испытывает человек к кошке или собаке, чей век много короче человеческого.

Стало понятным, отчего Семьи были так дружны. Это возможно только между равными, когда любви и дружбе не мешает жалость. Не зря бездонная пропасть издавна разделяла людей и богов.

Однако, пора было переходить к насущным делам. Любопытно, благодаря чьей снисходительности он еще жив? Жаль, что не довелось схватить за глотку человека, который был при его пробуждении. Но кто и зачем вылечил его, кто и зачем живым выпустил в мир? Да еще, словно в насмешку, с пустыми карманами и в лохмотьях. Неужели только из интереса подсмотреть, что он еще натворит? Бог мой, поступить так мог... Захария Харкер. Сэм посмотрел на толпы людей вокруг. Кого из них он интересует? Или соглядатай устал, отпустил его на свободу? Сэм чувствовал себя совершенно беспомощным.

Придет время, и он узнает об этом. А может, и не придет.

Как бы то ни было, первый шаг сделан: в кармане две тысячи кредиток. Еще немного, еще пару шагов и — бессмертие!

Но об этом потом. Ни к чему мучить себя бесплодными фантазиями. В первую очередь не мешает разобраться с этими Эвансами. Придется опять тащиться к Слайдеру. Но дальше он все сделает сам.

В который раз пересохло горло. Сэм засмеялся. Надо же, как он сам себя запугал! Обыкновенная жажда, глоток воды избавит от нее. Сэм сошел с Дороги и поспешил к ближайшему пункту Общественной Помощи. Там он нашел воду, свежую и холодную, и пил ее, покуда мог.

Огромные здания, сверкающие разноцветными огнями, высились над мерцающими полосами Дороги. Еще выше темнела полусфера купола из империума, с зеленоватыми провалами иллюминаторов. Сэм смотрел на это привычное великолепие, а внутри росло что-то радостное, ликующее, не вмещающееся уже в этот ограниченный мирок, рвуще-

еся туда к облакам, к небу, которых он никогда не видел. Бессмертие! Как много можно сделать! И даже торопиться не надо! Время у него было. Все время мира.

Но сейчас — время убивать.

Кости его наполнены грехами юности его, и с ним лягут они во прах. Если сладко во рту его зло, и он таит его под языком своим...

Книга Иова

Оторвавшись от созерцания города, он обнаружил, что к нему подошли двое в мундирах. Сэм сразу понял, что спорить бесполезно. Мундиры правительственной полиции за сорок лет совсем не изменились.

— Идем... — сказали ему.

Его это даже порадовало: наконец-то невидимый противник сделал ход. Может быть, сейчас что-то разъяснится.

На скоростной Дороге они направились в центр Купола. Чтобы сохранить равновесие, Сэм взялся за перила. Прохожие поглядывали на них с любопытством.

В самых высоких зданиях, находящихся в центре каждого Купола и окруженных кольцом стен и садов, жили бессмертные. Сэма привели к апартаментам клана Харкеров. Он не удивился. Понятно, что Захария не мог оставить его без присмотра на сорок лет. Интересно, что за прихоть помешала Харкеру убить его? Сэм пожал плечами. Сейчас все выяснится.

Его провели через стеклянную дверь в стене самого высокого здания. Под прозрачным пластиковым мостиком протекал ручей, в котором плавали маленькие золотистые рыбки. Далее ручей серебристым каскадом сбегал к лежащим внизу садам.

Тут их поджидала небольшая золоченая кабина лифта. Втиснув в нее Сэма, полицейские, не говоря ни слова, закрыли за ним дверь. Лифт тронулся, и их бесстрастные лица ушли вниз.

Сэм разглядывал себя в зеркальных стенках кабины. Кто ждет его наверху и знает ли он его как Сэма Рида? Он неплохо загримировался. Примерно так и должен выглядеть его сын. Но не слишком ли велико сходство?

Лифт мягко остановился. Открылась дверца. Сэм вышел в зал, освещенный искусственным дневным светом.

Из бассейнов, расположенных на уровне пола, до потолка тянулись растения и, сплетаясь над головой, образовывали подобие туннеля. Раскачивались под легким ветерком цветы и фрукты, шелестела листва. Простому смертному такое и присниться не могло.

С непривычки отшатываясь от листьев, задевавших его лицо, Сэм шел по огромному залу. Как и все жители Куполов, он не доверял природе планеты и даже побаивался ее. Настойчивое журчание ручья где-то в дальнем конце зала раздражало его.

Сэм в изумлении остановился на пороге следующей комнаты. Стены ее сплошь покрывали цветы. Тяжелый аромат перехватывал дыхание. Голубоватая вода заливала пол на фут глубиной, своей гладью отражая плавающие в ней цветы и пестрые от цветов стены. Люстрами застыли медузы, шустро мелькали стайки маленьких пестрых рыбок.

Над бассейном изгибался хрустальный мостик, филигранно выделанный и чрезвычайно хрупкий с виду. Он начинался у ног Сэма и вел к низкой платформе, покрытой подушками, а в подушках тонуло грациозное тело женщины с золотисто-зелеными локонами, чуть прикрывающими лицо. Рукой она легонько плескала в воде.

Кедра?! Как не узнать линии ее тела, ленивые движения изнеженной аристократки, ее лицо и руки. Но почему она здесь, в доме Харкеров? И зачем здесь он?

— Кедра... — негромко позвал Сэм.

Женщина подняла голову. Сэм почувствовал, что сходит с ума. На него смотрело лицо Кедры и в то же время какой-то другой женщины. Высокомерное, с тонкими чертами лицо, с голубыми глазами, полуприкрытыми длинными ресницами, и столь памятным сгибетским ртом... Но выражение лица... «Мстительная, неуравновешенная, вздорная девчонка», — решил он, заметив колючий блеск синих глаз.

— Вы забыли? Кедра мне бабушка, — сказала женщина. Губы ее скривились в капризной гримасе. — Я Сари Уолтон.

Он вспомнил. Это она прижималась к плечу Захарии, когда он нанимал Сэма убить Хейла. Тогда он почти не обратил на нее внимания, но сейчас вспомнил ревнивые взгляды, которыми обменялись Сари и Кедра. Такие женщины не умеют прощать.

— Как это понимать? — спросил он. Неужели она знает, кто он? Только Сэм Рид мог помнить ту сцену, но

никак не Джоэль Рид. Но тогда она должна знать и о его бессмертии.

— Подойдите, — поманила его пальчиком Сари и села, скрестив ноги.

Сэм с опаской посмотрел на мостик.

— Не бойтесь. Выдержит.

Под его шагами мостик мелодично прозвенел. Он присел рядом с Сари. Вся эта экзотика вокруг не нравилась ему, он и не пытался это скрывать.

— Зачем я вам нужен и как вы меня нашли?

Сари засмеялась, склонив голову набок. Ни ее смех, ни выражение лица Сэму не понравились.

— Вас все сорок лет безуспешно искала Кедра, — сказала Сари. — И если бы кто-то не запросил архив по поводу вашей сетчатки, возможно, не нашли бы до сих пор.

— А где Кедра?

— А зачем она вам? Она ничего не знает. И вообще, никто не знает, кроме меня.

Сэм задумчиво смотрел на этого избалованного ребенка. Его бесил этот высокомерный взгляд. Что ж, придется вспомнить былые манеры. Он схватил ее за руку и грубо рванул. В одну секунду аристократка очутилась на его коленях, но не смутилась, а заливисто рассмеялась.

Руками она взяла его голову и крепко, даже с некоторой агрессивностью поцеловала. Он не сопротивлялся, но ответил на поцелуй намеренно грубо, а потом небрежно оттолкнул ее.

Она продолжала смеяться...

— А в тебе что-то есть. Кедра не такая уж дура, — сказала Сари, мечтательно и томно улыбнувшись.

Не говоря ни слова, Сэм вскочил, зло пнул подушку и шагнул к мостику.

— Не уходи, — попросила Сари и приподнялась.

Сэм ступил на мостик. Послышался тонкий свист и ухо опалил выстрел лучевого пистолета. Он замер. Второй выстрел ожег другое ухо. «Стерва, неплохо стреляет», — подумал Сэм и сказал:

— Брось пушку, дура. Я возвращаюсь.

Сквозь смех послышался глухой удар. Сэм повернулся и подошел к ней.

Выражение ее глаз очень ему не понравилось. Правда, ему в ней вообще ничего не нравилось. Особенно агрессивность и самоуверенность, достойные мужчины. Но до чего же обманчив ее облик! Нежная, хрупкая, как этот хрустальный мостик. Как она женственна, соблазнитель-

на... и бессмертна. Весь мир принадлежал ей, а многие годы прожитой жизни, власть и безнаказанность превратили ее в капризного жестокого ребенка.

Именно ребенка! Сэм прищурился. В противоположность Кедре, это изящное создание выглядело удивительно незрелым. Именно отсюда ее капризность и инфантильная злобность. Видимо, к бессмертным зрелость приходит гораздо позже. Наверное, он и сам далек от своей зрелости, просто жестокая судьба многому его научила.

Сари же росла под неустанной опекой, и имела доступ ко всевозможным удовольствиям. И власть, и жизнь ее были почти божественны. Ни в чем она не знала отказа, отсюда ее капризность и скачки настроения. Довериться ей было бы глупостью. Она абсолютно уверена в своих возможностях, ей не в чем сомневаться и нечего бояться... но она и не подозревает, что как раз в этом ее уязвимость. У Сэма тут же появился план, как использовать слабости этой бессмертной дурочки.

— Поговорим, — предложил он.

Сорвав виноградную гроздь, Сари улыбнулась и грациозно, словно кошка, опустилась на колени. В маленьких шариках ягод просвечивали голубоватые семена.

Сэм посмотрел на нее сверху вниз.

— Разговор будет серьезным. Почему не Кедра, а вы пригласили меня сюда?

Сари приоткрыла ротик. Губы ее заманчиво светились алым. Она сжала ягодку губами, потом раскусила ее. Брызнул сок.

— А причем тут Кедра? Ей и знать ни к чему. Да ее вообще здесь нет. Она в Куполе Невада.

— Выходит, она ничего не знает обо мне?

Сари помотала головой, роскошные волосы взметнулись и опали.

— Вот еще! Я сама хотела видеть вас. Если Захария узнает!..

— Он приказал убить меня, — перебил ее Сэм. — Кедра была с ним заодно?

— Нет. Захария хотел вас убить, а Кедра возражала. Они даже поссорились. Именно Кедра настояла на сонном порошке. Все сочли, что для короткоживущего это все равно... — Она вдруг замолчала, раскусила еще одну виноградинку и как-то странно замерла.

Дикое подозрение ошеломило Сэма. Он опустился на колени, взял Сари за подбородок и всмотрелся в глаза.

— Наркотик! — восхищенно прошептал он. — Будь я проклят, если это не наркотик!

Сари хихикнула и потерлась щекой о его плечо. Глаза ее масляно блестели.

Вот и причина ее неуравновешенности и безразличия к противоестественной молодости Сэма. Грустно и знаменательно. Оба человека, что знали его прежде, порабощены наркотическими иллюзиями.

Сари пренебрежительно усмехнулась и положила в рот еще одну ягодку. Наркотик мешал ей оценить невозможную молодость Сэма. Впрочем, и лица ее друзей не менялись десятилетиями. Но наркотический туман мог развеяться в любой момент, а Сэм еще многое хотел узнать от нее.

— Значит, Кедра заменила яд на сонный порошок? — спросил Сэм, чуть повысив голос. — Она за мной следила?

— Пыталась. Захария тоже решил, что так будет надежнее. Но ее люди потеряли тебя. Ты куда-то исчез, и с тех пор никто о тебе ничего не знает. Где же ты пропадал, Сэм Рид? А ты мне нравишься. Я понимаю, почему Кедра так хотела тебя спасти.

— А что ты делаешь здесь?

— Я здесь живу! — снова захихикала Сари. — С Захарией... А он хочет Кедру. А когда она отказывает, он пользуется мной. Я его убью когда-нибудь.

Сэм задумался. Он сильно сомневался, что Захария знает о чувствах Сари и ее пристрастии к наркотикам.

Уже это неплохо. Подобные маленькие тайны предоставляют великолепные возможности для интриг. Но сомнения оставались. Что можно сделать? Что скрыто за событиями, связанными с его пробуждением? Как объяснить того человека в переулке? Он ведь явно что-то знал.

— Зачем меня привели сюда? — спросил он наконец.

Вопрос пришлось повторить дважды. Она плескала рукой в воде, смывая с пальцев виноградный сок.

— Ты мне нужен. Я из любопытства посматривала личный визор Кедры. Она этого, естественно, не знает. Однажды пришло сообщение, что тебя нашли. Вот я и решила использовать тебя против Захарии или Кедры. А может, и против обоих... я еще не решила. Господи, как я их всех ненавижу! Всех Харкеров. Даже себя, потому что я тоже наполовину из Харкеров. Но сейчас я больше думаю о Захарии. Пожалуй, я использую тебя против него.

Она вплотную приблизилась к Сэму, задев его шелковистыми золотисто-зелеными волосами.

— Ты ведь тоже ненавидишь Захарию. Ты просто обязан ненавидеть его. Он хотел убить тебя. И он тебя не-

навидит. Он знает, что Кедра... — лицо Сари вдруг изменилось. — Но почему ты жив и так молод?.. — Размышления требовали от нее усилий, на которые она сейчас была неспособна. Изумленно поднятые брови опустились, глаза затянула муть. — Ловко я придумала! Им обоим будет плохо. Захария будет сходить с ума от ревности, а Кедра — от невозможности найти тебя. Ой, Сэм, ты ведь сможешь спрятаться так, чтобы никто-никто тебя не нашел. Ради меня, милый. Я буду так счастлива, так счастлива. И тебе будет хорошо... — Сари уже явно бредила.

Сэм встал. Мостик музыкально прозвенел под его ногами. В такт неслось хихиканье Сари. Ароматный ветерок дунул в лицо. Он вышел на улицу. Задерживать его никто не стал.

Дорога несла его куда-то, но в тяжелых раздумьях Сэм ничего не замечал. Все это здорово походило на сон. Ему даже приходилось убеждать себя, что все это произошло на самом деле.

Эти надменные Харкеры не подозревают, что самое уязвимое их место — Сари. Наркотики только усугубляли ее неуравновешенность и инфантильность. Она явно была на пути к помешательству. Наследственность бессмертных, кажется, небезупречна. Они вполне уязвимы. Что ж, здесь есть над чем подумать.

Уже сейчас видны два способа подловить Харкеров. Об этом еще придется подумать. Но позже.

А сейчас надо скрыться. Сэм долго прикидывал, куда именно, пока не решил, что стоит посетить Робина Хейла. Да и любопытно будет посмотреть на эти колонии.

Кроме Сари и Слайдера о нем пока никто не знает. Пора Джоэлю Риду выходить на сцену. Но действовать надо быстро.

С этого он и начал.

Он не заметил особой разницы. Все было так же, как и под водой. Добираясь до колонии, и даже добравшись до нее, Сэм ни разу не увидел открытого неба. Вначале — купол из империума, затем — миля воды над ним, самолет с корпусом из металла и пластика, и сразу же потом — большие шлюзы колонии, где его вместо приветствия облучили ультрафиолетом, обрызгали какой-то ядовитой пакостью, делали что-то еще не менее противное, пока он не очутился на почве Венеры под тем же куполом из империума. Здесь он был полупрозрачный, с радужными

бликами солнечных лучей, с горем пополам проникающих сквозь толстый слой облаков. Понятно, что купол необходимость. Воздух Венеры почти непригоден для дыхания. Под куполом же все ингредиенты атмосферы были сбалансированы в нужной пропорции. Но прежде всего, купол защищал от безумной ярости фауны и флоры планеты. Каждый здесь пожирал каждого, размножался и снова пожирал. Причем растения почти не уступали животным в агрессивности. Незащищенный человек погибал мгновенно.

Дуне — старая Крепость Свободного Отряда — стояла на берегу. Ее отремонтировали и накрыли куполом диаметром в четверть мили. Архитекторы, воспользовавшись отсутствием ветров и осадков, почувствовали свободу и настроили самых разнообразных по стилю, размерам и раскраске строений. Несколько сдержала их гравитация, хотя парагравитационные платформы делали возможными и здания типа Пизанской башни. Но обошлось без излишеств. Обычные конструкции из обычных материалов. Время и здесь успело наложить свою печать.

Для защиты от растений-паразитов землю покрывал пластик, а сады росли в привычных гидропонных бассейнах. Высились резервуары для стерилизованной воды и обеззараженной почвы. Всюду работали люди, без особого рвения, впрочем. Как и положено в послеобеденное время.

«Администрация» — гласила табличка. Пока на континенте Сэму все не нравилось. Солнечные лучи казались ему не более чем плохой имитацией искусственного освещения под Куполами.

Сэм напряженно размышлял. Пригодиться ему могло все. Любые новые впечатления, факты, даже пустячные на первый взгляд. Может понадобиться все. О Харкерах он решил пока забыть. Сари тоже подождет. Важно, кем он предстанет сейчас перед Робином Хейлом. Джоэлем? Или самим Сэмом Ридом? Ему не приходило в голову, что он чем-то обязан Хейлу. Подобные категории были чужды ему, его интересовала только выгода. С этой точки зрения Колония выглядела заманчиво.

Сэм прошел мимо девушки, склонившейся над емкостью с растениями. Она с любопытством посмотрела на него. Даже рассеянный солнечный свет влиял на внешность людей колонии, что доказывала розовато-кремовая кожа девушки. В Куполах она у всех оставалась молочно-белой. Девушка проводила Сэма взглядом карих глаз, они тоже чем-то отличались от глаз подводных жителей.

Симпатичное личико обрамляли короткие каштановые волосы. Ей тоже было суждено провести жизнь под куполом. Но через него проникали лучи солнца, а в ворота вместо равнодушного моря рвались хищные безжалостные джунгли. Сэму показалось, что она понимает это.

Остановившись, Сэм повернулся к ней и спросил:

— Где тут администрация?

— Вот сюда, — приятным голосом ответила она.

— Как вы здесь живете? Нравится?

— Я родилась здесь. — Она пожала плечами. — В Куполах, говорят, здорово. Но я там ни разу не была.

— Болтают. Вы бы не заметили разницы, — заверил он девушку и пошел дальше. Он задумался. Ей, наверное, чуть больше двадцати лет. Очень хорошенькая. Жаль, не в его вкусе. Неожиданная мысль мелькнула в голове, — а что, если у нее найдется хоть частичка качеств, которые он ищет в женщинах? Он же бессмертный! У него великолепная возможность выращивать людей с заданными качествами, как человек делал это с кошками, собаками и лошадьми. Подобрать подходящего мужчину и пусть себе рожает дочерей, затем внучек. Не так уж сложно подбирать родителей. Это же прекрасно! У него будет гарем, не только в пространстве, но и во времени.

Губернатор колонии, обычно чрезвычайно занятый, на этот раз оказался на месте. Сэм назвал свое вымышленное имя, и через минуту, не более, его пригласили в кабинет Робина Хейла.

— Джоэль Рид? — спросил Хейл. Сэму потребовалась вся его воля, чтобы выдержать проницательный взгляд.

— Да. Я сын Сэма Рида.

— Присядь.

Они смотрели друг другу в глаза. Сэма не покидало ощущение, что они расстались лишь вчера. Хейл оставался все таким же загорелым и стройным. И невозмутимым. Столетия, и оставшиеся позади, и предстоящие научили его терпению. Он никогда не спешил, ибо любое поражение, впрочем, как и победа, были для него преходящи. У него всегда все было впереди.

Впрочем, кое-что все-таки изменилось. В голосе и манерах Хейла не было прежнего энтузиазма. Дело, которому он себя посвятил, по сути, окончилось неудачей. Но в его жизни это был лишь краткий эпизод...

Он еще помнил времена Свободных отрядов. Вместе с ними бороздил моря, воевал, не отворачивая лицо от опасности, и это было работой, а не пиратской романтикой. А

когда человечество спряталось под воду, он и его последние соратники ушли в Купола, ставшие могилой человечества. А может, колыбелью...

— Доброволец? — спросил Робин Хейл.

— Нет.

— Впервые слышу, что у Сэма был сын, — Хейл недоверчиво и внимательно рассматривал гостя.

Сэм очень старался скрыть правду, но солдат, похоже, видел его насквозь. Они что, все такие проницательные? Все может быть. Жаль, что к Сэму это, кажется, не относится. У него не было времени познать жизнь так, как они. Он с трудом переносил взгляд этого бессмертного. В каком-то смысле сам он еще не стал бессмертным.

— Я и сам недавно узнал, — ответил он. — После того скандала мать сменила фамилию.

— Ясно.

— Вы знаете, что произошло с моим отцом?

Рискованный вопрос. Вдруг Хейл ответит: «Да, Сэм Рид». Но он ничего не сказал, даже если и узнал своего бывшего компаньона, он только кивнул головой.

— У него было много врагов. Его усыпили, и он, наверное, давно умер.

— А вы... тоже из его врагов?

Хейл криво усмехнулся. Все понятно. Возможно ли аристократам любить или ненавидеть смертных? Самое большое, чего они заслуживают — недоумение и раздражение. Однако Сэм решил не открываться. Зачем лишаться божественной прерогативы олимпийцев — быть непредсказуемым. Зевс тоже предпочитал метать молнии, когда ему заблагорассудится.

— Я не думаю, что Рид так уж виноват, — начал объяснять Хейл. — Мошенник он был изрядный, но в данном случае он сам оказался жертвой. И что бы там ни было, я не враг ему.

Сэм судорожно сглотнул. Что называется, сам напросился. Но пора было переходить к следующему вопросу.

— Губернатор, я прошу вашего совета. Как выяснилось, я его сын. Пусть он мошенник, пусть банкрот, но правительство разыскало все его деньги и погасило долги. Так?

— Допустим. И что с того?

— Я сам провел расследование. Да, он ничего мне не оставил, даже имени. Но сорок лет назад он выкупил у правительства права на землю в центральных областях Венеры. Вы можете мне ответить, действительны ли они сейчас?

— А причем тут я?

— Именно с вами отец начинал проект. Должны же вы что-то знать.

— Допустим, я что-то знаю. Я даже пытался когда-то перекупить эти земли, но патент оказался на имя твоего отца, а именные права не подлежат перепродаже. Континент полностью зависит от Куполов: при необходимости снабжение легко перекрыть. Это нравится Семьям и правительству. Особая активность здесь, наверху ни тем, ни другим не нужна. Как я понимаю, ты наследник?

— Патент еще чего-нибудь стоит?

— Харкеры с радостью заплатят тебе. И довольно много.

— При чем тут Харкеры?

— Они с радостью лишат меня плацдарма для новой колонии, — спокойно ответил Хейл. Волнение выдали лишь руки, беспокойно зашевелившиеся на столе. — Мне позарез нужна эта земля. Колонию я основал уже после того, как твой отец... исчез. Я один взялся за дело, мне помогало всего несколько энтузиастов. Джунгли убили почти всех.

— Но сейчас...

— Что «сейчас»? Колония гибнет. Мы отступаем. Харкеры не позволяют нам развернуться по-настоящему. Вначале они пытались помешать основанию колонии, но то, что мы уже успели сделать, разрушить они, конечно, не посмели. Они ведь понимают, что в колониях и их будущее. Так вот и живем в неустойчивом равновесии. Не то чтобы движемся вперед, но и не то чтобы назад. Но...

— Что?

— Мы устали. Первые годы мы насмерть дрались с джунглями. Мы их не победили, но и они нас не сбросили в море. Мы отчаянно сражались за каждый метр. Но когда мы попытались расширить колонию, Харкеры перекрыли снабжение и лишили нас добровольцев. По договору, если мы перестаем давать ежегодную прибыль, правительство берет руководство на себя. Отстранить меня они не смогли, зато сделали колонию убыточной. И с тех пор, вот уже тридцать четыре года, здесь фактически распоряжается правительство, а значит, Семьи. Припасов нам дают, чтоб мы только не умерли с голоду. Но чтобы идти вперед, этого мало. Они боятся рисковать — вдруг не получится. Они выжидают момент, когда риск будет минимальным. Но так не бывает. Такие дела просто невозможны без риска.

Хейл смотрел на Сэма, и в глазах его разгорался гнев.

Как знать, Джоэля или Сэма он видел сейчас? Стоит ли его откровений случайный посетитель?

— Я связан по рукам и ногам, — продолжал Хейл. — Губернатор я лишь номинально. Все остановилось, все рушится. Вот если бы у меня был патент на эти земли... — Он замолчал и вперился глазами в Сэма. — Но патент мне никогда не дадут. Понял теперь, какое сокровище у тебя в руках? Харкеры хорошо заплатят.

Вот и выяснилась причина его откровенности. Он даже не смотрел на Сэма, просто сидел и молча ждал. Не просил, не уговаривал. Просто ждал. Ему нечего было предложить Сэму. Деньги? Харкеры дадут больше. Доходы с колонии? Но это когда еще будет; короткоживущий десять раз успеет помереть.

— Зачем вам патент? — поинтересовался Сэм.

— Я начал бы все заново, но уже на своей земле. Без опеки правительства и Семей. Но учти: если ты отдашь его мне, результатов придется ждать долго. Может, даже очень долго. Вначале все деньги, сколько бы их ни было, будут уходить на колонию.

— Но почему вы уверены, что на новом месте у вас все получится? А если правительство опять наложит лапу?

Хейл ничего не ответил.

— Кроме патента, — продолжал Сэм, — нужны еще деньги для строительства. Где вы их возьмете?

— Ты, собственно, о чем? — резко спросил Хейл. — Иди к Харкерам. Они в любом случае дадут больше.

Сэм задумался. В голове у него мелькали сотни способов раздобыть деньги. Он думал и о том, как провести Харкеров. Сделать колонию процветающей. Построить новую. Он чувствовал, что должен это сделать. Он осознал себя бессмертным. Все время мира принадлежало ему.

Хейл внимательно смотрел на него. Сквозь обычную его невозмутимость начинала проглядывать надежда. Сэм поражался этому человеку. Огромный и далеко не всегда положительный опыт его жизни не помешал ему уже дважды довериться короткоживущему, и оба раза неудачно. И Сэм, и Джоэль с точки зрения бессмертного — плебеи, не внушающие ни малейшего доверия. И все-таки он был готов довериться ему еще раз, признавая тем самым, что именно без этого плебея все его начинания пойдут прахом.

Но почему?

Сэм смутно припоминал историю Земли, где в далекие времена орды монголов оказались обессилены собственной экспансией. Многие великие государства пали только потому, что вовремя не появились лидеры, не утратившие инициативу, и без которых народы представляли собой не более чем инертную массу.

Может, у Робина Хейла та же проблема? Он единственный оставшийся в живых из свободных солдат. Не растратил ли он в те горячие годы всю свою жизненную активность? Он накопил огромный опыт, у него были знания, зрелость, но у него не хватало некоего качества, чтобы раскочегарить уже остывающую топку.

А Сэм обладал им в избытке. Скорее всего, он единственный в Куполах, не утратил это качество. У Хейла за плечами долгая жизнь, но отсутствует инициатива. Семьи достаточно инициативны, но в пределах личных интересов.

— У нас ничего не получится, если мы будем оглядываться на Семьи, — заявил Сэм с таким видом, будто эта мысль только-что пришла ему в голову.

— Ты совершенно прав, — спокойно согласился Хейл.

— Они уверены в своей непогрешимости, — продолжил Сэм, — но боятся перемен и будут выжидать до тех пор, пока не станет поздно. Вот тогда они спохватятся. Они консервативны, как, впрочем, и всякая власть. Любое изменение в обществе оборачивается против них.

— То же можно сказать про все население Куполов, — заметил Хейл. — Что можем мы им предложить? Комфорт, безопасность, наслаждения? Нет! У нас опасно, тяжело, и так будет еще очень долго. Из моих людей никто не доживет до лучших времен.

— Но однажды они откликнулись на призыв, когда вы с отцом предложили идею первой колонизации. Что мешает повторить?

— Тогда мы сыграли на недовольных. Есть они и сейчас, но теперь они хорошо знают, что их ждет вовсе не романтика и веселые приключения, а тяжелый, опасный труд. Люди становятся пионерами, если условия дома невыносимы до невозможности, а в другом месте все выглядит привлекательнее. Или ради идеи. Что-то вроде Грааля или Земли Обетованной. Речь идет о спасении человечества, но идею еще нужно красиво оформить, предложить четкую, достижимую цель.

— Спасение человечества? — переспросил Сэм.

— Если колонизацию не начать сейчас, мы можем

опоздать навсегда. Запасы кориума истощаются, а без него Купола погибнут. Я тысячу раз повторял эти слова. Теперь стоит мне открыть рот, как они сами слетают с языка. Еще несколько столетий, и человечество найдет свой бесславный конец в безопасных теплицах Куполов. Вместе с истощением ресурсов истощится и воля к жизни. Но Семьи саботируют любые мои предложения, и собираются продолжать в том же духе, пока не станет слишком поздно. Старая история. О колониях они и думать не хотят.

Сэм искоса посмотрел на Хейла. В голосе бессмертного звучала искренняя убежденность. Ему можно верить. Самого Сэма не особенно беспокоила судьба человечества, но для его жизни, теперь уже очень долгой, были очень важны несколько ближайших столетий. Кое-какой счет был у него и к Харкерам. И для них придется найти время. А в проекте колонизации таились огромные возможности для такого человека, как Сэм Рид. Он мог принести немалую пользу проекту, причем не без выгоды для себя.

У него сформировалась блестящая идея.

— Патент ваш, — резко сказал он. — Слушайте меня внимательно...

Закрыв за собой обшарпанную дверь административного здания, Робин Хейл медленно пошел по пластиковой тропинке. Сквозь облака и полупрозрачный купол то и дело прорывались вспышки синего неба и солнечных лучей. Хейл сощурился от яркого блика, невольно вспоминая былые годы.

Человек, одетый в коричневый комбинезон, копался на грядке. Работал он с видимым удовольствием, спокойно, аккуратно. Хейл остановился рядом. Любитель покопаться в земле поднял голову.

— Вы не уделите мне минутку? — спросил Хейл.

— Сколько угодно, — улыбнулся человек.

Пожилой огородник облокотился на мотыгу, а Хейл, поставив ногу на край бассейна, сложил руки на колене. Мужчины несколько мгновений смотрели друг на друга. Они улыбались и это делало их похожими. Единственные из всех, они еще помнили жизнь под открытым небом, помнили естественные ритмы природы, Луну и Солнце. То, что не подчинялось воле человека.

Но лишь Логист помнил времена, когда открытое небо не означало смертельной угрозы, а земля не была врагом. Поэтому он и мог спокойно ковырять ее мотыгой. Для

прочих же сам вид обнаженной почвы напоминал об опасности, невидимой и смертельной. Она могла отравить, ударить, убить. Смерть несли бактерии с неизученными и постоянно меняющимися свойствами, насекомые, разнообразные крошечные зверьки, ядовитые грибы и прочее и прочее, все это налетало внезапно и безжалостно, чтобы разорвать, убить, съесть. От любого удара мотыги в колонию мог ворваться весь ужас этой планеты. Разумеется, почва под куполом была обеззаражена, но стереотипы были сильны, и Логист оставался единственным, кто любил покопаться в открытой почве.

Эту тощую, сразу же показавшуюся знакомой фигуру с мотыгой Хейл увидел еще несколько недель назад. Удивляться он не стал, но отослал своих помощников, а сам остановился рядом. Старик разогнул спину и насмешливо посмотрел на губернатора.

— Вы... — начал Хейл.

— Я, — улыбнулся Логист. — Давно мечтал выбраться из Куполов. Здравствуйте, Хейл. Как поживаете?

Хейл что-то пробурчал в ответ.

Логист рассмеялся.

— Я еще на той Земле имел ферму. И здесь все столетия я мечтал о настоящей работе. Вот и пришел добровольцем под собственным именем. Не заметили?

Хейл молча вспоминал Храм Истины, и голос, что вещал из шара-оракула. Много воды утекло с тех пор. А вот имени Бена Кроувелла он в списках не заметил.

— Забавно, но я не очень удивился, увидев вас здесь, — признался Хейл.

— И правильно. Чему тут удивляться? Нас осталось всего двое, кто еще помнит свежий воздух и открытое небо. — Кроувелл потянул носом и недовольно посмотрел на купол. — Только мы знаем, что это такое. Из твоих свободных солдат кто-нибудь уцелел?

— Я последний...

— Ну, вот видишь. Я просто обязан был подняться сюда. Но учти, неофициально, так что от расспросов меня избавь.

— Но вы и там не отвечали мне на вопросы, — возразил Хейл. — Я был у вас не менее десяти раз за последние десятилетия, но вы неизменно отказывали мне. Что же случилось сейчас? Почему вы явились сюда?

— Случилось то, что случилось. — Старик снова за-

работал мотыгой. — Все когда-нибудь случается. Особенно если есть время подождать.

В тот раз он ничего больше не сказал Хейлу.

Сейчас Хейл вспомнил тот разговор. Но для начала он рассказал Логисту о появлении Рида и только потом спросил:

— Объясните мне, почему вы оказались здесь? Что вы знаете об этом?

— Хейл, по некоторым причинам я не могу ответить на ваш вопрос.

— Вы знали?!

— Перестаньте. Я не хочу отвечать. Я не Бог, но даже он, изменив будущее, не смог бы учесть все последствия. У каждой медали две стороны, и мой дар предвидения, в сущности, бессмыслен. Я далеко ни непогрешим. То, о чем вы пытаетесь спросить, случайный фактор и всех последствий я еще не могу знать. В конце концов, все зависит от сотен людей. А знаете, что в них хуже всего? Они не желают брать на себя ответственность за свое будущее. Они ждут, что проблемы решатся сами собой. Или им подскажет кто-то, кого они же и признают достаточно умным. Не уподобляйтесь им, Хейл. Все в ваших руках.

— Но ведь...

— Да-да, бывало, я вмешивался. Однажды даже убил человека. Живой он принес бы страшные беды. Но это был конкретный и простой случай. Но я не вмешиваюсь, если не могу учесть все последствия. Иначе я сам могу стать случайным фактором, который изменит всю логику моих расчетов. А самого себя, свои реакции учесть почти невозможно. Вы понимаете?

— Наверное... — неуверенно пробормотал Хейл. — Но вы говорили, что при необходимости все равно вмешиваетесь.

— Только в простых случаях. Да и то приходится следить, чтобы события потом развивались естественно. Необходимо равновесие. Если оно сдвигается влево, мне приходиться делать шаг вправо. То есть, когда прибавляется с одной стороны, я добавляю с другой. Не знаю, найдете ли вы это разумным, но я вижу гораздо дальше вас, хоть я и не Бог.

Логист замолчал. Он долго смотрел на пятнышко голубого неба, чудом видимое сквозь облака и империумный купол.

— Что надо этому Риду? — спросил он потом. — Он носится с какими-то идеями. Что вы знаете о них?

— Стоит ли говорить вам? Мне кажется, вы знаете гораздо больше меня, но помалкиваете.

— Может быть, но еще не время обсуждать это. Сейчас мне нужно знать, что задумал молодой Рид.

— На картах его патент охватывает территорию в триста квадратных миль. Из них миль сто приходится на береговую линию. Самое интересное, что там находится древняя Крепость Свободных солдат. Великолепная база. Когда-то мы выбрали это место из-за отличной гавани. Острова, петлей изгибаясь к западу, защищают ее. — Хейл постепенно увлекся и заговорил с жаром. — Там не нужен купол. Острова представляют собой естественные каменные террасы. Мы будем последовательно осваивать их и переходить с одной на другую. И одновременно адаптироваться. На этот раз уже непосредственно к венерианской экологии.

— М-да... — Логист наморщил свой длинный нос. — А что помешает Семьям вытворять все те же фокусы, которыми они задушили эту колонию?

Хейл зябко поежился, но сказал:

— Поживем — увидим.

Самолет возвращался в Купол Делавер. Сэм сжимал подлокотники кресла и глядел во мрак, стремительно сгущающийся над морем. Выросшего под водой человека наступление ночи над поверхностью завораживало. В коварной, изменчивой атмосфере Венеры самолеты летали лишь при крайней необходимости и только на короткие расстояния. Но вот сквозь толщу воды стало пробиваться успокаивающее сияние Купола. Там безопасно, удобно. Там звучали музыка и смех. Позади осталась колония, где все дышало опасностью и поражением.

Сэм отбросил тяжелые мысли. Лучше думать о чем-то приятном. Там борьба, там жизнь, впереди у колонистов Святой Грааль, Золотой Город.

Нужен кориум, нужны добровольцы и не просто согласие, но активная поддержка Харкеров. Ни того, ни другого, ни третьего пока нет, а действовать нужно быстро. Вот-вот нагрянет частная полиция и вытащит из небытия Сэма Рида. Тайное станет явным. А мощной поддержки у него еще нет. Нет денег, нет друзей. Один старик, да и тот в любой момент может помереть от старости и наркотиков. И его дружбу приходится покупать.

Сэм негромко засмеялся. Он верил в успех. Он чувствовал небывалый прилив сил, способный сокрушить все.

— В первую очередь, — растолковывал он Слайдеру, — я должен явиться пред публикой. Надо успеть, пока Семьи не схватили меня. Если я исчезну потом, то всем сразу станет понятно, чьих рук это дело.

В ответ Слайдер только покряхтывал. Они сидели в надежном убежище — маленькой грязной комнатенке старика. Сэм надеялся отсидеться здесь, а заодно хорошенько обдумать дальнейшие планы.

— Я выпить хочу, — в который раз прохрипел Слайдер.

— Две тысячи кредиток у меня, — рассуждал Сэм, протягивая бутылку. — Я думаю, у Хейла найдется еще пара. Для начала неплохо. На хорошего семантика и кое-какое телевизионное время хватит. Слышишь Слайдер? Не сомневайся, деньги потекут рекой, когда мы развернем дело. Но на этот раз я их прятать не буду. Хватит крысиных нор! Я вложу их туда, где они принесут максимальный доход!

— Это куда же?

— Скажем, во флот, — разоткровенничался Сэм. — Новая колония будет островной и корабли там здорово пригодятся. Тут тебе и сражения с морскими чудовищами, и транспорт. Острова нужно укреплять, обустраивать. Здесь-то и пригодятся мои денежки.

Слайдер ничего не ответил — он присосался к бутылке.

Для осторожности не было ни времени, ни денег. Безусловно, от нескольких роликов о героике жизни на поверхности, пары баллад и модной книжки польза оказалась бы немалая. Но ждать, пока пропагандистская машина развернется, было опасно. При желании Семьи могли реагировать быстро. И Сэм начал действовать сразу.

Робин Хейл заявил по телевидению о создании новой колонии и о том, что воплощение плана находится в прямой зависимости от Джоэля Рида и его патента на землю.

Джоэлю пришлось покаяться с экрана в отцовских грехах.

— Я не скрываю своего имени, — говорил он зрителям Куполов. — Многие из вас только из-за него не доверяют мне. Но я не знал своего отца и за его аферу отвечать не могу. Но я смею заверить вас, что не позволю саботировать новую колонизацию и положу на это все свои силы. Я верю в успех дела. Я не посмел бы явиться перед вами

под именем, покрытым бесчестьем, если бы не верил. Поймите меня. Мое имя Рид, и я не позволю, чтобы второй раз человек с эти именем провалил дело, поражение которого будет означать и мое личное поражение. Но я уверен в успехе. На этот раз штурм побережья будет успешным. Да здравствует колония!

Голос, проникнутый убежденностью и энтузиазмом, завораживал телезрителей. Он назвал свое имя, это подкупило их, и они поверили ему.

Но многие и без того понимали необходимость колонизации. Купола изолировали людей от внешнего мира, но вечная тяга человека к познанию призывала разрушить стены добровольной тюрьмы. И призыв этот обеспечил достаточные средства для начала дела. Сэм нажимал, стараясь убедить тех, кто предпочитал выжидать.

Но Харкеры выжидать не стали. Переборов изумление, они зашевелились. Но, потеряв время, они упустили свое главное преимущество. Открыто выступать против колонизации стало невозможно, так же как взять на себя ответственность за крах колонии. Им пришлось ограничиться контрпропагандой, да и то исподволь.

Тут были и слухи о мутировавшей вирусной чуме, свирепствующей на поверхности, и рухнувший в море самолет, и истерические вопли о невозможности жизни в колонии.

Но Сэм, не испугавшись риска, едва не впрямую обвинил Харкеров в провале первой кампании.

— Существуют могущественные силы, желающие уничтожить наше общее дело. Их можно понять, и я вам объясню, почему. Представьте себя влиятельным в Куполах человеком. Если судить по власти и роскоши, вы почти Бог. Зачем вам что-то менять? А вдруг перемены лишат вас исключительного положения? Естественно, что вы любыми способами будете мешать любому новшеству. А в данном случае сделаете все, чтобы лишить энтузиастов колонизации малейших шансов на успех.

Его могли отключить в любой момент. Но то ли операторы растерялись, то ли Харкеры не решились на открытый выпад, но Сэму закончить позволили.

— Я верю в успех, — продолжал он. — Честно признаюсь, что работаю и на себя. Да-да, именно! Но не только на себя, но и на всех вас. На всех, кто не правит, на простых людей. И я не отступлю! Но если однажды вы

не услышите моего сообщения о делах на побережье, то вы сами поймете, кого в этом винить...

Когда Сэм, закончив выступление, исчез с экрана, на улицах и в домах Купола Делавер поднялся ропот. Люди, впервые за многие годы, столпились у общественных экранов. И впервые в истории человечества, нашедшего приют на чужой враждебной планете, с верхних ярусов Дорог послышался мощный голос толпы.

Скорее удивленный, чем угрожающий, он внушал благоговейный страх. Во все времена этот голос звучал предупреждением.

И Харкеры затаились. Они все слышали и все поняли. Но время позволяло им ждать.

Таким образом Сэм на какой-то срок мог чувствовать себя в безопасности. Пока. Он понимал это и спешно укреплял свои позиции. Общественному мнению свойственно меняться, и против Харкеров он искал поддержку понадежнее. Вспомнил он и о Сари. Наполовину из Харкеров, она явно была ненормальной. Но почему? Она была, возможно, единственным ключом к Семьям, и ответ на этот вопрос мог оказаться весьма полезным. В архивах бессмертных хранились только статистические данные, имена и краткие биографии. Тут ловить было нечего. Образ жизни бессмертных позволял им избегать стрессов, вызывающих неврозы у короткоживущих. А что, если сама длительность жизни провоцирует стрессы, невозможные у простого человека?

Сэм неустанно искал и думал. Он исследовал множество версий, но безрезультатно. Наконец, он наткнулся на некий многообещающий факт.

Репродуктивный цикл бессмертных выглядел нетривиально. Периоды деторождения прерывались интервалами от пятидесяти до семидесяти лет. От бессмертных всегда рождался бессмертный. Но эти дети, если вообще выживали, были крайне слабы и первые месяцы их выхаживали под стеклянным колпаком.

С удивлением Сэм обнаружил, что одновременно с рождением Сари Уолтон в семье Харкеров родился мальчик. В тот период они оказались единственными выжившими потомками бессмертных Купола Делавер.

Но сам мальчик и его отец Блейз Харкер бесследно исчезли.

Заинтригованный, Сэм продолжал копаться в записях,

пытаясь разыскать следы этого потомка бессмертных. Дата смерти отсутствовала. Записи о мальчике обрывались семьдесят лет назад.

Сэм это запомнил.

— Еще один. Он нам вполне сгодится, — сказал свободный солдат и на шаг отступил от прибора. — Взгляните.

Сэм неуверенно прошел по качающейся палубе и прильнул к окуляру. Необычная атмосфера корабля, идущего по волнам, волновала его. Как и всякого жителя Куполов, его тревожило бесконечное открытое пространство, беспокоил влажный ветерок. Все казалось необычным, все вызывало тревогу.

Небо, молочно-белое, отражалось в море, и море тоже становилось молочно-белым. Громада разрушенной Крепости на берегу почти скрывалась под штурмующими ее джунглями. Постоянный гул доносился оттуда. Различались крики, визг и рев пожирающих друг друга животных. О борт корабля настойчиво било море. В ушах Сэма посвистывал ветер. Для рожденного в Куполах поверхность Венеры выглядела враждебной.

Но Сэм, забыв обо всем, смотрел в окуляр.

Мир мерцающего света и призрачных раскачивающихся водорослей открывался его взору. Мелькали смутные силуэты подводных тварей: глупыми глазами смотрели рыбы с сияющими хвостами, мельтешили похожие на снежинки сифонофоры, медузы раскачивались в каком-то только им ведомом ритме. Лениво сжимались в яркие полосатые кулачки анемоны. Мирно колыхался раскидистый радужный веер губки.

И посреди этого чарующего призрачного мира лежал корпус затонувшего корабля, весь облепленный водорослями и ракушками.

Третий из найденных кораблей, достойных, по мнению Хейла, чтобы их поднять.

— Он куда крепче, чем кажется, — уверял он Сэма. — Корпус сделан из чрезвычайно прочного сплава. Когда-то мы восстанавливали и не такие руины.

Голос Хейла прервался. Он молча уставился в пустынную даль моря, словно вспоминал былые походы и мощный флот, некогда бороздивший эти воды. Тогда во славу Куполов, бывших священными и неприкосновенными, на пространствах серых морей велись войны. И Купола, сде-

лавшие ставку на побежденных, выплачивали контрибуцию кориумом. А символические взрывы глубинных бомб неподалеку от империумных сфер лишний раз напоминали об их уязвимости.

Но те времена канули. Джунгли разрушили и поглотили Крепости. Корабли опустились на дно у своих причалов. Брошенные людьми, они заросли водорослями и ракушками, но прочный металл корпусов пережил забвенье.

Сэм и Хейл внимательно изучали береговую линию, где раньше высились башни Крепостей. Когда-то Хейл даже жил в некоторых из них. Он до сих пор мог на память перечислить гавани и суда враждующих сторон.

Первые два корабля, поднятые со дна, после небольшого ремонта вполне годились для плавания.

— Вот теперь им не загнать нас под империум, — сказал Хейл, держась одной рукой за поручень, а другой смахивая брызги с лица. — Теперь — только вперед.

— Дорого это будет нам стоить, — ответил Сэм, — больше, чем у нас есть. Надо придумать что-то особенное.

— Что?

Сэм оценивающе взглянул на Хейла. Не пора ли открыть карты? Несколько недель он осторожно подготавливал Хейла к решению, которое тот отверг бы без предварительной обработки.

Неудача недопустима. Уже дважды Сэм входил в этот мир без гроша в кармане, беспомощным и окруженным множеством врагов. Но с того момента, когда он очнулся в темном переулке с пересохшим от жажды горлом, он снова вскарабкался на первую ступень лестницы, ведущей к звездам, и отступать не собирался. И методы, которые он хотел применить для достижения своих целей, особой щепетильностью не отличались.

Именно это качество позволило ему заманить в ловушку Дока Малларда и получить кориум, с которого он начал свое второе восхождение. Для следующего шага опять нужен был кориум. Но на этот раз противник у него был во сто крат сильнее — Харкеры.

Что запросто получилось с Маллардом, с Харкерами не проходило. Придумывая западню для них, Сэм сломал голову, но придумать ничего не мог. Они были неуязвимы, ибо имели все, что только могли пожелать. Сари? Существует наркотик, способный подстегнуть ее желание отомстить Захарии. Она может убить его. Или себя. Или

обоих. Скандал в Семьях был бы на руку Сэму. Но организовывать это долго. Разумеется, рано или поздно он уничтожит Захарию. Но сейчас его смерть ничего не решит, а предпринимать что-то нужно срочно.

Сэм оказался в положении первопроходцев Венеры. Их оружие тоже либо уничтожало напрочь, либо легко ранило. Уничтожение не годилось на данный момент, но все остальное оставляло врага неуязвимым.

Сэму оставалось или отказаться от своих замыслов, или решиться на чудовищный шаг.

— Хейл, — жестко начал он. — У нас есть достаточно кориума, чтобы сделать то, что вы когда-то делали. На Купола надо сбросить бомбы.

Хейл изумленно взглянул на Сэма и расхохотался.

— Ты в своем уме?

— Думаю, что да. У вас есть другие предложения?

— Ты ошибся, Рид. Я не убийца.

— Но свободные солдаты...

— Сравнил! Тогда...

— Вот именно — «тогда», — перебил Сэм. — Вы воевали по приказам Куполов. Воевали, грабили, убивали, а Купола расплачивались кориумом. И грозили вы им бомбардировкой самих Куполов. Я понимаю, это был блеф. Причем, взаимный. Так вот, я и предлагаю сблефовать снова. И Семьи будут считать это блефом. Единственная наша задача — перехитрить этих снобов.

— Как ты себе это представляешь?

— Не все ли равно? В случае удачи мы сорвем куш. Не выйдет? Что ж, нам и так терять нечего.

— Но они же будут уверены, что мы не решимся. Население Куполов примет все за шутку. Ты же знаешь эти равнодушные толпы. Они подымут нас на смех. В этих теплицах у них давно пропал инстинкт самосохранения. Как вы убедите их, что мы не шутим? Не в самом же деле...

— Все мы люди, — перебил его Сэм. — Да, мы несколько подзабыли, что такое война и настоящая смертельная опасность. Шутка ли, столько столетий без войны! Но вы присмотритесь. У людей точно так же раздуваются ноздри в гневе — наследие предков, когда их рот был забит плотью врага, а дышать было надо. Они точно так же боятся смерти. Поверьте моему опыту подворотен. Нет, они еще не изжили свои страхи.

— Я отказываюсь, — упрямился Хейл. — Это не по мне.

Купола замерли. Наступила мертвая тишина. С телеэкранов прозвучала угроза. Но через минуту послышался ропот, быстро сменившийся безудержным хохотом.

Отчасти Хейл оказался прав. Угрозу всерьез не восприняли. Колонии существовали только благодаря поддержке Куполов. «Как же можно атаковать собственных кормильцев? Не даже если все они там рехнулись в своих колониях, то шарахнут они по какому-нибудь другому Куполу, а не по нашему», — рассуждали обыватели.

Но когда Сэм назвал конкретный Купол — Делавер, назвал время — сейчас, назвал откуп — кориум, страсти разгорелись не на шутку.

Конечно, блеф мог не пройти. И на этот случай Сэм припас еще некое оружие, хотя мощным его нельзя было назвать. Все зависело от искусного применения. В нужный момент оно могло принести успех. Но применив его, Сэм отрезал все пути к отступлению. Впрочем, были ли они у него?

Сэм нашел Блейза Харкера.

В принципе, суть этой схватки была в конфликте Сэма с Захарией, главой клана Харкеров. А клан Харкеров, в свою очередь, служил образцом всем Семьям. Захарии на его высотах была, возможно, безразлична наивысшая точка напряжения. Он мог позволить себе знать или не знать ее. Но Сэм ее знал и поставил на кон. Захария был обречен на поражение.

Разумеется, Сэм предполагал ответные действия Семей. Один раз он уже схватился с ними и проиграл. Но теперь настал его час.

Отыскал Блейза Слайдер. Узнав об этом, Сам заявился в его каморку в районе притонов Делавера. Слайдер сладко спал в объятиях «Оранжевого Черта». Пока Сэм расталкивал его, он сквозь наркотическую одурь называл Сэма именем Клано и перечислял все его преступления, которые Сэм не совершал.

Изрядная доза алкоголя развеяла наркотическое забытье, и оплывшее тело тяжело заскрипело кроватью.

— А-а... сынок... Достал я тебе этого Блейза.

Сэм, получив листок с адресом, бросился к выходу.

— Ты куда, сынок? — проскрипел старик. — Ты не сможешь проникнуть к нему.

— Я очень постараюсь.

— Тебе понадобится несколько недель, пока не найдешь кого-то, кто очень любит деньги... Отыщешь ловких помощников... Проникнешь в этот квартал. А план отступления? А...

— Ладно, не скрипи. Сам-то ты сможешь мне помочь?

— Постараюсь.

— Тогда начинай. В три недели уложишься? Больше я ждать не могу.

— Успокойся, сынок. Я все сделал.

Сэм изумленно уставился на Слайдера. Этот немощный с виду старикашка не переставал его удивлять.

Старик гадко по-своему захихикал.

— Я еще гожусь на что-то. Не воображай, что работенка была из легких. Но я справился. Закрой ставни и выключи свет. Я сейчас.

На стене появился светлый квадрат. Искажаемые неровностями, задвигались тени. Камера, очевидно, была прикреплена к поясу человека, нанятого на это рискованное дело. Картины резко менялись. Человек то шел, то бежал. Иногда он останавливался, и картины становились вполне разборчивыми.

Вплотную к объективу появилась какая-то решетка. За ней — ноги в белых брюках. Потом решетка исчезла. На мгновение камера зафиксировала сад, уставленный множеством фонтанов. Такое возможно было увидеть только в цитаделях бессмертных.

Камера поворачивалась то вправо, то влево. Иногда оператору приходилось прятаться, и объектив тогда закрывали занавес или дверь. Затем опять проносились комнаты и коридоры.

Скорость резко увеличилась. Похоже, человек побежал. Стремительно неслись мимо стены, пропадая, когда человек пробегал угол. Качался лифт с застекленными стенами. Снова коридоры. И все бегом.

Опять решетка. Увеличиваясь, прутья наплыли на объектив и растаяли.

События ускорились. Завертелась богато уставленная комната. Три человека в ней. Они, похоже, боролись.

Кадр качнулся, сдвинулся. Появился еще один человек. Он надвигался на камеру, держа в руке что-то блестящее. Слепящая вспышка! Изображение пропало.

Кадры с борцами пришлось прокрутить несколько раз с замедлением. Снова и снова возникала комната с обитыми бархатом стенами. Трое медленно боролись. Под их ногами мягко проседал толстый ковер.

Двое пытались скрутить третьего — высокого, стройного человека. Внимание привлекала прекрасной формы голова. Даже резкие движения его были величественны. Искаженное злобой лицо заливала кровь из разбитых губ.

Глаза его закатились, рассмотреть лицо казалось весьма трудно. Со звериной ловкостью этот человек бросался из стороны в сторону, увлекая за собой своих противников. При этом он еще успевал хохотать и колотить себя руками по бокам. Сцена походила на странный и жутковатый балет. Наконец двое начали потихоньку одолевать. Один из противников навалился на него. Другой медленно-медленно натянул смирительную рубашку. Изображение сдвинулось. Вспышка!..

— Вот это и есть Блейз Харкер, — сказал Слайдер. — Плесни-ка в стакан. Да и себе тоже. Тебе это, похоже, не помешает.

— Нам нужен кориум, — обращался Сэм к жителям Куполов. — Мы имеем на него право. Время болтовни и обещаний кончилось. Мы начинаем атаку. Что скажешь, Харкер?

Под Куполами, спрятанными под толщей морей, люди затаили дыхание. Затем в девятнадцати Куполах из двадцати послышался гул. Сэм угрожал не им.

Лишь Купол Делавер молчал. Люди оцепенели от ужаса. Только слышалось мягкое гудение Дорог в их бесконечном неустанном движении.

Захария изволил помедлить. Ожидание стало невыносимым, когда он, тонко выбрав момент, дал сигнал. На экранах появилось прекрасное лицо бессмертного, отодвинув на задний план лицо Сэма, сразу ставшее невыразительной тенью.

— Ты глупец, Рид! И блеф твой глуп!

Тень снова превратилась в лицо Сэма, а лицо Захарии стало прозрачным.

— Ты ошибаешься. Это не блеф. Смотри!

Два врага исчезли, уступив экран изображению сияющего моря. Столбы солнечного света, пробив облака, упирались в голубую воду. Флот из пяти кораблей двигался по этому великолепию, оставляя за собой шлейф сверкающих брызг.

Небольшие, но защищенные империумной броней корабли выглядели весьма устрашающе. Под прозрачными колпаками двигались какие-то силуэты, но не люди, а равнодушные механизмы, созданные для разрушения. Отсутствие людей пугало еще больше.

— Смотрите все! — крикнул Сэм.

Море неподалеку от кораблей вдруг вспенилось, под-

нялось высоченным белесым столбом, на мгновение замерло и чудовищным водопадом обрушилось вниз.

Экран потемнел. Чуть погодя на нем появилась другая картина — зеленовато-желтый подводный мир. Камера, видимо, находилась недалеко от поверхности. Переливались блики от волн, поднятых темными тушами бронированных кораблей. Один, второй, третий, четвертый, пятый...

От последнего отделился серебристый предмет и пошел вниз. Камера сопровождала его, не выпуская из фокуса. Под Куполом Делавер у зрителей перехватило дыхание. Невозможно было определить, что за цель выбрала эта железная тварь.

Бомба падала, казалось, вечно. Но мало кто за ней следил. Большинство смотрели на нижний срез экрана, ожидая появления дна. Напряжение становилось невыносимым. Где же дно?! Но вот появился песок. Чистый, в мелкой аккуратной ряби.

Бомба ударила в него. Фокусировка тут же изменилась, чтобы охватить весь взрыв. Мало что удалось разглядеть, но хватило и этого... Экран, прежде чем ослепнуть, успел показать свирепый подводный смерч, перемешавший живое с неживым... Только звуковой канал донес глухой раскат взрыва.

Услышали все. Не не только услышали. Купол Делавер — *Купол*! — вздрогнул, словно от страшного удара гигантским молотом.

Раскат стих. Все молчали.

Сэм стоял на мостике флагманского корабля, когда по каналу шифрованной связи пришло сообщение.

Пробегающие яркие точки Сэм привычно складывал в слова: «Из купола Монтана час назад отбыла Кедра Уолтон. Она направляется в купол Делавер».

Сэм невольно взглянул вниз.

— Разве она не знает, что там творится?

— Наверное, нет. Но по прибытии узнает. В Делавере включены все общественные экраны.

— Сари подсунули снадобье?

— Да. Сразу, как только Кедра выехала. Скорее всего, она его уже приняла.

Загудел другой экран связи. Говорил Робин Хейл:

— Как дела, Рид?

— Идут потихоньку, — ответил Сэм и переключился на связь с Монтаной.

На этот раз олимпийская самоуверенность Захарии его

просто смешила. Сэм с торжествующей улыбкой смотрел врагу прямо в глаза.

Все шло по плану. Сэм точно рассчитал время. Приближался ключевой момент, кульминация наступит при появлении Кедры. Удар психологической бомбы будет много мощнее и эффективнее тех, что сбрасывали с кораблей.

Запалом этой бомбы станет Сари. Она примет, если еще не приняла, порошок, который через своих людей подсунул ей Сэм. Наркоман не спрашивает, он просто берет и принимает наркотик. Но к этому наркотику подмешано кое-что еще, и это станет для Захарии неприятным сюрпризом.

Психика Сари подверглась массированной атаке. Она доведена до крайности и достаточно одного случайного жеста, чтобы ее воспаленный мозг прорвал тонкий покров нормы и взбунтовался. Блейз и Сари, родившиеся под знаком роковой звезды, что изредка проглядывала сквозь пелену облаков, были отмечены безумием.

— Рид, — спокойно сказал Захария. — Ты не посмеешь уничтожить Делавер.

— Это была только первая бомба, — возразил Сэм. — Сейчас мы идем к вашему Куполу и каждые пять минут будем сбрасывать по одной. Последняя упадет на купол.

— О последствиях вы не подумали?

— Это ваша проблема. Вооружены мы хорошо. У нас радары, зенитки, управляемые снаряды, ракеты. А вы под водой, да еще без оружия. На ответный удар вы неспособны. Для нас пара пустяков накрыть вас в ваших Куполах. Думайте. Только скорее. Еще немного, и вам останется только умереть...

Его слышали во всех Куполах. Сэм переключил экран на одну из крупнейших центральных площадей Делавера. Туда со всех сторон стекались огромные толпы. Это были строители, а не воины. Ничего, колониям и строители пригодятся.

Но это потом. А сейчас он сражался.

Где Хейл? Как он? Свободный солдат не на шутку беспокоил Сэма. Сможет ли он, если придется, сбросить роковую бомбу? А сам он, Сэм Рид? Сможет ли?

Нет, нельзя допустить, чтобы зашло так далеко.

Кедра наверняка уже на полпути и, скорее всего, знает о происходящем. Небось, спешит на помощь своему Захарии. В течение целых столетий она любила его. Но не вспышками звездного пламени, а словно планета, приближающаяся к своей звезде в перигее и исчезающая в апо-

гее. Да, она захочет быть рядом с Захарией в этот страшный час.

— Следующую! — приказал Сэм.

Эта бомба ударила в скалу. Раскатистый гром прошел по звуковым каналам. Толпа колыхнулась.

Крупная дрожь пронзила Делавер. Сомнений не оставалось — Купол затрясло, как в лихорадке.

Массы народа все скапливались под общественными экранами и, затаив дыхание, следили за дуэлью Сэма Рида и Захарии Харкера.

Первым заговорил Сэм:

— Сдавайся, Харкер. Что-то потеряют только Семьи, но не простые люди. Я знаю, чего вы боитесь. Короткоживущие пойдут на поверхность, и вы не сможете ими управлять. Так?

— К вам волен идти любой желающий, — парировал Захария. — Но только в Куполах люди свободны. Там вы превратите их в рабов. Всему свое время, сейчас еще рано выходить на поверхность. Слишком опасно. Вам нужен кориум? А я думаю, что это только первое ваше требование. Затем, вам понадобится насильственный набор рекрутов, принудительный труд.

— Время споров миновало, — сказал Сэм. Голос его звучал во всех Куполах Венеры. — Или мы уничтожим Делавер, или вы заплатите нам.

— Здесь полмиллиона людей!

— По вашему, лучше погубить колонию? Может быть, вы даже готовы погибнуть, лишь бы уничтожить ее? Я не верю вам! Остальные бессмертные наверняка уже покинули Делавер, а вас ждет самолет.

Это был вызов, и Захария не мог его проигнорировать. На экране он тоже видел толпы, застывшие у экранов. Престиж бессмертных держался только на безграничном доверии, а если толпы перестанут верить, бессмертные мигом утратят свое положение.

Обращаясь к Сэму и Куполам, Захария сказал:

— Никто из бессмертных не покинул Делавер. Я говорю с вами из Зала Совета Харкеров. Смотрите.

Экран показал огромный зал. Он был пуст, только Захария сидел перед пультом связи. Но отворилась дверь, и стали заходить мужчины и женщины. Сэм искал знакомые лица. Он узнал только Рауля.

Не ошибся ли он во времени?

— Сейчас мы увидим другие Семьи, — сообщил Захария.

Появились другие Залы Советов купола Делавер. Святая святых. Они быстро заполнялись. Рэндольфы, Вуды, Дэвидсоны, Моусоны. Из них только Харкеры были истинными правителями Купола Делавер. Крупным планом снова появился Захария. Среди бессмертных Сэм увидел Джеффри... поискал глазами Сари. Вот она! Он внимательно присмотрелся к ней. Приняла ли она наркотик? Сари сидела неподвижно, но руки ее судорожно сжимались в кулаки и снова разжимались. Сэм узнал, что хотел.

— И этот твой обман не пройдет, — сказал Захария. — Все бессмертные остались в куполах.

— Неужели вы скорее умрете, чем отдадите нам немного кориума? — спросил Сэм. — Это ваше дело, покуда касается только ваших жизней. Но вы сами говорили, что в куполе полмиллиона человек. Это как? Кроме того, кориум не принадлежит лично вам. Он — достояние всего народа. И вы не вправе решать за него.

— Мы тоже народ, — ответил Захария.

— Разве? Да что вы знаете о народе? Вам, бессмертным божествам, нет дела до простых людей, работающих на вас в надежде на эфемерное вознаграждение. Все блага достаются вам. Вы просто наслаждаетесь жизнью и ничего не делаете, пока короткоживущие вкалывают на вас. Они умирают, рожают детей и те тоже умирают, а вы пребываете в бесконечной неге. Вы можете позволить себе отложить колонизацию. Вы можете и подождать, зная, что все равно однажды выйдете на поверхность, к небу и звездам. А мы? Мы умрем. И дети наши умрут. И дети детей. Но они создадут пирамиду, на которую вы взойдете, а они никогда ее не увидят. Кто вам сказал, будто вы народ? Нет, вы не народ! — Сэм уже кричал. — Вы вообще не люди! Вы же — бессмертные!

— Все не так! Мы правим от имени народа, потому что у нас больше опыта.

— Опыта, говорите? — переспросил Сэм и вдруг поинтересовался: — А почему среди вас не видно Блейза Харкера?

— Его сейчас нет в Делавере.

— Может, перейдем на направленный луч? — предложил Сэм.

После паузы изображение на всех общественных экранах в Куполах пропало. Светились лишь два экрана — Сэма и Харкеров.

— Можете не отвечать мне, — сказал Сэм. — Хотите, покажу видеофильм? Там вы и увидите своего родствен-

ничка. Представляете, что будет с вашей репутацией, если все узнают, что бессмертные могут сходить с ума?

Защелкал экран шифрованной связи. Сэм прочитал световые импульсы: «Кедра Уолтон вступила на территорию Купола Делавер». Все шло по плану!

Но тут другой экран завопил: «Слушайте людей куполов! Слушайте!» Сэм очень не хотел отвлекаться. Он все поставил на кон, и помешать могла любая случайность. Но он все же переключил канал и прислушался.

Общественные экраны в куполах были отключены. Людей отрезали от важнейших событий, касающихся всех, и как раз в момент наивысшего напряжения.

Людям это не понравилось...

На улицах Куполов все громче раздавался гневный ропот. Огромные толпы возбужденно кипели вокруг общественных экранов. В любой момент страсти могли выйти из-под контроля. Надо было срочно что-то предпринимать.

Сэм вернулся к изолированному лучу. Харкеры тоже слышали этот гул. И они осознали необходимость быстрых действий. Сэм довольно усмехнулся. Этого он и добивался. Надо было заставить аристократов спешить. Они не привыкли к этому в своем бессмертии и наделают ошибок. Сэм же всю жизнь чувствовал нехватку времени. Он всегда спешил и научился действовать быстро. Жаль, что он не умел так же быстро говорить...

— Бессмертные, помните о своем престиже! — быстро, как только мог, проговорил он. — Вы утратили связи с людьми. Что вы знаете о чувствах и нуждах простых людей? Что станется с верой в вас через несколько десятилетий, бессмертные? Я короткоживущий и счастлив этим!

Сэм перестарался. Захария взглянул на него с удивлением, будто уловил фальшивую нотку. Подобная напыщенность речи — не для частных разговоров. Только толпу можно подкупить высокопарной риторикой.

Сэм открыл рот, чтобы сказать еще что-то, но тут позади Захарии открылась дверь, и Сэм понял, что расчет его точен.

— Какое лицемерие! — вскричал он. — Как это похоже на вас! Использовать доверчивую женщину, чтобы отшвырнуть ее, когда можно вернуться к своей...

Вошла Кедра Уолтон. Сэм краем глаза увидел, как Сари вскинула голову, всплеснув золотисто-зелеными волосами, как под сверкающим платьем напряглись ее плечи. Но смотрел Сэм только на Кедру.

Словно ничего не услышав, она быстро шла через зал.

Высокая, стройная, прекрасная, с гордо откинутой головой и тяжелой копной волос. Она на ходу расстегнула плащ, сбросила его, и он сверкающим водопадом опустился на пол. Белые тонкие руки протянулись к Захарии.

«Так и должно быть, — подумал Сэм. — Не могла она бросить Захарию в такую минуту». Их связывали много десятилетий, даже столетия. Они давно стали единой душой и разумом. А главное, она любила его. И вот она пришла, чтобы выручить его, чтобы помочь ему бороться.

Но все забыли о Сари. Сэм успел перевести на нее взгляд. Захария тоже обернулся, но опоздал. Сценарий Сэма развивался. Измотанная психика Сари, добитая наркотиками, что подсунул ей Сэм, стала неуправляемой. Остановить ее уже никто не мог.

Все было предопределено. Сари ненавидела Захарию и Кедру. И стоило ей увидеть, что они снова вместе, как безотчетная ярость поглотила ее. Родившись под знаком взорвавшейся Земли, она сама была обречена взорваться во вспышке безумного гнева.

За долю секунды чинное собрание невозмутимых бессмертных превратилось в омерзительную свалку. Мужчины толпой набросились на вопящую Сари, в невероятной толкучке пытаясь оторвать ее пальцы от горла Кедры.

Усмехнувшись, Сэм нажал на кнопку пульта и его лицо появилось на общественных экранах. Зловещий ропот толпы сменился тишиной, когда Сэм закричал в микрофон:

— Харкеры! Харкеры! Что случилось? Почему нет связи? Харкеры! Вы слышите меня?

Бессмертные не отвечали.

— Харкер! Харкер! Ты что, покинул Делавер? Ответь мне!

Прогрохотала еще одна бомба. Купол Делавер ощутимо сотрясся. Толпы, качнувшиеся вместе с ним, негодующе загудели.

Сквозь грохот и треск империумного купола слышался голос Сэма:

— Делавер! Делавер! Ответьте! Если Харкеры сбежали, кто у власти? Делавер! Ответьте!

Внезапно на экране появилось лицо Захарии. Он тяжело дышал и пытался отереть с лица кровь, текущую из глубокой царапины на щеке. Но в его голосе прозвучало ледяное спокойствие:

— Мы и не собирались бежать. Мы...

Страшный рев толпы заглушил его голос. Взревел весь

Купол Делавер. Случилось невероятное — толпы осмелились усомниться в бессмертных. Страх смерти уничтожил инстинктивное преклонение перед ними. Короткоживущие впервые возмутились.

Захария продолжал открывать рот, но его никто не слышал. Истеричный рев толпы поглотил все остальные звуки. Людям, должно быть, показалось, что Купол рушится, а потрепанный вид вернувшегося на экран Захарии только подстегнул эти подозрения. Случилось что-то ужасное, но что именно, люди могли только гадать, а Купол все сильнее и сильнее сотрясался от приближающихся взрывов. Ужас вырвался из многих тысяч глоток звериным ревом. Толпы, яростно скандируя, стали требовать капитуляции.

И тут Сэм ошибся.

Ему бы молча сидеть и спокойно наблюдать развитие событий. Он сделал все, как следовало: натравил толпу на бессмертных, и тем некуда было деваться, кроме как уступить требованию народа. Но Сэм не выдержал невозмутимого вида Захарии. О, как он их ненавидел! Как желал он унизить их, увидеть страх в их глазах. У него помутилось в голове от неистового желания ударить это холеное юное лицо, вырвать у гордого бессмертного признание в поражении.

Но он не мог его ударить. Сэму оставалось только прокричать в микрофон что-то неразборчивое. Из-за несмолкаемого шума никто его не понял, но когда общественные экраны заполнило его грубое рыжебровое лицо, толпы смолкли и услышали его слова:

— Немедленно сдавайтесь! — яростно ревел Сэм. — Харкеры не способны управлять Куполом! Отдайте нам все, что мы требуем! И если не боитесь, покажите, что у вас там творится в Зале Совета! Включайтесь в связь! Попробуйте показать, насколько разумны Харкеры в момент кризиса! Нет! Подождите! Давайте, я покажу! Люди куполов! Сейчас вы увидите Блейза Харкера!

На заднем плане экрана тень, которой был Захария, сделала нетерпеливый жест. Лицо и голос Сэма исчезли. Ясно стал виден Захария. Он наклонил на экране голову, словно Бог, разглядывая охваченную паникой толпу у своих ног. Спокойно он сказал:

— Вы в безопасности, люди Куполов. Ни одна бомба не упадет на вас. Но у меня есть для вас новость, которую я до сих пор скрывал. Пришло время сказать все. Этот человек, Джоэль Рид, заверил вас, что никогда не видел

своего отца. Он поклялся смыть позор со своего имени. Поклялся сделать для колонизации поверхности все, что наобещал когда-то его, якобы, отец, Сэм Рид.

Захария сделал паузу и отчеканил:

— Люди куполов, этот человек снова солгал вам. Он и есть Сэм Рид!

Только через некоторое время тишину нарушил гул толпы. Захария поднял голову и продолжил:

— Мы можем это доказать. У нас есть снимок сетчатки его глаза и отпечатки пальцев. Мы представим вам их. Но посмотрите внимательно на этого человека. Это Сэм Рид, и он уже однажды обманул вас. Можете ли вы еще раз поверить ему? Можно ли верить человеку, которому все вы безразличны, и которого интересует лишь личная выгода? Да, можете довериться ему, но он вас все равно обманет. — Захария повернулся к Сэму. — Сэм Рид, что вы скажете людям, которых вы обманули? Или вы будете отрицать это? Отвечайте же, Сэм Рид.

Лицо Захарии на экране ушло в тень. Крупным планом перед толпой предстал Сэм.

Захария тяжело дышал. Дрожащей рукой он отирал кровь со щеки. Захария утратил свое хладнокровие!

Пока этого никто не понял. Даже Сэм. Потом он поймет это, но сейчас ему надо было соображать быстро. Не более чем через пятнадцать секунд он обязан ответить. Ответ у него почти созрел. Он знал это. Он ощущал его, но пятнадцать секунд уже прошли...

Но тут его осенило. Захария все же допустил ошибку. И фатальную! Мыслить быстро бессмертные не привыкли. За долгие беззаботные столетия они разучились мгновенно определять опасность и быстро устранять ее. Они привыкли оперировать столетиями, не не днями и, тем более, не секундами.

Лицо Сэма на экране разгладилось, он рассмеялся.

— А я и не буду отрицать! Да, я допустил ошибку, но сам же ее и исправлю. Харкер прав: я — бессмертный!

Он помолчал, чтобы все осознали услышанное.

— Когда мне в лицо бросили наркотический порошок, мне было сорок лет. Еще сорок лет я отсутствовал. Но взгляните на меня. Похож я на восьмидесятилетнего? — Он смотрел на людей с тысяч общественных экранов. Лице его излучало непоколебимую уверенность.

Люди смотрели на его искаженное гневом грубое лицо. Нет, он не выглядел старым и его голый череп не был похож на облысевший. Но если прекрасной формы голова

его еще могла свидетельствовать о принадлежности к элитной породе, то лицо не могло быть ликом бессмертного.

— Взгляните на меня, — повторил Сэм. — Неужели не видно, что я совсем не похож на бессмертного? Но почему же, спросите вы, я, прожив восемьдесят лет, не постарел? — Сэм вперил в толпу свой яростный взгляд. — Я такой же, как вы, простой человек! Но я долго жил на поверхности и понял, почему бессмертные панически боятся колонизации. Да-да, все вы помните, как они мешали нам. Так почему же они боятся? А я скажу, почему! *Потому что все вы можете стать бессмертными*!

На этот раз Купол готов был взорваться изнутри. Не менее пяти минут понадобилось, чтобы страсти несколько улеглись. И, пожалуй, никто, кроме Сэма, не слышал, как Захария Харкер устало произнес:

— Кориум твой, Сэм Рид. Ты можешь дурачить их, раз уж они позволяют. Посмотрим, как ты дашь им бессмертие.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда Израиль вышел из Египта,
Безопасно прошел он по дну моря;
Днем под облаками, ночью в огне...
... а перед ним шел Господь.
Я вижу далекую страну,
Где я никогда не буду.
Сердце стремится туда,
Куда не ступит нога,
В Обетованную Землю.

Хаусман, ок. 1900 г.

На фресках, украшающих стену, подножья бархатисто-коричневых холмов омывали изумрудно-зеленые моря. В далеком сожженном мире когда-то существовали такие берега. Древний художник не мог представить себе мир, лишенный разноцветных морей и холмов, лишенных растительности. На телевизионном экране расположенном в центе фрески, по-настоящему морю, вдоль настоящего берега шел корабль, от которого веером расходились волны раздвигаемых вод. Вид на экране только подчеркивал неправдоподобность фрески.

Облокотившись на подушку, Кедра Уолтон молча раскладывала пасьянс на низеньком стеклянном столике. Изредка она поглядывала на экран. Рядом в глубоком кресле сидел Захария. Он не отрывал глаз от экрана.

— Несчастные глупцы... — тихо произнес он.

Захария вдохнул через ноздри дым от курильницы с тлеющей лозой. Растущая на поверхности, она брызгала смертельным ядом на любое проходящее рядом животное. Но высушенная лоза при горении испускала наркотический аромат, хорошо успокаивающий нервы. Захария выпустил струйку дыма на экран.

— В этот раз Сэм Рид отгрыз кусок, которым подавится, — медленно сказал он.

— Где ты набрался таких вульгарных словечек? — поинтересовалась Кедра, ослепительно улыбнувшись. Согласно последнему крику моды не менее ослепительно выглядела и она сама. Причем в буквальном смысле. Над узким египетским лицом короной возвышалась прическа, где каждый волосок сиял, покрытый тонким слоем золота. С ресниц, словно с золотых ниточек, свисали золотые же капельки.

— Зато ты *выглядишь* вульгарно, — усмехнувшись, парировал Захария.

— Ну и что? Должна же я знать, насколько далеко могу зайти. Как и всякая женщина...

— Взгляни-ка! — Захария выпрямился в кресле и показал на экран.

Едва не рассыпав карты, Кедра повернулась лицом к экрану. На нем разворачивалось фантастическое зрелище. В тусклое серое море белой дугой выдавался волнорез. Вдоль него спешил к причалу маленький кораблик, на палубе которого стояли десять мужчин и женщин. Десять первых энтузиастов колонизации, соблазненных бессмертием. Рассматривая негостеприимный мир побережья, они сгрудились на палубе и нервно крутили головами. Они походили на юношей и девушек древней Греции, что приносились в жертву Минотавру. С оторопью и невольным страхом они смотрели на растущую по мере приближения могучую стену джунглей, нависшую над низкими гладкими стенами колонии Плимут.

И Минотавр поднялся из воды... Но жертвой предстояло стать ему... Великое множество чудовищных ящеров обитало в море. Некоторых из них успели классифицировать. Но чудовище, поднявшееся перед кораблем из серых вод, не было известно никому. На двадцать футов взмет-

нулась темная глянцевая шея. Порванным шелком скользнула с нее вода. Ящер раскрыл пасть, способную вместить человека, и издал хриплый оглушающий визг. В несколько рядов желтели длинные острые зубы.

Испуганно крича, пассажиры в панике бросились к противоположному борту. Кораблик опасно накренился. Зубастая тварь метнулась к ним, грациозно изогнув тонкую относительно длины шею. Чудовище привлекла девушка в ярко-розовом платье, резко выделяющемся на фоне серого моря.

Ад воцарился на маленьком корабле. Но рулевой, скорчив презрительную мину, лениво наклонился и нажал кнопку на пульте. Мгновенно с обоих сторон палубы поднялись створки империумного купола и прозрачная скорлупа со звоном сомкнулась, защитив пассажиров от монстра.

Огромная голова ударилась о купол. Кораблик сильно накренился, люди клубком покатились по палубе. Сверкнул в свете дня острый киль, ящер с размаху напоролся на него.

Ужасающий рев пронесся над морем. Струной вытянулась шея, клыкастая пасть поднялась к облакам. Из горла пульсирующим фонтаном била кровь.

Чудовище опять взревело. Кровь хлестала из разинутой пасти. Тварь в агонии забилась о воду, дернула пару раз шеей и скрылась в толще вод. Осталось лишь алое пятно.

Корабль выпрямился и как ни в чем не бывало заспешил к пирсу.

Кедра рассмеялась, раскладывая очередной пасьянс.

— Молодец, капитан! — сказала она. — Но как ему не надоело? Наверняка, все это подстроил Сэм. Он вполне способен пригнать чудище, чтобы поразить и восхитить новых добровольцев. Разговоров им теперь хватит надолго.

— Тебе смешно, милая Кедра? — спросил Захария, вдохнув наркотический дым, — Он способен и не на такое. Он очень опасен! И не потому, что изобретателен, а потому, что безответственен.

Волосы Кедры сверкнули золотом, когда она кивнула головой, соглашаясь.

— Ты прав, дорогой. Нам совсем не до смеха. Мы недооценили Сэма. Думаю, что он еще удивит нас. Но какая свирепая энергия! Какая одержимость! Он способен на любое преступление, лишь бы расчистить себе путь. У нас еще будут с ним проблемы, когда мы надумаем его осадить.

— Ты уже переменила мнение о нем?

Она смешала карты. Отыскала в колоде одну с изображением повешенного. Как и все остальные, карта была исполнена прекрасно. На веревке, свисавшей с сука, болтался висельник, четко выделяясь на фоне узорчатого занавеса. Строгое лицо его и рыжие волосы оттенял золотой нимб. Держа карту в узкой ладони, Кедра рассматривала рисунок. Сквозь задумчивость на ее лице проглядывала легкая грусть.

— Никогда не спрашивай меня об этом, Захария.

— Однако ответить придется, дорогая. Это очень серьезно. Он бессмертный.

— Да, я знаю.

— А кто он, ты знаешь?

Снова резко высверкнуло золото волос.

— А ты?

Захария вдохнул дым, разогнал рукой ароматное облачко. Затем кивнул и сказал:

— Он Харкер. Ты слышала про Блейза?

— Да. Все слышали. Сэм на весь подводный мир кричал о нем, чтобы уничтожить престиж Харкеров. А сам он знает?

Бессмертный усмехнулся.

— В том и парадокс, что не знает. Он и не подозревает, что дискредитировав Харкеров, он уничтожит и свое имя. Любопытно будет посмотреть на его физиономию.

— Любопытно... но ведь это и наше имя!

— Ну и что? Мы легко сумеем вернуть авторитет и влияние. И мы можем ошибаться. Сопротивляясь колонизации, например. Но никто не посмеет сомневаться в чистоте наших побуждений. Что касается Сэма, то пока я намерен выжидать. Хоть мне это и не по душе, но сейчас нам придется действовать заодно с ним. Во всяком случае, пока идея колонизации на подъеме.

Кедра, рассеяно перебирая карты, едва заметно улыбнулась.

— Пока... заодно... Он страшный человек, Захария. Но сейчас он на вершине успеха. Пусть себе... Он чрезвычайно деятелен, и чтобы упрочить свою власть, пойдет на любое геройство или преступление. Но он, сам того не понимая, создаст надежное основание для новой социальной системы. И это все. На этом он выдохнется. По сути своей он не созидатель, скорее уж разрушитель. Вот тогда мы и остановим его.

— Не спорю. Но каким образом?

— Мы не хуже его умеем применять его же методы. Превратим его силу в слабость и повернем ее против него самого. Хищника легко раздразнить, а потом... — щелкнув по карте изящным ноготком, она тонко улыбнулась.

Захария молча ждал продолжения.

— Я еще не все продумала, — сказала Кедра. — Но мне кажется, я знаю оружие, с помощью которого мы одолеем Сэма Рида.

— Какое?

Она взглянула на Захарию сквозь тяжелую золотую занавесь ресниц, превращавшую ее лицо в драгоценную маску. Египетские губы скривились в улыбке, слишком похожей на гримасу боли. Никогда прежде Захария не видел такого выражения на ее лице. Невозможно было понять, о чем она думает, хотя ему всегда казалось, что он знает ее достаточно хорошо. В руке она снова держала какую-то карту.

Молча он потянулся, чтобы разглядеть рисунок. Десятка мечей. На сером морском берегу, на фоне закатного неба четко вырисовывались эфесы десяти мечей. Их лезвия пронзали тело человека.

Наконец колонию Плимут укомплектовали полностью. Сэм с нетерпением ждал этого дня. Ему предстояло произнести речь, но так, чтобы не обмануть ожидания тысяч добровольцев возжелавших бессмертия.

С минуту он изучал аудиторию, глядя на ряд экранов. Затем глубоко вздохнул и начал:

— Я, Сэм Рид, обращаюсь к вам — избранным. Вы все прошли достаточно тяжелые испытания. Отобраны наиболее здоровые, самые сильные граждане Куполов. Вас тщательно изучили, вы прошли через труднейшие тесты, доказав этим, что именно вы достойны бессмертия. — Сэм помолчал. С экранов в рот ему смотрели тысячи людей. — Не каждому дано стать бессмертным. После определенного срока, у кого раньше, у кого позже, неизбежно начинается старение. Мы пока не знаем причин этого и можем только гадать. Мы научились останавливать старость лишь в том случае, если человеку не более сорока лет. Видимо, после этого срока равновесие организма нарушается уже сильно.

Затаив дыхание, тысячи добровольцев слушали его. Они, поверившие в обещанное бессмертие, представляли собой этакую гранату, готовую взорваться и разнести все, и чеку которой Сэму придется сжимать до конца.

— Вы — цвет расы и первыми получите бессмертие. После того, как вы сделаете бессмертие безопасным и доступным для всех, вам останется наслаждаться плодами его. А на ваше место придут другие. Но сейчас вам предстоит тяжелейший труд. И прежде, чем вы станете бессмертными, вы проживете на поверхности несколько трудных лет.

«Наверное, лет пять, — подумал он. — Вряд ли больше. За пять лет они еще ничего не заметят».

Сэм тщательно продумывал необходимые тесты, через которые должны пройти тысячи, а позже — миллионы людей. Адский труд, если на помощь не придет техника. Нужно обработать данные о психике, о наследственности, о патологических изменениях, рассчитать приблизительно продолжительность жизни предполагаемых добровольцев. Но важнейшим фактором оставался и возраст зрелости — в этот период жизни изменения заметны меньше всего. Поэтому Сэм и рассчитывал не более чем на пять лет.

Он продолжил:

— Я пробыл на поверхности почти сорок лет. Человеку среднего возраста необходимо не менее пяти лет подвергаться воздействию комплекса факторов, существующего на поверхности. Мы можем только предполагать, что это какое-то излучение, уничтожающее вирус старения, опять же предполагаемый. Замечено, что чем старше человек, тем больше нужно времени для уничтожения этого вируса. У новорожденных, по-видимому, этого вируса нет и, подвергнутые облучению на поверхности, они не стареют. А достигнув зрелости, они живут сотни лет.

Стало быть, дети, родившиеся в колонии, будут бессмертными. Но вам, взрослым, придется бороться за эту возможность. От пяти до семи лет вы должны подвергаться радиации, чтобы в организме произошли необходимые изменения.

Что представляет собой эта радиация, мы пока почти не знаем. И в почве и в атмосфере Венеры присутствуют микроскопические количества радиоактивных элементов. Вкупе с солнечной радиацией и космическими лучами они как-то воздействуют на нас, за несколько лет превращая в бессмертных. Но пока мы еще не в силах объяснить этот слишком сложный процесс.

Причем, подобно бацилле проказы, радиация действует только на людей, но не животных. Из-за невозможности заразить этой болезнью морских свинок средство от проказы долго не могли найти.

Отсюда вывод — бессмертие только для людей! Для

всякого, кто не слишком стар и имеет силы и мужество для жизни на поверхности. Вы нашли в себе эти качества, но вам нет места в колонии Плимут. Ваша задача — основать новую колонию! И это ваш единственный шанс. Группы добровольцев будут сменяться каждые семь лет, и мы решили набирать людей в расцвете сил, которые вы, сделавшись бессмертными, сохраните на сотни лет. Вам предстоит закрепиться в новой колонии к тому моменту, когда прибудет новая партия добровольцев, которые продвинут дело колонизации еще дальше.

Сэм внимательно изучал лица на экранах. Неприятности ожидаются не ранее, чем через пять лет. За это время изменения во внешности незначительны. В крайнем случае их легко будет объяснить неблагоприятным влиянием чуждой среды. Должна же поверхность как-то влиять на внешность человека. Добровольцы внимательно слушали Сэма.

— Но бессмертие вы еще должны заслужить. Переход от беззаботной жизни Куполов к тяжелой жизни пионеров колонизации для многих окажется очень трудным. Мы поможем вам приспособиться, но помните: только беспрекословно подчиняясь законам и традициям колонии, вы выдержите семь лет напряженного, а зачастую и опасного труда.

Вы обязаны повиноваться местным властям. Вы должны довериться этим людям, ибо только они знают, как решить ваши проблемы. И никогда не забывайте — здесь, на поверхности, все и везде, днем и ночью будет стремиться убить вас. И ради будущего бессмертия вы должны быть осторожны и предусмотрительны. Возможно, кто-то не выдержит и вскоре запросится обратно. Но в соответствии с подписанными вами контрактами вы не можете вернуться раньше времени без особого разрешения властей. Но лучше всего, если вы получите это разрешение, став бессмертными.

Рекомендую серьезно относиться к своим обязанностям. Таким образом вам самим легче будет приспособиться к новым условиям. Не стесняйтесь заменять работающего рядом. Внимательно изучайте обязанности вашего начальника. Помните: карьеру в колонии делают быстро. Будьте готовы к этому. Все зависит только от вас!

Тяжелейшим трудом, в условиях непрерывной опасности вы заслужите бессмертие. Я верю в вас! Нет трудностей, которые человек не перенес бы в течение месяца. А семь лет, это всего лишь сотая часть вашего бессмертия, эквивалентная месяцу жизни короткоживущего.

Не забывайте об этом!

Вспоминайте в минуту разочарования!

Вас ждет бессмертие!

Он выключил передатчик. Немного посидел молча, разглядывая толпу.

— Что ж, — тихо сказал он, — они проглотили мою позолоченную пилюлю.

Выстроившись в шеренги и дыша друг другу в затылок, люди продолжали стоять в ожидании приказов от своих непосредственных начальников. Командовали ими крепкие тренированные люди — первопоселенцы колонии Плимут, — зарекомендовавшие себя, работая с Хейлом.

Как малина разрастается корнями и побегами, так и колония разрасталась вдоль побережья. Но не пять лет, а гораздо больше потребуется, чтобы и колония Плимут дала новые крепкие побеги, но не крепче, чем сам Плимут.

Разумеется, они должны стать неуязвимыми для ярости джунглей, но уязвимыми для него.

Но Плимут обязан оставаться неуязвимым для них, будучи резиденцией Сэма Рида.

Пять лет оставалось у него, прежде чем ярость ударит рикошетом.

Цепь островов ковала звено за звеном. На счету была каждая минута, и для отдыха не оставалось времени.

Сэм нажал кнопку связи. Получив обычный ответ, что кабинет Хейла пуст, он досадливо фыркнул и спросил:

— Где же он?

— Губернатор на Шестом острове. Руководит операцией по расчистке.

— Соедините меня с ним.

Изображение на экране пропало. Видимо, в том месте, где сейчас находился Хейл, телепередатчика еще не было. Резкий голос ответил:

— Хейл на связи.

— Сэм Рид. Нам надо встретиться.

— А, это ты, — голос Хейла потускнел. — Извини, но я занят. Мы тут, на Шестом, испытываем новую технику. Времени в обрез. Как-нибудь потом увидимся.

Сэм опять фыркнул и раздраженно выключил связь. Затем вызвал вертолет и вышел наружу. Не оставалось сомнений, что Хейл действительно не желает видеть его.

Коротко козырнув, пилот — один из первых колонистов, — развернул вертолет в сторону моря. Они проле-

тали над освоенными островами. Вместо чудовищных джунглей на них зеленели культурные посадки. Через равные промежутки стояли дома, окруженные частоколом. Вдоль берегов белели аккуратные прямоугольники причалов. Странную комбинацию мирных ферм и военных баз представляли собой острова с Первого по Пятый.

Пока только они противостояли бешеной ярости континентов Венеры. Но это было лишь началом наступления цивилизации на дикую природу.

Сэма заинтересовало невозмутимое лицо пилота. Явно из первых поселенцев. В них Сэм не сомневался. В Плимуте надежные люди. Опасность могла исходить только от нового потока добровольцев. Они здесь ради бессмертия. А через несколько лет... Но к тому времени Сэм очень надеялся захватить абсолютный контроль над колониями.

Еще одна серьезная проблема — Хейл.

Чью сторону он примет через пять лет? Семьи Сэма не пугали. Они — открытые враги, с ними справиться легче. А у свободного солдата кроме бессмертия были власть и авторитет. Сейчас они действовали заодно. Но как трудно понять этого невозмутимого бессмертного! С кем он будет через пять лет? О чем он знает? Узнал ли он в самом начале в Джоэле Риде Сэма Рида? Что он думает о блефе насчет бессмертия? Необходимо получить ответы на эти вопросы, чтобы знать, друг он или враг.

По виду Хейла невозможно было определить, верит он Сэму или нет. Но наивной доверчивостью он не отличался. Подозрительной казалась и его готовность идти за Сэмом. Может быть, тяжесть прожитых столетий сделала его пассивным? Сталь тоже устает и, сама по себе, не восстанавливается. Насторожила параллель: ведь эмблема свободных солдат — меч. Он тоже сделан из стали.

Мелькнула идея. Добровольцы... они такие крепкие, сильные, но пока еще такие податливые в его руках. Но жестокие битвы с яростью побережья закалят их, если не сломают... Сталь тоже закаляется... Снова меч?

Что ж, видно будет. А пока необходимо укреплять тылы. Спина должна быть защищена в первую очередь.

Не считая вершины высокого холма, Шестой остров еще находился под властью джунглей. На расчищенной площадке стоял вертолет. Рядом с ним что-то делал человек. Серые силуэты машины и человека почти сливались с серым фоном тусклого неба. К причалам, сделанным на

скорую руку, приткнулись баржи и легкие корабли. Снизившись к самой воде, пилот, следуя указанию Сэма, развернул машину в крутом вираже, отчего брызги накрыли прозрачный колпак кабины.

Сэм взглянул на плотные облака. Дождя, кажется, не будет, оно и хорошо. Свирепые ливни усугубляли трудности. Работу всегда приходилось планировать с учетом рекомендаций метеорологов. Вот и сейчас для расчистки Шестого острова позарез нужны несколько погожих дней, иначе базу не заложить. Затем, после постройки моста до Пятого острова, к островной колонии прибавится еще одно звено. Но до этого еще долго.

Вертолет сел у причала. Спрыгнув на помост, Сэм оказался в самом центре деловой суеты. Огромная гусеничная дробилка съехала с баржи, и под ее чудовищной массой берег, казалось, просел. Потом один за другим выгрузились юркие вездеходы на высоких колесах. Сошли люди в защитных костюмах и респираторах. На берегу скопилось множество техники и ящиков с оборудованием.

Сэма схватил за руку какой-то человек в маске и сунул ему сверток.

— Советую одеть, сэр. Местные растения очень живучи и ядовиты.

— Спасибо, — ответил Сэм, надевая комбинезон и респиратор. — Как мне найти губернатора?

— Он вон там, на холме, сэр. Но туда еще нет дороги. Можно добраться только на вертолете.

Минуты через четыре Сэм спрыгнул на вершину холма и знаком отпустил вертолет. Тот взревел и ушел к причалу.

Увидев, что Хейл без защитного костюма и респиратора, Сэм снял свои. Оба они за последние месяцы приобрели немалый иммунитет, да и здесь, высоко над джунглями, опасности заражения почти не было.

Хейл, не отрываясь от бинокля, небрежно кивнул Сэму. На низеньком походном столике была расстелена карта, придавленная от ветра переговорным устройством, от которого к вертолету тянулся блестящий провод.

— Как дела? — спросил Сэм.

— Нормально. Насекомых травили. Но разве всех уничтожишь! Живучие, гады.

На поверхности все, что прыгало, летало и кусалось считалось насекомыми. Все, что имело огромные до изумления размеры и при этом бегало, орало, набрасывалось — относилось к животному миру. Все остальное — к расте-

ниям, хотя по степени агрессивности и опасности для человека особой разницы не было. Объединяло их одно: к опрыскиванию они относились с удивительным безразличием.

Но без него нельзя было обойтись. Хищные нравы местных зверей и насекомых оно все же немного утихомиривало, а ядовитые лишайники и прочую агрессивную флору как бы усыпляло.

Общение со зверями было, однако, приятнее. При некоторой сноровке крупного хищника легко подстрелить. А вот иные растения имели дурную наклонность проникать в легкие и разрастаться там в комковатую массу до полного паралича дыхания.

Колонизация Шестого острова только началась и он пока выглядел просто больным. Джунгли утратили живую зелень. Растения обвисли серыми плетями, лишь изредка сонно шевелившимися. Сэма разбирало любопытство, хотелось рассмотреть их поближе.

— В кабине есть еще один бинокль, — подсказал Хейл.

Джунгли и люди скачком приблизились. Сэма заинтересовало что-то новое в движениях и манерах колонистов. Необычные для жителей Куполов живость и энергия читались в лицах и жестах людей побережья. Джунгли он осмотрел лишь поверхностно, прежде всего и всерьез его интересовали люди. Он очень часто обдумывал, какое именно качество колонистов может пригодиться лично ему, Сэму Риду.

Никогда еще люди Венеры не были так довольны своей работой. С непривычки к тяжелому труду болели их мышцы, пот разъедал тело под герметичными комбинезонами. Смерть, страшная и мучительная, могла настигнуть их с любым вздохом, с каждым движением. Но они были счастливы. Работа отбирала у них всю энергию, не оставляя времени ни для чего другого, но люди видели плоды своих трудов. Они вносили порядок в плотоядный хаос и считали это занятие единственно достойным человека. Они слишком долго были лишены счастья физического труда. Рано или поздно удовольствие от тяжелой работы сменится усталостью и раздражением... Но сейчас Сэм не хотел об этом думать.

Он заметил, что Хейл украдкой из-под бинокля внимательно рассматривает его.

Сэм резко спросил:

— Хейл, как нам быть с Харкерами?

Хейл приказал что-то в микрофон, махая рукой в сторону невидимой дробилки. Затем обернулся к Сэму.

— Что тебя интересует?

— Они подозрительно легко уступили нам. Я уже ошибся раз, когда поверил, будто выиграл. Они не спешат, бьют исподволь, но точно. У меня есть опыт, и я знаю, что с ними надо быть настороже. Харкерам я никогда не доверял.

Хейл спокойно смотрел на него и улыбался снисходительной улыбкой бессмертного.

— Все бывает... — загадочно ответил он. — Насколько далеко простираются твои планы?

— Какие именно? — в свою очередь уклонился от ответа Сэм.

— Дело в том, что через пять-шесть лет тебя ждут неприятности. Ты это учел?

Сэм облегченно вздохнул. Наконец-то все разъяснилось! Ему еще не приходилось слышать от Хейла оценки своего блефа.

Винил он в этом только самого Хейла. Тот до сих пор избегал встреч с ним наедине. Продолжалось это так долго, что стало неудобным впрямую спросить Хейла, узнал ли он Сэма Рида при первой встрече после его «воскрешения». Сложившаяся ситуация создавала определенное психологическое напряжение, и это нравилось Сэму все меньше. Сэм недооценил скрытую силу Хейла.

Пусть так, но один вопрос все таки выяснился: Хейл знал правду о бессмертии. Но раз он молча соглашался с обманом тысяч добровольцев, значит связывал себя с аферой Сэма, в сравнении с которой мошенничество при первой колонизации выглядело пустяком.

Убедившись в этом, Сэм почувствовал себя свободнее.

— Да, я учел это, — ответил он. — Не я сказал, что цель оправдывает средства. Иначе бы у нас ничего не получилось.

Хейл слегка приподнял брови. Чувствовалось, что слово «нас» его покоробило. Но возражать он не посмел. Он достаточно глубоко увяз в обмане, и, воспользовавшись плодами его, невольно взял на себя долю ответственности.

— Да, ты прав, — медленно произнес он. — Жизнь покажет, насколько оправданы наши поступки. Но тебе я бы советовал быть предусмотрительнее, — в голосе Хейла прозвучало предупреждение. — Надеюсь, ты понимаешь, что к началу кризиса мы должны быть готовы?

Еще бы! Только сам Сэм знал, сколько он ломал голову над этой проблемой. Но его вдруг насторожила угроза в голосе Хейла. Как это понимать? Он что, не собирается идти с ним до конца? Сэм раздумал делиться своими планами.

— У меня несколько вариантов наших действий, — осторожно ответил он. — Позже обсудим.

Что происходит? Глупец Хейл или просто не снисходит до проблемы с высот своего бессмертия? Да, а когда люди поймут, что обещанное бессмертие — фикция... Сэму даже не хотелось думать, какая буря негодования поднимется. Ярость обманутых выльется в бунт, а бунт в бурю, которая сметет и его и Хейла. А на насилие отвечают насилием... К этому дню необходимо тщательно подготовиться. И, если Хейлу угодно будет отойти в сторону, что ж, дело его. Пусть в одиночестве держит ответ. Сэм Рид сам сможет позаботиться о себе. И пусть он только попробует выступить против Сэма Рида. В колонии Плимут возникнут очень неприятные проблемы.

Сомнения назойливо одолевали Сэма. Хейл мог оказаться слишком опасным противником. Благоразумие требовало сменить скользкую тему разговора. Сэм узнал, что хотел. Оставалось обсудить вопрос, ради которого он прибыл сюда.

— Что до Харкеров, — сказал он, — будем поддерживать с ними связь. Так легче следить за ними. На данный момент они ничего сделать с нами не могут. Колонизация в Плимуте пока выглядит успешной, но если и она окончится крахом, то следующей попытки нам не позволят.

— Согласен. Думаю, что это понимают и Семьи.

— Скорее всего. Сейчас нам необходимо действовать вместе с ними. И первый шаг к сближению должен быть наш.

— Даже так?

Сэм замялся.

— Но... сам я не могу, — откровенно выпалил он. — Мы... Захария и я, э-э... терпеть не можем друг друга. Стоит мне увидеть его, так и хочется ударить. Хейл, вы же прирожденный дипломат. Вы же прекрасно знаете их всех. А, Хейл?

Теперь заколебался Хейл. Наконец он уклончиво ответил:

— Посмотрим. Но ты знаешь их не хуже меня. И ты тоже бессмертный.

— Но... все-таки есть разница. Позже, наверное, я подключусь к вам. Но не сейчас. Ну, как? Сделаете?

Хейл надолго задумался. Заверещал передатчик в его руке. Явно обрадовавшись помехе, Хейл приложил его к уху.

Слушая его, он смотрел на джунгли — там как-то странно раскачивались вершины деревьев.

— Возьми бинокль, — сказал он Сэму. — Машина напоролась на паутину Сирены. На это стоит посмотреть. Вон там, где просека.

Оптика вплотную придвинула джунгли. Дробилка, прорубив широкие просеки, разделила остров на четыре части. Джунгли стояли плотными клиньями, бриллиантово блестя росой и защищаясь брызгами ядовитого сока. Громадный тяжелый механизм с хрустом и скрежетом, слышным и на вершине холма, вгрызался в ближайший клин, сминая мощные деревья, как соломинки.

Бронированная машина, методично пожирающая джунгли, с виду мало чем отличалась от чудовищных ящеров, населявших Венеру. Но это чудище, изготовленное человеком, явилось сюда, чтобы уничтожить их, и двигалось оно не менее быстро и хищно, круша все на своем пути.

Джунгли пытались сопротивляться. Они набрасывали на дробилку толстенные петли лиан, царапали броню шипами, похожими, скорее, на громадные клешни. Но ядовитый сок, чернея, стекал с герметичного корпуса, клешни ломались, лианы рвались и, слабо извиваясь, падали под мясорубку гусениц.

До Сэма доносились отдаленный гул и грохот дробилки, треск гибнущих деревьев и едва слышные возбужденные голоса людей.

Радужное сияние возникло вдруг перед тупой мордой машины. Сэма качнуло. Ему показалось, будто все его чувства и органы внезапно отключились. Пропали звуки. Он перестал ощущать бинокль. Исчезли даже неприятные запахи венерианской атмосферы, которые Сэм переносил с трудом. Осталось одно пятно, переливающееся всеми цветами радуги. Цвета гипнотически вспыхивали и гасли, меняя расцветку пятна на все более изысканную.

Оцепенение наваливалось все сильнее. Цвета сливались в один, которому нет названия. В танце извивались бледные ленты, их движения завораживали и притягивали, притягивали... Почти физическое наслаждение чувствовалось при этом.

Сэм отшвырнул бинокль. Его била крупная дрожь. Он вопросительно взглянул на Хейла. Тот восхищенно смотрел на него.

— Не знал, что бывают люди, так легко справляющиеся с зовом Сирены. Ты крепкий парень, Сэм. Ты разочаруешь любого гипнотизера.

— Ага, — мрачно ответил Сэм. — Я понял. А что это за образина?

— Сухопутный вариант Мантии Счастья. Помнишь? Морское животное. Вступает в нейроконтакт с жертвой, заживо пожирает ее, а жертва при этом испытывает райское наслаждение. Сирена использует тот же метод. Взгляни еще раз. Второй раз будет легче.

Сэм тщательно подстроил объективы и существо оказалось много ближе. Игра цветов снова заворожила его и он никак не мог рассмотреть эту паутину в деталях.

Он напряг волю. Представил себе, что смотрит на Сирену как бы со стороны. Он увидел людей, стоящих за дробилкой. Паутина была не менее десяти футов в диаметре. Она казалась очень старой, если только в хищном лесу вообще можно быть старым. Прикрепленная к ветвям толстенными нитями, паутина протянулась между двумя деревьями, а в центре ее вибрировало туловище, оно-то и испускало цветные волны.

До Сэма донесся слабый звенящий звук. Каждое движение паутины сопровождалось звоном, несколько запаздывающим из-за расстояния. Звон не был музыкальным, но заключал в себе странную ритмику и тон, которые действовали на подкорку, парализуя волю и заставляя идти к смерти.

Сейчас она уламывала дробилку. Сирена очень старалась зачаровать тупую машину. Вспыхивая все ярче, все красочнее, она пыталась проникнуть в проволочные нервы железного чудища, парализовать его маленький электронный мозг.

Казалось, еще немного и машина не устоит. Она медленно, словно под гипнозом шла на сеть. Если вдруг случится невозможное, и гигант в империумной броне не устоит, то погибнут и люди, идущие за ним. Сэм не понимал, почему эти люди не обгоняют машину и не бросаются в объятия сирены. Даже на таком расстоянии его мозг работал с перебоями — его чаровали цветовые переливы.

«Что-то такое было на Земле, — смутно вспомнил он. — Гомер рассказывал это о Древней Греции».

Сирена вдруг вспыхнула еще сильнее и красочнее и закричала, словно в экстазе, когда нос дробилки ткнулся в паутину. Существо прыгнуло на тупую империумную морду, опутывая своей сетью корпус механического гиганта. Дробилка, казалось, задрожала в экстазе. Заметно дрогнули броневые плиты. Возможно, какой-то парализующий гипнотический импульс все же проник в ее металлическую нервную систему.

Железное чудище по-прежнему перло вперед. Натягиваясь, нити паутины становились все тоньше. Цвет их менялся, бледнел. Сирена издавала звуки, больше похожие на вопли, их уши уже не выдерживали. Не отрываясь, Сэм смотрел и чувствовал, как от невыносимых звуковых колебаний дрожат его нервы.

Послышался треск лопающихся нитей. В последней попытке уничтожить врага, паутина конвульсивно сжалась. Муаровые цветные разводы стремительно пробежали по корпусу машины. Издав последний пронзительный вопль, Сирена судорожно сжала покатое рыло дробилки, затем обмякла и вместе с вялыми нитями паутины скатилась с брони. Тут же безжалостные широкие гусеницы, смяли ее, разорвали и через секунду оставили позади дергающийся в конвульсиях серый губчатый комок, который только что был очаровательной Сиреной.

Облегченно вздохнув, Сэм опустил бинокль. Он весь дрожал и чтобы придти в себя, ему пришлось некоторое время помолчать. Потом, стараясь ступать ровно, он подошел к походному столику, положил бинокль, и повернулся к Хейлу. Тот с любопытством смотрел на Сэма. Что ж, он еще раз доказал, что для гипнотизера он неподходящий объект.

— Итак, мы говорили о Харкерах, — сказал Сэм, как ни в чем не бывало. — Когда вы сможете начать?

Хейл нахмурился.

— Не проси. Не могу.

Теперь нахмурился Сэм.

— Поймите, это очень важно. Только вы можете справиться с этим делом.

— Единственное, с чем я обязан справляться, так это с делами здесь, на острове. Поверхность я знаю лучше всех. А вот ты как раз и предназначен для подобных дел. Мы тебя для этого и наняли.

Лучше не скажешь. Хейл решительно отстранялся от ответственности за участие в обмане. Вот только плодами его пользоваться он не отказывался, впрочем, как и вла-

стью над людьми. Что тут поделаешь? До сих пор Сэм именно себя считал движущей силой колонизации, а Хейлу отводил роль не более чем марионетки, которую он дергал за ниточки.

«Не поменялись ли мы ролями?» — эта неприятная мысль впервые кольнула Сэма.

— Пусть так, — медленно произнес Сэм — Я сделаю это. Но если вдруг появятся неприятности, не удивляйтесь.

— Не буду, — спокойно пообещал Хейл.

Былая одержимость молотом ударила в мозг. Перебарывая ее, Сэм стиснул зубы. Теперь он знал, кто его истинный враг. Это еще не объявление войны, но ждать осталось недолго.

Холодный и чистый хрустальный свет заполнял комнату, построенную бессмертными для бессмертных и предназначенную для размышлений. Движущиеся картины на стенах были лишь частью спокойного интерьера, где все предметы были строго функциональны, но не утилитарны и плавно переходили из одного в другой. Взгляд ни на чем не задерживался больше, чем на пару секунд.

Яркий свет невидимых ламп заливал эти стерильные покои. Захария и Кедра сидели за длинным столом. Тонкими длинными пальцами с позолоченными ногтями Кедра перелистывала бумаги.

— Надо, чтобы с Ридом встретилась именно ты, — сказал Захария.

Кедра передернула плечами.

— На поверхности?! Ни за что!

— Тебе с ним легче будет договориться.

— А для чего это вообще надо?

Захария кивнул на бумаги.

— Он далеко не дурак. Все наши трюки ему знакомы. Необходимо разработать два плана: один настоящий, другой отвлекающий.

— Я еще ничего не говорила про свой.

— Это не важно. Смысл в том, что сейчас Сэм Рид нам нужен. Но потом он будет нам мешать.

Кедра промолчала.

Захария осторожно взял ее руку, легонько провел пальцем по золоту ее ногтей.

— Мы обязаны точно рассчитать этот момент. И он

должен наступить до того, как Сэм надежно укрепит свои позиции. Сейчас он еще уязвим, но мы не можем его тронуть, не сорвав колонизацию.

— Хейл был прав, когда сказал, что мы слишком долго ждали, — тихо сказала Кедра.

— Может быть... но одна ошибка еще не поражение. Мы хорошо знаем, кто здесь игрок, а кто пешка. Сэм возомнил себя игроком, Пусть себе тешится... Пока...

— Что пока?

На стене, будто живое, ветвилось хрустальное растение. Захария молча смотрел на него. Появился бутон, распустился в цветок, и только тогда он сказал:

— Точное время определить невозможно. Сегодня он служит колонии. Но мину, что взорвется много позже и в нужный момент, нужно закладывать сейчас.

— Это совпадает с моим планом, — согласилась Кедра. — Лучшее оружие, которое может применить бессмертный против бессмертного — мина замедленного действия. И я, кажется, знаю, что она из себя представляет.

— Что же?

— Нечто такое, что должно быть всегда рядом с ним на протяжении многих лет. И всегда угрожать взрывом. А Сэм должен желать, чтобы эта мина всегда была рядом. Она будет казаться ему необходимой и безвредной, не вызовет никаких подозрений. Даже если он проследит за ее созданием, она должна пройти все проверки, которым подвергнет ее Сэм.

— Созданием? — усмехнулся Захария.

— Рождением.

— Ясно. Живая мина замедленного действия. Типичное оружие бессмертных против бессмертных. Есть проблемы?

— Необходима твоя помощь. Конструировать мину придется с генов еще до рождения. Но аккуратно, не оставляя следов. Гм... начнем с дедукции. Индукцию оставим на потом. Здесь краткое резюме о Сэме.

— Источники информации?

— Не общественные. Наши, семейные. Сэм и не подозревает, как много мы о нем знаем.

— Но через пять... или пятьдесят лет он изменится.

— Основные элементы психики не меняются. Это самая надежная база для экстраполяции. Пока ясно одно: наша мина будет голубоглазенькой. Он буквально помешан на голубом цвете.

Захария рассмеялся.

Кедре смех Захарии явно не понравился. Резко протянув руку, она взяла какую-то фотографию.

— С чего ты это взяла, Кедра? — продолжая смеяться, спросил Захария. — Откуда бы тебе это знать?

— Я достаточно изучила психику Сэма Рида, — холодно ответила она. — Я составила описание человека, который может оказаться рядом с Сэмом, допустим, лет через восемнадцать. Расчеты мои исходят из успеха колонизации, чему мы должны всячески способствовать. И все эти годы мы будем готовить мину, такую, чтобы ее таланты были просто необходимы ему. А также внешность и физические данные. У меня записано, какие типы лиц, внешности и голосов предпочитает наш подопечный. Вот изображение людей, нужных нам сейчас, — Кедра выбрала еще одну фотографию. — Я нашла подходящих мужчину и женщину, проверила их наследственность и все остальное. Нетрудно предсказать, каким будет их ребенок, особенно, если мы организуем условия, в которых он будет развиваться. Неявно, само собой.

Захария взял фотографии юноши и девушки.

— Они знакомы?

— Познакомим. Парень пока болеет. Хотел завербоваться в колонию, вот и пришлось заразить. Попозже мы устроим им встречу, но так, чтобы никто не заподозрил наше участие.

Захария наклонился к столику, с интересом разглядывая таблицы и диаграммы.

— Кто он? Так... Устроим ему что-нибудь поинтереснее. О колонии он должен забыть. Ладно, встречу и брак мы организовать сможем. А где гарантия, что ребенок...

— Ты спрашиваешь женщину? Мне известен период ее овуляции.

— А вдруг будет не мальчик, а девочка?

— Прекрасно. Женщина будет для него еще привлекательнее, — ответила Кедра, но тут же нахмурилась и замолкла. Потом нервно отбросила фотографию девушки.

— Независимо от пола ребенка, — резко продолжила она, — он с самого рождения будет подвергаться психодинамической обработке. Тайно. После каждого сеанса память о нем будет стираться. Таким образом, к восемнадцати годам мы закрепим в подсознании ребенка приказы, которые он будет беспрекословно выполнять.

— Убивать?

— Не обязательно, — пожала плечами Кедра. — Но даже под гипнозом человек не может сделать то, что никогда не будет делать сознательно. Ребенка надо подготовить так, чтобы в отношении Сэма у него никогда не возникло угрызений совести. Постгипнотический эффект должен быть внезапным и сильным, пока в действие не вступили защитные механизмы психики. Нечто вроде спускового крючка, на который можно будет нажать в нужный момент.

Захария задумчиво покивал.

— Все бы хорошо... Но ты уверена, что мы не переоцениваем этого... Слишком уж сложно.

— Я знаю Сэма Рида. Вспомни его прошлое. Когда формировалась его личность, он считал себя короткоживущим. Жизнь привила ему мощный инстинкт самосохранения. Он всегда настороже, как дикий зверь. Кто спорит, если бы мы захотели, то смогли бы убить его хоть сейчас. Но именно сейчас и на какое-то время еще он нужен не только нам, но и всей цивилизации. Вот позже...

Хрустальный цветок распустился вновь. После паузы Захария сказал:

— Что ж, все правильно. Если бы мы всегда помнили, как непрочно положение диктаторов, то, наверное, лучше бы правили Куполами. Уверен, что Сэм захочет стать диктатором. Ему это понадобится, чтобы выжить.

— Уже сейчас трудно подобраться к нему. А лет через десять... или пятьдесят он станет совершенно неуязвим. Он боец. Он привык сражаться со всеми. С Венерой, с нами, со всеми разом. Он уйдет из Плимута. Колония слишком досягаема. Даже трудно представить, какие средства защиты позволят ему создать наши технологии. Он сможет достаточно надежно изолироваться от нас. Все эти защитные экраны, психологические барьеры, да мало ли что еще. Да, нам нужна эта мина, которой бы он всецело доверял. Тогда он не сможет спрятаться от нас.

— Мне начинает нравиться твоя идея, — сказал Захария. — Ему и в голову не придет, что наше оружие — пистолет в руках мальчишки... или девчонки.

— Может понадобиться много лет. Допустим что поначалу нас постигнет неудача, может быть, и во второй раз. План придется менять не один раз. Но мы будем упорны. И начнем прямо сейчас.

— Так ты пойдешь к нему на поверхность?

— Нет, — покачала она головой. — Почему ты настаиваешь?

— Он ждет нашего хода. Необходимо его отвлечь. Занять его голову другим, чтобы он не заметил наш основной план.

— Почему бы тебе не съездить самому?

Захария улыбнулся.

— Личные причины. Кроме того, мне интересна твоя реакция на его бессмертие. Это что-то изменило в твоем отношении к нему?

Молния сверкнула из-под золотых ресниц.

— Так вот что тебя волнует! Ладно, я поеду. Но не пришлось бы тебе пожалеть.

Человеческий труд делал свое дело. На расчищенной части Шестого острова вскоре понемногу поднималось административное здание. Где-то еще грохотала дробилка, сокрушая обреченные джунгли, но здесь ярость разрушения сменилась созидательным трудом. Хейл внимательно наблюдал за топографами, деловито размечающими место будущего строительства. Еще четыре акра земли были распаханы. В старике, работающем неподалеку, Хейл узнал Логиста и подошел к нему. Когда Бен Кроувелл выпрямился, его морщинистое лицо показалось Хейлу задумчивым.

— Привет, — сказал он, растирая огрубевшими пальцами комок земли. — Добрая почва.

— Почему вы на Шестом острове? Здесь еще опасно, — сказал Хейл и улыбнулся. — Извините, я забыл, что вам бессмысленно советовать.

Улыбнулся и Кроувелл.

— Вот именно, бессмысленно. Я всегда знаю, как далеко можно зайти, — он продолжал рассматривать растертую землю. — Здесь еще много всякой ядовитой пакости, но анаэробные бактерии вскоре уничтожат ее.

— Не сразу. Пока мы лишь нашпиговали почву бактериофагами, — сказал Хейл.

Оглянувшись на топографов, он убедился, что они достаточно далеко и добавил:

— Пока в ней еще слишком много насекомых, причем очень опасных.

— Все равно почва хороша. Невероятно богата. А западнее, — Логист неопределенно махнул рукой, — понадобится известкование — почва слишком кислая. А вот на этом острове можно снять добрый урожай.

К выровненной площадке подошел человек. В руках он

держал огромный инжектор, от которого к бачку на спине тянулся шланг. Длинную телескопическую иглу он воткнул в землю.

— От сорняков? — поинтересовался Кроувелл.

— Ага. Невероятно, но корни уходят футов на десять. Вот, накачиваем ядом. Только так и можно их уничтожить.

— Чем-то в этом роде мы занимались и на Земле. Был похожий сорняк, мы называли его «Подземный человек». По-научному — планцитул. Но там мы их все больше керосином уничтожали. Правда, на Земле они росли не так быстро. Впрочем, это значит, что и культурные растения будут расти быстро. Да мы за двадцать дней сможем такой урожай получить!.. — Одобрительно посмеиваясь, он покивал головой.

— Получим. Если сможем уничтожить сорняки.

— Лучший способ — выдергивать. А еще можно посадить дикую яблоню. Против венерианской растительности она одна способна устоять. Вот увидите, устоит!

— Спасибо! Я верю вам. У вас есть еще идеи? Или вы привыкли держать их при себе?

Логист засмеялся.

— Ну что ты! Кое-что могу предложить. Рано или поздно кто-нибудь все равно догадался бы про дикую яблоню. Будущего это не изменит. Только в большие проблемы я не имею права вмешиваться. Хотя сейчас они могут показаться незначительными.

Логист задумчиво посмотрел в сторону берега. Старая Крепость Дуне утесом возвышалась далеко за заливом, на основном материке. Яркие вспышки сверкали на ее разрушенных стенах. От острова к материку челноками сновали корабли.

— Взялись восстанавливать Крепость? — спросил Кроувелл.

— Это Сэм Рид, — ответил Хейл. — Ему не понравилось, что я начал осваивать острова, предварительно не обсудив с ним. Сейчас он делает то же самое.

Кроувелл на минуту задумался, а потом спросил:

— Что именно он там делает?

— Отстраивает древнюю Крепость. Зря спешит. Мы еще не готовы взяться за материк. Впрочем, пусть себе развлекается. Когда-то Дуне была одной из самых надежных Крепостей. — Хейл задумчиво смотрел в сторону материка, словно что-то вспоминая. — Там всегда был дежурный гарнизон. Свободным отрядам приходилось вести

войну на два фронта. Один — против других Отрядов. Но от этой войны у нас еще бывали передышки. Другой фронт — там бои шли непрерывно — джунгли. Они в любую минуту могли нас смять. Но тогда было, пожалуй, легче. Купола снабжали нас всем необходимым.

— По-твоему, Сэм откусил кусок не по зубам?

— Почему же? Техники и людей у него хватает. Когда он закрепится в Крепости, то сможет начать штурм материка. Но пока он и сам этого не хочет. Крепость, говорит, нужна ему лишь как вспомогательная база. Отстроит ее и двинется мне навстречу, к архипелагу. Неплохая идея, верно? Это может сэкономить много времени и средств.

— Сколько у него людей?

— Пять тысяч. Не так уж много, но у него еще есть небольшой резерв. Мы всегда держим резерв на всякий случай. Против джунглей порой приходится бросать дополнительные силы. Да и для обработки расчищенных площадей людей требуется все больше. Мы объявили новый набор добровольцев.

— Неприятностей еще не было?

Хейл пристально посмотрел на Логиста.

— А вы предвидите неприятности?

— Я не хочу предсказывать, сынок. Пять тысяч человек занимаются тяжелым и опасным трудом только потому, что верят в бессмертие. Но когда они потеряют эту веру, вспыхнет бунт.

— Что вы знаете обо всем этом? В частности, о бессмертии?

Логист промолчал, только улыбнулся.

Хейл посмотрел на берег, где яркие вспышки говорили, что расчистка стен Крепости продолжается.

— Кажется, мы думаем об одном и том же. Но точно не может знать никто, кроме Сэма. Он приводит в пример вас, доказывая возможность добиться бессмертия при облучении на поверхности Венеры. Но вы-то стали бессмертным еще на Земле!

— Наверное. Там хватало радиации.

— То же может ожидать и нас. Вы понимаете, о чем я? Лишь немногие спаслись на Венере. Этого допустить нельзя.

— Люди походят на рака-отшельника. Однажды им становится тесно, и они ищут другую раковину. Или уничтожают друг друга. Эти люди уже переросли Купола. Нет-нет, они еще этого не знают, но когда узнают...

— Вы надолго в колонию? — поинтересовался Хейл.

— Не знаю. А что?

— Как сказать... Вы мне нужны, но не как Логист. Мы оба бессмертные. Из-за одного этого мы слишком далеки от короткоживущих. Сэм еще... но... Короче, на всей Венере у меня нет человека ближе вас.

— Сынок, сынок... Лучшая часть нашей жизни прошла под открытым небом. Недолгая, но лучшая. Мы еще помним небо над головой. И не важно, что у меня это была Земля, а у тебя Венера. Мы оба знаем, что такое надежная почва под ногами. Я знаю, что ты имеешь в виду, знаю, что волнует тебя. И пусть иногда ты поступаешь глупо, но мне рядом с тобой хорошо как дома.

Они помолчали, глядя на рабочих, потом Хейл сказал:

— Сэм предложил вооружиться, но я и сам об этом подумывал.

— Семьи для нас сейчас не опасны.

— Не в них дело. Необходимо установить военную дисциплину со всеми соответствующими атрибутами. Мундиры и тому подобное. Как у Свободных Отрядов.

— Для чего?

— Людям нужно что-то взамен свободы. Да и чисто с практической точки зрения целофлекс здесь не годится, значит, людей нужно одеть во что-то прочное и, желательно, красивое. Лучше мундира не придумаешь. Кроме того, военная дисциплина вырабатывает рефлекс подчинения, и человека легче держать под контролем. Все должно соответствовать: и знаки отличия, и организация отдыха и работы. Военизация вкупе с обещанием бессмертия отдалят взрыв хоть ненадолго. У свободных солдат все было проще. Мы знали, для чего объединялись, и делали это добровольно. И не ради какой-то награды. Нам самим нравилась такая жизнь. А вот эти добровольцы... В общем, я надеюсь, что военизация вызовет психологический подъем. Сильный и достаточно устойчивый. Вот только почему именно Сэм ратует за это? У меня предчувствие, что мне непременно нужно понять его мотивы.

— Поймешь еще, сынок, — рассмеялся Логист. — Поймешь.

Хейл вдруг утратил свою обычную невозмутимость. Он зло пнул какого-то подвернувшегося жука и проследил, как черное, хрупкое тело его прокувыркалось до груды насекомых, приготовленных к сожжению. Эти «букашки», если так можно назвать здоровенных омерзительных тварей, после опрыскивания в великом множестве валялись по всему острову. Они дождем сыпались сверху и, падая, могли запросто оглушить человека.

— Почему вы не хотите сказать? — спросил Хейл. — Что вам стоит помочь мне?

— Ты не прав, сынок. Способность видеть будущее не тождественна способности избегать его. Что-то такое я уже говорил тебе. — Он подтянул пояс, воткнул мотыгу в землю и, продолжая ковырять ее, внимательно рассматривал черные комки плодородной почвы. — Ты позволишь, сынок, прочитать тебе небольшую лекцию о предвидении?

Хейл кивнул. Логист начал:

— Смысл в том, что наблюдаемые события сами по себе еще ни о чем не говорят. Так же, как и большие морские приливы, которые мы замечаем не сразу и не можем устранить их причину, выстроив стену вдоль берега.

На Земле еще в двадцатом веке находились люди, понимающие, что происходит и чем мы можем кончить. Часто эти люди были достаточно уважаемы и известны. Их слушали, с ними соглашались. Но ни причину, ни следствие это не меняло, равно как и образ мышления. Чем кончила Земля, мы знаем.

Помнишь Кассандру? Она предвидела будущее, но ей никто не верил. Дар предвидения исключает наше участие и обрекает нас на роль свидетелей. Представь, сынок, что перед тобой четкое уравнение. Ты его решаешь и получаешь результат. Но добавь в это уравнение себя, и результат изменится. Ведь так? И, что характерно, фактор собственного участия не поддается расчету.

Можно понять, почему оракулы, точнее, наиболее умные из них, говорили загадками. Говорить точно нельзя. Уже это само по себе становилось дополнительным фактором уравнения и меняло прогноз. Вот и приходилось древним мудрецам вещать туманно.

Хочешь пример? Пожалуйста. Перед тобой две возможности: или идти в Купол Невада, где ты заключишь сделку с гарантированной прибылью в миллион кредитов. Или можешь остаться дома, где будешь убит. Ты идешь ко мне и спрашиваешь, что тебе делать? Я вижу все, но помочь отказываюсь, ибо знаю, что, вмешавшись, я изменю ситуацию, где все должно зависеть только от твоих личных качеств.

Но, допустим, я посоветовал тебе ехать в Неваду. Довольный донельзя, ты едешь. Уверенный в моем совете, ты расслабляешься, считая что миллион уже у тебя в кармане. И забываешь, что этот миллион в очень большой степени зависит от твоей активности и напористости. По-

нятно, что ты можешь его потерять. Что бы ты в этом случае подумал о моем прогнозе и обо мне самом?

Предположим другое — ты махнул на все рукой и поехал домой, где тебя убивают. Или не убивают, если ты поверил прогнозу и принял все меры предосторожности. В первом случае все плохо — ты мертв. Во втором — ты жив, но получается, что я солгал. Где же истина?

Вот и приходится мне оставлять все неизменным, не добавляя лишнего фактора — предсказания. Да и что значит предсказывать? Предсказание основывается на законах логики. Интуиции тут совсем немного. Значит, нужна максимально полная информация. В твоем случае я должен знать о тебе все. Но возможно ли это? Более того: я должен знать не только про тебя лично, но и все про всех, с кем ты общаешься в данный момент. Все мельчайшие факторы, влияющие на тебя и твое окружение. Мы, предсказатели, вовсе не колдуны. И если в нашем деле интуиция и играет какую-то роль, то ее сильно преувеличивают.

Вот и приходится нам облачать наши прогнозы в некие загадочные формы. В твоем случае, учитывая то, что я знаю о тебе, я вместо фразы: «Иди в Неваду» мог бы сказать: «У дерева Кефт голубые листья». Сама загадочность фразы насторожила бы тебя и напомнила бы тебе о некоторых событиях твоей жизни. Причем воспоминание было бы естественным и вызвало бы у тебя желание на время покинуть дом. Таким образом я окольным путем, а в этом я довольно искусен, привел бы твое сознание в боевую готовность. Непонятное и неизвестное всегда настораживает и мобилизует. И ты едешь в Неваду в полной готовности бороться за свой миллион.

Поэтому оракулы испокон веков и говорили загадками. Слишком от многих мелочей зависит наше будущее. Я бы объяснил все одной фразой: «Предсказатель своим вмешательством автоматически делает предсказание ошибочным».

Логист сухо улыбнулся Хейлу.

— Кстати, в историческом смысле, где оперируют большими промежутками времени, для всех, возможно, было бы лучше, если бы тебя убили.

Хейл долго молчал. Он смотрел на форт Дуне, на его искрящиеся стены.

— М-да, вы хорошо объяснили. Но знали бы вы, как трудно находиться рядом с истиной и не знать ее.

— Я мог бы написать заранее ответы на все вопросы,

что будут мучить тебя, — сказал Логист. — Легко отыскать нужную страницу и получить ответ. А смысл? Предсказание истинно лишь в определенных пределах. Я не Бог и далеко не всеведущ. Все мои предсказания носят вероятный характер. И что получится, зависит от конкретного человека. В таком расчете слишком много неизвестных факторов. О них я могу судить только по их влиянию на другие факторы, и это в самом лучшем случае. Точнее — догадываться. Что уж тут говорить о точности прогноза... Да и не мое дело вмешиваться. Мое дело — следить за будущим.

Нельзя же было сказать: уничтожьте атомную энергетику, откажитесь от нее и вы спасете себя. Землю погубила не атомная энергия, а образ мышления людей. Как его учесть?

Рассчитать движение планеты по орбите просто, а вот движение пылинки в капризных воздушных течениях почти невозможно. Но попробуем все же проследить ее движение, скажем, рукой. Этим мы изменим воздушный поток, и все расчеты можно начинать сначала. Так же взаимосвязаны мысли и поступки человека и любое вмешательство пусть немного, но неизбежно меняет их, а значит, и будущее.

Ослепительно белые стены Крепости Дуне возвышались над джунглями. С расчищенной площадки в центре укрепленного периметра они казались особенно мощными и высокими. Резким зигзагом они отбрасывали лес, упорно цепляющийся за подножье форта.

Крутые стены высотой в три этажа строго смотрели блестящими глазами окон на враждебный мир. Крепость, напоминая средневековый замок, служила для защиты от нападения с земли и воздуха, от насекомых, от животных и людей, так же как древние замки защищали феодалов от горящих стрел, таранов и опять же людей. Сравнение казалось удачным и потому, что свободные солдаты не использовали авиацию, Крепости противника и друг друга уважали, и слишком мощного оружия не применяли. Впрочем, из-за капризных воздушных течений и частых ураганов любые полеты на Венере были опасны, и авиация применялась только в случаях крайней необходимости.

Жизнь кипела за стенами форта. Вдоль зигзага стен выросли бараки и склады. Госпиталь, лаборатории и квар-

тиры офицеров расположили в наиболее добротных зданиях. Небольшую пристань ограждали мощные, чуть покатые стены с приземистой башней.

Сэм не сразу заметил суматоху на пристани. Бросив работу, загорелые мужчины и женщины сбегались, чтобы поглазеть на бессмертных. Во двор замка, улыбаясь зевакам, а кого-то даже окликая по имени, спокойно вошла Кедра. В Куполах ее наряд назвали бы вызывающим, но здесь, под солнцем Венеры она выглядела просто великолепно. Белоснежный тюрбан, ослепительный в свете дня, эффектно оттенял красоту ее лица, плащ, прямого покроя, белый, как стены форта подчеркивал изящность фигуры. Ослепительно сверкающая, она, казалось, сфокусировала на себе все лучи солнца.

Улыбнувшись, она сказала ровным голосом:

— Здравствуй, Сэм.

Он склонил голову в полупоклоне, которым давно заменил рукопожатие. Теперь он мог себе позволить приветствовать Кедру как равный.

Рассмеявшись, она взяла его ладонь своей тонкой рукой.

— Представляешь, наши, там, внизу надеются, что теперь мы сможем работать вместе! Я... Господи, Сэм, как ты дышишь этим воздухом?

Теперь рассмеялся Сэм. На его свист подбежал молодой человек с блокнотом в руках.

— Ароматический шарик, — потребовал Сэм.

Через минуту Сэм вложил в руку Кедры пластиковый шарик с отверстиями, заполненный свежими лепестками цветов, и теплота ее ладони освободила густой аромат, заглушивший неприятные запахи.

— Быстро привыкнешь, — успокоил он Кедру. — Но за что такая честь? Я сам намеревался навестить тебя, но...

— Но ты слишком занят. — Она сжала его руку. — Как интересно! Я никогда не видела Крепости. Покажи мне все-все. Здорово! Вот только воздух...

— Подожди лет двадцать. Что тебе стоит? Джунгли выделяют слишком много двуокиси углерода. Но все переменится к лучшему, когда мы с ними справимся.

Кедра шла рядом с ним, белый плащ волочился по белой мостовой.

— Сэм, — сказала она. — Теперь мы считаем, что ты был прав. Благодаря тебе колонизация началась вовремя. Мы хотим сотрудничать. Конечно, твои методы отврати-

тельны, но мы согласны, что цель оправдывает средства. Лично я верю тебе.

— Вот как? А сорок лет назад... Кстати, вот и прекрасная возможность поблагодарить тебя за сонный порошок. И за то, что присматривала за мной, пока я... спал, — он не смотрел на Кедру, но краем глаза заметил, как она дернула головой, и это заставило его усомниться в правильности предположения.

— Все было не так, Сэм. Я... пыталась. Но ты исчез. Неужели ты не знаешь, где был все это время? Я могу помочь. Только прикажу своим людям и...

— Как хочешь. Но не думаю, что твои люди лучше моих. А мои ничего не добились.

— Ой, Сэм... Жуть какая-то! Но где-то ведь ты был. Кто-то заботился о тебе. Нельзя же просто исчезнуть на сорок лет. И ты совсем-совсем ничего не знаешь?

— Узнаю со временем. Но не будем об этом. Лучше посмотри на настоящие джунгли. Это совсем не то, что на экране. Что скажешь о них?

По белым ступеням лестницы они поднялись на стену. Придерживаясь за парапет, Сэм смотрел на полосу расчищенной земли, за которой шумела плотная зелень леса. Слышались шорох и хруст от движения тяжелых тел. Чувствовались чужие запахи. Доносились крики неведомых тварей. Джунгли, лишь слегка тронутые деятельностью человека, стояли грозно, наводя жуть своей мощью и загадочностью.

Кедра отвернулась.

— Ну их, эти джунгли! Вот что главное, — она указала рукой на Крепость. — Великолепный, колоссальный труд. И все это вы сделали без нас. Может, снизойдешь, Сэм? Позволишь нам помочь? В работе с людьми у нас огромный опыт.

Сэм усмехнулся.

— Вопрос в том, могу ли я верить вам?

— Так ли уж это важно? И у нас есть причины не доверять тебе. Но, работая вместе, мы будем следить друг за другом. Нам нужна поверхность, а вам необходимы наши ресурсы. Ну как, Сэм?

Молча он смотрел на нее и вспоминал миг, когда брошенный в лицо порошок выбросил его из этого мира. Это она смотрела с экрана, это ее руки отдали приказ. И ее присутствие здесь казалось, самое малое, странным. У него были серьезные причины не верить никому и в особенности бессмертным. Слишком горек был урок, усвоенный Сэмом. Круг замкнулся. Он уже не хотел сотрудничать.

— Нет, Кедра. Наши планы никогда не совпадут.

— Но почему? Это же общее дело!

— Нет. Я всегда действовал в одиночку. Но, главное, я не верю вам, Кедра.

— А жаль! Впрочем, я предвидела это. Почему ты не хочешь понять, что сейчас наши цели совпадают? Пройдет время и ты вспомнишь, что именно ты оттолкнул нашу руку, — в голосе Кедры звучало предостережение. — Не исключено, что к тому времени у тебя будут крупные неприятности.

Сэм неопределенно хмыкнул. Он не мог знать, что именно этот момент стал первым шагом к его интеллектуальной и общественной самоизоляции, и что именно сейчас началось его падение.

— Вот и прошли пять лет, на которые я рассчитывал, — сказал Бен Кроувелл.

— Мы рассчитывали, хотели вы сказать? — спросил командир взвода Френч, идущий рядом.

По своей обычной манере, Кроувелл не стал отвечать, только пожал плечами. Они шли по стене. Тьма с обоих сторон скрывала прямоугольники зданий на расчищенной земле, которую без смертельного риска можно было обойти за три дня. Для освоения полосы длиной в семьдесят пять миль потребовалось пять лет.

В свете прожекторов виднелись проволочные сетки от насекомых и узкая полоса земли у стены. Дальше все окутывала непроницаемая мгла. Изменилась и Крепость. Значительно выросшая, она смотрелась чудовищным ощетинившимся зверем. Если бы она вдруг ожила, то из-за огромности своей не смогла бы сдвинуться с места.

Земля Венеры... печальный лексический парадокс земного наследия. Новый мир, старые названия... старые нравы...

Они свернули к пандусу и пошли мимо длинных стволов мощных пушек. Френч показал на них.

— Смотрите.

— Для чего они?

— Узнаете.

На дворе, залитом ярким светом прожекторов, работы шли круглые сутки. Не скрываясь, Кроувелл и Френч протолкались сквозь деловую суету, и никто не остановил их. Может, потому, что естественное поведение — лучшая маскировка. Они вошли в капонир.

Комната, обычно служившая кладовой, на этот раз ис-

пользовалась для другой цели. В ней собрались представители всех колоний, всего около пятидесяти человек. Люди продолжали входить, тихо произнося пароль.

Френч подошел к какому-то человеку и сказал:

— Привет, Курт. Со мной Бен Кроувелл. Я за него ручаюсь. Кроувелл, пройдите сюда. Слушайте внимательно.

Сам он вышел в центр комнаты и приветственно поднял руку.

— Все собрались? Закройте дверь. Охрана — по местам.

Кто-то сказал:

— Если можно, давайте быстрее. Некоторым скоро на дежурство.

— Да, я быстро. Прошу внимания. У нас десяток новеньких? Поднимите руки.

Кроувелл тоже поднял руку.

— Опустите, — сказал Френч. — Сообщу кое-что специально для вас. Вы предупреждены и знаете, что неосторожные разговоры за этими стенами вести не дозволено. — Френч помолчал, собираясь с мыслями, затем продолжил: — Верит ли кто-нибудь из вас в сказку о бессмертии?

— Но, командир, нет и обратных доказательств.

— Я здесь пять лет, — сказал Френч. — Мне было двадцать, и тогда только-только расчистили Пятый. Нам говорили, что облучение должно продолжаться шесть-семь лет. Вы помните, какие мы все строили грандиозные планы на наше бессмертие.

— Но прошло всего пять.

— Неужели надо ждать сто лет, чтобы убедиться в обмане? Мы стареем, это могут подтвердить врачи, сделав простейший анализ количества кальция в кровеносных сосудах. Я стал на пять лет старше с тех пор, как завербовался. Не сомневайтесь, то же произошло и с вами. Рид обманул нас. Вместо того, чтобы приятно провести эти пять лет в Куполах, мы как проклятые вкалывали здесь!

— А мне здесь нравится, — спокойно сказал Кроувелл, набивая трубку.

— При других обстоятельствах, возможно, понравилось бы и мне. Но мы вкалываем до седьмого пота, да еще и жизнями рискуем. И все это ради чего? Ради амбиций Сэма Рида и Робина Хейла? Но они бессмертные! Рид, если и нашел источник вечной молодости, то только для себя. С нами он делиться не станет. А мы? Что же, так

и будем неизвестно для чего работать и работать... И так до самой смерти? И дети наши и внуки? А Сэм Рид будет командовать, покуда мы не переделаем для него всю работу? Вам нравится? Нет? И мне нет!

Новый голос произнес:

— Ты прав. Я с тобой. Но для чего Рид так укрепил и вооружил Крепость?

— Он нам о своих планах не докладывает. Но торопится он здорово. И к чему здесь такая дисциплина? Понятно, что Крепость нам пригодится. Но почему все делается тайно? Зачем все эти чересчур мощные пушки, электробластеры, огнеметы? Да еще в строжайшей секретности? От кого? От джунглей?

— Но ведь джунгли и вправду...

— Они в семидесяти пяти милях отсюда! — горячился Френч. — И к чему такая мощь? А секретность? Календ! Объясни ты им.

Встал коренастый человек в аккуратном синем мундире.

— Это оружие против людей. Им можно уничтожать танки, самолеты. Оно способно поразить цель на расстоянии до пятисот миль. Оснащено оно радарами, дальномерами, приборами ночного обнаружения цели. В настоящее время разрабатывается проект серийного производства боевых самолетов. Сами понимаете, что это оружие не против ящеров и насекомых.

— Конечно! Чего ждет этот Рид? Атаки из Куполов? Зачем им это? Им и без нас хорошо, а мы тут загибаемся!

Поднялся возмущенный гул. Здесь не любили жителей Куполов. Но это возмущение было несколько другим, что-то новое зарождалось на Венере. Такого Сэм Рид ожидать не мог. Эти люди уже не были жителями Куполов. В этой грязной темной комнате собрались люди нового типа. Именно им принадлежало будущее.

Бен Кроувелл поудобнее облокотился на ящик. Он с интересом прислушивался к возбужденному гвалту подпольщиков.

— ...да этот Рид все время что-то планирует...

— А почему бы другим из Куполов не повкалывать?..

— ...сколько можно ждать?..

— ...а может, подождем еще?..

Френч потребовал тишины.

— Есть варианты, но они требуют расчета. Что, если мы убьем Сэма Рида?..

— Как? Сказать-то легко...

— Что он сможет против всех? Недовольны ведь все. А если мы убьем Рида и Хейла, то станем здесь хозяевами мы. У нас мощнейшая Крепость. А на Венере нет силы, способной ее уничтожить.

— А разве Сэм и Хейл дураки? А если они узнают...

— Каждый из нас пройдет детектор лжи. Изменник не пройдет!

— Все-таки я прожил тысячу лет, — сказал Логист Хейлу. — Что мне стоит одурачить детектор лжи?

Повернувшись к нему от закрытого фильтром окна, Хейл холодно сказал:

— Мои агенты доложили, что вы были на сходке.

— Они узнали меня?

— Вас уже не было. Но остался дым от вашей трубки. По запаху агент и определил ваш табак. Только вы курите этот сорт. Я не так уж плохо знаю, что творится вокруг.

— И что же?

— Падает дисциплина. Люди разбалтываются. Небрежно отдают честь. Пряжки не чистят. В Свободных Солдатах я научился дисциплине. И я знаю, с чего начинается упадок. В банде Мендеса тоже началось с таких вот мелочей, а потом солдаты убили его. Эти же признаки я заметил здесь еще несколько месяцев назад. Тогда и запустил своих агентов. Я давно ждал этого, и вот оно. Началось...

— Что?

— Бунт. Мятеж. Называйте, как хотите. Я знаю предводителей, но пока еще не всех.

— А что Сэм Рид?

— Я говорил с ним об этом. Он еще не понял, насколько серьезна ситуации. Свою личную безопасность он еще не отделяет от безопасности колонии. Вы можете мне рассказать, что происходит? Разумеется, я могу разузнать все по своим каналам, но мне бы хотелось услышать от вас.

— Да, губернатор, вы можете узнать и сами, — сказал Кроувелл, — но я не против побеседовать с вами. Я знал, что вы пригласите меня. Сам навязываться я не хотел, чтобы не исказить логику событий. Бог знает почему, но я сам себе кажусь недовольным. Впрочем, я знаю... А вы? — он посмотрел на Хейла сквозь дым трубки.

Хейл пожал плечами.

— Понятия не... Или все-таки знаю?

Он подошел к окну. Взглянул во двор. За пять лет дисциплина в колонии Плимут стала железной. Но то что казалось необходимым в начале штурма побережья, по мере освоения поверхности начинало выглядеть жестоким и бессмысленным.

— Я понимаю Сэма, — сказал Хейл, глядя в окно. — Его время кончается. Теряется вера в бессмертие, люди начинают задавать вопросы. Все больше нарушается равновесие, о котором вы когда-то говорили. Сэм догадывается об этом, но вряд ли понимает, что именно нарушило его. А причина лишь в людях, которые узнали вкус независимости. По сути, блеф с бессмертием только предлог. Они поняли, для чего они живут, и почувствовали свою силу. Я не удивляюсь, что они приняли вас за своего. Вы тоже жили в мире, где человек привык рассчитывать на свои силы. Жил в этом мире и я. Скорее всего, это наложило на нас свой отпечаток.

— Все может быть, — улыбнулся Кроувелл. — В Куполах люди привыкли всю ответственность перекладывать на лидеров, а здесь им приходится думать самим, иначе просто не выжить. Сынок, возвращается старое доброе время пионеров. И я рад. Но поначалу у нас будут проблемы.

— Кстати о проблемах. Необходимы решительные меры...

— Прямо сейчас? — Логист проницательно посмотрел на свободного солдата.

— Да нет... — ответил Хейл и заметил, как по лицу Логиста скользнула едва заметная довольная улыбка. — Любопытно будет посмотреть, насколько далеко они могут зайти. Кроме того, как бы это сказать?.. Мне кажется, что в этих смутах есть нечто такое, что должно сохраняться. Пионерский дух, что ли. Нельзя его уничтожать. Понимаю, что бунт не лучший способ решения проблем, но для цивилизации в целом, это, скорее, хороший признак.

— Вы позволите им победить?

— Конечно, нет. Они еще не понимают, что Сэм и я нужны им. Сейчас они просто все погубят и вернутся в Купола догнивать. Мы на переломе самой идеи колонизации. Сейчас решится все. И рано еще отказываться от Сэма. У него есть какой-то план, о котором я могу только догадываться. Но я знаю — он победит. Он будет драться всерьез и жестоко и может навсегда растоптать дух независимости. Наша задача — смягчить его реакцию на мя-

теж. Или... Кроувелл, бесполезно спрашивать у вас совета, не так ли? Нам надо крепко подумать.

Долго, невыносимо долго Кроувелл смотрел на свою погасшую трубку. Он трогал заскорузлыми пальцами застывший до окаменелости пепел, вертел трубку и так и сяк. Наконец он вздохнул и сказал:

— Мальчик мой, ты на правильном пути и тебе не нужен мой совет. В естественный процесс можно вмешиваться, но только очень осторожно. Здесь люди вновь открыли небо. Там, в Куполах, нет ни ночи, ни дня, ни смены сезонов. А здесь они видят, как идет дождь, чувствуют, что могут опоздать, особенно после того, как потеряли надежду на бессмертие. Они словно проснулись, поняли вдруг, что живут. Они превратились в стихийную силу и не надо им мешать. Они сами найдут где применить ее... Думаешь, Сэм сможет позаботиться о себе?

— Я не буду ему в этом мешать. Так вы присмотрите за заговорщиками?

— Да. Но они еще не скоро перейдут к активным действиям. Пока им вполне достаточно болтовни.

— Вот и хорошо. Я тоже не буду спешить. Пока... Предоставлю это Сэму.

Сэм не заставил долго себя ждать.

С методичностью опытного игрока он просчитал каждый свой ход, до мелочей продумал все свои действия. Великолепно задуманный гамбит казался абсолютно неотразимым. Шахматная доска, образованная по словам поэта сменой дня и ночи, была готова к бою, быстрому и жестокому. Но кто противник?.. Кто он, невидимый и коварный? Харкер? Венера? Или второе «я» самого Сэма? Кто он?

Но это уже не имело особого значения. Час пробил! Кто бы он ни был, все было готово к его разгрому.

В огромной, неприступной с виду башне, в своем кабинете сидел Сэм. Это была его личная башня и его личный кабинет. В большую часть помещений мог зайти только он сам. Там хранились его главные тайны. Кабинет, чьи зарешеченные окна выходили на архипелаг, покрытый куполами небольших поселков, открывался лишь для немногих приглашенных.

Он с нарочитой внимательностью, чтобы случайно не

встретиться со взглядом Хейла, рассматривал небольшой террариум, где жила Сирена. Опасное существо чарующе переливалось от нежно-розового до темно-красного. Из изысканно выделанной серебряной шкатулочки Сэм извлек насекомое и метко бросил его Сирене. Слабый аромат, сопровождаемый треском электрического разряда, разнесся в воздухе.

— Прекрати! — потребовал Хейл. — Мне еще в джунглях до тошноты надоел этот запах. Где Кроувелл?

Сэм отвел взгляд от террариума.

— Для меня он был одним из мятежников, арестованных вместе с ним. Я же не знал, что он работает на вас.

— Почему ты выбрал момент, когда я выехал из Крепости? Почему не предупредил меня?

— События развивались стремительно. Мне некогда было ждать вас. Да и судя по всему, о заговоре я знаю больше вас. Кстати, этот ваш Кроувелл плохой шпион.

— Я требую немедленно освободить его.

— Пожалуйста, — пожал плечами Сэм. — Но как шпион он станет бесполезен.

— Неважно.

— И зачем вы так спешили сюда? Связь-то для чего?

— Чтобы исключить ошибки. Мало ли... нечеткий приказ, нервный охранник, попытка к бегству...

— Что-то вы уж слишком о нем заботитесь. Даже странно. На что вам этот Кроувелл?

Хейл замялся.

— Он... э-э... я верю ему.

— Даже так? А если бы он оказался у вас за спиной с пистолетом в руках?

Кивком головы Хейл показал, что это ему безразлично.

— М-да, хотел бы я так кому-то верить, — сухо прокомментировал Сэм. — Но пока такого человека нет. Ладно, освободим.

— Суд сегодня?

— Да. Торопит одна неприятная неожиданность: бунтовщики оказались великолепно вооружены. Мы не ожидали такого. Кто, кроме Куполов, может снабдить их на таком уровне? Я просто еще не успел рассказать вам об этом. Но пойдемте со мной. Судебное заседание будет транслироваться и для Куполов. Послушайте и вы.

Он чуть задержался, чтобы скормить радужной твари еще одно насекомое. Хейл с любопытством спросил:

— Зачем она тебе?

— Приятно. Все-таки трофей.

— Ты собираешься держать ее у себя? И как долго? Она довольно быстро растет.

— Вот и хорошо.

— Взрослая Сирена смертельно опасна.

Довольный Сэм мечтательно улыбнулся.

— Представьте ее на этой стене, — сказал он, — двадцати футов в диаметре.

— Ага. А ты, вот так же улыбаясь, идешь в ее объятия.

— Ну уж, нет! Я слишком силен для нее. Забыли? Естественно, я буду осторожен. Тут и звуковой фильтр для ее песенок, регулируемый, конечно. Поляризованное стекло и воздушные фильтры, чтобы приглушить ее краски и ароматы. Однако нам пора.

Когда они вышли из кабинета, Хейл спросил:

— Сколько мятежников вы схватили?

— Около семидесяти. Кто-то из них еще поработает... в соответствующих местах. Но другие слишком опасны... — Сэм вдруг замолчал. Что-то он разоткровенничался. Стоит попридержать язычок.

Они освободили Кроувелла, после чего направились в помещение суда. Матово поблескивали ряды видеоэкранов, всюду стояли охранники. В огороженной части зала без наручников стояло более семидесяти арестованных.

Заговорил Сэм. Обращаясь не только к арестованным, но и ко всем Куполам и колониям, он начал с описания деятельности мятежников. Затем проникновенно рассказал, как честные колонисты упорным трудом завоевывают новые земли на благо цивилизации. С дрожью в голосе пояснил, почему у него начали появляться некоторые подозрения, подтвердившиеся, наконец, разоблачением подлой деятельности этих отщепенцев, которые хотели, но не смогли помешать многовековой мечте людей Венеры — жить на континенте.

Он арестовал подлецов. Но расследование обнаружило огромные запасы современного оружия и техники, похищенных со складов.

— Зачем оно им? — риторически закончил вступление Сэм.

Телеобъективы уставились на подсудимых.

— Мы лишь обрезали мятежу когти. То есть, вас, — продолжил Сэм. — Вы всего лишь исполнители. Но кто-то стоит за вами. Кого вы скрываете? Кто возглавлял вас?

Никто не ответил ему.

— Для приговора вам уже достаточно похищенного оружия. Но мы арестовали не всех, а ваш главарь куда-то трусливо спрятался. Но мы найдем его и тех заговорщиков, что еще на свободе. Они не избегнут суда. Сейчас они представляют страшную опасность, и не только для колоний, но и для Куполов! Если они захватят власть...

Недосказанная угроза повисла над людьми Венеры.

— Но мы найдем их! Непременно найдем! Я прошу содействия Куполов. А вы, да-да, все вы, обвиняетесь в измене. Вы подло хотели свергнуть законную власть и установить террор, сначала в колониях, а затем и в Куполах.

В динамиках резко прозвучал голос одного из заключенных:

— Я главарь! Мы все тут главари! Но вы ответьте, где обещанное бессмертие?

Сэм презрительно бросил:

— Не считайте меня глупее вас, бывший взводный командир Френч. Бессмертие не для вас и не для прочих предателей. Я уже много месяцев знаю о заговоре, знаю и самих заговорщиков. С того времени я посылал вас и всех остальных заговорщиков только на такие работы, где вы не подвергались облучению. Таким образом, вы не получили дозу, нужную для бессмертия, — лицо Сэма окаменело. — Нам, губернатору Хейлу и мне, оставалось только подождать, чтобы выявить организаторов заговора. Но события опередили нас, и мы были вынуждены действовать. Руководителей ваших мы все равно найдем и обезвредим, а вот вы, предатели, получите заслуженное наказание. Я всех вас приговариваю к смерти!

Снова никто не ответил ему. Молчание казалось физически ощутимым, ибо колонисты, давно ушедшие из Куполов, уже научились остро чувствовать ход времени.

Сэм продолжал:

— Вас под охраной отвезут в любой из подводных городов, который вы выберете. Вы лишаетесь возможности стать бессмертными. Навсегда! Вы недостойны вечной жизни! Вы могли прожить тысячу лет, но поведением своим сами приговорили себя к смерти. Вам не причинят никакого вреда. Вас просто отвезут в Купола и оставят там, где вы умрете через положенные вам тридцать или сорок лет. Я приговариваю вас к смерти от старости. Прощайте. Вы не нужны нам. Суд окончен.

«Всем Куполам. С этого момента прекратить помощь кориумом колонии Плимут. Контроль над поверхностью взяло на себя правительство Венеры. Кориум вы обязаны отдавать ему. Правительство найдет, чем подкрепить свои требования».

«Колонии Плимут. Уберите самолеты, или вы лишитесь их...»

Источник передачи перемещался и локаторы не могли определить его местонахождение. Сигналы шли со стороны моря, скорее всего, с корабля или самолета.

Сэм ответил кратко: «Сдавайтесь!»

«...чем подкрепить свои требования...»

На экранах всех Куполов и колоний появилось лицо Сэма.

— Заверяю вас, у колонии Плимут достаточно прочная оборона. Мятежники выступили открыто и этим погубили себя. Мы принимаем все меры предосторожности. Неопознанный самолет был обстрелян и, поврежденный, ушел на юг. Моря над куполами патрулируются боевыми кораблями. Небо охраняют наши самолеты. Мы находимся в состоянии полной боевой готовности. Мятежники уже проиграли войну. А теперь извините, я должен вернуться к своим обязанностям. Вас будет информировать дежурный офицер. Ждите наших репортажей.

Уже много месяцев Сэм сидел в своей башне один. Здесь был его командный пункт и он, не доверяя никому, пытался держать все управление в своих руках. Задача была не из легких.

«Плимут. Если не уберете самолеты, ждите ядерного удара».

В сознании людей Венеры возник знакомый всем образ: черный шар сожженной Земли. Неужели этот кошмар повторится на Венере?

На экранах пульта кружились джунгли: самолеты Сэма барражировали в поисках убийц, присвоивших себе полномочия правителвства Венеры.

«Ультиматум. Если вы не капитулируете в течение сорока восьми часов, то по истечении этого срока один из Куполов будет уничтожен».

Атомная бомба!

Сорок восемь часов?

И повторится ужас, постигший человечество семьсот лет назад?

Купола отчетливо почувствовали пульс истекающего времени.

Два самолета было уничтожено на подходе к колонии Плимут. Взрыва не последовало, но угроза ядерной бомбардировки оставалась.

«Эвакуировать всех людей, занятых расширением колонии», — приказал Сэм.

На экранах его усталое лицо сменилось изображением расчищенного пространства со стеной джунглей на заднем плане. У нескольких неоконченных строений лежали штабеля оборудования. К баржам, стоящим у берега, строем шли отряды рабочих.

«Наши самолеты продолжают поиски мятежников».

На экранах кружились джунгли.

«У вас осталось сорок семь часов. Уберите самолеты. Не сомневайтесь в нашей решимости применить ядерное оружие».

Время пульсировало...

«...сорок шесть часов...»

Купола охватил страх. Огромные толпы кипели у общественных экранов. Захария обратился к Кедре:

— Политика очень похожа на живой организм. Точнее, на его кровеносную систему. Если собираются слишком большие толпы, может образоваться тромб, парализующий все тело.

— Захария... — почти шепотом позвала Кедра.

Он нежно взял ее руку.

— Ничего, милая. Все обойдется. У нас еще целых сорок пять часов. Придумаем что-нибудь.

«...сорок четыре часа...»

«В тридцати милях от колонии Плимут сбит еще один самолет. Взрыва не последовало. Самолет был радиоуправляемый. Установлен район, из которого самолету посылались команды».

Хейл не отрывал глаз от Логиста.

— Все уладится, — Бен Кроувелл невозмутимо попыхивал трубкой. Во взгляде Хейла явственно читалась мольба.

— Хорошо вам. Все знаете ответы. А мне каково?

— Рано беспокоиться, — ответил Логист. — Это лишь безобидные самолетики. Но еще ждет своего часа «Под-

земный человек» с корнями в двадцать футов, — он посмотрел на один из экранов. Усмехнулся. — Что мне волноваться? Я не вмешиваюсь.

— Но ведь атомная угроза — это очень серьезно. Даже у свободных солдат атомное оружие было под запретом.

«...сорок три часа...» — метрономом отбивал экран.

«... двадцать четыре...»

«...двадцать...»

«...шестнадцать...»

— Говорит Сэм Рид! Мы нашли мерзавцев!

Роскошные джунгли, кишащие жизнью, казалось, кружась и кувыркаясь, обрушились на экран.

Ярость человеческая столкнулась с яростью Венеры. Бешено схлестнулись встречные залпы жарких молний. Навстречу падающей с неба смерти взметнулся огонь.

Джунгли корчились, чернели, кричали, в агонии били лианами, лопались фейерверками гибнувших деревьев. Кислота и яд убивали тех, кого пощадил огонь. От центра горящего ада устремились тучи летающих существ. Гигантский ящер, ошалело крутя головой на тонкой шее и раскрывая в немом крике зубастую пасть, ломил напролом, дымя боками. Пронзительные вопли зверей слышались сквозь яростный гул пламени.

«Прекратите огонь, гады, иначе мы уничтожим Купола».

Внизу черная сожженная земля текла как лава. В центре бомбового удара образовалось белое слепящее озеро. Фугасные бомбы расплескивали его сверкающими фонтанами, в которых крапинами чернели обломки скал. Что-то темное, округлое стало медленно подниматься из кипящих глубин.

— Вот он — штаб мятежников! — закричал с экрана Сэм. — Уничтожить его!

«Последний раз требуем остановить боевые действия. Иначе мы нанесем удар по Куполам».

В дымящем белом озере угрюмо поднимался к гибели серый купол.

Черная бомба хищно устремилась к нему. На сером куполе расцвел оранжевый цветок, но тот выдержал удар. Пошла другая бомба. Еще! Еще!

Не успевал опасть один взрыв, как его накрывал другой. Бомбы шли серией, методично добивая обреченный купол.

Сорок восемь, по штуке на каждый час, отпущенный Куполам ныне погибшим правительством Венеры!

Клубы дыма рассеялись. От штаба мятежников остались одни развалины. «Подземный человек» был выдран с корнем.

В эту минуту в двадцать Куполов ударили двадцать торпед, пущенных с двадцати субмарин.

Через шесть часов Захария Харкер обратился к Куполам.

— Мятежники уничтожены. Но погибая, они решили отомстить, направив на Купола флот смертников. Купола выдержали удары торпед, но заражены радиоактивностью. Извините... — Захария исчез. Через несколько секунд он появился вновь. — Только что получено сообщение. Уничтожены не все мятежники. Продолжают действовать шесть подводных лодок. Но в настоящий момент они не представляют опасности. Теперь о главном. — Захария помолчал, затем продолжил: — Через неделю уровень радиации достигнет смертельного предела. Жизнь под Куполами станет невозможной. Но не стоит впадать в панику. Активированный империум не достигнет критической массы. Взрыва не будет. Но сами купола превратятся в могильники. Времени для строительства новых куполов у нас нет. Но у Сэма Рида есть предложение.

На экране возник Сэм.

— Мы сделали все, что смогли. Но последнее слово осталось за негодяями... Всем вам придется умереть... или покинуть Купола. К счастью, мы успели расчистить достаточно большую территорию и завезти туда оборудование. Все это ваше. Мы — одна раса и в час жестокой опасности должны быть вместе. Недели вам будет достаточно, чтобы перевезти все необходимое и перебраться самим. Вам придется очень трудно, но вы будете жить. И, поверьте, жизнь на континенте стоит любой другой. Пока вы не освоитесь, колонисты Плимута помогут вам. Желаю удачи.

На экране появился кто-то другой, а Сэм и Захария перешли на направленный луч.

— Недели вам хватит? — спросил Сэм.

— Надеюсь.

— Мы поможем вам. Кедра уже предлагала сотрудничество, но я тогда отказался. Теперь я сам предлагаю вам работать вместе. Мы пошлем людей, которые помогут провести эвакуацию. В первую очередь вас ждут санитарные отряды. Вы не приспособлены к жизни на поверхности. Вы слишком стерильны, и вас может убить любой микроб, а это еще не самое страшное здесь. Кстати, не очень-то надейтесь на свои Купола. Мятежники еще где-то прячутся, они могут попытаться еще раз. В своих теплицах вы слишком уязвимы.

— Старикам и больным придется очень трудно.

— Тем больше забот молодым. Но у нас есть работы, не связанные с физическим трудом, как раз для них. Зато высвободим молодых и здоровых на тяжелые работы. Нам придется много строить.

— Специалисты говорят, что период полураспада тория — двенадцать лет. Значит, через двенадцать лет мы сможем вернуться.

— Сначала доживите. Не забывайте и о мятежниках. Реактивировать Купола непросто. Двенадцать лет — это долго.

— Да, — согласился Захария, задумчиво глядя на лицо своего внука. — Это очень долго.

И сказал Господь... «И введу вас в ту землю, о которой я, подняв руку мою, клялся дать ее Аврааму... в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед...» И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую руку и по левую сторону.

Книга Исход.

Последний исход расы человеческой произошел семьсот лет назад. И вот он начался вновь. Перемещение огромных людских масс слишком сложно, чтобы их мог направлять один человек. Впоследствии, люди вспоминали лишь неслыханное столпотворение, панику, крики, истерические мольбы и одновременно — сосредоточенное и целенаправленное движение. Люди Куполов всегда отлича-

лись послушанием, они просто, хотя и не без некоторого испуга, подчинялись окрикам тех, у кого был достаточно властный голос.

Невозможно поверить, что столь грандиозный исход свершился за такое короткое время. Невозможно понять, как это вообще получилось.

В последний раз она оглядела свою прекрасную комнату долгим и спокойным взглядом.

— Вот и все... — сказала Кедра.

— Да, — ответил Захария. — Грустишь?

— Мы уходим навсегда! И все Сэм Рид. Как же я его ненавижу! Почему и его правда и его ложь всегда оказываются такими жестокими? Ради чего? Ради людей? Смешно! Ему это просто не придет в голову. Он готов любой ценой поддерживать монумент своей лжи.

— Как ты думаешь, сможем мы его разоблачить?

— Зачем? — пожала плечами Кедра. — Он быстро усваивает уроки. А в отчаянном положении способен на отчаянные выходки. Методы его мы знаем. Думаю, что не сможем.

— Ну что, пойдем? Лидот ждет.

— Да, — вздохнула Кедра. — Но не на убой. Я сумею отстоять свою жизнь! Нас ждут лишения и опасности, но меня это не пугает. Но как же это унизительно, когда тебя *принуждают*!

Захария рассмеялся.

— У меня такое же чувство. Первые твари, выползая из древних морей, должно быть, чувствовали себя так же. Человечество снова выходит на сушу. Но даже Сэм Рид не в силах сделать так, чтобы людям это понравилось.

— Мы еще заставим его пожалеть об этом.

Кедра заколола плащ у горла.

Ступая по мягкому пружинящему полу, она последний в жизни раз пересекла свою комнату. Может быть, только лет через сто она из любопытства снова заглянет сюда. К тому времени все здесь станет чужим, а воздух затхлым и неприятным. И она еще будет удивляться, как переносила все это.

— Милый мой, как было бы здорово, если бы этот Сэм Рид никогда не рождался.

Захария стоял у двери, придерживая ее.

— Наш план потихоньку исполняется, — сказал он. — Я говорю о твоей живой бомбе. Родителей и ребенка эвакуировали. Они в безопасности.

— Жаль, что это девочка, — нахмурилась Кедра. —

Мальчик был бы надежнее. Мужчины охотнее хватаются за пистолет. Но ничего... Опыта нам не занимать, и, рано или поздно, Сэм будет обезврежен. Он никогда не стеснялся в средствах, стараясь уязвить нас, не будем стесняться и мы. Время работает на нас.

Захария промолчал, только посмотрел ей в глаза.

— Я тебе не верю! — заявил Хейл. — Ты нарочно отпустил часть мятежников. Не в твоем характере делать что-то наполовину. Зачем они тебе?

Сэм мрачно сверкнул глазами.

— Что вам еще надо? Я добился колонизации поверхности. Люди вышли из Куполов. Вы ведь тоже этого хотели.

Хейл скептически покачал головой.

— Не твоих ли это рук дело? Как они смогли изготовить подводные лодки и самолеты? И все автоматическое, без экипажей. Откуда это у них? М-да, ты добился своего. Люди вышли на поверхность. Что дальше?

— За двенадцать лет они акклиматизируются, — невозмутимо ответил Сэм. — Еще через несколько — будут дивиться, как они жили в этих дурацких Куполах. Что делает людей пионерами? Мы как-то говорили с вами об этом. Толчок, идея, плохие условия дома, святой Грааль. Но здесь этого оказалось недостаточно, — он пожал плечами. Вот и случилось то, что случилось.

Хейл долго смотрел на Сэма с необычным для него волнением. Затем пошел прочь, бросив на ходу:

— Вспомните судьбу Моисея...

Ответа он ждать не стал.

Медленно и трудно человечество крепло и пускало корни. Новая цивилизация потихоньку набирала темп. А в покинутых Куполах еще теплилась странная жизнь.

Их было мало, но они предпочли умереть здесь. Остались старики и больные, выбравшие медленную, но комфортабельную смерть. Остались наркоманы, просто чудаки и те, кто пуще смерти боялся Венеры. Они призраками слонялись по сумрачным пустынным улицам, почти не встречаясь друг с другом, да и не желая этого. Лишь смутные звуки порой нарушали мертвую тишину, на поворотах тихо вздыхали Дороги, привычные к тяжести тысячных толп, да изредка купол резонировал отзвуками подводной жизни, что шла вокруг него. Шаги случайного

прохожего совсем редко отдавались между пустыми домами.

Гром бомбардировки сотрясал стены. Стол и кресло, в котором сидел Сэм, подпрыгивали, авторучка в его руке то и дело рвала бумагу.

Миловидная девушка, в элегантной коричневой форме наклонилась, глядя как он пишет, отчего по обеим сторонам ее лица упали пряди черных коротких волос. Взяв листок, она подошла к своему столу, осторожно ступая по дрожавшему полу. Потом включила передатчик и сказала в микрофон несколько слов. С экранов, стоящих по всей комнате, на Сэма и девушку смотрели подчиненные и ждали приказов. На них по очереди смотрели голубые глаза девушки, бархатным голоском отдававшей строгие распоряжения.

— Спасибо, Сигна, — устало поблагодарил Сэм. — Мне нужен Захария. Пусть приведут.

Девушка встала и быстро прошла к двери, которая отворялась в небольшую караульную, где всех входящих проверяли чуткие детекторы. Таким образом осторожный Сэм ограждал себя от неожиданностей. После очередного бомбового удара по стене пробежала длинная трещина. Какой смысл в детекторах, когда рушатся стены?

Сигна что-то сказала в коридор, и оттуда вошли два охранника, сопровождающие пленника. Они медленно пересекли ряд контрольных лучей.

Захария был в наручниках, но выглядел спокойным и уверенным, несмотря на разбитые в кровь губы и кровоподтек на щеке. Новым на его вечно юном лице был только загар. Он и сейчас оставался главой клана Харкеров, а Харкеры по-прежнему были самой влиятельной Семьей Венеры. Сэм смог схватить предводителя, но Захария ничем не показывал, что этот успех чего-нибудь стоит.

Исходу минуло двадцать лет.

Купола так и остались необитаемыми. Двадцать лет... Не велик срок, но его хватило, чтобы полностью приспособиться к жизни на континенте. Момент акклиматизации определили приборы, показавшие, что венерианская атмосфера достигла равновесия, некогда существовавшего на Земле. Атмосферу изменили дикая яблоня и другие земные растения, в больших количествах продуцирующие кислород. Флора и фауна Венеры, привыкшие к атмосфере, богатой двуокисью углерода, оказались лишними. Рас-

тения и животные Венеры, а так же ужасные симбиотические сочетания того и другого, должны были либо приспособиться, либо исчезнуть.

Колонии ждали этого.

Колонии дождались войны.

— Захария, — устало произнес Сэм, — отзовите своих людей.

Захария не без симпатии рассматривал Сэма, уже не в первый раз пытаясь найти сходство с Харкерами.

— Чего это ради?

— Вопросы здесь задаю я! Если атака не прекратится к полудню, я расстреляю вас. Идите к передатчику.

— Нет. Вы проиграли, Сэм. Вам конец.

— Я всегда выигрывал! Что мне помешает выиграть и на этот раз?

— Нет, — повторил Захария.

Хорошо защитив себя в годы мира, Сэм действительно выигрывал легко и презрительно. Миф о бессмертии окончательно лопнул, и тут же последовали отчаянные нападения на белые крепости, укрывшие наиболее влиятельных людей Венеры. Но напрасные попытки кончались трагически.

— Вы ошибаетесь, считая нас простыми бунтовщиками, — сказал Захария. — Мы готовились с того дня, когда вы с помощью ядерного шантажа наложили на нас дань. Вы великолепный стратег, Сэм, но вы промахнулись, не проверив, что мы вывозим из Куполов. У вас нет такой боевой техники, какую мы применяем против вас. Вы долго готовились к обороне, но мы еще дольше — к нападению. На этот раз мы добрались до вас, Сэм.

— Все может быть... Но вы кое-что забыли, — от непрерывной тряски у Сэма раскалывалась голова. — Вы забыли о себе! Что вы предпочтете: быть немедленно расстрелянным или прекратить нападение? Ну... как?

— Нет... Вам не понять!

— Вы пытаетесь убедить меня в своей силе. Почему же вы не прикончили меня еще двадцать лет назад? Не дурачьте меня, Харкер.

— Тогда мы нуждались в вас. Было своего рода негласное соглашение. Оно кончилось. Против вас не только пушки, но и люди с их эмоциями и энергией, которые вы безуспешно пытались в них убить. Но ни вы, Сэм, и ни

кто другой не сможет остановить прогресс. Двадцать лет вы его сдерживали, но сейчас давление достигло предела. Вы конченый человек.

Сэм в бешенстве ударил кулаком по дрожащему столу.

— Заткнись! — крикнул он. — У меня голова трещит от этих взрывов, а тут еще ты... Шестьдесят секунд на размышление. Не больше! А потом тебе конец!

Что-то было не так. Сэма мучила какая-то странная неуверенность. Подсознание настойчиво предупреждало об опасности. Слишком уж легко ему удалось захватить Захарию.

Он обежал взглядом комнату. В тысячный раз глаза его остановились на голубоглазой девушке за столом в углу. Она внимательно и встревоженно следила за происходящим. В свое время она прошла жесткие психологические тесты, отсеявшие всех претендентов, кроме полудюжины. А уже из них выбрали Сигну.

Восемнадцати лет она впервые появилась у Сэма в форме секретаря. Родилась она под Куполом, но выросла на поверхности. Ее, как и всех кандидатов на новые должности, подвергли внушению у лучших психологов. Несмотря на свою молодость, Сигна делала карьеру быстрее других. Уже через шесть месяцев у нее появился собственный кабинет. И однажды Сэм, комплектуя личный персонал, встретил в списке кандидатур женское имя. Он перестал колебаться, едва увидел ее.

Сейчас ей было двадцать пять. Любовницей Сэма, что бы ни говорили в крепости, она не стала — он сам не захотел этого по какой-то странной своей прихоти. Она проходила периодические проверки под гипнозом, подтверждающие неизменность ее эмоциональных реакций. Сэм знал, что без нее он не справился бы и с половиной дел, и доверял ей полностью.

Он заметил — что-то ее беспокоит. Слишком хорошо он ее знал, чтобы оставить без внимания малейшие отклонения в ее поведении. Отчего-то Сигна не могла отвести глаз от Захарии. Лоб ее пересекла глубокая складка лицо сделалось каким-то растерянным.

Сэм взглянул на часы.

— Сорок секунд! — Он поднялся, подошел к дальней стене с трещиной и нажал кнопку под шестифутовой панелью. Все, кто был в комнате, внимательно наблюдали

за ним. На панели плавно раздвинулись шторы большого экрана. Сэм протянул руку к ящичку, встроенному в стену рядом с экраном. Послышалось негромкое монотонное гудение. И тут затрещал зуммер визора.

— Вас, Сэм, — сказала Сигна. — Хейл.

Сэм закрыл экран и подошел к визору. Экран связи целиком заполняло коричневое от загара лицо свободного солдата.

— Ты один, Сэм?

— Нет. Минуточку, я надену наушники.

Резко дернувшись, лицо на экране исчезло.

— Они прорвались, — прозвучал в наушниках голос Хейла.

— Много?

— Да. Пластик стен не выдержал. Я предупреждал тебя, что он слишком хрупкий. Минут через пять они будут на верхнем палисаде. Мы потеряли несколько орудий. Их уже поворачивают на нас. Сэм, нас кто-то предал. Кто мог научить их, как обращаться с лучевыми пушками?

Сэм молча обдумывал ситуацию. Он давно уже относился к Хейлу с подозрением. Не зря он всегда упоминал имя Хейла рядом со своим. От методов Сэма Хейл имел свою выгоду, и Сэм позаботился, чтобы имя свободного солдата было связано со всеми делами, не исключая блефа с бессмертием, и чтобы об этом знала вся Венера. Таким образом, Хейл был вынужден поддерживать его во всем, хотя бы для того, чтобы уцелеть самому. Пока Сэм был уверен в нем.

— У меня здесь Захария, — сказал Сэм. — Приходите.

Он снял наушники и обратился к пленнику:

— Время истекло.

Захария, казалось, колебался.

— Сэм, нам надо поговорить. Но только наедине.

Открыв ящик стола, Сэм взял пистолет.

— Нет. Здесь, при всех. Иначе я пристрелю вас, Харкер.

Паузу прервал истошный взвизг лучевой пушки. Стены вздрогнули, затрещали. Щель расширилась, пошла ветвиться.

Захария быстро проговорил:

— Лучше наедине, с глазу на глаз. Или... можете стрелять. Вы ведь давно об этом мечтаете.

Сэм был потрясен происходящим больше, чем можно

было предположить, иначе он никогда бы не уступил. Он опустил пистолет и кивнул девушке.

Та поднялась и сказала охранникам:

— Вы свободны.

Едва дверь за ними закрылась, она повернулась к Сэму.

— Мне тоже уйти?

— Останься.

— А... может... лучше без меня? — неуверенно спросила она.

— Пожалуйста, останьтесь, — вмешался Захария.

Сигна встревоженно посмотрела на пленника.

В кабинете явственно ощущалось напряжение. Вокруг все дрожало. Слышался раздирающий воздух визг лучевых орудий. Опираясь на стол, Сэм тоже дрожал. Ему вдруг стало не до событий на верхнем палисаде.

— Так... — сказал он. — Харкер, если у вас есть что сказать, говорите быстрее, я тороплюсь.

Захария, позванивая наручниками, пересек комнату и взглянул в окно на море вдали.

— Идите сюда... Вы сами все увидите.

Сэм подошел.

— Ну, что там у вас?

Из осторожности, он стоял достаточно далеко от бессмертного. Жизнь научила его предусмотрительности.

— На что я должен смотреть? — спросил Сэм и остолбенел.

Глядя ему в лицо, Захария неожиданно просвистел начальные такты «Лилибулеро».

Комната взорвалась.

Страшный удар поразил Сэма. Все закружилось. Задыхаясь, он стоял с открытым ртом, не понимая, что произошло. Лучевая пушка? Но почему не раскололась комната? Прислонившись к стене, он ошеломленно крутил головой и хватал ртом воздух.

В глазах прояснилось. На него смотрел Захария, он по-прежнему стол у окна. Смотрел он со сдержанной жалостью. Комната не изменилась. Но что с плечом?

Сэм провел рукой по онемевшему плечу и недоуменно уставился на окровавленную ладонь. По груди текло что-то горячее. Пуля раздробила ключицу.

— Сэм!.. Сэм!.. — тонко кричала Сигна.

— Все в порядке, — успокоил он девушку и сразу уви-

дел в ее трясущихся руках направленный на него пистолет. Глаза ее бегали от Сэма к Захарии. В них были испуг и безумие.

— Я... я... не знаю, как это получилось, — лепетала она. — Я... не понимаю... Ой, что же я делаю?!

Харкер поторопил ее:

— Добей его, Сигна! Или он убьет тебя!

— Я... я... да... да, сейчас... — она вся дрожала, но Сэм увидел, как ее палец напрягся на курке.

Ждать он не стал. Молниеносно выхватив из кармана лучевой пистолет, он выстрелил.

Он не промахнулся.

Мгновение девушка смотрела на него широко распахнутыми удивленными глазами. Он тоже смотрел ей в глаза и вспоминал ту, другую, тоже голубоглазую, но с наркотическим порошком в руке. Пистолет упал на пол. Тело девушки обмякло и опустилось рядом.

— Розата... — прошептал он и повернулся к Захарии.

Захария, Розата, Сэм — тот же треугольник, что и шестьдесят лет назад. Как все похоже! Но теперь...

Пальцы сжали пистолет. Выстрел! Но Захария не шелохнулся! Луч плазмы лишь растекся по его груди и результатом был лишь грохот освобожденной энергии. Невредимый Захария усмехался ему в лицо.

— Хейл! Ваша очередь, — произнес он.

Сэм не понял. Это не имело смысла, а вызов в голосе аристократа казался нелепым. Но удивляться не было времени. Стиснув челюсти, Сэм направил пистолет в лицо врага. Здесь он беззащитен. Курок мягко подался под его пальцем. Еще чуть-чуть...

— Харкер, ты победил, — тихо произнес чей-то усталый голос.

Слепящая молния оглушила, ослепила, парализовала его!

Он узнал ее. Лампа-вспышка. Световой шокер. Они с Хейлом постоянно носили их с собой. Страшный свет не только надолго ослеплял, но и обездвиживал на какое-то время.

Сквозь мрак, поглотивший все, Сэм еще услышал голос:

— Благодарю, вас, Хейл. Я не сомневался в вас. Однако... смерть была непривычно близко.

А голос свободного солдата с грустью произнес:

— Прости, Сэм...

И это было последнее, что услышал Сэм.

И взошел Моисей с равнин Моавийских... И сказал ему Господь: вот земля... Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь... И умер там Моисей... В земле Моавийской... и никто не знает место погребения его даже до сего дня.

Книга Второзаконие

Серый полумрак. Вой ветра. Бледное расплывчатое пятно. Пятно приблизилось и превратилось в лицо старика. Постепенно проявились голова и туловище. Углубились морщины на лице. За стариком, отражая блики сочившегося откуда-то тусклого света, матово мерцала металлическая стена. Сэм узнал старика.

Он попытался сесть. Не смог... Еще раз. Снова неудача. Его охватила паника. Почему он не может двигаться? Старик улыбался.

— Спокойно, сынок. Так и должно быть.

Старик набил трубку. Прикурил. Пыхнул дымом. Проницательные глаза его смотрели на Сэма.

— Сейчас я все тебе объясню, сынок. Теперь уже можно. Несколько недель ты здесь лечился, отдыхал. Об этом знаю только я...

Сэм силился осмотреться, но не мог.

— Давненько я приготовил этот погреб, — сказал Кроувелл, пуская клубы душистого дыма. — Вот он и пригодился. Как раз над ним я выращиваю картошку. Этому я научился еще на Земле. Да-да, я бессмертный. Что, не похож? Но я родился еще на Земле.

Голубой дымок вился из трубки.

— Хорошо было на Земле. Но уже тогда я видел, что будет. Тебя, Сэм, видел. Ну, конечно, не лицо твое и не имя, но я знал, что ты придешь. Такие всегда появляются в нужное время и в нужном месте. Что смотришь? Да, я могу предсказывать будущее. Дар у меня такой. Вот только вмешиваться мне нельзя, иначе оно, это будущее, меняется, и я ни черта не могу в нем разобрать.

Попытка шевельнуть пальцами тоже не удалась. От напряжения перед глазами поплыли цветные пятна. Бормотание старика слышалось будто издалека.

— Легче, сынок. Послушай меня спокойно. Помнишь Храм Истины? Ты ведь тогда не поверил оракулу, да? Я

и был за той машиной. Я — Логист. Это я сорок лет прятал тебя в Храме. Ты спал там, потому ничего и не помнишь.

Спал? Сознание прояснилось. Сэм напряженно вслушивался в слова старика. Значит, Кроувелл и есть тот загадочный опекун? Но почему? Для чего?

— Мне пришлось спрятать тебя, сынок — очень уж Захария Харкер хотел убить тебя. Но я вмешался, и это спутало будущее. Сорок лет понадобилось, чтобы линия будущего выпрямилась. Тогда я и разбудил тебя. Оставил без денег и памяти в том переулке, помнишь? Для чего? Чтобы ты вырвался на поверхность. В Куполах тебя ничего не удерживало и ты сделал все в лучшем виде. Логика событий пришла в порядок и я снова смог предсказывать.

Но не это сейчас занимало Сэма. Он напрягал всю свою волю, чтобы заставить тело повиноваться. Ну же! Ну... Он всегда находил в себе силы, которые другим и не снились. Вот сейчас! Еще немного. Все должно получиться.

Не получилось.

— Думаешь, ты Сэм Рид? — бормотал старик. — Блейза Харкера помнишь? Только безумием можно объяснить его жестокость к собственному сыну. Да-да, у него был сын. И знаешь, что он с ним сделал? Сотворил ему внешность короткоживущего. Вот что! И фамилия твоя вовсе не Рид.

Блейз Харкер? Блейз Харкер... Искаженное, перепачканое кровью лицо. Смирительная рубашка...

Блейз Харкер??

Харкер!

Сэм не Рид — Харкер!!!

— Раньше этого нельзя было сказать, — продолжал старик. — Это опять изменило бы будущее. Тогда мы еще нуждались в тебе. Иногда такой человек, как ты, нужен чтобы расшевелить мир, подтолкнуть. Почему именно ты, а не Робин Хейл, скажем? Нет, сынок, он на многое был способен, но только тебя ничего не могло остановить. Без тебя все эти люди так бы и остались в Куполах, пока не вымерли бы. А ты буквально вышвырнул их на поверхность. Думаешь, это чепуха? Нет, сынок. Уже закончена колонизация Венеры. Впереди — Вселенная. Человечество здорово обязано тебе, сынок. Ты великий человек. Но для периода созидания ты слишком велик. Твои дни кончились. Ты можешь только разрушать. Весь смысл твоего существования — борьба и только борьба. Успех любой ценой. Одержимость! — вот это что. Яростная одержимость. Ты одержим, Сэм. Одержим бешеной энергией, яростью, способной уничтожить все. Использовать тебя дальше было бы крайне опасно...

Одержимость яростью?.. Яростью? О да! Она кипела в Сэме. Горела жарким ослепительным пламенем. Накал его едва не освободил Сэма от невидимых пут. Вырваться! Во что бы то ни стало вырваться. Уничтожить их всех! Хейла! Харкера!.. Харкера?

Но... ведь он тоже Харкер.

Кроувелл монотонно бубнил:

— Ты очень опасен, сынок. Очень. Такие люди редки, но в нужный момент только в них спасение человечества. Но ваша одержимость годится только для времен уничтожения, когда надо смести что-то старое, чтобы освободить место новому. Ваша одержимость слепа. Она не позволяет заметить, что настало время созидания, и вы продолжаете бороться. Сокрушив врагов, вы всю ярость свою обращаете на друзей. Вы хотите всегда быть на гребне славы, но видите для этого лишь один способ — беспощадную борьбу со всеми подряд. Ответь мне, сынок... Вот ты победил своего главного врага — Венеру. С кем бы ты стал бороться дальше?

— С людьми.

— Выходит, я прав, сынок? На Венеру надолго пришел мир. Руководят, естественно, бессмертные. Они хорошо правят и тебе там делать нечего...

Кроувелл вдруг засмеялся.

— Вспомнил твой блеф с бессмертием. В каком-то смысле ты оказался прав. Человечество умирало в Куполах. Теперь оно будет жить вечно. Или, во всяком случае, очень долго. Раса бессмертна. Перед ней вся Вселенная. И это сделал ты, сынок.

Старик помолчал, задумчиво разглядывая Сэма сквозь сизое облачко дыма.

— Я не люблю вмешиваться. Однажды мне даже пришлось убить. Это было плохо, хуже некуда. Но я все же убил, я прекрасно видел, что будет, если этот человек останется жив. Будущее это изменило, и я надолго перестал просчитывать его. Но вот мне опять приходится вмешиваться, ибо я вижу, что будущее с тобой совершенно неприемлемо. Мне снова придется ждать, пока оно выровняется, а ко мне вернется мой дар. Но я стал много старше и понял, что убивать вовсе не обязательно. Это очень удачно, что ты бессмертный. Ты можешь проспать очень-очень долго, и не умрешь. Да, сынок, этим ты сейчас и займешься — будешь спать, спать, спать... Извини, сынок, но я очень надеюсь, что во сне ты и умрешь. Потому что разбужу я тебя только в том случае, если дела будут плохи, совсем плохи. Но мы с тобой проживем еще долго-долго, и за это время всякое может произойти.

Я вижу что-то впереди, но смутно-смутно. Это так далеко. Но варианты... их слишком много. Джунгли вернулись... Какие-то мутированные твари... Венера коварна. Да и не жить нам на ней вечно. Нас ждут звезды, вся Вселенная. А опасностей там будет во сто крат больше... Нас попытаются поработить... И это может быть. Но ведь так было всегда, правда, сынок? Вот тогда ты нам и понадобишься и я разбужу тебя.

На Сэма сквозь голубой туман прокуренного помещения смотрело спокойное лицо мудреца.

— Пора, сынок, — вздохнув, сказал он. — Ты сделал свое дело. Спи, сынок. Спи спокойно...

Свет медленно тускнел, пока не сменился непроницаемым мраком. Сэму показалось, будто у него просто потемнело в глазах.

Время уходило, а ему еще так много нужно было обдумать. Какая чушь! Он же бессмертный! Он должен жить!

Харкер... Сэм Харкер... бессмертный... Харкер.

Тихо звучала музыка под куполом Делавер. Все кружилось в танце карнавала. Цветные ленты вились вокруг него. Он вдыхал плывущие ароматы, на него грустно смотрели голубые глаза Кедры.

Еще секунду он отчаянно цеплялся за край призрачной тверди, но сознание и жизнь рассыпались под его руками.

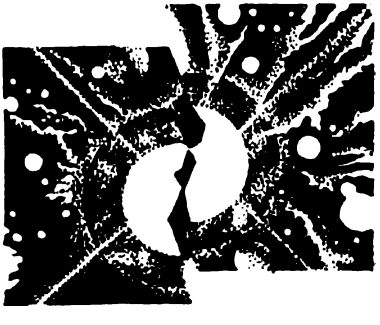
Наконец, он уснул.

Тьма и тишина заполнили склеп.

Глубоко погрузив свои корни, «Подземный человек» спал и ждал своего часа.

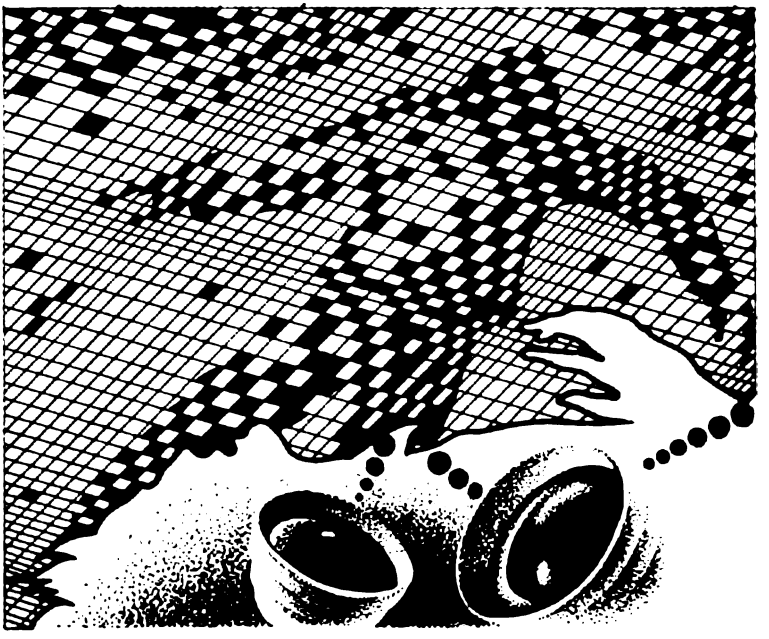
ЭПИЛОГ

...Сэм проснулся!..

ЛУННЫЙ ГОЛЛИВУД

НЕДРЕМАНОЕ ОКО

Судебный социопсихолог внимательно разглядывал изображение на стенном экране. На нем застыли две фигуры — одна вонзала в грудь другой нож для разрезания бумаг, бывший когда-то хирургическим скальпелем в клинике Джона Гопкинса. Разумеется, до того, как изобрели ультрамикротомный нож.

— Первый раз имею дело с таким трудным случаем, — признал социопсихолог. — Буду очень удивлен, если мы сумеем припаять Клэю обвинение в убийстве.

Следственный инженер покрутил диск, глядя, как люди на экране повторяют свои действия. Один — Сэм Клэй — схватил со стола нож для бумаги и вонзил его в сердце другому мужчине. Жертва рухнула на пол, а Клэй с явным испугом отпрянул. Потом упал на колени рядом с дергающимся телом и отчаянно закричал, что вовсе этого не хотел. Тело застучало пятками по ковру и замерло.

— Неплохая концовка, — заметил инженер.

— Что ж, придется провести предварительные исследования, — вздохнул социопсихолог. Он поудобнее уселся

в кресле и положил руки на клавиатуру. — Сомневаюсь, что найду какие-нибудь улики. Впрочем, анализ можно сделать позднее. Где сейчас Клэй?

— Его адвокат добился habeas mens*.

— Я и не думал, что мы сможем задержать его в тюрьме. Но попытаться стоило. Представь себе, один укол скополамина — и парень вынужден рассказать всю правду. Ну ладно. Как обычно, мы выбираем самый трудный путь. Включай обнаружитель. Это ничего не даст, пока мы не изучим все хронологически, но с чего-то же нужно начинать. Старый, добрый Блекстоун**, — добавил он.

Тем временем на экране Клэй поднялся, глядя, как труп оживает и встает, затем вырвал из его груди чудесно очистившийся нож для бумаги — словом, все наоборот.

— Старый, добрый Блекстоун, — повторил социопсихолог. — С другой стороны, я немного жалею, что не жил во времена Джеффри***. Тогда убийство было убийством.

Телепатия так и не нашла широкого распространения. Возможно, согласно известному закону природы, эту развивающуюся способность вытеснило появление новой науки, превосходившей все остальные. Разумеется, на самом деле все было по-другому. Причиной явилось устройство, позволявшее заглядывать в прошлое. Предел его дальности ограничивался пятьюдесятью годами, так что не было ни малейших шансов увидеть битву под Эзинкортом или гомункулуса Бэкона. Аппарат был достаточно чувствителен, чтобы собрать «отпечатки пальцев» световых и звуковых волн, оставленные на предметах, расшифровать их и показать на экране — иначе говоря, воссоздать образ события. В конце концов даже на бетоне могла остаться тень человека, если ему не повезло и он оказался невдалеке от ядерного взрыва. А это уже кое-что значит, поскольку тогда от многих не осталось ничего, даже теней.

Однако само по себе чтение прошлого, как открытой книги, не решило всех проблем. Прошли поколения, прежде чем в запутанном лабиринте отыскалась нужная

---

* Habeas mens (*лат.*) — здесь, должно быть, имеется в виду судебное постановление об освобождении подозреваемого от применения так называемой «сыворотки правды».

** Уильям Блекстоун (1723-1780) — английский юрист, учитель и писатель, реформатор права.

*** Фрэнсис Джеффри (1773-1850) — шотландский юрист и судья, знаменитый исключительно суровыми и даже жестокими приговорами.

дорога, хотя в конце концов было достигнуто временное равновесие. С тех пор как Каин поднял руку на Авеля, люди решительно защищали свое право на убийство. Многие идеалисты цитировали Библию: «Кровь брата твоего взывает ко мне из земли», но это не останавливало ни лоббистов, ни группы нажима. В ответ цитировали «Магна Карта»*, отчаянно защищая право на личную жизнь.

И что самое странное, в результате всей этой неразберихи было заявлено, что акт убийства не подлежит наказанию, не доказана его преднамеренность. Разумеется, по-прежнему считалось, что нехорошо впадать в ярость и потворствовать стремлению к убийству, а потому предусматривались некоторые символические кары — лишение свободы, например, — но на практике их никогда не применяли, поскольку существовало слишком много возможностей к защите. Временная невменяемость. Необоснованная провокация. Самооборона. Убийство первой, второй, третьей, четвертой степени — в общем, чем дальше, тем больше. Обвинение должно было доказать, что убийца запланировал свое преступление, только тогда суд мог вынести обвинительный приговор. А суд вынужден был отказаться от своей неприкосновенности и подвергнуться проверке скополамином, чтобы доказать, что присяжные не предубеждены. Вот только ни один адвокат никогда не отказывался от своей неприкосновенности.

Никто больше не был хозяином в своем доме, ведь Око могло заглядывать куда угодно и изучать прошлое любого человека. Устройство не могло читать мысли и интерпретировать образы, оно могло только смотреть и слушать. В итоге последней крепостью личной жизни остался человеческий разум. И крепость эту защищали до последнего. Никаких сывороток правды, никакого гипноанализа, никаких допросов третьей степени, никаких наводящих вопросов.

Если суд, изучив прошлое, сумеет доказать преднамеренность, тогда все в порядке.

Если же нет, Сэм Клэй выйдет сухим из воды. Внешне все выглядело так, что Эндрю Вандерман во время ссоры ударил Клэя по лицу обжигающим бичом из кожи ската.

Каждый, встречавшийся с португальским корабликом**,

---

* Магна Карта — привилегия, положившая начало конституционным ограничениям королевской власти и ставшая основой гражданских свобод в Англии.

** Плавающая колония организмов из рода Physalia; живет в теплых морях, обладает многочисленными длинными жгучими отростками, прикосновение к которым очень опасно.

согласится что в данной ситуации Клэй имел основание сослаться на временную невменяемость и необоснованную провокацию, упомянуть о праве на самооборону — и быть оправданным. Члены секты Аляскинских Бичевателей, изготовлявшие бичи из скатов для своих церемоний, легко переносили эту боль и даже любили ее, потому что принимали перед ритуалом таблетки, от которых боль превращалась в удовольствие. Сэм Клэй, не принимавший такой таблетки, предпринял вполне понятные защитные действия — возможно, излишне резкие, но логичные и оправданные.

Никто, кроме самого Сэма Клэя, не знал, что он давно собирался убить Эндрю Вандермана.

Экран замерцал и потемнел.

— Ну и ну! — рассмеялся инженер. — Запертый в шкаф в возрасте четырех лет. Что бы только не вывел из этого кто-нибудь из прежних психиатров! А может, это были волхвы? Или сатаниты? Забыл... Во всяком случае они толковали сны.

— Ты все перепутал. Это были...

— Астрологи! Нет, и не они. Я имел в виду тех, что занимались символами. Крутили молитвенные мельницы и твердили: «Лотос это лотос это лотос», верно? Чтобы освободить подсознание.

— Тебя интересуют древние психиатрические методы? Это типично для дилетанта.

— Ну, может, в них и было рациональное зерно. Взять, например, хинин или экстракт наперстянки. Племена Большой Амазонии использовали их задолго до того, как они были открыты наукой. Но зачем им был глаз нетопыря или жабья лапа? Чтобы произвести впечатление на пациента?

— Нет, чтобы самим в это поверить, — объяснил социопсихолог. — В те времена изучение психических аберраций влекло за собой потенциальные психозы, поэтому, естественно, возникало множество ненужных суеверий. Медики, леча пациентов, одновременно пытались и сами сохранить психическое равновесие. Но сейчас это наука, а не религия. Мы установили допустимый уровень индивидуальных психических отклонений у самих психиатров, благодаря чему имеем больше шансов добраться до истинных ценностей. Однако пора и за работу. Попытайся ультрафиолетом. Хотя нет, уже не надо... кто-то выпускает его из шкафа. К дьяволу все это, пожалуй, мы и так зашли слишком далеко. Даже если он в возрасте трех месяцев до смерти испугался грома, на это можно наплевать. Просмотри все в хроно-

логическом порядке. Выведи на экран... так, посмотрим. События с участием следующих лиц: мистера Вандермана, миссис Вандерман, Джозефины Уэллс... и следующие места: контора, апартамент Вандермана, квартира самого Клэя...

— Готово.

— Потом проверим все еще раз, учитывая осложняющие факторы. Сейчас у нас беглый просмотр. Сначала приговор, потом улики, — с улыбкой добавил он. — Нам нужен лишь мотив...

— А что ты скажешь об этом?

Сэм Клэй разговаривал с какой-то девушкой в апартаменте класса В-2.

— Извини, Сэм. Это просто... ну, такое бывает.

— Да-а. Видимо, у Вандермана есть что-то такое, чего нет у меня. Забавно. Я все время думал, что ты влюблена в меня.

— Я и была... одно время.

— Ладно, забудем об этом. Нет, я не сержусь на тебя, Би. И даже желаю тебе счастья. Но ты была здорово уверена в моей реакции.

— Мне так жаль...

— Только не забывай, что я всегда позволял тебе решать. Всегда.

А про себя — этого экран показать не мог — он подумал: «Позволял? Я этого хотел. Насколько легче было оставлять решения ей. Да, характер у нее властный, а я, пожалуй, полная ее противоположность. Вот и еще раз все закончилось. Всегда одно и то же. Всегда кто-нибудь стоял надо мной, и я всегда чувствовал, что так или иначе должен подчиняться. Вандерман... эта его самоуверенность и дерзость... Он кого-то мне напоминает. Я был заперт в каком-то темном месте и чуть не задохнулся... Забыл. Кто же это... Отец? Нет, не помню. Но такой уж была моя жизнь. Отец вечно шпынял меня, а я мечтал, что однажды смогу делать все, что захочу... Но это так и не сбылось. Теперь уже слишком поздно, он давно мертв.

Он всегда был уверен, что я ему поддамся. Если бы я хоть раз взбунтовался...

Каждый раз кто-то запихивает меня куда-то и закрывает двери. И я ничем не могу себя проявить, не могу показать на что способен. Показать себе, Би, отцу, всему миру. Если бы я только мог... я хотел бы втолкнуть Вандермана в ка-

кое-нибудь темное место и захлопнуть дверь. Темное помещение, похожее на гроб. Приятно было бы сделать ему такой сюрприз... Неплохо бы убить Эндрю Вандермана».

— Ну, вот и начало мотива, — заметил социолог. — Правда, многие переживают разочарование в любви, но не совершают из-за этого убийства. Поехали дальше...

— По-моему, эта Би привлекала его потому, что он хотел, чтобы кто-то им управлял, — сказал инженер. — Он уже давно сдался.

— Да, пассивное сопротивление.

Проволочные катушки аппарата закрутились, и на экране появилась новая сцена. Разыгрывалась она в баре «Парадиз».

Где бы ни садился человек в баре «Парадиз», опытный робот мгновенно анализировал его фигуру и черты лица, после чего включал освещение такой интенсивности и окраски, чтобы подчеркивало лучшие его черты. Это место было популярно у деловых людей — мошенник мог показаться здесь честным человеком. Часто сюда заглядывали женщины и те звезды телео, чья слава медленно, но верно уходила в прошлое. Сэм Клэй напоминал молодого аскетичного святого, а Эндрю Вандерман выглядел благородно и вместе с тем угрюмо, словно Ричард Львиное Сердце, дарующий свободу Саладину с полным сознанием неразумности своего поступка. Noblesse oblige*, казалось, заявляла его сильная челюсть, когда он поднимал серебряный графин и подливал себе в бокал. В обычном освещении Вандерман немного напоминал симпатягу-бульдога. Лицо у него постоянно, а не только в «Парадизе», было красным. Явный холерик.

— А что касается нашей дискуссии, — заметил Клэй, — то вы можете идти в...

Остальное заглушила громкая музыка из музыкального автомата, игравшего роль цензора.

Ответ Вандермана услышать не удалось, поскольку музыка заиграла громче. Освещение быстро изменилось, чтобы скрыть румянец на его лице.

— Этого цензора очень легко перехитрить, — заметил Клэй. — Он настроен на распространенные оскорбительные слова, а не на сравнения. Если я скажу, что ваш отец был бы очень удивлен, увидев набор ваших хромосом... Слышите? — Он оказался прав, музыка оставалась тихой.

Вандерман сглотнул слюну.

---

* Noblesse oblige (*фр.*) — положение обязывает.

— Успокойтесь, — буркнул он. — Я понимаю, что вы взволнованы. Прежде всего я должен сказать...

— Hijo*...

Однако цензор владел испанским языком и избавил Вандермана от очередного оскорбления.

— ...что предлагаю вам работу, потому что считаю вас весьма способным человеком. У вас большие возможности. И это не взятка, личные дела не имеют с этим ничего общего.

— Только то, что Би была моей девушкой.

— Клэй, вы что, пьяны?

— Да, — ответил Клэй и запустил свой бокал в лицо Вандермана. Музыкальный автомат очень громко заиграл Вагнера. Когда через несколько минут прибежали официанты, Клэй лежал на полу окровавленный, с разбитым носом и фонарем под глазом, а Вандерман растирал костяшки пальцев.

— Вот тебе и мотив, — заметил инженер.

— Верно. Но почему Клэй ждал полтора года? И вспомни, что случилось позднее. Интересно, не был ли сам акт убийства символическим. Если Вандерман был для Клэя символом, скажем, деспотического, репрессивного общества, как целого, если он представлял собой синтетический образ этого общества... впрочем, нет, вздор. И все-таки Клэй явно хотел что-то доказать самому себе. Попробуй теперь прыгнуть вперед. Я хочу увидеть это в хронологическом порядке, а не наизнанку. Какой следующий эпизод?

— Очень подозрительный. Клэй дал выпрямить себе нос и пошел смотреть процесс об убийстве.

Он думал: «Я не могу дышать, здесь слишком много людей. Запертый в ящике, в шкафу, в гробу, безразличный людям, сидящим на скамье присяжных. Что бы я сделал, если бы сидел на скамье подсудимых, как этот тип? Что если меня приговорят? Это испортит все. Еще одно темное помещение... Если бы я унаследовал нужные гены, то мог бы побить Вандермана, но меня слишком долго терроризировали.

Я до сих пор помню ту песенку:

Он вырвался из стада, и шеф сказал: убей.
Я дал ему сковородой, и все сошло о'кей.

---

* Hijo (*исп.*) — сын.

Убийственное оружие, которое, как правило, не считается опасным. Но если им можно убить... Нет, Око обнаружит. В наше время нельзя скрыть ничего, кроме мотива. А если применить обратный ход? Допустим, я спровоцирую Вандермана, чтобы он бросился на меня с чем-то вроде сковороды, чем-то, неопасным по его мнению, но что вполне может обернуться смертоносным оружием...»

Процесс, который смотрел Сэм Клэй, был довольно скучным. Один человек убил другого. Адвокат утверждал, что убийство совершено неумышленно и что в данном случае можно доказать лишь нарушение личной неприкосновенности или, в худшем случае, преступную небрежность, причем эту последнюю следует признать высшей силой, а факт, что обвиняемый наследовал состояние покойного, вложенное в марсианскую нефть, ничего не меняет. Защита ссылалась на временную невменяемость.

Обвинитель представил записи, показывающие, что произошло перед убийством. Жертва и вправду не скончалась от удара, а была лишь оглушена. Однако произошло это на пустынном пляже, и когда начался прилив...

«Высшая сила», — твердил адвокат.

Потом экран показал обвиняемого, который за несколько дней до преступления просматривал в газете график приливов и отливов. Кроме того, он загодя посетил место преступления и спросил какого-то прохожего, много ли народу бывает на пляже. «Где там, — ответил тот, — как зайдет солнце, никого тут не бывает. Слишком холодно становится. Вам я тоже не советую здесь сидеть. Вечером слишком холодно для купания».

Одна сторона защищала принцип actus non facit reum, nisi mens rea (действие не означает вины, если не было преступного намерения), вторая — acta exteriora indicant interiora secreta (намерение следует оценивать по поступку). Основные принципы римского права продолжали действовать, правда, лишь до определенного предела. Прошлое каждого человека оставалось неприкосновенным при условии — здесь-то и была зацепка, — что человек этот обладал несомненными гражданскими правами. Но гражданин, обвиненный в тяжелом преступлении, автоматически терял свои права до тех пор, пока не будет установлена его невиновность.

Кроме того, во время процесса нельзя было представлять улики, полученные с помощью исследования прошлого, если не было доказано, что они прямо связаны с пре-

ступлением. Каждый гражданин имел право защищаться от заглядывания в его личную жизнь и терял его только в случае обвинения в серьезном преступлении. Но даже тогда полученные доказательства можно было использовать лишь в связи с конкретным обвинением. Разумеется, существовали всевозможные крючки, но теоретически никому не грозило подглядывание, пока он не нарушал закона.

Сейчас обвиняемый стоит перед судом, и его прошлое было скрупулезно изучено. Прокурор представил снимок энергичной блондинки, которая его шантажировала, и это определило мотив и приговор — виновен. Обвиняемого увели в слезах. Клэй встал и вышел из здания суда. Выглядел он задумчивым.

И верно, он размышлял. Клэй пришел к выводу, что есть лишь один способ убить Вандермана и избежать наказания. Он не мог утаить ни самого поступка, ни ведущих к нему действий, не мог скрыть ни одного слова, сказанного или написанного им. Скрыть он мог только свои мысли. Если он не хочет выдать себя, убийство нужно совершить так, чтобы поступок выглядел оправданным. А это означало, что начиная с этого дня ему придется затирать за собой следы.

«Итак, — решил Клэй, — ясно одно: дела обстояли бы гораздо лучше, если бы я терял на смерти Вандермана, а не приобретал. Нужно как-то это устроить. Однако нельзя забывать, что в настоящий момент у меня есть очевидный мотив. Во-первых, он отбил у меня Би, во-вторых, избил меня.

Значит, нужно обставить все так, чтобы казалось, будто Вандерман оказал мне услугу.

Я должен найти возможность лучше узнать Вандермана, и это должен быть нормальный, логичный, не вызывающий подозрений способ. Скажем, личная секретарша или что-нибудь в этом роде. Око еще в будущем, но оно смотрит на меня...

Я должен помнить об этом. ОНО СМОТРИТ НА МЕНЯ И СЕЙЧАС!

Ну ладно... Это естественно, что в такой ситуации я думаю об убийстве, этого я не могу и не должен скрывать. Постепенно я откажусь от этого намерения, но к тому времени...»

Он усмехнулся.

Выходя из дома, чтобы купить оружие, он чувствовал

себя неуверенно, словно ясновидящее Око из будущего могло вызвать полицию, просто моргнув. Однако их разделял барьер времени, который могли преодолеть только естественные процессы. К тому же Око следило за ним с самого рождения, и сейчас он собирался бросить ему вызов — ведь оно не умело читать мысли.

Клэй купил револьвер и подкараулил Вандермана в темной улочке Но сначала сознательно упился. Достаточно, чтобы удовлетворить Око.

— Тебе лучше? — спросил Вандерман, подливая ему кофе.

Клэй закрыл лицо руками.

— Это безумие, — произнес он. — Я, наверное, спятил. Лучше в-вызови полицию.

— Забудем об этом. Ты был пьян, вот и все. А я... ну что ж...

— Я грозил тебе револьвером... хотел тебя убить... а ты привел меня домой и...

— Но ты же не воспользовался револьвером, Клэй. Не забывай об этом. Ты не убийца. Это все я виноват — зря обошелся с тобой так резко, — ответил Вандерман. Даже в свете обычной янтарной лампы он походил на Ричарда Львиное Сердце.

— Я ни на что не годен. Каждый раз, когда я пытаюсь что-нибудь сделать, приходит кто-то вроде тебя и делает это лучше. Я просто размазня.

— Клэй, не нужно так говорить. Ты сейчас не в себе, и этим все объясняется. Послушай, ты еще встанешь на ноги, уж я об этом позабочусь. Завтра же этим и займемся. А сейчас пей кофе.

— Знаешь, ты отличный парень, — сказал Клэй.

«Этот прекраснодушный идиот проглотил крючок с наживкой, — думал Клэй, — погружаясь в сон. Прекрасно. Вот я и начал манипулировать Оком. Более того, я уже начал мстить Вандерману. Дай человеку оказать тебе услугу, и он сразу станет твоим другом. Но Вандерман сделает для меня еще больше. В сущности, прежде чем я с ним покончу, у меня будут все основания желать, чтобы он оставался в живых.

Все доказательства, видимые невооруженным Оком».

По-видимому, до этих пор Клэй не использовал своих талантов в полной мере: уж больно искусно он воплощал

свой убийственный план. И хитро. Ему наконец-то явился случай развернуть свои способности, а кроме того, он обзавелся покровителем. Именно эту роль играл Вандерман — вероятно, его мучила совесть из-за Би. Вандерман не мог позволить, чтобы на него пала хотя бы тень подозрения в недостойном поступке. Сильный и беспощадный по своей природе, он пытался убедить себя в том, что ему не чужды человеческие чувства. Впрочем, его сентиментальность никогда не переходила границы, за которой становилась невыгодной, а Клэй достаточно хорошо понимал это, чтобы не перегибать палку.

Однако сознание, что живешь под бдительным надзором неусыпного Ока, не проходит бесследно. Когда месяцем позже Клэй вошел в вестибюль Пятого Здания, он чувствовал, как свет, отраженный от его тела, безвозвратно исчезает в полированных ониксовых стенах, фиксируясь там, как на фотопластинке, чтобы дожидаться машину, которая однажды освободит его. Потом, сидя в кресле спирального лифта, который быстро поднимался между стенами, он воочию видел, как стены эти поглощают его изображение, завладевают им, как в тех страшных сказках, которые он помнил с детства...

Его встретила личная секретарша Вандермана. Клэй оценил старательно подобранный наряд девушки и ее в меру привлекательное лицо. Она сообщила ему, что мистер Вандерман вышел, к тому же встреча была назначена на три, а не на два, верно? Клэй заглянул в блокнот и щелкнул пальцами.

— На три... конечно же, вы правы, мисс Уэллс. Но я был так уверен, что мы встречаемся в два, что даже не удосужился проверить. Как вы думаете, может, он вернется раньше? То есть он просто вышел куда-то или у него совещание?

— Он просто вышел, мистер Клэй, — сообщила мисс Уэллс. — Но вряд ли вернется до трех. Мне очень жаль.

— Можно мне здесь подождать?

— Разумеется, — она одарила его профессиональной улыбкой. — Стерео стоит вон там, а пленки с журналами в этом шкафу.

Секретарша вернулась к прерванной работе, а Клэй просмотрел статью об уходе за лунными орешниками. Это дало ему возможность завязать разговор. Он спросил, любит ли мисс Уэллс орешники. Оказалось, что у нее нет четкого мнения по этому вопросу, но лед был сломан.

«Словно познакомились в каком-нибудь баре, — поду-

мал Клэй. — Может, у меня и разбитое сердце, но я чувствую себя хорошо только в одиночестве.

Однако идея заключалась не в том, чтобы близко сойтись с мисс Уэллс, словно он в нее влюбился. Око никогда не отдыхало. Клэй начал просыпаться по ночам с криками ужаса, а потом подолгу лежал, вглядываясь в потолок. Но даже темнота не могла его защитить.

— Вопрос в том, — заметил социопсихолог, — вел ли Клэй себя естественно или играл в расчете на зрителей.

— Ты имеешь в виду нас с тобой?

— Вот именно. Мне это только что пришло в голову. Думаешь, он был искренен?

Инженер задумался.

— Я бы сказал — да. Мужчина не женится на девушке только для того, чтобы реализовать какой-то план, верно? Иначе ему придется брать на себя кучу новых обязанностей.

— Но ведь Клэй не женился на Джозефине Уэллс, — напомнил социопсихолог. — Кроме того, жесткая зависимость от супруги существовала, возможно, лет сто назад, но не сейчас. Представь себе, — импровизировал он, — общество, где мужчина после развода обязан содержать здоровую, полную сил женщину! Я знаю, что это пережиток времен, когда только мужчины могли зарабатывать себе на жизнь... но представь женщину, которая соглашается с таким положением вещей. Это означает инфантильное отношение к жизни, если вообще...

Инженер откашлялся.

— О, — сказал социопсихолог. — Э-э... да. Остается вопрос, связался бы Клэй с этой женщиной, если бы на самом деле ее не...

— Связь можно и прервать.

— Эта связь, насколько мы знаем, до сих пор не прервана. А мы-то *знаем*.

— Нормальный мужчина не будет жениться на девушке, которая ему не интересна, разве что у него есть более сильный мотив... Это все, что я могу сказать.

— А нормален ли Клэй? — задумался социопсихолог. — Может, он заранее знал, что мы будем проверять его прошлое? Ты заметил, как он мошенничал с пасьянсом?

— А что это доказывает?

— Есть различные поступки, которых человек не совершит, если думает, что кто-то смотрит на него. Поднять

монету на улице, пить суп прямо из кастрюли, корчить рожи перед зеркалом... словом, то, что делаешь только наедине с собой. Или Клэй невиновен, или очень хитер...

Клей был очень хитер. Он никогда не собирался доводить дела до женитьбы, хотя знал, что в некотором отношении это явилось бы гарантией безопасности. Если человек говорит во сне, жена не замедлит об этом сказать. Клэй думал даже о том, чтобы затыкать себе рот на ночь, если возникнет такая необходимость, но потом понял, что если уж у него есть склонность к разговорам во сне, он может выболтать слишком много, когда рядом окажется слушатель. Он не мог так рисковать, да в этом, пожалуй, и не было особой необходимости. Проблема Клэя, когда он как следует ее обдумал, оказалась достаточно проста: как я могу убедиться, что не говорю во сне?

Он решил ее с легкостью, пройдя наркогипнотический курс языков, применяемых во Всеобщем банке. Курс предусматривал учебу днем и повторение урока на ухо во время сна. Кроме того, его проинструктировали, что нужно включить регистратор и сделать график глубины сна, чтобы подогнать наркогипноз к индивидуальному ритму. Он проделал это несколько раз, через месяц проверил снова и успокоился. Забивать на ночь кляп в рот не было нужды.

Клэй был рад: он мог спать, но правда, лишь тогда, когда у него не было снов. Через некоторое время он начал принимать снотворное. Ночь приносила отдых, освобождала от сознания, что за ним непрерывно следит Око, которое могло выдать его суду. Око, всесилию которого он не мог противостоять открыто. Однако Око навещало его и в снах.

Вандерман дал ему хорошую работу в своей фирме; такой жест был совершенно необычен для него. Честно говоря, Клэй был там просто помехой, однако пока это его устраивало. Он не просил новых одолжений до тех пор, пока не узнал круга обязанностей мисс Уэллс; кстати, ее звали Джозефина. Ему потребовалось несколько месяцев, но за это время их дружба окрепла и превратилась в чувство. После этого Клэй попросил у Вандермана другую должность, такую, благодаря которой вскоре готов был принять на себя обязанности мисс Уэллс.

Вероятно, Вандерман продолжал чувствовать себя виноватым из-за Би, которая стала его женой и в настоящее

время развлекалась в Антарктическом Казино. Вандерману не терпелось к ней присоединиться, он написал соответствующее распоряжение, пожелал Клэю удачи и уехал в Антарктику, освободившись от беспокойств и угрызений совести. Клэй с толком использовал это время, еще активнее ухаживая за Джозефиной. Узнав о житье-бытье новой миссис Вандерман, он даже в глубине души почувствовал облегчение. Еще не так давно, довольствуясь пассивным подчинением, он мог мириться с растущим влиянием Би, но теперь — нет. Он научился полагаться на себя, и это ему нравилось. В те времена поведение Би оставляло желать много лучшего. Имея же столько денег и свободы, сколько хотела, она страдала от избытка свободного времени. Порой до Клэя доходили сплетни, заставлявшие его украдкой посмеиваться. Вандерману жилось с ней нелегко: Би олицетворяла властный тип женщины, но и сам Вандерман не был подкаблучником.

Через некоторое время Клэй известил своего хозяина, что намерен жениться на Джозефине Уэллс.

— Так мы будем в расчете, — заявил он. — Ты отнял у меня Би, а я заберу у тебя Джози.

— Минуточку, — запротестовал Вандерман. — Не хочешь же ты...

— Твоя секретарша — моя невеста. Это все. Дело в том, что мы с Джози любим друг друга.

Говоря это, он старался соблюдать максимальную осторожность. Легче было обмануть Вандермана, чем Око, через которое на него смотрели квалифицированные судебные техники и социопсихологи. Порой Клэй вспоминал средневековые изображения огромного глаза в треугольнике, и они ассоциировались у него с какой-то неясной опасностью. Он никак он мог выбросить из головы этот образ.

В конце концов что мог сделать Вандерман? Только устроить Клэю новое повышение. Джозефина, неизменно педантичная, сказала, что поработает еще какое-то время, пока ситуация нормализуется. Однако по непонятным причинам она так никогда и не нормализовалась. Вандерман ловко устраивал это, подкидывая Джозефине все новую и новую работу. Она не была обязана брать работу на дом, однако брала, и Клэй, который часто заглядывал к ней, через какое-то время стал ей помогать. Его должность плюс наркогипнотические курсы подготовили его к трудной организационной работе такого рода. Деятельность Вандермана была довольно специфической — импорт и экспорт в планетарном масштабе, — а поскольку

следовало постоянно уточнять ассортимент и учитывать сезонные колебания, Джозефина была для Вандермана чем-то вроде ходячей записной книжки и работала сверхурочно.

Они с Клэем на время отложили свадьбу. Клэй — это было вполне естественно — начал ревновать Джозефину к работе, и девушка пообещала ему вскоре уволиться. Но однажды вечером она осталась в конторе, а он обиделся и напился в одиночестве. В ту ночь шел дождь, а Клэй надрался до такой степени, что ходил под дождем без зонтика, а дома лег спать в мокрой одежде. В результате он заболел гриппом, и, уже выздоравливая, заразил Джозефину.

В создавшейся ситуации Клэй поднялся еще на одну ступень — правда, только временно — и принял обязанности своей невесты. В ту неделю дела в конторе были исключительно запутанны, и только Клэй ориентировался во всех деталях. Это избавило Вандермана от многих хлопот, а когда положение стабилизировалось, Джозефина занялась вспомогательной работой, а Клэй стал личным секретарем Вандермана.

— Я хотел бы знать о нем побольше, — сказал Клэй Джозефине. — Ведь у него наверняка есть какие-то привычки и слабости, которые стоит учитывать. Если он попросит принести ленч, я бы не хотел заказать говяжий язык и обнаружить, что шефа от него тошнит. Есть у него хобби?

Впрочем, он старался не давить на Джозефину слишком сильно — из-за Ока. И по-прежнему он не мог спать без снотворного.

Социопсихолог потер лоб.

— Сделаем перерыв, — предложил он. — Кстати, почему человек решается на убийство?

— Ради какой-нибудь выгоды.

— Пожалуй, но это еще не все. Вторая причина это подсознательное желание быть наказанным... обычно за что-то совершенно иное. В этом все дело. Ты думал когда-нибудь, что происходит с убийцами, которые чувствуют себя виноватыми, но не наказаны законом? Они весьма плохо кончают: сплошь и рядом случайно попадают под гоночные машины, калечатся топорами... случайно; так же случайно касаются проводов высокого напряжения...

— Совесть?

— Когда-то давно люди считали, что Бог сидит на небе у телескопа и все время следит за ними. В средние века они и вправду следили за собой... то есть в начале средневековья. Потом пришла эпоха, когда люди не могли уже ни во что поверить до конца... а сейчас мы имеем вот это. — Он кивнул на экран. — Универсальная память. В широком значении слова это универсальная общественная совесть, но отчужденная, выведенная наружу. Всеведущая, как в средневековой концепции Бога.

— Но не всемогущая.

— Угу...

Говоря коротко, полтора года кряду Клэй постоянно помнил, что Око следит за ним. Прежде чем что-то сказать или сделать, он вспоминал об Оке и пытался не выдавать своих намерений будущему, которое будет его судить. Разумеется, имелось также — точнее, еще будет — некое Ухо, но это становилось уже совершенно абсурдным. Трудно представить огромное Ухо, отделенное от тела и висящее на стене, словно декоративная тарелка. Тем не менее все его слова станут не менее важной уликой, чем поступки. Поэтому Сэм Клэй был по-настоящему осторожен и старался вести себя как жена Цезаря. Правда, он не бунтовал против власти, однако все-таки пытался ее обмануть.

Вандерман, кстати, несколько напоминал Цезаря, но в те дни его жена отнюдь не была вне подозрений. У нее было слишком много денег для развлечений. Кроме того, она обнаружила, что муж ее обладает слишком сильной волей. Би была сторонницей матриархата и инстинктивно бунтовала против Эндрю Вандермана. К тому же характер у нее был не слишком романтический, а Вандерман несколько пренебрегал ею. Последнее время он был очень занят, буквально поглощен множеством дел, занимавших большую часть его времени. Разумеется, без Клэя тут не обошлось. Его работоспособность была достойна всяческих похвал. Он оставался вечерами, считал и планировал, словно надеясь, что Вандерман сделает его своим компаньоном. Кстати, он намекнул о такой возможности Джозефине, желая, чтобы это было зарегистрировано. Был назначен день свадьбы, и Клэй решил, что пора действовать — он не собирался доводить дело до брака по расчету, а камуфляж вскоре уже не будет нужен.

Оставалось еще одно дело, требовавшее максимальной осторожности: достать бич. Вандерман был довольно нер-

вным человеком и постоянно вертел что-нибудь в руках. Обычно это было хрустальное пресс-папье, внутри которого ярилась миниатюрная буря, а если его потрясти, то видны были даже молнии. Клэй положил пресс-папье в таком месте, чтобы Вандерман наверняка сбросил его на пол и разбил, сам же тем временем провернул трудную сделку с Ранчо Каллисто только для того, чтобы достать бич на стол Вандермана. Туземцы гордились своими поделками из кожи и серебра, поэтому после каждой сделки преподносили компаньону соответствующий подарок. Одним словом, вскоре на столе появился небольшой бич с инициалами Вандермана, завязанный петлей и выполнявший роль пресс-папье; иногда Вандерман брал его в руки и играл им во время разговора.

Второе орудие, в котором нуждался Клэй, уже лежало на месте — нож для бумаги, точнее, старинный хирургический скальпель. Клэй никогда долго не задерживал на нем взгляд, из-за Ока, конечно.

Пришел очередной бич. Клэй небрежно бросил его на стол и сделал вид, будто забыл о нем. Это было изделие Аляскинских Бичевателей, применявшееся в их церемониях, а заказала его фирма потому, что проводила исследования применяемых Бичевателями таблеток, которые превращали боль в наслаждение. Разумеется, и эта сделка была делом рук Клэя. В ней не было ничего подозрительного — она сулила фирме хорошую прибыль. Кстати, Вандерман обещал Клэю в конце года процент от каждой заключенной им сделки. Шел декабрь, минуло полтора года с тех пор, как Клэй вступил в поединок с Оком.

Чувствовал Клэй себя отлично. Снотворное он принимал умеренно и, хотя нервы его были натянуты как струны, был куда как далек от критического состояния. Такая жизнь утомляла, но он привык к ней и не совершал, как ему казалось, никаких ошибок. Клэй представлял себе Око на стенах, на потолке, на небе, словом, везде, где бы ни находился. Это был единственный способ обеспечить себе полную безопасность. Вот-вот он должен был пожать плоды своих усилий, но сделать это следовало быстро — такое нервное напряжение невозможно выдерживать долго.

Оставалось еще несколько мелочей. Он старательно устроил все — можно сказать, на глазах у Ока — так, чтобы ему предложили хорошо оплачиваемую должность в другой фирме. И отказался от нее.

А однажды вечером неожиданно возникла критическая ситуация, и Клэю пришлось явиться домой к Вандерману.

Его самого дома не оказалось, зато там была Би. Она здорово поругалась с мужем и к тому же много выпила. Этому Клэй, кстати сказать, не удивился. Если бы ситуация развивалась как-то по-другому, он попытался бы еще раз, однако такой нужды не возникло.

Клэй был вежлив более чем обычно. Может, даже слишком вежлив, поскольку Би, начинающая сторонница матриархата, была не прочь пофлиртовать с ним. Она вышла за Вандермана из-за денег, после чего обнаружила, что муж не уступает ей в силе характера. Сейчас же она увидела в Клэе преувеличенный символ романтических чувств и мужской податливости.

Глаз камеры, укрытой в декоративном барельефе на стене и непрерывно следящей за ними, а также включенный магнитофон доказывали, что Вандерман был подозрительным и ревнивым мужем. Впрочем, Клэй знал об этом устройстве. В нужный момент он споткнулся и налетел на стену так ловко, что сбил камеру. Затем, когда за ним следило уже только одно, казенное Око, он вдруг стал необычайно добродетельным. Жаль, что Вандерман не мог видеть этой перемены.

— Слушай, Би, — сказал Клэй, — извини, но я тебя не понимаю. Ничего хорошего из этого не выйдет. Я тебя не люблю. Да, когда-то любил, но это было давно. А теперь у меня другая любовь, пойми это.

— Ты по-прежнему любишь меня! — сказала Би с пьяным упрямством. — Мы принадлежим друг другу.

— Би, ради Бога... Мне неприятно это говорить, но я благодарен Вандерману за то, что он на тебе женился. Я... в общем, ты получила, чего хотела, да и я тоже. Пусть все так и останется.

— Я всегда получаю чего хочу, Сэм. Не люблю, когда ломаются, особенно если знаю, что на самом-то деле...

Она говорила еще много чего, впрочем, как и Клэй, хотя он, возможно, вел себя излишне резко. Он хотел поубедительнее доказать Оку, что уже не ревнует Би к Вандерману.

И доказал.

На следующее утро Клэй явился в контору до Вандермана, убрал на своем столе и нашел еще не распакованный бич из ската. «Ой-ой!» — воскликнул он и щелкнул пальцами. Око пристально следило за ним, а решающий момент все приближался. Может, все кончится в течение часа. Теперь ему следовало еще тщательнее планировать каждый свой шаг, он не мог позволить себе ни малейшей ошибки. Око смотрело отовсюду, буквально отовсюду.

Клэй открыл коробку, вынул бич и вошел в кабинет Вандермана. Там он небрежно бросил бич на стол, перевернув при этом письменный прибор. Наведя порядок, Клэй оставил бич из ската на краю стола, а кожаный, с серебром бич с Каллисто положил чуть сзади, спрятав его за корпусом внутреннего визиофона. Затем он позволил себе один беглый взгляд, чтобы убедиться, что нож для бумаг лежит на месте, и пошел выпить кофе.

Спустя полчаса Клэй вернулся, взял с подставки несколько писем, которые нужно было обсудить с шефом, и вошел в кабинет Вандермана. Тот поднял голову от бумаг. За полтора года он изменился мало; хотя, конечно, выглядел теперь старше, не так благородно и еще больше походил на стареющего бульдога.

«Этот человек, — холодно подумал Клэй, — когда-то украл у меня невесту и избил меня. Осторожно! — одернул он себя. — Помни об Оке».

Ему не нужно было ничего больше придумывать, достаточно поступать согласно плану и позволить событиям развиваться своим чередом. Вандерман, конечно, уже просмотрел фильм до того места, когда тот оборвался от толчка Клэя, ловко налетевшего на стену. Конечно, он не ждал, что Клэй появится этим утром. И вот этот мерзавец приветливо улыбается, подходит и кладет какие-то бумаги на его стол!

Клэй рассчитывал на взрывной темперамент Вандермана. Сначала шеф просто сидел за столом, пережевывая неприятные мысли, а потом, как и предвидел Клэй, взял бич и принялся крутить его. Однако на сей раз это был бич из ската.

— Добрый день, — весело обратился Клэй к удивленному Вандерману. Тот мрачно смотрел на него. — Я ждал вас, чтобы обсудить письмо киргизским чабанам. Найдется у нас рынок сбыта на две тысячи пар декоративных рогов?

Тут Вандерман взревел, вскочил, размахнулся и хлестнул Клэя бичом по лицу. Говорят, ничто не причиняет такой боли, как удар бичом из ската.

Клэй отшатнулся — он даже не предполагал, что будет так больно. От шока его на мгновение покинуло благоразумие, остался только слепой гнев.

«Помни об Оке!»

Он помнил. Именно сейчас десятки специалистов следили за тем, что он делал. Он словно стоял на сцене, окруженный взыскательными зрителями, отмечавшими каждую гримасу на его лице, каждое движение мышц, каждый вздох.

Через секунду Вандерман умрет, однако Клэй не останется один. Невидимые зрители будущего мерили его холодными, расчетливыми взглядами. Оставалось сделать последнее, и план будет выполнен. Сделай же это — только осторожно! — пока они смотрят.

Время остановилось для него. *План будет выполнен.*

Он столько раз проигрывал это в тайниках своего разума, что сейчас его тело без понуканий делало свое. Оно отшатнулось от удара, восстановило равновесие, удивленно и яростно посмотрело на Вандермана, а затем наклонилось за ножом для бумаг, лежавшим на столе.

Это сделала телесная оболочка Сэма Клэя, однако внутренняя, духовная частица его «я» была занята совершенно другим.

«План будет выполнен».

А что потом?

Душа убийцы внезапно замерла, удивленно и растерянно глядя в совершенно пустое будущее. Он никогда не заглядывал дальше этой минуты, не строил никаких планов на жизнь после смерти Вандермана. Но сейчас у него не было других врагов, кроме Вандермана, и когда тот умрет, чем Клэй заполнит свою жизнь? Что он будет делать? Кроме того, он потеряет работу, которую уже успел полюбить.

Внезапно Клэй понял, насколько она важна для него. Он хорошо справлялся, впервые в жизни найдя работу, которую мог делать по-настоящему хорошо.

Нельзя прожить полтора года в новом качестве и не обзавестись новыми взглядами. Перемена произошла незаметно. Клэй оказался хорошим организатором и обнаружил, что может добиться успеха. И незачем было убивать Вандермана, чтобы доказать это себе. Он и так уже доказал это, безо всякого убийства.

В тот краткий миг, когда все вокруг остановилось, он взглянул на багровое лицо Вандермана, подумал о Би и ее муже, которого успел хорошо узнать... и уже не хотел убивать!

Он не желал смерти Вандермана. Не желал Би, даже испытывал легкую тошноту при воспоминании о ней. Может, потому, что он сам изменился, перестал быть пассивным. Он уже не нуждался во властной женщине, научился принимать решения сам. Окажись Клэй сейчас перед выбором, он наверняка предпочел бы кого-нибудь вроде Джозефины.

Джозефина. Перед его мысленным взором вдруг возникло роскошное видение: Джозефина с ее ненавязчивой красотой и Сэм Клэй — преуспевающий бизнесмен, молодой многообещающий импортер из «Корпорации Вандермана». Джозефина, на которой он собирался жениться... Разумеется, он женится на ней, ведь он ее любит, так же как любит и свою работу. Он желал только сохранить статус-кво, удержать то, чего добился. Именно теперь все складывалось великолепно... всего лишь тридцать секунд назад.

Но все это было давно — целых тридцать секунд назад. За полминуты может случиться многое. Вандерман вновь замахнулся на него, и Клэй напрягся, ожидая еще одного жгучего удара по лицу. Если бы он успел схватить Вандермана за руку, прежде чем тот ударит снова... если бы успел ему сказать...

На лице его застыла все та же фальшивая улыбка. Каким-то странным, не до конца понятным для него самого образом это тоже входило в план. Вступили в действие условные рефлексы, выработанные им за много месяцев тренировок. Все промелькнуло в его мозгу так быстро, что не было никакой заминки. Его тело знало свою задачу и выполнило ее, метнувшись к столу и ножу, а он не смог его остановить.

Все это уже происходило в его воображении, единственном месте, где последние полтора года Сэм Клэй чувствовал себя по-настоящему свободным. Все это время он заставлял себя помнить о том, что Око следит за каждым его поступком. Клэй заранее спланировал каждое свое движение, и тело знало, как и что делать. Он почти никогда не позволял себе действовать под влиянием порыва, чувствовал себя в безопасности, только если строго придерживался какого-то плана. Он слишком хорошо запрограммировал себя.

Что-то было не так. Он желал не этого. Клэй вдруг снова стал слабым, испуганным, неуверенным...

Навалившись на стол, он схватил нож для бумаг и, уже зная, что проиграл, вонзил его в сердце Вандермана.

— Тонкое дело, — сказал инженеру судебный социопсихолог. — Очень тонкое.

— Хочешь, чтобы я пустил все сначала?

— Нет, не сейчас. Я хочу подумать. Эта фирма, в которой ему предлагали должность... Теперь предложение снято, да? Они очень щепетильны, когда дело касается морали. Страховка или что-то подобное... не знаю. Так, теперь мотив.

Социопсихолог посмотрел на инженера, а тот сказал:

— Полтора года назад у парня был мотив, но неделю назад он терял все и не получал ничего. Он лишался работы и денег, его уже не интересовала миссис Вандерман... правда, когда-то Вандерман побил его, но...

— Один раз он уже пытался стрелять в Вандермана, но из этого ничего не вышло, помнишь? Хотя он даже опрокинул пару рюмок для храбрости. Но что-то мне тут не нравится. Клэй ведет себя на диво образцово, и у меня нет на руках никаких доказательств.

— Может, копнем его прошлое поглубже? Мы дошли только до четвертого года жизни.

— Там мы не найдем ничего важного. Очевидно, что Клэй боялся отца и одновременно ненавидел его. Типичный случай, элементарная психология. Отец был для него символом возмездия. Боюсь, что Сэм Клэй сумеет выйти сухим из воды.

— Но если, по-твоему, за этим что-то кроется...

— Мы обязаны представить доказательства, — вздохнул социопсихолог.

Визиофон загудел, тихий голос о чем-то спросил.

— Нет, заключение еще не готово... Сейчас?.. Хорошо, я зайду к тебе.

Он встал.

— Заместитель начальника настаивает на консультации, но я не жду от нее ничего особенного. Боюсь, это дело мы проиграем. В этом и состоит проблема совести, выведенной наружу...

Он не закончил и вышел, качая головой, а инженер остался задумчиво вглядываться в экран. Но через пять минут инженеру поручили другое дело — работников не хватало, — и всю следующую неделю у него не было возможности закончить следствие. А потом это уже не имело значения.

Потому что через неделю Сэм Клэй вышел из здания суда оправданным по всем пунктам. Би ждала его внизу. Она была в черном, но в ее сердце траура явно не было.

— Сэм... — позвала она.

Клэй посмотрел на нее.

Он был слегка ошеломлен, потому что все кончилось

и прошло точно по его плану. Око закрылось, невидимые зрители надели пальто и шляпы и покинули театр личной жизни Сэма Клэя. С этой минуты он мог говорить и делать все, что ему хочется, не контролируемый никакими цензорами. Он снова мог поддаваться порывам.

Ему удалось перехитрить общество. Сэм Клэй сумел перехитрить Око со всей его технологической мощью и всех его слуг. Он, Сэм Клэй, обычный гражданин. Это было чудесно, и он никак не мог понять, почему после выполнения плана чувствует себя таким несчастным.

Правда, было еще это мгновенное колебание перед убийством. Минута слабости. Когда приходится принимать важные решения, человек зачастую паникует в последний момент... когда собирается жениться, например. Или... что же там было еще? Какая-то еще жизненная ситуация, о которой он часто слышал. Мысль снова и снова ускользала от него, но он все же сумел ее поймать. Когда человек собирается жениться... или покончить с собой. Когда он уже нажимает на спуск или прыгает с моста. Тогда в мыслях происходит резкий поворот и человек готов отдать все, только бы избежать уже непоправимого шага. Но уже не может. Слишком поздно. Свершилось.

Выходит, как он был глупцом, так глупцом и остался. К счастью, оказалось, что еще не поздно. Его тело приняло управление на себя и сделало то, к чему он готовился. А работа не имела значения, он найдет себе другую. Он доказал свои способности. Если уж он сумел перехитрить само Око, теперь никакая работа не будет для него слишком сложной. Вот только... никто не подозревал о его возможностях. С ума сойти! Одержать такую феноменальную победу после бесконечной череды поражений и не получить заслуженного признания! Сколько людей пробовали и терпели поражение там, где ему повезло... богатых, способных, умных людей?! И все они проиграли Оку, а ставкой была жизнь. Только Сэм Клэй сдал самый важный экзамен, но не мог рассчитывать на похвалу.

— ...я знала, что тебя оправдают, — говорила Би.

Клэй уставился на нее.

— Что?

— Я говорю, что рада видеть тебя на свободе, дорогой. Я знала что тебя оправдают, знала с самого начала. — Она улыбнулась ему, и он впервые заметил, что Би чем-то напоминает бульдога. Было в ее лице что-то такое... линия нижней челюсти, что ли. «Когда она стискивает зубы, — подумал он, — нижние клыки наверняка чуточку

выступают вперед». Под влиянием внезапного импульса он хотел было спросить ее об этом, но решил, что лучше не надо.

— Ты правда знала?

Она сжала его ладонь. Какая все-таки уродливая эта ее нижняя челюсть. Странно, что он не замечал этого раньше. И какие маленькие глаза под тяжелыми от туши ресницами. И как холодно они смотрят.

— Пойдем куда-нибудь, где мы будем одни, — предложила Би, прижимаясь к нему. — Нам столько нужно сказать друг другу...

— Мы и так одни, — ответил Клэй, невольно возвращаясь к своим рассуждениям. — Никто на нас не смотрит. — Он взглянул вверх, на небо, и вниз, на мозаичный тротуар, глубоко вдохнул воздух и вытолкнул его из легких в медленном выдохе. — Никто, — повторил он.

— Я поставила машину рядом. Мы можем...

— Извини, Би.

— Что ты имеешь в виду?

— Я должен еще уладить несколько дел.

— Забудь ты о делах. Как ты не поймешь, что мы оба наконец-то свободны?

Клэй подумал, что, пожалуй, знает, о чем она говорит.

— Подожди минутку, — сказал он, думая о том, как бы поскорее закончить разговор. — Я убил твоего мужа, Би. Не забывай об этом.

— Тебя оправдали. Это была самооборона — так решил суд.

— Это... — он умолк, украдкой взглянул на высокую стену Дворца Справедливости и невесело улыбнулся уголком губ. Все было в порядке, никакого Ока не было. И уже никогда не будет. Никто за ним больше не следил.

— Ты не должен чувствовать себя виноватым, даже подсознательно, — решительно заявила Би. — Это не твоя вина, помни это. Ты мог убить Эндрю Вандермана только случайно, поэтому...

— Что?! Что ты имеешь в виду?

— Ну, видишь ли... Я слышала, как обвинитель пытался доказать, будто ты с самого начала планировал убить Эндрю, но ты не позволяй убедить себя в этом. Я знаю тебя, Сэм, и знала Эндрю Вандермана. Ты не сумел бы спланировать ничего подобного, а если бы и попытался, то не смог бы выполнить.

Улыбка Клэя погасла.

— Не смог бы?

— Конечно, не смог бы. — Она непреклонно смотрела на него. — Эндрю превосходил тебя во всем, и мы оба это знаем. Он был слишком хитер, чтобы обмануться в чем-то...

— ...что мог бы придумать такой растяпа, как я? — закончил Клэй и прикусил губу. — Даже ты... Чего ты добиваешься? В чем хочешь меня убедить? Что мы, растяпы, должны держаться вместе?

— Идем, — сказала Би, и ее ладонь скользнула ему под руку. Клэй помялся, помрачнел, оглянулся на Дворец Справедливости и двинулся за Би к ее машине.

У инженера выдалась свободная минута, и он смог наконец изучить раннее детство Сэма Клэя. Правда, теперь это была чисто академическая проблема, но инженер любил доводить дело до конца. Он вновь выследил Клэя, запертого в шкафу в возрасте четырех лет, и воспользовался ультрафиолетом. Сэм, скорчившись, сидел в уголке и тихонько плакал, испуганно вглядываясь в самую верхнюю полку.

Что находилось на этой полке, инженер разглядеть не сумел.

Он начал быстро двигаться в прошлое, удерживая шкаф в фокусе. Шкаф часто открывали, порой Сэма Клэя запирали в нем, но верхняя полка не выдавала своей тайны, пока...

Все происходило в обратном порядке. Какая-то женщина полезла на полку, сняла некий предмет, спиной вперед прошла в спальню Сэма Клэя и подошла к стене у дверей. Это было необычно, потому что, как правило, за шкафом следил отец Сэма.

Женщина повесила на стену картину, изображающую огромное одинокое око, висящее в воздухе. Подпись внизу гласила: ТЫ МЕНЯ ВИДИШЬ, ГОСПОДИ.

Инженер стал смотреть дальше. На экране была ночь. Испуганный ребенок сидел на кровати с широко открытыми глазами. С лестницы доносились тяжелые мужские шаги. Это был отец Сэма, он шел, чтобы наказать мальчика за какую-то провинность. Лунный свет падал на стену, из-за которой доносились шаги; видно было, как стена легонько вздрагивала после каждого шага и вместе с ней вздрагивало Око на картине. Мальчик, казалось, взял себя в руки и вызывающе скривил губы в неуверенной улыбке.

На этот раз он не перестанет улыбаться, что бы ни

случилось. Когда все закончится, он будет по-прежнему улыбаться, чтобы его отец увидел это, и чтобы Око увидело, и чтобы все знали, что он не сдался. Не сдался... не...

Дверь распахнулась.

Он ничего не смог с собой поделать. Улыбка угасла.

— Ну и что же его мучает? — спросил инженер.

Социопсихолог пожал плечами.

— Мне кажется, он так никогда и не вырос. Совершенно очевидно, что мальчик проходил фазу соперничества со своим отцом. Обычно дети вырастают и побеждают тем или иным способом... но только не Сэм Клэй. Подозреваю, что он очень рано приспособил для себя концепцию внешней совести, символизирующей отчасти его отца, а отчасти Бога, Око и общество... играющее роль заботливого и сурового родителя.

— Это еще не повод...

— Мы не собираемся представлять против него какие-либо доказательства, но это не значит, что ему все сойдет с рук. Сэм Клэй всегда боялся ответственности, связанной со взрослением. Он никогда не брался за дело, соответствующее его возможностям, боялся любого успеха — ведь тогда то, что символизирует Око, могло бы дать ему пинка. Он разделался бы с этой проблемой, если бы, будучи еще ребенком, хоть раз пнул своего старика под зад. Конечно, это кончилось бы небывалой взбучкой, но он по крайней мере сделал бы первый шаг к самоутверждению. Но ждал слишком долго, а потом взбунтовался, но не против того, против чего следовало бы. И это был не настоящий бунт. А теперь уже слишком поздно. Развитие его личности закончилось очень рано. Честно говоря, проблема Клэя была бы решена, если бы его покарали за убийство, но его оправдали. Если бы его осудили, он тем самым доказал бы миру, на что способен. Дать пинка под зад отцу, удержать на лице эту вызывающую улыбку, убить Эндрю Вандермана. Думаю, именно этого он и хотел все время — признания. Хотел доказать, чего он стоит, добиться, чтобы его уважали. Ему пришлось поработать, чтобы затереть за собой следы, а если он какие-то и оставил, то это было частью игры. Побеждая, он проиграл. Обычные пути бегства для него закрыты, ибо всегда какое-нибудь Око смотрит на него с высоты.

— Значит, оправдательный приговор останется в силе?

— У нас по-прежнему нет никаких улик. Обвинение проиграло это дело. Но... не думаю, чтобы Сэм Клэй выиграл его. Что-то еще произойдет. — Он вздохнул.

— Боюсь, это неизбежно. Сначала, как известно, выносится вердикт, а уж потом приговор. Вердикт Сэму Клэю был вынесен уже давно.

Сидя напротив него в баре «Парадиз», Би выглядела и прелестно, но и отталкивающе. Прелестной ее делало освещение, сумевшее затенить ее бульдожью челюсть и придать видимость красоты маленьким холодным глазкам, под густыми ресницами. Однако для него она по-прежнему выглядела отталкивающе, и с этим свет ничего не мог поделать. Он не мог подсветить мысли Сэма Клэя или подсветить его воображение.

Он думал о Джозефине, еще не решив окончательно, как быть с ней. Но даже не зная пока, чего хочет, он отлично представлял, чего *не хочет* — чтобы осталась хоть крупица сомнения.

— Я нужна тебе, Сэм, — оказала Би, взяв полный бокал.

— Я сам справлюсь. Мне никто не нужен.

Эта снисходительная улыбка на ее лице, эта улыбка, обнажающая зубы. Он видел — отчетливо, словно обладал рентгеновским зрением, — что когда Би закрывает рот, нижний ряд зубов чуточку выдвигается вперед. В такой вот челюсти таится огромная сила. Клэй взглянул на ее шею, заметил, какая она толстая, и подумал, как крепко Би держала его, как маневрировала и ждала возможности снова ухватить своими бульдожьими челюстями ткань его жизни.

— Ты же знаешь, я хочу жениться на Джозефине, — сказал он.

— Нет, не хочешь. Ты не тот мужчина, который нужен Джозефине. Я знаю эту девушку, Сэм. На какое-то время ты смог обмануть ее, прикинувшись человеком действия, но в конце концов она откроет правду. Вы были бы жалкой парой. Только подумай, Сэм, во что ты вляпался, едва попытался действовать самостоятельно! О, Сэм, ну почему ты не признаешься честно? Ведь ты хорошо знаешь, что сам не смог бы организовать ничего. Ты никогда... что с тобой, Сэм?

Внезапный смех Клэя застал врасплох их обоих. Сэм старался, пытался ответить ей, но не мог с собой спра-

виться. Откинувшись на стуле, он трясся от смеха, почти задыхался. Так мало, так отчаянно мало не хватило, чтобы он начал похваляться и выболтал все. И только для того, чтобы убедить Би. Только для того, чтобы заставить ее заткнуться. Никогда прежде он не отдавал себе отчета, насколько важно для него ее мнение. Но последние слова переполнили чашу, это было уже слишком... слишком смешно. Сэм Клэй, который ничего не может организовать!

Как хорошо было снова смеяться. Дать себе поблажку и не заботиться о последствиях. После долгих месяцев суровой дисциплины снова подчиняться неконтролируемым импульсам. Публика из будущего уже не соберется возле этого столика, чтобы анализировать его смех, измерять его эмоциональное напряжение и продолжительность и гадать, чем же объясняется этот хохот.

Ну и ладно, пусть у него просто истерика. И что с того? После всего пережитого он заслужил разрядку. Он рисковал многим и добился многого, хотя в результате не получил ничего, даже признания, разве что в собственных глазах. Откровенно говоря, он добился лишь того, что мог теперь впадать в истерику каждый раз, когда на него накатит. Он смеялся, смеялся и смеялся; сам слышал в своем голосе пискливые, истерические ноты, но не обращал на это внимания.

Люди начали оглядываться на него, беспокойно посмотрел бармен, готовый вмешаться, если ситуация затянется надолго. Би встала, перегнулась через стол и встряхнула его.

— Сэм, что случилось? Сэм, возьми же себя в руки! Ты выставляешь нас на посмешище, Сэм! Над чем ты смеешься?

Огромным усилием воли Сэм задушил смех в своем горле. Ему не хватало дыхания, и отдельные приглушенные всхлипы прорывались наружу, но он все-таки сумел выдавить несколько слов. Это были первые неподцензурные слова, сказанные им после долгих месяцев. И вот что он сказал:

— Я смеюсь над тем, как обманул тебя. Всех обманул! Думаешь, я не знал, что делаю? Думаешь, все это время я не планировал каждый очередной шаг? У меня ушло на это восемнадцать месяцев, но я преднамеренно убил Эндрю Вандермана, и никто никогда ничего не докажет. — Он глупо рассмеялся и добавил уже спокойно: — Я только хотел, чтобы ты знала.

Только восстановив дыхание и испытав чувство неве-

роятного, ни с чем не сравнимого облегчения, он понял, что натворил.

Би смотрела на него с каменным лицом, и во взгляде ее была пустота. Четверть минуты царила мертвая тишина. Клэю казалось, что его слова разнеслись по всему помещению, что вот-вот сюда ворвется полиция и арестует его. Но все было сказано тихо, и никто, кроме Би, ничего не услышал.

Наконец Би отреагировала. Она ответила ему, но не словами. Лицо, похожее на бульдожью морду, вдруг конвульсивно исказилось и взорвалось смехом.

Слушая ее, Клэй чувствовал, как чудесное облегчение, испытанное минуту назад, покидает его. Он понял — Би ему не поверила. И он никак не мог ничего доказать.

— Ну и глупыш! — воскликнула Би, наконец успокоившись. — Ты едва не обманул меня. Я почти поверила тебе. Я...

Она не могла говорить дальше, снова смеясь и сознательно привлекая к ним общее внимание. Эта нарочитость предупредила его: Би явно что-то задумала. У нее зародилась какая-то идея. Клэй прочел ее мысли и еще до того, как она заговорила, уже знал, что это за идея и как Би собирается воплощать ее в жизнь.

— Я женюсь на Джозефине, — быстро оказал он, прежде чем Би успела произнести хоть слово.

— Ты женишься на мне, — решительно заявила она. — У тебя нет выбора. Ты не знаешь себя, Сэм. Я знаю, что для тебя лучше, и я обеспечу тебе это. Ты меня понял, Сэм? Полиция не поймет, что это была лишь глупая похвальба, — добавила она. — Они тебе с радостью поверят. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я передала им твои слова?

Он молча смотрел на нее, не видя никакого выхода. На сей раз он оказался перед худшим из возможных выборов. Поскольку Би не поверила ему и никогда не поверит, как бы он ни пытался ее убедить, а полиция поверит, едва услышав, значит, все усилия, вложенные в преступление, пошли прахом. Его голос был записан в этих стенах, эхом звучал в воздухе, ожидая невидимой публики будущего. Пока его никто не слышал, но одно слово Би заставит суд возобновить дело.

Одно слово Би.

Клэй по-прежнему молча смотрел на нее, но где-то в потайном уголке его мозга началась холодная калькуляция.

На мгновение Сэм Клэй почувствовал себя невероятно

усталым. Он представил себе будущее, в котором сказал Би: «Да», женился на ней и долго жил с ней. Он видел эти маленькие холодные глазки, следящие за ним, чувствовал мощную хватку безжалостных челюстей, переживал тиранию, проявляющуюся постепенно или с самого начала, в зависимости от степени его податливости, пока он не окажется в абсолютной зависимости от этой женщины, вдовы Эндрю Вандермана.

«Рано или поздно, — сказал он себе, — я должен буду убить ее».

Должен. Такой жизни с такой женщиной Сэм Клэй не сможет выносить бесконечно. А он уже доказал, что умеет убивать безнаказанно.

Но что будет потом?

Неизбежно начнется новый процесс. Прошлый раз учитывался лишь качественный аспект, но теперь они займутся аспектом количественным. Если жена Сэма Клэя вдруг умрет, следствие будет проведено независимо от причины ее смерти. Тот, кого подозревали один раз, всегда будет вызывать подозрение у закона. Они проверят прошлое, вернутся к моменту, когда он сидел здесь, обдумывая план убийства. А потом заглянут еще на пять минут назад и услышат, как он хвалился, что убил Эндрю Вандермана.

Хороший адвокат мог бы вытащить его из этого. Сэм Клэй мог бы присягнуть, что это неправда. Он мог бы утверждать, что поведение Би спровоцировало его на беспочвенную похвальбу. Может, он и сумел бы выкрутиться, а может, и нет. Только скополамин дал бы определенность, но суд не может применять его насильно.

И все-таки это не было решением. Это не выход. Его убедило в этом тошнотворное чувство придавленности, сменившее недавнее облегчение. Он пережил чудесную минуту, когда открыл Би правду, но потом все вновь испортилось.

В это мгновение он испытал то, к чему стремился с самого начала. Он не знал, что это было и почему он этого желал, но узнал это чувство, когда оно к нему пришло. И хотел, чтобы оно вернулось.

Безнадежность, бессилие... неужели только этим ограничатся все его достижения? Тогда он проиграл, несмотря ни на что. Проиграл, хотя сам не понимал причины этого. Убийство Вандермана ничего не решило. Он так и не добился успеха, так и остался растяпой, мягким, бессильным червяком. Би заполучит над ним власть, начнет вовсю пользоваться ею и в конце концов заставит его...

— В чем дело, Сэм? — заботливо спросила Би.

— Считаешь меня ничтожеством? — бросил он. — Да, ты никогда не поверишь, что дело обстоит иначе. Думаешь, что я только случайно мог убить Эндрю Вандермана? Ты никогда не поверишь, что я смог взбунтоваться...

— О чем ты? — спросила она, когда он умолк.

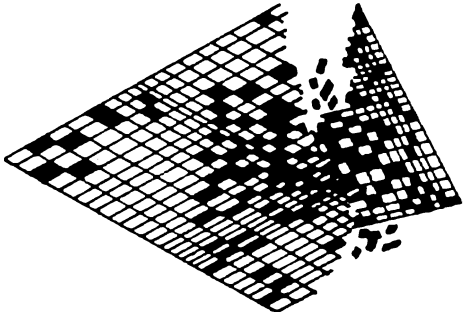
В его голосе теперь звучало удивление.

— Все это просто обман и мошенничество. Я все время лгал. Я боялся Ока и потому надел ему темные очки. Но... это не был бунт. Поэтому... если я действительно хочу доказать...

Он поднялся, и Би уставилась на него недоверчивым, удивленным взглядом.

— Сэм! Что ты делаешь? — голос ее задрожал.

— Кое-что кое-кому доказываю, — ответил Сэм, криво улыбаясь. Потом взглянул на потолок. — Смотри хорошенько, — сказал он Оку и графином раскроил голову Би.

ЛУННЫЙ ГОЛЛИВУД

I

Маре Имбриум* — самое негостеприимное место на Луне. Это угрюмый холодный ад, где нет ничего, кроме хаоса скал и вулканического пепла.

Монотонность пейзажа разнообразили только кратеры всевозможных размеров, — зловещие напоминания о метеоритах, мчащихся сквозь пустоту словно винтовочные пули, постоянной смертельной угрозе дерзким землянам, забравшимся сюда неизвестно зачем.

Две фигуры в пузатых скафандрах отчаянно неслись по этой лунной пустыне в сторону высокой скальной стены. Хотя за ними никто не гнался, взгляды, которые они время от времени бросали назад, были полны ужаса. Одной из этих двоих была девушка с темными волосами, облаком заполняющими прозрачный шлем, а вторым — мужчина с лицом, лишенным какого-либо выражения, и движениями, странно не соответствовавшими поведению девушки.

---

* Маре Имбриум (Mare Imbrium) — Море Дождей.

Но когда она споткнулась и упала, он задержался, чтобы помочь ей встать. Девушка хотела немедленно бежать дальше, но вместо этого лишь указала куда-то вперед. Лицо ее исказилось гримасой ужаса.

Сверкающий предмет появился перед ними совершенно внезапно, затмевая и слабый блеск Земли, и яркое великолепие звезд.

Он походил на гигантское огненное яйцо, яростно вращающееся в феерии ослепительных радужных бликов; с обоих концов его оси тянулись два тонких, исчезающих в пустоте луча света. Мгновение предмет висел неподвижно, словно мешкая, потом устремился вниз, к двум беглецам.

Из огненного ядра вырвались потоки света, и мужчина вдруг поднялся вверх, словно его схватили невидимые щупальца. Извиваясь и дергаясь, он все ближе подплывал к сверкающему предмету. Девушка отчаянно рванула из-за пояса какой-то продолговатый предмет, но, прежде чем успела им воспользоваться, непонятная сила оторвала от почвы и ее.

Над ее головой мелькнул узкий луч света, но она не смотрела вверх, взгляд ее был прикован к мужчине.

Глаза у того полезли из орбит, а по его скафандру поползло какое-то мерцание. Внезапно из-под воротника вырвался яркий луч, мгновенно окружил весь шлем, а затем начал расти, превращаясь в жуткую, но вместе с тем прекрасную огненную спираль, которая все более удлинялась, чтобы через минуту достигнуть кружащего светящегося предмета. Тут же такие же спирали выросли из локтей, коленей и пояса, чтобы затем соединиться и тоже устремиться к огненному шару.

Из предмета, который девушка стискивала в руке, вырвался тонкий голубоватый луч. Невидимая сила притягивала ее все больше, и вот уже на поверхности скафандра появились первые светящиеся язычки. Лицо девушки было бледно от страха.

— Гмм... — сонно пробормотал Энтони Квад. — Подмени меня, Петерс. Шеф вызывает.

Отвернувшись от камеры, установленной в прозрачном носе космического корабля, он еще раз взглянул на разыгрывающуюся внизу сцену, превосходно видную в свете прожекторов. Валентина Росс была превосходной каскадершей; во всей компании «Найн Плэнетс филмз» не нашлось бы другой актрисы, согласной рискнуть своей драгоценной шкурой на этой стороне Луны.

Как бы то ни было, задание следовало выполнить, и

Квад знал, что Валентина сделает это в наилучшем виде. Он умел предсказывать такие вещи, и когда компании «Найн Плэнетс» требовались специальные эффекты, связанные с высоким риском, приглашали именно его.

«Космический бандит» тоже без него не обошелся. Это был самый крупный из запланированных на год боевиков, успевший уже поглотить совершенно фантастические суммы. Разумеется, фон Зорн, директор компании, оправдает свои деньги, но только при условии, что Квад сделает все как надо.

Особую зрелищность «Космическому бандиту» должны были обеспечить специальные эффекты; а Тони Квад со своей группой был единственным человеком, достаточно смелым и умелым, чтобы взяться за такую работу. К тому же на вполне приемлемых условиях.

Петерс, осунувшийся, с ввалившимися щеками, скользнул на место Квада за камеру, снабженную мощным телеобъективом, и принялся выстукивать что-то на клавиатуре, время от времени поглядывая в визир. На других уровнях корабля многочисленные члены группы обслуживали прожектора и другие камеры.

Тони Квад слегка пригнулся в люке, чтобы не удариться головой, и уселся в кресло перед телевизором. Около секунды он изучал на экране крашеную блондинку, которая умоляюще смотрела на него, бормоча: «Мистер Квад, пожалуйста... Очень вас прошу...», после чего нажал кнопку.

В то же мгновение на экране появился огромный глаз, а из динамика послышались хриплые проклятья.

— Привет, Шеф, — сказал Квад. Все указывало на то, что фон Зорн не в лучшем настроении.

Глаз отодвинулся, и появилось сморщенное обезьянье лицо с усами щеточкой и щетинистыми волосами. Быстрые черные глаза грозно смотрели прямо на Квада.

— Съемки спецэффектов для «Космического бандита» должны быть закончены к десятому ноября. Надеюсь, ты не забыл об этом, Квад? — преувеличенно вежливо спросил фон Зорн.

— Ах, вот в чем дело! — облегченно вздохнул Квад. — Можете не бояться, все будет в лучшем виде. У нас еще масса времени. Надеюсь, вы еще не начали беспокоиться?

— Беспокоиться нужно тебе, — ответил фон Зорн. — Я не заплачу ни гроша, если ты не представишь материал нужного качества. Твои проблемы волнуют меня меньше, чем прошлогодний снег на Меркурии. Мы разрекламиро-

вали «Бандита» так широко, что твои материалы просто обязаны быть хорошими.

— Понял, — Квад кивнул. — Мы заканчиваем последний эпизод на Луне, и пока все в порядке. На Эросе тоже должны скоро закончить, и тогда мы проделаем в нем дыру, достаточную, чтобы вы получили самые зрелищные кадры, какие только можно представить.

— Все расчеты делал для тебя Грегг, да? Так вот, хочу сообщить, что где-то он здорово прокололся! Вы не сможете использовать Эрос!

Квад весь подался к экрану.

— О чем это вы? Я нанял этот астероид на месяц, и с ним все в порядке! На нем нет жизни выше восьмого уровня развития, точнее, вообще никакой нет, поэтому...

— Знаю, — брезгливо прервал его фон Зорн. — Правила мне известны. Вся материя в Солнечной системе принадлежит правительству и может быть сдана в аренду или продана при условии, что не населена существами, находящимися на восьмом или более высоком уровне развития, то есть примерно на том, до которого дошел твой Грегг. Бог знает, как это могло случиться. В общем, Греггу придется считать все заново.

Квад с трудом взял себя в руки.

— Вы не могли бы сообщить, почему я не могу использовать Эрос? — спросил он.

— Потому что к нему приближается эфирный поток. Полагаю, ты знаешь, что это конец всему. Твой полярный город построен только наполовину, и нужно по крайней мере еще десять дней, чтобы его закончить. А поток дойдет до Эроса ровно через неделю.

— Спасибо за информацию, — сказал Квад и выключил связь. Долгое время он сидел неподвижно, разглядывая свои большие сильные ладони. С их помощью он заработал состояние и сейчас мог в одно мгновенье потерять его, потому что почти все вложил в этот фильм.

Он поднял голову, только когда в кабину вошел Петерс.

— Мы закончили съемку, — сообщил он. — Забираем Валентину и робота на борт. Похоже, все в порядке.

— О'кей, — буркнул Квад. — На сегодня конец. Скажи пилоту, чтобы летел прямо в Лунный Голливуд. Muy pronto!*

---

* Muy pronto (*исп.*) — да побыстрее.

Хмуря брови, Квад направился к прозрачному носу корабля, а добравшись, остановился, глядя на мелькавшую внизу серую поверхность Маре Имбриум. Скорость все возрастала, и вот уже на севере, закрывая часть звездного неба, появились Апеннины. Через несколько минут мощная горная цепь исчезла позади. Все ускоряясь, они пролетели над Геродотом, тогда как Земля спускалась все ниже и ниже, чтобы в конце концов совсем исчезнуть за горизонтом.

Луна имеет форму огромного яйца: его широкая часть постоянно обращена к Земле, а на узкой находится огромных размеров кратер, оставшийся со времен вулканической активности, когда огромный пузырь магмы, лопнув, оставил после себя пустое пространство, в которое поместился бы астероид Веста. В этой большой котловине есть атмосфера, жизнь, многочисленные строения и студии, другими словами — Лунный Голливуд.

Когда корабль пронесся над Большим Кольцом и Квад увидел под собой столицу кинопромышленности, он непроизвольно передернулся. Он никак не мог привыкнуть к зрелищу этого невероятного города, возведенного на бесплодной негостеприимной планете.

И одновременно ведь кино было главным в его жизни, он чувствовал себя довольно странно в преддверии банкротства и отставки из кинометрополии. В Лунном Голливуде не было места слабым; чтобы выжить здесь, шли в ход все силы, способности и даже взятки, но некомпетентность не прощалась.

Город этот, полный многочисленных террас, башен и широких улиц, был самым здоровым в Солнечной системе, и все благодаря своей искусственной атмосфере, автоматически очищаемой от всевозможных бактерий, поддерживаемой с помощью электромагнитного силового поля, которое создавали укрытые в пещерах машины.

Слой воздуха защищал Лунный Голливуд от жгучих лучей Солнца и страшного холода Космоса. В решении второй задачи ему помогали большие обогревательные плиты, излучающие тепло. Каждая девушка мечтала хоть раз прогуляться по Лунному Бульвару и потанцевать в «Серебряном Скафандре», но мечта сбывалась в лучшем случае у одной из ста тысяч.

Квад вызвал Петерса. Вскоре тот явился, почесал щеку, покрытую серой щетиной, и посмотрел вниз, на город, освещенный солнечными лучами.

— Рад был вернуться, Тони, но, кажется, у нас какие-то неприятности, да? В чем дело?

Когда Квад рассказал ему обо всем, Петерс присвистнул.

— Что же делать?

— Используем Ганимед.

— Спутник Юпитера? Но до него слишком далеко!

— Астероид, дубина! Через несколько дней он окажется в перигелии, внутри орбиты Марса, совсем близко от нас. Эрос отпадает: когда до него дойдет эфирный поток, он просто перестанет существовать. Мы должны разместиться на полюсе Ганимеда и оттуда заснять взрыв. Придется поспешить, если не хотим проворонить картину.

— А как с правами собственности? — спросил Петерс.

— Я хочу, чтобы этим занялся ты. Я собираюсь заправить свой собственный корабль и полететь туда, чтобы прикинуть все на месте, а ты тем временем сними его на месяц, оговорив возможность выкупа. Если мы собьем его с орбиты, то просто купим и избежим неприятностей — ведь тогда он будет нашей собственностью. Передай всем нашим на Эросе, чтобы немедленно перебирались на Ганимед и начинали подготовку. Ты тоже прилетишь туда сразу же, как только кончатся съемки на Луне. Там будут нужны все люди.

— О'кей, — Петерс кивнул, и в эту секунду корабль сел с ощутимым толчком. — Что ты собираешься делать сейчас?

— Найти Грегга, — угрюмо ответил Квад.

Грегг сидел в «Серебряном Скафандре», его круглое жирное лицо кривила гримаса глубокого отчаяния, производившая в соединении с совершенно лысым черепом карикатурное впечатление. При виде Квада он скроил такую мину, словно собирался разрыдаться в голос.

— Ну-ну, не бери в голову, — буркнул Квад, усаживаясь на мягкий стул. — Я тебя не вышвырну, хотя ты и заслужил, сам прекрасно понимаешь. Что, собственно, произошло?

— Это моя вина, Тони, — выдавил Грегг. — Ты даже не представляешь, как мне стыдно. Я же знаю, что все это для тебя значит. Последние несколько недель я ходил словно помешанный.

— Вот как? — Квад внимательно посмотрел на него, а потом поднял взгляд на официантку, подъехавшую к столику на небольшом, богато украшенном автомобильчике. — Спасибо, я не голоден. Хотя... подождите-ка. Меня

ждет долгое путешествие, так что давайте двойную яичницу с ветчиной.

Девушка удивленно уставилась на него и попыталась предложить салат из лунных трюфелей, но Квад жестом отослал ее и вновь обратился к Грегту.

— А теперь расскажи толком обо всем.

— Это из-за моей дочери, — ответил Грегт, почесывая толстую щеку. — Я знаю, что для тебя это не причина, но именно из-за нее я ошибся и просмотрел этот чертов эфирный поток. Я беспокоился из-за дочери, дьявольски беспокоился. Ты ведь знаешь, что она помешана на кино, правда?

Квад кивнул.

— Что она натворила? Прилетела зайцем на каком-нибудь корабле?

Грегт покаянно закивал.

— Ее мать написала мне, что нашла записку, в которой Кэтлин сообщает, что летит, мол, в Голливуд, чтобы сниматься в фильмах. Надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

Квад понимал. Он не одобрял закон, который протолкнули киномагнаты, но вполне их понимал. Вскоре после возникновения Лунного Голливуда великолепие этого города стало притягивать девушек со всего мира: из Европы, Азии, обеих Америк и Австралии. Кандидатки в звезды валили толпами; был даже момент, когда их подвалило так много, что стало просто невозможно нормально работать.

В прежние времена, когда Голливуд был небольшим городком на побережье Тихого океана, у разочарованных девиц не возникало проблем с возвращением домой или с устройством на другую работу. Однако Луна удалена от Земли на 239 000 миль, и кинофирмы потратили огромные деньги, когда однажды, доведенные до отчаяния, загнали всех несостоявшихся звезд на корабль и отправили домой. Они не могли оставаться на Луне — здесь просто не было для них места. В настоящий момент штраф для прибывающих зайцем составлял пятнадцать тысяч долларов с заменой пятнадцатью годами тюрьмы.

— Разумеется, у меня нет таких денег, — продолжал Грегт, — и что еще хуже всего, я нигде не могу найти Кэтлин. Держу пари — она боится полиции и потому не осмелилась еще со мной связаться. Или с ней что-то случилось.

— Почему ты не сказал об этом сразу? — спросил

Квад. — Я бы заплатил штраф, и ты мог бы уже отправить ее домой, предварительно спустив с нее шкуру.

— Ты тогда занимался съемками, и я не мог до тебя добраться. Кроме того, я не могу позволить, чтобы ты за меня платил.

— Болван! Впрочем, теперь это не имеет значения: сейчас я уже *не могу* заплатить. Я вложил все деньги в этот фильм, и если из него ничего не выйдет, у меня не останется даже цента. — По лицу его скользнула тень. — Нет смысла и дергать за какие-нибудь веревочки, потому что я сейчас персона нон грата, разве что выдам то, чего от меня ждут.

— И все из-за меня! Черт возьми, Тони, охотнее всего я бы просто прыгнул с Кольца.

— Заткнись, — посоветовал ему Квад. — Ты что — полный идиот? Все мы совершаем ошибки, но нужно и меру знать. Я сейчас лечу на Ганимед и надеюсь, что мы закончим там все за неделю. Если найдешь дочку, спрячь ее получше и жди моего возвращения.

— Хорошо. — Грегг встал. — Затем я сюда и приходил. Думал, может, ей удалось устроиться официанткой, но, похоже, ничего подобного. Что ж, как бы то ни было в таком случае — удачи тебе.

Квад ободряюще улыбнулся ему и набросился на свою яичницу. Свет в зале потускнел, и в пурпурном круге появилась сверкающая девушка, одетая в серебристый наряд. Казалось, она висит в воздухе над площадкой посреди зала. Зазвучала страстная пульсирующая музыка, и девушка запела низким голосом:

Дайте мне корабль, чтобы лететь к звездам,
И я отправлюсь за Венеру, за солнечный диск,
Но сердце мое вернется домой...

— Привет! Как дела?

Квад поднял голову и увидел Сандру Стил. Поморщившись, он вновь принялся за яичницу.

Сандра Стил являла собой конечный продукт Лунного Голливуда. Кожа ее была снежно-белого цвета, а глаза, некогда карие, изменили цвет на фиолетовый. Волосы ее напоминали серебристую паутину.

— Можешь идти, свинка, — буркнул Квад. — Мне не нужен твой автограф.

Ни одна звезда не любит, когда ее называют свинкой, что на киношном жаргоне означает девушку из хора. Тонкие пальцы Сандры с голубыми ногтями судорожно подобрались, но она сумела сдержаться.

— Мерзкий боров! — сказала она, не повышая голоса. — Теперь, когда я с фон Зорном, увидишь, как быстро я тебя уничтожу. Мне надоели твои выходки!

Квад отхлебнул воды и равнодушно посмотрел на певицу. В глубине души он прекрасно понимал, что Сандра опасный противник. Он мог бы стать ее альфонсом — она сама это предлагала, если бы это не означало потерять уважение к самому себе. Однако он сказал «нет», дополнив ответ несколькими не слишком приятными замечаниями, надеясь, что это пойдет ей на пользу.

Но теперь Сандре удалось опутать фон Зорна, а это означало власть.

— Послушай, Тони, — сказала она, наклоняясь над столиком, чтобы заглянуть ему прямо в глаза. — Почему ты не хочешь быть милым со мной? Фон Зорн зол, как шершень, за то, что ты натворил с Эросом, но я могла бы его утихомирить... Что скажешь?

— Иди-ка ты лучше ловить метеориты, — посоветовал Квад и вышел.

2

Остановив такси, он проехал по Лунному Бульвару до космопорта, где уже ждал его корабль, заправленный и готовый к полету. Это была двухместная космояхта с прозрачным носом, быстрая, с мощными двигателями.

Кивнув механику, Квад взглянул на солнце и поднялся на борт. Для начала он заглянул в носовое помещение, включил сирену, предупреждающую другие корабли о скором старте, установил регулятор гравитации, а затем перешел в заднюю каюту.

В гамаке, накрывшись его лучшим меховым пальто, спал какой-то человек. Квад вполголоса выругался и бросился обратно к регулятору. Корабль, начавший было подниматься, вновь осел на плиты космодрома.

Квад быстрыми шагами вернулся в каюту и с размаху приложил носок своего ботинка к тому месту на теле пассажира, которое, по его мнению, лучше всего подходило для этого. В следующее мгновение он отшатнулся назад с шумом в ушах и следом ладони, отпечатавшимся на горящей щеке.

— Юпитер Великий! — воскликнул он, вне себя от удивления. — Девушка! Может, скажешь, что ты дочь Грегга?

В натянутом на голову белом меховом шлеме девушка напоминала взъерошенного кролика; задорно задранный подбородок выдавал изрядное упрямство, карие глаза сверкали. Она выпрыгнула с гамака, и Квад поспешно отступил.

Из второй каюты донесся назойливый звонок. Квад, еще не пришедший в себя от удивления, прошел туда и увидел перед собой фон Зорна собственной персоной.

«Боже! За что ты меня так наказываешь?» — возопил он мысленно, а затем молниеносно закрыл за собой люк и постарался изобразить нечто похожее на обезоруживающую улыбку.

Вблизи фон Зорн еще больше походил на обезьяну. Прекрасно это понимая, он был в этом смысле весьма чувствителен. Всего неделю назад он вышвырнул своего лучшего режиссера только за то, что тот позволил себе пошутить на эту тему.

— Чему это ты радуешься? — спросил он, меряя Квада неприязненным взглядом. — Что с моим фильмом?

— С «Космическим бандитом»? — Квад прислонился спиной к люку. — Все в порядке. Мы перебираемся на Ганимед. Я как раз лечу туда, если это вас интересует. Полагаю, команда с Эроса должна уже быть там.

Фон Зорн вынул сигару, сделанную из ароматного зеленоватого табака, растущего только на Луне, и старательно обрезал ее.

— У меня и без тебя хватает неприятностей, — рявкнул он. — Наш последний фильм о Венере никто не хочет смотреть, а я вложил в него больше миллиона. И все из-за этой чертовой Карлайл.

— Джерри Карлайл?

— Ага. Из-за этой охотницы. Мы заплатили биолаборатории полмиллиона за копии венерианских животных, а теперь у нас нет публики, потому что Джерри Карлайл привезла настоящих. — Фон Зорн замысловато выругался. — Я готовил для тебя очередное задание, Квад, — суперхит «Парад звезд», но теперь, похоже, ты его не получишь: там играет Сандра Стил, а она и слышать не хочет о том, чтобы работать с тобой.

— Очень мило с ее стороны, — заметил Квад, деликатно оттесняя фон Зорна к выходу и молясь про себя, чтобы девушка сидела в каюте тихо. — Я свяжусь с вами попозже, Шеф, а сейчас мне нужно спешить.

Фон Зорн задумался.

— Знаешь, я бы охотно полетел с тобой... — Он

умолк, а Квад затаил дыхание, ожидая продолжения. — ...Но я договорился на сегодняшний вечер с Сандрой. Придется тебе обойтись без меня.

— Это будет непросто, — прохрипел Квад и с облегчением захлопнул за ним люк.

Одним прыжком он оказался у пульта и стартовал так быстро, что фон Зорн едва успел покинуть опасную зону.

— Черт возьми! Куда это ты меня везешь? — раздался за спиной гневный голосок.

Квад задал кораблю курс, затем медленно поднялся, вытирая потный лоб.

— Послушай, — мягко сказал он. — У меня сегодня был тяжелый день. Может, тебе это не известно, но ты устроила суматоху, достаточную, чтобы выбить Юпитер с его орбиты. Советую тебе быть поосторожнее, юная леди, или получишь трепку, которую давно заслужила.

Девушка сняла свой белый шлем, но по-прежнему оставалась в рабочем комбинезоне из коричневой кожи. Она задрала подбородок вверх.

— Не знаю, работает мой отец на вас или нет, но я не позволю говорить со мной таким тоном. Отец много писал о вас, и я думала, что вы захотите мне помочь, но теперь вижу, что ошиблась. Отвезите меня обратно в порт.

Квад язвительно усмехнулся.

— На этот раз выйдет не по-твоему, — заявил он. — Хотя в сущности ты получишь больше, чем ожидала. Мы остановимся только на Ганимеде!

Несколько часов спустя он сказал тоном лектора:

— Ганимед — это небольшой астероид. Он сохранил атмосферу, потому что необычайно тяжел. У него огромная масса, понимаешь?

Кэтлин кивнула. Она сидела у ног Квада, глядя сквозь прозрачный нос корабля на усеянную звездами бездну космического пространства.

— Не думала, что на нем будет атмосфера. А она пригодна для дыхания?

— Разумеется. Правда, это связано с некоторыми трудностями — в ней маловато кислорода. Но для такой малой планеты хорошо и это. Скоро сама увидишь.

Звякнул сигнал вызова. Квад вытянул ногу и щелкнул переключателем. На экране появилось четкое изображение лица с выступающими скулами, густыми бровями и

выдвинутой вперед челюстью, над которой обретались губы, похожие на стальной капкан губы Перрин.

— Тони? У нас неприятности! — быстро сказал мужчина. — Мы вылетели с Эроса, как только получили твое распоряжение, и уже четыре часа на Ганимеде. Начали было работать, но тут на лагерь напала банда хиклопов!

Квад втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— И что?

— Они захватили несколько наших людей, а остальные разбежались. Я сижу на корабле, и мне ничего не грозит, но я не справлюсь со всем. Минуту назад пришло сообщение от Гиорса: он бежит от хиклопов на юг, вдоль Борозды. Ты вооружен?

— Конечно. Но, пожалуй, будет лучше, если я сяду прямо в лагере.

— Тогда хиклопы убьют Гиорса и остальных. Хорошо бы сначала заняться этим, Тони.

Квад на секунду задумался.

— Хорошо. Держись, Перрин, я скоро буду.

Он выключил экран и забегал пальцами по клавиатуре. Корабль рванулся вперед с ускорением, которое мгновенно убило бы пассажиров, не будь нейтрализующего гравитационного поля.

— Я могу помочь? — спросила девушка.

— Да, но сиди тихо... Извини. Подожди, пока сядем на Ганимеде, тогда твоя помощь наверняка пригодится.

Далеко впереди появился астероид, кружащийся, словно брошенный в пространство бильярдный шар. Поперек него тянулась тонкая черная линия — Борозда, гигантский канал, содержавший почти всю воду на Ганимеде. Хоть и схваченная в ловушку притяжением его громадной массы, она постоянно перемещалась в том направлении, куда тянуло ее притяжение другого небесного тела.

Прошло еще какое-то время, прежде чем они оказались над Бороздой и двинулись на север, в поисках беглецов. Кэтлин первая увидела человека, который, пошатываясь, шел вдоль скального берега, оскальзываясь на клочьях мокрого мха. Квад сел почти рядом с ним.

Мужчина опустился на колени и упал на землю, широко раскинув руки. Квад открыл люк и выскочил наружу, Кэтлин за ним. Он поднял голову изможденного человека.

— Перрин!

Мужчина хватал воздух широко открытым ртом.

— Они захватили корабль... Мне пришлось бежать... Займись Гиорсом, Тони...

— Конечно.

Квад без труда поднял Перрина и направился к кораблю, но тот запротестовал.

— Он недалеко, вон за той скалой... Не мог уже идти дальше.

Квад осторожно положил его на землю.

— Подожди здесь, — приказал он девушке, а сам побежал к скале. Вскоре Квад почувствовал, что задыхается, потому что до скалы было далеко, а в воздухе не хватало кислорода. Когда он наконец добрался до скалы, то сразу же увидел, что за ней никого нет.

В ту же секунду сзади донесся крик Кэтлин.

Квад резко повернулся. Несмотря на огромную массу астероида, сила тяжести на нем была гораздо меньше земной, поэтому резкое движение подкинуло Квада вверх, почти за пределы тонкого слоя атмосферы. Он задержал дыхание, чувствуя, как ледяной холод царапает его своими когтями, и посмотрел вниз. Перрин и девушка боролись друг с другом. Кэтлин упала, попыталась схватить своего противника за ноги и остановить, но тот вырвался и вбежал в корабль, захлопнув за собой люк.

Квад бегом помчался обратно, хотя и понимал, что не успеет. Корабль взлетел и, молниеносно набрав скорость, исчез за дугой горизонта. Тони остановился рядом с Кэтлин, растиравшей лоб.

— Нет, — ответила она на его немой вопрос, — со мной все в порядке, если не считать этой шишки. Я пыталась его остановить, но он ударил меня и заскочил в корабль.

— Черт возьми, что это на него нашло? — буркнул Квад, потом пожал плечами и посмотрел на север. — Что ж, если мы не хотим умереть здесь с голоду, нужно, пожалуй, идти к полюсу. Это не так уж далеко. Можешь идти?

— Конечно, — ответила она, внимательно глядя на него. — Ты из тех, что никогда не теряют хладнокровия, правда? Как по-твоему, зачем он увел наш корабль?

— Ты, наверно, хотела сказать «твой» корабль, — поправил он ее. — Не знаю, но надеюсь узнать в лагере, так что пошли. И так из-за тебя мне придется идти гораздо медленнее, чем я мог бы.

Кэтлин поджала губы и молча двинулась за ним вдоль края Борозды. Канал был совершенно сухим, поскольку вся вода была сейчас на другой стороне планетоида, при-

тянутая туда гравитацией Марса. Пейзаж — его самой необычной чертой была отчетливая дуга горизонта — казался унылым и негостеприимным: камни и клочья резиноватого сероватого мха.

Квад вдруг повернулся к девушке.

— Видишь? — спросил он, указывая рукой.

К ним быстрыми короткими прыжками двигалось какое-то существо. Поначалу оно было едва видной точкой, но вскоре приблизилось и остановилось, внимательно разглядывая людей. Росту в нем было фута полтора.

Квад рассмеялся, увидев выражение лица Кэтлин.

— Никогда такого не видела, правда?

Она покачала головой.

— Что это такое, Тони?

— Не знаю, как это называется по латыни, но... Ты видела, как оно движется? Обычно его называют просто прыгуном. Окрестил его так Стенхоуп, когда впервые высадился на Ганимеде, ну, и название прижилось. Известно о них немного, потому что астероид лежит в стороне и сюда мало кто заглядывает — просто незачем.

Прыгун по-прежнему разглядывал людей. Голова его формой напоминала репу с двумя большими, широко открытыми глазами, между которыми торчала шишка рыльца. Фантастически длинная верхняя губа накрывала рот, а кожа под белой мягкой шерстью была розовой.

Существо здорово напоминало кенгуру, правда, без хвоста. Округлый выпирающий животик придавал существу сходство с маленьким гномом, а короткие верхние конечности удивительно походили на человеческие руки.

— Обрати внимание на его глаза, — сказал Квад. — Они фиксируют невероятно широкий спектр излучений; он видит и в инфракрасном, и в ультрафиолетовом диапазонах. Кроме того, у них есть еще одно необыкновенное свойство. Послушай.

Прыгун покивал своей репой, открыл рот и сообщил:

— Ты испачкала лицо, Кэт.

Кэтлин слабо вскрикнула и удивленно попятилась, но Квад едва не повалился со смеху. Прыгун подскакивал на месте, явно довольный собой, а затем заявил:

— Он говорит! Он по-настоящему говорит!

— Не бойся, это не галлюцинация, — рассмеялся Квад. — Я же тебе говорил, что это необыкновенные животные: они не только видят в ультрафиолетовом и инфракрасном диапазонах, но еще и могут читать мысли!

Кэтлин с трудом сглотнула слюну.

— Это правда, Тони? Я... я в это не верю!

— Почему? Ведь наши мысли представляют собой комбинацию слов и образов, закодированных в нервных импульсах, а прыгуны легко принимают волны, излучаемые мозгом. Впрочем, попробуй сама. Подумай о чем-нибудь, только отчетливо.

Кэтлин недоверчиво посмотрела на него, затем перевела взгляд на прыгуна, а тот кивнул и энергично шевельнул рыльцем. Девушка скрестила руки на груди и задрала подбородок.

— Только бродяга, лишенный хороших манер, может нелестно отозваться о даме, — заявил прыгун. — Ну вот, получил, что полагалось. О Боже, как его выключить? Я не могу...

Тоненький голосок умолк, а Квад снова улыбнулся.

— Видишь? Он принимает сильные импульсы мозга и, пожалуй, именно поэтому не пользуется популярностью как домашнее животное. Он слишком опасен. Думаю, за пределами Ганимеда их всего несколько штук.

Кэтлин присела перед маленьким созданием, и прыгун быстро замахал своими короткими верхними лапками. Девушка погладила маленькую головку.

— У нее красивые волосы, — сообщил прыгун, потягиваясь в экстазе. — Не будь она такой ужасно распущенной...

— Идем! — быстро сказал Квад и с красным лицом двинулся вперед. Кэтлин, язвительно усмехаясь, поспешила следом. После недолгого колебания к ним присоединился и прыгун. Вскоре девушка подружилась с ним и, спросив мнение Тони, который, впрочем, уклонился от ответа, решила назвать прыгуна Биллом.

— Билл звучит не хуже, чем любое другое имя, — сообщила она прыгуну, на что тот ответил:

— Особенно если оно не нравится Тони.

После этого воцарилась тишина, во время которой и Кэтлин, и Квад изо всех сил пытались приглушить интенсивность своих мыслей.

Они шли и шли, но пейзаж менялся мало. В основном это была дикая путаница скал, полосы мягкого серого мха и сопровождавшая их справа сухая Борозда. Потом, совершенно неожиданно, они нашли Гиорса.

Квад должен был сразу сообразить, что тут не все ладно. Раздувшееся тело мужчины с поджатыми конечностями, неподвижно лежащее на слое мха, выглядело неестественно. Квад остановился в футах двадцати от него и схватил девушку за руку.

— Подожди-ка, — пробормотал он. — Это мне что-то напоминает... Что-то...

Тут Билл совершил ошибку, которая едва не кончилась для него фатально. Прыгая вокруг людей как резиновый мячик, он вдруг заметил тело Гиорса и немедленно направился в его сторону. Когда до него оставалось не более двух футов, тело вдруг словно развалилось пополам, а изо мха выскочило кроваво-красное существо.

Прыгун отчаянно взвизгнул, одним прыжком перескочил то, что осталось от трупа Гиорса, и, не задерживаясь, помчался дальше и вскоре исчез среди скал. Пурпурное существо не преследовало его, а лишь раскачивалось, словно что-то разглядывая или прислушиваясь к чему-то.

Квад побледнел, а потом шагнул вперед, прикрыв Кэтлин своим телом, и вытащил из-за пояса здоровенный пистолет.

3

Очень медленно красное существо направилось в их сторону. Оно напоминало стоножку, однако блестящее тело было овальным и толстым, к тому же его покрывали как бы усики или щупальца, которыми оно отталкивалось от земли. Помешкав секунду, существо вдруг взметнулось вверх, словно огромная пружина.

Квад резко втянул воздух сквозь зубы. В момент, когда тварь начала падать на них, из ствола пистолета вырвался ослепительный белый огонь, и тварь рассеялась дымом. Тони обнял девушку и повел с места схватки, напоследок взглянув еще через плечо. Остановился он, только когда они оказались на безопасном расстоянии.

— Осмотри себя, — встревоженно сказал он. — Молодые особи могут вгрызться в тело, хотя в них всего дюйм длины.

Оба тщательно обследовали свою одежду.

— А что это было, Тони? — спросила Кэтлин. — Кажется, на мне ничего нет.

— Если бы были, ты бы их уже почувствовала, — ответил он. — Это красные пиявки, самые мерзкие твари во всей Солнечной системе. — Он убрал пистолет и двинулся вдоль Борозды, девушка пошла следом.

— Нужно быть очень осторожными, — сказал он через некоторое время. — Я совсем забыл об этих пиявках. Если я крикну или ты заметишь, как что-то приближается к

твоему лицу, закрой глаза и рот руками и жди, пока я не скажу.

— А что они делают? — со страхом спросила Кэтлин.

— Ты видела, что случилось с Гиорсом. Если бы я не убил эту пиявку, все наросты, находившиеся на ее теле, отвалились бы и стали самостоятельными особями. Молодые они длиной с твой палец и легко могут зарыться в землю, ожидая появления какого-нибудь животного или человека. Когда кто-то идет мимо, они выскакивают как пружины и проникают в легкие через рот или нос, где начинают жировать. Едят до тех пор, пока от хозяина не останется только кожа, а потом ждут случая перебраться дальше.

Девушка задрожала и пошла быстрее. Внезапно из-за валуна появился прыгун и бодро поскакал к ним. Квад погрозил ему рукой.

— Убирайся отсюда! — крикнул он. — Катись ловить метеориты, если не хочешь, чтоб я свернул тебе шею.

— Успокойся, Тони, — вступилась за прыгуна Кэтлин. — С ним все-таки веселее.

— Веселее? — рявкнул Квад. — Да ведь этот урод напустил на нас пиявку.

Прыгун продолжал возбужденно скакать вокруг.

— Да уж посимпатичнее тебя, хладнокровная ты рыба, — заявил он.

Квад тут же нагнулся за камнем. Билл испуганно пискнул и удрал под защиту Кэтлин, крепко обняв ее за ногу и с ужасом озираясь.

— Перестань, Тони, — сказала Кэтлин, сдерживая смех. — Это не его вина. Ты же сам сказал, что он только передает мысли.

— Взбалмошная киноманка, — сообщил Билл.

Кэтлин тут же задрала подбородок и зашагала вдоль Борозды, старательно не обращая на Тони внимания.

Над горизонтом появился бледный красноватый диск Марса, превосходящий размерами Солнце, но, разумеется, куда менее яркий. Квад с тревогой вглядывался в ложе канала, внимательно прислушиваясь, и, наконец, остановился.

— Слышишь? — спросил он.

Кэтлин все еще злилась, но все-таки приложила к уху ладонь.

— Пожалуй... Какой-то шум, но очень далеко...

— Точно! Пошли быстрее! — Квад схватил ее за руку и потащил к каменистому холму невдалеке. — Это при-

лив. Вода кружит вокруг планетоида следом за Марсом, так что лучше оказаться повыше, когда она придет сюда. Быстрее!

— Я и так из сил выбиваюсь! — прохрипела Кэтлин, чувствуя сильную боль в груди.

Из-за недостатка кислорода оба еле двигались, когда добрались до вершины холма. Там они повалились без сил, хватая ртом воздух и глядя вдоль канала на север.

Вскоре появилась волна высотой футов в тридцать; мчась к югу, она выходила из берегов, заливая местность по обе стороны Борозды. Кэтлин непроизвольно прижалась к Квaду, когда волна с силой ударила в подножие холма, обрызгав их с ног до головы.

Билл тихонько пискнул и скорчился под рукой девушки, закрыв голову маленькими лапками. Кэтлин последовала его примеру, закрыв глаза и изо всех сил прижавшись к Тони, а тот улыбнулся и обнял ее.

Волны прокатилась на юг, а в заполненном теперь водой канале появились большие, похожие на черепах существа, спины которых увенчивали ажурные наросты, напоминающие паруса. Плоские змеиные головы с интересом поглядывали по сторонам.

Кэтлин освободилась из заботливых объятий.

— Что это за твари?

Квад пожал плечами.

— Мы до сих пор не знаем даже половины видов, живущих на планетах, не говоря уже об астероидах. Впрочем, они меня мало интересуют. Вскоре мы должны добраться до лагеря, и тогда я, наконец, узнаю, что стряслось с Перрином. Может, пойдем, Кэт?

Она кивнула, и они пошли вниз по склону, осторожно ступая по влажным камням и мху. Наводнение кончилось, но канал был по-прежнему заполнен почти до краев.

В момент, когда зашло Солнце, Марс вспыхнул пурпурным светом. Его спутники — Деймос и Фобос — виднелись небольшими светлыми точками возле красного диска. Стало холоднее, и Кэтлин снова ощутила в груди тупую боль, но решила ничего не говорить Тони.

Как и он, она внимательно смотрела под ноги, чтобы не споткнуться в красноватом полумраке. Прыгун, казалось, даже радовался сумеркам — он-то видел отлично при любом освещении. То и дело он прыжками уносился вперед, но из одного такого путешествия вернулся неожиданно быстро и судорожно вцепился в ногу Кэтлин, едва не повалив ее. Девушка посмотрела вперед, а Билл, наоборот, закрыл лицо и произнес, дрожа всем телом:

— Что-то случилось? Ой, что-то идет!

Квад остановился, вглядываясь в темноту. Действительно, что-то приближалось к ним: какой-то белый гигант, молниеносно преодолевающий разделявшее их расстояние. Еще секунду назад он был лишь бесформенной тенью, движущейся вдали, и вот уже возвышался над ними — покрытый белым свалявшимся мехом призрак с двумя идиотски улыбающимися лицами, смотревшими на них с высоты тридцати футов.

Он появился так быстро, что Квад едва успел вытащить пистолет. Рука, больше похожая на дерево, уже опустилась и подхватила его с земли, а потом прижала к волосатой груди с такой силой, что у него перехватило дыхание. Сопротивляясь чудовищу, он вдруг обнаружил, что его правая рука пуста, и тут же услышал снизу металлический стук.

— Кэт! — отчаянно крикнул он. — Быстрее! Я уронил пистолет! Беги в лагерь и...

Он умолк, наполовину раздавленный, поскольку его пленитель внезапно нагнулся. Когда он выпрямился, Квад увидел рядом с собой Кэтлин, тоже прижатую могучей лапищей.

Она была бледна, дрожала всем телом, и даже ее упрямо задранный подбородок трясся, несмотря на все усилия девушки взять себя в руки. Квад почувствовал на щеке ее теплое дыхание.

— Тони! — выдавила она. — Что...

— Спокойно! — резко оборвал он. — Только без истерик! Пока нам ничего не грозит. Я знаю обычаи этих созданий.

Он попытался взглянуть вниз, но заметил лишь смутные контуры местности — гигант мчался с огромной скоростью.

— Это хиклоп, — сказал Квад, снова стараясь освободиться и в очередной раз убеждаясь, что это бесполезно. Рука, покрытая толстым слоем жира и меха, держала его с такой силой, что он чувствовал, будто оказался между двумя матрацами. — Он не опасен в отличие от своих детенышей. Пока мы не окажемся в его логове, нам ничто не грозит.

— А что потом, Тони? — спросила Кэтлин, стуча зубами. — Что-то страшное?

Квад рассмеялся, надеясь, что смех прозвучит не очень натянуто.

— Не страшнее, чем до сих пор! Выше голову! — Он

вновь умолк, потому что рот ему заткнула масса свалявшегося меха. — Тьфу! Кэт, ты можешь взглянуть вверх?

Она выполнила его просьбу.

— Да, а за... Ой! У него две головы! Я заметила это еще раньше, но думала, что мне почудилось.

Из гротескного обезьяньего туловища торчали две головы — каждая на своей шее, растущие из общих плеч. Голые черепа покрывал толстый слой жира, он мерзко перекатывался под розовой с пятнами кожей.

Лица существа напомнили девушке микроцефала с явно обозначенными животными чертами. Посреди каждого лба в складках жира блестело по глазу, а на конце вытянутой морды располагался оскаленный в идиотской улыбке рот, полный устрашающих зубов.

— Он похож на психа... — прошептала Кэтлин. — То есть они. Тони, он один или их двое?

— Хиклопы двуполы, — ответил он. — У них одно тело, но две головы. В одной из них доминирует мужское начало, в другой — женское. Знаешь, как у дождевого червя. Название получено соединением двух других: Гидра — из-за двух голов и Циклоп — от единственного глаза посреди каждого лба. Жаль, что у меня нет пистолета!

Уловив нотку отчаяния в его голосе, Кэтлин чуть повернулась, чтобы взглянуть на него.

— Ты говорил, что-то случится, правда? Что-то очень плохое?

Он заколебался, потом пожал плечами, точнее, попытался это сделать.

— Боюсь, что да. Детеныши хиклопов — вечно голодные существа. Рождаются они с необузданными эмоциями и сразу, едва откроют глаза, начинают драться и убивать друг друга.

— Значит, это... существо несет нас в свое логово, чтобы накормить... нами детенышей?

— О, нет. Во всяком случае такого намерения у него нет. Вообще-то все это довольно необычно. — Квад любой ценой старался отвлечь внимание Кэт, чтобы она не заметила, к чему они приближаются — Чаще всего в живых остается только один детеныш, самый сильный. По мере роста он утрачивает свою кровожадность, так что взрослый хиклоп обладает самым развитым инстинктом покровительства среди всех животных. Кроме того, он один из самых глупых видов. Совершенно спокойно смотрит он, как детеныши убивают друг друга, не делая ничего, чтобы

этому помешать, а потом никак не может понять, что же, собственно, с ними случилось. Тогда он выходит из логова, хватает какое-нибудь животное... и усыновляет его, как это делают иногда кошки с маленькими щенками.

К сожалению, несчастное существо, которое хиклоп приносит домой, тут же разрывается на куски и поедается уцелевшими детенышами, так что в данном случае можно смело говорить об убийстве из любви. Можешь не сомневаться, этот двухголовый великан очень нас любит, чего нельзя сказать о его детишках.

Кэтлин взглянула вниз, и глаза ее округлились от ужаса. Хиклоп спускался по крутому склону глубокой ямы, на дне которой шевелились несколько белых фигур.

— Начинается! — прошептал Квад. — Эх, если бы у меня был пистолет!

Хиклоп добрался до дна углубления и осторожно поставил своих пленников на землю, после чего сел на корточки, скрестил руки на животе и принялся их разглядывать.

Глядя на это жуткое чудовище с двумя идиотски улыбающимися головами, которые еще и раскачивались в красноватом полумраке, Кэтлин почувствовала, как к горлу подкатывает волна тошноты. С трудом удалось ей вернуть желудок на место.

Квад схватил девушку за плечо.

— Нужно бежать! — коротко бросил он. — По ровному месту они не могут двигаться быстро, но если мы попытаемся забраться на стены, настигнут нас мгновенно. Быстрее!

В логове были только два детеныша, каждый ростом около семи футов — миниатюрные копии своего родителя. Единственная разница заключалась в том, что их тела были скорее худыми, чем жирными, а на желтых лицах вместо кретинских улыбок были кровожадные гримасы. Оба тут же помчались к людям.

Квад схватил Кэтлин за руку и бросился бежать. Это была безумная гонка среди обгрызенных костей, покрывающих дно ямы, под тупым взглядом двухголового гиганта. Марс опускался все ниже, и когда исчез за краем логова, Квад понял, что у них не осталось ни единого шанса спастись от этих существ, превосходно видящих в темноте.

Чудовища гнались за ними в полном молчании. Кэтлин снова почувствовала боль в груди и наверняка упала бы, не поддержи ее Квад. Повернув к нему бледное вспотевшее лицо, Кэтлин открыла рот но прежде чем она ус-

пела что-то сказать, откуда-то сверху донесся другой голос.

— Я больше не могу, Тони, — сообщила она без следа каких-либо эмоций. — Это бесполезно. Все равно они нас догонят.

Квад быстро взглянул туда, откуда шел голос, и увидел маленькую мохнатую фигурку, подскакивавшую на фоне подсвеченного Марсом неба. Тут же что-то полетело по дуге в его сторону и с металлическим звуком упало около ног. Тони наклонился и поднял предмет.

Он держал в руке свой пистолет. Первый детеныш находился уже совсем рядом, он яростно мотал чудовищными головами и протягивал к людям мощные руки. Квад нажал на спуск.

Монстр буквально разлетелся на куски, покрыв дно ямы обрывками меха, клочьями мяса и пятнами белесоватой, странно пахнущей крови. Квад тут же выстрелил снова, целясь во второе существо.

И на этот раз он не промахнулся. Теперь оставалась только взрослая особь, поэтому Квад поспешно вынул из патронташа на поясе третий заряд и вложил в пистолет.

— Утроенный заряд, — сказал он, увлекая Кэтлин вверх по склону. — Я не хочу его использовать, пока...

Хиклоп поднялся, на обоих лицах по-прежнему блуждали кретинские улыбки. Он не обратил ни малейшего внимания на останки, валявшиеся у его ног, а просто двинулся вперед, интересуясь исключительно повторной поимкой двух людей. Квад остановился, старательно прицелился и выстрелил.

Отдача швырнула его на девушку, и оба повалились на землю, а там, где секунду назад стоял тридцатифутовый хиклоп, теперь остались только две огромные ноги, продолжавшие дергаться мышцы гиганта рефлекторно сокращались.

Квад со стоном поднялся, держась за плечо, едва не выбитое из сустава. Кэтлин тоже встала, с трудом отводя взгляд от останков хиклопа.

Почти тут же прискакал прыгун и, тихо попискивая, прижался к ее ноге. Она наклонилась, чтобы погладить его по голове.

— На этот раз ты спас нам жизнь, — сообщил Билл безо всяких признаков скромности. — Тони, мне кажется, ты должен перед ним извиниться. Ведь он принес твой пистолет.

Квад, все еще занятый своим плечом, поднял брови.

— Начнем с того, что это он привел к нам хиклопа, — с удивительной непоследовательностью заявил прыгун. — Вряд ли тут стоит перед ним извиняться.

Вдруг со спины ударил яркий свет. Квад быстро повернулся, поднимая пистолет.

— Спокойно! — крикнул кто-то. — Это я, Вольф. Все в порядке, Тони?

Квад облегченно вздохнул и спрятал оружие.

— Мы в безопасности, — быстро сказал он Кэтлин, а потом добавил громче: — Конечно, Вольф! Рад тебя видеть. Ты услышал выстрелы?

К нему подбежал костлявый человек с фонарем и пожал Кваду руку. Над овальным лицом с быстрыми голубыми глазами вздымалась копна желтых волос. За Вольфом появился Петерс, лицо его кривила гримаса.

— Лагерь сразу за этим гребнем, — сказал он. — Кстати, у нас серьезные проблемы. А это кто с тобой?

— Механик, — быстро ответил Квад. — Дай мне твой шлем, Петерс. — Он вручил его Кэтлин, которая торопливо накрыла свои каштановые волосы. — Ни слова, парни. Она здесь нелегально, а вы знаете, что это значит.

Оба кивнули.

— Пошли, Тони, — сказал Вольф. — Мы все расскажем тебе по пути. Я думал, будто это у меня плохие новости, но вот появился Петерс и принес такие, что хуже некуда.

Кэтлин с трудом поспевала за мужчинами.

— Что это за чертовщина с Перрином и Гиорсом? — спросил Квад, после чего в нескольких словах описал то, что видел.

Вольф протяжно свистнул.

— Это все из-за свиньи Перрина. Оказавшись на Ганимеде, мы сразу взялись за работу и вдруг, копая амфитеатр, наткнулись на радий! Огромная залежь, самая крупная со времен открытия радия на Каллисто. По-моему, дело обстояло так: Перрин послал тебе сообщение, а затем вывел из строя корабль и радиостанцию, лишив нас возможности сделать что-либо. А потом удрал вместе с Гиорсом.

— Но зачем? — недоумевал Квад. — Чего он добивался?

— Он вернулся на твоем корабле на Луну и продал информацию об открытии Собелину, — ответил Петерс. — Ну, помнишь, крупный финансист, директор «Стар Майнс». Собелин тут же потянул за нужные веревочки и

аннулировал твой договор об аренде вместе с оговоркой о возможности выкупа, после чего сам купил Ганимед!

Квад схватился за голову.

— Боже! Они...

— Мы получили приказ немедленно покинуть планетоид. Фон Зорн узнал, что произошло, и едва не свихнулся от злости. От твоего имени он подал на Собелина в суд. В момент, когда открыли залежи радия, ты работал на фон Зорна и располагал договором, в котором есть параграф о первенстве выкупа. Поэтому...

— Это означает серьезные неприятности, — прервал его Квад. — Помните, что творилось вокруг Цереры? Собелин вел с «Транспортом» настоящую войну, в результате которой Церера была почти полностью уничтожена. Прежде чем успело вмешаться правительство, с обеих сторон погибло около тысячи человек!

— Но в этом случае Вашингтон не может сделать ничего, — решительно заметил Петерс. — Это грязное дело, но совершенно легальное. Меня беспокоит другое: что делать в этой ситуации нам?

Квад на секунду задумался, потом щелкнул пальцами.

— Придется рискнуть. Мы вернемся на Эрос — он мой еще на неделю. Вольф, твой корабль исправен?

Костлявый блондин кивнул.

— Да. Нужные части я взял у Петерса.

— Это хорошо. В таком случае все летим на Эрос! Если понадобится, мы еще поборемся с Собелином, Перрином и всеми остальными. Все почти готово к съемкам, значит, нужно просто поспешить и закончить их, прежде чем эфирный поток дойдет до Эроса.

4

За несколько следующих дней Кэтлин узнала совершенно другого Тони Квада. Он стал похож на какую-то машину. Ему не приходилось подгонять своих людей — те и так работали как дьяволы, зато он постоянно подгонял самого себя.

Задание должно быть выполнено! Город на полюсе Эроса нужно выстроить в срок! Все съемки нужно завершить до того, как эфирный поток УНИЧТОЖИТ астероид!

Выкопать реки и каналы! Изменить атомными взрывами горы и холмы, чтобы они стали похожи на колоссальные, уходящие в небо здания. Быстрее, быстрее!

Из глубин космоса неумолимо приближался эфирный поток, черная волна мертвящего ничто. Квад пришлось отказаться от некоторых планов: главный дворец остался незаконченным, многие озера были сухими. «Час ноль» приближался неумолимо.

Наконец все три корабля — два больших и один маленький — повисли в космическом пространстве, целясь объективами камер в медленно вращающийся Эрос. Квад то и дело озабоченно поглядывал на небольшое беззвездное пятно, которое медленно приближалось к астероиду.

Квад расположился в своем небольшом корабле, рядом с ним сидела Кэтлин, а прыгун устроился в углу кабины и пялился на них своими необычайными глазами. Девушка настояла, что должна помогать. Кстати, это было вполне в ее силах, поскольку она научилась обслуживать трехмерную камеру, и Квад доверил ей одну из трех, что были на корабле.

Вращающаяся двойная диафрагма обеспечивала стереоскопический эффект, и единственной задачей Кэтлин было удерживать полярный город в визире. Собственная камера Квада имела телеобъектив, так что можно было рассчитывать на превосходные кадры.

— Слишком поздно, — возвестил Билл, подскочив к Кэтлин и обняв ее за ногу.

Девушка обеспокоенно уставилась на Квада.

— Ты правда так думаешь, Тони? Ведь все готово.

Он указал рукой вперед.

— Взгляни на эфирный поток. На этот раз я проиграл. Взрыв произойдет с минуты на минуту.

Пятно темноты подползало все ближе. Далеко внизу, на поверхности астероида, сверкал в лучах солнца полярный город... В этот момент все и началось, безо всякого предупреждения. Появилась струйка дыма, предвестник взрыва, который должен был уничтожить фантастические здания. Квад склонился над приборами и...

Эрос исчез! Просто исчез, расплывшись в ничто. В этом не было ничего зрелищного: только что он был, величественно сияя среди звезд, а потом исчез, как только поток эфира коснулся его. Квад выругался

— Такое уж мое счастье, — с горечью сказал он. — Эфирный поток появился в Солнечной системе впервые за тысячу лет, и сама видишь, что из этого вышло. — Он выключил камеру и поднялся с места. — Что ж, это конец, Кэт. Я бы отвез тебя на Землю, но у меня слишком мало топлива и нет денег, чтобы купить хотя бы унцию. Перед тобой величайший растяпа во всей Галактике

Прыгун сидел в углу и яростно тер глаза своими короткими лапками. Кэтлин взглянула на него, потом на Квада.

— Возьми себя в руки, Тони. Ты же сам часто говорил это нам. Еще ведь не все пропало, верно?

— Конечно, все, — фыркнул он. — Дело даже не во мне, а в моих людях — они работали со мной много лет. И в тебе, детка. Я думал, что смогу тебе как-то помочь...

Внезапно Билл повел себя по крайней мере странно: он сиганул в самый нос корабля, там прильнул лицом к прозрачной стене, а затем быстро удрал, скрывшись в самом дальнем углу корабля. Кэтлин задумчиво смотрела на него.

— У меня к тебе просьба, Тони, — вдруг сказала она. — Ты не мог бы все-таки проявить пленку?

Квад удивленно уставился на нее.

— А зачем? На ней будет только пустота и ничего больше. Вряд ли фон Зорн сможет это использовать.

— У меня есть идея. Сделай, как я прошу, пожалуйста. Ведь это займет всего минуту.

Он пожал плечами.

— Хорошо. А ты пока передай остальным, чтобы направлялись прямо на Луну.

Он снял катушку с пленкой и исчез в глубине корабля, а Кэтлин включила телевизор. Через несколько минут Квад позвал ее:

— Все готово, Кэт. Приходи.

В сопровождении путающегося под ногами Билла она прошла в каюту Квада. Проявленная пленка была уже готова к проекции, и Квад немедленно начал. На экране появилось превосходное изображение Эроса.

— Это общий план. Сейчас будет крупный.

Показался город — в естественных цветах, но как бы в дымке.

— Я немного ускорю, — сказал Квад. — Эти два изображения нужно настроить так, чтобы каждое было видно своим глазом. Этим достигается эффект трехмерности.

Внезапно в воздух взметнулась туча пыли, и экран потемнел. Одновременно Билл подскочил почти до потолка и громко запищал.

— Интересно, что он... — начал Квад.

— Это его глаза, — прервал прыгун. — Он видит больше нас.

— Ну и что? — Квад смотрел недоверчиво. — Ты думаешь, что дело в этом? Что ж, возможно... Попробуем в инфракрасном диапазоне.

Он что-то покрутил у проектора, но изображение не изменилось.

— Теперь посмотрим, как это выглядит в ультрафиолете.

Прыгун успокоился и принялся оглядывать кабину. Подскочив к Кэтлин, он потянул ее за руку, но девушка не обратила на него внимания, во все глаза вглядываясь в ошеломляющий спектакль, извлеченный из ничего благодаря ультрафиолетовому фильтру.

— Девять лун Сатурна!.. — хрипло выдавил Квад. — Ты тоже это видишь? Кэт, может, я спятил? Скажи, ты тоже это видишь?

— Да... — едва слышно прошептала она. — Вижу, но не верю.

— Ты знаешь, на что мы смотрим? — тихо спросил он. — На четвертое измерение!

На экране вращалась и быстро увеличивалась планета, не похожая ни на одну из тех, что можно встретить в трехмерной Вселенной, поскольку это был не шар, а несколько десятков или даже сотен шаров! Кэтлин удивленно заморгала.

— Тони, я... я вижу все внутри нее! И вокруг!

— Мы заглядываем внутрь четырехмерного пространства, — сказал Квад, пожирая картину взглядом. — Так вот в чем заключается тайна эфирного потока! В четырехмерном континууме это орбита какого-то тела, а в нашей Вселенной это дыра, проделанная другой планетой! Смотри!

Удивительная планета — или группа планет — приблизилась. Фантастические, невероятные цвета слепили глаза, а на поверхности можно было заметить какие-то непонятные конструкции.

— Интересно, животное это, растительное или минеральное? — вслух думал Квад. — Бог его знает! Впрочем, это не имеет значения. Ну и дела! И подумать только, что у меня более двадцати катушек, снятых с разных точек. Кэт, ты знаешь, сколько отвалит за это фон Зорн? — Впрочем, он не ждал ответа. — Он хотел фильм в масштабе Солнечной системы, а получит в масштабе Галактики! Клянусь Сатурном, никто и никогда еще не видел ничего подобного: первый четырехмерный фильм в истории!

Он схватил в объятия удивленного прыгуна и расцеловал его.

— Ты получишь за это ошейник в алмазах, а ты, Кэт, лучшую роль, какую только сможешь себе выдумать!

— Заплатит, никуда не денется, — заверил Билл, пытаясь вырваться из объятий Квада. — А как разозлится Сандра!

— Что это за Сандра? — спросила Кэтлин.

— Неужели она ревнует? — мимоходом спросил прыгун, соскакивая на пол.

Кэтлин густо покраснела и быстро вышла в свою каюту, оставив хохочущего Квада наедине с фильмом.

В Лунном Голливуде царила суматоха. Увидев четырехмерный фильм, фон Зорн немедленно вытащил свою чековую книжку. Улыбка ни на секунду не сходила с его обезьяньего лица, пока он назначал время пробной съемки для Кэтлин и кормил сладостями прыгуна.

Его привели в восторг телепатические способности Билла, но Квад поспешно вынес прыгуна из кабинета и передал в распоряжение Отдела Психологии, предварительно заручившись помощью одного из правительственных агентов. У него возникла некая идея в связи с войной, грозившей вот-вот разразиться между Собелином и компанией «Найн Плэнетс», тем более вероятной, что фон Зорн ни за что не хотел уступать.

— То, что ты придумал, не имеет никакого значения, — прямо заявил он. — Залежи радия на Ганимеде стоят огромных денег, а мои юристы говорят, что я имею на них точно такое же право, как Собелин. И даже преимущественное, потому что, оговаривая право выкупа планетоида, ты работал на меня.

Немного позже Квад вернулся в кабинет фон Зорна в сопровождении Кэтлин, Билла и правительственного агента. Шеф глуповато улыбался, разговаривая с Сандрой Стил, сосредоточившей на нем всю мощь своих фиолетовых глаз.

Когда фон Зорн увидел вошедших, лицо его приняло слегка загадочное выражение.

— А-а, мисс Грегг... — протянул он, дергая свои усы. — Боюсь, у меня для вас не очень приятная новость.

— Вам не понравились пробы? — обеспокоенно спросила она. — Но оператор сказал, что...

— Нет, тут все в порядке, однако... возникли новые обстоятельства. — Он искоса посмотрел на Сандру. — Мне очень жаль, но мы не сможем воспользоваться вашими услугами. Разумеется, мы оплатим ваше возвращение на Землю.

Квад шагнул вперед, пронзая Сандру взглядом.

— Твоя работа, свинка? — процедил он.

Сандра только усмехнулась, зато фон Зорн взвился.

— Я запрещаю тебе так говорить с мисс Стил! — фыркнул он. — Ты уже получил свои деньги. Конечно, я тебе благодарен, но это не значит, что ты можешь управлять студией или оскорблять Сандру!

— Ясненько, — ответил Квад. — Понимаю. Мне очень жаль, Кэт, — добавил он, повернувшись к девушке: у той на глаза навернулись слезы, хотя она и старалась держаться. — Ты заслужила большего.

Резко повернувшись, Кэтлин вышла из кабинета. Агент, до сих пор державшийся сзади, подошел к столу, извлек из кармана своего темного пиджака какую-то бумагу и вручил фон Зорну.

— У меня есть кое-что для вас, и поверьте, я передаю вам это с истинным удовольствием. — Он подмигнул Кваду.

Фон Зорн долго разглядывал документ.

— Что это такое? — рявкнул он наконец. — Квад, в чем дело? Приказ остановить любые действия... Вашингтон не имеет права так поступать! У меня такие же права на Ганимед, как и у Собелина! Вы не можете!..

— Собелин получил такое же предписание, — с нескрываемым удовлетворением заметил Квад. — Ни у одного из вас нет никаких прав на Ганимед. Помните старый закон о собственности? Закон о приобретении через заселение?

— Но... но на Ганимеде нет разумных существ! Во всяком случае таких, которые находятся выше восьмого уровня развития!

— В том-то и дело, что есть, — ответил агент. — Это маленькое существо, вероятно, гораздо разумнее вас. — Он указал на прыгуна. — Может, это и не заметно, но оно достигло уровня куда выше восьмого. Мистер Квад потребовал, чтобы в моем присутствии был проведен тест на интеллект, который и подтвердил его предположения. Эти создания испокон века живут на Ганимеде, и он тем самым является их собственностью. Так считает Вашингтон, и вряд ли вы или мистер Собелин сможете спорить с правительством.

Фон Зорн громко сглотнул слюну.

— Э-э-э... Конечно, значит, Собелин тоже ничего не получит?

— Безусловно. Вашингтон создаст на Ганимеде коло-

нию, которая займется разработкой залежей радия и использованием полученной прибыли на благо постоянных жителей планетоида — следует уничтожить хищных животных и открыть этим существам дорогу прогресса.

— Черт побери! — сказал Билл, и было неясно, чьи мысли он в эту минуту высказывал.

Вдруг фон Зорн улыбнулся.

— Если Собелин тоже остается с носом, то все в порядке. В сущности мне вовсе не нужен этот радий, мы и так отхватили свое на «Космическом бандите». Просто я не хотел позволить, чтобы этот ублюдок наложил лапу на то, что могло бы принадлежать мне. Поздравляю, Билл! — С этими словами он вложил конфету в широко раскрытый рот прыгуна.

— Рад, что вы так к этому относитесь, — сказал Квад. — Вы случайно не изменили мнения насчет Кэт?

Фон Зорн заколебался и быстро взглянул на Сандру, но, встретившись с ее фиолетовыми глазами, сжал губы в узкую полоску.

— Мне очень жаль, Квад, но ничего не выйдет.

Тони молча вышел из кабинета. За первым поворотом коридора он наткнулся на Кэтлин, безуспешно пытавшуюся вытереть глаза маленьким кусочком кружев.

— Выше голову! — сказал он, обнимая ее и подавая платок. — На вот, попробуй этим.

— Я сама сумею вытереть себе нос! — фыркнула девушка. — Ох, Тони, с какой бы с радостью я выцарапала этой стерве глаза! Меня тошнит от одного ее вида!

— Я тоже не понимаю, что фон Зорн в ней нашел, — угрюмо согласился Квад. — Однако он буквально ест у нее из рук.

Вдруг дверь кабинета с грохотом распахнулась, послышалась яростная перепалка. Секундой позже в коридор выскочил Билл, прыгая со всей доступной ему скоростью. Он пытался укрыться от разъяренной Сандры Стил. Испуганно пища, он спрятался за коленями Кэтлин.

Сандра бросилась за ним.

— Дайте мне этого... этого... — Она заскрежетала зубами. — Я сверну ему шею!

— Не выйдет! — энергично возразила Кэтлин. — Оставь его в покое. Тони!..

Однако, прежде чем Тони успел хотя бы шевельнуться, Сандра размахнулась и влепила Кэтлин пощечину.

Подбородок девушки мгновенно взметнулся вверх, а сама она стиснула кулачок, размахнулась и врезала Сан-

дре Стил прямо в нос. Звезда экрана вскрикнула от боли и удивления и отшатнулась назад, налетев на стену. Фыркая не хуже кошки, она сползла по ней и села на пол.

— Хватит с тебя? — воинственно спросила Кэтлин, наступая на нее. — Оставь Билла в покое!

Похоже, Сандре действительно хватило. Она с трудом поднялась на ноги и поспешно удалилась, бормоча ругательства, от которых даже у Квада покраснели уши. Внезапно он заметил, что в коридоре стоит и фон Зорн, следя за развитием событий.

— О, Юпитер Великий! — пробормотал Квад. — Это уже слишком!

Стиснув кулаки, он бросился между своим шефом и девушкой.

Однако фон Зорн отодвинул его в сторону и сказал, странно кривя губы:

— Э-э-э... Мисс Грегг, боюсь, что... Гммм... Мисс Стил, пожалуй, не сможет сниматься в «Параде звезд». Поскольку пробы были весьма удачны, я хотел бы предложить эту роль вам. — Он откашлялся. — Вы очень способная девушка, — добавил он и быстро удалился, оставив Кэтлин в полной растерянности.

Квад удивленно посмотрел ему вслед, затем перевел взгляд на девушку.

— Кажется, у меня галлюцинации, — пробормотал он. — Ты устроила взбучку Сандре и тут же получила ее роль. Невероятно!

— Вы должны благодарить Билла. Мне все больше кажется, что этот парень умнее любого из нас. — Агент весело поглядывал на прыгуна, который по-прежнему жался к ноге Кэтлин и громко попискивал, явно довольный. — И не говорите мне, что он сейчас не смеется. Впрочем, у него есть на это полное право. Знаете, что случилось?

— Что? — спросил Квад. — Подозреваю, довольно много всякого.

— Верно. Как только вы вышли, эта дамочка начала ластиться к фон Зорну, а тот посадил ее на колени и потребовал, чтобы она его поцеловала. В эту минуту Билл прыгнул на стол и сказал: «Если ты думаешь, что я буду целовать твою обезьянью рожу с удовольствием, то здорово ошибаешься!» — Агент расхохотался. — Что тут началось! Фон Зорн отшвырнул дамочку, как горячую картофелину, и они набросились друг на друга. «Так вот что ты обо мне думаешь?! — орал он. — Обезьянья рожа, да?! Значит, ты

все время смеялась надо мной?!» А потом она кинулась за Биллом, фон Зорн за ней, и...

— Такова жизнь! — прервал его Билл, возбужденно подскакивая. — Что ты скажешь насчет поцелуя?

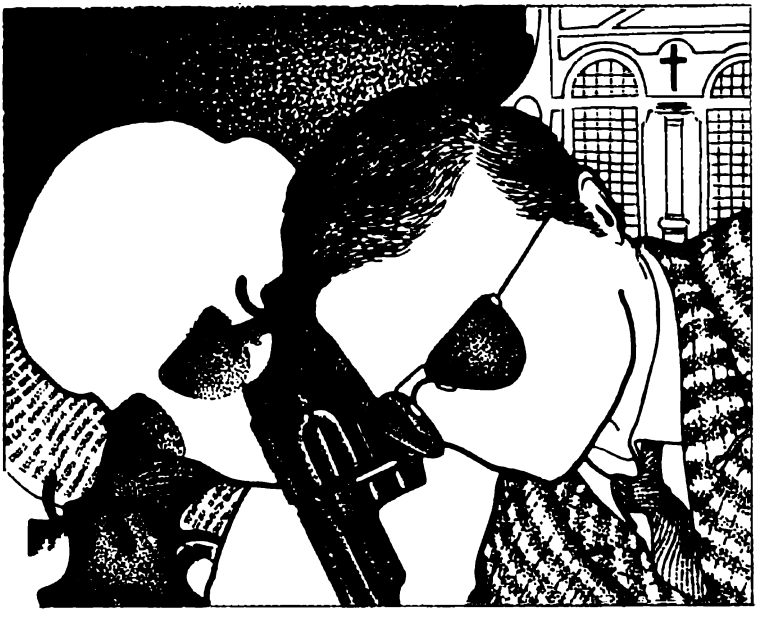
Агент поспешно направился к выходу.

— Это не я, — бросил он через плечо, — так что...

Ни Квад, ни Кэтлин уже не обращали на него ни малейшего внимания, зато Билл подскочил под потолок и торжествующе возвестил:

— Она меня любит! Она меня любит! Она меня любит!

ЗАЛОГ

Дьявол криво улыбнулся.

— Видите ли, — молвил он, — это довольно необычно. Я даже сомневаюсь...

— Давайте без болтовни. Хотите вы мою душу или нет? — отбросив дипломатию, спросил Джеймс Фенвик.

— Естественно, — ответил нечистый, — но нужно кое-что продумать. Условия договора весьма затрудняют ее получение.

— Неужели я требую слишком многого? — бросил Фенвик, похрустывая суставами пальцев. — Всего-то бессмертия. Удивительно, что другим это не приходит в голову. Вариант беспроигрышный. Ну, что же вы струсили? Или не верите в себя?

— В себя я верю всегда, — с ленцой ответил дьявол. — Дело в другом. А вы сознаете, Фенвик, что бессмертие может оказаться слишком долгим?

— Конечно. В этом вся соль. Мое бессмертие кончается — и вы получаете мою душу. Но если нет... — Фенвик поднял вверх указательный палец, подчеркивая важность момента. — Тогда моя взяла.

— Ну конец-то наступит, — сумрачно заверил его дьявол. — Просто сейчас мне не с руки связывать себя долгосрочными договорами. А ведь вы разочаруетесь в бессмертии, Фенвик, уверяю вас...

— Ну, это уж мое дело, — возразил Фенвик.

— Конечно, но не могу понять, что вас так привлекает в бесконечной жизни?.. — Дьявол нервно забарабанил хвостом по полу.

— Меня? Да ничего, — с апломбом произнес Фенвик. — Если быть честным, то бессмертие — что-то вроде бесплатного приложения... Просто мне хочется многое сделать, не думая о последствиях.

— Я могу это легко организовать, — оживился дьявол.

— В этом случае, — Фенвик сделал жест, означавший, что он просит не прерывать его, — договор этим бы и ограничился. А в моем варианте я, кроме полной вседозволенности, получаю еще и бессмертие. Согласны с моими условиями — по рукам, нет — расходимся с миром...

Дьявол, насупившись, поднялся и прошелся взад-вперед по комнате. Наконец он решился.

— Ладно, — сказал он энергично. — Договорились.

— Серьезно?.. — внезапно Фенвик даже ощутил какое-то разочарование: желанный миг наступил, дело сделано, все многократно взвешено и просчитано и все-таки... Он зачем-то посмотрел на опущенную оконную штору. — А каким образом... я хочу сказать, как вы это устроите технически?

Дьявол принял решение, и к нему вернулась обычная самоуверенность. Снисходительно, как профессор на кафедре, объяснил:

— Биохимия плюс квантовая механика. Ваш организм сможет самовосстанавливаться. Конечно, тут не обойтись без некоторых пространственно-временных коррекций. Вы станете абсолютно независимы от окружающей среды. Внешний мир — это основной смертоносный фактор.

— А я сам? Я не изменюсь внешне, не стану невидимым или бесплотным? Словом, никакого жульничества?

Дьявол принял вид и позу оскорбленной добродетели.

— Раз уж вы упомянули о жульничестве, то согласитесь, что именно вы и стараетесь облапошить меня. Успокойтесь, Фенвик! Я гарантирую исполнение договора по всем пунктам. Помните Ахилла? Вы превратитесь в такую же неуязвимую систему. Полностью закрытую, кроме пятки. Надеюсь, вы понимаете, что какая-то уязвимость должна остаться...

— Ни в коем случае! — бурно запротестовал Фенвик. — Категорически против.

— Без этого никак. Закрытая система защитит вас от всех опасностей извне. Но внутри системы — только вы. Она — это вы сами, и ради самосохранения вы должны иметь хоть минимум уязвимости... — Дьявол энергично размахивал хвостом, стараясь успокоить и убедить встревоженного Фенвика. — Представьте, что в одно прекрасное утро вы вдруг захотите расстаться с жизнью. Тут уж даже я не смогу вам помешать, даже если бы захотел. Действительно, а вдруг через миллионы лет жизнь вам опостылеет.

— Но чтобы не как с Титоном!* — потребовал Фенвик. — Я должен сохранить все — молодость, здоровье, внешность, способности...

— Можете не сомневаться. Не в моих интересах хитрить с вами: условия договора мне вполне подходят. Я подразумеваю, что вас может охватить примитивная хандра.

— А с вами такое случается?

— Довольно часто, — нехотя признался дьявол.

— Вы сами бессмертны?

— Естественно. Я вечен.

— Отчего же вы не убили себя? Не смогли?

— Смог, — мрачно ответил дьявол, — вся беда в том, что смог... Но вернемся к нашему договору. Бессмертие, молодость, здоровье... полная неуязвимость, кроме самоубийства. За все это — ваша душа после вашей смерти.

— А на что вам она? — неожиданно для самого себя поинтересовался Фенвик.

Нечистый сурово посмотрел на него.

— Ваше низвержение, как и гибель каждой новой души, помогает мне на миг забыть о собственном падении... — Его передернуло... — Впрочем, оставим софистику. Приступим... — Жестом мастера-престидижитатора он извлек из воздуха кусок пергамента и гусиное перо. — Вот ваш контракт.

Фенвик долго и тщательно изучал текст. Вдруг он прервался и поднял глаза на дьявола.

— А это что такое? — спросил он. — Ни о каком залоге речи не шло.

— Ах, вас не устраивает залог. Может, кто-нибудь поручится за вас?

---

* Титон — в древнегреческой мифологии муж Эос, богини утренней зари, по рождению человек. Эос вымолила у Зевса бессмертие, но забыла попросить вечную молодость, и Титон оказался обречен на бесконечную старость.

— Сомневаюсь, — ответил Фенвик, — даже если искать поручителя в Синг-Синге. Что вы хотите в залог?

— Некоторые ваши воспоминания. Не волнуйтесь, они подсознательные.

Фенвик помешкал.

— Значит, амнезия... А вдруг мне понадобятся именно эти воспоминания?

— Только не эти. Амнезия — это потеря сознательных воспоминаний. А без этих вы вполне обойдетесь.

— А это не душа?

— Нет, — терпеливо объяснил дьявол. — Это частичка души, не бесполезная, естественно, иначе она не интересовала бы меня. Но главную часть своей души вы сохраните до тех пор, пока сами не захотите вручить ее мне. После вашей смерти, конечно. Лишь тогда, соединив обе части воедино, я получу вашу душу. Правда, ждать мне придется очень долго, но вы за это время не ощутите никакого неудобства.

— Если я оговорю этот пункт в контракте, вы не будете против?

Дьявол, соглашаясь, кивнул.

Фенвик вписал на полях нужную поправку и, не дав высохнуть крови на острие пера, подписал договор.

— Очередь за вами.

Дьявол с крайним ожесточением на физиономии тоже поставил подпись. Потом он взмахнул рукой, и пергамент растаял в воздухе.

— Отлично! — сказал дьявол. — Теперь за работу. Прошу вас, встаньте. Сейчас мы внесем небольшие коррективы в железы... — Его пальцы непринужденно проникли в грудь Фенвика и проделали ряд почти незаметных движений. — Эндокринные железы я перестраиваю так, чтобы ваш организм мог постоянно самовосстанавливаться. Встаньте ко мне спиной...

В зеркале, что висело на стене, Фенвик видел, как лапа пришельца из преисподней мягко вошла в его затылок. На секунду голова пошла кругом.

— Зрительный бугор, шишковидное тело... — бормотал дьявол. — Пространственно-временное восприятие... Стоп. Теперь внешняя среда не представляет для вас ни малейшей угрозы. Еще пару секунд. Остается последнее...

Он быстро повернул кисть и выдернул сжатую в кулак лапу из затылка человека. И Фенвик тут же ощутил небывалый душевный подъем.

— Что это вы со мной сделали? — спросил он, круто повернувшись. Но он был один. Его жуткий гость исчез.

«А может, все это приснилось? Ничего странного... Любой, переживший такое, задаст себе этот вопрос. Галлюцинации ведь бывают и у здоровых людей... Значит, отныне я не только бессмертен, но и абсолютно неуязвим. Любой счел бы это психозом. Тем более, что явных доказательств нет.

С другой стороны, а где доказательства обратного? Ведь я ощущаю свое бессмертие. Полная убежденность в абсолютном благополучии. Коренное изменение желез — это вам не шутка. Организм работает совершенно не так, как любой другой организм до сих пор. Я стал изолированной, регенерирующей системой, неподвластной никому, даже Хроносу... — Его до отказа заполняло ощущение небывалого блаженства. Он смежил ресницы и призвал детские, самые качественные свои воспоминания. — Солнечный зайчик прыгает по полу террасы... Гудит шмель... Я нежусь в кроватке, а меня баюкают, укачивают... — Память сохранила все, что осталось в далеком прошлом. — Взлет до небес скрипучих качелей на детской площадке... звонкая страшащая тишина церкви. Жесткая влажная губка, обдирающая его лицо и, конечно же, нудные выговоры матери...»

Бессмертный и неуязвимый, он вышел из комнаты, миновал узкий коридор. Каждый шаг приносил ему ощущение безграничной свободы, потрясающей полноты жизни. Он тихо отворил дверь в соседнюю комнату и заглянул. Мать сладко спала на мягких подушках.

Фенвик был счастлив, безмерно счастлив... Он приблизился, тихо миновал кресло-каталку, помедлил у кровати, глядя на мать. Потом аккуратно отодвинул одну подушку, приподнял ее и обеими руками надавил — сначала слабо — на лицо спящей.

Наше повествование — вовсе не перечень злодеяний Джеймса Фенвика, а потому нет смысла подробно описывать все, что он совершил, чтобы за короткие пять лет заслужить титул Худшего Человека Земли. Он стал кумиром желтой прессы. Бывали, конечно, люди и погаже, чем он, но те сознавали свою уязвимость и смертность и потому не стремились афишировать свои преступления.

Его поступками руководила изо дня в день крепнущая убежденность, что в этом суетном мире неизменен только он, Фенвик. «Дни их что трава», — думал он, свысока поглядывая на тех своих братьев во Князе Тьмы, которые толпились вокруг жалких, бесполезных алтарей. Но так было лишь в самом начале его новой жизни, когда он еще подхо-

дил к своим поступкам и ощущениям с общепринятыми мерками и оценками; скоро он отказался от такого анализа, не видя в нем смысла. Он был волен в своих действиях, полностью раскован, ни на секунду не сомневался в своей неуязвимости, и потому ставил самые дерзкие опыты над ближними и дальними. Ряды опозоренных судей и растерянных адвокатов все множились. «Калигула наших дней», — надрывалась газета «Нью-Йорк ньюс», поясняя своим подписчикам на примере Фенвика, каким был Калигула. «Неужто кошмарные обвинения, предъявленные Джеймсу Фенвику, справедливы?» Но как бы то ни было, никто и никогда не смог уличить его в преступлении. Обвинения рассыпались, как карточный домик. Дьявол не соврал — Фенвик и в самом деле оказался системой, неуязвимой для окружающего мира, и эту свою неуязвимость он великолепно доказал на многочисленных процессах. Лично он так и не понял, как дьяволу удавалось вызволять его, не прибегая к сверхъестественным трюкам. Необходимость в подлинном чуде если и возникала, то крайне редко.

Например, один разоренный Фенвиком банкир послал ему пять пуль точно в сердце. Пули отлетели от сердца, как от стальной плиты. Их было только двое — Фенвик и банкир. Тот приписал чудесное спасение врага своего какому-нибудь защитному жилету, и последнюю пулю послал в лоб. С тем же успехом. Банкир схватился за нож. Из любопытства Фенвик не стал ему мешать. В результате банкир оказался в сумасшедшем доме, а Фенвик, непринужденно прибрав к рукам его состояние, быстро и удачно распорядился им. Обвинения против него множились с каждым днем, но все проваливались. Несмотря на все усилия, никому не удавалось доказать, что Фенвик — особо опасный преступник. Защита действовала безотказно, состояние и влияние Фенвика росли не по дням, а по часам. Репутация у него была хуже некуда. Тогда он задумал в пику всем добиться признания и преклонения. Это было значительно сложнее — он не обладал еще таким состоянием, которое оправдывало бы любые его поступки, поставило бы его над моралью и общественным мнением. Но это было поправимо, и спустя десять лет после встречи с нечистым Фенвик, возможно, еще не стал самым влиятельным человеком на Земле, но, несомненно, был таковым в Соединенных Штатах. Он добился того, чего хотел: громкой славы, общей зависти и преклонения.

Но всего этого было мало. Дьявол прорицал, что через несколько миллионов лет скука может довести Фенвика до самоубийства. Но минуло лишь десять лет, когда в один пре-

красный солнечный день Фенвик пришел к неожиданному и шокирующему выводу: он исчерпал все и не мог придумать ничего нового.

Он скрупулезно проанализировал свои ощущения. «Может быть, это скука?» — спросил он себя. В любом случае, ощущение было довольно приятным, напоминало то невесомое блаженство, с которым нежишься в бархатной волне океана. Только расслабленность эта казалась чересчур сильной. «Если это максимум того, что дает бессмертие, то стоило ли огород городить? — спрашивал он себя. — Ощущение, конечно, приятное, но отдавать за него душу... Нет, надо найти выход из этой блаженной спячки».

Он приступил к новым экспериментам. В результате через пять лет общество снова отвернулось от него, шокированное его судорожными попытками разрушить стену удушающего безразличия к жизни. И все равно цели он не достиг. Он совершал леденящие кровь поступки, провоцировал страшные события и не ощущал при этом ничего особенного. Там, где другие бы окаменели или провалились сквозь землю, Фенвик сохранял глухое равнодушие.

В тупом отчаянии, которое удивительным образом сочеталось с полным безразличием, Фенвик замечал, как начинают рваться нити, связывавшие его с остальным человечеством. Люди были смертны, и ему казалось, что все они уходят от него в какую-то туманную даль. Даже земля под ногами уже не ощущалась им, как нечто неизменное: в далеком будущем ему предстояло стать свидетелем гигантских геологических катаклизмов.

Он решил заняться интеллектуальным трудом. Начал рисовать и сочинять, пробовал свои силы в науках. Это привлекало, но только до определенной степени. Он снова и снова упирался в какую-то глухую стену, на плотину в сознании, за которой плескалось все то же дремотное безразличие, и в нем, в этом теплом безразличии, бесследно таял былой энтузиазм. Становилось ясно, что дефект был в нем самом.

Мало-помалу складывалось подозрение. Оно то возникало в сознании, то отходило на задний план под влиянием вспышки нового интереса. Но однажды пришло озарение.

Как-то утром Фенвик проснулся внезапно, как от резкого толчка, и сел в кровати.

— Во мне чего-то не хватает, — сказал он себе. — Это ясно. Но чего же?...

Он погрузился в размышления. С каких пор он потерял это... необъяснимое это?

Ответ не приходил. Снова тяжкое, неодолимое безразличие спутывало его по рукам и ногам, мешало собраться с

мыслями. Вот эта пассивность и была главной частью его проблемы. Когда же это началось? Да как только был подписан контракт! С чем это связано? Все время он думал, что просто с безупречностью каждого органа, каждой клетки его тела, совершенного и вечного. А вдруг дело совсем в другом? Вдруг его сознание специально затуманено, чтобы он не догадался, что его нагло обокрали?

Обокрали?.. Потея в изысканных шелковых простынях, глядя на ранний летний рассвет за окном, Джеймс Фенвик внезапно осознал убийственную истину. Он треснул себя кулаком по колену.

— Моя душа! — возопил он к равнодушному восходу. — Он надул меня. Он похитил мою душу.

Фенвик сразу уверовал в это и подивился своей наивности. Ведь обман был так очевиден! Коварный и хитрый дьявол решил — в нарушение договора — забрать у Фенвика душу, так сказать, авансом. А если и не всю душу, то по меньшей мере ее важнейшую часть. Он, Фенвик, сам видел в зеркале, как нечистый сделал это. Вот почему в нем все время чего-то не хватало. Сколько бы он ни колотился о стенку в своем сознании, та стояла несокрушимо, потому что его обманом лишили главного — драгоценной души.

Что за смысл в вечной жизни без этой загадочной души, которая одна и делает бессмертие столь желанным? Он не мог свободно пить из чаши бытия, ибо у него преступно похитили самый главный компонент вечной жизни...

— «Некоторые ваши воспоминания», а? — горько повторил он вспоминая и переосмысливая тогдашние слова дьявола, его нарочитое безразличие при определении залога... — Я «вполне обойдусь без них», а? И это говорилось о самой основе моей души!..

Он вспомнил литературных и фольклорных героев, лишенных души. Бедная Русалочка, девушка-нерпа, эльфы из «Сна в летнюю ночь» — оказывается, написано на эту тему было довольно много. Причем все потерявшие душу готовы были платить любую цену, лишь бы вернуть ее. Теперь Фенвик понял, что досужие рассуждения о влиянии язычества на творчество авторов — пустая болтовня. Он на себе ощутил, как они были правы, когда утверждали, что о душе можно тосковать.

Теперь он особенно остро ощутил, что потерял, и им овладело горькое чувство безысходной утраты. Теперь он понимал горе Русалочки и всех других. Они ведь тоже были бессмертны и, пусть даже не были людьми, очевидно, тоже отведали этого отравленного плода легкой, безответственной, абсолютной свободы. Возможно, и у них между вспышками

тоски о пропавшей душе вдруг поднималась волна полного безразличия ко всему. А боги, которые, если верить мифам, отдавали все свое время бесконечным и безумным развлечениям? Они пели и пили, плясали и хохотали, никогда не ощущая ни утомления, ни грусти... Но, может быть, тоску они все-таки знали?

До поры до времени это прекрасно, но как только прозрение коснется тебя, олимпийская жизнь утрачивает вкус и ты готов любой ценой вернуть свою душу. Отчего так? Объяснить это Фенвик не мог. Он просто был убежден, что так оно и есть. Вдруг ласковый летний воздух заколыхался, и между Фенвиком и окном возник дьявол. Фенвик невольно вздрогнул.

— Договор заключался на вечность, — напомнил он.

— Конечно, — ответствовал дьявол. — Но этот пункт можно пересмотреть.

— Я не собираюсь ничего пересматривать, — жестко бросил Фенвик. — А почему вы явились именно сейчас?

— Мне подумалось, что вы меня ждете, — мягко сказал дьявол. — Мы можем побеседовать. Мне почудилось в вашем настроении нечто пессимистическое. Как вам живется? Скука еще не замучила? Нет еще желания разом со всем покончить?

— Ни малейшего! Зато есть желание выяснить, почему вы меня обманули. Вас не затруднит пояснить: что именно вы извлекли из моей головы в тот день?

— Давайте не будем вникать в детали, — ответил дьявол, легонько размахивая хвостом.

— Нет уж, давайте вникнем! — возмутился Фенвик. — Вы утверждали, что забираете те воспоминания, которые мне никогда не понадобятся.

— Я и сейчас скажу то же, — усмехнулся дьявол.

— Вы забрали душу! Мою душу!.. — Фенвик в бешенстве замолотил кулаками по постели. — Вы жулик. Обманом присвоили мою душу и лишили меня возможности наслаждаться бессмертием, которое я полностью оплатил. Это прямое нарушение договора!..

— Чем вы недовольны? — спросил дьявол.

— Я думаю, есть немало такого, что могло бы порадовать меня, имей я душу. Например, я мог бы заняться музыкой и достигнуть в ней творческих вершин. Музыка — мое давнее увлечение, а сейчас в моем распоряжении тысячелетия... Мог бы посвятить себя математике или физике — с моими-то средствами и неограниченным временем плюс лучшими учеными мира, услуги которых я готов щедро оплатить, мои возможности в науках, пожалуй, неограничены. Да я мог

бы вообще уничтожить наш мир и оставить вас на будущее без единой грешной души. Подходит вам эта идея?

Дьявол улыбнулся и стал полировать когти о рукав.

— Нечего усмехаться! — вспылил Фенвик. — Это непреложная истина. Я мог бы освоить медицину и увеличить срок человеческой жизни. Мог бы заняться политикой и экономикой, прекратить все войны, покончить со всеми муками человечества. А мог бы овладеть криминалистикой и создать такую криминогенную обстановку, что в аду не хватило бы места для грешных душ. Да я что угодно мог бы совершить, если бы у меня была моя душа. А без нее, как бы это сказать... все мне безразлично, пресно. — Он грустно покачал головой. — Я как будто изолирован от остального человечества. Все бессмысленно. Я ни на что не реагирую, мне все абсолютно безразлично. Я даже горечи не ощущаю. И не могу придумать, чем заняться. Я...

— Словом, вы умираете от скуки, — сказал дьявол. — Простите, но сочувствия вы от меня не дождетесь.

— Это вы обманули меня, — сказал Фенвик. — Верните мне мою душу!

— Я уже объяснил, что я у вас взял, причем объяснил с исчерпывающей полнотой...

— Вы похитили мою душу!

— Отнюдь, — возразил дьявол. — А сейчас, извините, я вынужден с вами расстаться.

— Жулик! Возвратите мою душу!

— А вы попытайтесь вынудить меня, — усмехнулся дьявол. В этот момент восходящее солнце послало свой луч в спальню. Дьявол мгновенно слился с ним и исчез.

— Ну ладно же, — сказал Фенвик вдогонку. — Отлично... Я попытаюсь...

Он не стал откладывать. Размышлял он долго: много времени отнимало это бессмысленное олимпийское спокойствие.

«Что бы такое сделать? — думал Фенвик. — Просто игнорировать его? Не вижу смысла. Попытаться отнять у дьявола нечто ценное для него? А что представляет для него ценность? Конечно, души. Самые разные, и моя в том числе. Так-так... — Он нахмурился. — А что если раскаюсь?»

Фенвик обсасывал эту мысль целый день. Идея была увлекательной, но, несмотря на это, она как-то сама себе же противоречила. Итог такого шага был совершенно непредсказуем. И не вполне ясно было, с чего начинать. Да и сама

мысль, что бесконечную жизнь можно посвятить добрым делам, представлялась совершенно абсурдной.

Вечером он решил побродить по городу, долго бродил по мрачным улицам. Погруженный в трудные размышления, он не замечал прохожих, которые мелькали, как бесплотные тени по полотну гигантского экрана. Веяло покоем и свежестью, и только сознание тяжкой несправедливости бытия, бессмысленности и ненужности бессмертия, за которое было заплачено такой дорогой ценой, мешало ему испытать глубокое умиротворение.

Музыка вернула его к обыденной жизни, он осмотрелся и увидел собор. Вверх и вниз по ступеням молча, как призраки, двигались люди. Внутри раздавалось пение, волнами катились звуки органа, откуда веяло приятным запахом ладана. Словом, храм выглядел внушительно.

«Я могу войти, пасть перед алтарем и прилюдно покаяться», — подумал Фенвик. Он уже шагнул было на ступени, но остановил себя, поняв, что не в силах войти. Слишком величественно выглядел храм. Он показался бы полным болваном. Но все-таки...

В раздумье он двинулся дальше. Он шел, пока в его раздумья снова не вмешалась музыка.

Теперь он стоял на пустыре, где нашла приют палатка бродячего проповедника. Внутри было шумно. Музыка бурно ударяла в парусиновые стены палатки. С ней сплеталось пение, мужские и женские вопли.

Фенвик застыл, озаренный неожиданной идеей. В этом гвалте его покаяние вряд ли кто услышит. Он помешкал мгновение и шагнул вперед.

Внутри было неуютно, грязно и вообще сумбурно. Проход от приоткрытого полога к жалкой имитации алтаря пролегал между скамьями. Толпа, над которой воздел свои длани проповедник, была возбуждена до предела, но пастырь выглядел еще безумнее своей паствы.

Фенвик медленно пошел к кафедре.

«Как же надо каяться? — размышлял он. — Сказать, не мудрствуя: «Каюсь и винюсь»? Или: «Я продал свою душу дьяволу и сим извещаю о расторжении договора»? Нужно ли прибегать к специфическим богословским терминам?»

Он был уже рядом с алтарем, когда увидел неясное мерцание, а в нем — огненный контур дьявола, некий трехмерный абрис в пропыленном воздухе.

— Я не советовал бы вам спешить, — промолвил фантом.

Фенвик с победной улыбкой шагнул сквозь него. Тогда,

явно пересиливая себя, дьявол принял свой обычный облик и встал на пути у Фенвика.

— Ну кому нужны такие сцены? — хмуро сказал он. — Вы не представляете себе, как мне неприятно это место. Ну же, Фенвик, прекращайте этот балаган...

Кое-кто из присутствующих посмотрел на дьявола с интересом, но особого ажиотажа не было. Некоторым он, возможно, показался переодетым служкой, а те, кому посчастливилось встречать Князя Тьмы во плоти, то ли свыклись с ним, то ли сочли его появление в импровизированном храме событием вполне естественным. В общем, никто не был шокирован.

— Не стойте на пути! — сказал Фенвик. — Я твердо решил.

— Вы жульничаете, — обиженно произнес дьявол. — Я не могу этого допустить.

— Сам ты жулик, — грубо возразил Фенвик. — Ну-ка, останови меня.

— И остановлю, — сказал дьявол, протягивая свои ужасные когтистые лапы.

Фенвик совсем развеселился.

— Ты, похоже, забыл, что я — закрытая система. Ну, что ты можешь со мной сделать? Подумай.

Дьявол скрежетнул клыками. Фенвик отодвинул своего супостата и двинулся дальше. И тут раздалось долгожданное:

— Ладно, Фенвик. Вы добились своего.

Фенвик остановился и торжествующе спросил:

— Значит, вы вернете мне душу?

— Я верну вам залог, но вас это глубоко разочарует.

— Возвратите душу, — повторил Фенвик. — Я теперь ни на грош вам не верю.

— Я отец лжи, — ответил дьявол, — но в данном случае...

— Хватит-хватит, — прервал его Фенвик. — Гоните сюда душу!

— Ну, не здесь же! Потерпите минутку. Исчезнем отсюда. Да не пугайтесь, я всего лишь перенесу вас в вашу же квартиру. Нам нужно остаться наедине.

Движением лапы он нарисовал в воздухе вокруг себя и Фенвика что-то вроде куба. Сразу же пропала толпа, стихли вопли, музыка, какофонический шум, и они оказались в роскошной квартире. Пораженный Фенвик прошелся по комнате, посмотрел в окно. Сомневаться не приходилось — он был в своей квартире.

— Эффектно сработано, — похвалил он дьявола. — Но вернемся к главному... к моей душе.

— Я возвращу именно то, что получил от вас. Наш до-

говор не нарушался ни в одной букве, но раз уж я пообещал... Однако в последний раз советую подумать. Вы будете ужасно разочарованы.

— Хватит твердить одно и то же, — жестко сказал Фенвик. — Все равно вы не признаетесь, что облапошили меня...

— Ну что ж, вы сами этого добивались, — сказал дьявол.

— Давайте мою душу!

Дьявол беспомощно развел лапами. Затем сунул правую себе в грудь, порылся там и со словами: «Я ее надежно укрыл, чтобы не испортилась» достал что-то, плотно зажатое в кулаке.

— Повернитесь спиной! — скомандовал дьявол.

Фенвик повиновался. Он ощутил, как холодная струйка потекла от затылка сквозь голову...

— Не шевелитесь! — услышал он у себя за спиной. — На это уйдет не больше двух минут. Фенвик, а ведь вы, оказывается, тупица. Я надеялся на долгое представление, иначе просто не стал бы гробить время на эту комедию. Мой несчастный наивный друг, не души я вас лишил, а, как и обещал, только необязательных подсознательных воспоминаний.

— Отчего же в таком случае, — возмутился Фенвик, — я не получаю от бессмертия удовольствия? Что за препятствие возникает всегда передо мной, перед любым моим замыслом? Что толку быть божеством, если бессмертие — единственное мое богатство, но оно-то и не приносит мне никакого наслаждения?

— Не дергайтесь вы! — раздраженно цыкнул дьявол. — Ладно уж, слушайте. Видите ли, милый мой Фенвик, вы далеко не бог. Вы обычный человечек, один из миллионов. Ваша же собственная заурядность — вот что стало для вас непреодолимым барьером. Да вам и за миллионы лет не дано достичь величия — ни в музыке, ни в политике, ни в чем угодно. Не дано вам этого, просто не дано, и бессмертие не имеет к этому никакого отношения. Удивительно... — тут дьявол тяжело вздохнул. — Удивительно, но все, с кем я имел дело, оказались неспособны извлечь из сделки выгоду. Очевидно, люди посредственные убеждены в своем праве получать на грош пятаков. И вы, дорогой мой, из той же кучи...

Холодная струйка больше не ощущалась.

— Финита ля комедия, — сказал дьявол. — Я с вами в полном расчете. То, что я брал и вернул, фрейдисты называют «супер-эго», или, проще говоря, «сверх-я».

— Мое «сверх-я»? — Фенвик повернулся к дьяволу. — Я не совсем...

— Не понимаете? — закончил его фразу дьявол и нагло рас-

охотался. — Ничего, скоро поймете. Это врожденное знание, вмонтированное в ваше подсознание. Оно устремляет ваши импульсы по тем направлениям, которые установило и утвердило общество. Короче говоря, мой несчастный Фенвик, то, чего вы так добивались и сейчас получили, — ваша совесть. Это без нее вам все это время так свободно и беззаботно жилось.

Фенвик глубоко вздохнул, хотел ответить... и не успел.

Дьявол исчез. Фенвик остался один.

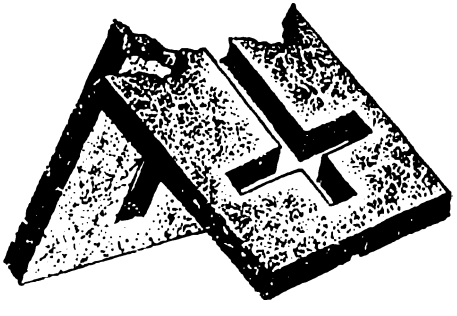
Хотя нет, он не был один. В зеркале над камином он встретил перепуганный взгляд. Еще секунда — и его «сверхя» продолжило в его сознании работу, грубо прерванную много лет назад. Словно меч Немезиды*, слепя и оглушая, обрушилась на Фенвика память о прошлом. Ему припомнились все его злодеяния. От первого до последнего. Каждый неправедный шаг, каждый подлый поступок последних двадцати лет ожил у него перед глазами.

Он пошатнулся. Мир вокруг померк с заупокойным воем. Чувство неизбежной вины рухнуло на него грузом, сокрушающим плечи. Все, что он совершил, пока бездумно рассыпал семена зла, формировалось в кошмарные видения, дробило мозг громами, сжигало молниями. Непереносимые угрызения совести бурлили в душе, рвали ее в клочья. Он закрыл глаза руками, пытаясь скрыться от страшных видений, но был не в силах, просто не в силах унять память. Он заставил себя повернуться и, едва держась на ватных ногах, подошел к спальне. Распахнул двери. Уже падая, Фенвик дотянулся до ночного столика, где лежал револьвер, и приставил дуло к виску...

И дьявол не заставил себя ждать...

---

* Немезида — древнегреческая богиня справедливого возмездия.

ПРИЗРАК

Председатель Объединения едва не свалился с кресла. Щеки его посерели, челюсть отвисла, а суровые голубые глаза за контактными линзами потеряли свою обычную проницательность и сделались просто глупыми. Бен Холидей медленно крутнулся на кресле и посмотрел на нью-йоркские небоскребы, словно желая убедиться, что все еще находится в двадцать первом веке — золотом веке науки.

Никакой ведьмы на метле за окном не было.

Несколько приободрившись, Холидей повернулся к прямому седовласому человеку с узкими губами, сидевшему по другую сторону стола. Доктор Элтон Форд не походил на Калиостро, он выглядел тем, кем был на самом деле: величайшим из психологов.

— Что вы сказали? — неуверенно переспросил Холидей.

Форд с педантичной точностью соединил кончики пальцев и склонил голову.

— Вы же слышали. Все дело в призраках. Вашу антарктическую станцию захватил призрак.

— Вы шутите. — В голосе Холидея звучала надежда.

— Я представляю вам свою теорию в наиболее упрощенной форме. Разумеется, без исследований на месте я не могу ничего доказать.

— Призраки, надо же.

Тень улыбки скользнула по губам Форда.

— Да, но без белых саванов и звенящих цепей. Этот тип призрака не противоречит логике, мистер Холидей, и не имеет ничего общего с древними суевериями. Он мог появиться только в век науки и для замка Отранто* совершенно не подходит. В наши дни вы со своими интеграторами проложили призракам новые пути. Боюсь, если не предпринять, нечто радикальное, вслед за этим призраком появятся другие. Я верю в свои силы и в то, что сумею поправить дело и сейчас, и в будущем, но доказать это могу только эмпирически. Я должен изгнать призрака не с помощью колокольчика, Библии и свечи, а психологическим воздействием.

Холидей никак не мог прийти в себя.

— Вы верите в духов?

— Да, со вчерашнего дня. В принципе явление это не имеет ничего общего с фольклорными персонажами, однако, оперируя нашими данными, мы приходим к тем же результатам, что и авторы страшных историй. Симптомы те же самые.

— Не понимаю...

— В эпоху волшебства ведьма варила в котле травы, добавляла пару жаб и летучих мышей и этой микстурой лечила сердечные недуги. Сегодня мы оставляем фауну в покое и лечим сердце экстрактом наперстянки.

Обалдевший Холидей покачал головой.

— Мистер Форд, я, признаться, просто не знаю, что вам ответить. Для таких утверждений должны быть веские причины...

— Уверяю вас, они есть.

— Но...

— Пожалуйста, выслушайте, — с нажимом сказал Форд. — С тех пор как умер Бронсон, вы не можете удержать на своей антарктической станции ни одного оператора. Этот парень — Ларри Крокетт — высидел дольше прочих, но и у него проявляются вполне определенные симптомы: тупая безнадежная депрессия, полная апатия.

---

* Имеется в виду классическая «готическая» повесть Хораса Уолпола «Замок Отранто».

— Но ведь эта станция — один из главных научных центров мира. Откуда взяться призракам в таком месте?

— Мы имеем дело с совершенно новым видом призрака, — объяснил Форд, — и в то же время — с одним из самых древних. И опаснейших притом. Современная наука завершила полный круг и создала своих призраков. Мне не остается ничего иного, как отправиться в Антарктиду и попытаться изгнать дьявола.

— О Боже! — только и сказал Холидей.

Raison d'etre* станции был огромный подземный зал, высокий и совершенно пустой, если не считать двойного ряда мощных колонн вдоль стен. Его без особого пиетета называли Черепом, а колонны рождали аналогии из древней истории: на ум приходили Карнак, Вавилон или Ур. Они были сделаны из белой пластмассы и достигали в высоту двадцати футов, а в диаметре — шести. Внутри колонн находились, усовершенствованные Объединением радиоизотопные мозги. Интеграторы. Они не были коллоидальными, а слагались из мыслящих схем, действующих со скоростью света, однако определение «робот» к ним не подходило. Вместе с тем они не были индивидуальностями, способными осознать свое «я». Ученые исследовали элементы, составляющие мозг мыслящего существа, создали их эквиваленты, но большей мощности, и получили чуткие, идеально функционирующие машины с фантастически высоким показателем интеллекта. Их можно было использовать поодиночке или все вместе, причем возможности увеличивались пропорционально количеству.

Главным достоинством интеграторов была эффективность. Они могли решать проблемы, производить сложнейшие вычисления. Расчет траектории метеорита занимал у них минуты или секунды, тогда как опытному астроному для этого требовались недели. В быстротечном, хорошо смазанном 2030 году время было бесценно. Последние пять лет показали, что интеграторы — тоже.

Тридцать белых колонн стояли в Черепе, а их радиоатомные мозги работали с пугающей точностью. Они никогда не ошибались.

Это были разумы, чуткие и могучие.

Ларри Крокетт, высокий краснолицый ирландец, с черными волосами и взрывным темпераментом, сидел напротив

* Raison d'etre (*фр.*) — смысл существования.

доктора Форда и тупо смотрел на десерт, появившийся из пищевого автомата.

— Вы меня слышите, Крокетт?

— Что? А-а, да... Ничего особенного, просто я паршиво себя чувствую.

— После смерти Бронсона на этой должности поменялись шесть человек и все чувствовали себя паршиво.

— Ну... здесь так одиноко, в этой коробке подо льдом...

— Раньше, на других станциях, люди тоже жили в одиночестве. И вы в том числе.

Крокетт пожал плечами; даже это простое движение выдавало смертельную усталость.

— Откуда мне знать... Может, я тоже уволюсь.

— Вы... боитесь здесь оставаться?

— Нет. Здесь нечего бояться.

— Даже призраков?

— Призраков? Пожалуй, несколько штук были бы здесь кстати: оживили бы обстановку.

— Прежде у вас были определенные намерения: вы собирались жениться, добивались повышения.

— Было дело...

— И что случилось? Это перестало вас интересовать?

— Можно сказать и так, — согласился Крокетт. — Я не вижу смысла... ни в чем.

— А ведь вы здоровы, об этом говорят все ваши тесты. Здесь, в этом месте, царит черная, глубокая депрессия. Я и сам ее ощущаю. — Форд замолчал. Тупая усталость, таившаяся в уголках его мозга, медленно выползала наружу, словно ленивый язык ледника. Он осмотрелся. Станция выглядела светлой, чистой и спокойной, но именно спокойствия здесь и не чувствовалось.

Они вернулись к прежней теме.

— Я смотрел интеграторы, они во всех отношениях очень интересны.

Крокетт не ответил, он отсутствующе глядел на чашку с кофе.

— Во всех отношениях, — повторил Форд. — Кстати, вы знаете, что случилось с Бронсоном?

— Конечно. Он спятил и покончил с собой.

— Здесь?

— Да, здесь. Ну и что с того?

— Остался его дух, — сказал Форд.

Крокетт уставился на него, потом откинулся на спинку стула, не зная, расхохотаться ему или просто равнодушно

удивиться. Наконец он засмеялся, но смех прозвучал не очень весело.

— Значит, не у одного Бронсона не все дома, — заметил он.

Форд широко улыбнулся.

— Спустимся вниз, посмотрим интеграторы.

Крокетт с едва заметной неприязнью заглянул в глаза психологу и нервно забарабанил пальцами по столу.

— Вниз? Зачем?

— Вы имеете что-то против?

— Черт возьми, нет, — ответил Крокетт. — Только...

— Воздействие там сильнее, — подсказал Форд. — Депрессия усиливается, когда вы оказываетесь рядом с интеграторами. Так?

— Да, — буркнул Крокетт. — Но что с того?

— Все неприятности идут от них. Это очевидно.

— Они действуют безукоризненно: мы вводим вопросы и получаем правильные ответы.

— Я говорю не об интеллекте, — объяснил Форд, — а о чувствах.

Крокетт сухо рассмеялся.

— У этих чертовых машин никаких чувств нет.

— Собственных нет, поскольку они не могут творить. Их возможности не выходят за рамки программы. Но послушайте, Крокетт, вы работаете со сверхсложной мыслящей машиной, с радиоизотопным мозгом, который ДОЛЖЕН быть чутким и восприимчивым. Это обязательное условие. И вы можете создавать тридцатиэлементный комплекс потому, что находитесь в точке равновесия магнитных линий.

— Вот как?

— Что случится, если вы поднесете магнит к компасу? Компас начнет реагировать по законам магнетизма. Интеграторы реагируют... по какому-то другому принципу. И они невероятно точно выверены, находятся в идеальном равновесии.

— Вы хотите сказать, что они спятили? — спросил Крокетт.

— Это было бы слишком просто, — ответил Форд. — Для безумия характерны изменчивые состояния. Мозги же в интеграторах уравновешены, стабилизированы в неких границах и движутся, так сказать, по стационарным орбитам. Но они восприимчивы — просто обязаны быть такими — к одной вещи. Их сила обращается слабостью.

— Значит...

— Вам случалось бывать в обществе психически больного человека? — спросил Форд. — Уверен, что нет. Это здорово действует на впечатлительных людей. Разум же интеграторов сильнее подвержен внушению, чем человеческий.

— Вы имеете в виду индуцируемое безумие? — спросил Крокетт.

Форд утвердительно кивнул.

— Точнее, индуцированную фазу психической болезни. Интеграторы не могут скопировать схему болезни, они на это просто не способны. Если взять чистый фонодиск и сыграть какую-нибудь мелодию, она запишется и получится пластинка, много раз повторяющая произведение. В психологическом смысле интеграторы представляли собой как бы незаписанные пластинки, а их таланты — производное совершеннейшей настройки мыслящего устройства. Воля машин не играет тут никакой роли. Сверхъестественно чувствительные интеграторы записали психическую модель какого-то мозга и теперь воспроизводят ее. А если точнее, модель психики Бронсона.

— То есть, — вставил Крокетт, — машины рехнулись.

— Нет. Безумие связано с сознанием личности, а интеграторы лишь записывают и воспроизводят. Именно поэтому шестеро операторов покинули станцию.

— Ясно, — сказал Крокетт. — Я последую их примеру, прежде чем свихнусь. Это довольно... мерзко.

— Как это ощущается?

— Я бы покончил с собой, если бы это не требовало усилий, — коротко ответил ирландец.

Форд вынул блокнот и свинтил колпачок с ручки.

— У меня здесь история болезни Бронсона. Вы когда-нибудь слышали о типологии психических болезней?

— Очень мало. В свое время я знал Бронсона. Порой он бывал исключительно угрюм, но потом вновь становился душой общества.

— Он говорил о самоубийстве?

— При мне никогда.

Форд кивнул.

— Если бы говорил, он никогда бы его не совершил. Его случай — маниакальная депрессия: глубокая подавленность после периодов оживления. В начальный период развития психиатрии больных делили на параноиков и шизофреников, но такое деление оказалось слишком грубым. Невозможно провести линию раздела, поскольку эти типы взаимно проникают друг в друга. Ныне мы выделяем

маниакальную депрессию и шизофрению. Шизофрению вылечить невозможно, остальные психозы — вполне. Вы, мистер Крокетт, легко управляемый маниакально-депрессивный тип.

— Да? Но это не значит, что я сумасшедший?

Форд широко улыбнулся.

— Скажете тоже! Как и все, вы имеете определенные отклонения, и, если когда-нибудь сойдете с ума, это будет маниакальная депрессия. Я, например, стал бы шизофреником, поскольку представляю шизоидный тип. Этот тип часто встречается среди психологов и объясняется комплексом компенсационной общественной ориентации.

— Вы хотите сказать...

Доктор продолжал; в том, что он объяснял все это Крокетту, явно была какая-то цель. Полное понимание — часть лечения.

— Представим это таким образом. Депрессивные маньяки — случаи довольно простые и колеблются между состояниями оживления и депрессии. Амплитуда колебаний велика по сравнению с ровными и быстрыми рывками шизоидного типа. Периоды растягиваются на дни, недели, даже на месяцы. Когда у маниакально-депрессивного типа наступает ухудшение, график его депрессивной фазы имеет вид кривой, идущей вниз. Это одно. Он сидит и не делает ничего, чувствуя себя несчастнейшим человеком в мире, порой до того несчастным, что это даже начинает ему нравиться. И только когда кривая начинает ползти вверх, его состояние меняется с пассивного на активное. Вот тут он начинает ломать стулья и требуется смирительная рубашка.

Крокетт явно заинтересовался. Вполне естественно, что он прилагал выводы Форда к себе.

— Иначе обстоит дело с шизоидным типом, — продолжал Форд. — Тут ничего предсказать нельзя и может произойти все что угодно. Это может быть раздвоение личности, навязчивая идея материнства или различные комплексы: Эдипов, возврат в детство, мания преследования, комплекс величия — варианты неограничены. Шизоидный тип неизлечим, но для депрессивного маньяка спасение, к счастью, возможно. Наш здешний призрак — именно депрессивный маньяк.

С лица ирландца сбежал румянец.

— Начинаю понимать.

Форд кивнул.

— Бронсон сошел с ума здесь. Он покончил с собой.

когда его депрессия оказалась в нижней точке кривой, стала невыносимой, и это извержение разума Бронсона, чистая концентрация безумия оставила свой след на радиоизотопных мозгах интеграторов. Помните фонодиск? Электрические импульсы их мозгов непрерывно излучают эту запись — состояние глубочайшей депрессии, а интеграторы настолько мощны, что каждый, кто оказывается на станции, принимает излучение.

Крокетт сглотнул и допил остывший кофе.

— Боже мой! Это просто... кошмар какой-то!

— Это призрак, — сказал Форд. — Идеально логичный призрак, неизбежный результат действия сверхчувствительной мыслящей машины. А интеграторы невозможно лечить от профессиональной болезни.

Помрачневший Крокетт затянулся сигаретой,

— Вы убедили меня в одном, доктор: я уеду отсюда.

Форд помахал рукой.

— Если моя теория верна, лекарство есть — все та же индукция.

— Что?

— Бронсон мог бы выздороветь, если бы его вовремя начали лечить. Есть терапевтические средства. Здесь, — Форд положил руку на блокнот, — полный образ психики Бронсона. Я нашел больного, страдающего маниакально-депрессивным психозом. Он почти копия Бронсона: весьма похожи и история болезни, и характер. Неисправный магнит можно вылечить размагничиванием.

— А пока, — буркнул Крокетт, снова впадая в болезненную апатию, — нам предстоит иметь дело с призраком.

Так или иначе Форд заинтересовал его своими странными теориями лечения. Эта смелая, даже фантастическая версия чем-то привлекала грузного ирландца. В крови Крокетта взыграло наследие его кельтских предков — мистицизм, удерживаемый железной выдержкой. В последнее время атмосфера станции была для него невыносимой, теперь же...

Станция была полностью автоматизирована, и для всех работ вполне хватало одного оператора. Интеграторы же действовали, как хорошо смазанные шестерни и после монтажа являли своего рода совершенство, не требуя никакого ремонта. Они просто не могли испортиться, если, конечно, не считать индуцированной психической болез-

ни. Но даже она не повлияла на качество работы. Интеграторы, решая сложные проблемы, по-прежнему давали верные ответы. Человеческий разум давно бы уже распался, тогда как радиоизотопные мозги просто записали схему маниакально-депрессивного психоза и непрерывно воспроизводили ее. По станции кружили призраки. Несколько дней спустя доктор Форд заметил неясные, блуждающие тени, которые, словно вампиры, высасывали отовсюду жизнь и энергию. Они властвовали и за пределами станции. Время от времени Крокетт выходил на поверхность и, закутавшись в комбинезон с подогревом, отправлялся в рискованные путешествия. При этом он доводил себя до полного изнеможения, словно надеясь таким образом одолеть депрессию, безраздельно царящую подо льдом.

Однако тени все сгущались. Свинцово-серое небо Антарктиды никогда прежде не угнетало Крокетта, а далекие горы, вздымающиеся подобно потомству мифического Имира, никогда прежде не казались ему живыми существами. Они были уже полуживыми, слишком старыми и усталыми, чтобы двигаться, и лишь тупо радовались тому, что могут неподвижно покоиться на бескрайних просторах ледовых пустынь. Стоило затрещать леднику, и тяжелый, гнетущий, изнуряющий приступ депрессии накатывал на Крокетта. Его разум здорового животного сжимался в комок и падал в бездну.

Он пытался бороться, но тайный враг подкрадывался исподволь, и никакие стены не могли его остановить. Медленно, но верно он проникал в тело ирландца. Крокетт представил себе Бронсона — сжавшегося в комок, молча смотрящего в пустоту черной бездны, навсегда проглотившей его, — и содрогнулся. В последние дни он слишком часто возвращался мыслями к страшным историям, которыми когда-то зачитывался. В свое время Крокетт буквально наслаждался ими, они захватывали его и позволяли бояться понарошку, когда он на мгновение позволял себе поверить в невозможное. Могло ли существовать нечто подобное? Да, отвечал он себе тогда, но не верил в это. Теперь призрак завладел станцией, и логические выводы Форда оказались бессильны против древнего суеверия.

С тех давних времен, когда волосатые люди ежились в своих пещерах, существовал страх темноты. Голоса кровожадных хищников, раздающиеся в ночи, не всегда связывали с животными. Воображение придавало им иные формы: эти пугающие звуки, искаженные эхом и рассто-

янием, и ночь, таящаяся за кругом костра, породили демонов, оборотней и вампиров, великанов и ведьм.

Да, древний страх существовал по-прежнему, но теперь к нему добавлялась еще более страшная, чем древний ужас, обезволивающая, невыразимо отчаянная депрессия, саваном окутывающая человека.

Ирландец вовсе не был трусом. Когда приехал Форд, он решил остаться, по крайней мере до тех пор, пока не выяснится, удался эксперимент психолога или нет. Несмотря на это, его не очень обрадовало появление пациента Форда — депрессивного маньяка.

Внешне Уильям Квейл ничуть не походил на Бронсона, но чем дольше он находился на станции, тем более напоминал его. Квейлу было около тридцати лет, он был худощав, темноволос, с живыми глазами. Если что-то ему не нравилось, он впадал в дикую ярость, и цикл его болезни длился примерно неделю. За это время он переходил от состояния безысходного отчаяния к безумному возбуждению, и этот ритм никогда не менялся. Присутствие призрака, казалось, не имело для него никакого значения. Форд считал, что возбуждение Квейла было так велико, что нивелировало депрессию, излучаемую интеграторами.

— У меня есть его история болезни, — сказал Форд. — Его можно было бы без труда вылечить в санатории, где я его нашел, но, к счастью, мое предложение оказалось первым. Вы заметили, как он заинтересовался скульптурой?

Они находились в Черепе, где Крокетт безо всякого энтузиазма проводил ежедневный осмотр интеграторов.

— Он занимался ею прежде, доктор? — спросил ирландец. Ему хотелось выговориться: тишина нагнетала напряжение.

— Нет, но у него изрядные способности. Скульптура занимает голову и руки одновременно. В его психике это тесно связано между собой. Прошли три недели, правда? И Квейл уже на пути к выздоровлению...

— Но это ничего не дало... им... — Крокетт кивнул в сторону белых колонн.

— Знаю. Пока ничего, но подождите немного. Думаю, когда Квейл полностью излечится, интеграторы это запишут. Радиоизотопный мозг поддается только индуктивному лечению. Очень неудачно получилось, что Бронсон все время здесь один. Его можно было бы вылечить, если бы...

Но Крокетт не желал слышать об этом.

— А что там со снами Квейла?

Форд тихо засмеялся.

— В данном случае метод себя оправдал. У Квейла были кое-какие неприятности, иначе он вообще не рехнулся бы, и эти неприятности отражаются в снах, искаженные фильтром самоцензуры. Мне приходится расшифровывать символы, опираясь на то, что я знаю о самом Квейле. При этом очень помогают тесты на словесные ассоциации. Он, так сказать, поссорился с жизнью, и причина заключалась в его раннем общении с людьми. Вместе с тем он ненавидел и боялся своего отца-тирана. В детстве ему привили убежденность, что он ни с кем не сможет состязаться и всегда будет проигрывать. Во всех своих несчастьях он винит отца.

Крокетт кивнул, рассеянно разглядывая верньер.

— Если я правильно понял, вы хотите уничтожить его негативные чувства к отцу, верно?

— Скорее уж уничтожить уверенность, что отец по-прежнему властвует над ним. Он должен поверить в свои силы и одновременно понять, что и отец может ошибаться. К тому же с этим связана и религиозная мания. Возможно, это идет от его натуры, но это не так уж важно.

— Призраки! — сказал вдруг Крокетт, вглядываясь в ближайший интегратор. В холодном свете флуоресцентных ламп Форд проследил его взгляд, а потом осмотрел весь подземный зал.

— Знаю, — сказал Форд. — И пусть вам не кажется, что на меня это не действует. Но я борюсь с этим, мистер Крокетт, и в этом вся разница. Если бы я забился в угол и предавался отчаянию, я наверняка пропал бы. Но я стараюсь действовать, относясь к депрессии, как к противнику, обладающему личностью. — Черты его сурового лица, казалось, еще больше заострились. — Это самый лучший способ.

— А сколько еще...

— Мы близимся к концу. Когда Квейл выздоровеет, все станет на свои места.

БРОНСОН, ОКРУЖЕННЫЙ ПРИЗРАКАМИ, ПОГРУЖЕННЫЙ В БЕЗНАДЕЖНУЮ АПАТИЮ, В ГЛУХОМ, СЛЕПОМ УЖАСЕ, ТАКОМ ВСЕМОГУЩЕМ, ЧТО ДАЖЕ МЫШЛЕНИЕ СТАЛО НЕВЫНОСИМЫМ И БЕССМЫСЛЕННЫМ УСИЛИЕМ... ВОЛЯ ИСЧЕЗЛА, ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО СТРАХ И ГОТОВНОСТЬ ПРИНЯТЬ ЛЕДЯНОЙ МРАК.

Это было наследие Бронсона. «Да, — думал Крокетт, — призраки существуют. Сегодня, в двадцать первом веке, может, прямо сейчас. Когда-то это были просто суеверия, но здесь, в подледном зале, тени сгущались даже там, где не могло быть теней». Разум Крокетта и во сне и наяву непрерывно атаковали фантастические видения. Его сны заполняла бесформенная, пугающая пустая темнота, и она неумолимо надвигалась, когда он пытался бежать на подгибающихся ногах.

Но Квейл чувствовал себя все лучше.

Три недели, четыре, пять, наконец, кончилась шестая. Крокетт устал, и его не покидало чувство, что он останется в этой тюрьме до самой смерти, что никогда ему не выбраться отсюда. Но он стойко переносил все. Форд вел себя ровно, только стал еще собраннее, суше, сдержаннее. Ни словом, ни жестом он не давал понять, с какой силой интеграторы давят на его психику.

Интеграторы в глазах Крокетта обрели индивидуальность. Теперь они стали для него угрюмыми джиннами, затаившимися в Черепе, совершенно равнодушными к судьбам людей.

Снежная буря, стегая лед порывами ветра, превратила ледник в сущий ад. Крокетт, лишенный возможности выходить на поверхность, все больше погружался в уныние. Пищевые автоматы, располагающие любыми продуктами, сервировали стол; если бы не они, все трое ходили бы голодными. Крокетт был слишком апатичен, чтобы заниматься чем-либо, выходящим за пределы его профессиональных обязанностей, и Форд уже начал озабоченно поглядывать на него. Напряжение не спадало.

Если бы что-то изменилось, если бы возникло хотя бы малейшее отклонение от смертоносной монотонности депрессии, появилась бы надежда. Однако запись навсегда остановилась на одной фазе. Ощущение безнадежности и поражения было таким сильным, что Крокетт не мог бы даже покончить с собой. И все же он продолжал судорожно держаться за остатки здравого смысла, вцепившись в одну мысль — быстрое излечение Квейла автоматически уничтожит призрак.

Медленно, почти незаметно терапия начинала действовать. Доктор Форд не щадил себя, окружал Квейла за-

ботой и вел к здоровью, выполняя роль костыля, на который мог опереться больной человек. Квейл поддавался тяжело, но в целом результат был вполне удовлетворительным.

Интеграторы по-прежнему излучали депрессию, но уже как-то иначе.

Крокетт первый заметил это. Пригласив Форда в Череп, он спросил доктора о его ощущениях.

— Ощущения? Какие? Вы думаете, что...

— Сосредоточьтесь, — сказал Крокетт, поблескивая глазами. — Чувствуете разницу?

— Да, — сказал наконец Форд. — Но уверенности пока нет.

— Есть, если оба мы чувствуем одно и то же.

— Вы правы. Есть некоторое смягчение. Гм-м. Что вы сегодня делали, мистер Крокетт?

— Я? Как обычно... Да, я снова взялся за книгу Хаксли.

— В которую не заглядывали много недель? Это хороший признак. Депрессия слабеет. Разумеется, она не пойдет на подъем, а просто угаснет. Терапия через индукцию: вылечив Квейла, я автоматически вылечил интеграторы. — Форд вздохнул, словно разом лишился последних сил.

— Доктор, вам это удалось, — сказал Крокетт, с обожанием глядя на него.

Но Форд его не слушал.

— Я устал, — буркнул он. — Боже, как я устал. Напряжение было ужасно... борьба с этим проклятым призраком, и ни секунды отдыха... Я боялся даже принимать успокаивающее... Ничего, теперь отдохну.

— Может, выпьем чего-нибудь? Нужно это как-то отметить. Если, конечно... — Крокетт недоверчиво взглянул на ближайший интегратор, — если вы уверены.

— Сомнений нет. Но мне нужен сон и ничего больше.

Он вошел в лифт и исчез. Крокетт, предоставленный самому себе, криво усмехнулся. В глубине Черепа еще таились зловещие видения, но уже изрядно поблекшие. Он грубо выругал интеграторы — они приняли это невозмутимо.

— Конечно, — сказал Крокетт, — вы же только машины. Слишком, черт побери, чуткие. Призраки! Ну ничего, теперь я здесь хозяин. Приглашу друзей и устрою пьянку от рассвета до заката. А на этой широте солнце долго не заходит!

С такими планами он и отправился следом за Фордом.

Психолог уже спал, тяжело дыша во сне. Черты его лица слегка разгладились. «Постарел, — подумал Крокетт. — Да и кто не постареет в таких-то условиях?»

Импульсы гасли, волна депрессии слабела. Он почти физически чувствовал, как она откатывается.

— Приготовлю чили, — решил Крокетт, — как научил меня этот парень из Эль Пасо, и запью шотландским виски. Даже если придется праздновать одному, все равно устрою оргию.

Он вспомнил о Квейле и заглянул к нему. Тот читал книгу и только небрежно кивнул своему гостю.

— Привет, Крокетт! Какие-нибудь новости?

— Нет, просто хорошее настроение.

— У меня тоже. Форд говорит, что я вылечился. Мировой мужик,

— Точно, — горячо согласился Крокетт. — Тебе что-то надо?

— Спасибо, у меня все есть. — Квейл кивнул в сторону автоматов. — Через пару дней меня отсюда заберут. Вы относились ко мне по-христиански, но пора и домой. Меня ждет работа.

— Неплохо. Хотел бы я поехать с тобой. Но мой контракт кончится только через два года. Пришлось бы либо разорвать его, либо оформлять перевод.

— У тебя здесь все удобства.

— Да уж! — ответил Крокетт и легонько вздрогнул. Он пошел приготовить чили, а заодно подкрепиться глотком разбавленного виски. Не рано ли он обрадовался? Может, кошмар еще не побежден? А если депрессия вдруг накатит с прежней силой?

Крокетт выпил еще виски — помогло. Во время депрессии он не отваживался пить, но теперь чувствовал себя так хорошо, что доедал перец уже под аккомпанемент собственного немелодичного пения. Разумеется, не было способа проверить психическую эманацию интеграторов каким-нибудь прибором, однако атмосфера изменилась, это уж точно.

Радиоизотопные мозги вылечились. Процесс, начатый ментальным извержением Бронсона, наконец исчерпал себя и сошел на нет — с помощью индукции. Спустя три дня самолет забрал Квейла и улетел на север, в Южную Америку. Форд остался на станции, чтобы обобщить результаты исследований.

Атмосфера на станции совершенно прояснилась. Теперь здесь было уютно, спокойно и даже радостно. Интег-

раторы уже не казались дьяволами, а были просто приятными для глаза стройными белыми колоннами, в которых размещались радиоизотопные мозги, послушно отвечающие на вопросы Крокетта. Станция работала без помех. А на поверхности ветер подметал полярные просторы снежной метелью.

Крокетт готовился к зиме. У него были книги, кроме того, он нашел старый этюдник, просмотрел свои акварели и пришел к выводу, что до весны проживет без проблем. На станции не осталось ничего угнетающего. Опрокинув стаканчик, он отправился в инспекционный обход.

Форд стоял перед интеграторами, задумчиво глядя на них. Он отказался от предложения выпить.

— Нет, спасибо. Кажется, все в порядке, депрессия кончилась.

— Вам нужно чего-нибудь выпить, — настаивал Крокетт. — Вы многое пережили, и один глоток пойдет вам на пользу. Смягчит переход.

— Нет. Я еще должен обработать отчет. Интеграторы настолько логичные устройства, что будет жаль, если они начнут испытывать психические расстройства. К счастью, это им больше не грозит — я доказал, что безумие можно лечить с помощью индукции.

Крокетт язвительно посмотрел на интеграторы.

— Только посмотрите на эти воплощения невинности.

— Да! Когда кончится эта метель? Я должен заказать самолет.

— Трудно сказать. Последняя продолжалась целую неделю без перерыва. А эта... — Крокетт пожал плечами. — Я попробую выяснить, но ничего не обещаю.

— Мне нужно срочно возвращаться.

— Понимаю, — сказал Крокетт.

Он поднялся на лифте в свой кабинет и просмотрел поступающие запросы, выбирая, что ввести в интеграторы в первую очередь. Один был важным — геологический прогноз сейсмической станции из Калифорнии. Впрочем, и с ней можно было подождать.

Пить он больше не стал. Так уж сложилось, что план оргии реализовать не удалось. Облегчение само по себе оказалось сильным средством.

Теперь, тихо посвистывая, он собрал бумаги и вновь отправился в Череп. Станция выглядела прекрасно. Впрочем, возможно, это вызывалось сознанием отмены смертного приговора. Тем более что проклятая депрессия была куда хуже верной смерти.

Он вошел в лифт — старомодный, на рельсах с противовесом. Рядом с интеграторами нельзя было использовать магнитный лифт. Нажав на кнопку и глядя вниз, он увидел под собой Череп и белые колонны, уменьшенные перспективой.

Послышался топот. Крокетт повернулся и увидел бегущего к нему Форда. Лифт уже пошел вниз, и ирландец потянулся к кнопке «стоп».

Впрочем, он тут же передумал, потому что Форд поднял руку и направил на него пистолет. Пуля попала Крокетту в бедро, он покачнулся и навалился на рельс, а Форд одним прыжком оказался в кабине. Лицо его утратило обычное бесстрастное выражение, глаза горели безумием.

Крикнув что-то непонятное, Форд вновь нажал спуск. Крокетт отчаянно метнулся вперед. Пуля прошла мимо, а он со всего маху налетел на Форда. Психолог потерял равновесие и повалился на рельс. Когда он попытался выстрелить еще раз, Крокетт, едва держась на ногах, ударил его в челюсть.

Точность и сила удара оказались фатальными. Форд полетел в шахту, и через некоторое время снизу донесся глухой удар.

Лифт мягко двинулся. Постанывая от боли, Крокетт разодрал рубашку и перевязал обильно кровоточащую рану.

Холодный свет флуоресцентных ламп осветил колонны интеграторов. Их вершины сначала поравнялись с Крокеттом, а потом стали уходить все выше и выше по мере того, как он опускался. Выглянув за край платформы, он мог бы увидеть тело Форда, но этого зрелища и так было не избежать.

Вокруг стояла полная тишина.

Все дело было в напряжении и запоздалой реакции. Форду нужно было напиться. Алкоголь смягчил бы резкий переход от долгих месяцев сущего ада. Недели борьбы с депрессией, месяцы постоянной готовности к опасности, которой он придавал черты материального противника, жизнь в неестественном темпе... Потом — успех и спад депрессии. И тишина... смертельная, ужасная, и время, чтобы расслабиться и подумать.

Вот Форд и спятил.

Крокетт вспомнил, что он говорил об этом несколько недель назад. У психологов порой проявляется склонность к душевным болезням, именно поэтому их привлекает эта

область медицины, именно поэтому они ее так хорошо понимают.

Лифт остановился. Неподвижное тело Форда лежало совсем рядом. Крокетт не видел его лица.

Психические болезни типа маниакально-депрессивного психоза — случаи довольно простые. Шизофрения куда сложнее. Она неизлечима.

Неизлечима.

Доктор Форд был шизоидным типом, он сам сказал это пару месяцев назад.

И вот теперь доктор Форд, жертва шизофренического безумия, умер, как и Бронсон, насильственной смертью. Тридцать белых столбов стояли в Черепе, и Крокетт, глядя на них, испытал приступ тупого парализующего ужаса.

Тридцать радиоизотопных мозгов, сверхчувствительных, готовых записать любой новый ритм на своих чистых схемах. Но на этот раз не маниакально-депрессивный.

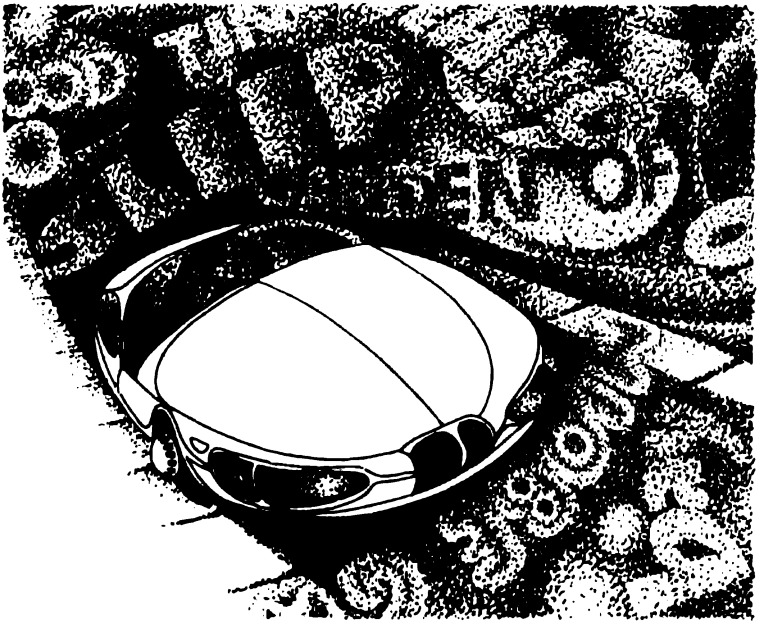
Теперь это будет неизлечимое безумие шизофреника.

Извержение мысли... о-о! Вот он, доктор Форд, лежит мертвый с безумием, закодированным в его мозгу в момент смерти. Безумием, которое могло принять любую причудливую форму.

Крокетт смотрел на тридцать интеграторов, прикидывая, что творится под этими белыми сверкающими оболочками. Прежде чем кончится метель, ему предстоит это узнать.

Потому что станцией вновь завладел призрак.

ДЕНЬ, КОТОРОГО НЕТ

Айрин возвратилась в Междугодье. Для тех, кто успел родиться до 1980 года, этот день не считается. Он проставлен в календаре специально между последним днем старого и первым днем нового года. Это день отдыха, отрешения от всего, что накопилось за год.

Нью-Йорк грохотал. Многоголосая реклама преследовала меня по пятам и не оставляла даже на полотне скоростного шоссе. А я как назло оставил дома ушные пробки.

Голос Айрин зазвучал из-за решетки микродинамика над ветровым стеклом. Удивительно — сквозь грохот и гомон я четко слышал каждое ее слово.

— Билл! — взывала Айрин. — Ты слышишь меня, Билл?

Этот голос не звучал для меня уже шесть лет. На мгновение мир вокруг исчез, будто я очутился в абсолютном вакууме, где не было ничего, кроме ее голоса, но тут я чуть не протаранил полицейский пикап, и это вернуло меня к реальности — к рекламным воплям и суматохе.

— Я хочу к тебе, Билл, — слышалось из-за решетки.

Мне вдруг почудилось, что Айрин и вправду может прямо сейчас предстать передо мной. Мелодичный голос слышался так ясно, что, думалось, шевельни я рукой, отодвинь решетку, и миниатюрная игрушечная Айрин шагнет ко мне на ладонь, щекоча ее модными каблучками. В Междугодье любой бред кажется возможным. Любая фантазия, даже самая дикая.

Я не позволил себе расслабляться.

— Салют, Айрин, — сдержанно отозвался я. — Я в дороге. Буду дома через четверть часа. Сейчас просигналю, чтобы «привратник» впустил тебя.

— Спасибо, Билл, — послышалось в ответ.

Микрофон у входа в мою квартиру принял команду, и я опять остался один, если не считать сомнений. Я даже и не знал, хочу ли встретиться с Айрин, но машинально переехал на сверхскоростную полосу, чтобы добраться домой на несколько минут раньше.

В Нью-Йорке всегда шумно. Но самый грохочущий день — Междугодье. Все бездельничают, мечутся в поисках удовольствий, а если уж когда-нибудь выкладывают денежки, так только сегодня. Рекламы сходят с ума — кружатся, пляшут, буквально разрывают воздух. Пару раз по пути я попадал в особые зоны, где специальные устройства гасили звук и наплывала волшебная тишина. Машина влетала в это благословенное безмолвие, словно в пятиминутный сон, где в начале каждой минуты вкрадчивый голос повторял одно и то же:

— Этот оазис тишины дарит вам компания «Райские кущи». С вами говорит Фредди Лестер.

Никому не ведомо, есть ли Фредди Лестер на самом деле. Возможно, это просто умелый киномонтаж. Или что-то еще. Бесспорно лишь, что такое диво не может быть созданием несовершенной природы. Нынче большинство мужчин становятся блондинами при помощи перекиси и завивают волосы на лбу, лишь бы походить на Фредди. Гигантские проекции его лица анфас плывут в световых кольцах по фасадам домов, скользят вверх, вниз, вправо, влево, а женщины тянутся, лишь бы дотронуться до него, как до обожаемого любовника. «Ленч с Фредди! Гипнодемия — научим вас во сне. Курс ведет Фредди. Приобретайте акции "Райских кущ"!» Вот так.

Зона тишины кончилась, и на меня вновь набросились ослепительные вспышки и вопли Манхэттена. КУПИ —

КУПИ — КУПИ! — неотвязно повторяли бесконечные мозаики цвета, звука и ритма.

Айрин встала мне навстречу, когда я открыл дверь. Помолчала. Она изменила прическу, положила другой грим, но я узнал бы ее всюду — в густом смоге, в ночной мгле, — даже если бы мне завязали глаза. И только улыбка показывала, что минувшие шесть лет все же коснулись ее, и тут я снова ощутил испуг и сомнение. Припомнилось, как через день после развода в моем телевизоре возникла женщина, точная копия Айрин. Она убеждала меня, что страхование от рекламы — великое благо. Но нынче был особый день, он не шел в счет, и я подавил тревогу. В Междугодье нужно рассчитываться наличными, все остальные сделки не признаются законными. Правда, от того, чего я боялся больше всего, не спас бы никакой закон, но Айрин это было безразлично. И всегда было безразлично. Не знаю, понимала ли она вообще, что я живой человек из крови, мяса и костей. Думаю, что нет. Ведь она — порождение своего мира. Впрочем, как и я сам.

— Трудно нам будет беседовать, — сказал я.

— Даже нынче? — спросила Айрин.

— Кто знает... — ответил я.

Я показал на буфет-автомат.

— Хочешь выпить что-нибудь?

— Семь-двенадцать-Джи, — назвала Айрин, и я нажал нужные кнопки. Бокал наполнился розовой жидкостью.

Сам я остановился на традиционном виски с содовой.

— Куда же ты исчезла? — спросил я. — Ты счастлива?

— Куда? Что тебе ответить? В общем, жизнь, похоже, дала мне пару уроков. И все-таки я очень счастлива. А ты?

Я пригубил виски.

— Я тоже счастлив. Беззаботен, как пташка божия. Как Фредди Лестер.

Она мило улыбнулась и отпила из своего бокала.

— Ты ведь чуточку ревновал меня к Джерому Форету, помнишь, он был до Фредди Лестера, — сказала она. — Ты даже прическу делал как у Форета.

— Я стал умнее, — сказал я. — Смотри — волосы не крашу, завивку не делаю. Никому уже не подражаю. А

ты, помнится, тоже ревновала меня. Смотри-ка, у тебя прическа, как у Ниобе Гей.

Айрин передернула плечиками.

— Куда легче следовать общей моде, чем спорить с парикмахером. А вдруг я решила тебя увлечь? Мне это к лицу?

— Тебе — очень. А к Ниобе Гей я безразличен. Равно как и к Фредди Лестеру.

— Даже имена у них какие-то вульгарные, правда? — спросила она.

Я не скрывал своего изумления.

— Ты стала совсем другой, — вымолвил я. — И все же, куда ты исчезала?

Она отвела глаза. Во время беседы мы держали дистанцию, словно побаивались друг друга. Айрин отвернулась к окну и прошептала:

— Билл, я пять лет провела в «Райских кущах».

Я оцепенел. Потом сделал большой глоток и лишь после этого смог взглянуть на Айрин. Сейчас я понимал, что так ее изменило. Я видывал обитательниц «Райских кущ».

— Тебя выгнали? — спросил я.

Она помотала головой.

— Пять лет — вполне достаточно. Я проглотила полную порцию и теперь твердо знаю, что шла туда не за этим. Я наелась по самые уши. Теперь я понимаю, какой была дурой, Билл. Мне нужно совсем другое.

— Я слышал рекламу «Райских кущ», — ответил я. — И всегда считал, что это пустышка.

— Да, ты ведь мыслил трезво, не то что я, — покорно согласилась она. — Теперь-то и я вижу: это одни обещания. Но реклама так все преподносит...

— Ничто не проходит само собой. Нельзя рассчитывать, что кто-то другой займется твоими проблемами, поможет тебе в трудную минуту.

— Да, я это поняла. К сожалению, только теперь. Может, поумнела. Но принять это не так легко. Ведь нам с младенчества внушают, чтобы мы доверились «Райским кущам».

— Ничего другого не остается, — объяснил я, — иначе не прожить. Спрос буквально на все упал до минимума, предприятия закрываются одно за другим. Хоть в прачки нанимайся, чтобы не пропасть окончательно. Только наглая, берущая за глотку реклама помогает зашибить деньгу. А деньги необходимы, черт возьми. Их уже ни на что не хватает, в этом все дело.

— А ты... как у тебя со средствами? — робко спросила Айрин.

— Прости, ты предлагаешь или просишь?

— Конечно же, предлагаю. Я не нуждаюсь в деньгах.

— Но жизнь в «Райских кущах» — довольно дорогое удовольствие.

— До того как там поселиться, я успела приобрести пакет акций «Компании по обслуживанию Луны» и неплохо на этом заработала.

— Рад за тебя. Мои дела тоже сложились удачно, правда, я крупно потратился, застраховавшись от рекламы. Это недешево, но дело того стоит. Зато теперь я могу дефилировать по Таймс-сквер даже тогда, когда на всю катушку запускают звуко-чувство-кино-рекламу фирмы «Дым веселья».

— А в «Райских кущах» реклама запрещена.

— Не слишком доверяй этому, Айрин. Уже изобрели что-то вроде звукового лазера, он проходит сквозь любые стены и проникает в тебя ночью, когда ты расслаблен и открыт для любого внушения. Затычки для ушей не спасают. Сам твой скелет играет роль проводника.

— В «Райских кущах» мы полностью защищены.

— Почему же ты оставила это райское местечко? — разозлился я.

— Наверное, маленькая девочка чуть выросла.

— Дай-то бог!

— Билл, — запинаясь, спросила Айрин. — Билл, ты женат?

Пока я медлил с ответом, оконное стекло задребезжало: за ним билась маленькая модель птички, она тщетно прижималась к стеклу. В нее был вмонтирован круглый присосок. И еще, должно быть, передатчик, потому что сразу прозвучал четкий, очень деловитый, но совсем не птичий голос: «...и обязательно попробуйте помадку, обязательно...» Включилась автоматическая защита окна, и бедную рекламную птаху отбросило прочь.

— Нет... — выговорил я. — Нет, Айрин. Я не женат. — И, посмотрев на нее, позвал: — Пойдем на балкон.

Дверь на балкон распахнулась, автоматически сработали приборы антирекламной защиты. Они стоят кучу денег, но это входит в страховку.

Здесь царила тишина. Специальные автоматы нейтрализовали гомон города, крики рекламы. Воздух бился с такой силой, что огненные рекламы Нью-Йорка сливались в расплывчатую реку ярких бликов, но тишина была полная.

— А зачем тебе это знать, Айрин?

— Вот зачем, — она вдруг прильнула ко мне и поцеловала. Затем отошла, выжидая, что я сделаю.

Я опять спросил:

— Зачем это, Айрин?

— Все умерло, Билл? — спросила она шепотом. — Прошлого не возвратить?

— Не знаю... — ответил я. — Черт меня побери, но я не знаю. Да и знать не желаю, вот что ужасно.

Страх, меня мучил страх. Никому и ни в чем нельзя верить. Мы родились и выросли в мире, где все покупается и продается, и нам не дано знать, что подлинно, а что ложно. Неожиданно для самого себя я коснулся пульта управления и выключил защитные экраны.

И сразу же разноцветные пятна превратились в вопящие слова; выделенные нюколором, они сверкали днем так же ярко, как и ночью. ЕШЬ — ПЕЙ — РАЗВЛЕКАЙСЯ — СПИ! Несколько мгновений эта реклама светилась в совершенной тишине, затем выключился звуковой барьер, и молчание взорвалось какофонией криков:

ЕШЬ — ПЕЙ — РАЗВЛЕКАЙСЯ — СПИ!

ЕШЬ-ПЕЙ-РАЗВЛЕКАЙСЯ-СПИ!

БУДЬ КРАСИВЫМ!

БУДЬ ЗДОРОВЫМ!

ЧАРУЙ — ТОРЖЕСТВУЙ — БОГАТЕЙ — ОЧАРОВАНИЕ — СЛАВА!

ДЫМ ВЕСЕЛЬЯ! ПОМАДКА! ЯСТВА МАРСА!

СПЕШИ СПЕШИ СПЕШИ СПЕШИ СПЕШИ СПЕШИ!

НИОБЕ ГЕЙ ГОВОРИТ — ФРЕДДИ ЛЕСТЕР ПОКАЗЫВАЕТ — В «РАЙСКИХ КУЩАХ» ТЕБЯ ЖДЕТ СЧАСТЬЕ!

ЕШЬ — ПЕЙ — РАЗВЛЕКАЙСЯ — СПИ!

ПОКУПАЙ ПОКУПАЙ ПОКУПАЙ!

Айрин изо всех сил затрясла меня, и только разглядев ее мертвенно бледное лицо, я осознал; что она заходится в крике, а вокруг нас в страшном, непреодолимом, гипнотическом шквале красок бьется безумное изобретение ведущих психологов мира — суперреклама, которая берет за глотку, вырывает твой последний грош, потому что миру нужны деньги, *деньги*, ДЕНЬГИ!!!

Я с трудом успокоил Айрин и опять включил защитные экраны. Нас качало хуже пьяных. Надо признать, что реклама всегда производит такое шоковое действие. Но когда ты взволнован, неуравновешен, она становится пря-

мой угрозой. Она добирается до глубин души, до самых потаенных чувств и неизменно находит слабое место. Она безошибочно стимулирует желания, даже постыдные.

— Не бойся, — говорил я. — Все уже прошло. Гляди. Экраны снова работают. Эти кошмары нам теперь не грозят. Они опасны для детей, у которых еще не выработалось умение защищаться, когда в твои мозги вдалбливают мыслительные штампы. Успокойся, Айрин. Вернемся в комнату.

Я налил нам выпить. Она всхлипывала, никак не могла прийти в себя, а я, чтобы ее успокоить, повторял и повторял:

— Главное зло — мыслительные стереотипы. Ты еще ребенок, а тебя уже обрабатывают. Видео, телевидение, журналы, газеты, кинокниги — все это обрушивается на тебя с одной целью: создать покупателя. Всеми правдами, а чаще — неправдами. Столько выдуманных потребностей и ложных страхов, что реальное становится неотделимым от мнимого. Нас убеждают, что даже дыхание стало зловонным. Нам не обойтись без хлорофилловых пастилок «Сладостный вздох». Господи, Айрин! Догадываешься, почему наш брак разбился вдребезги?

— Нет... — едва слышно проговорила она сквозь платок.

— Ты посчитала, что я Фредди Лестер. А я, видимо, всерьез подумал, что ты — Ниобе Гей. Мы перестали ощущать себя реальными, живыми людьми, с нормальными эмоциями и мотивами. Что же странного в том, что браки распадаются. Знаешь, как я переживал, когда наша с тобой совместная жизнь так глупо оборвалась?

У меня отлегло от сердца. Я выговорился и теперь ожидал, когда она придет в норму. Она смотрела на меня, прижимая ко рту мокрый от слез платок.

— А что же будет с Ниобе Гей?

— Да пропади она пропадом!

— А ты не станешь укорять меня Фредди Лестером?

— Ну что ты! Ведь он — такой же мираж, как и Ниобе Гей. Думаю, он нереален даже и в «Райских кущах».

Айрин глянула на меня, убрала платок, и во взгляде ее промелькнуло что-то загадочное. Потом она привела себя в порядок, игриво прищурилась и послала мне улыбку. Я не сразу понял, чего она ждет от меня.

— Когда-то давненько, — решил я освежить ее память, — я вывалил на тебя целый ворох романтической чуши. А сегодня...

— Что сегодня?
— Станешь моей женой, Айрин?
— Стану, Билл, — ответила она.

Мы с Айрин поженились через минуту после того, как завершились сутки Междугодья. Это она настояла, чтобы мы дождались наступления нового года. Междугодье, рассуждала она, от начала до конца придуманное. Его даже не существует на самом деле. Этот день не в счет. Я порадовался за Айрин — она стала, наконец, мыслить здраво. Раньше она о подобных вещах даже не задумывалась.

Сразу же после заключения брака мы полностью отключились от остального мира. Ясно было: как только автоинформаторы сообщат о нашей женитьбе, мы захлебнемся в потоке рекламы для новобрачных. И без того из-за бесконечных рекламных посулов для молодоженов пришлось дважды останавливать бракосочетание.

Потом мы уединились в нашей маленькой нью-йоркской квартирке, тихой и спокойной, где, главное, не было никого, кроме нас. За стенами надрывались и взрывались всевозможные эфемериды счастья, одна хлеще другой; они обещали славу и богатство всем вместе и каждому в отдельности.

Ты можешь быть самым богатым. Самым известным. Самым изысканным. Лучше всех пахнуть, дольше всех жить. Зато только мы двое могли быть самими собой, скрывшись от этого грохочущего мира в безмолвном оазисе. Мы смогли остаться настоящими.

Ночью мы мечтали. Фантазировали, как дети. Землю давно уже не пашут, но если приобрести гидропонные блоки и питающую систему, можно возделать свой сад и укрыться в нем от нью-йоркского содома, от безжалостной рекламы... Сладкие мечты.

Утром я проснулся поздно. Солнечные лучи острыми стрелами пронзали постель.

Айрин рядом не было.

Записывающий аппарат не принес ни звука от нее. Я мучился до полудня. То выключал защитную систему — может быть, она прорывается ко мне, — то опять включал, истрепанный рекламным шквалом. Не знаю, как я не сошел с ума в эти часы. Я не понимал, что случилось. За дверью — стекло ее было прозрачным только изнутри —

мелькали толпы рекламных агентов, суливших мне златые горы, но лицо Айрин так и не возникло. Я исходил комнату вдоль и поперек, перестал ощущать вкус кофе после десятой чашки и прокурился насквозь. Наконец я решился связаться с детективным агентством. Не сразу я решился на это. После минувшей ночи, такой мягкой, тихой и нежной, меня трясло от мысли о том, что Айрин, потерявшуюся среди смерчей и взрывов этого ада, который именуется Манхэттеном, будут преследовать наемные ищейки. Но выхода не было.

Через час агентство сообщило мне, где находится Айрин. Я сперва не поверил. На мгновение мне показалось, что все вокруг умерло. Я словно оказался в изолированном пространстве, которое одно спасало меня от смертоносного грохота внешней жизни.

Я очнулся и поймал последние слова, звучавшие из динамика телевизора.

— Извините, я не расслышал, — сказал я.

Дежурный сыскного бюро повторил сообщение. И снова я не поверил. Извинился и переключился на номер своего банка. Все подтвердилось. Я стал нищим. Утром, пока я в тревоге носился по комнате, Айрин сняла с моего счета восемьдесят четыре тысячи долларов. Сейчас курс доллара сильно упал, но я отдал немало сил, чтобы скопить эту сумму... а теперь остался без гроша.

— Конечно, мы ее проверили, — говорил мне служащий, — и убедились, что все законно. Ваша супруга имела полное право снять деньги, поскольку ваш брак был заключен уже в нынешнем году. Ограничения, действующие в Междугодье, на нее не распространяются.

— Вы могли бы связаться со мной.

— Не было необходимости, — хладнокровно ответил он. — Ведь мы все проверили. Неустойку, требуемую при закрытии банковского счета, она уплатила, и у нас не оставалось оснований для отказа.

Вот оно что! Неустойка. А я и позабыл о ней. Зачем им было ко мне обращаться. Теперь уже ничего нельзя было изменить.

— Что ж, — сказал я. — Благодарю.

— Если мы можем чем-то помочь вам...

Одновременно с этими словами на экране возникло яркое название банка, и я отключил телевизор. Зачем им попусту расходовать на меня рекламу?

Я вставил в уши заглушки, и скоростной лифт высадил меня на улице третьего уровня.

Самоходный тротуар понес меня на край города, к «Райским кущам». Жилье здесь по большей части расположено под землей, но само правление возносится в небо, словно величественный храм.

Здесь было так тихо, что ушные затычки не понадобились. Люминесцентные лампы изливали голубоватый свет, а витражи заставляли вспомнить о морге.

Я добился приема у одного из директоров и выложил ему все. Сперва он собрался было вызвать охранника, но потом, присмотревшись ко мне, решил, что я буду лучше выглядеть в роли клиента.

— Нет проблем, — сказал он. — Всегда к вашим услугам. Прошу сюда. Наш сотрудник, мистер Филд, все вам покажет и объяснит.

Он подвел меня к дверям лифта, и мы опустились на несколько сот футов. В широком, хорошо освещенном коридоре меня уже ждал сухощавый улыбчивый человек в строгом костюме. Мистер Филд воплощал саму любезность.

— «Райские кущи» всегда рады принять вас, — заворковал он. — Давно перестало быть тайной, как нелегко приноровиться к жизни в наше сложное время. Мы предоставляем все для полного счастья. Если вы согласны, я приду вам на помощь, и вы поразитесь, увидев, с какой легкостью расстанетесь со всеми своими проблемами.

— Слышал, слышал, — сказал я. — Где моя жена?

— Прошу вас...

Мы двинулись по коридору. С обеих сторон были двери с блестящими металлическими табличками, надписи на которых я никак не мог разобрать. Одна из комнат была открыта. В ней было темно.

— Прошу, — повторил мистер Филд и хрупкой теплой рукой мягко направил меня. Вспыхнул слабый свет, и я увидел, что комната обставлена довольно бедно, хотя и со смешной претензией на изысканность. Она была совершенно стандартная, как номер в отеле — относительно приличном, но далеко не многозвездочном. Я от души удивился.

— Душевая... — поведал мистер Филд, отворяя дверь в стене.

— Замечательно, — сказал я, даже не посмотрев. — Вернемся лучше к моей жене...

— Посмотрите, — хладнокровно продолжал мистер Филд, — постель убирается в стену. Вот с помощью этой кнопки. — Он надавил на кнопку. — А другая кнопка

выдвигает ее назад. Простыни из пластика — они практически вечные. Ежедневно в нишу пускают моющую жидкость, и к ночи у вас аккуратная постель, заправленная свежайшим бельем. Представляете, насколько это удобно.

— Еще бы.

— Чтобы вас не раздражали наши служащие, — сладко мурлыкал мистер Филд, — ложе застилается магнитным силовым полем. Электромагниты...

— Не трудитесь, — остановил я его, увидев, что он опять потянулся к кнопке. — Вы зря тратите свое время. Я хочу увидеть мою жену.

— Мы денно и нощно заботимся о благе наших клиентов, — пропел он, закатив глаза. — Сперва я обязан рассказать вам о методах, принятых в «Райских кущах». Немного выдержки, и вы, думаю, поймете, зачем это нужно.

Я почти не слушал его. Каморка вызвала у меня тяжелое ощущение. Я был потрясен, мне никак не верилось, что этот жалкий закуток и есть знаменитые «Райские кущи». Мне снова все стало казаться нереальным. А может, не было ни голоса в машине, ни самой Айрин, может, все это мне просто почудилось.

Она выглядела такой... такой обновленной, столько пережившей и передумавшей, совсем другой, чем та взбалмошная Айрин, с которой мы разошлись шесть лет назад. И я ей поверил, решил, что все теперь изменится, что Междугодье — день, которого нет, — станет для нас днем волшебных свершений, когда можно достичь невозможного, можно полностью поменять свою жизнь. Я не смел даже подумать...

— А вот, — мистер Филд достал из стены мундштук, прикрепленный к тонкой длинной трубке, — рай для курильщиков. Табаки на все вкусы. Стоит вам захотеть, и мы доставим вам... ну-у, курения из самых экзотических стран. Курильницы размещены во всех стенах, даже в ванной комнате. Ни малейшей опасности пожара... — он изобразил милую улыбку. — Вспыхнуть может только клиент, но мы не допустим, чтобы он пострадал.

— А если упадешь с постели?

— Пол мягкий.

— Как в психобольнице, — обронил я.

Мистер Филд послал мне очередную улыбку и погрозил пальцем.

— Такие мысли навсегда оставят вас, если вы сольетесь с дружной семьей жителей «Райских кущ», — убеждал он меня. — Мы гарантируем рафинированный моральный климат и неизменный оптимизм. Через это отверстие

в стене, — он ткнул рукой, — подается пища. Захотите промочить горло — пожалуйста. — Мистер Филд показал цепочку небольших крайников.

— Великолепно, — похвалил я. — Это все?

— Далеко нет.

Он коснулся рукой стены. Раздался тихий щелчок, зазвучала негромкая мелодия.

— Присядьте сюда на секунду, прошу вас...

Он подвел меня к креслу. Я не противился. Жалкая каморка осветилась неяркими бликами. Я с любопытством ждал, что будет дальше.

«Неужели можно обмануть любого? — размышлял я, рассматривая в тусклом свете потертый ворс ковра и грязную стену. — Неужто «Райские кущи» своей бесстыдной рекламой заставляют клиентов принимать эту подделку за дворец падишаха? Уму непостижимо».

— А сейчас расслабьтесь и не думайте ни о чем, — мягко уговаривал меня мистер Филд. — Не забывайте: «Райские кущи» финансируют Ниобе Гей и Фредди Лестер. Мы с одинаковым успехом обслуживаем как мужчин, так и женщин. Нет такой личностной проблемы, которую мы не смогли бы решить, какие бы сложные вопросы ни ставило наше нелегкое время. Вы сами знаете, сколько усилий необходимо затратить человеку, чтобы наладить контакт с окружающими. Или мужчине добиться понимания женщины. Да что лукавить, эти проблемы вообще неразрешимы. Но только не для нас, не для «Райских кущ». Мы — гаранты абсолютного счастья. Все — без исключения! — людские желания и мечты у нас исполняются. Не отказывайтесь от безоблачного счастья, которое ожидает вас здесь, друг мой.

Звук его голоса отдалялся. Что-то творилось вокруг. Воздух становился плотнее, далекая мелодия меняла ритм. В ней уже слышалась неясная речь. Мистер Филд шептал и шептал, голос его сливался с музыкой:

— Мы — огромный синдикат. Вносите деньги, и мы выполним любое ваше пожелание. Нас устраивает любая сумма, просто ваше пребывание у нас будет или коротким или растянется. Ваша комната станет вашей несокрушимой крепостью на весь этот срок. Если хотите, ее можно заблокировать так, что никто не проникнет к вам, пока вы сами не откроете дверь. Оплата составит...

Я уже почти не разбирал его слов. Воздух то сгущался, то распадался на бе[illegible]енные пятна, как рекламные блики при включенной системе отражения.

Мне уже казалось, что говорят двое.

— Видите ли, — баюкал меня мистер Филд, — с малых лет вас учили верить в чудо. У нас вы это чудо получите. За сущие гроши вы приобретете счастье. Невозможно вложить свои средства выгоднее. У нас, дорогой мой, вы получите бесконечные наслаждения. Рай — здесь, у нас...

В сгустившемся до плотности киселя воздухе возникла Ниобе Гей, она нежно улыбалась мне.

Самая желанная женщина в мире. Мечта всех мужчин. Богатство, слава, счастье, здоровье, везение. Всю жизнь мне промывали мозги, заставляли гнаться за этими миражами и внушали, что все они воплотились в неповторимой Ниобе Гей. Но ни разу раньше я не был к ней так близок, как в этой каморке; я ощущал ее, живую, дышащую; она протягивала ко мне теплые руки.

Конечно же, это была только проекция. И одновременно — вершина киноискусства. Я не только видел, но как бы осязал каждую ее черту. Наслаждался ее ароматами. Я ощутил ее объятия, почувствовал пряди волос на моем лице, губы на моих губах. Я понял, что ощущаю те же чувства, что и тысячи других мужчин, вожделеющих ее в своих подземных камерах.

Именно эта мысль спасла меня, помогла отстранить ее и шагнуть назад. Но Ниобе Гей этого даже не заметила. Она по-прежнему обнимала пустоту.

И тут я понял, что уже никогда больше нельзя будет узнать, сохранил ли ты здравый рассудок, нельзя будет отличить фальшивку от реальности. У тебя отнимают последнюю возможность убедиться, что ты не сошел с ума, если мираж становится частью твоей жизни, если можно видеть, обонять и даже обнимать рекламный призрак, как живое существо. Нет спасения от иллюзорного мира.

Я глядел, как Ниобе Гей покрывает поцелуями пустоту. Призрак, заключавший в себе все мечты и желания, ласкал воздух, как любимого мужчину.

Я отвернулся и вышел в коридор. Мистер Филд, дожидаясь меня, просматривал какие-то заметки в своей записной книжке. Он был профессионал — ему хватило одного взгляда. Он смирился и только кивнул головой.

— Все же дерзну предложить вам свою визитку, — сказал он. — Большинство возвращается к нам, серьезно все взвесив.

— Но не все же, — не согласился я.

— Это правда. — Он умел держать удар. — Есть люди с врожденной сопротивляемостью. Возможно, к ним отно-

ситесь и вы. В таком случае я сочувствую вам. В этой бешеной сумятице, что царит вокруг, виновных, конечно, не отыскать. Мы тоже боремся за выживание, и наши методы не лучше и не хуже других. Не отказывайтесь окончательно. Возможно, позднее...

— Где моя жена? — перебил я его.

— Она вот в этой комнате, — он указал дверь. — Простите, что я не стану вас дожидаться. Работы невпроворот. Где лифт, вы знаете.

Когда он скрылся, я подошел к двери и постучал. Ответа не было. Подождав немного, я постучал снова. Но звук был какой-то мягкий, тихий и внутрь, очевидно, не проходил. Да, в этом раю клиентам обеспечивали настоящий покой.

Я посмотрел на металлическую табличку. На ней была гравировка: «Опломбировано до тридцатого июня тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Плата внесена».

Я хорошо считаю в уме. Да, Айрин внесла все, что забрала у меня, ровно восемьдесят четыре тысячи долларов. Пока ей этого хватит.

«А что она сделает, когда срок истечет?» — спросил я себя.

Я больше не стал стучать в дверь. Я пошел в том же направлении, что и Филд, нашел лифт, и он вынес меня наверх.

На улице я прыгнул на самоходный тротуар и помчался по Манхэттену. Рекламы мелькали и орали. Вынув из кармана затычки, я вставил их в уши. Стало тихо, но буквы продолжали крутиться перед глазами, ослепляли, прыгали по фасадам домов, цеплялись за углы зданий. И отовсюду на меня глядел Фредди Лестер.

И даже в те минуты, когда я зажмуривался, его безупречное лицо пылало за моими плотно сжатыми веками, силясь проникнуть в мозг.

ЛЕЧЕНИЕ

Вернувшись из отпуска, проведенного во Флориде, Доусон чувствовал себя нисколько ни лучше. Он не ожидал от лечения чуда, да и, честно говоря, вообще ничего не ожидал. Сейчас он угрюмо сидел за своим столом, глядя на видневшуюся за окном башню Эмпайр Стейт и надеясь увидеть, как она упадет.

Каррузерс, его компаньон по юридической фирме, вошел в комнату и закурил.

— Ты плохо выглядишь, Фред, — критически заметил он. — Почему бы тебе не пропустить стаканчик?

— Я не хочу пить, — ответил Доусон. — Кроме того, еще слишком рано. Я хорошо гульнул во Флориде.

— Может, ты слишком много пил?

— Нет. Меня донимает другое... Сам не знаю, что.

— Самые страшные психозы вырастают из малых семян, — буркнул Каррузерс, стараясь придать своему бледному одутловатому лицу равнодушное выражение.

— Думаешь, у меня бзик?

— Не исключено. Расслабься. И скажи мне, откуда у

тебя этот дурацкий страх перед психиатром? Я сам не раз подвергался психоанализу.

— Ну и что?

— Собираюсь жениться на высокой красивой брюнетке, — сказал Каррузерс. — Кстати, психиатрия далеко не то же самое, что астрология. Может, ты стукал свою бабку, когда был ребенком? Попробуй выговориться перед кем-нибудь. Пока ты будешь думать что-нибудь вроде: «А почему у тебя такие большие зубы, бабушка?», до тех пор ты будешь торчать в этом болоте психической апатии.

— Ни в каком я не в болоте, — сказал Доусон. — Это просто...

— Да-да, знаю... Слушай, ты случайно не ходил в школу с парнем по имени Хендрикс?

— Ходил.

— На прошлой неделе я встретил его в лифте. Он переехал сюда из Чикаго. У него контора наверху, на двадцать четвертом этаже. Говорят, он один из лучших психиатров в Штатах. Может, заглянешь к нему?

— И что я ему скажу? — спросил Доусон. — Меня не преследуют маленькие зеленые человечки.

— Счастливчик, — ответил Каррузерс. — А меня они замучили. И днем и ночью. Они даже пьют мое виски. Просто скажи Хендриксу, что повсюду чувствуешь запах дохлых мух. Может, ты еще малышом отрывал крылышки комарам. Не веришь, что решение может быть таким простым? — Он встал со стула, положил руку Доусону на плечо и тихо добавил: — Сходи к нему, Фред. Прошу тебя.

— Ну ладно... О'кей.

— Отлично, — обрадовался Каррузерс и посмотрел на часы. — Тебе нужно быть в его кабинете через пять минут. Я записал тебя вчера.

И он направился к выходу, пропустив мимо ушей проклятие Доусона.

— Комната номер двадцать пять-сорок, — крикнул он, захлопывая дверь.

Доусон натянул шляпу, сказал секретарше, куда пошел, и вызвал лифт. Наверху он наткнулся на невысокого толстого человечка в твидовом пиджаке, тот выходил из комнаты двадцать пять-сорок. Голубые глаза с поблескивающими контактными линзами взглянули на него.

— Привет, Фред, — сказал толстяк. — Ты не узнал меня?

— Рауль? — недоверчиво спросил Доусон.

— Точно. Рауль Хендрикс. Похоже, я несколько раз-

дался за эти двадцать пять лет. А ты совсем не изменился. Я как раз собирался спуститься в твою контору. Я еще не завтракал; ты не против посидеть со мной?

— Каррузерс говорил тебе...

— Гораздо проще обсудить все во время завтрака. — Хендрикс потянул Доусона обратно к лифту. — У меня к тебе много вопросов. Ты знаешь что-нибудь о наших одноклассниках? Есть у тебя с ними связь? А то я долго жил в Европе...

— Связь у меня есть, — сказал Доусон. — Помнишь Уилларда? Он сейчас ведущий специалист по топливным смесям...

Они не прерывали разговора и за луковым супом, и когда подали второе. Хендрикс главным образом слушал, изредка поглядывал на Доусона, но не прерывал его. Когда подали кофе, психиатр закурил и выпустил кольцо дыма.

— Хочешь, чтобы я поставил предварительный диагноз? — спросил он.

— Да.

— Ты чего-то боишься? Можешь это точно определить?

— Да, конечно, — ответил Доусон. — Это что-то вроде видения. Но, наверное, Каррузерс рассказал тебе об этом.

— Он сказал, будто ты везде чувствуешь дохлых мух.

Доусон усмехнулся.

— На оконной раме. На пыльной оконной раме. Впрочем, это не совсем так. Обычно это только запах и ничего больше. На самом деле я ничего не вижу. Такое впечатление, что меня подводит обоняние.

— А этот образ не появляется в твоих снах?

— Если даже и появляется, то наутро я ничего не помню. Это началось недавно. Хуже всего то, что я все время знаю: рама эта настоящая. Чаще всего это случается, когда я вожусь с каким-то рутинным делом... и вдруг это ощущение, мгновенная иллюзия. Но чем бы я в эту минуту ни занимался, я знаю, что это только видение, и тогда откуда-то приносит запах дохлых мух на запыленной оконной раме.

— Что-то в стиле Красного Короля? Думаешь, будто ты объект чьего-то сна?

— Нет, все это мне снится. Все это. — Доусон окинул взглядом ресторан.

— Что ж, вполне возможно, — сказал Хендрикс, гася сигарету в пепельнице. — Здесь мы соприкасаемся с метафизикой, и я начинаю теряться. Не имеет значения, чей это сон, гораздо важнее, веришь ли ты в реальность видения, пока оно продолжается. Разве что это ночной кошмар...

— Наверняка нет, — ответил Доусон. — До сих пор моя жизнь шла без особых потрясений.

— Итак, подытожим, что нам известно. Ты не уверен в том, что именно тебя беспокоит. Твои видения являются просто символами. Если тебе удастся обнаружить, что обозначают эти символы, вся их структура рухнет и какое-либо подозрение насчет психического заболевания отпадет само собой. По крайней мере так происходит в большинстве случаев.

— Духи не появляются при свете дня, верно?

— Совершенно верно. Но пойми меня правильно: невротические состояния могут превратиться в настоящий психоз. Тебя мучает что-то вроде обонятельной галлюцинации, не сопровождающейся никаким видением. Ты хорошо знаешь, что оконная рама настоящая?

— Да, — подтвердил Доусон. — Кроме того, одновременно я чувствую что-то в своей руке.

— Осязательная галлюцинация? Как ты это ощущаешь?

— В моей ладони лежит что-то твердое и холодное. Понятия не имею, что это такое. Если бы я его шевельнул, могло бы произойти что-нибудь.

— А ты его шевелил?

Доусон долго молчал.

— Нет... — очень медленно проговорил он.

— Ну так пошевели, — посоветовал Хендрикс. Он вынул бумагу, карандаш и снял с руки часы. — Предлагаю тебе экспресс-тест на ассоциативные связи. Ты согласен?

— Почему бы и нет?

— Я хотел бы обнаружить происхождение твоей оконной рамы. Если существует какой-то психический блок или ты на чем-то зациклился, это должно проявиться. Что-то вроде весенней уборки. Когда регулярно прибираешь в доме, это экономит множество времени. Ты не оставляешь паутине никаких шансов. Если же позволить, чтобы пыль скопилась, можно заработать психоз, когда начнешь прибирать. Как я уже сказал, самое главное — найти причину. Когда ты ее обнаружишь и убедишься, что

это просто огородное пугало, ничто больше не будет тебя беспокоить.

— А если это не пугало?

— Во всяком случае, зная причину, ты сможешь предпринять необходимые действия, чтобы освободиться от призрака.

— Понимаю, — медленно сказал Доусон. — Если бы я был виновен в смерти человека, происшедшей много лет назад, то теперь мог бы сделать все, чтобы помочь осиротевшим детям.

— Вижу, ты читаешь Диккенса, — сказал Хендрикс. — История Скруджа — великолепный пример такой болезни. Галлюцинации, мания преследования, комплекс вины и наконец раскаяние. — Он посмотрел на часы. — Ты готов?

— Да.

Когда они закончили, Хендрикс изучил результаты.

— Все в норме, — сказал он. — Даже слишком. Есть несколько зацепок, но одного теста мало, чтобы получить ясный результат. Но нам хватит и этого. В следующий раз, когда у тебя будет это видение, шевельни этой штукой, которую ты ощущаешь в руке.

— Не знаю, смогу ли, — сказал Доусон.

Хендрикс только рассмеялся.

— Нервный паралич, вызванный астральным телом, — констатировал он. — Ты меня успокоил, Фред. Я уже думал, ты немного того. Дилетанты всегда преувеличивают психические отклонения. Вероятно, Каррузерс просто застал тебя не в лучшую минуту.

— Возможно.

— Итак, тебя мучают галлюцинации. В этом нет ничего необычного, и если ты найдешь их причину, тебе больше не о чем будет беспокоиться. Загляни ко мне завтра, когда захочешь, только сначала позвони. Проведем полное обследование. Хочешь еще кофе?

— Нет, спасибо, — ответил Доусон.

На этот раз он оставил Хендрикса перед дверями лифта. Доусон чувствовал себя удивительно расслабленно. Хотя он не разделял профессионального оптимизма, характерного для большинства психиатров, его убедили обычные человеческие аргументы. Все складывалось в стройную картину, нелогичным было лишь то, что воздействие его галлюцинации на действительность казалось таким сильным.

Вернувшись в свой офис, Доусон встал у окна и вгляделся в неровную линию горизонта. Монотонный басовый звук уличного движения доносился из ущелья улицы. За сорок два года своей жизни он проделал длинный путь — стал совладельцем юридической фирмы, членом дюжины клубов, активно интересовался многими делами. Действительно длинный, если учесть, что свою карьеру он начинал в приюте. Какое-то время он был женат, а после развода поддерживал с бывшей женой вполне дружеские отношения. Без особых проблем он снимал холостяцкую квартиру вблизи Центрального парка. У него были деньги, престиж, пробивная сила — но все это не могло ему помочь против галлюцинации.

Вдруг решившись, он вышел из офиса и отправился в медицинскую библиотеку. То, что он прочел в книгах, лишь подтверждало слова Хендрикса. Особенно убедило его утверждение, что пока он не будет верить, будто пыльная оконная рама существует на самом деле, болезнь ему не грозит. Если же поверит, пропасть начнет углубляться и все, кроме фальшивого субъективного ощущения, перестанет существовать. Людям жизненно нужна вера в рациональность поступков — когда их мотивы слишком глубоко укрыты или усложнены до невероятности, люди склонны оправдывать свое поведение как угодно. Но почему, черт побери, именно пыльная оконная рама?

— Да, — буркнул Доусон, продравшись сквозь сотни страниц текста, — если я поверю в свои видения, тогда... о-о... тогда я вызову видения второго порядка. Нужно серьезно подумать, что лежит в основании этой оконной рамы. Вот только никакого основания нет!

Выйдя из библиотеки, он переждал поток машин и вдруг почувствовал, что галлюцинация начинается вновь. Оконная рама снова была где-то рядом.

Он чувствовал, что лежит рядом с ней, носом почти касаясь стекла. С каждым вдохом Доусон втягивал пыль и удушающий, отвратительный — почему-то как бы буроватый — смрад от дохлых мух. Чувство удушья и медленного умирания было ужасающим. Он по-прежнему чувствовал твердый предмет в своей руке и знал, что, пока не шевельнет его, так и будет задыхаться с носом, прижатым к стеклу, задыхаться из-за невозможности сделать ни одного движения, даже самого малейшего. Кроме того, он понимал, что ему нельзя возвращаться в сон, где он был Доусоном. Реальность была именно здесь, а Доусон, его рай идиотов и приснившийся город Нью-Йорк не несли в

себе ничего привлекательного. Он мог бы лежать так и умирать, чувствуя лишь запах дохлых мух, а Доусон так ни о чем бы и не подозревал. В лучшем случае он понял бы все в тот краткий миг между пробуждением и смертью, когда будет уже слишком поздно двигать тот твердый предмет, покоившийся в его руке. Звук уличного движения оглушил его. Он стоял у края тротуара, бледный и потный. Нереальность сцены, разыгрывающейся перед его глазами, буквально шокировала. Доусон стоял неподвижно, ожидая, пока ненастоящий мир вновь обретет свою материальность. Потом взмахнул рукой, подзывая такси.

Две порции виски поставили его на ноги. Теперь он был в состоянии вернуться к изложению дела, в котором проблема ответственности не вызвала никаких сомнений. Каррузерс был занят в суде, и в тот день он его больше не видел. Галлюцинация тоже больше не возвращалась.

После обеда Доусон позвонил своей бывшей жене и провел с нею вечер в садике на крыше ее домика. Пил он мало, пытаясь пробудить в себе что-то от яркого ощущения реальности, сопровождавшего его в начальный период супружеской жизни, но из этого ничего не вышло.

На следующее утро Каррузерс вошел в его комнату, присел на угол стола и вытащил сигарету.

— Каков диагноз? — спросил он. — Ты слышишь голоса?

— И довольно часто, — ответил Доусон. — Например, сейчас... твой.

— Этот Хендрикс и вправду так хорош?

Доусон почувствовал беспричинное раздражение.

— А ты думал, у него в кармане волшебная палочка? Любая терапия требует времени.

— Терапия? Он что, поставил тебе диагноз?

— Да нет же!

Доусон не испытывал ни малейшего желания говорить на эту тему. Он открыл лежавший перед ним справочник. Каррузерс закурил, бросил спичку в корзинку для мусора и пожал плечами.

— Извини, я думал, что...

— Не извиняйся, все в порядке. Хендрикс и вправду неплохой психиатр, просто у меня нервы немного пошаливают.

Каррузерс удовлетворенно буркнул что-то и вышел

из комнаты. Доусон перевернул страницу, прочел несколько слов и почувствовал, что предметы вокруг него начинают сходиться. Утреннее солнце, светящее в окно, вдруг потускнело. В руке его снова был холодный предмет, а сам он чувствовал удушающий, отвратительный запах смерти. На сей раз он твердо знал, что возвращается к реальности.

Это продолжалось недолго, а когда кончилось, он попрежнему сидел неподвижно, глядя то на ненастоящий стол, то на ненастоящую стену. Звуки уличного движения доносились как сквозь дрему. Клубы дыма, валившего из корзины для бумаг, явно снились. «Надеюсь, ты не сомневаешься в том, что здесь реально», — презрительно сказал его двойник.

Дым сменился оранжевым пламенем, затем вспыхнула штора. Пожалуй, придется проснуться.

Кто-то крикнул. Миссис Анструтер, его секретарша, стояла в дверях и указывала на что-то пальцем. Началась суматоха, крики, брызнула пена из огнетушителя.

Пламя погасло, дым рассеялся.

— О Боже, — шумно вздохнула миссис Анструтер, вытирая с носа следы сажи. — Как хорошо, что я вошла, мистер Доусон. Вы сидели, уткнувшись в книгу...

— Да, — сказал Доусон, — я ничего не заметил. Придется поговорить с Каррузерсом, чтобы впредь не бросал спички в корзину.

Но вместо этого он позвонил Хендриксу. Психиатр мог принять его через час. Доусон занялся кроссвордом, а в десять поднялся наверх. Он разделся, и Хендрикс обследовал его с помощью стетоскопа, тонометра и прочих замысловатых устройств.

— Ну и что?

— Все в норме.

— Выходит, у меня просто бзик?

— Бзик? — переспросил Хендрикс. — Подойди-ка сюда. Признавайся, что случилось?

Доусон рассказал обо всем.

— Это как эпилепсия — я понятия не имею, когда начнется следующий приступ. До сих пор они продолжались недолго, но это ни о чем не говорит. Кроме того, остается впечатление нереальности. Я отлично понимал, что в корзине горит бумага, но считал, что это ненастоящий огонь.

— Галлюцинации имеют тенденцию развиваться, а реориентация не всегда бывает мгновенной..

Доусон куснул ноготь.

— Конечно. Но, допустим, Каррузерс решил выпрыгнуть в окно. Я бы даже не попытался его остановить. Черт возьми, мне нужно было бы пройти по краю крыши, тогда бы я знал, что может случиться беда. Все это просто сон!

— Сейчас тебе тоже кажется, что ты спишь?

— Нет, — решительно ответил Доусон. — Разумеется, нет! Это чувство появляется только во время приступа и сразу же после него...

— Ты снова чувствовал в руке этот твердый предмет?

— Да. И тот же смрад. И было что-то еще...

— Что?

— Не знаю.

— Пошевели этот предмет. Ты должен это сделать. Это следует из теста четырехбайтовых слов. И ни о чем не беспокойся.

— Даже о том, что упаду с крыши?

— Забудь ты на время об этой крыше, — сказал Хендрикс. — Если тебе удастся раскрыть значение символики, ты излечишься.

— А если нет, то мне грозят галлюцинации второго порядка?

— Я вижу, ты кое-что подчитал. Послушай, если тебе кажется, что ты самый богатый человек на свете, а в кармане у тебя нет ни гроша, как это можно объяснить?

— Не знаю, — ответил Доусон. — Может, я просто эксцентричен?

Хендрикс так энергично покачал головой, что подпрыгнули его обвислые щеки.

— Нет. Логичнее предположить, что ты стал жертвой грабителей, понимаешь? Не пробуй подгонять фальшивое значение к своей пыльной оконной раме. Дело не в том, что ты видел какого-нибудь типа, который выкрадывает из столярной мастерской оконную раму и выносит ее под мышкой, или чтобы думал, что союз стекольщиков решил тебя преследовать. Нужно искать *истинное* значение символов. Еще раз повторяю: пошевели тем предметом, который держишь в руке. Не бойся этого.

— О'кей, — согласился Доусон. — Пошевелю. Если смогу.

Сон приснился ему в ту же ночь, но это был нормальный сон. Привычная галлюцинация не появлялась, зато ему снилось, будто он стоит под виселицей с веревкой на шее. Вдруг появился Хендрикс, размахивая свитком, перевязанным голубой ленточкой.

— Ты помилован! — крикнул психиатр. — Вот приказ, подписанный самим губернатором.

Он сунул бумагу Доусону.

— Посмотри, — приказал он. — Развяжи ленту.

Доусон не хотел этого делать, но Хендрикс настаивал. Когда наконец он потянул за конец ленты, то увидел, что она соединена с длинной веревкой, лежащей на платформе, с концом, укрытым от его глаз. Щелкнула задвижка, и люк под его ногами открылся. Потянув за конец ленты, он сам привел в действие механизм. И повис.

Проснулся он весь в поту. В темной комнате было тихо. Ночные кошмары не мучили его уже много лет.

Сон еще дважды посещал Хендрикса, и каждый раз психиатр расспрашивал его все детальнее. Однако разговоры всегда кончались одинаково: нужно определить символ, шевельнуть предмет, вспомнить.

На третий день, сидя в приемной Хендрикса, Доусон вспомнил.

Его окружила хорошо знакомая атмосфера, тяжелая, пропитанная болезнью. Он попытался сосредоточиться на зданиях за окном, но не смог справиться с приступом. В последний момент он вспомнил совет Хендрикса и, едва почувствовав в руке холодный твердый предмет, изо всех сил попытался сдвинуть его с места.

«Налево, — подсказало ему что-то. — Налево!»

Нелегко было преодолеть вялость, чувство духоты, давление галлюцинации. Он не мог шевельнуть этот предмет. Однако в конце концов импульс дошел до его ладони, пальцы сжались и он толкнул. Что-то стукнуло и...

Он вспомнил.

Последнее перед...

Перед чем?

— Терапия жизнью, — произнес голос. — У нас бывает по нескольку случаев каждый год, и мы должны обезопасить себя от этого.

Карестли провел восьмипалой ладонью по потной лысине.

— Тесты показывают, что тебе это нужно, Доусон.

— Но я не...

— Конечно, ты не знал. Этого не обнаружить без специальных приборов. Но ты нуждаешься в лечении, это уж точно.

— У меня нет времени, — сказал Доусон. — Упроща-

ющие уравнения только начинают обретать понятный вид. Сколько я должен провести в коконе?

— Около полугода, — ответил Карестли. — Впрочем, это неважно.

— Кроме того, Фарр вошел в него в прошлом месяце.

— Он тоже нуждался в этом.

Доусон вгляделся в стену. Под воздействием мысленного импульса матовость сменилась прозрачностью, и он увидел Город.

Карестли сказал:

— Никогда прежде ты этого не испытывал. Ты один из самых молодых. В этом нет ничего плохого: это стимулирует, лечит и в конце концов просто необходимо.

— Но я чувствую себя совершенно нормально!

— Приборы не лгут. Коэффициент эмоции просто фатален. Послушай, Доусон, я намного старше тебя и проходил через это двенадцать раз.

Доусон поднял на него взгляд.

— И где ты был?

— Каждый раз в иной эпохе, в той, которая лучше всего подходила для конкретных отклонений. Один раз это была Бразилия тысяча девятьсот восьмидесятого года, другой раз — эпоха Реставрации в Лондоне. И во Второй Римской империи я тоже побывал. У меня было множество работы, я провел десять лет в Бразилии, создавая там резиновую промышленность.

— Резиновую?

Карестли усмехнулся.

— Резина — это субстанция, которая играла очень важную роль в ту эпоху. Я был занят все время. Это прекрасный способ лечения. Единственная терапия, которую знали люди в то время, включала живопись и прочие виды искусства... видимые и ощутимые. Это не была терапия чувств, терапия духа, которой пользуемся сегодня мы. Их разумы не были достаточно развиты...

— Мне ненавистна сама мысль, что я буду заперт в теле с пятью чувствами! — сказал Доусон.

— Ты не будешь помнить, что когда-то было иначе. Твоя память будет искусственно заблокирована. Твою жизненную энергию поместят в тело, созданное для тебя в эпохе, которую мы выберем со всей тщательностью. Ты получишь набор фальшивых воспоминаний специально для этого периода. Скорее всего ты начнешь с детства и благодаря темпоральному сжатию сможешь прожить тридцать или сорок лет, пока здесь пройдет полгода.

— Мне это по-прежнему не нравится.

— Путешествия во времени — лучшая терапия, известная нам сегодня, — сказал Карестли. — Ты попадаешь в новое общество, впитаешь комплекс совершенно иных ценностей. И в этом заключен самый важный лечебный фактор. Ты будешь оторван от группового инстинкта, источника всех наших неприятностей.

— Но... — воскликнул Доусон. — Ведь нас всего четыре тысячи. Одиноких, единственных в мире. Если мы не будем работать быстрее...

— Нам не хватает сопротивляемости. Проблема заключается в том, что много сотен поколений наша раса принимала мнимые ценности, противоречившие первобытным инстинктам. Чрезмерное усложнение и упрощение, все не на своем месте... Наша раса давно исчезла бы, не начни мы развивать ментальные способности. Некогда человек по фамилии Клеменс сконструировал механическую печатную машину. Идеальное устройство, имевшее лишь один недостаток — оно было слишком сложным. Пока она работала, все было превосходно, но когда-нибудь она должна была испортиться.

— Я знаю проблему старых машин, — подхватил Доусон. — Они так чудовищно сложны, что человек не может с ними справиться.

— Мы боремся с этим, — ответил Карестли. — Медленно, но успешно. Нас всего четыре тысячи, но мы уже знаем нужную терапию. Проведя в том времени шесть месяцев, ты станешь новым человеком. Сам убедишься, что терапия временем — пустяк, хотя совершенно необходимый.

— Надеюсь. Я бы хотел поскорее вернуться к своей работе.

— Если ты вернешься к ней сейчас, то через год сойдешь с ума, — объяснил Карестли. — Путешествие во времени — это своего рода прививка. Ты должен согласиться. Мы отправим тебя в двадцатый век.

— Так далеко?

— Те времена подходят к твоему случаю. Ты получишь полный набор воспоминаний и, оказавшись в прошлом, ничего не будешь помнить о действительности. Разумеется, о нашей действительности.

— Что ж... — буркнул Доусон.

— Идем. — Карестли встал и подплыл к диску трансмиттера. — Твоя матрица уже подготовлена. Тебе только нужно...

Доусон лег, и кокон сомкнулся вокруг него. Послед-

ний раз взглянул он на дружелюбное лицо Карестли, затем стиснул ладонь на рычаге аппарата и передвинул его вправо.

И стал Фредом Доусоном с полным набором фальшивых воспоминаний.

Однако теперь он вновь находился в аппарате, с носом, прижатым к стеклянному визиру, смердевшему дохлыми мухами. При каждом вдохе затхлый воздух царапал горло, все вокруг было погружено в серый полумрак. Он послал мысленный импульс. Снаружи вспыхнул свет, дальняя стена стала прозрачной. Он вновь мог видеть Город.

Он сильно изменился, стал гораздо старше. Корпус аппарата, в котором лежал Доусон, покрывал толстый слой пыли.

Огромное красное солнце погрузило город в кровавые сумерки. Нигде не было ни следа организованной деятельности. То тут, то там среди руин двигались какие-то фигуры, но отсюда невозможно было разглядеть, чем занимаются эти люди.

Он взглянул на административное здание — последнее великое творение его расы. Время наложило свой отпечаток и на него. Много лет прошло с тех пор, как он был замкнут в аппарате. Среди руин выделялись лишь самые высокие строения, а бледные существа, видимые кое-где в этом хаосе, не выглядели разумными. Последняя искра надежды погасла. Мутные воды истории сомкнулись над четырьмя тысячами людей.

С помощью своего разума он убедился, что во всем мире для него уже не было спасения: групповой инстинкт победил.

Он не мог больше дышать. Теперь Доусон знал, что именно этот удушливый кошмар является реальностью. Его организм, в котором вновь начались все жизненные процессы, жадно поглощал последние миллилитры кислорода, оставшегося в герметичном коконе. Конечно, он мог открыть крышку аппарата... Только вот зачем?

Доусон шевельнул рукой, и рычаг устройства вновь оказался в правой позиции.

Он сидел в приемной психиатра. Секретарша по-прежнему что-то писала. Яркие лучи утреннего солнца бросали на коврик ослепительные пятна.

Реальность...

— Вы можете войти, мистер Доусон...

Он встал и вошел в святилище Хендрикса, пожал ему руку, буркнул что-то и опустился в кресло.

Хендрикс взглянул на историю болезни.

— О'кей, Фред, — сказал он. — Ты готов к очередному тесту на ассоциативные связи? Сегодня ты выглядишь получше.

— Правда? — удивился Доусон. — Может, потому, что теперь я знаю, что означают символы.

Хендрикс внимательно посмотрел на него.

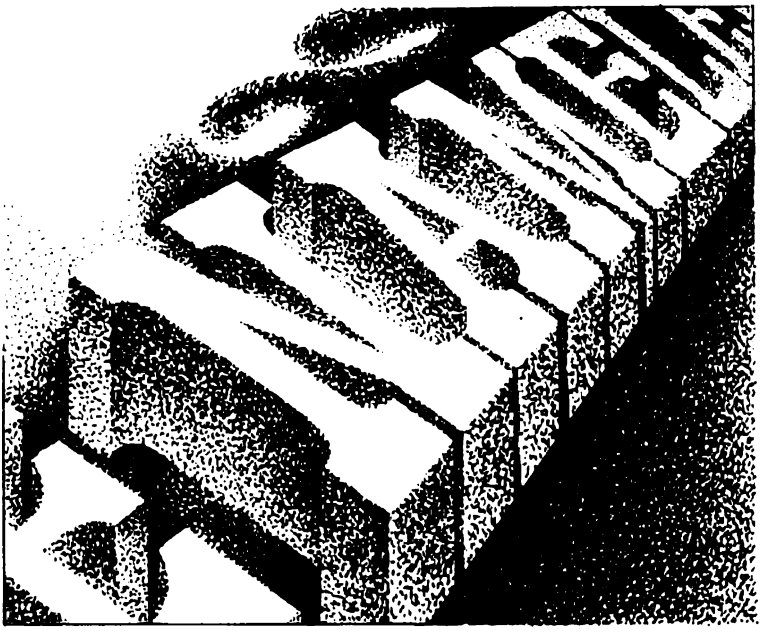
— Знаешь?

— Может, это вообще никакие не символы? Может, именно это и есть реальность...

И тут навалились знакомые ощущения. Пыльная, удушливая клаустрофобия, оконная рама, гнусный смрад, идущий непонятно откуда, и страшное чувство бессилия. Теперь, уже зная, что все кончилось, он вновь увидел сидящего за столом Хендрикса, который говорил что-то об опасности галлюцинаций второго порядка и о чувстве реальности.

— Главное — найти подходящую терапию, — констатировал ненастоящий человек.

ТЕНЬ НА СТЕНЕ

Премьерный показ «Мастера пыток» проходил в кинотеатре «Беверли Хиллс». Публика была настроена благожелательно, аплодировала, но я почему-то вздрогнул, когда на экране появились титры: «Режиссер Питер Хэвиленд». Если давно варишься в кинобизнесе, иногда бывают такие предчувствия; я часто определял неудачу картины еще до того, как прокручивались первые сто футов пленки. Однако «Мастер пыток» был не хуже дюжины подобных фильмов, снятых за последние несколько лет.

Я отрабатывал шаблонную коммерческую формулу и сам знал это лучше всех. Со звездой все было в порядке, гримеры поработали отлично, диалоги шли исключительно гладко. И все-таки фильм оказался коммерческой поделкой, как говорится, не из тех, что мне хотелось бы снимать.

Я посмотрел, как на экране мелькают кадры, потом, ободренный периодическими аплодисментами, встал и вышел в вестибюль. Там бродили несколько парней со студии «Саммит Пикчерс», курили и комментировали фильм. Энн Говард, игравшая в «Мастере пыток» главную женскую

роль, заметила мою хмурую физиономию и потащила меня в угол. Энн была из редкого типа девушек, которые хорошо выглядят на экране без всякого грима, с которым, кстати, человек начинает походить на оживленный труп. Она была невысока, с карими глазами, темными волосами и смуглой кожей. Мне бы очень хотелось снять ее в роли Питера Пэна. Тот самый тип, понимаете?

Однажды я объяснился ей в любви, но она не приняла этого всерьез. Честно говоря, я и сам не знал, серьезно ли тогда говорил. Так вот, Энн провела меня в бар и заказала выпивку.

— Не строй из себя несчастного, Пит, — сказала она. — Фильм будет иметь успех, принесет достаточный доход, чтобы удовлетворить шефа, и не повредит моей репутации.

В этом она была права. У Энн в фильме была большая роль, и она неплохо с ней справилась. А фильм будет кассовым. Несколько месяцев назад студия «Юниверсал» выпустила «Ключи ночи» с Карлофом, и публика уже созрела для очередного ужастика.

— Знаю, — ответил я, знаками прося бармена наполнить мой бокал. — Но мне уже надоела эта халтура. Боже мой, как бы я хотел сделать второй «Кабинет доктора Калигари».

— Или вторую «Обезьяну Бога», — добавила Энн.

Я пожал плечами.

— Может, и так. Энн, есть масса возможностей показать на экране нарастающий страх... но ни один продюсер не примет действительно хорошего фильма такого типа. Скажут, что это, мол, претенциозно и что такой фильм непременно провалится. Если бы я стал независимым... Впрочем, Хехт и Макартур пытались, а теперь снова работают в Голливуде.

Появился какой-то знакомый Энн и заговорил с нею. Я заметил, что кто-то машет мне, извинился перед девушкой и подошел к нему. Это был Энди Уорт, самый беспринципный журналист Голливуда. Я знал, что он мошенник и чудовищный трус, но знал и то, что у этого типа больше конфиденциальной информации, чем в колонке Винчелла. Уорт был низеньким и толстым, с ухоженными усами и черными прилизанными волосами. Он считался бабником и проводил большую часть времени, пытаясь добиться благосклонности красавиц-актрис с помощью шантажа.

Разумеется, это не означало, что он был мерзавцем. Я симпатизирую любому, кто может в течение десяти минут вести интеллигентный разговор, а Уорт это умел. Погладив усы, он начал:

— Я слышал, как вы говорили про «Обезьяну Бога». Интересное совпадение, Пит.

— Да-а? — Я был осторожен — с этой ходячей рубрикой скандалов иначе нельзя. — А почему?

Он глубоко вздохнул.

— Ты, конечно, понимаешь, что у меня нет доступа к коммерческой информации и все это просто сплетни... но я открыл фильм, рядом с которым самые жуткие ужастики всех времен скучны, как... — он замялся, подбирая сравнение.

Я заподозрил розыгрыш.

— И как он называется? «Мастер пыток»?

— Что? Нет... хотя сюжет Блейка заслуживает лучшего, чем работа твоих парней. Нет, Пит, тот, о котором я говорю, в прокате не будет... собственно, он еще не закончен. Я видел несколько отрывков. Называется он «Безымянный», и сделал его всего один человек... Арнольд Кин.

Уорт уселся поудобнее, наблюдая за моей реакцией. А я не мог скрыть удивления, потому что именно Арнольд Кин был режиссером пресловутой «Обезьяны Бога», которая прервала его успешную карьеру в кино. Публике эта картина совершенно не известна, она никогда не была в прокате. Студия «Саммит» списала ее в убытки, и не без причин, хотя это был один из самых удивительных и утонченных фильмов ужасов, которые я когда-либо видел. Кин снимал большинство сцен в Мексике, где имел над актерами практически неограниченную власть. Тогда погибло несколько мексиканцев, и ходили всевозможные слухи, но дело замяли. Я разговаривал с людьми, бывшими с Кином в Такско, и все они говорили о нем с каким-то страхом. Кин готов был на что угодно, лишь бы сделать из «Обезьяны Бога» шедевр жанра.

Несомненно, это был необыкновенный фильм. Существует только оригинал ленты, хранящийся в запертом подвале студии «Саммит», и видели его немногие. Кин совершил на экране то же самое, что Мэйген сделал в литературе ужасов, — и это буквально ошеломляло.

— Значит, Арнольд Кин? — обратился я к Уорту. — А я думал, что он давно умер.

— Нет. Он купил себе имение недалеко от Туджунги и там отшельничает. Знаешь, после той истории у него было маловато денег, и прошло почти пять лет, прежде чем он набрал достаточно башлей, чтобы начать работу над «Безымянным». Он всегда говорил, что «Обезьяна Бога» была ошибкой и что он собирается создать настоящий шедевр. И

он его создал. Он снял фильм... совершенно фантастический. Говорю тебе, у меня волосы дыбом стояли.

— А кто у него снимается? — спросил я.

— Анонимы. Знаешь, старый русский трюк. А главную роль играет... тень.

Я вытаращился на него.

— Правда-правда, Пит. Тень чего-то такого, что никогда не появляется на экране. Странно звучит, правда? Ты просто должен сам это увидеть!

— Очень бы хотел, — заверил я его. — Честно говоря, именно это я и собираюсь сделать. Может, Кин пустит это через «Саммит».

Уорт расхохотался.

— Никаких шансов. Ни одна студия не примет этот фильм. Я даже не буду писать о нем в своей колонке. Но это — настоящее, Пит.

— У тебя есть адрес Кина? — спросил я.

Уорт дал мне его.

— Но не езди до вечера среды, — предупредил он. — К среде будут готовы первые позитивы, по крайней мере большая их часть. И, разумеется, держи язык за зубами.

Тут в бар ввалилась толпа охотников за автографами, и нас с Уортом разнесло в разные стороны. Впрочем, это уже не имело значения — я получил всю потребную информацию. Самые фантастические домыслы клубились в моей голове. Кин был одним из гениев экрана, а его талант проявился в области ужасного. Однако в отличие от издателей книг киностудии обеспечивают развлечение не маленькой группе привередливых читателей. Фильм должен нравиться всем.

Наконец я сумел вырваться и забрал Энн на танцы в Бел-Эйр. Но о Кине я не забыл. К следующему вечеру нетерпение мое так разыгралось, что я не мог больше ждать. Я позвонил Уорту, но он куда-то вышел. Странно, но я не сумел найти его и в следующие несколько дней; даже в редакции мне не смогли помочь. Разъяренный издатель сказал, что Ассошиэйтед Пресс что ни час присылает ему очередную телеграмму, требуя статью Уорта, но тот словно растворился в воздухе. У меня появились дурные предчувствия.

Был вечер вторника, когда я выехал из студии и напрямую, через Гриффит-Парк, мимо Планетария, добрался до Глендейла. Оттуда я направился в Туджунгу — по адресу, который дал мне Уорт. Раз или два мне показалось, что за мной едет черное «купе», но уверенности у меня не было.

Дом Арнольда Кина стоял в небольшом каньоне, укры-

том среди гор Туджунги. Чтобы добраться туда, пришлось проехать несколько миль по извилистой грязной дороге и переправиться вброд через два ручья. Дом стоял вплотную к стене каньона. На крыльце стоял какой-то мужчина и смотрел, как я парковал машину.

Это был Арнольд Кин. Я узнал его сразу. Худощавый, ниже среднего роста, с коротко остриженными седыми волосами и холодным суровым лицом. Ходили слухи, что, прежде чем прибыть в Голливуд и американизировать фамилию, Кин был прусским офицером, и глядя на него, я склонен был в это поверить. Его глаза, совершенно лишенные глубины, напоминали два бледно-голубых мраморных шарика.

— Питер Хэвиленд! — воскликнул он. — Я ждал вас не раньше завтрашнего вечера.

Я протянул ему руку.

— Простите, если помешал. Честно говоря, после того, что Уорт наговорил о вашем фильме, мне стало просто невтерпеж. Его случайно нет здесь?

Плоские глаза не выражали ничего особенного.

— Нет. Однако заходите. К счастью, работа заняла меньше времени, чем я предполагал. Осталось еще несколько эпизодов — и фильм готов.

Он проводил меня в дом, современный и богато обставленный. Под воздействием хорошего коньяка мои подозрения постепенно развеивались. Я сказал Кину, что всегда восхищался «Обезьяной Бога».

Он покривился.

— Дилетантизм, мистер Хэвиленд. В этом фильме я слишком педалировал на избитые формулы. Обычный культ Дьявола, перевоплощение Жиля де Реца и садизм. Это не настоящий хоррор.

Я заинтересовался.

— Может быть. Но фильм настолько выразителен...

— В психике человека нет места невероятному. Только намек на нечто совершенно нечеловеческое и ненормальное может вызвать у нас чувство подлинного страха. Только это плюс человеческая реакция на такие сверхъестественные явления. Возьмем какой-нибудь известный фильм ужаса... Скажем, «Хорла», рассказывающий о реакции человека на совершенно чуждое ему существо. «Вербы» Блеквуда, «Черная печать» Мэйгена, «Сияние извне» Лавкрафта — повсюду мы имеем дело с чем-то абсолютно чуждым, вторгающимся в нормальную жизнь. Садизм и смерть, конечно, помогают, но сами по себе не создадут атмосферу ужаса настоящего.

Я читал все эти рассказы.

— Однако нельзя снять то, чего даже невозможно описать. Каким образом вы показали бы невидимых существ в «Вербах»?

Кин помешкал.

— Думаю, на этот вопрос ответит мой фильм. У меня внизу просмотровый зал...

У двери резко прозвенел звонок, и я отметил быстрый взгляд, брошенный на меня Кином. Извинившись, он вышел и вскоре вернулся в обществе Энн Говард. Она смущенно улыбалась.

— Ты забыл о нашем свидании, Пит? — спросила она меня.

Только теперь я вспомнил, что две недели назад обещал взять Энн на прием в Лагуна-Бич. Но меня настолько заинтриговал новый фильм Кина, что свидание просто вылетело у меня из головы. Я пробормотал извинения.

— О, все в порядке, — прервала она меня. — Мне куда интереснее здесь... если, конечно, мистер Кин не против. Его фильм...

— Ты тоже знаешь о нем?

— Я ей сказал, — вставил Кин. — Когда она объяснила, зачем приехала, я позволил себе пригласить ее на просмотр. Мне не хотелось, чтобы она вас отсюда вытащила, — с улыбкой закончил он. — Немного коньяку для мисс... э-э?

Я быстро представил их друг другу.

— ...для мисс Говард, а потом — «Безымянный».

После этих слов в моей голове словно звякнул тревожный звонок. Я вертел в руках тяжелое металлическое пресспапье и, когда Кин на секунду отвернулся к буфету, под влиянием импульса сунул его в карман. Впрочем, это не могло бы противостоять пистолету. Я никак не мог понять, что со мной творится. Атмосфера страха и подозрительности нарастала, казалось, безо всяких причин. Когда Кин повел нас вниз, в просмотровый зал, я чувствовал, что у меня по спине бегают мурашки. Это было непонятно, но решительно неприятно.

Кин повозился в аппаратной, потом присоединился к нам.

— Современная техника — это истинное благословение, — сообщил он. — Мне незачем мучиться, и я не нуждаюсь ни в какой помощи при съемках с тех пор, как установил автоматические камеры. Проектор тоже автоматический.

Я почувствовал, как Энн прижимается ко мне.

Обняв ее, я сказал:

— Да, это помогает. А как с распространением фильма, мистер Кин?

В его голосе появилась жесткая нотка.

— Он не будет распространяться. Мир еще не готов принять его. Возможно, лет через сто он пожнет славу, которую заслуживает. Я делаю его для потомков и потому хочу создать шедевр хоррора.

С приглушенным щелчком включился проектор, и на экране появилось название — «Безымянный».

— Это немой фильм, — звучал в темноте голос Кина, — за исключением одного эпизода в самом начале. Звук ничего не добавляет к атмосфере ужаса, он лишь помогает усилить иллюзию реальности. Потом будет наложена подходящая музыка.

Я не ответил, потому что на сером прямоугольнике перед нашими глазами появилась книга — «Цирк доктора Лао». Чья-то рука открыла книгу, длинный палец заскользил по строкам, а бесстрастный голос читал:

«Вот капризы природы — потомство не видов, но Вселенной; вот страшные существа, рожденные от вожделения сфер. Мистицизм объясняет то, чего наука объяснить не в силах. Послушай: когда великая сила плодовитости, заселившая миры по приказу богов, создала их, когда ушли небесные акушеры и жизнь распространилась во Вселенной, первичное лоно было еще не вычерпано до конца. И тогда страшная творящая сила содрогнулась на ложе в последней родовой судороге и дала жизнь этим кошмарным существам, этим недоношенным плодам Мира».

Голос умолк, книга исчезла, и на экране появилось изображение рассыпающихся от старости руин. Столетия покрыли шрамами и трещинами камни, некогда украшенные человеком; следы рельефа были едва заметны. Это напоминало мне руины, которые я видел на Юкатане.

Камера спустилась вниз — казалось, руины растут, а в земле открылась пропасть.

— Район разрушенных святилищ, — сообщил Кин. — Теперь — смотрите...

Впечатление было такое, словно зритель нырнул в шахту. Мгновение на экране царила тьма, потом луч солнечного света осветил статую божка, стоявшего, вероятно, в подземной пещере. В потолке виднелась узкая яркая щель. Божок был на редкость отвратителен.

Я видел его всего мгновение, но у меня осталось впечатление чего-то массивного, яйцеобразного, а если точнее — похожего на шишку или ананас. Существо имело какие-то

неопределенные черты, придававшие ему совсем уж гадкий вид; впрочем, оно тут же исчезло, смененное изображением ярко освещенного салона, наполненного веселыми парами.

Собственно сюжет начинался с этого момента. Я не знал никого из актеров и актрис; видимо, Кин нанимал их в массовках и тайно работал у себя дома. У меня создалось впечатление, что большинство съемок в помещении и несколько кадров на природе сделаны в этом самом каньоне. Режиссер использовал трюк с «подгонкой», который сберегает киностудиям немалые деньги. Я и сам частенько делаю то же самое. Говоря по-простому, это означает, что действие по возможности тесно увязывается с действительностью. Например, когда прошлой зимой мы работали с группой актеров у озера Арроухед и неожиданно выпал снег, я велел переделать сценарий так, чтобы можно было продолжать и на снегу. То же делал и Кин, порой даже слишком реалистично.

«Безымянный» рассказывал о человеке, которого все порицали за его фанатический интерес ко всему невероятному и странному, человеке, решившем создать произведение искусства — подлинный шедевр чистого ужаса. Поначалу он экспериментировал, снимая довольно необычные фильмы, вызывавшие возмущение общественности. Однако этого ему не хватало. Это была лишь актерская игра, а он хотел чего-то большего. Актер не может убедительно изображать ужас, решил он, даже самый талантливый. Настоящие эмоции должны быть пережиты, чтобы их стоило переносить на экран.

В этом месте «Безымянный» перестал повторять историю Кина и свернул в сторону чистой фантазии. Главного героя играл сам Кин, в чем не было ничего необычайного — режиссеры нередко снимаются в своих фильмах. Из ловко смонтированных эпизодов зритель узнавал, что Кин в своих поисках попал в Мексику, где с помощью древней карты нашел развалины святилища ацтеков. В этом месте, как я уже говорил, фильм уходил от действительности, вторгаясь в область событий странных и непонятных.

Под разрушенным алтарем скрывался бог — давно забытый бог, которому поклонялись еще до того, как из лона веков родились ацтеки. По крайней мере местные жители считали его богом и возвели в его честь храм, но Кин намекал, что на самом деле существо это было одним из «капризов природы» — тех диковин, которые просуществовали целые эпохи, ведя жизнь, совершенно отличную от человеческой. Существо ни разу не появилось на экране, за исключением нескольких кадров в темном подземелье. Оно бы-

ло десяти футов в высоту и имело вид бочки, ощетинившейся странными остроконечными наростами. Самой удивительной деталью его был камень в закругленной верхней части тела — отполированный кристалл размером с детскую голову. Вероятно, в этом кристалле и сосредоточивалась жизнь существа.

Создание это не было мертвым, но не было и живым в общепринятом смысле этого слова. Когда ацтеки наполняли храм горячими испарениями человеческой крови, существо оживало, а камень испускал неземное сияние. Но со временем жертвоприношения прекратились, и существо погрузилось в спячку, напоминающую анабиоз. В фильме Кин возвращал его к жизни.

Он тайно привез его к себе домой и поселил бога-чудовище в подвале. Помещение было оборудовано специально: он установил там автоматические камеры и тщательно продуманное освещение, чтобы съемку можно было вести одновременно из нескольких мест, а затем монтировать отснятые кадры. И вот тут я заметил проблеск гения.

Я всегда знал, что Кин — настоящий профессионал, однако в сценах, которые мы увидели позднее, меня не столько восхитили технические трюки — достаточно мне знакомые, — а небывалая ловкость, с которой он придавал правдоподобной актерской игре реальность. Его герои не играли — они *жили*.

Точнее — умирали, потому что в фильме их бросали в подвал на мучительную смерть, подобно жертвам, приносимым чудовищному богу ацтеками. Жертва пробуждала это существо к жизни, заставляла фантастически сиять камень, в котором заключалась его жизнь. По-моему, первая жертва была самой эффектной.

Подвал, где находился бог, был большой, но совершенно пустой, за исключением закрытой ниши, в которой стояла статуя. Зарешеченный проход вел в комнаты наверху. На экране появился Кин с револьвером, он гнал по проходу какого-то мужчину, одетого в комбинезон и с черной щетиной на неподвижном лице. Кин рывком открыл дверь и втолкнул жертву в подвал. Потом он закрыл решетку и склонился над пультом.

Вспыхнул свет. Мужчина остановился у решетки, а потом, повинуясь приказу Кина, медленно отошел к противоположной стене. Там он и стоял, оглядываясь по сторонам с тупым выражением лица. Свет очерчивал на стене его отчетливую тень.

А потом рядом с ним появилась вторая тень.

Она была огромной, округлой, с торчащими во все стороны толстыми шипами и темным наростом наверху — камнем жизни. Тень чудовищного бога! Мужчина заметил ее и повернулся.

Безумный ужас исказил его лицо. При виде этой чудовищной, невероятно реалистической гримасы я почувствовал, как мурашки снова побежали у меня по спине. Это было слишком убедительно. Невозможно, чтобы этот человек просто играл!

А если играл, значит — был гениальным актером, так же как Кин — великолепным режиссером. Тень на стене дрогнула, принялась раскачиваться и несколько поднялась, держась на дюжине отростков, выдвинувшихся снизу. Шипы изменились — они вытягивались, отвратительно извивались, напоминая червей.

Однако не метаморфоза тени заставила меня застыть на стуле, а скорее неподдельный ужас на лице мужчины. Он стоял, вытаращив глаза, а тень на стене раскачивалась, делаясь все больше и больше. Наконец человек с немым воплем бросился бежать. Тень заколебалась, словно в нерешительности, и медленно ушла за пределы кадра.

Но были и другие камеры, а Кин умело пользовался монтажом. Мужчина метался по подвалу, то и дело сверкали ослепительные вспышки, и по-прежнему страшная тень ползла по стене. Ни разу не было показано, что же бросало эту тень — только сама тень, — и это оказалось блистательным трюком. Я знал слишком много режиссеров, которые не могли устоять перед соблазном показать в фильме чудовище, уничтожая тем самым иллюзию: резина и папье-маше, как бы умело их ни использовали, никогда никого не убедят.

Наконец тени слились в одну — гигантская, раскачивающаяся тварь с вьющимися щупальцами и черная тень мужчины. Он был схвачен и поднят вверх, несмотря на отчаянные попытки вырваться. Потом тени слились совсем, и мужчина больше не появлялся. Только темная шишка, венчавшая большую тень, побледнела и замерцала, словно из нее шло удивительное сияние, свет, насыщавшийся жертвой. Камень ожил.

Где-то рядом послышался шорох, Энн вздрогнула и прижалась ко мне в темноте. Из аппаратной донесся голос Кина:

— Сцен с жертвами больше, мистер Хэвиленд, но я их еще не смонтировал, за исключением той, которую вы увидите через секунду. Как я говорил, фильм еще не закончен.

Я молчал, не отводя глаз от экрана, на котором разворачивалась фантастическая история. Экранный Кин вел в

свою пещеру очередную жертву: это был невысокий, толстый мужчина с блестящими напомаженными черными волосами. Я не видел его лица, пока он не оказался заперт в подвале, и тогда вдруг дали крупный план, вероятно, с помощью телеобъектива. Пухлое лицо с небольшими усиками стремительно выросло до гигантских размеров, и я узнал Энди Уорта.

Это был тот самый пропавший журналист. Впервые видел я, как исчезает изысканность, покрывавшая его до тех пор тонким лаковым слоем. Глаза его выражали неподдельный страх. Когда на стене внезапно появилась призрачная тень, я подался вперед. Уорт заметил ее, и выражение его лица было... потрясающим, иначе не скажешь. Оттолкнув стул, я встал. Вспыхнул свет, экран погас.

Арнольд Кин стоял у двери, прямой, как всегда. В руке он держал револьвер, ствол смотрел мне в живот.

— Вы лучше сядьте, мистер Хэвиленд, — тихо сказал он. — И вы тоже, мисс Говард. Я хочу вам кое-что сказать... и не желаю никаких мелодрам. Этот револьвер, — он искоса посмотрел на него, — необходим. Есть некоторые моменты, которые вы должны знать, мистер Хэвиленд, по причинам, которые поймете позже.

— Вскоре у вас будут гости, мистер Кин, — предупредил я его. — Не думаете же вы, что я пренебрег обычными мерами предосторожности.

Он пожал плечами.

— Разумеется, вы лжете. Кроме того, у вас нет оружия, иначе вы уже достали бы его. Я не ждал вас раньше завтрашнего вечера, однако приготовился. Короче говоря, хочу сообщить вам следующее: фильм, который вы только что видели, — документальный.

Энн закусила губу. Я молчал, и Кин заговорил снова:

— Неважно, верите вы мне или нет, потому что через несколько минут вынуждены будете поверить. Я рассказал вам кое-что о моих мотивах, о моем стремлении создать настоящий шедевр ужаса. И я создал его, точнее, завершу к завтрашнему дню. Исчезли какие-то бродяги и сезонники, а также репортер Уорт, однако я старался не оставлять следов. Вы будете последним исчезнувшим... вы и эта девушка.

— Ты никогда и никому не сможешь показать этого фильма, — сказал я.

— Ну и что? Вы обычный ремесленник, мистер Хэвиленд, и не понимаете, что значит создать шедевр. Разве произведение искусства становится менее прекрасным от того, что оно укрыто? Я посмотрю этот фильм... а после моей

смерти его увидит весь мир и признает мой гений, даже если он вызовет страх и ненависть. Реакции моих актеров не зависят от воли — в этом-то все и дело. Как режиссер вы должны знать, что ничто не заменит подлинного чувства. Их реакции не были наигранными, это совершенно очевидно. Первой жертвой стал человек неинтеллигентный, тупой простак, страх которого основывался на суевериях. Следующая жертва представляла более высокий уровень — бродяга, заглянувший в эти места несколько месяцев назад. Благодаря вам цикл будет закончен, поскольку вы будете знать, что вас ждет, и ваши попытки рационализировать страх добавят фильму пикантный привкус. А теперь оба встаньте, поднимите руки вверх и идите передо мной по коридору.

Все это было сказано быстро и бесстрастно, словно заученный урок. Рука Кина скользнула по стене за его спиной, и в дубовой панели появился черный прямоугольник. Я встал.

— Делай, как он велит, Энн, — сказал я. — Может, потом...

— И не надейтесь, — прервал меня Кин, нетерпеливо поигрывая оружием. — Случая не будет. Быстрее!

Мы вошли в отверстие, Кин шел следом. Он нажал выключатель, и проход осветился. Это был узкий туннель, пробитый в скале, он тянулся футов на десять и кончался у крутой лестницы. Кин провел нас вниз, задвинув сначала плиту в стене.

— Она хорошо замаскирована, — сообщил он, указывая на металлическую обшивку. — Этот рычаг открывает ее изнутри, но никто, кроме меня самого, не найдет пружины, которая открывает ее снаружи. Полиция может хоть разрушить дом, но этого прохода не найдет.

Это стоило запомнить, хотя в тот момент толку от этих сведений было мало. Мы с Энн спускались по лестнице, пока она не кончилась в другом коротком коридоре. Дальнейший путь преграждала дверь из стальных прутьев. Кин открыл ее и сунул ключ в карман. Коридор, где мы оказались, был слабо освещен, и в нем стояли несколько стульев; пространство же за решетчатой дверью было совершенно темным.

Кин открыл дверь и жестом приказал мне входить. Закрыв ее за мной, повернулся к Энн. Я заметил, что лицо ее мертвенно-бледно.

То, что произошло потом, заставило меня яростно выругаться. Кин вдруг взмахнул пистолетом и ударил Энн по голове.

Девушка слишком поздно поняла его намерения. Она подняла руку, но не успела заслониться от удара. Беззвучно опустилась она на землю, из виска ее сочилась кровь. Кин перешагнул через нее и подошел к выключателю, вмонтированному в стену.

Невыносимо яркий, кинжальный свет резанул по глазам. Я крепко зажмурился, потом открыл глаза и осмотрелся. Я был в жертвенной пещере, которую только что видел на экране. Высоко на стенах крепились камеры, они уже работали. Ослепительные дуговые лампы заливали меня светом со всех сторон.

Серый занавес отделял часть помещения у противоположной стены, но сейчас он был поднят и открывал глубокую нишу. В нише стоял какой-то предмет — бочковатый, высотой футов десять, ощетинившийся шипами и увенчанный камнем, который пульсировал холодным сиянием. Этот предмет, серый и блестящий, словно лакированный, явно был прототипом киновского ацтекского бога.

Странно: глядя на эту штуку, я почувствовал, что самообладание возвращается ко мне. Это, разумеется, была модель, бездушная и мертвая, поскольку в существе такой вот формы не могло быть жизни. Правда, Кин вполне мог установить в нем какие-нибудь механизмы.

— Как видите, Хэвиленд, — заговорил Кин из-за решетки, — это создание существует на самом деле. Я наткнулся на его след в древних пергаментах, которые нашел в Библиотеке Хантингтона. Оно описывалось как интересная составляющая фольклора, но я заметил в этом нечто большее. Снимая в Мексике «Обезьяну Бога», я нашел разрушенный храм и то, что покоилось под алтарем.

Он коснулся выключателя, и из ниши позади существа вырвался свет. Я быстро повернулся. За моей спиной на стене поднялась моя собственная гротескно вытянутая тень, а рядом виднелось бесформенное пятно темноты, которое я недавно видел на экране.

Повернувшись спиной к Кину, я сунул руку в карман и тронул тяжелое пресс-папье, которое прихватил со стола. Сначала я хотел швырнуть его в Кина, но потом решил приберечь. Прутья решетки были слишком часты, кроме того, наш гостеприимный хозяин тут же застрелил бы меня.

Тут мое внимание привлекла тень на стене — она шевельнулась. Потом поднялась, слабо раскачиваясь, шипы ее удлинялись. Существо уже не было бездушным и мертвым. Я резко повернулся и увидел, что предмет, отбрасывающий тень, невероятно переменился.

Он не имел уже бочкообразной формы. С дюжину гладких, поблескивающих отростков с уплощенными присосками на конце поддерживали стройное змеиное тело. И по всей длине этого серого столба выросли щупальца. Они росли и мерзко извивались по мере того, как этот воплощенный кошмар пробуждался к жизни. Кин не лгал. Чудовищный свидетель далекого прошлого, которого Кин привез из ацтекского капища, выбирался из ниши — бесчисленное множество щупалец, оживленных вечным голодом.

Спас меня Кин. Он увидел, что я стою неподвижно, парализованный страхом перед гигантским созданием, понял, что я лишаю его эффектнейших кадров, и крикнул. Его хриплый крик разрушил опутавшие меня чары. Я повернулся, пробежал через пещеру к выходу и там вцепился в решетку, срывая кожу с рук.

— Бегай! — крикнул мне Кин; его плоские глаза горели. — Он не может двигаться быстро! Берегись...

Извивающееся щупальце пронеслось мимо, и тошнотворный запах пижмы ударил мне в нос. Я отскочил и вновь пересек пещеру. Одни лампы погасли, вспыхнули другие. Кин склонился над пультом. Он манипулировал светом так, чтобы не потерять наши тени, чтобы в кульминационный момент фильма тень этой чудовищной твари оказалась на стене рядом с моей.

Это была кошмарная игра в пятнашки в ослепительном сиянии юпитеров, под бесстрастными взглядами камер. Я уклонялся, ускользал, сердце мое колотилось, кровь стучала в висках, а мрачная тень продолжала медленно двигаться по стене. Ноги мои устали от усилий, но я еще бегал... и это продолжалось часами... или веками.

Были и краткие моменты передышек, когда я хватался за решетку, проклиная Кина. Он не отвечал. Его руки танцевали над пультом, манипулируя лампами, взгляд метался по подвалу. Именно это меня и спасло.

Кин не заметил, что Энн шевельнулась и открыла глаза. Он не видел, как девушка, быстро оглядевшись по сторонам, тихо поднялась на ноги. К счастью, она была за спиной Кина, а он не поворачивался.

Я старался не смотреть на Энн, но это у меня плохо получалось. В последний момент я увидел изменившееся лицо Кина — он резко повернулся, но стул уже опустился и разбился о его голову. Кин рухнул на колени, хватая воздух руками, а потом повалился набок.

Я находился у противоположной стены пещеры и на мгновение отвлекся от чудовища. Я следил за ним краем

глаза, чтобы отскочить, если оно слишком приблизится, но оно вдруг покатилось вперед с неожиданной скоростью. Я пытался увернуться, но не успел; щупальце подсекло мне ноги, и я растянулся во весь рост. Тогда я попробовал откатиться, но еще одно гладкое серое щупальце обернулось вокруг моей левой руки.

Невыносимая боль пронзила плечо, когда чудовище подняло меня вверх. Я услышал как закричала Энн, потом раздались выстрелы. Пули вошли в мягкое тело чудовища, но оно не обратило на них никакого внимания. Тварь подтащила меня поближе к полыхающему камню, в котором концентрировалась ее жизнь.

И тут я вспомнил, что говорил Кин. Именно здесь могло оказаться уязвимое место этого чудовища. Пресс-папье попрежнему лежало у меня в кармане. Я выхватил его, изо всех сил швырнул в сверкающий кристалл... и тот раскололся!

Пронесся звук, словно разом зазвонили тысячи хрустальных колокольчиков. Этот сверлящий звон ударил по ушам и тут же стих. И не осталось ничего, кроме света.

Это выглядело так, словно я освободил целое море огня. Дуговые лампы померкли, приглушенные потоком серебристого сияния. Холодное великолепие Арктура и ослепительный блеск тропической Луны слились в этом свете.

А потом свет погас, и я почувствовал, что падаю. Когда я рухнул на пол, страшная боль пронзила вывихнутую руку.

Ошеломленный, я поднялся, думая, что чудовище попрежнему склоняется надо мной. Но его не было. Вместо него в нескольких футах от меня стоял предмет, похожий на бочку — именно его я видел в нише. В его закругленной вершине, там, где прежде находился камень, зияла большая дыра. И я каким-то образом почувствовал, что существо это больше никому не причинит вреда.

Энн, держа в одной руке револьвер Кина, а в другой ключ, открыла дверь. Она побежала ко мне, я бросился навстречу.

Забрав у нее оружие, я проверил, заряжено ли оно.

— Пошли, — коротко сказал я. — Пора убираться отсюда.

Энн крепко держала меня за руку, когда мы проходили мимо Кина, лежавшего ничком, и поднимались по лестнице. Рычаг за плитой, закрывавшей проход, легко поддался, и я следом за Энн вошел в просмотровый зал. Потом остановился, прислушиваясь.

Энн обернулась и вопросительно посмотрела на меня.

— В чем дело, Пит?

— Слушай, — сказал я, — забери из аппаратной катушки с пленкой. Мы возьмем их с собой и сожжем. Я сейчас вернусь, — пообещал я и закрыл за собой плиту в стене.

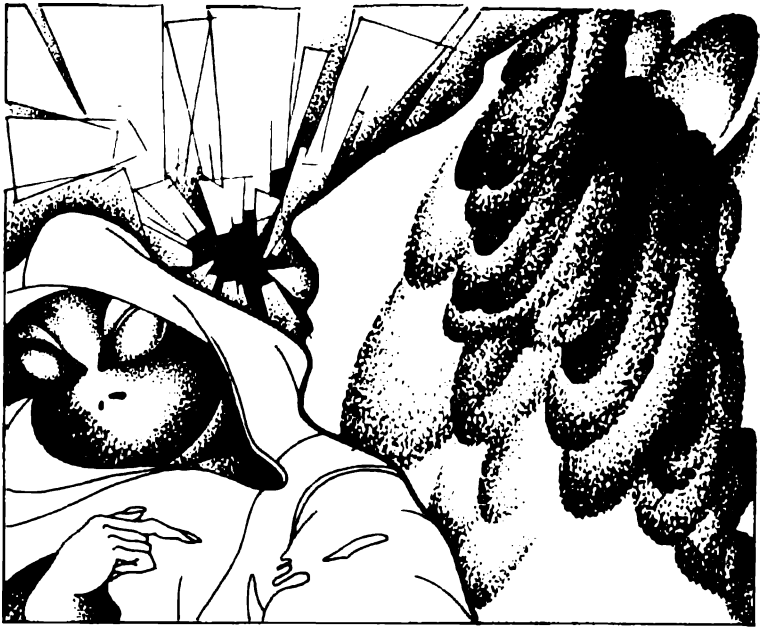
Быстро и тихо я спустился по лестнице, держа оружие наготове и напрягая слух. Снизу доносилось какое-то бормотание.

Кин уже пришел в себя. Он стоял перед пультом спиной ко мне, и поверх его плеч я видел на стене тень чудовищного бога, теперь неподвижную и мертвую. Кин пел что-то на языке, которого я не знал, а руки его двигались, совершая странные жесты.

Бог знает, какие адские силы познал Кин в своем стремлении к невероятному! Я заметил, что чудовищная тень на стене чуть дрогнула. Один из шипов вдруг вытянулся, превратился в щупальце, и оно неуверенным, вкрадчивым жестом сперва потянулось вперед, а потом отдернулось и исчезло.

И тогда я убил Арнольда Кина.

НАШ ДЕМОН-ХРАНИТЕЛЬ

Уже несколько дней в мозгу Карневана звучал тихий зов. Он был тих, но настойчив, и Карневан сравнивал свой разум со стрелкой компаса, которая рано или поздно обязательно повернется, чтобы безошибочно указать на ближайший магнитный полюс. Ему без особого труда удавалось сосредоточиться на текущих занятиях, но расслабляться, как он заметил, было опасно. Стрелка тут же начинала вращаться, а неопределенный зов усиливался, будоража его сознание. Но Карневан никак не мог понять, кто его зовет и куда.

О безумии не могло быть и речи. Джеральд Карневан хорошо знал, что нервы у него расшатаны не более, чем у большинства его современников. Он имел несколько научных степеней и был младшим компаньоном в процветающем нью-йоркском рекламном концерне, являясь при этом источником большинства идей. Он играл в гольф, плавал и неплохо разбирался в бридже. В свои тридцать семь лет он выглядел сухим, суровым пуританином — вот уж с кем не имел ничего общего! — и в последнее время

его не слишком настойчиво шантажировала любовница. Это его особенно не волновало, потому что его рациональный ум уже проанализировал все возможности, выбрал оптимальную модель поведения, а затем успокоился.

Впрочем, не до конца. Эта мысль колотилась где-то в уголках подсознания и сейчас пришла Карневану в голову. Разумеется, «голос» можно было объяснить и этим: подавленным желанием окончательно решить назревшую проблему. Такое объяснение вполне подходило, учитывая недавнее обручение Карневана с Филлис Мардрейк. Филлис, которая была родом из Бостона, не простила бы своему жениху амуров на стороне, если бы вдруг узнала об этом. А Диана, бесстыдная не менее, чем красивая, не остановилась бы перед таким шагом, если бы до него дошло.

Стрелка компаса вновь задрожала, повернулась и остановилась. Карневан — в тот вечер он засиделся допоздна в своей конторе — гневно откашлялся. Под воздействием внезапного импульса он откинулся на спинку кресла, выбросил сигарету в открытое окно и стал ждать.

Психологи утверждают, что подавленные желания следует извлечь на поверхность сознания, где их легко можно обезвредить. Следуя этой рекомендации, Карневан расслабился и просто ждал, закрыв глаза.

Через окно доносились звуки нью-йоркской улицы, потом они утихли и почти незаметно уплыли куда-то вдаль. Карневан пытался проанализировать свои чувства. Ему казалось, будто его сознание заперто в герметичной коробке и мечется в ней, колотясь о стенки. Световые пятна постепенно угасали под закрытыми веками: сетчатка приспосабливалась к темноте.

До его мозга донесся немой приказ, но он снова не понял его.

Это было слишком непривычно, слишком непонятно.

Однако в конце концов зов оформился в слово. Это было имя, маячившее на краю темноты, туманное, едва уловимое: «НЕФЕРТИТИ... НЕФЕРТИТИ...»

Он узнал его и вспомнил сеанс, в котором участвовал на прошлой неделе вместе с Филлис и по ее просьбе. Это было обычное жалкое надувательство — гонги, блуждающие огни свечей и шепчущие головы. Медиум организовывала сеансы три раза в неделю в старом доме недалеко от Колумбус-Сайкс. Ее звали Мадам Нефертити — по крайней мере так она утверждала. Выглядела же она скорее ирландкой, чем египтянкой.

Карневан уже знал, куда звал его беззвучный голос. Приказ гласил: «ИДИ К МАДАМ НЕФЕРТИТИ!»

Карневан открыл глаза — в комнате совершенно ничего не изменилось. Впрочем, ничего иного он и не ожидал. В его мозгу уже возникла — хотя еще не оформилась окончательно — догадка, что кто-то манипулирует его «я». Вероятно, гипноз, подумалось ему. Во время сеанса Мадам Нефертити неизвестно каким образом сумела его загипнотизировать, и странный зов, донимавший его в последнее время, был постгипнотическим следствием внушения. Предположение было слегка натянутым, но вполне допустимым.

По характеру своей работы в рекламе Карневан мыслил штампами. Мадам Нефертити неявно гипнотизирует клиента, и вскоре тот возвращается к ней, обеспокоенный и не понимающий, что с ним происходит; а медиум заявляет ему, что в дело, мол, замешаны злые силы. Когда клиент уже достаточно созрел — это первый шаг в любой рекламной кампании, — Мадам Нефертити выкладывает на стол то, что желает продать.

Это основное правило игры — убедить клиента, что для счастья ему требуется нечто. А потом продать ему это.

Вот оно, значит, что. Карневан встал, закурил и надел плащ. Поправляя перед зеркалом галстук, он внимательно пригляделся к своему лицу. Выглядел он совершенно здоровым, реакции имел нормальные и вполне контролировал движения глазных яблок.

Пронзительно зазвонил телефон. Карневан поднял трубку.

— Алло? Это ты, Диана? Как дела, дорогая? — Несмотря на здорово отдающую шантажом деятельность Дианы, Карневан предпочитал не осложнять ситуацию. Мысленно он заменил слово «дорогая» другим эпитетом, пришедшим ему в этот момент в голову.

— Не могу, — сказал он наконец. — Сегодня вечером у меня важный визит... Минутку, не надо волноваться — я вовсе не пытаюсь от тебя избавиться! Чек я вышлю почтой еще сегодня.

Это обещание, похоже, успокоило страсти на другом конце провода, и Карневан положил трубку. Диана еще не знала о близящейся свадьбе с Филлис, и его несколько беспокоило, как она примет это известие. Филлис же отличалась восхитительным телом и невероятной провинци-

альной глупостью. Поначалу это радовало Карневана, давая иллюзорное чувство превосходства, но в дальнейшем глупость Филлис могла доставить ему уйму неприятностей.

Ничего, он разберется с этим позже, а пока самым важным была Нефертити. Мадам Нефертити. Его губы скривились в презрительной улыбке. Громкое имя прежде всего. Вечные поиски торговой марки. Лишь бы зацепить клиента.

Он вывел машину из гаража и, доехав до центра, свернул в Колумбус-Сайкс. В апартаментах Мадам Нефертити был салон впереди и несколько комнат сзади, которых никто никогда не видел, потому что скорее всего она держала там свое оборудование. О роде занятий хозяйки сообщал плакат, наклеенный на оконное стекло.

Карневан поднялся по лестнице и позвонил. Не дождавшись ответа, он толкнул дверь, вошел внутрь, повернул направо, протиснулся в еще одну полуоткрытую дверь и закрыл ее за собой. Окна были затянуты шторами, комнату заполняло приглушенное красноватое сияние от ламп, расставленных в углах.

Всю мебель из комнаты убрали, свернутый ковер лежал у стены. На полу виднелись знаки, нанесенные фосфоресцирующим мелом, а посреди пентаграммы стоял почерневший горшок. Больше ничего не было, и Карневан недовольно покачал головой. Такой декорум мог произвести впечатление только на исключительного простака. Однако он решил продолжать игру до тех пор, пока не раскусит механизм этого странного рекламного трюка.

Сквозь щель в слегка приоткрытом занавесе виден был альков, а в нем на простом жестком стуле сидела Мадам Нефертити. Карневан заметил, что женщина даже не потрудилась переодеться в надлежащие одежды. Со своим мясистым красным лицом и запущенными волосами она напоминала уборщицу из какой-нибудь комедии Джорджа Бернарда Шоу. Одета она была в цветастый халат, а под ним видна была грязно-белая сорочка.

По лицу ее метались отблески красного света.

Женщина посмотрела на Карневана стеклянными глазами.

— Духи... — начала она и вдруг умолкла, а из горла ее донесся сдавленный хрип. Все ее тело потрясала конвульсивная дрожь.

— Мадам Нефертити, — сказал Карневан, стараясь не улыбаться, — я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Она не ответила. Неловкое молчание затягивалось. Выждав какое-то время, Карневан демонстративно повернулся к двери, но и это не заставило женщину заговорить.

Оглядевшись по сторонам, Карневан заметил в почерневшем горшке что-то белое и сделал шаг вперед, чтобы заглянуть внутрь. В следующую секунду он, сдерживая тошноту, выхватил из кармана платок, прижал его ко рту и с трудом повернулся, чтобы взглянуть на Мадам Нефертити.

Однако слов не было. Взяв наконец себя в руки, он успокоился, глубоко вздохнул и сообразил, что его эмоциональное равновесие едва не нарушила забавная фигурка из картона.

Мадам Нефертити никак не реагировала. Подавшись вперед, она с трудом хватала воздух ртом. Карневан почувствовал едва уловимый неприятный запах.

— Пора! — резко произнес кто-то.

Рука женщины чуть шевельнулась в медленном, неуверенном жесте, и в ту же секунду Карневан ощутил в комнате присутствие третьего. Резко повернувшись, он увидел, что посреди пентаграммы кто-то сидит и смотрит на него неподвижным взглядом.

Красные лампы в углах давали не так уж много света, и Карневан видел только голову и бесформенное тело сидящего на корточках мужчины — а может, мальчика, — скрытое под темной накидкой. Но и этого хватило, чтобы сердце его забилось быстрее.

Дело в том, что голова эта была не совсем человеческой. В первый момент Карневану показалось, что это голый череп. Лицо было худым, обтянутым прозрачной кожей цвета слоновой кости и совершенно безволосым. Форма его была треугольной, но без выступающих скул, которые так часто делают лица людей уродливыми. Глаза были совсем уж нечеловеческими: они шли наискось до места, где находилась бы линия волос, имей это существо волосы, и цветом напоминали серо-зеленый авантюрин, испещренный танцующими искорками, сейчас окрашенными в красный цвет.

Словом, это было необычайно красивое лицо, напоминавшее чистое, холодное совершенство полированной кости. Тела Карневан не видел, его скрывала накидка.

Может, это удивительное лицо было маской? Но Карневан знал, что нет. Отвращение, которое вдруг переполнило все его чувства, подсказывало ему, что перед ним — воплощенный ужас.

Он машинально вытащил сигарету и закурил. Существо не шевельнулось, и Карневан вдруг понял, что компасная стрелка исчезла из его мозга.

От сигареты спиралью поднимался дым. Джеральд Карневан стоял в этой мрачной комнате, освещенной красным светом, с фальшивым медиумом и существом, сидевшим на корточках в двух метрах от него. За окном, всего в одном квартале, бурлила жизнью Колумбус-Сайкс со своими неоновыми вывесками и бойким уличным движением.

Электрический свет ассоциировался у него с рекламой. В мозгу Карневана как заезженная пластинка крутилась одна мысль: «Удивить клиента». В данном случае клиентом был, пожалуй, он. Поначалу ему пришло в голову послать ко всем чертям этих дешевых шарлатанов вместе с их фокусами. Карневан двинулся прямо на странное существо.

Мягкие по-детски розовые губы раздвинулись.

— Остановись, Карневан, — приказал тихий голос. — Не переступай пентаграммы. Это тебе все равно не удастся, но может случиться пожар.

— Ну и дела, — буркнул Карневан, едва сдерживая хохот. — Духи не пользуются разговорным английским. Что это за глупости?

— Прежде всего, — ответило создание, не двигаясь с места, — называй меня Азазел. Я вовсе не дух, скорее демон. Что касается разговорного английского, то, оказавшись в твоем мире, я естественным образом приспособился к нему. Мой собственный язык не может здесь звучать. Я говорю на нем, но ты слышишь его земной эквивалент.

— Пусть так, — сказал Карневан. — И что дальше? — Он выдохнул дым через нос.

— Ты все-таки не веришь, — заметил Азазел, по-прежнему неподвижный. — Покинув пентаграмму, я убедил бы тебя в одно мгновение, но не могу этого сделать без твоей помощи. Пространство, которое я сейчас занимаю, находится в двух наших мирах одновременно. Я демон, Карневан, и хочу заключить с тобой сделку.

— Полагаю, сейчас последует вспышка. Можешь фотографировать сколько угодно, я не позволю шантажировать себя, — заявил Карневан, думая о Диане.

— Уже позволяешь, — заверил его Азазел и кратко описал неприглядную историю связи Карневана с Дианой Беллами.

Карневан почувствовал, что краснеет.

— Достаточно, — коротко сказал он. — Так, значит, это шантаж?

— Позволь мне объяснить все с самого начала. Впервые я вступил с тобой в контакт здесь, на сеансе, на прошлой неделе. Установить контакт с людьми невероятно трудно для жителей моего... моего измерения. Но в данном случае мне удалось. И внедрил в твое подсознание кое-какие... мысли и с их помощью удержал тебя.

— Что это за мысли?

— Удовлетворение тщеславия, — сказал Азазел. — Смерть твоего старшего компаньона. Избавление от Дианы Беллами. Здоровье. Власть. Триумф. Ты тайно лелеял эти мысли, и потому связь между нами стала возможной. Однако она была неустойчивой, и я не мог полноценно общаться с тобой, пока работал над Мадам Нефертити.

— Валяй дальше, — спокойно произнес Карневан. — Но не убеждай меня, будто она не шарлатанка.

— Ты прав, — усмехнулся Азазел. — Но она родом из кельтов, а скрипка без смычка ничего не стоит. Мне удалось опутать ее и заставить сделать все необходимое для моей материализации. А потом я вызвал сюда тебя.

— И ты надеешься, что я тебе поверю?

Демон досадливо пожал плечами.

— В этом главная трудность. Если ты меня примешь — я могу хорошо послужить тебе, даже очень хорошо. Но сперва ты должен поверить в меня.

— Я ведь не Фауст, — насмешливо заметил Карневан. — Даже если бы я в тебя поверил, с чего ты решил, что я склонен... — он умолк.

Одно мгновение было тихо. Карневан гневно швырнул окурок на пол и растоптал его.

— Во всех старых легендах, — заговорил он наконец, — полно историй о договорах с демонами. И всегда с одним и тем же результатом. Но я атеист, а может, даже агностик. Я не верю, что у меня есть душа. После смерти остается просто ничто.

Азазел задумчиво смотрел на него.

— Разумеется, какая-то цена должна быть. — Странное выражение промелькнуло по лицу существа. В нем была насмешка, но и страх тоже. Он вновь заговорил, но уже торопливо.

— Я могу изрядно послужить тебе, Карневан. Могу дать все, что ты пожелаешь.

— Почему ты выбрал именно меня?

— Меня привлек тот сеанс. А из всех собравшихся ты был единственным, с кем мне удалось связаться.

Карневан нахмурился, услыхав этот сомнительный комплимент. Он все еще не мог поверить в демона.

— Я бы не имел ничего против... — сказал он, — если бы был уверен, что это не фокус. Мне нужно больше подробностей. Что конкретно ты мог бы для меня сделать?

Азазел принялся развивать тему. Когда он кончил, глаза Карневана блестели.

— Даже часть этого...

— Все это довольно просто, — убеждал Азазел. — Все уже готово. Церемония длится недолго, и я проведу тебя через нее шаг за шагом.

Карневан с улыбкой причмокнул.

— Невероятно. Я убеждаю себя, что ты реален, но где-то в глубине души стараюсь найти логическое объяснение. И потом, все это слишком просто. Будь я уверен, что ты тот, за кого себя выдаешь, и можешь...

— Ты что-нибудь знаешь о тератологии? — прервал его Азазел.

— О чем? А, понял... что-то такое слышал.

Существо медленно выпрямилось. Карневан заметил, что накидка его сделана из какого-то темного, непрозрачного, чуть поблескивающего материала.

— Если нет иного способа убедить тебя, — сказал Азазел, — и поскольку я не могу покинуть пентаграмму, придется прибегнуть к этому.

Карневан смотрел, как длинные пальцы возятся с застежками накидки, и его охватило тошнотворное предчувствие. Азазел распахнул полы.

В следующее мгновение он вновь соединил их. Карневан не сделал ни малейшего движения, но по подбородку его текла кровь — он прокусил губу.

На мгновение воцарилась тишина, а когда Карневан наконец решил заговорить, раздалось лишь хриплое бормотание.

Неожиданно для него самого он истерически вскрикнул. Потом он вдруг повернулся, метнулся в угол и застыл там, прижавшись лбом к стене. Когда он вновь посмотрел на Азазела, лицо его снова было спокойно, хотя и блестело от пота.

— Да... — пробормотал он. — Да...

— Здесь проходит дорога... — начал Азазел.

Назавтра Карневан сидел за своим столом и разговаривал, понизив голос, с демоном, который развалился в кресле напротив, невидимый для всех, кроме одного человека. При этом и голос его был замаскирован таким же образом. Солнечные лучи косо падали через окно, холодный ветерок доносил приглушенный шум улицы. Азазел выглядел на удивление реально; его тело закрывала накидка, голая голова белела на солнце.

— Говори тихо, — предостерег демон Карневана. — Меня никто услышать не может, но тебя слышат. Шепчи или просто думай. Я пойму.

— Ну ладно... — Карневан потер свежевыбритую щеку. — Начнем разрабатывать план кампании. Ты должен заработать мою душу.

— Что?.. — на мгновение демон показался ему смущенным, потом тихо рассмеялся. — Я к твоим услугам.

— Во-первых, нам нельзя вызывать подозрений. Никто бы не поверил, что это правда, но я не хочу, чтобы меня принимали за сумасшедшего, хотя вовсе не исключено, что так оно и есть, — продолжал Карневан свои логические рассуждения. — Но пока не будем углубляться в эту тему. Что є Мадам Нефертити? Что ей известно?

— Абсолютно ничего, — заверил его Азазел. — Она находилась в трансе и была под моим контролем. Проснувшись, она ровным счетом ничего не помнила. Но если хочешь, я могу ее убрать.

Карневан поднял руку.

— Только без эксцессов! Именно в этом была ошибка людей вроде Фауста. Они входили в раж, власть ударяла им в голову, и они впутывались в неприятности, из которых потом уже не могли выбраться. Все убийства, которые нам придется совершить, должны быть продиктованы абсолютной необходимостью. Кстати, какова моя власть над тобой?

— Немалая, — признал Азазел.

— Допустим, я велю тебе покончить с собой... ты сделаешь это?

Вместо ответа демон взял со стола нож для бумаг и вонзил его в накидку. Вспомнив то, что находится под ней, Карневан поспешно отвернулся.

Азазел с улыбкой отложил нож.

— Самоубийство в любой форме невозможно для демона.

— А убить тебя можно?

Последовала пауза.

— Ты бы не смог, — наконец ответил Азазел.

Карневан пожал плечами.

— Я рассматриваю все возможности, хочу знать, как обстоят дела. Ты должен быть послушен моим желаниям, верно?

Азазел кивнул.

— Вот и хорошо. Итак, уясни с самого начала: я вовсе не хочу, чтобы на меня вдруг свалился с неба миллион долларов золотом. Пришлось бы платить чудовищный налог, а кроме того, люди начали бы задавать вопросы. Все выгоды, которые я получу, должны приходить естественным путем, не вызывая ни малейших подозрений. Если бы Эли Дейл умер, фирма осталась бы без старшего компаньона и его место занял бы я. С этим связан рост доходов, вполне достаточный для моих потребностей.

— Я могу дать тебе самое большое состояние в мире, — предложил демон.

Карневан снисходительно рассмеялся.

— И что потом? Все стало бы для меня слишком простым. Я хочу испытывать дрожь азарта, добывая все самостоятельно... с некоторой твоей помощью. Одно дело разок смухлевать в пасьянсе, и совсем другое — заделаться шулером. У меня хватает веры в себя, и я хочу в этом утвердиться. Люди вроде Фауста быстро изматывались. Царь Соломон должен был смертельно скучать. Впрочем, он никогда не пользовался своим мозгом, и держу пари, он у него атрофировался. А взять Мерлина! — Карневан усмехнулся. — Он настолько привык вызывать демонов, чтобы те его выручали, что начинающий чародей без труда победил его. Нет, Азазел, я хочу, чтобы Эли Дейл умер естественной смертью.

Демон разглядывал свои гибкие белые пальцы.

Карневан пожал плечами.

— Ты можешь менять облик?

— Конечно.

— Можешь превратиться во что угодно?

Вместо ответа Азазел стал большим черным псом, ящерицей, гремучей змеей и самим Карневаном; и все это в ошеломляющем темпе. Затем он вернул себе прежний вид и вновь вальяжно раскинулся в кресле.

— Ни одно из этих воплощений не помогло бы тебе убить Дейла. — Карневан откашлялся. — Нам нужно нечто другое, совершенно прозаичное. Ты знаешь, что такое микробы, Азазел?

Тот кивнул.

— Я узнал это, пошарив в твоем мозгу.

— Ты можешь превратиться в токсин?

— Почему бы и нет? Если бы я знал, что именно ты имеешь в виду, то нашел бы образец, размножил его атомную структуру и наполнил бы ее своей жизненной энергией.

— Менингит... — задумчиво произнес Карневан. — Это чаще всего смертельно, особенно для такого дряхлого старика, как Дейл. Не помню только, микробом он вызывается или вирусом.

— Это не имеет значения, — сказал Азазел. — Я найду микроскопический препарат или пробу — скорее всего в какой-нибудь больнице, — а потом материализуюсь в теле Дейла в виде болезни.

— И все будет естественно?

— Да.

— Значит, так тому и быть. Токсин, как я полагаю, начнет распространяться по организму, и Дейлу конец. Если не выйдет, попробуем что-то другое.

Он вернулся к своим делам, а Азазел исчез. Утренние часы тянулись, как бесконечная макаронина в итальянской забегаловке. Карневан, теряясь в догадках, чем занимается сейчас демон, сходил в соседний ресторан, удивляясь своему волчьему аппетиту. В поддень он позвонил Диане. Та, оказывается, узнала об обручении Карневана с Филлис и уже успела поговорить с той по телефону.

Карневан положил трубку, с трудом сдержав вспышку дикой ярости. Потом набрал номер Филлис. Ему ответили, что ее нет дома.

— Передайте ей, что я загляну сегодня вечером, — буркнул он и швырнул трубку на рычаг.

Полегчало ему, лишь когда он поднял голову и увидел в кресле закутанного в накидку Азазела.

— Сделано, — сказал демон. — У Дейла воспаление мозговых оболочек. Он еще об этом не знает, но токсин распространяется весьма быстро. Интересный эксперимент.

Карневан попытался собраться с мыслями. Теперь следовало разобраться с Филлис. Разумеется, он ее любит, но... какая же она твердокаменная. В своей жизни он совершил всего одну глупость, но в ее глазах и этого могло хватить. Расторгнет ли она помолвку? Наверняка нет! В нынешние времена любовные интрижки считались более или менее естественными даже на взгляд девушки, которая воспитывалась в Бостоне. Карневан принялся внимательно разглядывать свои ногти.

Через некоторое время под предлогом консультации по какому-то деловому вопросу он заглянул к Эли Дейлу и внимательно пригляделся к лицу компаньона. Тот раскраснелся, глаза его блестели, но в остальном он выглядел нормально. И все-таки Карневан знал, что старика уже накрыла тень смерти. Он умрет, и место старшего партнера перейдет к другому — первый шаг к реализации плана Карневана.

Что касается Филлис и Дианы... Ну что ж, в конце концов у него есть собственный демон! Азазел сумеет решить и эту проблему. Как он это сделает конкретно, Карневан пока не знал, но считал, что при любых обстоятельствах следует придерживаться естественных способов. Он не хотел связываться с магией.

Вечером он отпустил Азазела и поехал к Филлис, но по дороге заглянул к Диане. Сцена, которая там разыгралась, была короткой и бурной.

Смуглая, стройная, яростная и прелестная Диана с ходу заявила, что не позволит ему жениться.

— Но почему? — допытывался Карневан. — Если ты хочешь денег, моя дорогая, я могу это устроить.

Диана неуважительно выразилась по адресу Филлис, а потом хватила об пол пепельницу.

— Так, значит, я недостаточно хороша для жены! А она хороша!?

— Сядь и успокойся, — посоветовал ей Карневан. — Попытайся проанализировать свои чувства...

— Ты... хладнокровная рыба!

— ...и реши, наконец, что тебе нужно. Ты не любишь меня. Держишь меня на поводке, и это дает тебе ощущение власти и обладания. Ты не хочешь, чтобы меня получила другая женщина.

— Сочувствую той, которая тебя заполучит, — заметила Диана, выбирая очередную пепельницу. Выглядела она очаровательно, но Карневан был не в том настроении, чтобы восхищаться красотой.

— Ну ладно, — сказал он. — Послушай, если ты оставишь меня в покое, у тебя будут и деньги, и все остальное. Но если снова попытаешься подложить мне свинью — пожалеешь.

— Меня не так-то легко испугать! — рявкнула Диана. — Куда это ты собрался? Конечно, на свидание с этой желтоволосой шлюхой!

Карневан одарил ее невозмутимой улыбкой, надел плащ и вышел. Подъехав к дому желтоволосой шлюхи, он столкнулся с трудностями, которые, впрочем, легко было предсказать. Кое-как убедив горничную, он был допущен пред светлые очи ледяной статуи, молча сидящей на диване. Это была миссис Мардрейк.

— Филлис не желает вас видеть, Джеральд, — процедила она сквозь зубы.

Карневан собрался с мыслями и заговорил. Говорил он хорошо. Его рассказ был весьма убедителен, он сам почти поверил в то, что Диана — это миф, что вся эта клевета вымышлена каким-то его врагом. В конце концов после долгой внутренней борьбы миссис Мардрейк капитулировала.

— Не должно быть никакого скандала, — заявила она наконец. — Если бы я считала, что в словах этой женщины кроется хоть зерно правды...

— У человека моего положения неизбежно есть враги, — заметил Карневан, напоминая тем самым, что он — рыбка, ради которой стоит забросить удочку.

— Ну, хорошо, Джеральд. — Женщина вздохнула. — Я попрошу Филлис, чтобы она вас приняла. Подождите здесь.

Она вышла из комнаты, а Карневан едва подавил улыбку. Впрочем, он знал, что с Филлис ему так легко не справиться.

Она вышла не сразу, и Карневан понял, что миссис Мардрейк трудно убедить дочь в его порядочности. Прохаживаясь по салону, он вытащил было сигарету, но, оглядевшись по сторонам, тут же спрятал ее. Какой чопорный дом!

Взгляд его привлекла толстая семейная Библия, лежавшая на пюпитре. Не найдя лучшего занятия, он подошел к ней и открыл наугад. В глаза бросились строки:

«Если некий человек поклоняется злому и изображению его, и клеймо его принимает на свой лоб или в руки свои, должен он сорвать гроздья гнева Господнего».

Карневан машинально поднял руку и коснулся лба. Впрочем, он тут же рассмеялся — суеверие! Да, но ведь и демоны — тоже.

В этот момент в гостиную вошла Филлис с миной мученицы, которой не постыдилась бы героиня Лонгфелло, Эваджелина из Аркадии. Сдерживая безумное желание отвесить ей пинка, Карневан потянулся к ее руке, но безуспешно, поэтому просто прошел за девушкой к дивану.

«Пуританизм и воспитание в духе десяти заповедей имеют свои отрицательные стороны», — подумал он. Вскоре это стало еще более очевидно, когда спустя несколько минут Филлис все еще не была убеждена в невиновности Карневана.

— Я не все рассказала матери, — тихо произнесла она. — Эта женщина говорила такие вещи... Что ж, теперь я вижу, что она не лгала.

— Я тебя люблю, — невпопад пробормотал Карневан.

— Нет, не любишь. Если бы любил, никогда не связался бы с этой женщиной.

— Даже если это случилось до того, как мы познакомились?

— Я могу многое простить, Джеральд, — сказала она, — но только не это.

— Тебе нужен не муж, — заметил Карневан. — Тебе нужна статуя.

Пробиться сквозь ее ледяное ханжество было невозможно. Карневан потерял контроль над собой, он убеждал и умолял Филлис, одновременно презирая себя. Из всех женщин на свете его угораздило влюбиться в самую закоснелую пуританку. Ее молчание доводило его почти до истерики, и он с трудом сдерживался, чтобы не потрясти грубыми ругательствами благочестивую атмосферу гостиной. В его понимании Филлис чудовищно унижала его, что-то в нем отчаянно корчилось под ударами, от которых он не мог уклониться.

— Я люблю тебя, Джеральд, — выдавила Филлис, — но ты меня не любишь. Я не могу тебе этого простить. Пожалуйста, уйди, пока окончательно все не испортил.

Он выбежал из дома, кипя от ярости и больной от мысли, что не сумел справиться с собой. Филлис, Филлис, Филлис! Непоколебимая скала, холодный айсберг. Ей были чужды человеческие порывы, в груди ее никогда не жили никакие чувства, разве что эти... заученные, изысканные, как кружевная салфетка. Фарфоровая кукла, ожидающая, что весь мир тоже будет из фарфора. Карневан стоял у машины, дрожа от злости, и больше всего на свете желал ранить Филлис так же больно, как она ранила его.

В машине что-то шевельнулось. Это был Азазел в своей темной накидке, плотно закрывающей тело, и с белым равнодушным лицом.

Карневан махнул рукой назад.

— Эта девушка, — прохрипел он. — Она... она...

— Можешь не говорить, — отозвался Азазел. — Я читаю твои мысли и сделаю, как ты хочешь.

Демон исчез. Карневан забрался в машину, сунул ключ в замок зажигания и с яростью нажал стартер. Когда машина трогалась с места, из дома, который он только что покинул, донесся пронзительный крик.

Он остановил машину, помчался в дом...

•

По мнению спешно вызванного врача, Филлис Мардрейк пережила серьезное нервное потрясение. Причина оставалась неизвестной, но это могло быть следствием разговора с Карневаном, который, впрочем, не делал ничего, чтобы опровергнуть эти домыслы. Филлис просто лежала и судорожно вздрагивала, глядя перед собой остекленевшими глазами. Время от времени с губ ее срывались слова:

— Накидка... А под накидкой...

Она то смеялась, то кричала истерически, пока силы не покинули ее.

«Все будет в порядке, — сказал врач, — но для этого нужно время». Пока Филлис отвезли в частную лечебницу, где у нее началась истерика при виде доктора Джосса, который оказался лысым. Правда, она все реже вспоминала о каких-то накидках, и вскоре Карневану разрешили навещать ее. Она сама попросила об этом. Все щекотливые вопросы были улажены, и Филлис даже готова была признать, что ошибалась.

Решили, что она выйдет за Карневана, когда окончательно придет в себя. Но ни о каких приключениях на стороне, конечно, не могло быть и речи.

Ужас, который она увидела, опустился на дно ее разума и появлялся оттуда только в бреду или в ночных кошмарах, часто мучивших ее. Карневан был рад, что она не забыла Азазела. В последнее время он часто виделся с демоном, претворяя в жизнь свой коварный и жестокий план.

Началось это вскоре после нервного срыва Филлис, когда Диана атаковала его звонками. Поначалу Карневан отделывался от нее обещаниями, но потом до него дошло, что это она ответственна за состояние Филлис.

Справедливость требовала, чтобы и она понесла наказание, причем о смерти речи не было. Умереть — это слишком просто. Например, Эли Дейл был уже смертельно болен менингитом. Лучше всего была бы утонченная кара — пытка вроде той, которую пережила Филлис.

На Карневана, когда он вызывал демона и давал ему инструкции, было неприятно смотреть.

— Постепенно, шаг за шагом, она должна скатываться к безумию, — говорил он. — Пусть у нее будет время понять, что с нею происходит. Устрой ей серию необъяснимых происшествий. Я дам тебе более точные указания, когда разработаю их. Однажды она сказала мне, что ее нелегко испугать.

Карневан встал, чтобы налить себе выпить. Предложил он и демону, но тот отказался.

Азазел сидел неподвижно в темном углу комнаты, поглядывая иногда в окно, туда, где далеко внизу раскинулся Сентрал-парк.

Карневану вдруг пришла в голову некая мысль.

— Что ты обо всем этом думаешь? Демоны по определению злы. Тебе доставляет удовольствие причинять людям страдания?

Лицо-череп повернулось и взглянуло на него.

— А ты знаешь, что такое зло, Карневан?

Карневан налил себе еще.

— Ясно... Разумеется, зло — понятие произвольное. Человечество установило свои нормы...

Раскосые глаза Азазела вспыхнули.

— Это моральный антропоморфизм. И эготизм. Вы не принимали во внимание среду. Физические свойства вашего мира привели к тому, что добро и зло стали такими, как вы их знаете.

Это была уже шестая порция, и в Карневане проснулось желание подискутировать.

— Я не совсем понял. Моральность — это вопрос разума и эмоций.

— У каждой реки есть свое начало, — ответил Азазел. — Однако есть разница между Миссисипи и Колорадо. Если бы люди развивались... ну, к примеру, в моем мире, вся система понятий добра и зла была бы совершенно иной. У муравьев тоже есть общественная структура, но она не похожа на вашу. Иная среда.

— Люди тоже отличаются от насекомых.

Демон пожал плечами.

— И мы не одинаковые. Мы еще менее похожи друг на друга, чем люди и муравьи. Дело в том, что вас с муравьями объединяют два общих инстинкта: инстинкт самосохранения и инстинкт продолжения рода. Демоны же не размножаются.

— С этим согласилось бы большинство авторитетов, —

признал Карневан. — Вполне возможно, это объясняет и причину возникновения выродков. А как получилось, что существует столько видов демонов?

Азазел широко раскрыл глаза.

— Ну, знаешь — гномы, кобольды, тролли, джинны, оборотни, вампиры...

— Видов демонов куда больше, чем известно людям, — объяснил Азазел. — Причина этого вполне очевидна. Ваш мир стремится к порядку, к равновесию. Ты, конечно, слышал об энтропии. Конечной целью вашей вселенной является однородность, неизменная и вечная. Ответвления вашей эволюции в конце концов встретятся и образуют один общий вид. Такие ветви, как птица моа или тур, вымрут, как вымерли динозавры и мамонты, и в конце концов воцарится застой. Моя же вселенная стремится к физической анархии. Вначале существовал только один вид, в конце же будет полный хаос.

— Твоя вселенная что-то вроде негатива моей, — задумчиво произнес Карневан. — Но подожди! Ты сказал, что демоны не могут умереть. И что они не могут продолжать рода. Как в такой ситуации возможен прогресс?

— Я говорил, что демоны не могут совершить самоубийство, — поправил его Азазел. — Смерть может настигнуть их, но лишь из внешнего источника. То же самое касается размножения.

Это было слишком сложно для Карневана.

— Но вы должны испытывать какие-то эмоции. Страх перед смертью, например.

— Наши эмоции не похожи на ваши. Я могу проанализировать и понять реакции Филлис с клинической стороны. Она получила очень суровое воспитание и испытывала подсознательный протест против навязанных ей ограничений. Даже себе самой она никогда не признавалась, что хочет вырваться на волю. Ты же был для нее символом, в глубине души она восхищалась тобой и завидовала, потому что ты мужчина и в ее понимании способен сделать все, что захочешь. Любовь — лжесиноним продолжения рода, так же как душа — это просто стремление дополнить акт творения, вытекающее из инстинкта самосохранения. Ни того, ни другого реально не существует. Разум Филлис — это лабиринт запретов, страхов и надежд. Пуританизм для нее — гарантия безопасности. Именно потому она не могла простить тебе романа с Дианой. Это была отговорка, чтобы вернуться в безопасную скорлупу прежнего образа жизни.

Карневан слушал с интересом.

— Продолжай...

— Когда я ей показался, она пережила нервное потрясение. На время заговорило ее подсознание, и благодаря этому она вышла из ступора и простила тебя. Она эскапистка; поскольку ее прежняя безопасная пристань оказалась не такой уж безопасной, то, соглашаясь выйти за тебя, она удовлетворяет одновременно и свое желание бегства, и потребность оказаться под чьей-то опекой.

Карневан смешивал очередную порцию, и тут ему кое-что вспомнилось.

— Ты только что сказал, что души не существует, верно?

Тело Азазела шевельнулось под накидкой.

— Ты плохо меня понял.

— Не думаю, — сказал Карневан, корчась от холодного ужаса, пробившегося сквозь теплое пьяное отупение. — Мы договорились, что ты служишь мне в обмен на мою душу. Каковы же твои истинные мотивы?

— Ты сам стараешься испугать себя, — буркнул демон, и взгляд его жутких глаз стал настороженным. — На протяжении всей истории религия опиралась на гипотезу о существовании души.

— А она существует?

— Почему бы ей не быть?

— И как же выглядит душа? — спросил Карневан.

— Ты не сможешь этого представить, — ответил Азазел. — Не с чем сравнить. Кстати, две минуты назад умер Эли Дейл. Ты теперь старший компаньон фирмы. Прими мои поздравления.

— Спасибо, — Карневан кивнул. — Сменим тему, если ты так хочешь, но рано или поздно я хочу докопаться до правды. Если у меня нет души, значит, ты что-то крутишь. А теперь давай вернемся к Диане.

— Ты хочешь довести ее до безумия.

— Я хочу, чтобы ТЫ довел ее до безумия. Она шизоидного типа — стройная, длиннокостная и до идиотизма уверена в себе. Жизнь свою она построила на фундаменте из вещей, которые считала реальными. Теперь нужно убрать эти вещи.

— Можно конкретнее?

— Она боится темноты, — продолжал Карневан с довольно неприятной ухмылкой. — Будь утонченным, Азазел. Пусть она слышит какие-нибудь голоса, видит людей, ходящих за нею по пятам. Мания преследования. Одно за

другим ей начнут отказывать чувства. Точнее, обманывать. Она будет чувствовать запахи, которые не чувствует никто другой, слышать голоса, ощущать яд в том, что ест. Если возникнет необходимость, пусть будут и зрительные галлюцинации.

— Истинно дьявольский сценарий, — заметил Азазел, поднимаясь с кресла. — Мой интерес к этому — чисто клинический. Я могу понять, что такие дела имеют значение для тебя, но и все.

Зазвонил телефон. Сняв трубку, Карневан узнал, что Эли Дейл умер — воспаление мозговых оболочек.

Он почтил его память еще одной порцией спиртного, а затем поднял тост за Азазела, который тем временем исчез, отправившись к Диане. Худое решительное лицо Карневана лишь слегка раскраснелось под влиянием алкоголя, который он в себя влил. Встав посреди квартиры, он медленно кружился, обводя взглядом мебель, книги, безделушки. Хорошо бы поискать другую квартиру, больше и представительнее. Квартиру, подходящую для супружеской пары. Интересно, сколько еще продлится болезнь Филлис?

«Азазел... Что такое задумал этот демон? — гадал Карневан. — Наверняка его интересует не душа. Но что же?»

Однажды вечером, две недели спустя, Карневан позвонил в дверь Дианы. Сначала из-за двери спросили, кто там, потом дверь приоткрылась на несколько миллиметров, и только после этого Диана впустила его. Карневана потрясло, как она переменилась.

Трудно было бы назвать эту перемену отчетливой. Диана держала себя в руках, однако использовала слишком много косметики, и это ее выдавало. Это являлось символом некоего щита, которым она пыталась заслониться от вторжения в ее душу.

— Боже, Диана, что случилось? — заботливо спросил он. — И по телефону голос у тебя дрожал... я же советовал тебе сходить к врачу.

Негнущимися пальцами Диана вытащила из пачки сигарету, она слегка дрожала в ее руке, когда Карневан давал ей прикурить.

— Я ходила. Он сказал... в общем, он мне не помог, Джерри. Я так рада, что ты больше не сердишься на меня.

— Сержусь? Садись, я приготовлю тебе выпить. Моя

злость давно уже прошла. Теперь мы будем вместе, а Филлис... Что ж, нам уже не попробовать свадебного торта. Понимаешь, сейчас она в клинике, и ее не скоро выпишут. И потом, она может не совсем... — Карневан заколебался.

Диана откинула назад темные волосы и посмотрела ему в глаза.

— Джерри, тебе не кажется, что я схожу с ума?

— Нет, не кажется, — заверил он ее. — Зато я думаю, что тебе нужно отдохнуть или сменить обстановку.

Девушка не слушала его. Она сидела, склонив голову набок, словно прислушиваясь к какому-то голосу. Глянув в сторону, Карневан увидел Азазела, стоявшего в другом конце комнаты, невидимого для девушки, но явно слышимого.

— Диана! — резко окликнул он.

Ее губы приоткрылись. Взглянув на него, она сказала ломающимся голосом:

— Извини. Ты что-то говорил?

— Что тебе сказал врач?

— Ничего особенного...

Она явно не желала говорить на эту тему и вместо этого взяла напиток, который приготовил Карневан, и пригубила. Потом отставила бокал.

— Что-то не так? — спросил Карневан.

— Нет. Какой вкус у этого коктейля?

— Обычный.

Карневану было интересно, что именно почувствовала Диана в своем бокале. Может, горький миндаль? Очередная штучка Азазела. Он провел пальцами по волосам девушки, наслаждаясь своей властью. Удивительно, но проблемы Дианы нисколько не трогали его. Однако в своем представлении он не был таким уж плохим. Опять эта вечная тема моральных норм — добра и зла.

— Долго она не выдержит, — сказал Азазел так, что голос его слышал только Карневан. — По-моему, она сломается завтра. Маниакально-депрессивный психоз может толкнуть ее на самоубийство, но я постараюсь, чтобы до этого не дошло. Любое опасное оружие, которого она коснется, покажется ей раскаленным докрасна.

И вдруг без всякого предупреждения демон исчез. Карневан откашлялся и допил спиртное, заметив краем глаза какое-то движение.

Он медленно повернул голову, но ничего не заметил. Что это было? Какая-то черная тень... бесформенная, не-

уловимая. Безо всякой причины руки Карневана начали дрожать, и он, заинтригованный, внимательно оглядел комнату.

Присутствие Азазела никогда не действовало на него так. Вероятно, это была нервная реакция: вероятно, он держал свои нервы в тугой узде, сам не отдавая себе в этом отчета. Что ни говори, а демоны относятся к явлениям сверхъестественным.

Краем глаза он вновь заметил расплывчатую тень и на этот раз попытался рассмотреть ее, не двигаясь. Это «что-то» находилось на границе его поля зрения, но когда глаза его чуть сместились в том направлении, видение исчезло.

Бесформенное черное облако. Бесформенное? Нет, оно имело форму, походило на веретено, неподвижно стоящее на острие. Руки Карневана дрожали, как никогда прежде.

Диана внимательно разглядывала его.

— Что случилось, Джерри? Это из-за меня ты так разволновался?

— Сейчас в конторе столько работы, — ответил он. — Ты знаешь, я стал старшим компаньоном. Ну, мне пора. А ты, пожалуй, сходи завтра еще раз к врачу.

Она не ответила, глядя, как он выходит из квартиры. По дороге домой Карневан вновь заметил черное туманное веретено, однако ему так и не удалось разглядеть его подетальнее, оно по-прежнему оставалось за пределами поля зрения. Впрочем, даже не видя его, он ощущал некие, едва уловимые характерные черты. Он не мог определить, что это за черты, но руки его дрожали.

Его интеллект яростно боролся с бессмысленным ужасом. Он оказался лицом к лицу с чем-то совершенно чужим. Или точнее... Нет — он не был с ним лицом к лицу, это нечто ускользало и исчезало. Азазел?

Карневан позвал демона по имени, но не дождался ответа. Мчась к своему дому, он кусал нижнюю губу и лихорадочно думал. Как... Почему...

Что же было такого бессмысленного, такого ужасного в этом... видении?

Этого он не знал, разве что так действовали на него неуловимые черты, кроющиеся в черноте, на которую он никак не мог взглянуть в упор. Карневан чувствовал, что этих черт не описать словами, однако его преследовало извращенное желание увидеть их. Спрятавшись в укрытии своей квартиры, он снова краем глаза, на самой границе поля зрения, увидел черное веретено, стоявшее возле ок-

на. Он быстро повернул голову, чтобы взглянуть на него, но оно тут же исчезло. И в ту же секунду Карневана охватил дикий, первобытный страх, нечеловеческое, тошнотворное предчувствие, что ему предстоит увидеть нечто, от чего содрогнется все его существо.

— Азазел! — негромко позвал он.

Тишина.

— Азазел!!!

Карневан налил себе выпить, закурил, нашел какой-то журнал. Ни вечером, ни ночью ничто его не беспокоило, но утром, едва он открыл глаза, что-то черное, веретенообразное поспешно выметнулось из поля зрения.

Он позвонил Диане, и та сказала, что чувствует себя гораздо лучше. Азазел явно пренебрегал своими обязанностями. Разве что это черное было Азазелом. Карневан поехал в контору, велел прислать себе наверх черный кофе, а потом вместо него выпил молока. Его нервы требовали скорее покоя, чем возбуждения.

Тем утром черное веретено появлялось в конторе дважды, и каждый раз Карневан ощущал ужасающую уверенность, что если взглянет на него прямо, то определит, наконец, его черты. И он пытался взглянуть вопреки самому себе. Разумеется, безрезультатно.

В тот день он мало что сделал на работе. Закончив пораньше, он поехал в клинику к Филлис. Она чувствовала себя гораздо лучше и говорила о скорой свадьбе. У Карневана вспотели ладони, когда через солнечную уютную комнату торопливо проскочило черное веретено.

И хуже всего было, пожалуй, сознание, что если бы ему удалось взглянуть на видение прямо, он не сошел бы с ума. Но захотел бы, в этом у него не было сомнений. Ничто, принадлежащее к этой вселенной или хотя бы отдаленно родственное ей, не могло бы вызвать в его теле такой пустоты, такого потрясающего предчувствия, что все его существо содрогается от отвращения к этому... веретену.

Карневан поехал обратно на Манхэттен, едва избежав катастрофы на мосту Джорджа Вашингтона, когда на мгновение прикрыл глаза, чтобы не видеть того, чего не стало, когда он вновь поднял веки. Солнце уже село, и на фоне пурпурного неба вздымались мигающие огнями нью-йоркские небоскребы. Их геометрическое совершенство казалось холодным, неуютным и равнодушным. Карневан

остановился у бара, выпил две рюмки виски и вышел, когда черное веретено мелькнуло в зеркале.

Вновь оказавшись в своей квартире, он сел, закрыв лицо ладонями, минут пять оставался в этой позе. Когда же снова встал, лицо его выражало решимость и ярость. Глаза слегка блестели.

— Азазел! — позвал он, потом повторил громче: — Азазел!!! Я твой господин! Явись!

Его разум зондировал окружающее — могучий, твердый как сталь. Глубже скрывался неопределенный пока страх. Был ли Азазел этим веретеном? Появится ли он... целиком?

— Азазел! Я твой хозяин! Ты должен мне повиноваться! Я вызываю тебя!

Демон материализовался из воздуха и встал перед Карневаном. Его лицо не выражало абсолютно ничего, раскосые глаза без зрачков смотрели равнодушно. Тело Азазела легонько колыхнулось под темной накидкой и замерло.

Карневан со вздохом облегчения повалился в кресло.

— Ну, наконец-то... — сказал он. — Говори сейчас же, в чем тут дело? Что это за фокусы?

— Я вернулся в свой мир, — спокойно объяснил Азазел. — И остался бы там, если бы ты меня не вызвал.

— Что это за... веретено?

— Оно не из твоего мира, — ответил демон. — И не из моего. Оно преследует меня.

— Почему?

— У вас есть истории о бесноватых, одержимых демонами. В моем мире... я был таким одержимым.

Карневан облизнул губы.

— Этой штукой?

— Да.

— Но что это такое?

Азазел сгорбился.

— Не знаю... Знаю только, что оно страшное и преследует меня.

Карневан поднял руки и прижал ладони ко лбу.

— Нет-нет, это невозможно. Одержимый демон! Откуда это взялось?

— Я знаю только свою и твою вселенную, на том мои знания кончаются. По-моему, эта штука пришла извне наших временных секторов.

— И потому ты предложил мне свои услуги! — осенило Карневана.

Выражение лица Азазела не изменилось.

— Да. Оно подбиралось ко мне все ближе. Я думал, что смогу удрать от него, перейдя в вашу вселенную, но оно пришло следом.

— А перейти в наш мир без моей помощи ты не мог. И вся эта болтовня о моей душе просто для отвода глаз.

— Да. Эта штука пришла за мной, но когда я шмыгнул обратно в свою вселенную, она не преследовала меня. Может, просто не могла. Не исключено, что оно может перемещаться только в одном направлении — из своего мира в мой, а потом в твой, но обратно — уже нет. Судя по тому, что мне известно, оно осталось здесь.

— Осталось... — подтвердил Карневан, бледный как полотно, — чтобы преследовать меня.

— И ты испытываешь перед ним такой же страх? Интересно, ведь психически мы совершенно разные...

— Я так и не смог разглядеть его. У него есть... какая-то форма?

Азазел не ответил. В комнате повисла тишина.

Карневан подался вперед в своем кресле.

— Это преследовало тебя... до возвращения в твой мир. Потом взялось за меня. Почему?

— Не знаю. Оно чужое для меня, Карневан.

— Но ты же демон и обладаешь сверхъестественной силой...

— Сверхъестественной по твоим меркам. Но есть силы сверхъестественные и с точки зрения демонов.

Карневан налил себе выпить и прищурился.

— Очень хорошо. Моя власть над тобой достаточно велика, чтобы удержать тебя в этом мире, иначе ты не явился бы на зов. Пока ты здесь, оно будет преследовать тебя. Я не позволю тебе вернуться в твой мир, ибо тогда оно привяжется ко мне... собственно, уже привязалось. Хотя теперь, наверное, отстало.

— Не отстало, — бесстрастно ответил Азазел.

Карневан вздрогнул от неожиданного спазма.

— Психически я могу настроить себя так, чтобы не бояться, но физически оно...

— Оно ужасает даже меня, — заметил Азазел. — Не забывай, что я видел его во всех деталях. Если ты будешь удерживать меня в своем мире, оно в конце концов уничтожит меня.

— Люди изгоняли демонов магическими формулами, — задумчиво произнес Карневан. — Нет ли чего-нибудь такого против него?

— Нет.

— А жертва крови? — предположил Карневан. — Святая вода? Колокольчик, Библия и свеча? — Он сам чувствовал, что это смешно.

Азазел задумался.

— Ничего из этого набора не подействует. Но, может... жизненная сила. — Темная накидка задрожала.

— Согласно народным верованиям, злые силы можно прогнать заклинаниями, — сказал Карневан. — Но перед этим их следует сделать видимыми и ощутимыми, дать им эктоплазму... кровь...

Демон медленно кивнул.

— Иными словами, свести уравнение к наименьшему общему знаменателю. Люди не могут бороться с бесплотным духом, но если этого духа загнать в телесную оболочку, он будет вынужден подчиняться земным физическим законам. Думаю, это выход, Карневан.

— Ты хочешь сказать...

— То, что меня преследует, совершенно чуждое создание. Однако, если я смогу сократить его до наименьшего общего знаменателя, станет возможным уничтожить его. Как я мог бы уничтожить тебя, если бы не поклялся тебе служить. Ну и разумеется, если бы это помогло мне хоть чем-то. Допустим, я принесу этому жертву, и ему придется на время принять облик вещи, которую оно ассимилирует. Человеческая жизненная сила должна для этого подойти.

Карневан слушал внимательно.

— Это подействует? — спросил он.

— Думаю, да. Я принесу ему в жертву человека. Ненадолго и лишь частично оно тоже станет человеком, а демон легко может уничтожить человеческое существо.

— А жертва...

— Диана. Это будет проще всего, ибо я уже расшатал ее сознание. Мне нужно сломить все барьеры, что еще остались в ее мозгу — это психический эквивалент жертвенного ножа, применяемого язычниками.

Карневан одним глотком прикончил стакан.

— Значит, ты сможешь его уничтожить?

Азазел кивнул.

— Пожалуй. Но то, что останется от Дианы, уже ни в чем не будет походить на человека. Власти засыплют тебя вопросами, но я попытаюсь тебя защитить.

Сказав это, он исчез, прежде чем Карневан успел возразить. В квартире все замерло. Карневан огляделся, поч-

ти уверенный, что увидит, как черное веретено показывается на мгновение и исчезает, но не заметил ничего сверхъестественного.

Полчаса спустя он еще сидел в кресле, когда зазвонил телефон. Карневан снял трубку.

— Да... Кто?.. Что? Убита?... Нет... Сейчас приеду.

Он положил трубку и выпрямился. Глаза его горели. Диана... умерла. Она была убита страшным способом, и некоторые обстоятельства преступления оставались для полиции непонятными. Ну что ж, ему-то самому ничто не грозило. Улики могли указывать на него, но никто ничего не сможет доказать — весь день он был далеко от Дианы.

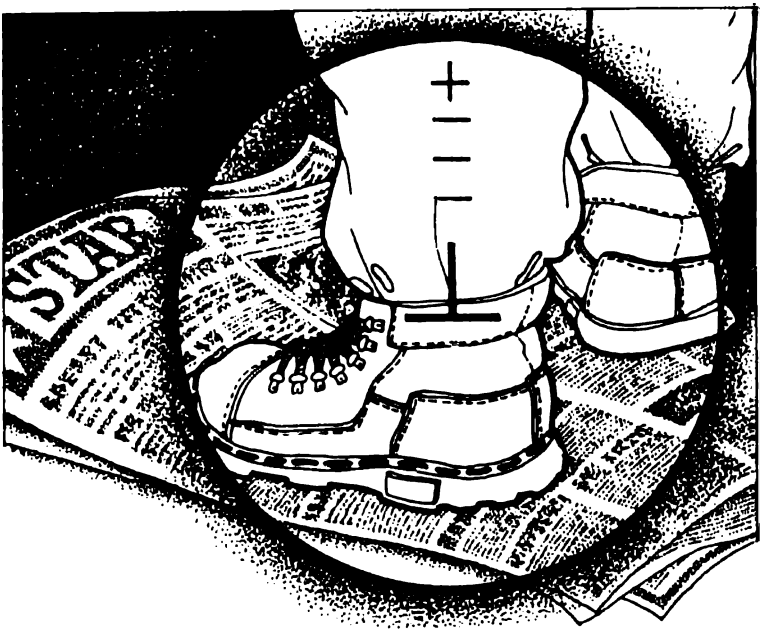
— Поздравляю, Азазел, — пробормотал он, раздавил в пепельнице окурок и повернулся, чтобы достать из шкафа плащ.

За его спиной ждало черное веретено. На этот раз оно не ускользнуло от его взгляда.

Оно не исчезло, и Карневан увидел его целиком. Увидел отчетливо, разглядел каждую деталь того, что поначалу представлял себе веретеном черного тумана.

И хуже всего было то, что он не сошел с ума.

МЕЛКИЕ ДЕТАЛИ

Решив наконец, что оторвался от погони, он направился к киоску с газетами. Его интересовала дата. Он не знал, сколько времени провел в Замке Иф, ибо уже в конце первого года стало ясно, что считать дни не имеет смысла.

Бегство было попросту невозможно. Правда, Эдмон Дантес все-таки бежал из настоящего Замка Иф, но здесь этот номер не прошел бы. Когда «гости» этого единственного в своем роде пансионата умирали, где-то в подземельях проходила быстрая кремация.

Это была одна из немногих крох информации, которые ему удалось собрать за время заточения. За все это время он ни разу не покидал одиночной, почти роскошно обставленной комнаты без окон и совершенно уж роскошной сиамской кошки Шан, которая скрашивала его одиночество.

С болью расстался он с Шан, но она привязывалась к предметам, а не людям, и для нее эта комната не была тюрьмой. Чудо, сделавшее возможным его бегство, было не из тех, что продолжаются бесконечно. Он использовал

подвернувшийся случай и выбрался на свободу, когда еще не стихли раскаты взрыва где-то внизу.

Он не знал, что это было, но возможности тамошних охранников были почти сверхъестественными.

Он выбрался в мешке, брошенном вместе с несколькими другими на платформу лифта, а потом попытался сориентироваться, положившись — временно — на осязание и слух. Узнал он немного, но предположил, что мешками занимаются автоматы.

Во всяком случае геликоптер управлялся именно автоматом — это он обнаружил, выбравшись из мешка и пережив несколько напряженных минут, пока не разобрался в управлении. В 1945 году геликоптеры были невероятно сложными машинами, и он никак не мог избавиться от склонности к ненужному усложнению своей задачи.

Перед самой посадкой пульт буквально взорвался огнями и криками. Охранники, годами державшие его в Замке Иф, уже бросились в погоню. Вот и хорошо. Он был в превосходной физической форме. Здоровое тело и психику позволили ему сохранить специальное облучение и процедуры. Источником образования и развлечения был телевизор, а кроме того, книги.

Однако он никогда не видел и не читал ничего, что появилось бы после июля 1945 года. Может, именно потому беспокойство не въелось в его мозг и нервную систему. Разумеется, он понимал, что мир идет вперед, но не видел этого движения. И это помогало.

Геликоптер приземлился на вспаханном поле. Была ночь, но светила полная луна. По контурам, рисовавшимся на фоне слабого зарева, он сделал вывод, что до города недалеко. Геликоптер поднялся в воздух и улетел. У него не было позиционных огней, и он быстро исчез вверху, должно быть, поднялся в стратосферу.

Мужчина несколько раз глубоко вздохнул и тут почувствовал на себе взгляд, которого не было. Мурашки пробежали по его телу, и он вспомнил, что его преследуют.

Вокруг все было иначе, но не слишком. По улицам ходили люди, и покрой их одежды изменился мало. Сам он носил копию того самого костюма, который был на нем в 1945 году, в тот июльский день, когда за ним пришли. Начальники сидели снаружи и ждали, пока их подчиненные... брали... Теннинга.

— Я — Дейв Теннинг, — подумал он и испытал легкое потрясение от этой мысли. Он отвык думать о себе подобным образом. Спокойное, непоколебимое осознание

личности с течением лет постепенно пропадало. Подобно ребенку, он перестал сознавать собственное «я». В этом просто не было никакой необходимости.

— Я — Дейв Теннинг, но существует еще и другой Дейв Теннинг. — Именно здесь кончалась действительность и начинался страх. До сих пор до него как-то не доходило, что снаружи ходит по свету его alter ego. Все потому, что внешний мир очень скоро практически перестал для него существовать, а населяющие его люди, даже те, которых он хорошо знал, стали менее реальны, чем чувственное равнодушие сиамской кошки Шан.

Одежда его не бросалась в глаза, и никто не смотрел ему вслед. Разумеется, у него не было денег, но эту проблему можно было решить. Парни из «Стара» накинутся на него. Однако следовало быть осторожным, чтобы не наткнуться на псевдо-Дейва Теннинга, пока он не подготовится к этому. Возможно, понадобится пистолет. Этих двойников можно было убить, а еще — они всегда умирали вместе со своим оригиналом.

Именно потому оригиналам сохраняли жизнь и поддерживали их в хорошей физической и психической форме. Существовала какая-то важная психическая связь, динамизм жизненной силы Оригинала, индуктивно связанного со своим двойником. Он много размышлял на эту тему, и пока все сходилось.

Все-таки он чувствовал себя как-то странно, ибо это был уже не его мир. Ему все казалось, что проходящие мимо мужчины и женщины вот-вот остановятся, приглядятся и тогда прозвучит окрик. Какой, он не представлял, но понимал, что стал чужаком. А в 1945 году он был здесь своим.

Знал он и за что его посадили. Фельетонист городской газеты слишком много знал. Им требовались свои люди — двойники — на ключевых постах. Несомненно, их было много. 1945 год стал переломным. Это был один из немногих случаев, когда открывали ящик Пандоры, когда *слишком многое* становилось доступным любопытной цивилизации.

Немцы уже стояли на коленях, Япония угасала, и на послевоенный мир тенью ложился страх. Не потому, что так много требовалось сделать, а потому что открывалось слишком много путей для дальнейшего развития. Это был не ящик Пандоры, это была удочка счастья.

Гораздо труднее технических были общественные проблемы, ибо отношения между людьми не изменились: ведь

люди меняются не так быстро, как творения их рук. Можно запланировать цыпленка в горшочке для каждого, но конверсия целой общественной системы — совершенно иное дело.

Непохоже было, чтобы многое изменилось.

Он даже узнавал некоторые места. Появились новые здания, хотя и немного; машины имели другую форму: они лишились обтекаемых линий и стали приятнее для глаз. Вдоль тротуаров двигались автобусы без водителей, они то и дело останавливались. Уличные фонари светили как-то странно, в витринах магазинов были выставлены одежда, спортивные товары, алкоголь, игрушки, но ничего принципиально нового.

Однако из-за этих мелких деталей Теннинг чувствовал себя чужим. Он не был здесь дома. При этом он знал, что где-то существует другой Дейв Теннинг, вытеснивший его, и это сознание отчасти стирало ощущение собственного «я».

На мгновение его охватило совершенно абсурдное ощущение вины, словно, убегая из Замка Иф, он помешал правильной реализации плана. «Ты чужой, — говорили люди, проходившие мимо и не удостаивающие его даже взгляда. — Ты — чужой».

«И вовсе нет, — возражал он. — Я жил в этом городе восемь лет, и люди читали в газете мою колонку. Что с того, что я не писал как Уинчелл, Пил или Дэн Уолкер? Я никогда не стремился ни к чему большему, чем место второразрядного фельетониста. Меня читали за завтраком, за кофе, и люди веселились при виде грязи, которую я разгребал.

Я Дейв Теннинг. Много лет, а может, столетий я просидел в небольшой уютной тюрьме с божественной библиотекой и кошкой по имени Шан. Не знаю, куда я теперь иду, но мне нужны какие-нибудь зацепки. Например, дата».

В киоске лежали нормальные газеты, а еще — небольшие толстые кружки из пластика или лакированного картона. Теннинг остановился, чтобы посмотреть. Вот и дата...

Децем фиш 7. Ну и что с того?

— Газету, сэр? — спросил киоскер. — Бумажную или рото?

— Скажите, что у нас сегодня? — пробормотал Теннинг.

— Децем.

Он хотел задать еще один вопрос, но передумал; просто повернулся и ушел, ломая голову над тем, что может означать эта семерка. Седьмой год? Наверняка не от Рождества Христова. Тогда от чего же?

В таких вот мелочах будет труднее всего разобраться. Люди не меняются, а просто стареют, зато моды, приборы и всякие бытовые мелочи меняются быстро и порой до неузнаваемости. А он все еще не знал, какой сейчас год.

Ну и черт с ним. Он стоял на Гарднер-стрит и по крайней мере знал, как дойти до здания «Стара». Теннинг прыгнул в один из автоматических автобусов, когда тот остановился. Ему захотелось закурить. Впервые со времени бегства у него выдалась свободная минута, но нервы его не отдыхали.

Никто из пассажиров автобуса не курил. Он вспомнил, что до сих пор не видел ни одного курящего.

Здание «Стара» стояло на прежнем месте, большое, старое и, что самое удивительное, темное. С крыши исчезла неоновая надпись. Теннинг поднялся по ступеням и постучал в дверь. Она была закрыта, и он несколько минут нерешительно топтался перед ней.

Сейчас он по-настоящему боялся. Преследуемый лис прячется под землю, но если он застанет свою нору заваленной, его дело плохо. Теннинг автоматически начал рыться в карманах. Все были пусты.

Крепко сложенный мужчина, шагавший по улице, остановился и поднял голову, чтобы взглянуть на него. Под нависшими бровями сверкнули глаза.

— Это здание закрывается в тилте, — сообщил он Теннингу.

Тот оглянулся на закрытую дверь.

— Во сколько?

— В тилте.

— В самом деле?

— Это государственное учреждение, — сказал мужчина, пожимая плечами, — и открыто только в рабочее время. Нечего колотить в дверь. Во всяком случае не в фент утра.

Теннинг спустился по лестнице.

— Я думал, это здание «Стара».

— Нет, — сообщил ему уверенный, спокойный голос. — Уже нет. Но мы ждали тебя здесь.

Натянутые нервы Теннинга не выдержали. Он ударил мужчину в челюсть, затем дополнил первый удар еще несколькими. Он колотил наугад, охваченный паникой.

Только громкие крики заставили его понять, что его противник лежит на земле, а к нему бегут какие-то люди.

Он знал здесь каждую улицу и переулок, поэтому легко ушел от них. Это несколько утешило его. Преследователи были обычными прохожими. Будь это люди из Замка Иф, оторваться от них было бы куда труднее.

Итак, они шли по его следам. Отлично. Он мечтал о пистолете, мечтал о большой палке, утыканной шипами, или о ядовитом газе, мечтал о бомбах и огнеметах. Но больше всего он мечтал об укрытии.

Полагаться на знание города было опасно. Имелись отличия в деталях и это могло подвести его. Его могла погубить излишняя уверенность в себе. Например, переулок, по которому он шел, выглядел совершенно как знакомая ему Поплар Уэй, но тротуар вполне мог вдруг взлететь вверх, унося его вместе с собой обратно в Иф.

Дойдя до Трущоб, он не заметил, чтобы они сильно изменились. Зато изменились люди. Он не знал никого из них. Возможно, в новой общественной системе на дно скатились совсем другие люди. Но сильно ли изменилась общественная система?

Наткнувшись на пивную в сквере, он вошел за барьер, обращая внимание на детали. Клиенты расплачивались за напитки какими-то жетонами. У столика, что стоял под деревцем в кадке, сидела одинокая девушка, в руке у нее был высокий бокал.

Они переглянулись. При виде приближающегося официанта Теннинг поспешно встал и вошел в телефонную будку. В ней обнаружилось несколько устройств неизвестного назначения, но телефонной книги не было. Выйдя из будки, он остановился, не зная, что делать дальше.

Наконец, он подошел к девушке. Она тоже производила впечатление потерянной.

— Простите, — начал Теннинг, — можно подсесть к вам?

— Ничего... не сходится, — пробормотала она. — Никак не могу понять. Ты не тот человек, черт побери.

Она была изрядно пьяна, но держалась хорошо и красота ее от этого не страдала.

— Садись, — буркнула она наконец. — Тоже потерялся?

— Да. Потерялся и сломался. Мне нужно пять центов, чтобы позвонить.

Голубые глаза девушки расширились, и она неприятно рассмеялась. Потом подозвала официанта.

— Два виски.

Теннинг ждал. Напиток был неплох на вкус, но чего-то в нем не хватало.

— В чем дело? — спросил он. — Спасибо за выпивку, но вообще-то я хотел...

— Ты не можешь дозвониться в такие давние времена, — сказала она, и у Теннинга мурашки побежали по спине. Он стиснул стакан.

— Что вы хотите сказать? — осторожно спросил он.

— У меня тоже ничего не вышло. Я родилась не в то время. Некоторые люди просто не могут приспособиться. Мы с тобой из их числа. Меня зовут Мэри. А тебя?

— Дейв, — представился он, ожидая ее реакции, но не дождался никакой.

Значит, она не знала. Да и откуда бы ей знать? Не мог же весь мир следить за ним. Не весь мир был связан с Замком Иф. Кот, крадущийся по кирпичному полу, не был в телепатическом контакте с Шан и не передавал ей, где находится беглый узник.

— Почему ты не можешь позвонить? — спросил он.

— Не стоит устанавливать телефоны для людей вроде нас. Мы вымрем, Дейв. Мы не можем размножаться. Нас оставили в покое только потому, что мы не становимся на их пути. Но как только зацепился — конец. Остается только напиваться и думать об Энди. Ты знал Энди?

— Кого?..

Она рассмеялась.

— Он умер, а я нет. Или наоборот. Я никогда тебя здесь не видела.

— Меня не было... в городе. Довольно долго.

— Я бы никогда не решилась уехать.

— Телефон...

— Ты знаешь, как они теперь действуют? — спросила она. — И как их теперь называют?

Теннинг смотрел на часы, висящие высоко на стене, и не понимал цифр на циферблате. Собственно, это были не цифры, их заменили какими-то странными знаками.

— Села плюс, — сказала Мэри, — значит, у нас масса еще времени. Энди не придет. Я уже говорила тебе, что он умер.

Мелкие детали очень важны. Они создали собственные даты, собственные названия часов. Зачем? Возможно, чтобы посеять в людях чувство неуверенности. А может, потому, что определение времени было своего рода общим

знаменателем и, подставляя другой, людей постепенно направляли на иной путь развития.

Внезапные большие перемены просто нереальны. Города, полные небоскребов, не вырастают за одну ночь, космические корабли не полетят ни с того ни с сего к другим планетам. И все потому, что люди изменяются медленнее, чем предметы. После возрождения приходят хаос и революция. Если у людей достаточно сил.

Тогда, в 1945 году, сил было с избытком.

Возникали сотни планов строительства нового мира, и у каждого были свои сторонники, зачастую фанатичные.

Тогда выбрали Гардинга, потому что он обещал *нормальность*. Люди устали после войны и хотели вновь заползти в лоно 1912 года. Они не желали новых экспериментов, которые могли бы еще более усложнить жизнь.

Еще перед поражением Японии дорога в будущее была четко очерчена — сотни планов и сотни фанатиков. И мощное оружие. Выбор какого-то одного плана повлек бы за собой сопротивление и смертельную опасность для цивилизации, потому что к 1945 году развитие науки и техники позволило изобрести оружие слишком большой разрушительной силы, чтобы его осмелился употребить кто-либо, кроме фанатиков.

Все сходились на одном — на платформе Гардинга. Довоенная безопасность, добрый старый образ жизни. Пропаганда в этом направлении была очень легкой — люди жаждали отдыха.

Вот они и отдыхали, а Утопия все не наступала. Однако появлялись определенные изменения.

Плавные линии не были обязательны для наземных машин, и от них отказались.

Спиртные опьяняли, однако не вызывали отравления.

Децем фиш 7.

Села плюс.

Но официально — никаких перемен. Люди были довольны и чувствовали себя в безопасности, обретя, как казалось, старый, проверенный образ жизни. Кроме того, возможно, они бессознательно приспосабливались, и теперь им казалось естественным, что сегодня децем фиш 7.

Горстка же неприспособившихся, которые не могли принять психофоны...

Дейв был репортером и по профессиональной привычке разговорил Мэри. Для этого пришлось немного выпить и при этом так направлять разговор, чтобы не коснуться

Энди, который умер, но много чего делал во времена, когда еще использовались телефоны.

— Люди теперь другие, — сказала Мэри. — Это так, словно... не знаю даже, как сказать. Чего-то они добиваются, но я не знаю, чего. Помню когда-то в школе всем очень хотелось выиграть у команды Тех Хай. Мне это было безразлично, но всем другим — нет. Началось что-то вроде массовой истерии. Где-то глубоко в себе все работали на эту победу, а я никак не могла этого понять. Ну и что, если не выиграем? Что тогда?

— Ты — антиобщественный тип, — заметил Теннинг.

— Теперь тоже что-то висит в воздухе. Все опять работают для победы над Тех Хай. Вот только не я и не... — Она махнула рукой. — Людей вроде нас это даже не волнует.

— Когда-то я работал в редакции «Стара», — сказал он. — Теперь они переехали, правда?

— Конечно, как и все газеты. Их где-то издают, только никто не знает, где.

— А ты... читала «Стар»?

— Я не хочу ничего читать.

— Я имел в виду этого фельетониста... Теннинга.

Она пожала плечами.

— Я знаю, о ком ты говоришь. Он теперь не работает в «Старе». Перешел на местную радиостанцию.

— Это... радио...

— Уже нет. Теннинг сейчас популярен, Дейв. Все его слушают.

— О чем он говорит?

— Сплетни. Политика. Люди это слушают...

«Итак, люди слушают этого чертового двойника, а он формирует общественное мнение. Формирует так, как того хотят важные персоны. Именно поэтому меня схватили в тысяча девятьсот сорок пятом. Я не занимал тогда высокого положения, но меня слушали. Я пользовался популярностью. Посадить на ключевые места нужных людей, которые будут проводить их план...

Дублеры, двойники на определенных местах. Безболезненная психологическая процедура, политая лакрицей пропаганда. И мир покатился вперед, оставляя позади настоящего Дейва Теннинга — огромный шар, толкаемый тысячами двойников, менял курс и набирал скорость.

Ну ладно, может, сам план и был хорош, но Дейв Теннинг слишком долго был узником».

— У меня есть друзья... точнее, были, — сказал он. — Мэри, как мне связаться с человеком по имени Пелхэм?

— Не знаю.

— Ройс Пелхэм. Он издавал «Стар».

— Закажи еще выпить.

— Это очень важно.

Она встала.

— Хорошо, Дейв, я устрою это.

И она вошла в кабину психофона. Теннинг сидел и ждал.

Ночь была теплой, стакан, охлаждаемый по принципу индукции, приятен на ощупь. Пивная в трущобах, вонючая и не очень чистая, с засыхающими деревцами в кадках, казалось, растворяется в лунном сиянии.

«Добро пожаловать домой, Дейв Теннинг. Добро пожаловать снова в число живых. Нет духового оркестра, но и что с того? Духовой оркестр играет Дейву Теннингу Второму. Псевдочеловеку, творящему добро». Откуда-то доносились безумные, прыгающие ритмы мелодии, вызывающей ностальгическую грусть.

Вернулась Мэри, она была бледна.

— Я все думаю об Энди, — сказала она. — Какой он был, когда жил. Ему нравились эти психофоны, а я никак не могу привыкнуть.

А вправду ли после 1945 года люди хотели жить по-старому? А может, вступили в действие законы развития общества, назрели эволюционные перемены? Внешне все осталось по-прежнему, но ведь люди всегда любили окружать себя новыми предметами — если только они не были слишком новыми и не слишком назойливо указывали путь к Изменению. Прежде чем ребенок начнет бегать, он должен научиться ходить, пересиливать страх.

— Ну и что с Пелхэмом? — спросил Теннинг.

— Кариб-стрит вела ти.

— Как... как туда добраться?

Она объяснила ему, но он так толком и не понял. Мэри осушила свой стакан.

— Ладно, я провожу тебя. Покончим с этим и снова вернемся сюда.

Они сели в автобус — никто не требовал платы за проезд — и в конце концов добрались до уютного старомодного домика на окраине. Мэри заявила, что подождет в баре на углу и выпьет чанга. Нажимая кнопку звонка, Теннинг гадал, какого цвета этот чанг.

Дверь открыл сам Пелхэм. Он был теперь ниже, со-

вершенно лысый и какой-то пыльный. Красное, обвислое лицо вопросительно поднялось к Теннингу.

— Слушаю?

— Ройс? Ты узнаешь меня, да?.

— Нет, — возразил Ройс Пелхэм. — А что, должен бы?

— Не знаю, как давно это было, но... Теннинг, Дейв Теннинг. «Стар». Тысяча девятьсот сорок пятый.

— Вы друг Теннинга? — спросил Пелхэм.

— Мне нужно с тобой поговорить. Я постараюсь объяснить...

— Пожалуйста, входите. Сегодня вечером я один в доме, дети ушли.

Они уселись в роскошной комнате, обставленной в основном старой мебелью, среди которой, впрочем, встречались и новые предметы, нарушающие гармонию, вроде сверкающего, движущегося и звучащего кристалла на подставке. Пелхэм был вежлив, он сидел и слушал. Теннинг рассказал ему все, что испытал и узнал, не скрывая ничего.

— Но вы же не Теннинг, — сказал Пелхэм.

— Я ведь уже сказал, что он дублер.

— Вы даже не похожи на Теннинга.

— Я постарел.

— Вы никогда не были Теннингом, — отрезал Пелхэм и сделал какой-то странный жест. Часть стены превратилась в зеркало. Теннинг повернулся и увидел человека, который не был Теннингом. Который даже не походил на Теннинга.

Это сделали в Замке Иф. У них там не было ни одного зеркала. Только Шан могла бы рассказать правду, но ей было все равно. Пять, десять, даже двадцать лет не могли его так изменить, лицо было совершенно иным. Он стал старше, но не был и постаревшим Дейвом Теннингом. В Замке Иф постарел кто-то совершенно другой.

— Отпечатки пальцев, — прошептал Теннинг после долгой паузы и повторил это дважды, прежде чем голос его перестал дрожать. — Отпечатки, Ройс. Они не могли их изменить.

Но потом он взглянул на свои ладони. Теннинг помнил, как должны выглядеть его отпечатки пальцев; эти линии и спирали были какими-то необычными.

— Мне кажется... — начал Пелхэм.

— Неважно. Они ничего не упустили. Но мозг у меня по-прежнему мой. Я помню времена прежнего «Стара».

Он умолк — двойник тоже помнил бы их. Двойник был идеальной копией Дейва Теннинга образца 1945 года вместе с его воспоминаниями и всем прочим. ЕНОХ АРДЕН. ЧУЖОЙ И НАПУГАННЫЙ. В МИРЕ, КОТОРЫЙ Я ТАК НИКОГДА И НЕ СОЗДАЛ.

— Должен быть какой-то способ узнать...

— Я человек без предубеждения, — сказал Пелхэм, — но, поверьте, я знаю Теннинга много лет. В прошлый квестен мы встречались с ним за ленчем в Вашингтоне. Вы просто не вправе ожидать, что у вас получится то... чего вы хотите.

— Может, и нет, — буркнул Теннинг. — Значит, в конце концов они настигнут меня и вновь отправят в уютную маленькую комнатку черт знает где.

Пелхэм развел руками.

— Ну ладно, — закончил Теннинг. — Во всяком случае спасибо и за это. Я пойду.

И он вышел.

Когда Теннинг вошел в бар, Мэри пила у стойки свой апельсиновый чанг. Теннинг сел на стул рядом с ней.

— Как дела? — спросила она.

— Просто великолепно, — криво усмехнулся он.

— Есть какие-нибудь планы?

— Пока нет, но будут.

— Пошли со мной, — приказала она. — Теперь моя очередь, я хочу кое-что увидеть.

Они поехали на центральную площадь, которую он помнил, остановились у тротуара, напротив навеса над входом в отель, и смотрели, как посреди теплой, пророческой ночи в слабом ритме пульсировала новая жизнь.

Теннинг заметил, что люди стали какими-то другими. Это было нечто неуловимое. Они, конечно, постарели, но не так, как он. Даже не так, как Мэри. Они приспособились к замедленному темпу.

И при этом каждое лицо выражало затаенное ощущение безопасности. Не будет никаких революций, корни прочно вросли в старые предметы. А новые появлялись постепенно, но неотвратимо.

— Пропади все пропадом, — буркнул Теннинг.

— Что?

Все было не так. Он легко сумел бы приспособиться к совершенно новому миру. Совершенно новой была бы цивилизация, которая будет существовать через тысячу лет, —

это он смог бы принять. Но здесь изменились только мелкие детали. Да еще разум людей.

Какой-то мужчина вышел из отеля и сел в машину, остановившуюся у тротуара. Это был совершенно обычный человек, но когда машина отъехала, пальцы Мэри судорожно стиснули руку Теннинга.

— В чем дело?

— Это был Энди, — сказала она.

В первый момент он не понял, а потом подумал:

«Выходит, умер не Энди, а Мэри. Точнее, перестала жить. Ей по-прежнему нужны были телефоны, тогда как Энди начинал привыкать к психофонам».

Она тоже была жертвой.

— Вернемся в пивную, — предложил Теннинг.

— Охотно. Пошли.

Они отсутствовали недолго, но за их столиком уже кто-то сидел — мужчина с кустистыми бровями, которого Теннинг встретил у дверей «Стара». На его щеке виднелась пурпурная ссадина.

Теннинг похолодел, напрягся и огляделся по сторонам.

— Я один, — произнес мужчина. — Послушай, не начинай опять скандала. Я забыл дать тебе вот это. — Он хлопнул ладонью по кожаной папке, лежавшей на столе.

— Ты не заберешь меня обратно! — рявкнул Теннинг и автоматически согнул ноги в коленях, одновременно закрывая собой Мэри.

— Конечно, нет. Ты вышел на неделю раньше, чем следовало, но это не имеет особого значения. Удачи тебе. — Мужчина улыбнулся, встал и вышел, оставив Теннинга совершенно растерянным.

Мэри открыла папку.

— Это был твой друг?

— Н-нет.

— Наверняка друг, раз оставил это.

— А что там? — Теннинг продолжал смотреть на дверь.

— Платежные жетоны, — сказала девушка. — И много. Теперь ты можешь поставить мне выпивку.

Он схватил папку.

— Деньги? И для этого... черт возьми! Теперь я смогу с ними бороться! Могу рассказать всему миру правду. Мы еще посмотрим...

Шан мурлыкала на коленях рыжеволосого мужчины.

— На сегодня Теннинг единственный, кто сбежал,

Джерри, — сказал мужчина, осторожно поглаживая кошку.

— Ничего бы не случилось, не устрой мы тогда реконверсии. Впрочем, это все равно не имеет значения. Его должны были выпустить через неделю или около того. Если у тебя будет свободное время, можешь просмотреть его документы. Теннинг — интересный тип, из самых беспокойных.

— Для меня еще не все ясно, — сказал второй мужчина. — Я занимаюсь геополитикой, а не физикой. Эти двойники...

— Это дело техников, а ты специалист по администрированию и общественной психологии. Сейчас ты видишь все как бы с высоты птичьего полета — проходишь что-то вроде практики.

Что же касается двойников... что ж, понятие Копии довольно интересно. Когда появляется такая Копия, связь между нею и Оригиналом очень сильна. Именно поэтому мы и вынуждены держать Оригинал в заключении.

Через некоторое время Копия развивает свою личность настолько, что может жить независимо, и тогда Оригинал выпускают на свободу. К тому времени он уже безопасен.

— А поначалу был опасен?

— О да. Особенно такой, как Теннинг. Он входит в группу риска. Творцом его не назовешь, но влияние у него есть. Понимаешь, творцы и техники были с нами с самого начала, они понимали, что это единственное безопасное решение. Однако Теннинг и ему подобные, люди средних способностей, но наделенные агрессивностью... Представь себе, сколько вреда мог он причинить в тысяча девятьсот сорок пятом, выплескивая в эфир свои эмоции. Недисциплинированные, недозрелые эмоции, то и дело меняющие направление.

Это, разумеется, нормально — в тысяча девятьсот сорок пятом все меняли мировоззрение. Именно этому мы и должны были положить конец, пока не воцарился хаос. Теннинг — из нерешительных неудачников, но он был слишком популярен, чтобы запросто менять точку зрения, чтобы решиться на конструктивное сотрудничество с нами.

Не было никаких шансов договориться с людьми его типа. Мы даже не могли сказать им всю правду. Двойник Теннинга сделал много хорошего... под контролем. Все наши ключевые люди хорошо проявили себя. Нам нужны такие, как Теннинг, чтобы направлять людей на нужный путь.

— Под контролем, — добавил Джерри.

Рыжеволосый мужчина рассмеялся.

— Мы не надзиратели, не позволяй этой мысли зародиться в твоей душе, Джерри. Люди с диктаторскими замашками подвергаются вторичной адаптации... причем довольно быстро. Ответ заключается в том, что в данной системе мы никогда не сможем стать надзирателями, даже если бы захотели. Изменения совершаются слишком медленно.

Разумеется, в этом и заключалась наша концепция, а сама медлительность процесса способствует надежному функционированию системы взаимного контроля и равновесия, которая влияет и на наше поведение. Если бы кто-то из нас проявил вдруг диктаторские замашки, пришлось бы изменить всю общественную систему.

А люди не приняли бы такой резкой перемены, они и так уже видели их слишком много. Воцарился бы хаос, и оставшийся в одиночестве диктатор не имел бы никаких шансов. У него было бы слишком много противников. Все наши усилия — не забывай об этом, Джерри, — направлены на изменение мировоззрения. Работы хватит на всех.

— А что делать с Теннингом? Не опасно ли оставлять его на свободе?

— Никакой опасности нет. Меллорн дал ему достаточно платежных жетонов, чтобы он прожил переходный период и приспособился... если сумеет.

— Тяжело ему в чужом мире, правда?

— Ну, не такой уж он и чужой. Привыкнет. То есть привыкнет сейчас или никогда. Лично я в этом не уверен. Некоторые просто не могут приспособиться. Способность изменяться вместе с окружением требует определенной эластичности и уверенности в себе.

Люди вроде Теннинга... сам не знаю. Это забавно, Джерри, но теперь появился новый класс, скатывающийся на самое дно общественной системы. Люди, которые не могут или не хотят принимать новые вещи. Разумеется, это случается после любого общественного потрясения, но на сей раз мы получили новую группу неприспособленных.

По большому счету пользы, разумеется, больше. Мне жаль этих неприспособившихся, но мы ничего не можем для них сделать. Не знаю, что будет с Теннингом. Мы будем следить за ним и поможем, если это будет в наших силах.

Но у этих людей со средними способностями и тягой

к заискиванию перед общественным мнением есть одно слабое место. Надеюсь, он справится. Очень надеюсь.

— Не понимаю, Дейв, — сказала Мэри, — с кем ты хочешь бороться?

Он яростно стиснул кожаную папку.

— С теми, что состряпали психофоны и ввели эту чертову систему с децем фиш седьмым. Со всем этим бардаком. Уж ты-то должна понимать.

— Но чего ты хочешь? — спросила она. — За что, по-твоему, борешься?

Он взглянул на нее, переполненный ненавистью.

— Я буду бороться, — пообещал он. — Я... я это остановлю.

Теннинг повернулся и вышел. Официант остановился у столика Мэри.

— Виски со льдом, — заказала она.

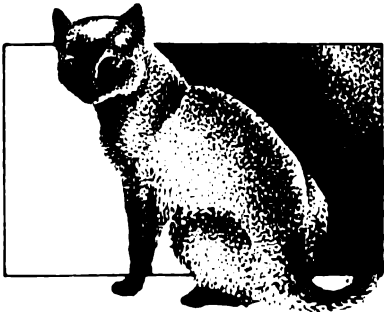
— Одно? — Он вопросительно посмотрел вслед Теннингу.

— Да, одно.

— Он уже не вернется?

Девушка помолчала, прислушиваясь к тихой музыке, доносящейся из-за спины.

— Сегодня уже нет, — сказала она наконец. — Но вообще-то вернется. Ему там нечего делать. Больше нечего. Конечно, он вернется... Когда-нибудь.

НЕБО РУШИТСЯ

Джонни очень интересовало, когда космический корабль доберется туда, хотя он и не знал, где находится это «туда». Впрочем, этого не знал никто. Однако Джонни терпеливо дожидался дня посадки. Это будет настоящий *день* после бесконечных искусственных суток корабля.

Не то чтобы корабль был неудобен или эти удобства были ни к чему. Джонни должен находиться в превосходной форме, когда наконец наступит день посадки и начнется его миссия. Частыми тренировками он научился психически расслабляться, потому что хотел наилучшим образом выполнить миссию.

Он лежал в глубоком кресле и разглядывал на экранах тревожащие трехмерные изображения того, что уже не существовало. Голубое небо, белые облака, птицы, крыши зданий... Он закрыл глаза. Может, несмотря ни на что, было ошибкой маскировать черноту Космоса. Он не хотел вспоминать Землю. Не было никакой Земли, осталась лишь слепящая белая вспышка среди звезд, где-то далеко позади — и это все. Земли больше не будет.

Все, что от нее осталось, это он сам, этот корабль, робот, опекавший их обоих, а также образы, заполняющие экраны ностальгическими видениями.

Все остальное кончилось, минуло. Он редко позволял себе думать о прошлом или о том, как начало конца наступило для него самого...

Джонни Дайсон с улыбкой прислонился к переборке.

— Продолжай, — сказал он Бенджи Уайту, который выглядел как рыба, заглотившая крючок.

Бенджи осторожно откинул голову: ему мешал тяжелый неуклюжий шлем, от которого отходили провода, похожие на волосы Медузы, посмотрел на свое смутное отражение в стальном своде и многозначительно кивнул самому себе.

— Да-а, — пробормотал он. — Она показала мне, что такое женщина. Показала в лучшем виде. Самая крепкая баба из всех, которых я встречал и до и после. Пухи боялась только одного... я называл ее Пухи...

За стальными стенами раскинулись бескрайние красные холмы Марса, над стальной крышей на голубовато-черном небе, украшенном двумя лунами, висел Орион. Где-то между этим местом и Орионом кружила бомба с часовым механизмом, называемая Землей, взведенная и отмеряющая последние часы, оставшиеся до катастрофы.

— Я называл ее Пухи, — повторил Уайт. — Ты бы удивился, скажи я тебе, как ее звали на самом деле. Она выкачала из меня все деньги, развелась со мной и сделала бешеную карьеру. Какая женщина! Теперь она владеет половиной...

Джонни Дайсон думал о старте, назначенном на завтрашний полдень. Возвращение на Землю. Возвращение накануне Армагеддона. «*Я возвращаюсь в мир, которого не создавал*, — с яростью подумал он. — *Я, чужой и испуганный!..*»

Что ж, он имел право бояться. Он знал, *что* грядет, и потому много думал.

Проблема: Задержать корабль на Марсе.

Метод: Украсть атомное топливо.

Это было совсем просто. Хороший план всегда прост. К несчастью, успех этого плана зависел от решения Уайта. Правда, Уайт заглотил крючок, но еще не повис на леске. Он обслуживал трансмиттер, управляющий корабельным роботом. А робот имел доступ к запасам топ-

лива для прыжка с Марса, где жизнь могла бы стать раем, на Землю, где она была обречена на гибель. Рано или поздно, рано или поздно...

— Ну так вот, — говорил Уайт. — Самое смешное, что меня должны арестовать, когда я вернусь на Землю, а иск возбужден компанией, принадлежащей Пухи. Она, разумеется, об этом не знает. — Он сардонически рассмеялся. — Думаешь, я мог бы заставить ее отменить этот ордер? Ничего подобного. Эта женщина боялась только одного — грозы. Если бы сейчас я пошел к Пухи... правда, это была бы долгая прогулка... так вот, если бы я к ней пошел и сказал: «Пухи, помнишь, как ты всегда пряталась ко мне под пиджак, когда гремел гром? Ну так теперь в память о тех днях...»

Он оскалил зубы и тряхнул головой, так что закачались провода, похожие на волосы Медузы.

— Какая женщина, — восхищенно вздохнул он. — Какая женщина. Она бы сама надела мне наручники. Твердая как сталь. Она никогда не была особо красивой, а теперь и вовсе похожа на гиппопотама. По-моему, если когда-нибудь ей взбредет в голову завоевать мир, она это сделает. Да... Так вот! Она сделала карьеру, а я нет.

— А за что тебя хотят арестовать? — спросил Дайсон, которому, впрочем, было все равно.

— Мелкая кража. Немного просчитался. — Уайт вновь расплылся в улыбке. — Не очень-то хорошо получилось, правда? Я выгляжу старше из-за своего образа жизни, но мне еще нет и пятидесяти. И я всегда чувствовал, что лучшие годы у меня еще впереди. Я и сейчас так думаю. Мне совсем не хочется провести эти годы в тюрьме. Честно скажу тебе, Джонни, мне, пожалуй, нравится твоя идея остаться здесь и не возвращаться домой. Никто не будет говорить мне: «Шевелись, парень!». И вообще есть много вещей, которые я хотел делать и которые мне всегда запрещали. Множество. На Земле у меня никогда не было случая...

Наконец-то они подошли к этому. Дайсон изо всех сил старался говорить спокойно.

— Мы здесь в раю, Бенджи. В батареях у нас столько энергии, сколько нужно... чистой энергии. Безопасной атомной энергии. У нас есть робот. Люди были правы, говоря, что рай находится на небе, Бенджи. Рай — это Марс.

— Гмм... Иногда рай находится под ногами. Но чем ближе приговор за кражу, тем больше мне нравится твоя

идея. Совсем как в раю: молоко и мед — даром. Нам бы еще несколько гурей, — заметил Уайт, коверкая слово.

— Невозможно иметь все сразу.

— Пожалуй. Однако по твоему раскладу я почти поверил, что можно потребовать чего угодно, и желание исполнится. Если бы я потребовал женщину... — Он фыркнул. — Только представь себе, я мог бы получить Пухи! О Боже... Может, как-нибудь попробуем перенастроить робота на квазибиологические работы? Я кое-что знаю о суррогатах плазмы. Если правильно расположить гены, может, я и сумел бы создать небольшую роскошную бабенку и ускорить ее рост. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы она достигла двадцати биологических лет? Это мысль, Джонни, это мысль!

— Конечно... почему бы и нет? Проси хоть звезду с неба, только выбирай ее правильно. В этом весь смак: мы можем делать все, что захотим, и никто нас не остановит.

— А Мартин? — напомнил Уайт.

— Двое против одного. Бенджи?..

— Ну?

— Мы можем это сделать. Прямо сейчас.

Уайт поднял брови.

— Что случилось? Я... — Он изменился в лице и повернул голову, чтобы взглянуть на туманное отражение на потолке. Вверху было ночное небо и голубовато-зеленая звездочка Земли.

— Нет, — быстро сказал Дайсон. — Это еще не катастрофа. Пока нет.

Уайт пожал плечами.

— Может, ее никогда и не будет, — заметил он и протянул руку за сигаретами. Может, до этого и не дойдет.

— Дойдет, — спокойно произнес Дайсон. — Нет никакого смысла возвращать наш груз на Землю. Еще в сороковых годах физики искали безопасную атомную энергию, и если не смогли обеспечить безопасность даже с помощью искусственных радиоэлементов, то чем могут помочь марсианские руды? Мы потратили шесть миллионов на добычу мусора.

— Этого ты знать не можешь, — возразил Уайт, выпуская клубы дыма. — У нас нет снаряжения для очистки и анализа. Мы только находим, добываем и грузим. Остальное — дело физиков.

Дайсон покачал головой.

— Это непременно случится, — не сдавался он. — К

этому шло еще со времен Аламогордо*. Потому я и спрашиваю: зачем возвращаться? Все, что в итоге получишь ты, — это тюрьма. А все, что получу я, это... даже сам не знаю. Еще больше тяжелой работы, еще больше хлопот, вечно одно и то же. И зачем? Чтобы ускорить катастрофу. Вот и все. Так стоит ли стараться?

Бенджи Уайт сидел на краю койки, чуть подавшись вперед, упершись локтями в колени, с сигаретой, прилипшей к губе. Провода, выходящие из шлема, отбрасывали на его лицо причудливую тень. Он молчал.

Дайсон запальчиво продолжал убеждать его:

— Мы должны сделать все именно сейчас, Бенджи. Мартин сейчас делает микрофотографии скважины, он будет занят еще несколько часов. Нам вполне хватит времени, чтобы спрятать топливо.

Уайт попытался почесать голову и запутался пальцами в проводах.

— Не так быстро, — сказал он. — Куда нам спешить? Нужно все обдумать. Я не собираюсь никуда тащить это топливо. Даже будь у меня свинцовая кожа... нет уж, спасибо.

— А кто тебя просит таскать его? Тебе нужно просто отдать мне трансмиттер.

Уайт искоса посмотрел на Дайсона, глаза его остекленели.

— Минуточку. Робот должен энергетизироваться непрерывно, и для этого нужен чей-то мозг. Если я сниму шлем...

— То я его надену.

— Да, но... слушай, могут возникнуть проблемы, если...

— Я же тебе говорю, что Мартин занят.

— Да я о роботе. Что если он вдруг нам понадобится? Кроме того, именно робот должен пилотировать корабль на обратном пути.

— Нет, ведь мы не собираемся возвращаться. Послушай, Бенджи, мы остаемся на Марсе, дошло?

Уайт поморщился.

— Да... — нерешительно ответил он.

— О'кей. Корабль будет неподвижен. Это ты тоже понял?

Уайт выпустил клуб дыма и внимательно посмотрел на Дайсона, щуря глаза.

---

* Аламогордо — город на юге США, близ которого была испытана первая атомная бомба.

— Конечно.

— Тогда нам нечего беспокоиться о роботе. Он должен забрать топливо и поместить в такое место, где Мартин не сможет его найти. Сечешь?

Уайт фыркнул и затянулся дымом.

— Ясно, секу, я же не идиот. Даже если для этого безумного полета выбрали трех инженеров-придурков вроде нас, это еще не значит, что я совсем сдурел. Я все хорошо понял, но только у меня есть приказ относительно этого робота. Мартин взбесится, если поймает тебя со шлемом на голове.

— Я знаю, как им управлять, приходилось раньше.

— Пока шеф не засек, что ты сваливаешь всю работу на робота, — заявил Уайт тоном победителя.

Это случилось месяц назад, когда Дайсон, который обслуживал трансмиттер, отправил робота на дно расщелины, приказав изучить физические слои. Мартин тогда резко запротестовал. Робот был гораздо сильнее человека, но вместе с тем он был тяжелее и мог сломаться, даже при малой марсианской гравитации. Несомненно, Мартин считал, что робота отремонтировать куда сложнее, чем Джонни, и в том, что касалось их небольшой группы, это было верно, поскольку управление кораблем зависело от памяти и исправности робота. Но Дайсон не разделял его мнения.

Теперь он оскалился в усмешке.

— Человек учится на ошибках, — заявил он. — На этот раз он меня не поймает. Дай мне только трансмиттер. Я знаю, что делаю.

— Но... — начал Уайт. — Конечно, если уж таскать горючее, то нужно послать робота. Если пломбы вдруг соскочат, пусть лучше робот несет эти штуковины, а не я. Не хочу, чтобы мне выжгло костный мозг. Только вот что потом?

— Ты о Мартине? Он смирится с этим — у него не будет выбора. Не может же он улететь отсюда без топлива. Постепенно он придет к выводу, что Марс — достаточно приятное место, чтобы поселиться здесь навсегда, а не просто прилететь с визитом.

— Сомневаюсь, — буркнул Уайт.

Дайсон глубоко вздохнул, глаза его сузились. Черт возьми, как много зависит от такого болвана!

— Я думал, ты согласен, — сказал он после паузы.

— Успокойся. Я же не отказался, верно? Нельзя забывать о моем приговоре за кражу. Но... — он неуверенно поморщился и коснулся контрольного диска на лбу.

— Ну, давай! — подгонял его Дайсон. — Сними его. Ты можешь отдыхать и делать что хочешь. Только дай мне шлем.

Уайт положил обе руки на стальной обруч шлема, слегка приподнял его, испуганно глядя на Дайсона, потом вдруг резко снял трансмиттер с головы и протянул коллеге. Белая линия, оставленная шлемом на лбу, постепенно краснела. Уайт нахмурился, он здорово беспокоился.

— Держи, — сказал он. — Осторожнее с этим проводом. И уменьши до минимума, прежде чем наденешь. Так, теперь спокойно поверни его, Джонни.

Дайсон не обращал на него внимания. Это была минута его триумфа, и Бенджи Уайт перестал для него существовать. Постепенно голову его заполнило тепло от контакта со шлемом, а далекие вибрации, которые он испытывал, были чем-то похожи на музыку. «Музыка сфер», — подумал он. Имея шлем на голове, он мог править всей планетой... если Мартин подарит ему еще пять минут свободы.

— Мне придется вывести робота наружу, — сказал он. — У тебя есть передвижной пульт?

— Конечно.

Уайт повозился у стены. Четырехугольный контейнер скользнул наружу и лег на тележку, снабженную телескопическими ногами.

— Две мили кабеля хватит, — решил Дайсон. — Я уже подобрал место для тайника.

— Две мили... гмм. Две... готово. Джонни, ты уверен, что за нами не отправят спасательный корабль?

— Ни в коем случае. На оборону идут миллионы, но попробуй-ка выбить пару долларов на экспедицию вроде нашей, когда мы уже сделали свое дело. Спасательный корабль, еще чего! Спасательные корабли расходуют дорогое топливо. Расходуют человеко-дни. Нельзя так транжирить ресурсы, Бенджи. Можешь спросить в Комиссии по энергоснабжению. Нужно было чудо, чтобы послать этот корабль, и еще одно чудо, чтобы помешать военным заграбастать его.

Дайсон говорил рассеянно, ожидая, пока соберется достаточное количество энергии, слыша, как музыка в его голове звучит все громче.

— Ну-у, может быть... — неуверенно сказал Уайт. — А если шеф все-таки пошлет сигнал? Он может что-нибудь придумать. Например, написать в пустыне большие буквы SOS.

Дайсон обдумал эту возможность, вплетая ее в далекую музыкальную вибрацию. Мартин и впрямь представлял собой проблему. Но любую проблему можно решить, если подойти к ней с верной стороны.

— Мартин смирится, — решил он наконец. — Нас двое против одного, помни это. Когда он убедится, что уже никогда не сможет вернуться на Землю, он смирится. Когда он узнает наши планы... Кто же не захочет жить в райском саду?

— Да, конечно, этакий рай для лентяев, — заметил Уайт. — Это мне подходит. Но все же я предпочел бы, чтобы наш груз попал домой.

— Зачем? Это никому и ничему не поможет.

— Трудно сказать. А вдруг все-таки поможет? Жаль только, что нельзя пнуть корабль под зад и отправить обратно на Землю.

— Как может корабль вернуться без робота, который им управляет? — спросил Дайсон преувеличенно жестко, сосредоточившись на энергии, притекавшей к шлему.

Он на пробу коснулся его пальцем, а потом склонился к зеркалу, закрепленному в стене, чтобы изучить перевернутое изображение диска, размещенного на передней части шлема.

— Теперь уже скоро, — буркнул он. — Нам понадобится этот робот, Бенджи, не забывай это. Разве что ты захочешь пахать как вол.

— Я всю жизнь пахал как вол, — ответил Уайт. — А каждое пастбище, до которого я добирался, бывало уже объедено. Ладно, ты убедил меня, Джонни, но я не могу перестать думать о Пухи.

— В тюрьме у тебя времени будет с избытком.

— Наверное, ты прав. Кстати, может, потом мы придумаем какой-то способ отправить груз домой. Если построить второго робота... это может потребовать много времени, но если бы нам удалось, мы могли бы обойтись без того, который у нас сейчас.

— Почему бы и нет? — быстро согласился Дайсон. — У нас будет много времени, чтобы над этим поработать.

— Да, много. Мы сами захотим чем-нибудь заняться, когда построим свой рай. Я только... — он смущенно улыбнулся. — Сам не знаю, наверно, я просто не люблю сдаваться без борьбы.

— Мы и не сдаемся! — Дайсон почувствовал себя задетым. — Но борьба бессмысленна, если нет никаких шансов на победу. Если бы существовал хотя бы один, я

сдался бы последним, Бенджи. Я сражался бы до конца. Но Земли уже, можно сказать, нет и... ладно, хватит. Не думай об этом.

Сам он знал это и чувствовал — огромная планета содрогается под его ногами, рушится в бездонную пустоту, а грибовидное облако величественно поднимается к небу. Была ли то вина Человека? Он использовал это страшное оружие по своей воле, но кто первый дал Человеку оружие? Бог? Да, это был плод с древа познания, и отведать его означало умереть. Значит, это вина Бога, а вовсе не Адама.

— Пошли, — сказал он вдруг. — У нас мало времени. Где сейчас робот?

— В трюме. Джонни, а ты подумал, как на это посмотрит суд?

— Наверное, как на кражу, — ответил Дайсон и вытолкнул тележку с пультом за дверь. Осторожно ведя ее по коридору, он слышал, как Уайт крадется следом на цыпочках, что-то бормоча себе под нос.

К счастью, им не нужно было проходить мимо двери Мартина. Дайсон вел транспортер, глядя, как лежащий на нем ящик раскачивается и дергается, словно пес на поводке. Этакий толстенький шотландский терьер с ногами борзой. Он стиснул рукоять на конце поводка, и терьер побежал быстрее.

Его радиоактивная натриевая батарея была рассчитана на три года. Потом ее нужно перезарядить, но для этого требовался реактор, чтобы произвести необходимый изотоп. На Марсе же никаких атомных реакторов не было — и никогда не будет. На корабле имелось множество запасных батарей, но все вместе, даже соединенные последовательно, они не смогут дать кораблю достаточно энергии, чтобы победить гравитацию Марса. Планета Марс прижала корабль к своему лону и держала крепко, а он по своей глупости пытался вырваться и нырнуть в космическое пространство, чтобы вернуться в мир, где его ожидает гибель. Марс примет топливо, скроет его и навсегда оставит корабль у себя.

Батареи, однако, пригодятся, помогут обеспечить все удобства, как дома. «Этот мир, — убеждал себя Дайсон, станет настоящим райским садом. Правда, с современной канализацией».

Он остановил тележку и открыл боковую дверь. За ней находился робот, подвешенный, как в люльке, в эластичном креплении, которое время от времени раскачивалось,

когда противовесы, уравновешивающие крен, автоматически перемещались внутри сверкающего серого корпуса.

Гигантский, совсем не похожий на человека, поделенный на сегменты, как муравей, с универсальным шарниром, соединявшим брюшко с грудью и со множеством специализированных рук — таков был робот. У него были шишковидные глаза, размещенные на брюшке и предназначенные для работы под водой, а из груди поднималась башенка с мозаичными глазами, часть которых использовалась днем, а часть — ночью.

Глаза эти, как у льва, смотрели на Дайсона.

Толкая перед собой тележку, Дайсон быстро вошел в помещение и передвинулся к стене, чтобы избегнуть этого неподвижного взгляда. Разумеется, это было невозможно. Всегда имелись фасетки, повернутые под таким углом, что виден был черный пигмент вокруг чувствительных зрительных элементов. Этот фокус был доступен любому пауку, однако взгляд робота раздражал Дайсона.

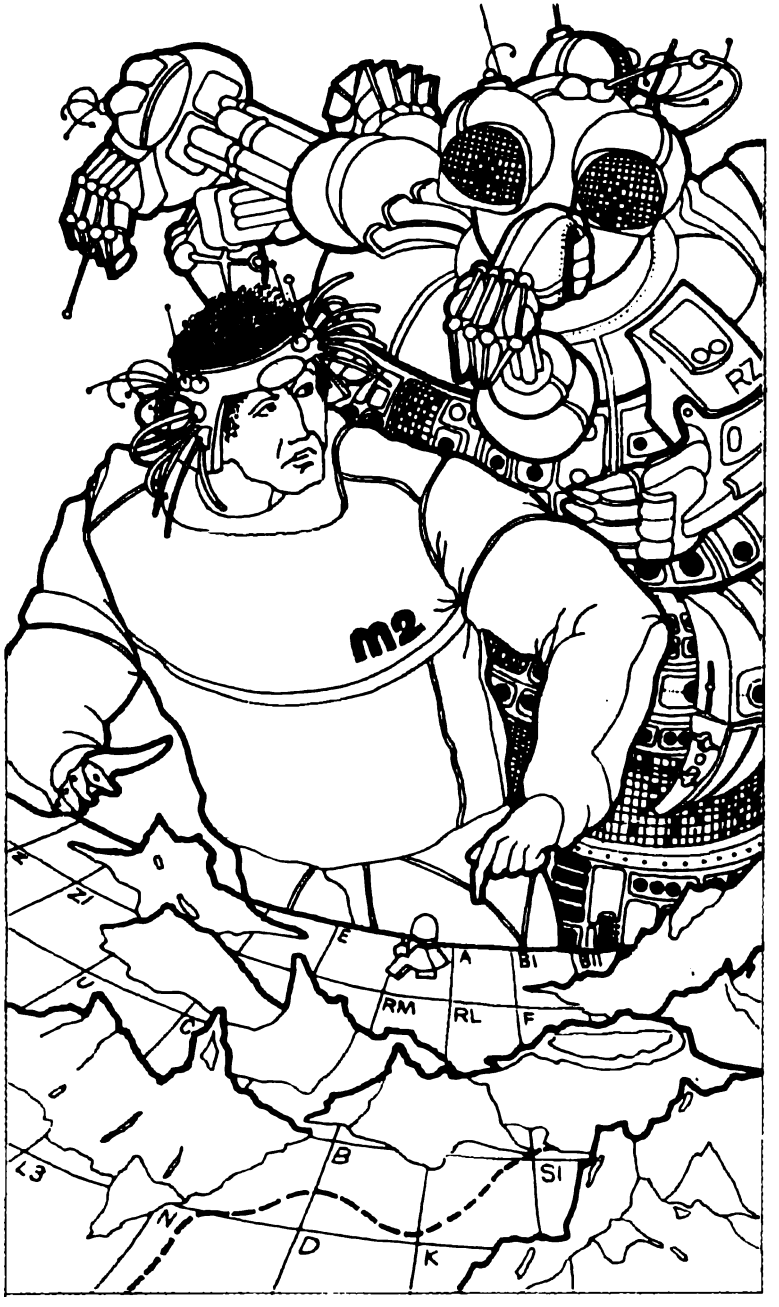
Он потянулся к диску на пульте управления. Уайт цыкнул от двери, предупреждая, и Дайсон с трудом удержался от такого же нервного ответа. В конце концов прошло более месяца с тех пор, как он последний раз надевал на голову трансмиттер, а если бы робот опрокинулся, грохот разбудил бы даже мертвого.

Очень осторожно он повернул диск. Музыка в его голове усилилась, а робот шевельнулся, поднимая грудь. Слышно было, как смазанная сталь гладко движется по такой же смазанной стали. Огромное существо вылезло из своей колыбели и торжественным шагом, нисколько не похожим на движения живого создания, прошло через помещение.

Дайсон, ведя перед собой управляющую тележку на гибких ногах, встретил его возле стола с картами. Человек и робот одновременно склонились над столом. Огромная грудь робота нависла над Дайсоном, а глаза сфокусировались на картах.

Дайсон вращал селектор, пока не нашел нужную карту, раскинувшуюся на столе подобно выпуклому рельефу. Длинные пальцы тени ложились на миниатюрные долины из пластика — точную копию того, что находилось снаружи корабля. Это было идеальное изображение: каждый холм был виден как на ладони. На карте был даже — Дайсон удивленно заморгал, увидев его, — овальный силуэт, миниатюрный близнец корабля.

Он испытал легкое головокружение и почти поверил,

m2
RZ
E
A
BI
BII
RM
RL
F
B
SI
D
K

что где-то в виниловых внутренностях карты находится миниатюрная комнатка, где миниатюрный Джонни Дайсон стоит, глядя на миниатюрную карту...

Робот над ним заскрипел, склоняя к карте свои причудливые глаза. Дайсон встряхнулся, избавляясь от череды Джонни Дайсонов, удаляющихся в дурную бесконечность микрокосмоса, и осторожно коснулся пальцем карты, передавая мысли в трансмиттер, тогда как палец его вычерчивал трассу, ведущую от корабля через равнину на склон холма. Робот внимательно наблюдал, из его нутра доносились слабые щелчки — он запоминал дорогу.

Дайсон как раз пытался избавиться от очередного видения: все более крупных Джонни Дайсонов, простирающихся в обратном направлении, когда чей-то твердый голос окликнул его ниоткуда, словно глас Бога.

— Дайсон! — сказал голос. — Дайсон!

Испуганный Уайт тихо вскрикнул. Дайсон резко поднял голову, чувствуя, что желудок готов вывернуться наизнанку. Он не слышал щелчка интеркома, не было никакого предупреждения, а это могло означать лишь одно: интерком был включен все это время. Возможно, он передавал их голоса, беззаботно болтающие о планах бунта, прямо в кабинет Мартина, прямо ему в уши.

— Дайсон, я жду вас в своей комнате! Немедленно!

Дайсон проглотил слюну, потом посмотрел на Уайта и приложил палец к губам. Если интерком действовал в обе стороны, осторожность уже не имела смысла. Но если Мартин знает, что они делают, зачем ему терять время на разговоры? Кабинет его находится совсем рядом, а у Мартина длинные ноги и заряженный револьвер.

— Слушаюсь, сэр, — хрипло ответил Дайсон.

— Это все.

И опять не было щелчка, говорившего о том, что интерком отключили. Джонни поднял палец.

Все еще оставался шанс — и немалый, — если действовать быстро. Дайсон вновь наклонился над картой, ведя пальцем вдоль трассы, которую предстояло преодолеть роботу. Джонни работал быстро и точно. С почти нечеловеческой точностью он вкладывал приказы в механический мозг робота. Все это заняло около тридцати секунд.

Затем робот отступил от стола, его мощное тело опустилось, и он быстро вышел из помещения. Вышел, выкатился, выехал... Не существует слов, способных описать, как передвигается такое существо. Он перемещался плавно и довольно быстро, не производя никакого шума, если

не считать исключением приглушенных звуков, издаваемых внутренними механизмами.

Теперь он пойдет прямо к складу с топливом. Мысль Дайсона бежала перед этим огромным сверкающим насекомым и указывала ему дорогу через марсианскую пустыню, как минуту назад он показал ее на карте. Через равнину, вверх по склону, к пещере, которую он нашел много недель назад и сразу же предназначил для этой цели. Робот отнесет туда все топливо, не оставив на корабле ни унции. И никто, кроме Джонни Дайсона, не будет знать, куда оно подевалось. Конечно, если память робота будет вовремя очищена.

Когда металлическое насекомое исчезло в коридоре, Уайт перехватил взгляд Дайсона и провел пальцем по горлу.

Дайсон оскалил зубы в усмешке, одной рукой потянулся за блокнотом, а второй выключил усиление управления.

«Сделано, — написал он. — Робот получил приказ. Не выключай трансмиттер. Робот сообщит, когда все закончит, и тогда сотри ему память». Он дважды подчеркнул последнюю фразу, чтобы отметить ее значение, и сунул блокнот под нос Уайту.

Категорический голос Бога вновь произнес из ничто:

— Дайсон! Я ЖДУ!

— Да, сэр... иду.

Теперь надо было действовать быстро. Нетерпеливо — и все-таки с сожалением — ждал он, пока музыка сфер стихнет в его мозгу. Все еще слыша ее замирающую вибрацию, Дайсон снял шлем и надел его на голову Уайта. Никто из них не смел сказать ни слова.

Повернувшись, Дайсон побежал.

Приближаясь к двери кабинета Мартина, он замедлил шаги и призвал на помощь всю силу воли. Что теперь будет? А если Мартин начнет с обвинения?

...Как бы там ни было, отлет запланирован на завтра. Нужны будут все трое, так что в худшем случае Мартин скажет ему пару ласковых. Может, даже и не пару... если интерком был включен достаточно долго.

В конце концов самое главное, как поведет себя Уайт. Его позиция была в лучшем случае проблематичной, а сейчас именно он управлял роботом. Он мог в любой момент отозвать его, вернуть топливо и позволить событиям идти прежним катастрофическим путем — обратно на Землю. А так и будет, если Дайсон оставит его одного на

достаточно долгое время, чтобы у него сдали нервы. Так много сейчас зависело от Уайта, так ужасно много!

На мгновение ему захотелось сбросить с плеч эту ношу. Если он просто молча постоит здесь, возможно, что-нибудь произойдет само собой...

И вдруг Дайсона осенило: ведь именно так рассуждая, люди привели Землю к атомной гибели.

Он постучал в дверь.

Воротничок у Мартина был расстегнут, сам он сидел без ботинок, а ноги в старательно заштопанных носках положил на стол. До сих пор Джонни не видел шефа иначе как в мундире, застегнутом на все пуговицы. Теперь выражение лица Мартина чем-то напомнило ему вид выключенного робота. Заметив бутылку на столе, он понял, в чем дело.

Впервые Дайсон заметил, что у Мартина мягкое, пухлое лицо.

«Откормленный дурак, — с радостью подумал Дайсон. — Так, значит, эта проблема решилась сама собой. Оказалось, что у Мартина все-таки есть ахиллесова пята. Вовсе незачем убивать его, я справлюсь с ним без особых хлопот. Он получит столько виски, сколько захочет — мы сумеем его перегнать. Выходит, нужно только вытащить из шефа затычку, спустить топливо и заполнить вновь девяностоградусным местным марсианским пойлом, сваренным домашним способом. Или нет, очищенным. Впрочем, это неважно. Алкоголь можно гнать из чего угодно, нужен только фермент, закваска. А фермента на этом корабле хватает».

Он с трудом удержался от безумного желания плюнуть Мартину в физиономию и сообщить о своих намерениях — пожалуй, правильно сделал, потому что шеф держал в ящике стола револьвер. Дайсон ждал, стоя по стойке смирно, пока Мартин, отсутствующим взглядом смотревший в потолок, опустит голову и заметит его.

— О... вольно. Садитесь, Дайсон.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Дайсон с уважением, которого вовсе не испытывал. Ему было трудно скрыть торжество, звучавшее в голосе. Он уже давно должен был понять, что Мартин тоже был второразрядным. Его не послали бы в этот полет, будь он важной персоной.

— Благодарю, сэр, — сказал он.

Мартин махнул рукой в сторону стола, где рядом с бутылкой и полным стаканом стоял еще один, пустой.

— Налейте себе, Дайсон.

Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Дайсон охотно придвинулся ближе, чтобы взглянуть на выключатель интеркома. Пока виски, булькая, лилось в стакан, он наклонился вперед и разглядел, что интерком выключен. Значит, Мартин ничего не слышал и все должно пройти отлично, если Уайт сыграет свою роль до конца.

— Удачных посадок, сэр, — провозгласил он, поднимая стакан.

— Удачных посадок, — ответил Мартин, нюхая свою порцию.

Каждый из них при этом думал о своем. Дайсон думал: «Мы уже приземлились, и теперь все будет хорошо, и мир не кончится, аминь. Не как на Земле. «Вот так кончится мир...» — Как же там дальше? Он никак не мог вспомнить. — «Вот так кончится мир, не взрыв, но... но...» А, неважно».

— Вы сейчас не на службе, — сказал Мартин. — Расслабьтесь.

— Попробую, сэр.

— Мы сделали большую работу, — довольно сообщил Мартин. — Шесть месяцев в поле с оборудованием хуже некуда. Нам все приходилось делать только втроем. На нас возложили большую ответственность, и если бы что-то пошло не так... — Он налил себе еще. — Ну вот, руда погружена, рапорт ушел на Землю полчаса назад, и все готово. Завтра мы возвращаемся к своим обязанностям, но наша миссия уже выполнена.

— Что бы ни случилось потом, — закончил Дайсон и тут же прикусил язык. Недоверчиво посмотрев на стакан в своей руке, он с удивлением отметил, что тот пуст. «Берегись, Джонни, — подумал он, — берегись».

— О чем это вы?

— Гм, сам не знаю. В конце концов ядерщики долго работали над этой проблемой и ни к чему не пришли, правда?

— Вы дипломированный ядерщик?

— Едва не стал им, — признался Дайсон.

Мартин уставился на него.

— А что случилось?

— Я и сам толком не знаю. — Дайсон пожал плечами. — Пожалуй, в конце концов до меня дошло, насколько все это безнадежно. По-моему, так это даже хорошо. Если бы я получил диплом, то сидел бы сейчас дома и работал над военными проектами, как все прочие специалисты, хотят

они того или нет. Фактически там сейчас действуют законы военного времени.

— Так и должно быть, — объяснил Мартин, с интересом поглядывая на него. — Нельзя же просто сдаться.

Точно то же говорил Уайт, и это доводило Джонни до бешенства. Они ничего не понимают! Он набрал было воздуха в легкие, чтобы резко возразить, но что бы это дало? «Они ослеплены», — подумал он и сказал:

— Люди не меняются, сэр, и в этом вся проблема. Люди вообще... э-э... не очень-то хороши. Они движутся к Катастрофе, и никто их не остановит, что бы он ни делал.

— Вполне возможно, — со скучной миной ответил Мартин. — Налейте себе еще.

— Спасибо, сэр. — Дайсон наклонился и налил себе виски, гадая при этом, почему продолжает называть шефа «сэр»... «Впервые, — подумал он, — не имеет значения, разозлится Мартин или нет. Важно только, чтобы время шло и топливо было спрятано. Потом Мартин автоматически перестанет быть офицером. Конечно, останется еще револьвер в столе, и потому нельзя заходить слишком далеко».

— Где Уайт? — спросил Мартин. Он явно скучал. Может, Уайт предложит ему лучшее развлечение.

— Он... отдыхает, — выдавил Дайсон.

— Ах да, готовит робота к старту. Я и забыл. Что ж, раз вы уже выпили, почему бы вам не сменить его? Может, он тоже хочет выпить?

Дайсон знал, что следующие его слова должны вызвать интерес шефа — неважно, что это будет, совершенно неважно. Уайту *нельзя* мешать, пока он не закончит. Дайсон вдруг перестал сомневаться, что Уайт действительно управляет роботом, как и обещал. Теперь он был в этом уверен. Сейчас было важно дать ему закончить, не позволить Мартину заподозрить неладное.

— Сэр, — сказал он, — я бы хотел посоветоваться с вами. У вас есть опыт, и если я ошибаюсь, мне бы хотелось, чтобы вы так и сказали. Прав ли я, утверждая, что у моего поколения украли его права?

Мартин зевнул, потом откинулся назад и нажал выключатель. Из динамика зазвучали переслащенные патетические звуки «Лили Марлен».

— Вы считаете, будто вам что-то полагается от жизни? — спросил Мартин неприятным тоном.

— Нет, сэр! Но... да, пожалуй, сама жизнь. Я хочу остаться в живых и, сдается мне, прошу не очень многого. А Катастрофа...

— Дайсон, у вас атомофобия. Помните, что когда мы вернемся на Землю, перед вами откроются небывалые перспективы. Согласен, последние шесть месяцев нельзя назвать пикником, но мы должны были выполнить задание. Теперь же...

— У меня были недурные перспективы, — прервал его Дайсон. — С самого детства. Моим отцом, сэр, был доктор Джеральд Дайсон.

Мартин так и выпучился.

— Так вот, значит, как вы попали в эту экспедицию. А я-то никак не мог понять... Конечно, у вас есть необходимая техническая подготовка, но...

— О да, подготовка у меня есть — отец настоял на этом. Знаете ли, он работал над одной из первых бомб, был одним из тех людей, что потом говорили: «Ой, простите». Затем он нашел цель в жизни — контроль над атомной энергией. Разумеется, никакого способа контролировать ее нет. Он просто поджег фитиль и сунул динамит мне в руку. Так продолжалось, пока я вырос достаточно, чтобы начать защищаться. И тогда я сказал: «К дьяволу все это!» Родители всегда пытаются обрести в детях компенсацию собственных неудач. Но в конце концов я вырвался с Земли, впервые в жизни освободился от тени этого... — Он умолк, посмотрел на свой стакан и слегка вздрогнул. — От тени этого облака, сэр. Большого черного облака, которое становится все больше и больше. Я вырос в его тени, оно постоянно снилось мне. С помощью контроля над атомной энергией мой отец мог бы устроить мне рай на Земле... что-то вроде волшебной палочки, чтобы никому не надо было работать. Именно такой человек, как я, рожденный в Атомный Век, не должен бы иметь вообще никаких проблем. И ключом к раю считаются неограниченные запасы энергии. Но единственное решение, к которому мы пришли, это Катастрофа.

— Мне не нравится ваш пессимизм, — заявил Мартин раздраженно. — Послушать вас, так Земля уже взорвалась. Ничего не случилось и, может, ничего такого и не будет. У нас неплохие шансы найти способ контролировать энергию. По крайней мере можно пробовать.

— Неужели вы не понимаете, что это просто пропагандистская ложь, предназначенная для невольников, прикованных к галерам?

— Если когда-нибудь и наступит эта ваша Катастрофа, — резко сказал Мартин, — то лишь потому, что такие, как вы... — Он умолк, а потом пожал плечами. —

Хватит об этом. Мы все просто устали. Пойдите подмените Уайта и... нет, подождите минутку. Я совсем забыл. — Он недоверчиво приглядел к Дайсону, явно что-то вспоминая.

Дайсон подумал о роботе, спускающемся на дно расщелины, и о разъяренном Мартине. Он почти улыбался. Больше всего шефа страшила поломка робота. Создание его отняло семь лет, и он был такой же неотъемлемой частью корабля, как и топливо. Топливо играло роль мышц, но робот был мозгом, благодаря которому сложный организм корабля двигался в пространстве. Сначала Дайсон хотел повредить робота, но очень быстро отказался от этой идеи. Прежде всего он не знал, как это сделать. Робот обладал компенсационными защитными механизмами, а кроме того, мог еще пригодиться.

Робот мог почти все. Для Мартина его основная функция состояла в управлении кораблем, и потому он был важнее людей, но отношение Мартина к роботу смахивало на нарциссизм. Вероятно, каждый раз, глядя в зеркало на свое отражение, Мартин видел гибрид себя и робота.

Позднее, когда робот станет рабочей лошадью... Дайсон вдруг поймал себя на том, что старается сдержать улыбку. Мартину это не понравится. Но в конце концов он привыкнет, так или иначе позволит себя купить, как и этот Бенджи Уайт.

Мартин сел прямо, опустил ноги на пол и нашарил башмаки.

— Пожалуй, я сам отнесу Уайту выпить, — заявил он.

Разошедшееся по всему телу тепло от виски освободило Дайсона от нервного напряжения, но теперь каждый нерв его вновь задрожал, и он услышал те самые беззвучные вибрирующие аккорды, похожие на далекую музыку, звучавшие в его голове, когда он был в управляющем шлеме. Только на сей раз музыка состояла из одних диссонансов. Он должен остановить Мартина. *Должен.*

Однако Мартин уже стоял, топал обутыми ногами, а потом наклонился, чтобы защелкнуть пряжки. Сунув бутылку под мышку, он взял два чистых стакана.

— *Сэр*!

— Ну?

— Я... я сам этим займусь, сэр. Я знаю, как обслуживать трансмиттер. Разрешите мне, сэр. Я пришлю Уайта через...

Мартин был уже в дверях. Энергично покачав головой, он вышел, и дверь захлопнулась за ним.

Дайсон посмотрел на часы, с ужасом отмечая, как мало времени прошло, и думая, что, несмотря на все усилия, не смог этому помешать. Наверняка, убеждал он себя, в последний момент что-нибудь придет в голову, какой-нибудь хитрый способ, чтобы обмануть Мартина, способ, который поможет довести план до конца...

Шаги Мартина стихли в коридоре. Сентиментальная мелодия «Лили Марлен» заканчивалась, а Дайсон раскачивался у дверей как метроном, взад-вперед, не зная, что делать дальше, и напрасно дожидаясь какой-нибудь идеи. Наконец «Лили Марлен» под фонарем исчезла окончательно, и Дайсон обнаружил, что дрожащими руками открывает стол Мартина.

Но револьвера там не было.

Значит, Мартин застанет Уайта, когда робот все еще будет переносить топливо в укрытие, корабль вернется на Землю и все планы Джонни Дайсона относительно нового мира сгорят синим пламенем. Конечно, Дайсон мог бы убежать и спрятаться. Мартин и Уайт вернутся без него, но это будет лишь отсрочка. Рано или поздно на пурпурные равнины в громе раздираемого воздуха опустятся корабли, битком набитые полицейскими, и начнется охота на Джонни Дайсона...

Он остановился на пороге склада. Бенджи Уайт делал какие-то жесты, конвульсивно изгибая руки над тонконогой управляющей тележкой. Место робота было, разумеется, пусто. Шлем трансмиттера покоился на голове Мартина, и первый же взгляд на его лицо сказал Дайсону, что информация о действиях робота поступает четко и ясно. Мартин знал все.

Глаза его заметили Дайсона.

Дайсон повернулся и побежал.

Миниатюрный Джонни Дайсон бежал по миниатюрному пейзажу карты, удаляясь от миниатюрного винилового космического корабля. Он не решался поднять голову, потому что с неба на него смотрело гигантское лицо Джонни Дайсона. Время вернулось на пятнадцать минут назад, и Джонни попал в микрокосмос, а где-то вверху, в огромном, невообразимо обширном космическом корабле вся сцена проигрывалась еще раз с того момента, когда голос Мартина из интеркома приказал ему явиться в кабинет.

Огромный невидимый палец гигантского Джонни Дайсона, Джонни-Дайсона-пятнадцатиминутной-давности указывал ему дорогу. Он знал, куда надо бежать, знал путь, который прошел робот. Но хватило ли ему времени?

Возможно, топливо было уже замаскировано в тайнике. Но даже в этом случае он все равно проиграл, потому что Уайт не стер память робота и Мартин мог проследить в мозгу машины всю трассу шаг за шагом.

«Мартин сейчас бежит за мной, и Уайт может», — подумал Дайсон, но не оглянулся. Он бежал не только от Мартина, не только от людей. Он бежал от деспотической власти самоубийственной и человекоубийственной Земли. Почва под его ногами глухо гудела, словно подземные дворцы, о которых он мечтал, были уже построены и ждали своего жителя.

Потом он заметил на склоне холма отблеск лунного света на металле, и в поле его зрения появился робот, бездумно тащивший груз топлива к пещере.

Сзади послышался крик, слабый в холодном воздухе. Оглянувшись, он заметил две маленькие бегущие фигурки. Корабль за их спинами выглядел игрушкой. Иллюзия не проходила — все вокруг оставалось уменьшенным. Перед миниатюрным Уайтом бежал малюсенький Мартин с блестящим трансмиттером на голове, марионетка, ведущая другую марионетку — управляющую тележку — через равнину. Все они, и беглец и преследователи, двигались при пониженной гравитации Марса легко и медленно, как в сонном кошмаре.

Преимущество Дайсона — он сразу выскочил из корабля, а они потеряли время на поиски в коридорах — ничем не могло помочь ему. Он знал об этом, но не мог отказаться от слабой надежды, что в последний, самый важный момент все-таки найдет какой-то выход.

Белая вспышка разорвала темноту, и позади сухо хлопнул выстрел. Вероятно, это было просто предупреждение, потому что Дайсон не услышал свиста пули. Он поднял голову и встретил взгляд двух лун, словно двух глаз на лице гигантского Джонни Дайсона. В небе над его головой начиналась битва. Орион занес свою палицу, Бык выставил рога, Андромеда вырывалась из цепей, а Сириус выглядел блестящим клыком. А между ними повисла яркая голубовато-зеленая планета — голубизна в знак чистоты и зелень в знак мира...

Взгляд Дайсона устремился сквозь затухающие вихри пространства-времени, вниз по головокружительной спирали. На конце ее находились голубовато-зеленый мир и Джонни Дайсон пятнадцатилетней давности. Тот Джонни Дайсон ничего не понимал и ничего не боялся. В те счастливые дни за мир отвечали его родители, а не он. О,

молодость, молодость, прекрасная, безмятежная и утраченная навсегда!

Мартин снова выстрелил.

Здесь и сейчас Джонни Дайсон бежал к роботу, который как раз исчезал в темном зеве пещеры. Она была всего лишь подземным коридором муравейника, а робот — сверкающим муравьем, несущим зернышко песка. Измерения пространства потеряли всякое значение вместе с остальными законами природы. Только во сне человеку кажется, что, убегая от опасности, он после каждого шага поднимается в воздух или вязнет, как в клею.

Прямо перед ним высилась груда запломбированных канистр в защитной упаковке. Дайсон замедлил шаги, чтобы приглядеться к ним, и попытался прикинуть, сколько килограммометров или тонн подъемной силы они воплощают. Слишком мало, чтобы поднять корабль. Их было всего восемь. Если робот успел спрятать остальные, силы притяжения Марса хватит, чтобы навсегда удержать корабль на планете. Если... если... ну, конечно! Если остальные канистры в пещере и если он доберется туда первым, решение будет детски простым. Как мог он просмотреть его? Радостное возбуждение вскипело в нем, наполняя душу торжеством.

Дайсон услышал, как кто-то зовет его, и ускорил шаги, низко пригибаясь, чтобы инерция несла его вперед, а не вверх, наперекор слабому притяжению Марса.

Он добрался до пещеры в тот момент, когда робот выходил из нее. Тот не остановился, но его глаза заметили Дайсона, радиоатомный мозг оценил его как движущееся препятствие, и огромный муравей двинулся дальше. Дайсон освободил ему дорогу. Муравей величественно спустился с холма и направился к оставшимся канистрам с топливом.

Дайсон остановился у входа в пещеру и заглянул внутрь. Там было темно. На мгновение он заколебался. Он знал, что решение проблемы ждет его в темноте, но ему не хотелось идти в эту черную яму.

Он оглянулся. Мартин и Уайт заметно приблизились, а робот спускался к ним по склону, волоча за собой раздвоенную тень. Больше теней, чем людей, поднималось по склону, в два раза больше теней, соединенных парами, из которых одна была черная, а другая — серая. Фобос и Деймос кружили высоко в пустоте и всему движущемуся на Земле дарили призрачные ореолы из тусклого серебра. Однако вел их Фобос, то есть Страх.

Дайсон повернулся к ним спиной. Они по-прежнему были так далеко, что выглядели игрушечными солдатиками. Он мог склониться над виниловой картой и отобрать у Мартина управляющую тележку, взяв ее двумя пальцами...

Вместо этого он вынул карманную флуоресцентную лампу и встряхнул, чтобы она зажглась. А потом вошел в пещеру с неприятным чувством, будто оскверняет святилище. В глубине рядами стояли канистры.

Здесь были врата рая. Он выбрал это место для своего подземного дворца, где он был бы в безопасности, даже если бы с Земли прибыла спасательная экспедиция. Впрочем, на самом деле он не ждал никаких кораблей. Черное облако его детства со временем выросло так, что он уже почти не замечал Земли. Ее поглотила тень, предвестница Катастрофы.

Обеими руками Дайсон принялся срывать пломбы с канистр...

Спустя несколько минут он выбежал из пещеры и помчался к двум мужчинам, приближавшимся в сопровождении дрожащих теней.

— Войди туда! — крикнул он. Голос его звенел от торжества. — Все там, внутри, Мартин! Все в пещере! Иди и возьми его!

А потом начало греметь.

Опасность им не грозила, по крайней мере до тех пор, пока они оставались снаружи. Топливо взрывалось канистра за канистрой, а не все одновременно, потому что каждая канистра являлась самостоятельной единицей, сконструированной с учетом всех возможных мер безопасности, какие сумело придумать человечество. Они не взорвались все одновременно, потому что Дайсон активировал их по очереди — у него было всего две руки.

Взорвалась одна канистра, восемь секунд спустя взорвалась следующая. Сила, которая должна была поднять корабль, превращалась в свет, звук и излучение, слишком неявные, чтобы казаться опасными. Любой мог войти в пещеру и подойти к канистрам, если бы захотел. И мог бы потом выйти оттуда.

Совсем другое дело, что случилось бы потом с его клетками, костным мозгом и кровью. Радий можно удалить из человеческого тела, но от невидимого яда из пещеры никто и никогда не смог бы избавиться. Гамма-лучи, вызывающие неизлечимую болезнь, вырывались из канистр в белых вспышках, разделяемых моментами абсолютной темноты.

Перед лицом этой опасности сущность конфликта изменилась.

Но не сразу. Сначала последовала короткая, полная удивления пауза, во время которой Мартин пытался както овладеть собственными чувствами, где место ярости занял ужас, а триумф сменился сознанием сокрушительного поражения.

Он поднял револьвер.

— Вернись туда, — приказал он, — и дезактивируй канистры.

— Нет, — ответил Дайсон.

— Считаю до трех.

— Лучше смерть.

Мартин заколебался, потом сказал:

— Уайт.

Тот не отрываясь смотрел на освещенный вспышками вход в пещеру. Уайт облизнул губы.

— Нет, сэр, — сказал он.

— Войди сам, — предложил Дайсон Мартину с улыбкой, глядя на его лицо, освещенное новой вспышкой. Он дождался, пока стихло эхо грохота, и добавил: — Это легко. Нужно только вставить пломбы обратно. Иначе проиграешь, останешься здесь и уже не будешь командиром. Если же войдешь в пещеру, то вернешься на Землю с грузом, и может, тебе еще дадут несколько шевронов на рукав... вот только у тебя уже не будет рук.

— Заткнись! — рявкнул Мартин.

В пещере продолжало греметь.

Мартин глубоко вздохнул и рывком подтащил к себе управляющую тележку. Та подбежала к нему, как собака с тонкими лапами, и Мартин крутанул диск. Металл звякнул о камень, и к ним медленно подошел робот. Мартин отменил предыдущие распоряжения, приказы Дайсона были стерты из механической памяти. Однако слишком поздно.

Потом робот направился к пещере.

— Отлично, — насмехался Дайсон. — Превосходный способ спасти топливо. Робот, разумеется, будет уничтожен и не сможет пилотировать корабль. Но что с того? На Марсе очень приятно жить!

Мартин принялся проклинать его.

— Заткнись, — оборвал его Дайсон. — Тебе конец. Так же как и Земле. Когда наступит Катастрофа, мы будем сидеть здесь, в нашем ковчеге, и наблюдать потоп с безопасного расстояния.

Грохот не стихал.

Мартин совершил фатальную ошибку, позволив вовлечь себя в спор. Голос его по-прежнему звучал решительно, но сказал он только:

— Земле нужен наш груз...

Дайсон решил рискнуть и замахнулся. Револьвер выскользнул из руки Мартина и мягко упал на мох у ног Бенджи Уайта. Это значило, что Мартин не держал пальца на спуске, что в свою очередь означало многое другое...

— Наш груз? — как эхо повторил Дайсон.

Он внимательно следил за Мартином, готовый предупредить малейшее его движение к оружию. Он хотел сам поднять револьвер, но это сразу перенесло бы борьбу из моральной в физическую плоскость, а он знал, что морально уже победил.

«Почему Уайт не поднимает оружие? Зачем он вообще сюда пришел? На чьей он стороне? Похоже, он и сам не знает». Дайсон зло посмотрел на него, однако продолжал:

— Наш груз не остановит Катастрофу. Ничто ее не остановит. Причина одна... только одна. Все дело в людях, мужчинах и женщинах. Люди плохи, Мартин, и потому умрут. Все. — Он кивнул в сторону громыхающей пещеры. — Вот так кончится мир.

Мартин смотрел на холм, слушал грохот и не двигался. Наблюдая за ним, Дайсон решил, что не имеет значения, поднимет ли Уайт револьвер. Дайсон победил и без оружия.

— Ну ладно, Мартин, — сказал он свободно, — сними этот шлем. Тебе больше не понадобится трансмиттер.

Воцарилось молчание, и только грохот в пещере продолжался. Дайсон глянул на Уайта — тот вглядывался в освещенное отверстие пещеры, — быстро наклонился и поднял оружие.

— Джонни...

Это сказал Уайт, зачарованно глядя на пещеру.

— Ну?

— Слушай.

Взрывались все новые канистры.

— Я слышу, — ответил Дайсон, а Мартин не сказал ни слова.

— Такая маленькая Катастрофа, — сказал Уайт. — Настоящая будет гораздо хуже. И громче. Почему я никогда не думал об этом?

— Мы ничего не услышим.

— Но увидим. Я увижу и буду знать. — Он отвел

взгляд от сияния, шедшего из пещеры, и посмотрел вверх, в темноту, в сторону голубовато-зеленой Земли. — Пухи, — медленно произнес он, — всегда боялась грозы.

Дайсон почувствовал холодок в желудке. Он еще не знал почему, это еще не дошло до его сознания, но он чувствовал опасность и знал, что события выходят из-под его контроля. Опасность была все ближе, с каждым словом, произнесенным Уайтом, и с каждой мыслью, медленно обретающей форму в его голове.

— Я говорил тебе о Пухи, — продолжал Уайт. — Когда-то она была моей женой и не боялась ничего, кроме грозы. Она всегда жалась ко мне, когда...

Гром в пещере не прекращался.

— Бенджи, — пробормотал Дайсон, чувствуя, как мигом пересохло горло. — Бенджи...

— Так что я спятил, — сказал Уайт. — Ничего не могу сделать, дружок, если ты так думаешь. Я никогда не предполагал, что Катастрофа звучит именно так. Пожалуй, мне нужно быть там, чтобы Пухи могла меня найти, когда придет Катастрофа.

Он начал подниматься по склону в сторону пещеры.

— Бенджи! — окликнул Дайсон. Голос его дрожал. — Через шесть месяцев ты будешь трупом. И кому это поможет? Наш груз не остановит Катастрофу.

— Откуда ты знаешь? — бросил Уайт через плечо. — Это не наше дело. Наша задача — привезти домой немного марсианской руды, а не остановить Катастрофу. Человек должен делать свою работу, если получает за это деньги.

— Бенджи, стой! Говорю тебе, ты не остановишь Катастрофу!

— Но вот это я наверняка могу остановить, — ответил Бенджи, не останавливаясь.

— Еще один шаг, и я стреляю!

Уайт оглянулся через плечо.

— Нет, Джонни, — сказал он. — Ты не выстрелишь.

Дайсон попытался нажать спуск, но не смог.

Он сосредоточился на спине Уайта, прицелился и послал приказ своему указательному пальцу. Но приказ не достиг цели — Мартин оказался быстрее.

Он шагнул вперед и ребром ладони ударил по запястью Дайсона. Револьвер взлетел в воздух и выстрелил.

Гром не умолкал.

— Бенджи! — заорал Дайсон, но это прозвучало тихим шепотом. Он должен остановить Уайта. Должен. Бен-

джи не может войти в пещеру. Почему-то было очень, очень плохо, если кто-то еще, кроме Джонни Дайсона, войдет в пещеру. Дайсон сделал шаг вперед, но Мартин с револьвером наготове преградил ему путь. Мартин, вечный полицейский, готовый схватить его за воротник и утащить обратно на Землю. Обратно к работе, дисциплине, ответственности.

Работа. Дисциплина. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

— О... нет! — прошептал Дайсон. Мысленно он видел свой хрупкий марсианский рай, сверкающий в лучах двух лун, — его дворцы и блестящие башни, которые постепенно начинали таять.

В голове у него начал тикать счетчик Гейгера.

Звук его становился все громче и громче, пока не превратился в рев.

А потом Дайсон ощутил вспышку, почувствовал, что голова его открывается сверху, раскаленная сверхновая взрывается и большое черное облако заполняет весь череп. Облако разбухло до невероятных размеров, его края изгибались и закруглялись, формируя знакомый, чудовищный символ гибели. Он поднял взгляд... на него...

И увидел Землю-звезду, голубовато-зеленую на темном фоне. Увидел перемену. УВИДЕЛ ПЕРЕМЕНУ...

«Взрыв у меня в голове, — подумал Дайсон, — был всего лишь слабым эхом другого взрыва». На мгновение полнеба осветила белая вспышка взрывающейся Земли. И он видел это.

Потом сияние ослабело и сосредоточилось в одном месте. Звезда-Земля появилась вновь, уже не голубая в знак чистоты и не зеленая в знак мира, а окруженная страшным, мерцающим, неровным сиянием...

Вот так кончился мир...

Не взрыв, но всхлип.

Он услышал собственный смех и, пошатываясь, побежал за Уайтом.

— Бенджи! — кричал он. — Бенджи, подожди! Это случилось! Ты что, не слышал? Посмотри вверх — ЭТО СЛУЧИЛОСЬ!

Уайт продолжал идти, не оборачиваясь. Дайсон с трудом догнал его и схватил за плечо. Уайт остановился, смущенно глядя ему в лицо. Дайсон не мог устоять на месте, не мог удержаться от смеха. Он танцевал древний танец победы. Когда к ним присоединился Мартин, Дайсон протанцевал и вокруг него.

— Что случилось? — рявкнул на него Мартин.

— Конец света! — пронзительно выкрикнул Дайсон. — Все кончилось! Вы должны были слышать! Земли больше нет, и мы в безопасности. Посмотрите вверх, дурни, посмотрите вверх!

Двое мужчин посмотрели вверх, а третий продолжал танцевать и смеяться. Он не мог удержаться от смеха, даже когда Мартин и Уайт опустили головы и уставились на него.

— Дайсон, — сказал Мартин странным глухим голосом. — Послушай, Дайсон. Ничего не произошло. Наверное... тебе просто привиделось. Посмотри вверх и увидишь сам.

Джонни посмотрел. Да, она по-прежнему была там — дрожащая белая искра на небе. Он засмеялся еще пуще.

— Послушай, Дайсон... — начал Мартин, а Уайт покачал головой, вытянул руку и взял Джонни за руку, прерывая его танец.

— Все хорошо, Джонни, — сказал он. — Ты в безопасности. Все в порядке. А теперь успокойся и подожди меня. Я вернусь через минуту. — Он шепнул что-то Мартину и быстро пошел к пещере.

Джонни уставился на него.

— Бенджи!

Тишина.

— Бенджи, что с тобой? Бояьше не нужно спасать топливо, ведь Земли уже нет! Мы в безопасности, и нам незачем возвращаться. Как ты не понимаешь...

— Спокойно, — сказал Мартин. — Все в порядке.

Уайт медленно поднимался по склону, втянув голову в плечи, возможно, из-за ветра, что вдруг поднялся. Он становился все меньше и меньше, исчезал в микрокосмосе. Джонни Дайсон, моргая, смотрел на осиянный вход в пещеру. А потом Бенджи поглотили громыхающие грохочущие раскаты.

Через некоторое время они вновь оказались на корабле и зачем-то приготовились к старту. А еще позднее Мартин и Уайт разговаривали друг с другом так, словно и вправду покинули Марс и возвращались на... ну, наверное, не на Землю. Ведь никакой Земли больше не было. Тогда куда же?

Джонни пытался это себе представить. Когда он задавал вопросы, то получал такие дурацкие ответы, что приходилось переводить их на свой собственный язык. В конце концов он нашел решение, которое вполне его удовлетворило: когда эти двое говорили «Земля», они имели в виду

некий символ. Действуя по-своему логично, они пытались найти где-то пригодную для жизни планету, лучше даже, чем Марс, где можно построить рай.

И в этом они тоже были правы, потому что, обдумав вопрос, Джонни пришел к выводу, что создание рая на Марсе потребовало бы много труда, даже с помощью робота. Это была бы слишком большая ответственность.

А ответственность лучше оставить старшим.

Разумеется, Катастрофа должна была здорово потрясти Мартина и Уайта. Им было трудно свыкнуться со страшной правдой. Ну и ладно, пусть продолжают притворяться, кому от этого хуже? Название не имеет значения. Они думали о новой неоткрытой планете, как о Земле. Когда они ее найдут, можно будет даже назвать ее Землей... Новой Землей, в память о грешной Старой Земле, которая исчезла в очищающем пламени. Исчезла навсегда, вместе с мучившей ее чумой испорченного человечества. Об этом Джонни, честно говоря, не жалел.

Он не спорил со своими товарищами, даже когда они вели себя как безумцы, хотя было странновато чувствовать себя единственным нормальным человеком на корабле.

Он ждал. Какое-то время у него были живые, выразительные сны, в которых ему казалось, что он возвращается на Землю, но вскоре сны прекратились, и он опять спал хорошо.

...Космический корабль Джонни летел все дальше.

Порой Джонни задумывался, когда корабль достигнет места назначения. Его мучили искусственные дни и ночи и эти экраны с яркими картинами того, что уже не существовало. Несмотря ни на что, не имело смысла маскировать черноту космоса пейзажами Старой Земли. И глупо было переодевать робота, чтобы он выглядел, как человек, одетый в белое, когда приходил накормить его и получить распоряжения.

Однажды, когда Джонни будет в подходящем настроении, он изменит распоряжения и переделает робота, вернет ему прежний металлический облик. Но сейчас он слишком устал, ему нужно отдохнуть. Нельзя перегружать себя ответственностью, потому что близится день, когда корабль опустится на пригодную для жизни планету и начнется работа.

И Джонни выполнит свою миссию. Выполнит отлично. Он не сдался. Кто угодно, только не Джонни Дайсон.

Его собственный отец не справился с миссией. Разуме-

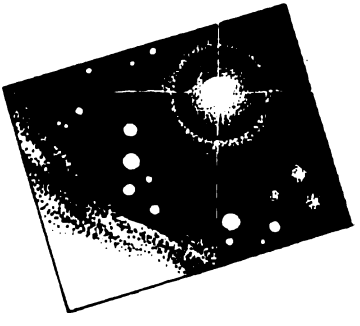
ется, сначала он попытался свалить все на Джонни, а когда не получилось, просто спятил. Полный отказ принять на себя ответственность. Да, это был единственный смертный грех — капитуляция. Потому что, если бы отец не прервал работу, он мог бы найти решение. Что ни говори, а доктор Джеральд Дайсон был необычайно талантлив.

Однако доктор Джеральд Дайсон сдался и завершил свою карьеру в сумасшедшем доме. Возможно, окончательно оторвавшись от мира, он был так счастлив, что даже не заметил Катастрофу.

«Будь у меня такие возможности, как у отца, — думал Джонни, — я боролся бы до конца, но у меня есть моя собственная миссия. *Еще не слишком поздно.* И если корабль когда-нибудь сядет на пригодную для жизни планету, я сразу начну выполнять ее».

Он мельком взглянул на экраны, показывающие образы мира, который сдался и потому погиб... быстро и безболезненно.

Джонни был так счастлив в своем космическом корабле, что даже не заметил, когда пришла настоящая Катастрофа.

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

Рев музыкального автомата заполнял прокуренный бар. Старик, которого я искал, сидел в дальнем углу и пялился в пустоту. Дрожащими руками со вздутыми венами он сжимал небольшую рюмку. Я узнал его.

Именно он мог рассказать мне все, что я хотел знать. После того, что я видел сегодня вечером в «Метрополитен»...

Старик был здорово пьян, глаза его блестели. Я скользнул в нишу, сел рядом с ним и услышал, как он непрерывно бормочет себе под нос:

— Кукла... Джоанна, ты не можешь... Джоанна...

Он явно заблудился в мире алкогольных видений. Смотрел на меня, но не видел. Я был для него лишь одним из призраков.

— Расскажи мне об этом, — попросил я. Эти мои слова каким-то чудом пробились сквозь туман, окутавший его разум. Он утратил чувство реальности и подчинился мне, словно марионетка. Правда, пришлось задать ему несколько наводящих вопросов; он отвечал и продолжал рассказывать снова и снова, возвращаясь к Джоанне и кукле.

Мне было жаль его, но я хотел узнать правду о том, что случилось в «Метрополитен» час назад.

— Очень давно... — пробормотал он. — Тогда все и началось. В ту ночь, когда была большая метель, когда... а может, еще раньше? Не знаю...

Он не знал. Позднее, когда перемены стали заметны, он пытался вспомнить, вылущить из памяти ключевые события. Но мог ли он распознать их?

Жесты, слова, поступки, казавшиеся прежде совершенно обычными, сейчас лишь усиливали кошмарную неуверенность. Первые сомнения возникли у него в тот вечер, когда разгулялась метель.

Тогда ему было сорок лет, Джоанне тридцать пять, и оба они только начинали ценить преимущества среднего возраста, что в их случае было вполне естественно. За двадцать лет Тим Хэтауэй продвинулся от служащего рекламного агентства до генерального директора с хорошим заработком и без особенных забот.

У них была квартира на Манхэттене и маленький злобный пекинес по кличке Цу-Линг. Детей у них не было. И Тим и Джоанна с радостью обзавелись бы несколькими сорванцами, но — не сложилось.

Они были симпатичной парой, эти Хэтауэи: Джоанна с черными волосами без единой седины, блестящими как агат, с гладкой кожей без морщин, свежая и жизнерадостная; и Тим — солидный, спокойный мужчина с приятным лицом и седеющими висками.

Их начали приглашать на обеды в лучшие дома, где они каждый раз принимали участие в тайных попойках.

— Только не гони, — сказала Джоанна, когда большой «седан» катил вниз по Генри Гудзон Парк-уэй, а хлопья снега залепляли ветровое стекло. — Этот джин — штука коварная.

— Дай мне сигарету, дорогая, — попросил Тим. — Спасибо... Не знаю, где Сандерсон берет выпивку, по-моему, вылавливает из Ист-Ривер. У меня в животе бурчит.

— Осторожно!.. — воскликнула она, но слишком поздно.

Встречная машина мчалась прямо на них.

Тим отчаянно крутанул руль и тут же ощутил неприятное перемещение центра тяжести вбок — машина пошла юзом. Через мгновение «седан» содрогнулся и замер. Тим тихо выругался и вылез.

— Задние колеса в кювете, — сказал он Джоанне через открытое окно. — Лучше выйди. Даже если мы включим фары, ни один водитель не заметит нас, пока не будет слишком поздно.

Он представил свой «седан» превращенным в груду металлолома, что было вполне вероятным. Когда закутанная в меха Джоанна присоединилась к нему, Тим наклонился, ухватился за задний бампер, изо всех сил рванул его вверх, но не сумел даже шевельнуть машину.

Со стоном выпустил он бампер.

— Попробую выехать, — буркнул он. — Подожди здесь, Джо, и крикни, если появится какая-нибудь машина.

— Хорошо.

Тим выжал сцепление и поддал газу. Потом вдруг увидел фары какой-то машины, они приближались с бешеной скоростью.

Столкновение казалось неминуемым. Тим нажал педаль газа, почувствовал, как буксуют задние колеса... и вдруг машина подскочила. Это было невероятно, но никакое другое слово тут просто не подходило. Что-то подняло машину и вытолкнуло ее на дорогу. Или, может быть, кто-то?

Инстинкт заставил его ухватиться за руль. Другая машина промчалась мимо, разминувшись с ними буквально на волосок. С побледневшим лицом Тим вывел машину на обочину и вылез.

Из снега вынырнула темная фигура.

— Джоанна?

Пауза.

— Да, Тим.

— Что случилось?

— Я... не знаю.

— Надеюсь, ты не пыталась поднять машину? — Впрочем, он знал, что это невозможно.

И все-таки Джоанна помедлила с ответом.

— Нет, — сказала она потом. — Видимо, под снегом была твердая почва.

— Наверное, — согласился Тим. Он достал фонарь, вернулся назад и бегло осмотрел то место.

— Да-а... — протянул он без особой уверенности.

По пути домой оба молчали. Тим краем глаза заметил, что перчатки Джоанны испачканы смазкой.

Мелочь, конечно, но это было только началом, поскольку Тим прекрасно понимал, что машину вытащили

изо рва, а хрупкая женщина вроде Джоанны не могла этого сделать.

Спустя несколько недель он разговаривал с доктором Фарли, эндокринологом, у которого оба они лечились.

— Напомни Джоанне, чтобы заглянула ко мне, — сказал Фарли. — Я давно ее не видел.

— Она вполне здорова, — заверил Тим.

Фарли сложил вместе кончики пальцев.

— Правда?

— Она никогда не болеет.

— Но может заболеть. На днях.

— Нет никаких...

— Я бы хотел понаблюдать ее, — заявил Фарли. — Хочу сделать кое-какие анализы... рентген и все такое...

Тим вынул сигарету и очень аккуратно раскурил ее.

— Ладно, давай начистоту. Джоанна больна?

— Я этого не говорил.

Тим посмотрел на врача. Фарли неохотно вынул из ящика несколько рентгеновских снимков.

— Она изменяется, — сказал он. — В значительной степени это связано с деятельностью желез. Боюсь, не ошибся ли я.

— В чем?

— Нужно было обратиться к специалисту. Джоанна... гмм... возможно, это следствие гиперфункции щитовидной железы. Видишь ли, кожа у нее становится толще.

— Не заметил.

— И не мог. Разве что попытался бы сделать ей подкожную инъекцию. Эти снимки... — Похоже, ему очень не хотелось показывать их Тиму. — Я сделал серию снимков желудочно-кишечного тракта. У нее своего рода атрофия кишечника... верхняя часть совершенно исчезла, а сердце значительно увеличилось. Есть и другие вещи...

— Какие?

— Вероятно, ничего страшного, — сказал Фарли, возвращая снимки на место. — Просто попроси Джоанну, чтобы заглянула ко мне, хорошо?

— Хорошо, — ответил Тим и вышел.

Когда он вернулся домой в тот вечер, гостиная была темной и пустой, а из спальни доносился тихий заунывный звук. На цыпочках подошел он к двери и заглянул. Джоанну он поначалу не заметил, однако увидел нечто, двигавшееся по полу.

Тим подумал, что это Цу-Линг, но предмет был меньше собаки и двигался с автоматической точностью механической игрушки.

Тихий звук изменился, стал назойливым, и маленькая фигурка задвигалась иначе. Она пыталась подражать балерине, выполнить что-то вроде entrechat и arabesque*, но не сумела удержаться и с глухим стуком упала на ковер.

Завывание прекратилось.

— Тим... — позвала Джоанна.

Весь в поту, чувствуя внутри холод, Тим вошел в спальню и включил свет. Джоанна сидела на кровати, подтянув колени к подбородку. «Какая она красивая», — мелькнула у него мысль. Ее темные волосы завивались колечками, а лицо лучилось весельем, как у семнадцатилетней девушки. Потом она отвела взгляд.

Несколько лет назад приятель подарил Джоанне дорогую куклу. Она была сделана так искусно, что, несмотря на небольшие размеры, выглядела как живая. Сейчас она лежала сломанная у ног Джоанны.

Тим заставил себя поднять ее. На ощупь паричок очень напоминал настоящие волосы.

— Джоанна, — сказал он, ощущая полное бессилие.

Он понял, что это значит. Это было невозможно, но луна светила достаточно ярко, и он видел, что кукла двигалась без помощи шнурков.

Джоанна поняла, что он это заметил, задрожала и плотнее запахнулась в халат.

— Закрой окно, Тим, ладно? Холодно...

Он молча повиновался, и, прежде чем вновь он повернулся к ней, она решилась.

— Сядь, Тим, — попросила она, похлопав по постели рядом с собой. — Положи сюда куклу. Она не будет двигаться, пока я... Тим, не знаю, поймешь ли ты... Сможешь ли понять. Надеюсь, что сможешь.

— Я... я предпочел бы думать, что сошел с ума, — медленно сказал он. — Что случилось, Джоанна? Ради всего святого...

— Перестань, — перебила она. — Ничего страшного. Я давно чувствовала, что это приближается. Я меняюсь... вот и все.

— Меняешься?

— Сначала я боялась, но сейчас... сейчас мой мозг работает гораздо лучше. И тело тоже. Я могу чувствовать...

---

* Антраша и арабеск — бальные па.

чувствовать вещи... а кукла была просто экспериментом. Я могу управлять неодушевленными предметами на расстоянии. Это требует тренировки. Я сделала это с машиной в ту ночь, во время метели. Ты заметил, какая я была бледная... потом? Я потратила тогда слишком много энергии. Но теперь могу делать это без особых усилий.

— Джоанна, — промолвил Тим, — ты сошла с ума.

Она отвернулась.

— Трудно было начинать. Я уже многого добилась с тех пор... с тех пор, как заметила перемену. Я обогнала тебя, Тим. Я могу заглянуть в твой мозг... он полон высоких стен, не пропускающих правду.

— Как ты заставила эту куклу двигаться?

Ее темные глаза взглянули на него, и Тиму показалось, что нечто странное вторглось в его мысли — холодное, сверлящее острие.

Оно тут же исчезло, но теперь голос Джоанны казался ему чище и сильнее. Кроме того, Тим стал лучше понимать ее слова.

А говорила она — в общих чертах — вот что: она стала человеком совершенно нового вида. Впрочем, «человек» — не совсем точное определение. Подобно тому, как современный человек поднялся в результате мутаций над уровнем неандертальца, так и теперь благодаря мутациям возникнет новая раса.

— Однако не так, как это описывают фантасты. Не будет детей с головами диаметром в три фута и с маленькими тельцами. Ничего подобного не произойдет. Чем выше находится животное на лестнице эволюции, тем дольше длится процесс его созревания. В этом и состоит естественный отбор. Ни одна суперраса не будет в безопасности, если слишком рано проявит свое превосходство. Ей надо таиться до поры.

Наверное, я — первая мутация подобного типа, Тим. Только теперь — через тридцать пять лет после рождения — я начинаю созревать. До сих пор я была подростком... обычным человеком. В прошлом случались неудачные мутации... недоношенные плоды, капризы природы, отклонения от нормы. Но теперь моя мутация будет встречаться все чаще. И мы будем размножаться правильно. Может пройти еще много-много лет, прежде чем появится следующий сверхчеловек вроде меня. Похоже, я умру очень нескоро. Одно взросление заняло у меня тридцать пять лет, так что... — Она широко раскинула руки. — И я меняюсь! *Меняюсь!* Теперь я смотрю на мир новыми глазами, гла-

зами взрослого человека! До сих пор я была просто ребенком!

Глаза ее сверкали.

— Нас будет все больше и больше. Кажется, я знаю, что случилось со мной. Помнишь моего отца? Он был связан со Смитсоновским музеем и где-то перед моим рождением поехал в Мексику изучать большой метеоритный кратер. С ним была и моя мать.

Излучение погребенного в земле метеорита вызвало незначительное перемещение генов в зародышевой плазме, и эта мутация оказалась положительной. А ведь сейчас столько делается в области электроники! Столько всяких излучений вокруг! Пока я единственный представитель своего вида, но лет через сто или раньше...

Тим со страхом взглянул на нее. Да, она изменилась, теперь он это хорошо видел. Она выглядела совершенно иначе. Это было странное сочетание вернувшейся молодости и кроющейся под ней твердой уверенности в себе, знаменующей новую зрелость.

И что-то еще... Подобно тому как ребенок, подрастая, обретает новые, собственные черты, так и Джоанна лучилась чем-то таким, что поддавалось описанию не лучше, чем пламя свечи, просвечивающее сквозь тонкий белый фарфор.

И все же она по-прежнему была... Джоанной. Тим сознавал, как странно звучат ее слова, однако в глубине души не мог не верить им. Это было так, словно невидимые пальцы проникли в глубь его мозга и придали его мыслям нужную форму.

Тим протянул руку к жене. Тонкие теплые пальцы мягко легли в его ладонь. Он стиснул их... и тут его захлестнула непреодолимая уверенность, непоколебимая вера в ее слова. Каким-то образом она заставила его поверить.

— Джоанна, — прошептал он, — ты не должна...

Она лишь покачала головой.

— Не должна, — повторил он. — Такое может случиться раз в миллион лет, но ты должна все изменить.

— Не могу, — ответила она. — Растение не может перестать расти, не может вернуться обратно к стадии зерна.

— Что же с нами будет?

— Не знаю. — Голос ее был полон печали. — Думаю, это не может дальше продолжаться...

— Ты же знаешь, я...

— Я тоже люблю тебя, Тим. Но я боюсь. Понимаешь, Цу-Линга я люблю иначе, чем тебя. Он относится к низшему виду. Потом, когда я разовьюсь дальше, ты тоже можешь стать для меня низшим существом.

— Ты хотела сказать, что уже стал, — с горечью заметил он.

— Нет, Тим! Ты ошибаешься! Но пойми, я ничего не могу поделать с собой. Я не могу остановиться. Мы будем все больше отдаляться друг от друга, пока наконец...

— Понимаю — Цу-Линг.

— А это было бы ужасно. Для нас обоих. Хотя, может, не для меня... тогда. Все зависит от того, насколько я изменюсь. Но ты же понимаешь меня, дорогой, ведь правда? Лучше расстаться сейчас, чтобы оба мы сохранили хорошие воспоминания.

— Нет, — возразил он. — Я вовсе этого не понимаю. Любую перемену можно как-то уравновесить.

— Это человеческая логика, основанная на эмоциях. Ты же сам знаешь, что это неправда.

— Ты не можешь бросить меня, Джоанна.

— Во всяком случае я уйду не сегодня вечером, — сказала она, отворачиваясь. — Я все еще слишком близка к людям, это мое слабое место. Думаю, в конце концов наша раса победит и мы будем править миром, потому что нас нельзя достать с помощью эмоций. Да, мы будем их испытывать, но не будем руководствоваться ими. Высшим законом станет логика.

Тим швырнул куклу в угол, она упала и лежала там в гротескной позе. Цу-Линг проснулся от шума и прибежал из соседней комнаты, чтобы обнюхать куклу. Успокоившись, он лег, положил мордочку на пушистые золотистые лапки и снова заснул.

В ту ночь Тим спал плохо. Долго-долго он лежал без сна, прислушиваясь к спокойному дыханию Джоанны, глядя на ее профиль в слабом сиянии луны. Он многое вспомнил, но так ничего и не надумал.

Наконец он уснул.

А наутро Джоанна исчезла.

Целый год ее не было. Тим обратился в детективное агентство, но без толку. Он никому не рассказал правды — ему бы не поверили. А если бы поверили...

Порой его мучили ужасные видения — чужая, изгнанная из общества Джоанна, преследуемая, как дикий зверь,

людьми, к которым перестала принадлежать. Он поговорил об этом с доктором Фарли, но тот так явно выразил свой скептицизм, что Тим больше не возвращался к этому разговору.

Но он продолжал ждать и жадно просматривал газеты. Он предвидел, что однажды увидит лицо Джоанны, смотрящее на него с газетной фотографии, или прочтет ее фамилию.

Когда же это фото появилось, Тим едва не пропустил его. Он закончил читать обзор событий недели, отложил газету и курил, слушая радио. И тут перед его мысленным взором вдруг возникло лицо Джоанны. Она была не такой, как прежде, заметны были различия.

Только тогда до него дошло. Он поднял газету, нашел фото и внимательно изучил его. Это была не Джоанна. Женщина на фотографии вообще не походила на нее.

И все-таки, несмотря на все внешние отличия, она чем-то напоминала Джоанну. Невозможно, чтобы изменилась форма черепа, как невозможно и то, чтобы Джоанна стала моложе. Женщине на фотографии было от силы двадцать лет.

«Слишком молода, — подумал Тим, — чтобы совершить такое значительное открытие в области электроники и излучений. Разве что...»

На следующий день он сел в самолет, летящий в Беркли, штат Калифорния. Ему не удалось найти Марион Паркхерст — так звали девушку со снимка. Она уехала на отдых в Скалистые горы, да так больше не вернулась.

Марион Паркхерст исчезла с его горизонта.

Следующие два года ничего не происходило. Были запатентованы и попали на рынок несколько изобретений, все связанные с излучениями, среди прочего — остроумное усовершенствование магнетрона и устройство, ставшее новостью в телевидении. Мелочи, каждая из них в отдельности значила немного, но Тим продолжал собирать вырезки из газет.

Пять лет.

Семь лет.

Десять лет.

Он не забыл Джоанну, не мог забыть, пока был жив. Тим любил ее всем сердцем и порой во сне видел себя святым Георгием, спасающим ее от дракона ужасного будущего. Иногда он видел и это будущее — мир, населенный мужчинами и женщинами, подобными богам, чужими и равнодушными, как боги. Гигантами, давящими людей-муравьев своими титаническими ступнями.

Однако Тим знал, что гигантов можно победить и уничтожить. Мутация же была куда опаснее, потому что ее маскировала человеческая внешность. После исчезновения Джоанны прошло десять лет, и никто ее не разоблачил. Она могла совершенно свободно делать... что?

Пятнадцать лет.

Семнадцать лет.

А потом теплым летним вечером он увидел ее в Сентрал-парке. Вероятно, какое-то фантастическое излучение ее разума проникло в его мозг, потому что это уже не была Джоанна. Она совсем не походила на Джоанну и вела себя совершенно иначе.

Останавливая ее, Тим чувствовал себя ужасно неловко. И все-таки он схватил ее за руку и повернул к свету фонаря. Она могла вырваться: Тиму было уже шестьдесят два года, и он был довольно плох для своего возраста.

Но женщина стояла спокойно, выжидательно глядя на него, пока он пристально рассматривал ее лицо. В очках он видел бы лучше, но стеснялся их. Правда, возраст его был прекрасно виден и по лицу, но все-таки...

Ей было лет двадцать или двадцать пять, и она ничем не походила на Джоанну. Впрочем, Тим не искал физического сходства, он хотел найти ту слепящую искру, что когда-то просвечивала изнутри.

Но не нашел.

Значит, все-таки ошибка. Снова фальшивая надежда... сколько их уже было! Плечи его поникли, он вдруг почувствовал себя очень усталым и старым. Тим что-то пробормотал — какое-то извинение — и отвернулся. И тогда тонкая рука коснулась его плеча.

— Тим... — сказала девушка.

Он недоверчиво уставился на нее. Это было невозможно. Этого просто не могло быть после семнадцати-то лет. И в этой девушке не было... огня.

Она прочла его мысли, наклонилась к нему, и Тим ощутил пульсирующую волну жизни, божественного огня. Его потрясла эта мощь.

— Джоанна, — воскликнул он, — ты не должна!..

— Я научилась, — очень тихо ответила она. — Научилась владеть Силой. Она была слишком опасна, люди могли узнать меня.

Он не мог сказать ни слова. Неловко потянулся он к ее руке, но девушка отпрянула.

— Не касайся меня, Тим, — прошептала она. — Это ошибка. Мне не следовало... но когда я прочла твои мысли

и поняла твое одиночество и печаль... я не смогла уйти просто так.

— Теперь я никогда не позволю тебе уйти, — заявил он.

— Ты все забыл. Я изменилась... более, чем ты мог бы понять.

— Это ты забыла. Смотри. — Он повел рукой вокруг, указывая на огромные здания Нью-Йорка, которые подобно гигантским стражникам окружали парк со всех сторон.

Это был их любимый пейзаж в первые годы супружества. Когда-то в такие же теплые летние вечера они прогуливались вместе по темным аллеям, слушая отзвуки музыки с карусели, смеялись и разговаривали.

Он поспешно опустил руку. Свет безжалостно вырвал из темноты старческую кисть, покрытую коричневыми пятнами и голубыми венами.

— Думаешь, возраст имеет какое-то значение? — спросила Джоанна. — Я могла бы вернуть тебе молодость, Тим, но ты по-прежнему остался бы человеком. А я уже не человек.

— Ты могла бы?..

— Да. Моя сила выросла. Но это вопрос не возраста, а... расы.

— Джоанна, — прошептал Тим, — чего ты хочешь? Чего ты пытаешься добиться?

— Сейчас? — она криво усмехнулась. — Я просто жду. Много лет я вела исследования в области электроники, пыталась вызвать искусственную мутацию, вроде моей, но я потерпела поражение. Боюсь, Тим, что на Земле нет никого подобного мне и, возможно, никогда не будет. Я буду жить долго... тысячу лет или больше... и буду очень одинока. Я уже теперь одинока. Сознание моего наследия, новой расы, поддерживало меня многие годы, но теперь я поняла, насколько безнадежны мои ожидания. Я первая из новой расы и, похоже, последняя.

— Откажись, — сказал он. — Ты теряешь драгоценное время.

— У меня его так много. Слишком много!

— Вернись ко мне, Джоанна. Забудь обо всем...

На мгновение ему показалось, что Джоанна колеблется, но тут в кустах поблизости что-то шевельнулось. Растрепанный, заросший мужчина вынырнул из темноты, черный на фоне зелени. Тим увидел, как Джоанна повернулась, почувствовал удар мощной волны, голова у него закружилась, а в глазах потемнело.

А потом он увидел черную фигуру, неподвижно лежащую на земле. С пересохшим горлом он присел рядом, потрогал пульс. Сердце не билось.

— Джоанна, — произнес он, — это был просто бродяга. Пьяный. Ты убила его?

— Он слышал нас, и я была вынуждена. Во всем мире ты единственный человек, который все знает, единственный, кому я могу доверять.

— Но он же был пьян! Он бы ничего не запомнил! А если бы даже и запомнил, никто бы ему не поверил.

— Я не могу рисковать, — ответила она. — Мне приходится в одиночку сражаться со всем миром. Забудь о нем, его жизнь не имела никакого смысла.

Что-то в лице Тима заставило ее коротко всхлипнуть, а затем разрыдаться. Девушка отодвинулась в тень.

— Я ухожу, Тим. Но если ты хочешь меня увидеть — я пою сегодня вечером в «Метрополитен».

И это было все. Она ушла, а Тим остался, дрожа всем телом. Ночь была теплая, но его кровь остыла с возрастом. Да еще эта страшная неподвижная фигура лежала у его ног.

Он побрел куда-то, не в силах ничего сделать для этого бродяги. Смерть ударила слишком сильно и внезапно. Точно так же она может ударить всегда и везде... и Джоанна будет се Черным Ангелом.

Теперь он знал, что Джоанна настолько же бесчеловечна, как и все ангелы, а может, даже так же аморальна. Узы, связывавшие ее с человечеством, ослабли. Вероятно, Тим был последней ниточкой... но когда-нибудь порвется и она.

И тогда не останется ничего, что могло бы остановить ее, помешать ее планам. Она не умрет тысячу или даже больше лет. И будет пользоваться своей сверхчеловеческой силой. Интересно, достигла она полной зрелости?

Если нет, будущее может стать настоящим кошмаром.

Тим чувствовал, что рассудок покидает его. Войдя в ближайший бар, он заказал виски. Потом еще.

Он видел мир, извивающийся в бессильной агонии под пятой женщины-деспота. Лилит. Юнона. Богиня-мать расы богов и богинь. Именно таково было ее предназначение: стать матерью новой расы, той, которая победит и уничтожит человечество.

Когда пробило восемь, он был здорово пьян. Тим поехал на такси домой, вынул из ящика стола небольшой автоматический пистолет и пошел в оперу. Купив билет у спекулянта, он вошел в фойе, готовый ко всему.

Он узнал Джоанну сразу, едва она появилась. Она играла Маргариту, и ему казалось черной, дьявольской иронией, что именно ей предстояло изображать чистейшую душу, искушаемую Фаустом и его адским повелителем. Тим ждал и готовился.

Наконец он решился. Седовласая фигура поднялась с кресла и направила пистолет на Маргариту. Его тут же заметили, к нему протянулись руки. Крики вокруг становились все громче.

Тим не мог промахнуться. Он нажал спуск. Пуля попадет прямо в сердце.

Попадет в сердце... Джоанны.

Да, это было легко. Крики, излучение мозгов тысячи людей, яростно метавшихся по залу, ошеломили ее, и она не могла использовать свою силу. Она была еще не совсем зрелой, и потому Тим мог убить ее.

Мог, но не убил.

В последний момент он поднял ствол пистолета, и пуля пробила разрисованное полотно. С хриплым рыданием Тим бросился в толпу, клубившуюся вокруг, и исчез в массе людей.

Он беспрепятственно пробрался к выходу. Люди кричали так громко, что Тим не услышал, как одетая в белое Маргарита звала его.

— Тим, вернись! Любимый, ты был прав! Тим, вернись ко мне!

Тим Хэтауэй поставил на стол рюмку виски и посмотрел мне в глаза. Он немного протрезвел.

— Звала меня? — прошептал он. — После того, как я...

— Да, — подтвердил я.

— Вы там были?

— Был.

Вновь загремела оглушительная музыка, гротескные тени танцующих пар запрыгали по стенам.

Хэтауэй встал.

— Спасибо, — сказал он, облизнув губы. — Спасибо, что пришли за мной... сказали мне...

— У меня была причина, — ответил я. — Куда вы идете?

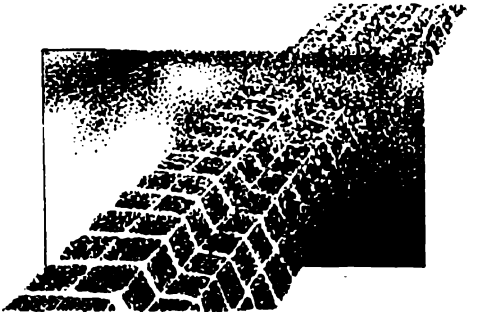
— Я возвращаюсь к ней, — заявил он. — К моей жене.

Ниша находилась в глубине зала, и нас никто не видел. Я тоже встал, взглянул на Хэтауэя и применил Силу.

Он умер мгновенно, без агонии. Это было милосердно.

Я подождал. Его тело осело на пол и осталось там, невидимое для остальных. Я был ему благодарен и потому убил его.

Но он дал мне то, что я искал так много лет. Даже низшее существо может оказаться полезным. Не думая больше о Хэтауэе, я направился к двери. Я шел к Джоанне, будущей матери моих детей, матери новой расы, которой суждено править Землей.

«ХОТЯ ДЕРЖИТ НОС НАЛЕВО»

Чтобы сделать эту историю правдоподобнее, следовало бы написать ее по-немецки. Но германоязычный мир и так испытывает немалые трудности из-за того, «что держит нос налево».

Разумеется, это метафора. Так безопаснее. Вполне вероятно, что Резерфорд, деливший свои интересы поровну между семантикой и Бэйсин-стрит, сумел бы — не дай бог! — создать английский вариант того, о чем идет речь. Считалка, о которой рассказывает эта история, из-за reductio ad absurdum* ритма и смысла теряет в переводе всякое значение. Это то же самое, что перевести на немецкий «Бармаглота».

В считалке, которую Резерфорд написал по-немецки, нет ни слова о леваках, но, поскольку оригинал по вполне понятной причине не приводится, я заменю его возможно более точным английским эквивалентом. Английской версии недостает того безжалостного совершенства, ради

* Reductio ad absurdum (*лат.*) — доведение до абсурда.

которого Резерфорд работал месяцами, но в общих чертах вам станет ясно, в чем дело.

Начнем, пожалуй, с того вечера, когда Резерфорд швырнул в сына ботинком. У него была причина. Резерфорд заведовал кафедрой семантики в университете и как раз пытался одновременно проверять письменные работы и бороться с похмельем. Физическая слабость закрыла ему дорогу в армию, о чем он сейчас немало жалел, спрашивая сам себя, не стоит ли принять еще пару таблеток тиамина и при этом испытывая особо сильный приступ ненависти к студентам. Их работы никуда не годились, а от большинства за километр воняло. Резерфорд был известен почти набожной любовью к слову и не выносил, когда кто-то этим словом помыкал. Как говаривал Шалтай-Болтай: «Кому быть хозяином».

Студенты редко бывали хозяевами языка, однако работа Джерри О'Брайена была хороша, и Резерфорд внимательно прочел ее с карандашом в руке. Ему не мешало радио из гостиной, дверь туда была закрыта. Но вдруг радио умолкло.

— Эй! — тринадцатилетний сын Резерфорда просунул в дверь взъерошенную голову. На кончике носа у него виднелся чернильный потек. — Эй, папа! Я все сделал. Можно мне погулять?

— Слишком поздно, — заявил Резерфорд, взглянув на часы. — Очень жаль, но завтра у тебя уроки с самого утра.

— Nom d'une plume*, — буркнул Билл. Совсем недавно он начал открывать для себя французский язык.

— Брысь отсюда! У меня срочная работа. Иди, послушай радио.

— Там сегодня такая чушь! Ну ладно... — Билл исчез, оставив дверь приоткрытой. Из соседней комнаты до Резерфорда донесся его приглушенный голос, и он вернулся к работе.

Внезапно он понял, что Билл снова и снова повторяет монотонный ритмичный набор слов. Автоматически он начал прислушиваться, желая уловить значение, и это ему удалось, хотя сами слова оказались бессмысленными — типичная детская считалка:

— Эн-ду-лайк-файк...

Резерфорд понял, что слышит это уже довольно долго, этот глупый стишок, заканчивающийся сакраментальным

---

* Nom d'une plume (*фр.*) — здесь: «Наука, называется».

«и-мо-ле-бакс!» Такие глупости иногда цепко привязываются к человеку.

— Эн-ду, — монотонно напевал Билл. Резерфорд встал и закрыл дверь. Это помогло, но немного. Ритмичный напев доносился до него ровно настолько громко, чтобы заставить мозг работать в том же ритме. Эн-ду-лайк-файк... а, чтоб тебя!

Вскоре Резерфорд поймал себя на том, что шевелит губами и, гневно бормоча, двигает бумаги по столу взад-вперед. Он просто устал, вот и все, а проверка письменных работ требует сосредоточенности. Услышав звонок в дверь, он немало обрадовался.

Пришел Джерри О'Брайен, образцовый студент. Джерри был высоким худым брюнетом, влюбленным в ту же тонированную музыку языка, которая так влекла Резерфорда. Вошел он, улыбаясь от уха до уха.

— Здравствуйте, господин профессор, — приветствовал он Резерфорда. — Меня приняли. Вчера я получил документы.

— Превосходно. Садись и рассказывай.

Рассказ был недолог, но все же какое-то время отнял. Билл крутился рядом, подслушивая одним ухом. Наконец Резерфорд бросил на него убийственный взгляд.

— Брось ты свое «эн-ду», хорошо?

— Что? Извини, я даже не знал...

— Он делает это целыми днями, — пожаловался Резерфорд гостю. — Я уже во сне это слышу!

— Семантика такие явления не должны беспокоить.

— Эти проклятые семестральные работы! А если бы я занимался важной и точной работой, по-настоящему важной? Такая цепочка слов ввинчивается человеку в мозг, и нет силы, способной избавить от нее.

— Особенно в состоянии напряжения или усиленной сосредоточенности. Рассеивает внимание, правда?

— А у меня нисколько, — вставил Билл.

Резерфорд нетерпеливо кашлянул.

— Подожди, пока вырастешь и должен будешь на чем-то сосредоточиться. Точность — вот главное. Посмотри, что с ее помощью достигли нацисты.

— А что такое?

— Интеграция мысли, — возбужденно говорил Резерфорд. — Тренировка абсолютной сосредоточенности. Немцы создавали свою государственную машину годами — сверхбдительность они превратили в настоящий фетиш. Вспомни стимулирующие средства, которые они дают пи-

лотам перед вылетом. Они беспощадно отсекли все факторы, которые могли бы угрожать uber alles*.

Джерри О'Брайен раскурил трубку.

— Трудно отвлечь внимание немца. Немецкая ментальность довольно забавна. Они и вправду считают себя сверхлюдьми, верят, что у них нет никаких слабостей. Думаю, с психологической точки зрения было бы интересно убедить их в том, что у каждого из них может быть слабина.

— Конечно, только как это сделать? С помощью семантики?

— Пока не знаю. Разве что с помощью заградительного огня. Но бомба — это вообще не аргумент. Разорвать человека на куски не значит убедить его приятелей, что он был слабаком. Нет... Нужно заставить Ахилла самого поверить в свою пяту.

— Эн-ду-лайк-файк, — буркнул Билл.

— Что-то в этом роде, — сказал О'Брайен. — Сделать так, чтобы у человека в голове неотвязно звучала какая-нибудь глупая песенка. Тогда ему будет нелегко сосредоточиться. У меня такое бывает, когда я ловлюсь на «баба сеяла горох».

— Помнишь пляски средневековых фанатиков? — спросил вдруг Резерфорд.

— Вы имеете в виду разновидность массовой истерии? Люди становились в ряд и тряслись, пока не падали.

— Ритмическая нервная экзальтация. Исчерпывающего объяснения так и не нашли. Вся жизнь, вся вселенная основывается на ритме... впрочем, не буду морочить тебе голову космогонией. Опустимся до уровня Бэйсин-стрит. Почему люди шалеют от некоторых разновидностей музыки? Почему «Марсельеза» начала революцию?

— Ну и почему же?

— А бог его знает, — пожал плечами Резерфорд. — Ясно одно: определенные наборы фраз, не обязательно музыкальные, имеющие ритм, рифму или аллитерацию, накрепко привязываются к человеку, и избавиться от них очень трудно. А... — тут он умолк.

О'Брайен вопросительно посмотрел на него.

— А что?

— Несовершенство семантики, — медленно произнес

---

* Слова из первой строки государственного гимна Германии: «Deutschland, Deutschland uber alles» — «Германия, Германия превыше всего».

Резерфорд. — Интересно... Подумай, Джерри, «баба сеяла горох» можно в конце концов забыть. Такого типа фразу можно вычеркнуть из памяти. Но, предположим, существует фразеологическая цепочка, которую забыть невозможно. Ее невозможно изгнать из памяти — само усилие забыть исключило бы результат. Гмм... Предположим, кто-то приказывает тебе ни при каких условиях не вспоминать о носе Билла Филдса. Ты ходишь и постоянно повторяешь: «Не вспоминать о носе, не вспоминать о носе». В конце концов слова эти теряют всякий смысл, а когда ты встречаешь Филдса, то приветствуешь его, скажем, так: «Мое почтение, мистер Нос». Понимаешь?

— Пожалуй. Как в том анекдоте: если встретишь пегую лошадь, получишь большое наследство — при условии, что проходя мимо нее, ни разу не подумаешь о ее хвосте.

— Вот именно. — Резерфорд даже обрадовался. — Хватит одного идеального семантического узора, и забыть его будет невозможно. А идеальный узор должен включать в себя все. Он должен иметь ритм и ровно столько смысла, чтобы человек начал задумываться, в чем тут дело.

— И можно придумать такой узор?

— Конечно. Соединить лингвистику с математикой и психологией и посмотреть, что из этого получится. Возможно, нечто подобное случайно написали в средние века — отсюда и безумные пляски.

— Не нравится мне это, — поморщился О'Брайен. — Слишком уж отдает гипнозом.

— Даже если так, то это самогипноз, к тому же бессознательный. В этом и состоит вся прелесть идеи. Давайка попробуем; двигай сюда стул.

Резерфорд потянулся за карандашом.

— Эй, папа, — вмешался Билл. — А может, вы напишете эту штуку по-немецки?

Резерфорд и О'Брайен переглянулись, и в глазах у них вспыхнули дьявольские огоньки.

— По-немецки... — повторил Резерфорд. — Ты ведь сдавал немецкий, правда, Джерри?

— Да. И вы тоже его знаете. Почему бы и нет, можно написать и по-немецки. Нацистам, наверно, уже до чертиков надоел «Хорст Вессель».

— Ну, ладно... так... ради пробы, — сказал Резерфорд. — Сначала ритм. Назойливый ритм, но с цезурой, чтобы избегнуть монотонности. Мелодия нам не нужна. — Он принялся писать что-то на листке. — Конечно, это маловеро-

ятно, и даже если получится, Вашингтон все равно этим не заинтересуется.

— Мой дядя — сенатор, — мимоходом заметил О'Брайен.

ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!
ЛЕВАНТИНЕЦ с РЕВОЛЬВЕРОМ
ЛЕВАКОВ не ПЕРЕНОСИТ.
ХОТЯ держит нос НАЛЕВО
ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!
ЛЕВАНТИНЕЦ с РЕВОЛЬВЕРОМ...

— Ну, а если я кое-что знаю об этом? — спросил сенатор О'Брайен.

Офицер разглядывал содержимое только что вскрытого конверта.

— Мне вручили это пару недель назад, распорядившись, чтобы я не открывал его до получения приказа. И что теперь?

— Вы прочли текст?

— Прочел. Вы мучаете пленных немцев в адирондакском лагере. Дурите им голову считалкой, в которой, по-моему, смысла ни на грош.

— Разумеется, ведь вы не знаете немецкого. Но на немцев это вроде бы действует.

— Я знаю по сообщениям, что они много танцуют и поют.

— Танцуют... не совсем так. Это неосознанные ритмические движения. И при этом они повторяют этот... — как его? — ...семантический узор.

— У вас есть перевод?

— Есть, но по-английски это полная бессмыслица, а на немецком имеет подходящий ритм и мелодику. Я уже объяснял вам...

— Я знаю, сенатор, знаю. Но у Военного департамента нет времени на теории.

— Если говорить коротко, то я вам советую передавать эту «считалочку» как можно чаще в программах, предназначенных для Германии. Это может зацепить и дикторов, но они справятся. Впрочем, нацисты тоже, но прежде вся их хваленая организованность лопнет как мыльный пузырь. Привлеките к сотрудничеству радиостанции союзников...

— Вы всерьез верите в это?

Сенатор рассмеялся.

— Честно говоря, не очень. Но мой племянник почти убедил меня. Он помогал профессору Резерфорду разрабатывать эту... формулу.

— И убедил вас?

— Ну-у... не совсем. Но сам он ходит и постоянно бормочет ее по-немецки. То же самое и с Резерфордом. Так или иначе, вреда это не принесет, а я хотел бы изучить вопрос до конца.

— И все же, — офицер взглянул на стишок, — чем может повредить человеку, если он будет повторять эту песенку? И каким образом это поможет нам?..

ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!
ЛЕВАНтинец с РЕВОЛЬвером
ЛЕВАков не ПЕРЕносит
ХОТЯ держит нос НАлево
ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!

— Aber*! — раздраженно сказал гауптман Харбен. — Aber, aber, aber!

— Никаких «но»! — оборвал его командир, майор Эггерт. — Деревню следует тщательно обыскать. Люди из ОКВ** остановятся здесь по пути на Восточный фронт, и мы должны быть уверены, что нигде нет спрятанного оружия.

— Но мы обыскиваем эту деревню регулярно!

— Ну так обыщите еще раз, — распорядился Эггерт. — Вы же знаете этих проклятых поляков. На минуту отвернешься, а они уже вытаскивают пушку прямо из воздуха. Мы не хотим, чтобы до фюрера дошли критические замечания по этому поводу. А теперь идите, мне нужно закончить рапорт. — Он перелистал пачку записей. — Поголовье скота, поголовье овец, ожидаемый урожай... Идите и дайте мне сосредоточиться. Повторяю приказ: тщательно все обыскать.

— Хайль! — угрюмо отсалютовал Харбен и повернулся кругом. По пути к двери его ноги сами нашли знакомый ритм, и он начал что-то бормотать.

---

* Здесь в значении союза «но».

** ОКВ (Oberkommando Wehrmaht) — верховное главнокомандование в гитлеровской Германии.

— Капитан Харбен!

Харбен остановился и повернулся к майору.

— Что вы там, черт побери, бормочете под нос?

— А-а, это... у солдат появилась новая строевая песня. Глупая, но запоминается хорошо. Под нее отлично маршируется.

— Что еще за песня?

Харбен презрительно отмахнулся.

— Полная бессмыслица. Значит, так: «Левой! Левой! Левантинец с револьвером...»

— Ах эта! — прервал его Эггерт. — Я ее слышал.

Харбен отсалютовал и вышел, шевеля губами. Эггерт склонился над рапортом, напрягая глаза — свет был ни к черту. «Десять голов скота, негодных даже на убой, но коровы дают немного молока... Так, теперь пшеница — с ней обстоит еще хуже. Интересно, чем живут эти поляки? Ну, по крайней мере леваков им нечего опасаться. А причем здесь леваки и то, что кто-то держит нос налево?

ЛЕВОЙ
ЛЕВОЙ
ЛЕВАНтинец с РЕВОЛЬвером
ЛЕВАков не ПЕРЕносит...»

Эггерт опомнился, и карандаш его вновь забегал по бумаге. Пшеница... Он считал медленнее, чем обычно, потому что разум его снова и снова скатывался в колею вздорного ритма.

«Verdammt*! Я не позволю... Количество жителей деревни: тридцать семей... а случаем не сорок? Да, сорок. Мужчины, женщины, дети, семьи, как правило, малочисленные. Левантинца тут днем с огнем не сыщешь. Не говоря уже о леваках. Левантинец. Леваки. Почему он не переносит леваков? Вздор! Неужели так важно, что какой-то несуществующий, гипотетический левантинец не переносит леваков, даже если держит нос налево...

ЛЕВОЙ
ЛЕВОЙ
ЛЕВАНтинец с РЕВОЛЬвером...»

— Дьявол! — не выдержал Эггерт и в ярости посмотрел на часы. — Я уже давно должен был закончить этот рапорт. «С револьвером»! Тьфу!

---

* Verdammt (*нем.*) — проклятье.

Он еще раз склонился над столом, обещая себе не думать о...

Но то, о чем он не должен был думать, упрямо, как назойливая мышь, скреблось в уголках его души. Каждый раз, когда он вспоминал об этом, ему удавалось прогнать из головы этот вздор. К сожалению, он начал муштровать собственное подсознание: «Не думать об этом. Забыть».

«Что забыть?» — автоматически спрашивало подсознание.

«Хотя держит нос НАЛЕво...»

«Ага!» — говорило подсознание.

Патруль не проявлял особого усердия и рвения, солдаты не могли как следует сосредоточиться на задании. Харбен выкрикивал приказы, пот тек у него под мундиром, жесткая ткань царапала, он чувствовал на себе недобрые выжидающие взгляды поляков. Именно это было самым худшим для солдата оккупационной армии — чувство того, что побежденные чего-то ждут. Ну что ж...

— Обыскать! — распорядился Харбен. — Двойками. И тщательно.

Солдаты старались. Они расхаживали по деревне взад и вперед под затверженный назойливый ритм, шевеля при этом губами. Это, конечно, ничему не вредило. Единственный инцидент произошел на чердаке, где двое солдат проводили обыск. Харбен заглянул туда на предмет проверки и не поверил собственным глазам: один из солдат, открыв ветхий буфет, спокойно посмотрел на заржавевший карабин, что там стоял, и закрыл дверцу. На мгновение Харбен потерял дар речи. Солдат же как ни в чем не бывало продолжал обыск.

— Смирно! — рявкнул Харбен.

Стукнули каблуки.

— Фогель, я все видел!

— Да, господин капитан... — Широкое лицо Фогеля выражало искреннее удивление.

— Мы ищем оружие. Может, поляки заплатили тебе, чтобы ты не замечал его?

Фогель покраснел.

— Никак нет, господин капитан.

Харбен открыл буфет и вынул ржавый древний карабин. Как оружие он явно никуда не годился, но его все равно следовало конфисковать. У Фогеля отвисла челюсть.

— Ну?

— Я... я его не видел, господин капитан.

Харбен засопел от злости.

— Я тебе не идиот, Фогель! Я следил за тобой и видел, как ты смотрел прямо на это ружье. Хочешь убедить меня...

Воцарилась тишина.

— Я его не видел, господин капитан, — упрямо повторил Фогель.

— Вот как? Ты становишься рассеянным. Я знаю, что ты, Фогель, не принял бы взятки — ведь ты преданный член партии. Но если уж ты что-то делаешь, то пользуйся при этом головой. Витание в облаках не доводит до добра в оккупированной стране. Продолжать обыск!

Харбен вышел, удивленно качая головой. Солдаты были явно рассеянны. Что у них, черт возьми, могло быть в голове, отчего этот Фогель смотрел прямо на оружие и не видел его? Нервы? Вздор. Нордическая раса славится своей твердостью. Достаточно посмотреть, как идут эти солдаты — четкий ритм говорит об идеальной военной подготовке. Только дисциплина позволяет достичь всех высот. Тело и разум в конце концов просто механизмы, их постоянно нужно контролировать. Вот по улице марширует отряд: «Левой! Левой! Левантинец с рево...»

«Ох уж эта идиотская песенка! Интересно, откуда она взялась, — подумал Харбен. — Подразделения, размещавшиеся в деревне, передавали ее одно другому, но где они ее узнали?» — Харбен оскалился в улыбке. Когда он получит отпуск, нужно обязательно продать эту глупую песенку друзьям с Унтер ден Линден... Сущая чушь, а цепляется к человеку, как репей к собачьему хвосту.

ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!
ЛЕВАНтинец с РЕВОЛЬвером
ЛЕВАков не ПЕРЕносит...

Вскоре солдаты вернулись и доложили: не найдено ничего. Старое ружье можно не принимать в расчет, хотя, конечно, сообщить о нем нужно, а поляка-хозяина — допросить. Харбен приказал солдатам разойтись, а сам отправился на квартиру к Эггерту. Тот по-прежнему был занят, и это удивляло: обычно он работал очень быстро. Эггерт яростно взглянул на Харбена.

— Подождите, я должен закончить работу. — И он вернулся к своему рапорту. Весь пол покрывали скомканные листы бумаги.

Харбен нашел старый номер «Югенда», которого не

видел прежде, и сел с ним в углу. Статья о воспитании молодежи оказалась довольно интересной. Харбен перевернул страницу и понял, что потерял мысль. Пришлось вернуться к прочитанному.

Он перечитал абзац, сказал: «Да-а?» — и снова сбился. Слова были напечатаны черным по белому, он понимал каждое из них, знал, что вместе они имеют какой-то смысл... а как же иначе? Харбен попытался сосредоточиться. Он не позволит, чтобы ему мешала какая-то глупая песенка о том, что кто-то там держит нос наЛЕВО.

ЛЕВОЙ
ЛЕВОЙ
ЛЕВАНТИНЕЦ с РЕВОЛЬВЕРОМ...

Харбен так и не дочитал статью.

Виттер, офицер гестапо, потягивал коньяк и смотрел через стол на доктора Шнейдера. За окном кафе солнечные лучи заливали Кенигштрассе.

— Русские... — начал было Шнейдер.

— Что там русские, — резко перебил его Виттер. — Я по-прежнему не могу понять этот инцидент в Польше: оружие, к тому же автоматическое, хранилось в деревне, которую обыскивали десятки раз. Это просто дичь какая-то. В последнее время партизанских налетов в этом районе не было, значит, поляки не могли собрать столько оружия за несколько последних недель.

— Выходит, оно припрятано у них загодя?

— Припрятано? Мы, герр доктор, обыскиваем тщательно. Я хочу еще раз допросить этого Эггерта. И Харбена. Отзывы об обоих хорошие, но... — Виттер нервно потер усы. — Нет, нам нельзя ничего признавать очевидным. Вы интеллигентный человек, герр доктор. Что вы об этом думаете?

— Что деревня была плохо обыскана.

— Да нет же! Об этом заботятся Эггерт и Харбен, у них достаточно людей. Глупо думать, что они могли проглядеть пулеметы, как обычные пистолеты, которые в конце концов можно спрятать под полом. Но когда колонна въехала в деревню, поляки убили сорок семь немецких солдат, обстреливая их именно из пулеметов.

Виттер забарабанил пальцами по столу:

Та-та...

Ту-ту...

Та-та-ту-ту-та-та-ту-ту...

— Что вы сказали? — вдруг встрепенулся он. — Простите, я не расслышал...

— Ничего особенного. Полагаю, допрос вы проведете старательно. У вас ведь есть опыт подобных допросов? Это вопрос научной логики — как и в моей работе.

— Кстати, как ваша работа? — сменил тему Виттер.

— Движется.

— Это я уже слышал. Честно говоря, я слышу это уже несколько недель. Зашли в тупик? Нужна помощь?

— О нет, — ответил доктор Шнейдер с легким раздражением. — Мне не нужны всякие там глупые ассистенты. Это тонкая работа, Виттер, требующая абсолютной точности. Я прошел специальный курс термодинамики и только я знаю, когда нужно нажать кнопку или ввести поправку. Тепловое излучение тел в состоянии разложения... — Шнейдер вдруг умолк, сконфуженный. — Может, мне и вправду отдохнуть. Я здорово вымотался, и нервы мои совершенно истощены. Пытаюсь сосредоточиться и вдруг вижу, что провалил важный эксперимент. Вчера нужно было добавить ровно шесть капель... этого... как его... ну, одной жидкости в готовую смесь, и не успел я оглянуться, шприц, из которого я капал, был уже совершенно пуст. Я испортил весь опыт.

Виттер недовольно скривился.

— Вас что-то беспокоит? Какие-то посторонние мысли? Мы не можем себе этого позволить. Если дело в вашем племяннике...

— Нет-нет, за Франца я не беспокоюсь. Ему, наверное, хорошо в Париже. Думаю, что я... А, черт побери! — Шнейдер грохнул кулаком по столу. — Это просто идиотизм. Кретинская песенка!

Виттер недоуменно поднял брови.

— Я всегда гордился своей способностью к самоконтролю. Человеческий мозг — это идеально отлаженный и изумительно работоспособный аппарат. Я мог бы принять его недомогание по какой-нибудь осмысленной причине — невроз или даже безумие... Но если я не могу избавиться от дурацкой, бессмысленной считалки... Сегодня я разбил ценный прибор, — признался Шнейдер. — Еще один проваленный эксперимент. Когда я осознал то, что натворил, то сгреб все со стола на пол. Я не хочу никакого отпуска, мне нужно как можно быстрее закончить работу.

— Важно, чтобы вы ее вообще закончили, — сказал Виттер. — Но я бы предложил вам отдохнуть. Баварские Альпы — очень приятный район. Рыбалка, охота, полное

расслабление. Не думайте о работе. Я бы сам охотно поехал с вами, да дела не позволяют. — Он пожал плечами.

По улице Кенигштрассе протопал отряд штурмовиков. Солдаты скандировали слова, от которых Шнейдер даже вздрогнул. Пальцы Виттера принялись выстукивать ритм по столу.

— Я возьму отпуск, — согласился Шнейдер.

— Превосходно. Это поставит вас на ноги. А теперь я должен заняться расследованием этого польского инцидента, а потом проверить парочку пилотов Люфтваффе...

Спустя четыре часа доктор Шнейдер уже сидел в купе поезда и был уже далеко от Берлина. Пейзаж за окном был приятен для глаза, однако Шнейдер, непонятно почему, не чувствовал удовлетворения.

Он сел поудобнее, расслабился. Ни о чем не думать — да, это именно то, что нужно. Пусть совершенный аппарат мозга немного отдохнет. Пусть мысль свободно парит, вслушиваясь в успокоительный стук колес: «так-то, так-то...»

ТАКТО!
ТАКТО!
ТАЛТОтинец с ТАКТОвером
ТАКтаков не ПЕРЕносит
ХОТЯ держит нос НАЛЕво
ЛЕВОЙ...

Шнейдер яростно выругался, подскочил и рванул рычаг стоп-крана. Он вернется в Берлин, но не поездом. Вообще — к черту колеса!

Герр доктор вернулся в Берлин пешком. Поначалу он шел бодро, потом лицо его побледнело, а ноги стали заплетаться. Однако неотвязный ритм подгонял его. Доктор ускорил шаги, пытаясь выбиться из ритма, и это ему удалось. Но ненадолго. Мысли постоянно сворачивали в ту же колею, стоило доктору отметить, что он идет левой... ЛЕВОЙ...

Шнейдер побежал. Обливаясь потом, с горящим взглядом, доктор Шнейдер — выдающийся ум и так далее — бежал обратно в Берлин, но так и не мог избавиться от тихого голоса, который нашептывал ему все быстрее и быстрее:

ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!
ЛЕВАНтинец с РЕВОЛЬвером
ЛЕВАков не ПЕРЕносит...

— Почему налет не удался? — спросил Виттер.

Пилот Люфтваффе ничего не мог ответить. Все, как всегда, было прекрасно спланировано. Приняли во внимание все обстоятельства, и налет должен был удаться наверняка. Предполагалось, что самолеты КВС* должны будут застигнуты врасплох, а пилоты Люфтваффе беспрепятственно сбросят бомбы на намеченные цели и без труда вернутся обратно.

— Вам делали уколы перед вылетом?

— Так точно.

— Бомбардир Куртман убит?

— Так точно.

— Безо всякой причины?

Пауза, потом:

— Так точно.

— Он мог сбить атаковавший вас самолет?

— Я... так точно.

— Так почему он этого не сделал?

— Потому что... он пел.

Виттер откинулся на спинку кресла.

— Пел? И так увлекся пением, что забыл выстрелить?

— Так точно.

— В таком случае почему... почему вы не сбили этот самолет?

— Я тоже пел.

Самолеты КВС были уже совсем близко. Солдат-зенитчик насвистывал какой-то мотивчик и ждал. Лунный свет поможет ему. Поудобнее устроившись на кресле, он заглянул в визир. Все было готово.

Это происходило во второстепенном уголке оккупированной Франции, да и солдат не был каким-то особенным, — просто хорошим наводчиком. Он посмотрел вверх, на поблескивающее в небе облачко. Это напоминало негатив. Британские самолеты будут темными в отличие от этого облака, пока их не поймают прожектора. И тогда...

---

* КВС — Королевские воздушные силы Великобритании.

Впрочем, неважно. «Левой. Левой. Левантинец с револьвером...»

Они пели это прошлым вечером в кантине. Привязчивая штука. Когда он вернется в Берлин — если вернется, — нужно обязательно рассказать приятелям. Как там было?

Мысли солдата текли независимо от механического ритма, который пульсировал в его голове. Неужели он задремал? Зенитчик резко встряхнулся и тут же понял, что вовсе не спит. Нечего бояться. Песенка его будит, а вовсе не усыпляет. Ее бодрый, стремительный ритм проникал человеку в кровь с этим своим

ЛЕВОЙ
ЛЕВОЙ
ЛЕВАНтинец...

Но он должен быть бдительным. Когда прилетят самолеты КВС, нужно сделать все четко. А они как раз подлетали. Издали доносилось слабое пульсирующее гудение моторов, монотонное, как та песенка. Самолеты летят на Германию, леваков не переносят, хотя держат нос налево...

ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!
ЛЕВАНтинец с РЕВОЛЬвером
ЛЕВАков не ПЕРЕносит...

Не забыть о самолетах, рука на спуске, глаз к визиру, нос налево...

ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!
ЛЕВАНтинец с РЕВО...

Самолеты все ближе, англичане подлетают. Постой, не стреляй, подожди, пока приблизятся, и тогда...

ЛЕВОЙ
ЛЕВОЙ
ЛЕВАНтинец и моторы, прожектора, они уже близко, очень близко, не переносит, хотя держит нос налево...

ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!
ЛЕВАНтинец с РЕВОЛЬвером...

Пролетели. Самолеты пролетели над ним. А он не выстрелил.

Забыл!!!

Они пролетели над его головой, и не осталось ни одного. «Хотя держит нос налево...»

ЛЕВОЙ!

Рейхсминистр пропаганды посмотрел на рапорт так, словно лист бумаги вот-вот превратится в Сталина и бросится на него с оскаленными зубами.

— Нет, — решительно заявил он. — Нет, Виттер. Если это неправда, то неправда. Но если правда... нам нельзя признаваться в этом.

— Не понимаю, почему, — возразил Виттер. — Дело наверняка в этой самой песенке. Я изучаю вопрос уже давно, и это единственное логическое объяснение. Эта песенка опутала германоязычный мир. Или вскоре опутает.

— Но чему может повредить какая-то там песенка?

Виттер постучал пальцем по рапорту.

— Пожалуйста, прочтите. Отряды нарушают строй, пускаясь в... как же это называется? Ах, да, ритуальный танец. И при этом непрерывно поют эту песенку.

— Запретите им петь, — распорядился министр, но в голосе его звучало сомнение.

— Да, но разве можно запретить им думать? Они всегда думают о том, что verboten*. И с этим ничего нельзя поделать, это в природе человека.

— Это я и имею в виду, Виттер, говоря, что мы не можем признать угрозу этой... песенки. Ни к чему раскрывать всей Германии размеры угрозы. Пока ее считают бессмысленным набором слов, может, как-то удастся забыть о ней. Когда-то же ее все равно забудут, — добавил министр.

— Фюрер...

— Он ничего не должен знать. Нельзя говорить ему об этом. Фюрер — весьма нервный человек, Виттер, о чем вы, конечно, знаете. Надеюсь, эта песенка не дойдет до его ушей. А если даже дойдет, нельзя допустить, чтобы он осознал ее потенциальную опасность.

— Потенциальную?

Министр сделал уклончивый жест

---

* Verboten (*нем.*) — запрещено.

— Люди кончали с собой из-за этой песенки. Например, доктор Шнейдер. Очень нервный человек, в сущности подверженный маниакально-депрессивному психозу. Не сумел смириться, что леваков... что этот стишок постоянно звучит у него в голове. В приступе депрессии он принял яд. Были и другие. Между нами говоря, Виттер, это очень опасная вещь. И знаете, почему?

— Потому что не имеет смысла?

— Вот именно. Я помню стихи — может, и вам они известны: «жизнь — это взаправду, жизнь — это серьезно». Немцы верят в это. Мы — раса логиков. Мы побеждаем логикой, поскольку арийцы — это суперраса. Но когда сверхлюди понимают, что не могут справиться с собственным разумом...

Виттер вздохнул.

— В голове не умещается, что паршивая песенка может оказаться так важна.

— От такого оружия нет защиты. Если мы признаем, что она опасна, это удвоит или даже утроит ее значение. В данный момент множество людей имеют проблемы с концентрацией внимания, некоторые не могут справиться с неконтролируемыми ритмическими движениями. Представьте себе, что случится, если мы запретим людям думать об этой песенке.

— А нельзя использовать психологию? Осмеять это явление, как-то объяснить его?

— Да это и так уже смешно: абсурдный набор слов, претендующий разве что на звание дури. Так что и объяснять нечего. Кроме того, поговаривают, будто кое-кто находит в этой песенке какие-то намеки, а это уже верх идиотизма.

— Да? Что вы говорите!

— На голод. На нужду. Даже на отход от идеалов национализма. Даже... до чего вздорная идея... намек на... — министр указал взглядом на портрет, украшающий стену.

Виттер удивленно хмыкнул, но после минутного колебания рассмеялся.

— Мне это даже не приходило в голову. Абсолютный идиотизм. Правда, поначалу мне было интересно, как левантинское происхождение связано с ненавистью к левакам. Может, какая-то этническая черта?

— Не думаю. Это скорее связано с... Гауптштурмфюрер Виттер!

Последовала немая пауза. Наконец Виттер поднялся,

отсалютовал и вышел, старательно ломая навязчивый ритм. Министр вновь посмотрел на портрет, побарабанил пальцами по толстому рапорту, а затем отодвинул его в сторону, чтобы прочесть машинописную бумагу с грифом «Срочно». И правда, дело было срочное. Через полчаса фюрер должен был выйти в эфир с речью, которой ждал весь мир. Она должна была объяснить кое-какие щекотливые вопросы — например, русскую кампанию. Это была хорошая речь, превосходный образец пропаганды. Передач должно было быть две: одна будет транслироваться на Германию, вторая — на весь остальной мир.

Министр встал и начал ходить взад-вперед по пушистому ковру. Его лицо кривила нервная гримаса. Был только один способ справиться с врагом: задушить его. Встать к нему лицом и разнести в пыль. Если бы все немцы обладали его ментальностью, его уверенностью в себе, идиотская песенка никогда не набрала бы такую силу.

— Как там этот стишок? — бормотал министр. — Левой. Левой. Левантинец с револьвером... — ну и что тут такого? Мне это нисколько не вредит, не выводит из строя мой разум. Я повторяю ее, но только если сам хочу. И сейчас я делаю это по собственной воле, чтобы доказать, что этот стишок нисколько не опасен... по крайней мере, для меня. Пожалуйста: «Левой! Левой! Левантинец...»

Министр пропаганды расхаживал взад-вперед, декламируя несносный стишок. Он делал это не в первый раз... разумеется, только для того, чтобы доказать, что он сильнее.

Адольф Гитлер думал о леваках. И о России. Кроме того, имелись и другие проблемы. Нелегко быть вождем. Придет час, и явится некто лучший, а он отойдет в тень с сознанием выполненного долга. Заигранную пластинку заело, и Гитлер вновь задумался над текстом своей речи. Да, она была хороша. Эта речь многое объясняла: почему не удалось в России, почему провалилось вторжение в Англию, почему англичане совершают невозможное — атакуют континент. Проблемы эти сильно тревожили его. Собственно, это были никакие не проблемы, но народ мог превратно истолковать факты и потерять веру в своего фюрера. Речь объяснит все — даже темное дело Гесса. Геббельс целыми днями шлифовал психологические нюан-

сы выступления, поэтому было особенно важно произнести речь без запинок. Гитлер потянулся за ингалятором и освежил горло, хотя необходимости в этом и не было: его голосовые связки были в идеальной форме.

Было бы ужасно, если бы...

Тьфу! Чего ради ему заикаться? Речь была слишком важна. Ему сотни раз приходилось выступать, зажигать народ мощью своих слов. Важнейшим пунктом было, конечно, упоминание о России и бесславной весенней кампании. Геббельс нашел прекрасное оправдание... к тому же правдивое.

— Это правда, — вслух произнес Гитлер.

Конечно, правда. И вполне убедительная. После русского вопроса нужно перейти к делу Гесса, а затем...

Но вопрос о России — пункт номер один. В этом месте нужно будет атаковать микрофон изо всех сил. Он мысленно прорепетировал. Пауза, затем тоном обычной дружеской беседы: «Могу, наконец, раскрыть вам правду о нашей кампании в России и объяснить, почему она является стратегическим триумфом немецкой армии...»

И он докажет это!

Только нельзя ни на минуту забывать, какое важное значение имеет эта речь, особенно ее ключевое место. Помнить. Помнить. Сделать это точно так же, как минуту назад, как при репетиции. Ибо если не удастся...

Нет такого слова.

Но если бы все-таки не удалось...

Нет. Даже если...

Но ведь все получится. Должно получиться. Всегда получалось. Ситуация критическая. Ну, может, не до конца, но люди — так ему казалось — уже не всем сердцем за своего Вождя. Что может случиться с ним? Он окажется не в состоянии произнести речь? Тогда выступление будет отложено, и Геббельс как-нибудь объяснит все это. Так что это не так уж и важно.

Нет, нельзя так думать.

Впрочем, наоборот, надо думать об этом. Еще одна репетиция. Доверительная пауза, затем: «Могу, наконец, раскрыть вам...»

Все, пора.

Во всей Германии люди у приемников ждали выступления фюрера. Адольф Гитлер встал перед микрофонами, он больше не беспокоился. На втором плане своих мыслей он разместил усилием воли запись, которая раз за разом подсказывала ему: «Россия. Россия. Россия».

Речь была хороша, такая, какой и ждали от Гитлера.

«Пора!» — подсказала память.

Гитлер умолк, глубоко вздохнул, вздернул голову и посмотрел на тысячи лиц под балконом. Он думал не о них, а о паузе и следующей фразе. Пауза затягивалась.

«Очень важно! Помнить! Все должно получиться».

Адольф Гитлер открыл рот, и слова полились. Но не совсем те.

Десять секунд спустя у Адольфа Гитлера отключили микрофон.

Это не Гитлер обращался к миру несколько часов спустя. Геббельс сделал запись, в которой — о диво — ни словом не упоминались ни Россия, ни другие важные вопросы, совсем недавно решенные с такой ловкостью. Фюрер был просто не в состоянии высказаться по этим темам. И не из-за волнения. Каждый раз, подходя к ключевому моменту речи, он зеленел, стискивал зубы и говорил совершенно другое. Он не мог пробиться сквозь семантическую блокаду и чем больше пробовал, тем меньше это ему удавалось. Наконец Геббельс понял, в чем дело, и прервал передачу.

В мир пошла кастрированная версия, и начались ожесточенные диспуты о том, почему Гитлер отклонился от разработанной темы. Ведь он собирался говорить о России, так почему же...

Ответ знали лишь немногие. Но теперь его узнают все. Кстати, большинство немцев уже знали его, сами не подозревая об этом. Ходили сплетни, самолеты бросали листовки, люди шептались по углам, и долго еще будут помнить некую строфу, легко запоминающуюся по-немецки, которую можно повторять бесконечно.

Да, да. Может, именно этот экземпляр книги попадет в Англию, может, пилот КВС сбросит его возле Берлина или хотя бы Парижа! И весть разнесется — ведь многие жители континента читают по-английски.

Люди начнут говорить.

Поначалу они не захотят в это верить, но потом вспомнят военную считалочку. В один прекрасный день история эта дойдет до Берлина или до Бертехсгадена. Она дойдет до человека с маленькими усиками и громким голосом.

А потом... Может, пройдут дни, а может, недели, это не имеет значения... Геббельс войдет в салон и увидит

Адольфа Гитлера, который будет маршировать на месте и выкрикивать:

«ЛЕВОЙ!
ЛЕВОЙ!
ЛЕВАНтинец с РЕВОЛЬвером
ЛЕВАков не ПЕРЕносит
ХОТЯ держит нос НАЛЕво...»

РАССВЕТ

К востоку от Голливуда, в горах Анджелес-Форест, жил исключительно мерзкий отшельник, который действовал Хейсу Каллистеру на нервы не хуже сломанного зуба. Каллистер раз за разом задевал за этот зуб языком — позвольте еще раз воспользоваться той же метафорой — и тем не менее продолжал смотреть в бинокль на другую сторону долины, где находилась пещера, занятая отшельником.

Каллистеру частенько хотелось убить этого человека.

Сейчас он стоял в дверях своего дома и смотрел в бинокль под яркое утреннее солнце. Да, отшельник был тут как тут и завтракал. Объектом приложения сил служил ему гигантский мосол, который этот мерзкий субъект жадно обгрызал. Сидя на корточках под лучами солнца, он самозабвенно работал челюстями в атмосфере какого-то жуткого атавизма, растрепанный, драный и несказанно омерзительный.

Вдруг отшельник повернулся и посмотрел на долину, заинтересовавшись блеском стекол бинокля. Симпатичное лицо Каллистера исказила гримаса. Он убрался в дом и,

прихлебывая кофе, стал думать о более приятных вещах, но озверелое лицо отшельника по-прежнему стояло у него перед глазами.

Это была единственная фальшивая нота в устоявшейся жизни биолога. Фетишем Хейса Каллистера была мысль о том, что он человек высокоцивилизованный. Его дом, спроектированный лично им и построенный в пятнадцати километрах от ближайшего поселка, представлялся ему тепло поблескивающей драгоценностью.

Лаборатория тоже не грешила ни единой фальшивой нотой, поскольку была строго функциональна. Каллистер был идеально приспособлен к среде, которую создал для себя сам. Здесь не было места для фальшивых нот.

Цивилизация и эготизм... Впрочем, у Каллистера не было никаких особенных пороков. Спортивный, физически безупречный, он потянулся как кот и закурил сигарету, чтобы оттенить тонкий вкус бренди. Словно тень появился Томми, слуга-филиппинец, и вновь наполнил чашку своего хозяина. Томми был аморален и предан ему без остатка, и это должно было помочь.

С технической точки зрения эксперимент не был убийством, однако некоторые сравнения с вивисекцией напрашивались. Каллистер с досадой отбросил эти мелодраматические ассоциации: он просто использовал инструмент, подвернувшийся ему под руку.

Его компаньон, Сэм Прендергаст, стоял у него на пути. Многословный, крикливый Прендергаст, с этим его вульгарным хохотом. Гмм... Несомненно, Сэм хорошо подходил для эксперимента.

Личной антипатии здесь почти не было. Прендергаст финансировал Каллистера и потому воображал, что ему позволено совать нос в чужие дела. И при этом нельзя было послать его к дьяволу, потому что снова и снова возникали срочные потребности и необходим был постоянный приток наличных.

Первый эксперимент едва не провалился из-за объективных трудностей, однако морская корова подверглась удивительному превращению.

Проблема заключалась в следующем: Прендергаст обладал контрольным пакетом акций всего предприятия и будет невероятно мешать, суясь во что не надо. Он хотел организовывать компании, создавать фонды, делать бог его знает сколько всякого-разного. Это был фонтан идей, а поскольку Каллистер хотел работать по-своему, от Сэма Прендергаста следовало избавиться.

Совершив это, Каллистер, если будет достаточно ловок, сможет разделаться тем же образом и с наследниками. План был весьма практичен, ибо договор о сотрудничестве он редактировал с мыслью о будущем. Только Прендергаст мог бы доказать, что упомянутый процесс является...

Впрочем, Каллистер не дал ему названия. Любое название звучало бы слишком фантастично.

Вошел Сэм Прендергаст. Это был могучий мужчина лет сорока с зычным голосом — превосходный экземпляр экстраверта. Его любили собаки и маленькие дети. Синклер Льюис безуспешно пытался развенчать этот тип человека. Самое удивительное, что Сэм и вправду был хорошим парнем.

Одевался он — а как же иначе! — в твид, волосы имел необычайно длинные. Внимательный взгляд Каллистера отметил легкое смещение вперед челюсти и почти незаметное отклонение назад лобной кости. Кроме того, казалось, что Сэм немного горбится.

— Привет, — сказал Прендергаст. — Хочу кофе. Совсем из сил выбился. И голова болит. — Он рухнул в кресло и рявкнул на филиппинца: — Кофе, я сказал!

— Ты же сам упрашивал, чтобы я тебя сюда пригласил...

— Мне нравятся эти последние шаги, эти эксперименты, венчающие дело. Знаешь, этакий обезьяний восторг. И потом этот пингвин... Какие крылья!

— Это, конечно, фантастично, — признал Каллистер. — Но, честно говоря, я не хотел бы торопиться с публикацией. Нас просто высмеют.

— Не высмеют, когда увидят наши доказательства, — решительно возразил Прендергаст.

— И все-таки они могут, самое большее, проглотить версию о том, что мы располагаем методом восстановления рецессивных черт. Но если бы мы заявили, что можем повернуть вспять эволюцию...

— Но мы же сделали это...

— Но пока не можем огласить результаты. Сначала нужно подготовить почву. О, ты порезался?

Прендергаст пощупал пальцами щеку и кивнул.

— Щетина становится невероятно твердой. Никогда прежде она меня так не донимала.

— Ага... — озабоченно буркнул Каллистер и умолк, поглядывая на уши Сэма. Раковины уменьшались день ото дня.

— Сегодня я возвращаюсь домой, — сказал Прендергаст с внезапной решимостью. — Понимаешь, в конторе меня ждут горы почты. Неделя — это достаточно долго.

— Может, еще кофе? — предложил Каллистер. Он громко отдал приказ вошедшему филиппинцу и сделал незаметный знак рукой. — Как хочешь, Сэм. Последние эксперименты дали отличные результаты, но мне все же не хотелось бы сообщать о них публично.

— Однако это одна из причин, по которым я возвращаюсь в город. Жду не дождусь минуты, когда привезу сюда репортеров.

Каллистер покраснел.

— Они выставят нас на посмешище, не станут даже ждать, когда мы представим им наши доказательства. Гораздо лучше действовать постепенно...

— Но у нас есть доказательства. Мы вернули пингвинам крылья, а морским коровам — ноги!

— Они скажут, что это ошибка природы. Процесс длится долго, он должен набрать скорость. Ты же сам знаешь, что в первую неделю изменения почти незаметны.

— Зато во вторую! Студень!

— Основной одноклеточный организм. Все правильно. Аналогия жизненного цикла в миниатюре, мы же его просто поворачиваем вспять.

Прендергаст задумался.

— Продукты стоят целое состояние, — сказал он.

— Скорость обмена веществ колоссальна. Несмотря на наши холодильники, особи все время имеют высокую температуру. Как ты, наверное, понимаешь, Сэм, это рост, хотя и повернутый. Матрицы уже существуют, но мы меняем заряд с положительного на отрицательный, и получается ретрогрессия. В конце концов я найду способ, как ускорить рост положительного заряда. Тогда можно будет творить суперсуществ.

— Только не сейчас, — буркнул Прендергаст, слегка вздрагивая, и Каллистер с готовностью согласился.

— Да, еще не сейчас. Пока мы занимаемся практической стороной. Зондируем все эти боковые ответвления, которые вымерли или преобразились.

— Помнишь того кита...

Каллистер помнил. В Сан-Педро, в крытом бассейне, процессу был подвергнут молодой кит. В результате он на-

чал изменяться: его тело становилось все менее обтекаемым, исчезал китовый ус, появлялись зубы. Хвост уменьшился, стал как у головастика, а потом и вовсе исчез. Но самое удивительное — в конце концов появились ноги, передние и задние.

Они не могли удержать огромной тяжести тела, и бассейн пришлось наполнить до половины. В один прекрасный день существо выбралось из бассейна и вырвалось на волю. Сейчас оно либо сдохло, либо вело в водах Тихого океана странную жизнь существа, остановившегося на полпути к своему доисторическому статусу обитателя суши.

Проводилось также множество других экспериментов. Появлялись невероятные утраченные черты и органы, приспособленные к давно минувшим условиям среды обитания...

Томми принес еще кофе, и Прендергаст начал громко прихлебывать из чашки.

«Обезьяна! — подумал Каллистер, а потом: — Ну конечно».

Все дело было в манипуляциях с хромосомами, в шишковидной железе или в нервной системе, причем зачастую работа шла наугад. Главное, что методика, готовая к использованию, уже существовала. Все началось с одноклеточного морского существа, которое обзавелось участками, чувствительными к свету — в сущности раковыми опухолями, как предполагал Каллистер.

Свет раздражал эту амебу, и она, в виде самообороны, развила у себя глаза, чем и началось вырождение, давшее существу зрение. И так далее. Окончательный результат в виде рода человеческого слагался из ряда черт, добавлявшихся постепенно по мере течения времени. Именно этот процесс он и пускал вспять.

Древние сумчатые имели сумку, но не обладали хвостом. Когда они стали жить на деревьях, хвост у них вырос. Потом начал развиваться мозг, а хвост отпал.

Возьмем постоянную матрицу, биологическую форму, в которой отливаются все существа. Подадим на нее не положительный, а отрицательный потенциал, значительно увеличим его, и хвост вырастет вновь.

У кита и морской коровы выросли ноги, утраченные в далеком прошлом. Пингвин обзавелся крыльями, копыта пони стали трехпалыми — echippus. Ленивец, пожирая все

подряд, вырос и ходил на четырех лапах, вместо того чтобы висеть на ветке. Некоторые птицы покрывались чешуей.

«Да, — думал Каллистер, — некоторые из древних черт могли бы оказаться ценнейшей, наиболее практичной частью человеческих организмов. Процесс еще не разработан до конца, придет время и для тонких экспериментов: скрещивания видов, развития силы, интеллекта, а также специальных способностей. Живые роботы, приспособленные для любой цели».

Прендергаст был уже готов. Кофе с наркотиком подействовал, и компаньон спал как убитый. Каллистер вызвал филиппинца. С помощью этого невысокого молчаливого человека он перенес Прендергаста в небольшое помещение, похожее на тюремную камеру и прилегающее к лаборатории. В нем не было никакой мебели, а только сенник и санитарные приспособления. В двери было наблюдательное окошечко из небьющегося стекла с маленькой дыркой в нем.

Помещение имело кондиционер и холодильник, а потолок сделали из пластика, проницаемого для лучей, используемых в процессе.

Каллистер раздел Прендергаста догола и внимательно осмотрел. Компаньон изрядно заволосател. Несколько ночей его подвергали процедуре, и уже появились первые результаты. Каллистер сделал рентгеновские снимки, взял кровь и образцы кожи, после чего изучил пробы.

Кожа стала тверже, а в крови увеличилось содержание эритроцитов. Разумеется, повысилась температура тела. Рентгеновские лучи скорее намекали на перемены, чем показывали их. Кость нелегко плавится в эволюционном тигле.

Поскольку Прендергаста уже неделю подвергали воздействию, можно было без опасений увеличить напряжение. Теперь изменения пойдут быстрее. Этот человек дегенерирует, пойдет против естественного течения эволюции, превратившись в конце концов в капельку студня. Какой мог бы быть corpus delicti*, какое «вещественное доказательство номер один»!

Будь Прендергаст хоть чуть цивилизованнее, в этом не возникло бы необходимости. Однако тут сыграла свою роль и личная антипатия. Каллистер просто не мог доверяться такому компаньону. В его глазах Прендергаст стоял на лестнице развития лишь на одну ступеньку выше дегенерата-отшельника, который жил на другой стороне долины.

---

* Corpus delicti (*лат.*) — состав преступления.

Каллистер был человеком *цивилизованным* и оценивал свой уровень выше среднего. К большей части человечества он относился с добродушным пренебрежением, но старался держаться от них подальше.

Съев ленч, он закурил, прогулялся по долине и прослушал несколько опусов Моцарта. Потом заглянул через глазок к Прендергасту. Компаньон все еще был без сознания, но перемены не вызывали сомнений.

Каллистер тронул свою гладко выбритую щеку и отправился в лабораторию. Спустя несколько часов туда явился Томми.

— Ну?

— Он проснулся, — сообщил филиппинец.

— Хорошо. Я иду.

Прендергаст действительно пришел в себя. Он стоял у двери, прижавшись лицом к стеклу. Он сразу понял, в чем дело.

— Сколько ты хочешь, Каллистер? — Голос его был отчетливо слышен через дырку в стекле.

— За то, чтобы тебя выпустить? Мне очень жаль, но риск слишком велик. А главное, я хочу проследить процесс до конца.

Прендергаст нервно облизнулся.

— Я отдам тебе все.

— Вот тебе еда. Теперь тебе ее понадобится много. А вот зеркальце для развлечения.

— Каллистер!

— Слишком поздно. Я не могу тебя выпустить. Дал бы тебе несколько книг, чтобы ты мог убить время, но вряд ли ты будешь этим заниматься. Впрочем, если хочешь, я могу давать тебе снотворное, по нескольку таблеток сразу.

Тишина, потом:

— Хорошо.

— Но я должен видеть, как ты их принимаешь. Чего доброго, ты накопишь их побольше, а потом сразу примешь смертельную дозу.

— Ах ты, мерзавец! — выкрикнул Прендергаст слишком высоким голосом, чтобы его можно было счесть яростным.

— Хочешь снотворное?

— Нет. Каллистер, а нельзя ли нам как-нибудь...

— Нельзя, — отрезал Каллистер и вышел, оставив Прендергаста с его обедом.

После этого визита атмосфера сгустилась, поскольку

Каллистер не был ни садистом, ни бесчувственной машиной. Он просто захлопнул свой мозг перед неприятными эффектами эксперимента. Процесс продолжался, набирал темп. Прендергасту возвращались утраченные черты.

К концу дня он был уже сгорбленным, неуклюжим и не мог прижать большой палец к ладони. Большие пальцы ног стали подвижными, кожа порозовела, и, несмотря на охлаждение, резко вырос аппетит. Он литрами пил воду и бульон, пригоршнями глотал капсулы с витаминами. На закате солнца его уже невозможно было узнать. Что-то вроде кроманьонца. Потом неандерталец. Питекантроп...

Две ночи спустя Прендергаст бежал через отверстие в стене, где крепился поворотный столик. Сила его была удивительна: он согнул металл голыми руками. Вернувшись с прогулки, Каллистер побелел как бумага, наткнувшись в холле на тело филиппинца. Ворвавшись в лабораторию, он схватил пистолет и начал следствие.

Томми был жив, только оглушен. Следы плоских ступней перед домом указали направление, в котором удрал Сэм. Каллистер зарядил еще один пистолет усыпляющими зарядами и отправился на охоту. Если человеко-зверь сохранил способность общаться с людьми, все пропало.

Впрочем, говорить Прендергаст уже не умел, а руки его стали слишком неуклюжими, чтобы он мог держать в них перо или карандаш. И все-таки...

Каллистер дошел по следам беглеца до проселочной дороги, а по ней до асфальтированного шоссе, которое змеилось между горами. Навстречу ему попалась перепуганная девушка, которая при виде мужчины упала в обморок.

Пришлось оказать ей первую помощь. Он уже видел пару раз эту девушку — она жила в нескольких километрах отсюда — и догадался, что произошло. Придя в себя, она рассказала все.

— Страшная горилла... — начала она.

— Не бойтесь, вам ничто не грозит. — Каллистер показал ей пистолет, и девушка успокоилась.

— Я ехала по дороге на велосипеде, а она выскочила на меня из кустов. Я... налетела прямо на нее. Она подняла меня вверх и принялась скалить зубы и рычать.

Каллистер широко открыл глаза.

— И что? — спросил он.

— Я думала... я даже не помню, о чем я думала. Потом мне удалось вырваться, и я убежала. Она немного гналась за мной, потом вернулась к велосипеду и села на

него. Я прыгнула в кусты, а это существо проехало мимо меня, направляясь вниз по склону. Потом я побежала в обратную сторону.

— Понятно. Она неопасна. Это дрессированная горилла, я купил ее недавно... Зайдете ко мне, а потом я отвезу вас домой.

Девушка облегченно вздохнула. Каллистер задумчиво пожевал губу — Прендергаст направлялся к ближайшему городку, Алтадене, расположенному у подножия холмов. Если бы только удалось настичь беглеца...

Он взял машину, отвез девушку домой и помчался по дороге, словно восьмое воплощение Вишну. Сосны бросали на дорогу причудливые тени, лучи фар прочесывали округу. Прендергаста нигде не было.

Кружной дорогой через горы до городка было пятнадцать километров, но человеко-зверь двигался напрямик, таща велосипед на спине. По следам было ясно, что он спускался по склонам и сбегал по лесным просекам. Ловкость и сила уравнивали его шансы с автомобилем, которому мешали частые повороты.

Каллистер вспомнил вдруг об отпечатках пальцев. Интересно, сохранились они еще у Прендергаста?

На дороге впереди он увидел останки велосипеда — он не выдержал грубого обращения. Однако внизу уже сияли огни Алтадены, а еще ближе светились окна зданий, стоящих на отшибе. До мотеля оставался еще километр. Услышав отчетливый треск из зарослей, Каллистер нажал на тормоз.

Нет, это просто испуганный олень. Он вновь прибавил газу. В мотель?

Прендергаст явно был в мотеле, откуда доносились истерические крики. Каллистер переступил порог, и его глазам предстал настоящий судный день. В приглушенном свете мужчины и женщины разбегались в разные стороны наподобие расширяющейся Вселенной, лишь бы оказаться подальше от существа, занимающего центр танцплощадки. Руководитель оркестра храбро стоял на своем месте, закрываясь саксофоном, за его спиной пряталась полураздетая женщина.

Прендергаст постоял немного — нечеловеческий и гротескный, — поглядывая по сторонам. Люди замерли и ждали, возможно, они предполагали, что это какой-то номер программы.

Каллистер на секунду усомнился, что сможет справиться с этой скотиной. В сравнении с его громадной массой пистолеты казались совершенно беспомощные.

Прендергаст заметил его, и тонкие губы исказились в гримасе. Существо наклонилось вперед, чтобы лучше видеть в полумраке; в глазах его отражались огни.

Впрочем, узнавания в них не было. Взгляд Прендергаста блуждал по залу, пока не остановился на ближайшей тарелке с бутербродами. Подойдя к ней, он присел и принялся есть.

Каллистер отметил, что процесс повлиял не только на тело, но и на мозг. На окраину Алтадены Прендергаста привел какой-то слепой инстинкт. Он уже не был разумен.

Каллистер глубоко вздохнул, поднял пистолет со снотворными ампулами и всадил Прендергасту в бок весь магазин. Эффект был почти мгновенным.

По волосатой коже, покрывающей массивное тело Прендергаста, пробежала дрожь. Он оглянулся, не прекращая набивать рот бутербродами, потом опустился на пол, безвредный, но по-прежнему страшный.

«Да уж, страшнее некуда», — подумал Каллистер, присматривая за погрузкой потерявшего сознание существа на заднее сиденье машины. Нужно было придумать какое-то правдоподобное объяснение.

Впрочем, звонок мэру Алтадены все уладил.

Безвредная, ручная горилла удрала из его частного зверинца высоко в горах. Да, совершенно безвредная. Нет, ни о какой опасности и речи быть не может. Дело завершили несколько банкнот, украдкой сунутых руководителю оркестра и конферансье.

Обратно Каллистера проводил офицер полиции, и Каллистер не имел ничего против этого. Он не боялся Прендергаста, но само присутствие этого... этого создания действовало ему на нервы.

Не обошлось, конечно, без расспросов, так что только в полночь Каллистер, усталый, но успокоившийся, оказался в постели. Томми, пришедший в себя сразу после отъезда Каллистера, заделал пролом крепкими железными прутьями. Полицейский уехал. Вид лаборатории так впечатлил его, что он не заметил ничего подозрительного.

Прендергаст вновь оказался под воздействием лучей. С этого момента ретрогрессия должна была пойти стремительно, невероятными темпами. Пугающая сила питекантропа сойдет на нет. Следующий шаг вспять вел не к силе, а к ловкости.

У Прендергаста отрастал хвост.

Прошло несколько дней, и бывший компаньон превратился в сумчатое. Теперь он был значительно меньше и со своими большими глазами и огромными ушами больше походил на лемура.

Каллистер ждал. Он уже не боялся следствия. Контора Прендергаста работала исправно, и всего один раз позвонил управляющий. Впрочем, никаких осложнений не возникло.

Прендергаст менялся на глазах. Чрезвычайное ускорение процесса привело к тому, что метаморфоза напоминала фильм, пущенный в обратную сторону. Прендергаст непрерывно ел, чтобы успеть за ускоренным обменом веществ, и пришлось использовать пищевые концентраты.

Потом Прендергаст лишился волос, около часа оставался таким, а затем покрылся чешуей.

Он ракетой мчался против хода эволюции, уже давно добравшись до главного ствола, поэтому такие излишние придатки, как крылья, не появлялись.

Вскоре после этого Каллистер поместил его в аквариум. Прендергаст вяло плескался в нем, брызгая на Каллистера водой.

Было уже около восьми вечера, и Каллистер чувствовал себя усталым. Через час, а может, и раньше, Прендергаст уменьшится до первичного одноклеточного организма. Вероятно, это протянется не больше часа, ибо процесс непрерывно ускорялся. Преодоление целых эпох стало делом нескольких минут.

Не имело смысла ждать дольше. Работа практически завершилась. Каллистер взглянул на аквариум и чуть улыбнулся. Он знал, что утром исчезнет даже то, что еще оставалось от Прендергаста.

В дверях Каллистер остановился, не совсем понимая, почему. Его коснулось некое неуловимое предчувствие. Впрочем, он тут же отогнал его, пожал плечами и вышел, чтобы выпить вечернюю рюмку бренди с содовой. Он поднял тост за Прендергаста, точнее, за упокой его души.

— Все вполне логично, — бормотал он. — Высший организм должен побеждать всегда. И это хорошо...

Раздавив в пепельнице окурок, Каллистер пошел спать, и сны ему снились приятные. Они были бы куда менее приятны, если бы он знал, что происходит в камере Прендергаста.

Какое-то время там ничего не менялось. В камере царила полная тишина, невидимые лучи падали сквозь пластиковый потолок, омывая и проницая создание, некогда бывшее Сэмом Прендергастом. Оно неподвижно лежало на дне аквариума, почти бесформенное, с едва заметными зачатками плавников и хвоста, жабры судорожно подрагивали в такт дыханию.

Потом оно начало изменяться.

Плавники уменьшились и исчезли совсем — теперь существо стало совершенно бесформенным. Оно ничего не видело, потому что не имело глаз, и не дышало, потому что не нуждалось в этом. Вырождаясь все больше, оно становилось меньше и меньше, но его активность внезапно выросла. Амеба искала пищу.

Этот этап продолжался недолго. Когда организм стал невидим невооруженным глазом, он перестал питаться. Теперь это был фильтрующийся вирус, первичный протозародыш жизни.

Это было дно эволюционной бездны. Сэм Прендергаст вернулся в пропасть, из которой так долго и с таким трудом поднималась человеческая раса. Он вновь оказался в туманном, неземном начале.

Камера казалась пустой. Среди голых стен, в тишине и стерильности не было ни звука, ни движения, лишь поток невидимых лучей пронизывал ее.

И вдруг что-то случилось.

Внешне было не так уж эффектно, но имело огромное значение. Это явление могло показаться совершенно нелогичным. Прендергаст *возвращался*. А возвращался он потому, что лучи, вызвавшие эволюционный регресс, продолжали поставлять энергию в его тюрьму.

Короче говоря, произошло следующее: в аквариуме снова появилась амеба.

Несколько минут она оставалась бесформенной, потом на ее поверхности появились светлые пятнышки, и под сильным микроскопом можно бы было разглядеть маленький кишечник. Выдвинулись псевдоподии и больше не пропадали.

Вскоре существо уже обладало плавниками, хвостом и жабрами, оно росло и развивалось на глазах. Оно возвращалось!

Через час это уже была кистеперая рыба. Еще через час — маленькая чешуйчатая ящерица. В эволюционном тигле тело ее изменялось и превращалось почти на глазах. Чешуйки уступили место волосам.

И вот это уже сумчатое.

Ночь тащилась минута за минутой, ночь истинных чудес, когда существо, бывшее некогда Сэмом Прендергастом, вторично поднималось по лестнице времени.

Теперь оно походило на лемура.

Эта фаза продолжалась совсем недолго. На несколько минут оно стало питекантропом, потом его место занял Homo erectus. Похожее на обезьяну существо сидело посреди камеры на корточках, а его тело менялось, словно под руками скульптора. Неандерталец... кроманьонец... гомо сапиенс...

Поток лучей все лился. Постепенно, почти незаметно, начались дальнейшие превращения. Создание, сделавшись человеком, не остановилось на этом, оно изменялось дальше.

Перемены в психике были более существенны, чем во внешнем виде, хотя и эти имели довольно причудливый характер. Тело вытягивалось миллиметр за миллиметром, пока не достигло двухметровой длины. Коленные и локтевые суставы развились так, что больше походили на шарниры.

Посреди лба, чуть выше бровей, появился третий глаз, нос с вертикальным разрезом; он представлял собой разновидность шишковидной железы, ее развитую версию.

Появились и другие необычные черты. Прежде всего человек этот был телепатом, а его мозг представлял собой самую совершенную мыслящую машину из всех, что существовали на Земле за бесчисленные миллионы лет.

Супермен встал, его мозг заработал.

Он подошел к двери, и пока он приближался к преграде, тело перестроило свою атомную структуру. Он практически не заметил этой физической регулировки, его электронная матрица — материя, образующая тело, — просто и естественно изменилась.

Супермен прошел *сквозь* дверь, не открывая ее. Коридор, в котором он оказался, заливал серебристый лунный свет.

В его мозгу возникали новые схемы мышления, он постепенно начинал понимать. Однако это было нелегко: он не имел никаких воспоминаний и располагал только интеллектом.

Но интеллектом супермена.

Чисто случайно он нашел путь в лабораторию и долго стоял, глядя в темноту, которая не могла ничего скрыть от его взгляда. Потом решительно двинулся вперед.

На рассвете Каллистер проснулся, но не до конца. Им овладело странное чувство, будто нечто проникает в его разум, зондирует, ищет, а потом лишает его воли каким-то фантастическим психическим снотворным.

Целую вечность лежал он в туманном сумраке между сном и явью, почти понимая, что его мозг обыскивают, а его самого держат в гипнотическом трансе.

Ощущение это прошло внезапно, и Каллистер в одно мгновение пришел в себя. Открыв глаза, он сел на кровати, щурясь от лучей полуденного солнца, что вливались через окно. Странно! Уже много лет ему не случалось просыпаться так поздно, да и кошмары никогда его не мучили.

Злясь на самого себя, он позвонил, вызывая Томми. Никакого ответа. Найдя халат и тапочки, Каллистер ополоснул лицо холодной водой и отправился на поиски филиппинца. Услышав шум, доносившийся из лаборатории, он остановился. Черт возьми! Неужели Томми забрался на запретную для него территорию?

Гневным рывком Каллистер открыл дверь настежь и ворвался внутрь. Он успел сделать два шага, прежде чем до него дошел смысл того, что увидели его глаза. Он остановился как вкопанный, сердце его стиснула холодная рука. Лаборатория изменилась!

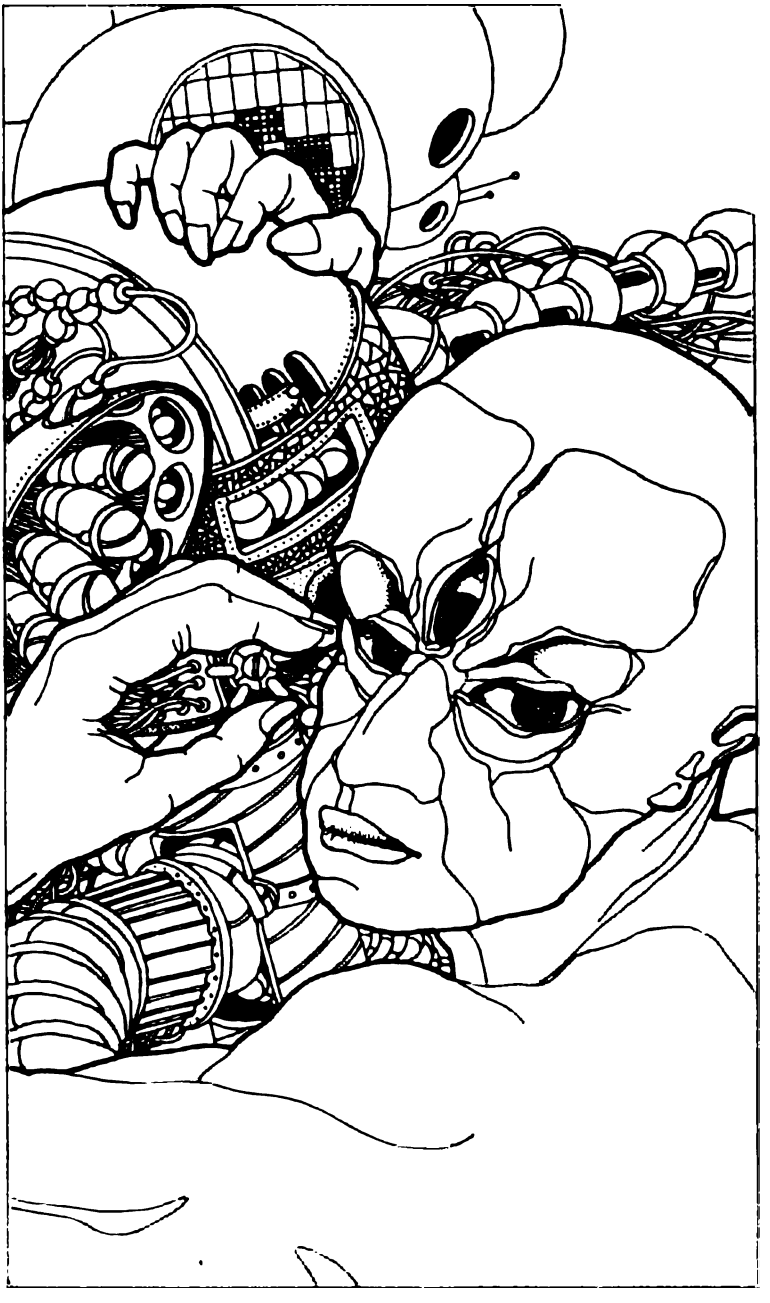
Во-первых, там стоял новый аппарат — странное устройство, совершенно неизвестное Каллистеру. Этот сверкавший в углу ящик... вероятно, какой-то тигель. Возле него высилась груда сваленных как попало лабораторных приборов — микроскопов, осциллографов и тому подобного. Полусмонтированная машина, занимающая центр помещения, была полной загадкой, в ней парадоксально сочетались простота и немыслимая сложность.

Но к месту Каллистера приковало зрелище обнаженного трехглазого мужчины, который ковырялся в машине.

Почувствовав опасность, Каллистер прыгнул в сторону и рванул ящик стола. Рука его сомкнулась на рифленой рукояти автоматического пистолета. Прикосновение холодного металла сразу успокоило его. Повернувшись на пятке, Каллистер едва не вскрикнул от удивления: трехглазый мужчина даже не обернулся, чтобы взглянуть на него.

— Кто вы такой, черт побери? — рявкнул Каллистер, поднимая пистолет. — Вы понимаете по-английски?

Гигант стоял спиной к Каллистеру, и он вдруг вспомнил о необъяснимом сне сегодняшнего утра. Первое впечатление походило на молнию, сверкнувшую во тьме, но

потом мозг Каллистера успокоился под влиянием чего-то, что ассоциировалось у него с ладонью.

— Положи оружие, — пришел приказ.

Сопротивляясь изо всех сил, Каллистер смотрел, как его руки кладут автоматический пистолет обратно в ящик стола. Разоруженный, он смотрел на гиганта — тот не прекращал своего таинственного занятия, словно Каллистер вообще не существовал. Однако это существо все время осознавало его присутствие, потому что в мозг Каллистера непрерывно поступали чужие мысли. Каким-то необъяснимым способом мысли эти преосуществлялись в слова.

— Сегодня утром я изучил твою память и должен поблагодарить тебя за помощь. Когда мое сознание проснулось, у меня не было никаких воспоминаний, я был машиной, которая еще никогда не действовала, и мне пришлось разгадывать загадку своего происхождения.

Каллистер затаил дыхание. Кем было это... существо? Где... Прежде чем он успел мысленно сформулировать вопрос, сверкнул ослепительный ответ. Гигант проснулся к разумной жизни в камере Прендергаста.

— Я нашел этот ответ, Каллистер. — Гигант не отрывался от работы, уделяя телепатическому разговору лишь часть своего внимания. — К счастью, мой мозг достаточно развит. Пришлось прибегнуть к логике. Я находился далеко отсюда, лишенный тела в пространстве-времени. Здесь и кроется ответ.

Медленно, постепенно Каллистер начинал понимать невероятную правду.

Началось все в далеком прошлом. Задолго до возникновения жизни на Земле космический корабль покинул другую галактику. Экипаж составляли трехглазые люди. Космический полет продолжался долго — не сотни и не тысячи лет, а гораздо дольше. Затем корабль влетел в сферу космоса, где эволюционный процесс шел в обратном направлении. Каллистер открыл ту же закономерность, изолировавшись от этой сферы.

Трехглазые люди подверглись вырождению, причем процесс шел слишком быстро, чтобы они успели спастись. Чудесные приборы стали бесполезными в руках, потерявших навыки работы с ними.

Подобно Прендергасту, трехглазые падали с лестницы эволюции, пока не достигли стадии амебы. Потом корабль, управляемый автоматами, достиг Земли, опустился на нее и открыл свои шлюзы. Внутри него находились од-

ноклеточные организмы, некогда бывшие представителями высокоразвитой расы.

Условия на Земле оказались вполне подходящими, однако жизни там не было. Поверхность молодой планеты омывали горячие моря.

Внутри корабля находились простейшие, зародыши жизни, и вскоре они выбрались наружу.

На Земле эволюция началась вновь. Под воздействием окружающей среды одни зародыши стали предками растений, другие — микробами, просуществовавшими все последующее время в неизменном виде. Третьи росли в доисторических водах и покрывались пятнами раздражений, которые постепенно превращались в глаза.

Со временем они развились до уровня позвоночных, и последним звеном в этой цепи стал человек. Медленно, с трудом поднимались они по пути эволюции, и через несколько сотен тысяч лет, если считать с сегодняшнего дня, вновь обрели бы свой прежний вид.

Однако Прендергаст подвергся процессу, отбросившему его до состояния амебы и споры, а затем поднялся, так сказать, по противоположному склону долины. Ускорение процесса привело к тому, что это все произошло в течение одной ночи. Прендергаст стал представителем исходной трехглазой расы, существовавшей на их собственной планете. Разумеется, имелись некоторые различия, вызванные спецификой окружающей среды и... — Продолжения лекции Каллистер просто не понял.

Проще говоря, Прендергаст упал с лестницы эволюции в первичную яму, и Каллистер не знал, что по другую сторону этой ямы находится еще одна лестница.

— Когда ты будешь готов подвергнуться преображению по моему образу и подобию, вернуть себе утраченное наследие, приходи ко мне, будем работать вместе.

— У тебя ничего не выйдет! Полиция будет... — лихорадочно начал Каллистер.

— Придется принять меры предосторожности. Мы развернем над этим районом силовое поле. Вмешательство извне только помешает нам.

Смотреть на эту голую спину было выше сил Каллистера, он чувствовал, что желудок его падает в бездонную пропасть. Хуже всего было сознание собственного бессилия. Гигант слишком отличался от человека!

— Ты никак не можешь свыкнуться с моим видом. Через некоторое время ты уподобишься мне и будешь этому безмерно рад.

Даже мысли Каллистера не представляли для него тайны! Охваченный внезапным ужасом, Каллистер выскочил в коридор и бросился бежать, подгоняемый бичом страха. Но трехглазый мужчина не пустился за ним в погоню.

Мысли Каллистера стянулись в какой-то дикий узел. Добравшись до машины, он вывел ее из гаража и выехал на подъездную дорогу. Краем глаза он заметил Томми и нажал на тормоз.

— Садись! Едем в полицию...

— Они ничего не смогут сделать, — телепатически ответил ему Томми. — Я тоже прохожу процесс. Вы сделаете то же самое, когда будете готовы.

— *Боже*!

Томми усмехнулся.

— Есть возможность преодолеть эволюционную пропасть без возвращения к стадии простейших. Этакая дорога напрямик через пространство-время...

Каллистер нажал на газ и помчался вниз по склону.

Трасса его бегства с гор проходила мимо здания, которое он узнал, — мимо дома девушки, у которой несколько дней назад Прендергаст забрал велосипед. На подъездной дороге стоял автомобиль лесной охраны с нарисованной на дверце сосной. После недолгого колебания Каллистер повернул и направился к дому.

Он застал там лесника, девушку и всю ее семью. Их реакцию можно было предсказать заранее: они решили, что он пьян.

— Черт побери, я требую, чтобы вы начали следствие! Если же нет, то...

— Минутку, мистер Каллистер... Давайте по порядку.

— Поезжайте со мной ко мне и... и...

Так и не договорившись с ними, Каллистер выбежал из дома и забрался в машину, чтобы продолжать свой головоломный спуск. Он проехал еще с километр, а потом двигатель заглох. Силовой барьер уже работал.

Позднее он убедился, что барьер был чем-то вроде перевернутой вверх дном прозрачной чаши, накрывающей окрестности, с его собственным домом в фокусе. Основной проблемой оставалось бегство. Каллистер испытал все немногочисленные дороги и большинство троп, пока не убедился окончательно, что выхода нет.

Солнце уже садилось, когда он вернулся к своему дому и остановился на безопасном расстоянии, заметив, что перед домом стоит машина лесника.

Вокруг дома крутились шестеро человек, занятые не-

понятными делами. Там был Томми, трехглазый гигант и лесник. В остальных он узнал девушку и ее родителей.

Даже с такого расстояния Каллистер видел, что Томми уже начал изменяться.

До его мозга дошел телепатический вопрос:

— Ты уже готов присоединиться к нам? Мы с радостью примем тебя...

Каллистер, белый как полотно, выругался, развернул машину и удрал.

Потом его охватило что-то вроде безумия. Он никак не мог уйти из-под купола силового поля, не мог найти или вызвать помощь, потому что сам же поставил свой дом в самой глуши Анджелес-Форест, к тому же сейчас был мертвый сезон.

Прошла неделя, потом вторая. Каллистер потерял счет времени. Он был страшно одинок и радовался, что у него есть хотя бы крыша над головой — покинутый домик девушки и ее родителей. Людей, что жили теперь в его собственном доме, уже невозможно было узнать. Все они стали трехглазыми гигантами, обретя утраченное наследие человечества.

Однажды вечером, сидя на корточках перед горящим камином, Каллистер поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть материализующуюся перед ним фигуру. Он инстинктивно вскочил, но трехглазый мужчина — теперь уже полностью из плоти и крови — успокаивающе улыбнулся.

— Я ничего тебе не сделаю, Каллистер. Мы вынуждены просить тебя покинуть этот дом. Его нужно уничтожить. Мы перемоделируем пейзаж, и это здание не подходит к нему.

Каллистер облизал губы.

— Ты... Прендергаст?

Несмотря на все усилия, он не смог сдержать восхищения этим сверхсуществом — совершенной формой, в которой неумело отлили род людской.

— Прендергаст? — дошла до него мысль. — А, понимаю... Нет, я был отшельником и жил в пещере напротив твоего дома. Сейчас я, разумеется, изменился. Мне безотлагательно нужно сравнять это здание с землей. Ты покинешь его?

Каллистер не мог извлечь из себя ни звука.

Конечно, ему пришлось покинуть дом, и потом он не имел уже ни крыши над головой, ни пищи. Он пытался охотиться, одежда его была вся в лохмотьях, через неделю он зарос грязью и заволосател. Но хуже всего было созна-

ние, что в конце концов ему придется присоединиться к этим трехглазым гигантам.

И только сделав это, он обретет спокойствие духа.

Каллистера удерживал только эготизм. Он тянул время. Всю жизнь он ставил себя на ступень выше обычных людей, считал себя человеком полностью цивилизованным. Ничего не опасающийся, уверенный в своем положении, он посматривал вниз снисходительно и чуточку самовлюбленно. Он был пес plus ultra*...

Присоединяясь к трехглазым, он продвинулся бы вперед, стал бы куда более цивилизованным. И вместе с тем признал бы, что вся его прежняя жизнь протекла в варварстве. В одно мгновение он презрел бы все культурные завоевания своего вида.

Именно эготизм, бунт против уничтожения своего фетиша удерживал его какое-то время, даже несмотря на обещанную награду. И не страх держал его: ведь бояться было нечего, его приняли бы с распростертыми объятиями...

И все же...

Он был голоден, от оленя, убитого на прошлой неделе, осталось совсем немного. Сидя на корточках у входа в пещеру отшельника, он потянулся за жирным мослом, на котором еще оставалось несколько клочьев мяса. Солнце жгло его кожу, проглядывавшую сквозь лохмотья.

Там, по другую сторону долины, стоял переделанный дом, странный и одновременно чарующий своей чуждостью. И вдруг Каллистер вздрогнул: там блеснули стекла бинокля.

Кто-то следил за ним. Вполне возможно, трехглазый мужчина, который некогда был отшельником.

---

* Nec plus ultra (*лат.*) — самый лучший, непревзойденный.

СОДЕРЖАНИЕ

Ночная битва *Пер. И. Невструева* 5

Одержимость *Пер. В. Волкова* 69

Лунный Голливуд

Недреманое око *Пер. Н. Гузнинова* 235
Лунный Голливуд *Пер. Н. Гузнинова* 268
Залог *Пер. Д. Литинского* 302
Призрак *Пер. И. Невструева* 317
День, которого нет *Пер. Д. Литинского* 335
Лечение *Пер. Н. Гузнинова* 350
Тень на стене *Пер. Н. Гузнинова* 364
Наш демон-хранитель *Пер. Н. Гузнинова* 381
Мелкие детали *Пер. Н. Гузнинова* 408
Небо рушится *Пер. Н. Гузнинова* 424
Черный ангел *Пер. Н. Гузнинова* 453
«Хотя держит нос налево» *Пер. Н. Гузнинова* 468
Рассвет *Пер. Н. Гузнинова* 489

Литературно-художественное издание

Генри Каттнер

НОЧНАЯ БИТВА

Редактор С. Ульянов
Художник Ю. Лук
Технический редактор М. Александров
Корректор И. Смердов

Подписано к печати 15.10.93. Формат 84x108/32. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 26,88. Уч.-изд.л. 33,0. Тираж 100 000 экз. Заказ 4210
Цена договорная.

ТОО НПП "Параллель"
603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

АНТОЛОГИЯ "ДОИСТОРИЧЕСКОЙ" ПОВЕСТИ

"НА ЗАРЕ ВРЕМЕН"

впервые в столь полном объеме знакомит современного читателя с лучшими произведениями этого жанра, созданными в отечественнной и зарубежной литературе

в серии вышли и выходят следующие тома:

"КАМЕННЫЙ ВЕК", "ЗЕМЛЯ МАМОНТОВ", "ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР", "ЖЕРТВЫ ДРАКОНА", "ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ", "ГРЕМЯЩИЙ МОСТ", "СИЛА СИЛЬНЫХ"

ДВАДЦАТИТОМНАЯ СЕРИЯ

"МИР ФАНТАСТИКИ"

познакомит читателя с лучшими произведениями выдающихся зарубежных писателей-фантастов

в серии вышли и выходят:

Айзек Азимов ОСНОВАНИЕ, Уолтер Миллер ГИМН ЛЕЙБОВИЧУ, Пол Андерсон ВОССТАВШИЕ МИРЫ, Филип Жозе Фармер ОДИССЕЯ ГРИНА, Андре Нортон МАСТЕР ЗВЕРЕЙ, Ежи Жулавский ПОБЕДИТЕЛЬ, Филип Дик МАРИОНЕТКИ МИРОЗДАНИЯ, Генри Каттнер ЭТОТ МИР - МОЙ!, Генри Каттнер МАСКА ЦИРЦЕИ, Генри Каттнер НОЧНАЯ БИТВА, Джеймс Ганн МИР-КРЕПОСТЬ, Джеймс Боллард ЗАТОНУВШИЙ МИР

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ
книг серий

"НА ЗАРЕ ВРЕМЕН" и "МИР ФАНТАСТИКИ"
предлагаем обращаться по телефонам
Н. Новгород НПП "АКМИ"
(312) 62-10-49, 33-80-47

НИЖЕГОРОДСКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОМ
"БОРСКОЕ СТЕКЛО"

производит оптовые поставки изделий из стекла:

— стекло оконное и полированное (витринное)

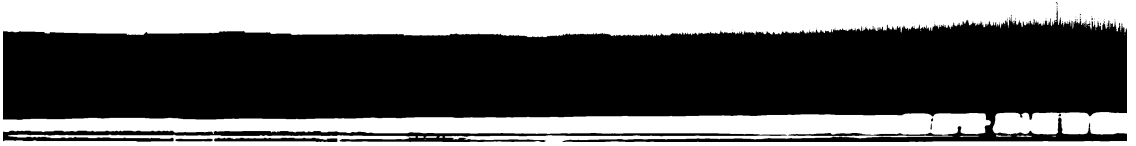
— стеклянная и хрустальная посуда

— автомобильные стекла на все марки отечественных автомобилей

— большой ассортимент зеркал

— стекло со специальным покрытием "черное зеркало" и изделия из него (плитка облицовочная, витрины, подвесные потолки)

Контакные телефоны в г. Н.Новгород: (8312) 67-06-29
62-10-49

TE
17
IAF